

900
T3(49kp)
3-12

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

^{ФР}
Бібл. № ТЗ(4Укр) 3-12 Імв. 2721566

Автор За сто років: матеріали

Назва з епохою і сел. життя

України XIX і початків ХХ ст.

Кн. 5:1 Записки ком. історик...
Місце, рік видання Х., К., 1930

Кля-ть стор. [2] 313 [5] с.

- " - окр. листів _____

- " - Ілюстрацій _____

- " - карт _____

- " - схем _____

Том _____ частина _____ вип. Кн. 5, 6.

Композит К кн. приписки:

Кн. 6:1 (Записки ком. історик...

Української Сесії - Українського

наук. Т-ва в Києві, т. 38). -

Примітка: [2] 330, [3] с.: іл., табл.

Л. Ю. О.

Велич!

ІСТОРИЧНА СЕКЦІЯ УКРАЇНСЬКОЇ АКАДЕМІЇ НАУК
MEMOIRES DE LA SECTION HISTORIQUE DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES D'UKRAINE
vol. XXXI: Un Siècle. Matériaux pour l'histoire sociale et littéraire en Ukraine
an XIX-e et au début de XX-e.

Sommaire voir p. 323

ЗА СТО ЛІТ

**МАТЕРІЯЛИ З ГРОМАДСЬКОГО І ЛІТЕРА-
ТУРНОГО ЖИТТЯ УКРАЇНИ ХІХ І ПО-
ЧАТКІВ ХХ СТОЛІТТЯ ЗА РЕДАКЦІЄЮ
АКАДЕМИКА МИХАИЛА ГРУШЕВСЬКОГО**

КНИГА П'ЯТА

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ

ПРИЙМАЄТЬСЯ ПЕРЕДПЛАТА НА РІК 1929 НА НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ
УКРАЇНОЗНАВСТВА:

„У К Р А Ї Н А“

з додатком

„НАУКОВОГО ЗБІРНИКА ЗА РІК 1929“

За цілий річник „України“ з додатком „Наукового Збірника“ за 1929 р. 8 карб., за півроку 4 карб. 25 коп.

За доплату 1 крб. за 1 кн. передплатники „України“ одержать дуже важне для українців і українознавців видання:

„Первісне громадянство та його пережитки на Україні“ за рік 1928.

За доплату 6 карб. передплатники „України“ за рік 1929 можуть одержати багато ілюстровані збірники, необхідні для краєзнавців:

„Київ та його околиця“ і „Чернігів і північне Лівобережжя“.

За доплату 6 карб. передплатники „України“ можуть одержати збірники: „ЗА СТО ЛІТ“ кн. I і II. Матеріали з громадського й літературного життя України XIX і початків XX століття (в окремій продажі коштують: I кн. 4 карб. 50 коп., II кн. 5 карб.).

Передплатники „України“ на 1929 рік можуть одержати комплекти „України“ з додатком „Наукового збірника“ за роки 1924 - 1928, по 3 карб. за комплект.

Всі матеріали, книги, обмінні видання для „України“ і збірників треба надсилати на адресу:

Історична Секція Української Академії Наук. Київ, вул. Короленка, 35.

Справи передплати до редакції „України“ ніяк не належать: в них треба звертатися до Київської Філії Державного Видавництва, Київ, вул. Карла Маркса, 2.

ПЕРЕДПЛАТНИКИ „УКРАЇНИ“ МОЖУТЬ НАБУВАТИ З ВЕЛИКОЮ ЗНИЖКОЮ
(ДО 50% ПРОТИ НОМІНАЛУ):

Записки Українського Наукового Товариства в Києві (Тепер Історичної Секції Всеукраїнської Академії Наук) під редакцією акад. М. С. Грушевського¹⁾.

- т. XIX. Науковий Збірник за рік 1924. 236 сс. Ціна 3 карб. 40 к.
- „ XX. Науковий Збірник за рік 1925. 191 сс. Ціна 3 карб. 30 к.
- „ XXI. Науковий Збірник за рік 1926. 192 сс. Ціна 3 карб.
- „ XXII. Київ та його околиця XII+475 сс. Ціна 6 карб.
- „ XXIII. Чернігів і Північне Лівобережжя. XII+531 сс. Ціна 7 карб. 50 к.
- „ XXIV. За Сто Літ. Матеріали з громадського й літературного життя України XIX і поч. XX ст. Кн. 1. VI+295 сс. Ціна 4 карб. 50 к.
- „ XXV. За Сто Літ. Кн. 2. 328 сс. Ціна 5 карб.
- „ XXVI. Науковий Збірник за рік 1927. 200 сс. Ціна 3 карб.
- „ XXVII. Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова, зібрані заходом акад. комісії укр. історіографії. XXV+316 сс. Ціна 5 карб.
- „ XXVIII. Науковий Збірник за рік 1928. 200 сс. Ціна 2 карб. 25 к.
- „ XXIX. За Сто Літ. Кн. 3. 328 сс. Ціна 4 карб. 25 коп.
- „ XXX. За Сто Літ. Кн. 4. 320 сс. Ціна 4 карб.
- „ XXXI. За Сто Літ. Кн. 5 (закінчена друком).
- „ XXXII. Науковий Збірник за рік 1929. 201 сс. Ціна 2 карб. 25 коп.
- „ XXXIII. Науковий Збірник за рік 1930 (готується до друку).
- „ XXXIV. Збірник Полудневої України (друкується).

¹⁾ Виказ т.т. I—XVIII, що вийшли до 1924 року, вміщено в Науковому Збірнику за рік 1924, вони розійшлися.

ІСТОРИЧНА СЕКЦІЯ ВСЕУКРАЇНСЬКОЇ АКАДЕМІЇ НАУК

MÉMOIRES DE LA SECTION HISTORIQUE DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES D'UKRAINE,
jadis Section Historique de la Société Scientifique Ukrainienne à Kiev, vol. XXXI,
sous la rédaction de M. Hrushevsky, Président de la Section.

Sommaire voir la dernière page.

ЗА СТО ЛІТ

МАТЕРІАЛИ З ГРОМАДСЬКОГО Й
ЛІТЕРАТУРНОГО ЖИТТЯ УКРАЇНИ
XIX І ПОЧАТКІВ XX СТОЛІТТЯ

ЗАХОДОМ КОМІСІЇ НОВІШОЇ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ
ПІД РЕДАКЦІЄЮ

акад. МИХАЙЛА ГРУШЕВСЬКОГО

КНИГА П'ЯТА

(Записок кол. Історичної Секції
Українського Наукового Товариства в Києві том XXXI).

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА
БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНИ

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ
ХАРКІВ — 1930 — КИЇВ

Бібліографічний опис цього видання
вміщено в „Літопису Українського
Друку“ „Картковому репертуарі“
та інших покажчиках Української
Книжкової Палати.

Дозволяється випустити в світ.

В. о. неодм. секретаря Академії Наук,
Акад. **О. Корчак-Чепурківський.**

Київський Окрліт № 232.
Держтрест „Київ - Друк“,
1-а фото - літо - друкарня.
Сівний майдан, 14.
Замовл. № 2811 20¹/₄ арк.
Тир. 3000—1929.

УКРАЇНСЬКА МОВА ПЕРЕД РОС. АКАДЕМІЄЮ НАУК У 1805 Р.

Ол. Павловський, відомий автор української граматики, яка перша вийшла в світ в межах колишньої російської імперії у ХІХ ст., передав у 1805 р. до Рос. Академії Наук свій рукопис під назвою: „Обозрѣніе малороссійскаго нарѣчія“.

В неопублікованому ще досі супровідному листі до нього¹⁾ висловлював він між іншим таку думку: „Обративъ мысль мою особенно на нарѣчіе обитателей полуденныя Россіи, я чувствую, что языкъ російскій тамъ измѣнился до такой степени, что составляетъ почти языкъ другого народа“.

У протоколі засідання Академії з 11-го березня 1805 р. у § 2 записано ухвалу з цього приводу, що її наводимо в цілому: „Членъ Академіи господинъ статскій совѣтникъ и кавалеръ Николай Яковлевичъ Озерцовскій сообщилъ собранію письменную книгу подъ названіемъ: Обозрѣніе малорусскаго нарѣчія или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій отдалившихъ сіе нарѣчіе отъ чистаго русскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями, при письмѣ отъ трудившагося надъ симъ сочиненіемъ господина Павловскаго къ господамъ членамъ Академіи, которое имъ однакоже не подписано. Книга сія принята отъ собранія съ удовольствіемъ и господинъ президентъ Академіи препоручилъ членамъ оныя Дмитрію Михайловичу Соколову, Ивану Афанасьевичу Дмитревскому, Петру Ивановичу Соколову и прочимъ господамъ членамъ, кому будетъ угодно, разсмотрѣвъ сіе сочиненіе доставить въ Академію свое о немъ сужденіе²⁾“.

Не зважаючи на те, що цей рукопис Павловського Академія „приняла съ удовольствіемъ“, надрукувала вона його лише через 13 років, а саме в 1818 р., замінивши слово „Обозрѣніе“ на „Грамматика малороссійскаго нарѣчія“.

Наприкінці того ж таки 1805 р. професор і ректор харківського університету, а пізніше й член Академії Наук І. С. Рижський (1761—1811), дякуючи Академії за надіслані примірники видань, звернувся до секретаря її з пропозицією надіслати для друку один з українських літописів, що „касаются прежнихъ дѣлъ сего края и писаны бывшимъ прежде въ употребленіи здѣсь языкомъ³⁾“.

Але погляд його на українську мову був антитезою до того, який висловив Павловський, що вважав її за „нарѣчіе російского“. Проф. Рижський виразно визначав у своєму листі, що „цвѣтущій въ Малороссіи, лѣтъ за 150 и болѣе языкъ... въ послѣдніе годы много измѣнился и большими шагами приближается къ великороссійскому“.

У протоколах засідань Академії немає ніякої згадки про цей лист, а

¹⁾ Архів ВАН., Зап., 1805, 4, л. 73.

²⁾ Ibid., л. 71. Надруковано в „Сѣв. Вѣст.“, 1805, ч. V, сс. 351—2. Згадує про неї також проф. Огієнко в своїй розвідці про укр. грам. термінологію в „Зап. Н. Т-ва ім. Ш-ка“, у Львові, т. 79, с. 83.

³⁾ Архів ВАН. Бум. и Дѣла, 1805, 9.

також і якої-будь відповіді на нього. Можна гадати, що секретар Академії не вважав за доцільне реалізувати проєкт проф. Рижського.

Із спогадів Костомарова в другій половині минулого століття („В. Евр.“, 1882, 2, с. 887) про маніпуляції, які проробив над працею К. П. Михальчука співредактор його Гільтебрандт в „Трудах“ етн.-стат. експедиції Чубинського, знаємо, що ще й тоді існувала та сама тенденція: „Лет около восьми тому назад, писал Костомаров,—представленное в Географ. Общество сочинение, отданное на просмотр господину, считающемуся ученым филологом, не было напечатано, несмотря на признанное за этим сочинением внутреннее достоинство. Это сделалось на том только основании, что автор отозвался о малороссийской речи, как: об одном из наречий Славянского края, а не как о случайной временной отмене русского языка, как решил мудрый филолог, который как нам достоверно известно, сам между близкими людьми сознавался, что поступил так потому только, что так следовало сообразно текущему времени, а главное потому, что так смотрят на этот вопрос сверху¹⁾“.

Певно та сама тенденція була причиною також і того, що не було надруковано українських літописів, як це пропонував проф. Рижський.

Наводимо далі повністю листи Павловського й Рижського.

І. Лист Павловського.

Получено марта 11-го 1805.

Высокопочтенные члены Академіи Россійскаго Языка! Милостивые Государи! Языкъ, звучащій въ Россійской Имперіи, по множеству областей оныя, много имѣетъ измѣненій, нарѣчій или діалектовъ. Училища вездѣ учрежденныя образуютъ одинъ связующій чистый языкъ: слѣдственно всѣ нарѣчія могутъ быть истреблены так, что со временемъ и слѣдовъ ихъ не останется.

Обративъ мысль мою особенно на нарѣчіе обитателей полуденныя Россіи, я чувствую, что языкъ россійскій тамъ измѣнился до такой степени, что составляетъ почти языкъ другого народа. Итакъ, чтобы сохранить бытіе сего измѣненія въ мірѣ я проявляю смѣлость представить Академіи Россійскаго Слова сочиненіе подъ названіемъ Обзоръніе малороссійскаго нарѣчія.

Примите, Милостивые Государи, сей трудъ мой съ благосклонностью каковая соотвѣтственная духу вниманія къ вещамъ и усердію къ соотечественникамъ, духу просвѣтителей въ исторіи чловѣческаго рода, духу утвержденному на истинѣ, что не должно презирать тѣхъ мелкихъ вещей, которыя въ связи міробытія имѣютъ какое-либо соотношеніе.

Милостивые Государи! Съ глубочайшимъ благовѣніемъ и покорностью счастье имѣю быть всенижайшій сочинитель.

ІІ. Лист проф. Рижського.

Милостивый Государь Петръ Ивановичъ!

Доставивъ Харьковскому Университету одинъ экземпляръ первой части сочиненій й переводовъ, издаваемыхъ Императорскою Россійскою Академією, и удержавъ для себя другой, имѣю пріятное отъ Университета порученіе извѣстить почтенное академическое сословіе объ исключительной членовъ сего Университета признательности; что исполняя симъ, долгомъ поставляю присовокупить и мою почтительную благодарность.

По пребыванію моему на предѣлахъ Малороссіи я имѣлъ случай видѣть и читать нѣсколько лѣтописей, которыя касаются прежнихъ дѣлъ

¹⁾ Ол. Тулуб, — Невідомий автобіографічний лист К. Михальчука, „Україна“, 1927, кн. 5, с. 65.

сего края, и писаны бывшимъ прежде въ употребленіи здѣсь языкомъ, въ послѣдніе годы много измѣнившимся, и большими шагами приближающимся къ великороссійскому. Заключая изъ сего, что будетъ время, (и можетъ быть скоро), что цвѣтущій въ Малороссіи лѣтъ за 150 и болѣе языкъ симъ образомъ придетъ въ совершенное забвеніе, судиль я, не полезно ли будетъ сберечь его, какъ измѣненіе русскаго слова, посредствомъ преданія тисненію какой-нибудь изъ упомянутыхъ мною лѣтописей. Покорнѣйше прошу Васъ, милостивый государь мой, сообщить сію мысль мою Академіи. Есть ли она удостоится ея одобренія, я стараюсь доставить Вамъ такой образецъ стариннаго малорусскаго языка, который бы, сколь я могу о томъ судить, отвѣтствовалъ упомянутому намѣренію.

Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть милостивый государь вашего высокопревосходительства — покорнѣйшій слуга Иванъ Рижскій.

Ноября 11 дня 1805 г. Харьковъ.

Его Высокопревосходительству Петру Ивановичу Соколову, господину секретарю и члену Россійской Академіи ¹⁾“.

Подав *Федір Савченко*.

¹⁾ Бум. и Дѣла, 1805, 9. Получено ноября 28-го 1805. Архив ВАН.

ДВОРЯНСЬКЕ ЗЕМСЬКЕ ОПОЛЧЕННЯ („КОЗАКИ“) 1812 Р. НА ПОЛТАВЩИНІ.

Про полтавське дворянське земське ополчення 1812 р. деякі відомості читач міг би знайти в працях місцевого історика Ів. Ф. Павловського¹⁾ та проф. М. Слабченка²⁾, але далеко неповні, а щодо проф. Слабченка, то й не зовсім правдиво висвітлені. Переглянувши архів полтавського губернського дворянського депутатського зібрання по фондах канцелярії предводителя дворянства та управління губернського начальника дворянського війська в тих часах, а також диканський архів Кочубеїв (усі в Полтавським Краєв. Істор. Архіві), ми знайшли чимало цікавих, досі ще не виявлених матеріалів, на підставі котрих і скомпоновано цю розвідку, що її ми подаємо до уваги читачів.

Справа почалася з маніфеста від 6/VII—1812 року про формування внутрішніх земських ополчень, „которые, нанося ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой (регулярного войска) и в защиту домов, жен и детей каждого и всех“³⁾. Хоча за дальшим роз'ясненням маніфест мав на увазі лише губерні, що були тереном військових дій або їм це загрожувало, тоді як Полтавщина лишалася з боку, однак місцеве дворянство вирішило для забезпечення від усяких можливих випадковостей скористати з цього маніфесту, зформувавши своє земське ополчення. А що на Правобережжі подібне ополчення вже формувалося в козацькі полки та й малоросійському генерал-губернаторові було наказано, замість рекрутського набору, покликати козацьке населення до вільної служби, то полтавське губ. дворянське депутат. зібрання, з позиції свого маршалка Д. П. Трошинського, висловилося за таке ж формування. „Наименование козаков (доповідає Трошинський цареві) присвоено им собранием потому, что вашему императ. величеству благоугодно было повелеть м.р. генерал-губернатору под сим древним и народу края сего приятным наименованием формировать земское войско. Неминуемым последствием сего было, что собрание дворянства при составе образования земского ополчения ввело прежние наименования чинов, свойственные козачеству, удостоверяющие крестьян, в войска поступающих, что они, равно как и чиновники их, несуществующие ныне в регулярной службе названия чинов получившие, предопределяются единственно к временному служению, для защиты отечества“. На закінчення Трошинський виявляв свою упевненість в тім, що цар звелить апробувати цей захід, „внушенный прямым усердием к службе вашей, для отвращения в простом народе недоумений, могущих в сие время хотя на один миг поколебать мысль его и доверенность“⁴⁾. Постанову полтавського дворянства про організацію земського козацького ополчення було затверджено на втіху дворян і козацьких громад; з цього при-

¹⁾ „Къ истории полтавскаго дворянства“, т. I, сс. 180—191.

²⁾ „Матеріали до економічно-соціальної історії України ХІХ ст.“, т. I, розд. 9.

³⁾ Канц. предвод. двор., вхід. 1812 р., зш. 2, VII (липень), ч. 31. (дальші цитати без вказання фонду стосуватимуться до цього джерела).

⁴⁾ Вихід. 1812 р., зш. 5, VIII, ч. 91.

воду ми маємо цілу низку вітальних адрес з місць до Трощинського в тому дусі, що, мовляв, „безпримерное от престола монарха слово („воины полтавского ополчения должны именоваться непременно козаками, по обычаю тамошнего народа“) возвещает нам наше блаженство“¹⁾.

Як розцінювати всі оці й подібні їм факти? Чи є вони доказом того українського патріотизму, що мариться проф. Слабченку²⁾ а за ним і Яворському³⁾, чи свідчать про щось інше?

Щоб відповісти на поставлене запитання, треба взяти на увагу передовсім, що ідея козацьких полків вийшла не від Українця, а від Француза, графа Санті, котрий на той час посідав місце київського цивільного губернатора й мала своєю метою не підсилення українського сепаратизму, „а лишь бы только скорее при нынешних обстоятельствах... воспользоваться их чувствами и службою, которая теперь для отечества столь необходима“⁴⁾. Необхідність же цієї служби полягала, звичайно, не в тому, щоб допомагати російській буржуазії повалити Наполеона, бо для цього ополчення було мізерною силою; Трощинський протестував навіть і проти того, щоб регулярні українські козацькі полки виводити за межі „Малоросії“ (до Тули та Калуги), щоб не було ремства, „когда увидят они себя принужденными удалиться от защиты собственных своих семейств и родины от нашествия врага, в опасности остающихся“, а власне для захисту місцевого дворянства⁵⁾. „Вам известна — писав той же Трощинський до м.р. генерал-губернатора кн. Лобанова-Ростовського, почувши, що той має нахил розпустити дворянське ополчення, — мера опасности, ежели, паче чаяния, нужда* заставит отражать силу силою, а главнокомандующий армиями не найдется в состоянии отпустить части войск своих, то не будет ли вам для сего необходимо земское ополчение, равно как и для прикрытия пространной, неприятелем угрожаемой границы Черниговской губернии? Сбор земского войска остановит весьма легко, но в случае нужды вновь учинить оный будет при скоропостижности почти невозможно“⁶⁾. Отже полтавське дворянство, виходить, хотіло оборонятися земським ополченням проти французьких загонів, що могли вдертися в межі „Малоросії“ для реквізиції різних припасів та мародерства. Але чи „почували себе безпечно“ українські пани перед соціальною загрозою з боку Наполеона, як твердить проф. Слабченко? Адже сам Слабченко цитує обіжника міністра внутрішніх справ, полтавського магната В. П. Кочубея, що Наполеон „всегда старался прежде всего ниспровергать всякое повиновение внутренней власти, возбуждать поселян против законных их владельцев, уничтожать всякое помещичье право, истреблять дворянство и таким образом утверждать свое жестокое самовластие“⁷⁾. Те ж стверджує й лист Трощинського до єпископа полтавського і переяславського Анастасія з проханням „о снабжении земского нашего войска духовными вождями по числу 15 поветов, составляющих оное“, а також про „назидание остающимся мирно в домах своих собратиям его для отвращения льстивых врага внушений и собственного буйства подстрекания, в таковые смутные времена легко осмеливающего чернь, а горшие внешней войны бедствия к себе влекущего“⁸⁾. Зрештою, коли наведених свідчень ще за мало (мовляв, обидва царські міністри), то ми наведемо в доповнення уривок з листа полтавського поміщика С. М. Кочубея від 6/XII—1812 р., де з при-

1) Вхід. 1813 р., зш. 2), II, ч.ч. 130, 146, 154, 170, 233; зш. 22, III, ч.ч. 246—257.

2) Цитована праця, сс. 77—81. 3) „Історія революц. руху на Україні“, т. I, с. 103.

4) Свідзівський, — До історії козаччини 1812 р., с. 10 („Науков. Збірн. Харків. Науково-Дослід. Катедри“, № 5). 5) Вихід. 1812 р., зш. 5, VIII, ч. 262. 6) Ibid., ч. 146. 7) Матеріяли, т. I, с. 75. 8) Вихід. 1812, зш. 5, VIII, ч. 196.

воду земського ополчення знаходимо оці рядки: „И как дворянских крестьян ополчение было тогда необходимо как для внутренней безопасности, так равно и для защиты границ от неприятельских набегов, разумея тут и Поляков, чему была действительно подвержена Черниговская губерния, и Полтавская угрожалась сильно со стороны Днепра, был оттоль успокоена со времени лишь успехов генерала Торماسова“¹⁾.

Отже виходить, що соціальна небезпека для „малоросійського“ дворянства була ледве чи не страшнішою, ніж яка-будь інша, а як їй протистояти? Досвід польських надвірних міліцій учив українське панство, що протиставляти кріпака кріпакові — річ небезпечна й Трощинському це було, запевне, відоміше ніж усім іншим; отже треба було кріпако-ополченця поставити в становище до певної міри упривилейоване, таке, дальше котрого не сягали й власні його бажання: це було козацтво. Оголосити кріпака козаком — це, як показував і досвід Хмельниччини, значило поставити міцну силу на охорону існуючого соціального ладу, хоч при цьому була небезпека втратити самого ополченця з його родиною. Дехто з дворян справді відчував цю небезпеку й ремствував на Трощинського за назву ополченців козаками. Так, напр. С. М. Кочубей сильно побоювався, „який з цього наслідок вийде, коли ті неuki („козаки“) повернуться в свої дома“; в нього від самого липня „всі жінки цих удаваних козаків, природньо, називали себе козачками й були вже так загомоніли, що ледве ласкою пощастило їх угамувати“²⁾. Та з двох лих, як то кажуть, треба вибирати менше, тим паче, що рекрутовані салдати по закону назавжди вибували з своїми родинами з кріпацтва, а про названих козаків ще можна було сперечатися й Трощинський у згаданім уже листі до царя так прямо й заявляє, що козацький устрій ополчення має визначати, „что они, равно как и чиновники их, несуществующие ныне в регулярной службе названия чинов получившие, предопределяются единственно к временному служению, для защиты отечества“³⁾.

Що саме козаки вважалися за найпевніших спасителів отого дворянського „отечества“, про це ми маємо вказівку в „Обозрѣніи Малороссіи въ лѣто 1812 года“ млр. генерал-губернатора кн. Лобанова-Ростовського. „При обстоятельствах (читаемо тут), в коих государство находилось, коликое число было здесь политических причин к сему новому образованию приступить, того упоминать было б пространно, а довольно будет сообразить только число мелкопоместных здесь владельцев и видов, в каком они с крестьянами своими друг к другу отношении, заключить, что не они бы огонь тушить помогли, а козаки, коим за достижение м уже цели своей нечем было бы сооблазниться“⁴⁾. Оскільки дворянські козаки ще не зовсім осягнули своєї мети, одержавши лише деякі аванси в рахунок її, то можна було непокоїтися, чи того авансу буде задосить, щоб тягти їх на поводу в дворянства. Відціль і змагання Трощинського з'єднати ополченців з родовими козаками, про що він прохав кн. Лобанова-Ростовського, з'ясовуючи, що „главнейшая выгода сего распоряжения будет состоять в том, что крестьянского состояния в сие ополчение поступившие люди ободрятся некоторым видом сравнения с родовитыми козаками и в случае буйственных первым от безрассудной строптивости внушений, будут они предостерегаемы последними, как людьми, собственностью и личными выгодами более привязанными к нынешнему положению края сего и менее подстрекаемыми алчностью перемены их состояния“⁵⁾.

¹⁾ Дик. арх. Кочубей, ч. 1049. ²⁾ Дик. арх. Кочубей, ч. 915. ³⁾ Вихід. 1812 р., зш. 5, VIII, ч. 91. ⁴⁾ „Кіев. Стар.“, 1906, X, с. 146 (ст. Павловського). ⁵⁾ Вихід. 1812 р., зш. 5, VIII, ч. 262.

Виходить, що, всупереч проф. Слабченкові, верхи українського суспільства, котрі розбиралися в справах, зовсім не були зацікавлені в перемозі Бонапарта¹⁾, а навпаки, як і дрібнота à la Гаєвський, „страшились чужого ига и опасались за свои имущества, свободу и жизнь“²⁾. І організацію земського ополчення на козацький кшталт оті самі верхи розцінювали зовсім не як національне досягнення, а як спосіб використати його в своїх суто класових інтересах. Якщо були люди й іншої думки на цю справу, то це якраз низи, котрі, не розбираючись у ситуації, гадали, що з визнанням від царя назви й козацького устрою ополчення настав час для їх національного (тоб-пак класового) „блаженства“.

Зараз по затвердженні належними інстанціями постанови (від 31/VII 1812 р.) губернського дворянського депутатського зібрання про організацію козацького ополчення внутрішньої служби („именоваться дворянским земским войском, а каждому воину козаком“) Трошинський розіслав обіжника до всіх повітових маршалків, щоб приступили до її здійснення. В разі якихось проволочок викликалися на допомогу губернське правління, городничі чи земська міліція. Як це завжди бувало в історії старої Росії, обидва апарати (державний і громадський) розкачувалися по волі, скриплячи мов немазані²⁾. Та, правду казавши, вони й не були пристосовані для такої нагальної роботи, бо нечисленним засідателям губернського правління чи то повітовому маршалкові доводилося гасати по великих районах, щоб виконати покладені на них війною завдання, мимо всієї іншої поточної роботи. Отже в цьому, а не в гаданому сепаратизмі населення слід шукати причини до того, чому „місцева українська влада не хотіла проявити й найменшого (?) клопоту в справі формувань р. 1812 полків проти Наполеона, а коли їх таки було зформовано... поліція забувала зробити розпорядження про розташування козаків, їхню годівлю, переправи, тощо“³⁾.

Земським ополченням, звичайно, мали командувати дворяни, а що більш для цього придатні вже знаходилися в регулярній армії, то повітовим зібранням доводилося накидати цей обов'язок на будь-кого, отож і не дивно, що дехто й пручався іноді, може, й без поважних причин, а здебільшого маючи на те цілковиту рацію. Одні (як колезький секретар Григорович та підпоручник Островський), „уклоняясь тогдашних нарядов“, зокликувалися на те, що вони церковні старости („вступают нарочно в церковные старосты“)⁴⁾; другі (як Мілкевич, Деркачів, Жук, Богданівський)—на малих дітей та старий вік своїх батьків⁵⁾; треті (як Мінько, Кодян, Третьяків)—на свої фізичні хвороби⁶⁾; четверті (як колезький регістратор Тимченко)—на свою вбогість („я не имеа никакого состояния, избран в чиновники на так малое иждевение, которое

¹⁾ До речі: на турецьких кораблях вони не могли постачати Наполеонові хліб та сало тому, що в роках 1806—1812 точилася війна Росії з Туреччиною.

²⁾ Вихід. 1812 р., зш. 5, VIII, ч.ч. 163—171, 244—258, 264—270, 273, 295, 301, 331—341; 1813 р., зш. 33, VIII, ч. 889; вхід. 1812 р., зш. 4, VIII, ч. 137.

³⁾ Слабченко, „Матеріяли“ т. I, с. 78.

⁴⁾ Вхід. 1813 р., зш. 22, III, ч. 299; 1814 р., зш. 56, V, ч. 189.

⁵⁾ Вхід. 1812 р., зш. 4, VIII, ч.ч. 79, 104, 159; 1813 р., зш. 34, IX, ч. 759.

⁶⁾ Вхід. 1812 р., зш. 4, VIII, ч.ч. 136 і 139; зш. 18, I, ч. 66. В ополчення попало багацько й дійсно хворих, що не вважали за можливе ухилитися від свого класового обов'язку; так, по огляді в Грубешові на весні 1814 р., було повернуто на Полтавщину для „обращенія в дома“ 61 урядовців дворянського земського ополчення, негодящих до військової служби, в тім за ранами 5, старістю, хирістю та слабкістю 15, почечуями 4, падучою 1, гривзю 3, удушшям і ломотою 10, ломотою 4, сухотами 8, водяною 2, слабкістю здоров'я 3, глухотою 2, подагрою 1, кривизною 1 і скорбутом 2. Сотенний товариш з Пирятинщини Каленик Шийка, мабуть, чи не всіх їх переважав по „старости, дряхлости и неимению зубов и глаз“ (Вхід. 1814 р., зш. 57, VI, ч. 210).

будет недостаточно и для единственного себя содержания“¹⁾); п'яті—на цілу низку причин. За зразок цієї останньої категорії дворян можна взяти губернського секретаря з Роменщини Ващенко-Подольного, що на вимогу повітового маршалка замістити вакансію сотника в ополченні відповів: „А как я совершенно известен, что при бывшем при выборе чиновников земского войска в г. Полтаве собрании ни в какую должность на службу я не избран да и избанным быть не могу, потому что я, по несчастью, нахожусь под судом за казенный лес, за которой казна немаловажную имеет претензию и по оной все мое движимое и недвижимое имение взято в секвестр, чрез что и по бедности моей не только не могу я себя на службу собрать или вооружить, но ниже дома пристойно одеться и с нуждою кормлю себя, жену и детей да и то в борг, на что задолжал более 1000 руб.; к тому же за разбитием мне лошадьми в череслах и поломаньем правой ноги никак не могу нести воинской службы да ни малейшего понятия об ней не имею, а сверх того от рождения моего правою рукою не работаю, почему вашего высокопревосходительства покорнейше прошу уважить и по препоручаемой мне должности уволнить“²⁾).

Мимо ухилення з тих або інших (часто й поважних) причин окремих дворян від участі в ополченні, в деяких повітах Полтавщини їх просто не вистачало, щоб замістити в ньому всі посади. Ось що, напр., писав до Трошинського константиноградський маршалок Скалон від 17/III 1813 р.: „По совершении выбора в прошлом 1812 г. чиновников в земское ополчение и принятии об них списка объяснил я, сколько недоставало таких к выбору в сотенные товарищи и осаулы по неимению в Константиноградском повете дворян, а по окончании формирования на месте ополчения и того менее выступило в поход, потому что прочие находились в отлучке дальней, то в совершенной болезни, и хотя после того некоторые получили выздоровление, но и паки дворянством избраны на учрежденные по границе сего повета от Екатеринославской губ для предосторожности от заразы смотрителей и в курьерскую должность“, тому „более выбрать не из кого“³⁾. Подібна ж нестача в дворянах, „кои на лицо в домах и кои способны в службу“, помічалася і в Хорольському повіті; це змушувало місцеве дворянське зібрання притягати до урядових посад в ополченні „находящихся в поветовом земском и подкоморском здешних судах канцелярских служителей, коих по нынешней экстренности присутствующие тех судов согласны отпустить“⁴⁾.

Проте зазначені факти зовсім не були масовим явищем, як то мариться проф. Слабченкові: мовляв, „всюди був у них великий недобір, показувалося бажання не являтися зовсім або, явившись, усунутись з того чи іншого приводу“, словом, „серед українських панських кол не було (ніби) охоти до війни з Бонапартом“⁵⁾. Навпаки, не бракувало й прикладів особливого піднесення війною. Так, не дуже багатий поміщик на Кобеляччині Білуха-Коханівський, „оставаясь на службе при Дунайской армии и лишась возможности находится лично в собрании для общего совещания о пособиях любезнейшим нашим отечествам при теперешних обстоятельствах“, офірував 5 тис. карб. „на вспоможение для таких дворян, кои, имея порыв на теперешнюю службу, нести оную из своих достатков несостоятельны“⁶⁾; колезький регістратор Василь Каневський, „пылая духом участвовать в настоящем ополчении, но лишенный по старости лет к посвящению себя на службу богу и государю“, офірував „на служение сие сына своего, способного и всеохотно служить жела-

¹⁾ Вхід. 1812 р., зш. 4, VIII, ч. 54. ²⁾ Вхід. 1812 р., зш. 4, VIII, ч. 146. ³⁾ Вхід. 1813, зш. 22, III, ч. 278. ⁴⁾ Вхід. 1812 р., зш. 4, VIII, ч. 134. ⁵⁾ „Матеріяли“, т. I, с. 78. ⁶⁾ Вхід. 1812 р., зш. 4, VIII, ч. 122.

ющого¹⁾; колезький асесор Кондратівський, маючи 5 душ у Лубенському повіті, віддав з них одного „с лошадью и всем принадлежащим для конного воина вооружением, одеянием и на корм провиантом и просил принять его для помянутого предмета на все то время, поколь в таковом ополчении и защите отечество иметь будет надобности“²⁾; дрібнопомісний кобеляцький дворянин Денис, обраний повітовим дворянським зібранням за сотенного осавула, вписав до ополчення на зверх комплекту двох своїх синів—Данила й Грицька, котрих, як і себе, довгий час утримував на власні кошти³⁾; відомі брати Олексієви офірували для ополчення понад 200 речей військового спорядження⁴⁾; не менш відомий ніби фундатор „Малоросійского Общества“ С. М. Кочубей поставив ополченців не від 25, а від 15 душ⁵⁾; другий такий же ніби фундатор „Малоросійского Общества“—В. Лукашевич, що ніби пив за здоров'я Наполеона та розчавлення Росії, „сформировал и обучил ополчение, которое оказалось лучшим в губернии“ и при вторжении неприятеля в Москву пригласил дворянство к всеобщему вооружению, пригласил всех, кто может носить оружие, не считая отданных в ополчение“, і багацько жертвував узагалі на війну⁶⁾. Дехто (як Суходольський, Лубенський, Тимківський, Бутовський), „имея ревностное желание вступить в службу его императ. величества“, самі пропонували свої послуги⁷⁾. Інші (як полковник Ураків), „получа назначение, презрев жестокость болезни, домашнее расстройство..., а с тем и недостатки, единою мыслью стремился к сформированию и образованию вверенного войска, дабы могло оно с пользою употреблено быть на защиту любезного нам отечества“⁸⁾. Інші ще (як осавули Богданівський та Черушинський), будши обрані в ті або інші чини, давали урочисту обітницю цареві й батьківщині, „не щадя живота до последней своей крове верным быть и усердным сыном, где бы ни встретил иноплеменников в брани, как врагов и сопостатов, колеблющих веру христианскую, поражают на всяком шагу“, останній навіть лишаючи „мать, жену и пятеро детей без всякого от кого-либо призрения, кроме препоручивши их в опеку всемогущего создателя“⁹⁾.

Чи, може, було вигідно служити в ополченні дрібнопомісним або безпомісним дворянам? Цього теж не можна сказати. Дрібні поміщики існували лише завдяки тому, що самі провадили своє господарство, входячи в кожную дрібницю; полишити його сторонньому доглядові значило пустити свою матеріальну базу на призволяще, тим паче що, як свідчить миргородський сотенний товариш Коновалів, „судьи, оставаясь при своих местах, пользовались и пользуются отсутствием владельцев, делаая всевозможные злоупотребления без потери времени“¹⁰⁾. Та й мимо будь-яких зловживань становище дрібноти було незavidне, бо, як свідчить з їх слів кн. Жевахов, „жалованья им“¹¹⁾ не положено, но как на имениях их состоит немалое число долгов, на которые по уплате процентов с получаемых доходов едва могут содержать одни семейства, в домах их оставшиеся, самому же себя на настоящей службе содержать по неполучению жалованья не находят средств“¹²⁾. Щодо безпомісного або майже безпо-

1) Ibid., ч. 55. 2) Ibid., ч. 205. 3) Управ. губ. нач., 1813, IX, ч. 4. 4) Вхід. 1812, зш. 4, VIII, ч. 131. 5) Дик. архів Кочубей, ч. 1040. Знаючи ближче С. М. Кочубея по диканському архіву (його листи, сповідь), автор цієї розвідки переконаний, що він до українства не був причасний. 6) Павловський, „Из прошлаго Полтавщины. Къ истории декабристов“, сс. 14, 15 (Полтава, 1918). 7) Вхід. 1812 р., зш. 4, VIII, ч. ч. 80, 91, 153; 1813 р., зш. 22, III, ч. 311. 8) Вхід. 1814 р., зш. 54, III, ч. 89. 9) Вхід. 1813 р., зш. 22, III, ч. ч. 300, 301. 10) Вхід. 1813 р., зш. 34, IX, ч. 749. 11) Утримання платилося лише тим урядовцям ополчення, що мали менше за встановлену норму душ, а це для різних чинів вагалось від 20 (сотенні товариші) до 100 (повітові начальники) ревізьких душ. 12) Вхід. 1813 р., зш. 20, II, ч. 112.

місного дворянства—отих колезьких регістраторів та секретарів, то й для таких служба в ополченні не була спокусливою: поперше, для тих канцелярських службовців військова служба взагалі не може бути привабною, особливо підчас військових дій; подруге, сама тимчасовість тієї служби була не вигідною, а потретьє, й утримання військових чинів в ополченні було так мізерне, що, за висловом Жевахова, „при нынешнем походе и на все вообще припасы дороговизне, не могут себя содержать, и некоторые принуждены были продать своих лошадей единственно для содержания в пропитании“¹⁾).

Ухваливши поставити по одному ополченському козакові на кожні 25 ревільських душ, дворянство Полтавської губернії взяло на себе величезний тягар, всієї ваги котрого, можливо, воно спочатку собі ще не зовсім усвідомлювало: остільки питання внутрішньої—скоріш соціальної, ніж політичної—безпеки здавалося йому загрозливим²⁾. Щоб цілком збагнути вагу цього тягару, треба знати, що ополчення, котрого від Полтавщини навіть не вимагалось урядовими розпорядженнями, не касувало чергового рекрутського набору, що тоді брався по 2 (1812 р.) і 6 (1813 р.) чоловіка з кожного п'ятисотного участка: отже обома цими наборами відразу виривалася з маєтку значна частина робочої сили (не кажучи вже про кошти на спорядження). Щоправда, не всі поміщики постачили добрих ополченців: оглянувши їх по переформованні полтавського ополчення на полки, генерал Рот, „к величайшему своему неудовольствию“, знайшов „большую часть вовсе неспособными к оружию—другие по старости, а другие по молодости, что ни мало не приносит чести г. г. помещикам“³⁾. На весні 1814 р., з розпорядження того ж Рота, відіслано на Полтавщину „для обращения в дома их за неспособностью продолжать военную службу“ 856 козаків⁴⁾. Певне, отака каліч виставлялася переважно з дрібнопомісних маєтків, що не були навіть спроможні, при всьому своєму бажанні, постачити добрих вояків.

Виставивши ополченця, треба було його (як і чергового рекрута) озброїти, одягти, взути й уконтентувати харчами. За постановою дворянського депутатського зібрання від 31/VII озброєння козаків-ополченців мало бути таке: для пішаків—шабля, спис і, по можливості, рушниця; для кінного, замість рушниці, пістоль та ще й кінь (піших і кінних мало бути нарівно). Одяг вимагався такий: коротка свитка сірого, чорного і білого сукна, сірого кольору сукняні штани 1, полотняні штани 1, сорочок 2, пояс полотняний 1, шапка 1 з смушковою околицею, з синім або білим сукняним верхом, чобіт 2 пари, кобеляк 1 з відлогою, сакви 1 сукняні та баклажка 1 для води. Для річного харчування всього ополчення треба було зібрати від кожної ревільської души жита по 1 мірці та крупів по 1 гарцеві. З усього положеного припасу вимагалось зараз же мати в наявності для кожного козака по 1 пуд. сухарів та на 2 місяці по 1/2 четверти житнього борошна й по 1/2 мірки крупів. На збірне місце ополченці мали бути довезені на волових під-

¹⁾ Вхід. 1813 р., зш. 20, II, ч. 112. Третні оклади були такі: губ. начальникові кн. Жевахову 666 крб. 66¹/₃ коп. утримання та столових 400 крб., губ. обозному 400 крб., губ. осавулам по 333 карб. 33¹/₃ коп., правителів канцелярії 200 крб., скарбникові 333 карб. 33¹/₃ коп., повітовим начальникам по 200 карб., повіт. обозному 133 карб. 33¹/₃ коп., урядовцям постачання по 66 карб. 66¹/₃ коп., сотникам кінним по 133 карб. 33¹/₃ коп., пішим по 100 карб., сотенним товаришам по 100 й 66 карб. 66¹/₃ коп., сотенним осавулам по 40 і по 26 карб. Всім раховано на асигнації (Вихід. 1813 р., зш. 23. VII, ч. 262; вхід. 1812 р., зш. 10, XI, ч. 798).

²⁾ Постановою губ. зібрання про норму кількості ополченців (4 зі 100) усіма повітовими зібраннями дворян була точно додержана, так що твердження проф. Слабченка про „підозрілий патріотизм панських кол“ („Матер.“, I, ст. 78) є непорозумінням.

³⁾ Управ. губ. нач., 1813 р., V, ч. 54. ⁴⁾ Вхід. 1814 р., зш. 57, VI, ч. 210.

водах, „которые для сего должны приготовлены быть по 1 подводе с погонщиком для каждых 24 козаков, т. е. от 600 ревизских душ по 1 подводе“; надалі ці підводи мали лишитися при пересувних військових гамазеях аж до виходу козаків за межі своїх повітів. І козаки і коні мали харчуватися від своїх поміщиків. Так, на утримання бідних урядовців, як і на купівлю частини зброї, пороху тощо кожний дворянин мусив надіслати до станової скарбниці по 1 карб. від кожної ревізської душі (половину зараз, другу—через місяць) та на екстраординарні видатки 10 коп. від душі¹). В дійсності видатки на ополчення вийшли значно більші, через необхідність забезпечити утриманням і заможніших урядовців, а також на одяг, взуття, прапори, казани та інші речі. В разі несправності за постановою того ж дворянського губернського зібрання винний віддавався під суд, його майно переходило в опіку, а нижній земський суд мав стягати всі недоплати.

Надто важкий був цей тягар для дворянства, як і загроза на випадок ухилення від нього. А тому, що ухвала виходила від самого ж дворянства, без жодного зовнішнього примусу, то проф. Слабченко не мав жодної рації натякати, що, мовляв, дворянство утримувалося або взагалі недоброзичливо ставилося до цієї ніби національної, а не своєї клясової справи („поміщики скаржилися на збитки від Наполеонової навали, хоч Французи на Україні Лівобережній зовсім не були, на тяготу повинностей і пожертв, на руйнацію господарства; за признанням кн. Рєпніна, що змінив собою Лобанова-Ростовського, українські поміщики „на сии предметы многие миллионы вытратили“)²). Одиниці бурчали, бо розорялися, але дворянська кляса у цілому напружувала усі сили, щоб уникнути загрози, можливо, самому своєму існуванню, як кляси рабо-і землевласницької,— а шановний історик усе звертає на гаданий сепаратизм!

Перша трудність, що з нею зустрілися поміщики, переводячи в життя свої постанови від 31/VII 1812 р., це була справа озброєння ополченців (як і рекрутів) та набуття для них коней з сідлами. За відкликом полтавського повітового маршалка, дворяни його округи „всемерно стараются назначенное число воинов поставитъ, одна только невозможность снабдить их в короткое время лошадьми, седлами, сбруею и протчим немало затруднила, ибо те лошади, которые продавались по 30 руб., теперь найдутъ и во 100 руб. трудно; седла, продававшиеся по 5 руб., платятся 30 и больше, и то можно было отыскать их весьма малое количество; даже самые десятикопеечные ремешки платились в лавках по рубль и больше“³).

Заможніші поміщики, що мали свої майстерні, так-сяк управлялися з зазначеними труднощами. Ось як, напр., вийшов зі становища диканський головноуправитель Кочубеїв—Сахнівський:

„Из прилагаемой у сего бумаги, ваше сиятельство, усмотреть изволите, что приуготовление означенных в оной потребностей и людей, для служения поступающих и для снабдения оных, трудящихся немало озаботит, тем более, что надобное число лошадей от экономии слишком 80 и к оным конной прибор в такое короткое время доставить весьма трудно; для покупки оных отряжены с экономии люди в Екатеринославскую губернию и др. околичности. Седла в Полтаве и Харькове до одного с лавок забрать; простре форейторское 25 руб. и недостало из оных ничего. Для экономии отыскали рабочих и теперь в Диканьке хозяйственным образом отделяют седла и все прочие, назначенные в положении вещи. Издержки на сию надобность, кроме нескольких свиток и белья,

¹) Вхід. 1812, зш. 4, VIII, 52. ²) „Матеріяли“, т. I, с. 79. ³) Вхід. 1812 р., зш. 4, VIII, ч. 208.

полагаються на счет економии и, конечно, составляют значительную сумму“¹⁾).

Інші дворяни, навіть з заможніших, не могли так щасливо вийти зі становища, як диканський головноуправитель. Ось для прикладу лист підполковника Михайла Д. Апостола з с. Хомутинець до миргородського повітового маршалка Данилевського:

„М. г. Алексей Федорович! Вы как будто изволите пугать меня тем, что намереваетесь представить на управляющих экономией моею за некоторое выстатчение как для конных, так и пеших, представленных от оной, всего требуемого. Вы тем сделаете мне великое одолжение, ибо с самого начала требования земского ополчения я всеми силами моими способствовал: (быв крайне нездоров и не в состоянии переносить никаких забот) весь капитал мой, состоящий в 10 тыс. рублях, отдал, а притом снабдил и конницу, от меня следуемую по возможности моей лошадьми, стало быть, что я все возможное сделал. Впрочем, к скорейшему оных вооружению ни я, ни экономия моя никаких средств не имеет. Откройте управителю моему глаза и укажите ему средства, где и каким образом может он достать недостающее количество сабель и пик. Сколько было мастеровых, все занимались и занимаются беспрестанно сею отделкою, но успех не соответствует желанию. Ежели вы знаете, где все сие купить можно, то все те деньги пощажены не будут, ибо и в определении дворянства сказано: „вооружить земское ополчение по возможности и ружьем“. Я все приказал экономии моей выполнить, несмотря на то, что и лишних людей мне велели поставить и вооружить“²⁾).

В найгіршому становищі—між молотом і наковальнею, як говориться—опинилася поміщицька дрібнота; що через своє кепське матеріальне становище не могла задовольнити всіх вимог дворянської ухвали від 31/VII, а тому й підлягала загрозам, у тій ухвалі зазначеним. Ось як, приміром, ляментує з цього приводу роменський поміщик капітан Шкляревич.—Минулого року, пише він до Трошинського, його підрізали пожежа й сильний мор на скот і коні; при великій родині має він неповних 50 душ, з котрих не може поставити враз 1 пішого (вже поставив) та 1 кінного козаків, а повітовий маршалок на нього наполягає. Послані останні дві кобили забраковано й наказано заставити маєток, та він уже заставлений у Приказі Громадського Опікування. „Должен через сей случай лишити семейство мое последнего дневного пропитания. Доход же в нашем крае один только и есть отчасти табак, кой еще в продажу не выспел, и в наличности клянусь, что и алтына нет, почему и решился я прибегнуть к отеческому вашего превосходительства покровительству, слезно утруждая пощадить на предки сердобольное семейство мое и меня и сим не первым чего выстатчением сверх меры не отяготить“³⁾).

Обтяжливою була не тільки сама суть вимог 31/VII, але й та нагальність (7 день для поставки пішака та 14—для поставки кінного козака), з котрою треба було їх виконувати. Інший поміщик і міг би зогляду на свій матеріальний стан виконати все, що від нього вимагалось, тільки не в такий короткий термін, який було дано на реалізацію цих вимог. Ось що, напр., з цього приводу писав до Трошинського з часом той же Шкляревич:

„Горестное известие от заседателя нижнего земского суда нестерпимо указало мне слезно вашего высокопревосходительства просить: описанием бедного лоскутка имени моего не привесть меня в нищие; сле-

¹⁾ Дяк. арх. Кочубеїв, ч. 948. ²⁾ Вхід. 1812 р., зш. 6, IX, ч. 259. ³⁾ Вхід. 1812 р., зш. 6, IX, ч. 306.

дуемых к отправке конного козака и надлежащие деньги повелеть на счет мой выполнить с общей суммы; я не умедлю внести должное, но наглость ныне при тяжком бессилии моем отнимает все удобство. Конной козак уже избран и во всей форме готов, только лошади и денег нет; я старался всемерно, где имел надежность, занять, но никак не мог; я уже решился в пожертвование сие отдать в заклад и мельницу мою на р. Ромне, состоящую о двух колах, до выпуска за самую малость—300 рублей, купленную мною у нынешнего маршалка Беспальчева гораздо дороже, но охотника нет. Рад же был и продать что-либо из движимости, но во всем легкость и по таковым горьким стечениям моим, кажется, не предвидится упорство мое, а только нестерпимая крайность, время же все поправит и выйдет в добрый лад“¹⁾...

Зрештою, з великими труднощами ополченців було виділено й споряджено згідно з положенням; рушниці, що їх найбільш бракувало, довезено з Житомира, Севастополя, Миколаєва та Бендер²⁾; знайшлося й понад 20 гармат, що їх зведено з панських дворів³⁾. З ополченням поспішилися, а тим часом конкретної потреби в ньому так, ніби й не було покищо, отож мусили ополченські козаки лишатися на місцях, проте Трошинський наполягав на тому, що слід було б їх вивести з маєтків, щоб не було деморалізації; тому з початку осені 1812 року ополченців зведено по повітах (15), розбито на чотири відділи і розташовано по одному в повітах Переяславському, Прилуцькому, Пирятинському та Золотоноському⁴⁾. За головного начальника полтавського ополчення призначено генерал-майора князя Пилипа Семеновича Жевахова, котрий 24/IX вже приступив до огляду своєї команди. 1-го листопаду, за рапортом Жевахова, полтавське ополчення виступило на з'єднання з чернігівським, під спільну команду генерал-лейтенанта графа Гудовича. Було воно в такому складі: губернський начальник 1, губ. обозний 1, губ. осавулів 2, старшин повітових 59, сотенних 901, козаків 16.123 (в тім піших 9.560, кінних 6.563), коней 6.515. Артилерії малося 24 гармати, з котрих 9 несправні (згодом всі 24 були забраковані), на кожен гармату було по 50 картечних набоїв, при них 12 старих артилеристів. Маршрут був даний такий: 1, 2, 3 й 4-му відділам кінноти—до Стародуба, піхоті: 1-му відділові—до Нового Міста, 2-му—до Мглина, 3-му—до Стародуба й 4-му—до Добрянки⁵⁾.

Як тільки з'єдналися обидва „малоросійські“ ополчення на Стародубщині та Чернігівщині, їх вирушено в дальший похід: 1-й відділ піхоти й кінноти з Тапилівки на Нове Місто—в Рогачів; 2-й відділ піхоти й кінноти з Стародуба на Сураж і Краснопілля—в Білорусь до Черикова; 3-й відділ піхоти з Понурниці на Холми і Ключи—до Гомеля; 3-й відділ кінноти з Ігнатівки на Орловку і Ключи—до Гомеля; 4 відділ піхоти з Добрянки на Білицю—до Пропойського; 4-й відділ кінноти з Стародуба на Арден, Клинци й Попову Гору—до Пропойського. Ставка Жевахова мала бути в Пропойському ж⁶⁾. Підчас переходу ополченців через Чернігів їх оглядав малоросійський генерал-губернатор кн. Лобанов-Ростовський, знайшов їх у добром стані щодо військової виправки, але наказав іменуватися надалі не козаками, а захисниками, що ніби „лучше согласовать будет и с высочайшим манифестом, по сему предмету в 6-й день июля сего года состоявшимся“⁷⁾. Головний начальник об'єднаного малоросійського

¹⁾ Вхід. 1812 р., зш. 6, IX, ч. 373. ²⁾ Вхід. 1812 р., зш. 6, IX, ч. ч. 325, 368, 442-зш. 10, XI, ч. 804; вихід. зш. 13, XII, ч. 1244; вхід. 1813 р., зш. 18, I, ч. 56. ³⁾ Вихід. 1812 р., зш. 5, VIII, ч. ч. 274 і 275; вхід. зш. 4, VIII, ч. 108; зш. 10, XI, ч. 700. ⁴⁾ Вхід. 1812 р., зш. 4, VIII, ч. 95; вихід. 1812 р., зш. 5, VIII, ч. ч. 209—223. ⁵⁾ Вхід. 1812 р., зш. 10, XI, ч. 700. ⁶⁾ Вхід. 1812 р., зш. 10, XI, ч. 749. ⁷⁾ Там-само, ч. 798.

ополчення граф Гудович, видимо, теж поділяв цю думку, так що Трошинський мусив скаржитися вищому начальству на порушення основ, на котрих зформовано полтавське ополчення; справа ця була розв'язана на його користь¹⁾.

В Могилівській губ. на Білорусі полтавське ополчення перебувало недовго: наприкінці листопаду 1812 р. воно вже пересунулося на Волинь, отаборившись у Острозі (1-й відділ кінноти й піхоти), Новгороді Волинському (2 відділ), Рівному (3-й відділ) та Заславлі (4-й відділ)²⁾; в 20-х числах лютого 1813 року воно розташувалося майже по всій Волині й Поділля (в Заславлі, Острозі, Полоннім, Бердичеві, Староконстантинові, Любарі, Ямполі, Лоловецях, Білгородці, Хмільнику, Махнівці³⁾); далі, з весною, воно почало подаватися на захід — до Люблина й Варшави (табори: в Желехові, Островицях, Горволині, Скарешові, Казанові, ставка кн. Жевахова—в Казимирові)⁴⁾. В порядку субординації полтавське ополчення підлягало корпусному командирові генерал-лейтенантові Роту, далі—командувачеві запасним військом кн. Лобанову-Ростовському, ще вище—головнокомандувачеві запасними арміями Бенігсенові і, зрештою, головнокомандувачеві всіма збройними силами Росії—Кутузову-Смоленському.

Одночасно з маршем на захід полтавське земське ополчення переживало ще кілька трансформацій. Головна з них полягала в тому, що зі складу ополчення виділялися кінні й піші бригади для бойової служби. Перша така бригада (кінна) була утворена з наказу Кутузова на початку лютого 1813 р. генерал-майором Кудашевим. Складалася вона з двох полків, кожний з 5 сотень, а сотня з 140 чоловік, названо її в імення командира бригадою кн. Уракова⁵⁾. Біля половини червня 1813 р. на зразок Ураківської було зформовано ще дві кінні (під командою полковників Сергієнка та Кавкасидзева) та дві піші (кожна з 2-х полків по 1980 козаків і 12 рот) бригади (останні под командою підполковників Райзера та Клименка⁶⁾). Хоча при зформованні цих бригад з боку Кутузова й не було застережено, що „сии присоединяются к армии собственно по обстоятельствам настоящего военного времени, но что люди ни в коем случае не теряют права своего, что они остаются в собственном их одеянии, в своих эскадронах и сохраняют при себе все те привилегии, которые при формировании их всемилостивейше им предоставлены“⁷⁾, проте по суті це вже було не козацьке ополчення, а регулярне військо з звичайними для російської армії розпорядками (хоч і старі титули залишалися), так що Ураков правдиво зауважував, що після цієї реформи „существующие в ополчении названия губ. есаулов, обозного и поветовых начальников с переименованием носимых (-щих) те звания чиновников в полковые и бригадные командиры совершенно сделались уничтоженными“⁸⁾. Мимо цього, були ще й прямі замаху на знищення національної своєрідності полтавського ополчення, та про них скажемо далі.

Крім вилучення з ополчення зазначених бригад, різними часами з його складу виділялися ще окремі загони для внутрішньої служби та всіляких послуг. Так, біля половини лютого зі складу полтавського ополчення (бо воно „довольно хорошо и далеко превосходит собранных в Черниговской губ. ратников“) було виділено 640 кінних та 560 піших

¹⁾ Вихід. 1812 р., зш. 11, XI, ч. 962; вхід. 1813 р., зш. 18, I, ч. 52; вихід. 1813 р., зш. 19, I, ч. ч. 1 і 66. ²⁾ Вхід. 1812 р., зш. 12, XII, ч. 820. ³⁾ Вхід. 1813 р., зш. 22, III, ч. 207. ⁴⁾ Управл. губ. нач., 1813 р., ч. ч. 60 і 62. ⁵⁾ Вхід. 1813 р., зш. 20, II, ч. 113. ⁶⁾ Ibid., зш. 30, VII, ч. 648. ⁷⁾ Вхід. 1813 р., зш. 20, II, ч. 113. ⁸⁾ Вхід. 1814 р., зш. 54, III, ч. 89.

козаків з відповідною кількістю урядовців „для охоронення границь здешней (Волинської) губернии и особливо для предупреждения провода за границу лошадей для французского правительства“. Поділені на 3 загони, під командою майора Макова, вони були розташовані в Радзивилові, Мілятині та Устилузі. Особливий загін на 85 козаків було розташовано „для содержания кордона на границе Тарнопольской области, дабы зараза (холера) не распространилась в здешние пределы“¹⁾. Можливо цьому ж, а може й іншому загоні (командир ніби той самий) в червні місяці того ж 1813 р. було доручено від в. об. волинського генерал-губернатора Комбурля „занять посты в Гродненской губ. от Приборовской заставы и до Бреста Литовского“²⁾. Слабосилих ополченців весною 1813 р. було злучено в окрему команду під проводом підполковника Левицького, розбиту на три сотні й призначену для обслуговування лазаретів, тощо³⁾. Зрештою, на початку липня начальник полтавського ополчення кн. Жевахов одержав був наказа від генерала Рота „выбрать из вверенных ему пеших полков ополчения лучших, надежнейших людей, всего 4000 человек, назнача к ним исправнейших, опытнейших начальников, укомплектовав должным чином надежнейших офицеров, до сего уже служащих с честью в поле в армии его импер. величества“, виправити їх до Нового Замостя, а самому негайно вирушити до корпусної квартири (м. Ситанець) і прийняти командування над цим відділом та ще деякими козацькими (регулярними) частинами (полки Деконора та Муравйова, а від березня там оперувала ще ополченська бригада кн. Уракова)⁴⁾. Так полтавське земське ополчення взяло участь у чималій військовій операції, котра за його допомогою, зрештою, дійшла щасливого кінця. Зупиняючись покищо на цьому, придивимось ближче до життя самого ополчення.

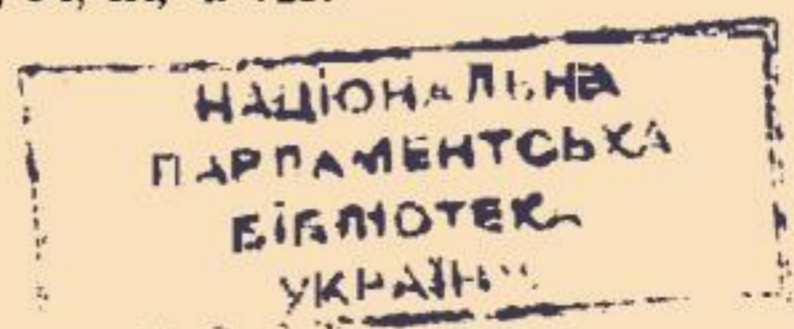
Хоча приказом по армії головного квартирмейстра Райхенбаха від 1 липня 1813 року ополченців було прийнято на державне утримання⁵⁾, проте це розпорядження не скоро дійшло до здійснення й наші козаки терпіли велику нужду в усьому. Передовсім їм бракувало казанів для варення їжі, в кількості 480⁶⁾. З приводу цих казанів чимало було переписки, бо на це треба спеціально збирати гроші з дворянства, чому заперечував тодішній малоросійський губернатор Лобанов-Ростовський, так що Трошинському довелося вирішувати цю справу аж у комітеті міністрів⁷⁾. Разом з цим ополченці відчували велику потребу в одязі. Звичайно, насамперед начальство звернуло увагу на командний склад, зокрема сотенних товаришів та осавулів „из коих последние не имеют даже средства и по сие время обмундировать себя, нося разное платье, какое кто мог иметь в доме своем..., на которое здешние жители и даже самые враги общего спокойствия не без презрительного замечания смотрят“⁸⁾. Ще гірше стояла справа з рядовими козаками. „Вверенные мне б конного полка козаки (рапортує кн. Жевахову полковник Паскевич), не получая целой год рубах и сапогов, ни даже на прошивку к оным передов, будучи безпрестанно на службе и в беспрестанных командировках так обносились, что почти остаются теперь босые и без рубах, отчего великую терпят нужду, а как теперь сближается осень, то по

¹⁾ Вхід. 1813 р., зш. 22, III, ч. ч. 207 і 271. ²⁾ Управ. губ. нач. 1813 р., ч. 28.
³⁾ Ibid., ч. 38. ⁴⁾ Ibid., ч. ч. 1 і 3; вхід. 1814 р., зш. 54, III, ч. 89.

⁵⁾ Вхід. 1813 р., зш. 32, VIII, ч. 723, додаток.

⁶⁾ Вхід. 1813 р., зш. 32, VII, ч. ч. 690, 701; вихід. зш. 33, VIII, ч. 899; вхід. зш. 38, XI, ч. 897.

⁷⁾ Вхід. 1813 р., зш. 34, IX, ч. 748; 1814 р., зш. 54, III, ч. 126; зш. 57, VI, ч. 194; вихід. 1814 р., зш. 59, II, ч. 55. ⁸⁾ Вхід. 1813 р., зш. 34, IX, ч. 725.

сему времени и того более претерпеть они будут от сего недостатку¹⁾. Старшин дворянство запомогло асигнуванням третного не в рахунок утримання—одним і призначенням постійного утримання—другим²⁾, для забезпечення ж одягом та взуттям козаків, крім дворянських пожертв, довелося звернутися до реквізицій. Так, 26/IX 1813 р. командир 3 кінної бригади полковник Кавкасидзев повідомляв Жевахова, що йому наказано від корпусного командира Рота вимагати в радомського префекта, а коли протягом 3-х днів він не задовольнить, то реквізувати 4 тисячі пар добротних чобіт, 4 т. сорочок й 5 т. готового одягу з ліпшого селянського сукна³⁾.

Не дуже ліпша була справа і з харчами. Хоч за положенням військові мали одержувати пайку з порції хліба й 1 фунта м'яса, проте її не завжди можна було одержати від постачального відділу, а місцева влада (префекти й підпрефекти) під різними приводами (мовляв, немає в наявності—треба зібрати ще з поміщиків) проволікали справу⁴⁾. Отже траплялося, як пише генерал Рот, що „воины 6 дней как не имеют хлеба, а питаются разными способами, другие же, неимеющие оных, едят травы и разные коренья“. Для полагождення цього лиха також доводилося звертатися до реквізицій, висилаючи команди в довколишні місця, „дабы они все продукты жизненные, где только что найдут, отправляли бы под Замостье как найскорее, несмотря ни на какие отговорки обывателей и помещиков, противящихся и старающихся медлить в исполнении сего, доставляют в корпусную квартиру, как и самих подпрефектов, буде таковые ослушниками окажутся“⁵⁾. Зокрема погано було з сіллю, котру населення приховувало, щоб досадити завойовникам. З цього приводу цікавий інцидент оповідає генерал Рот у відношенні до Жевахова: на початку вересня 1813 р. сотенний товариш Скориків відшукав був 60 барил прихованої обивателями соли, а коли Рот наказав йому здати в інтенданство, то другого ж дня було здано лише 30 барил, причому Скориків виправдувався тим, що, мовляв, „протчую соль обыватели попрятали так, что отыскать он не мог“⁶⁾.

Звичайно, що при такій скруті не дуже дисципліноване ополченське військо вдавалося й до мародерства. В паперах управління губ. начальника дворянського війська ми знайшли декільки справ про мародерство: то загарбовано свиню, то волів чи там овець. „Жалобы неоднократно до меня доходят“, „начальники полков (ополченських) до того распустили по совершенной слабости своих людей, что беспрестанные жалобы до меня доходят“, ляментує генерал Рот⁷⁾. Хоча корпусний командир, винуватить у всьому може й дійсно слабаватого Жевахова та підлеглих йому начальників, але, запевне, найбільша вина за ці здирства та загарбання падає на тих, що завідували постачанням війська в державному масштабі, а помирати голодною смертю нікому не хочеться, особливо коли хліб заслужений.

Чи ж дійсно той хліб був заслужений? Маємо відомості, що це справді було так. Ось, напр., свідчення генерала Рота з-під Замостя до Трошинського (січень 1813 р.): „Уже малороссийское ополчение показало под стенами Замостья мужество и неустрашимость, сверх того, которое бы можно было ожидать от людей, необыкших обращаться с оружием. Четыре недели пред сим они отражали всегдашние неприятельские нападения лучших полков польских войск, из-коих составлен был гарнизон

1) Управ. губ. нач., 1813 р., ч. 29. 2) Вихід. 1813 р., зш. 21, II ч. 157; вхід. зш. 22, III ч. 282; вихід. зш. 23, III ч. ч. 262, 269; зш. 35, IX, 1016—1030; зш. 37, X, ч. 1039; вхід. зш. 38, XI ч. 896 та інш. 3) Управ. губ. нач. 1813 р., ч. 26. 4) Управ. губ. нач. 1813 р., ч. 23. 5) Ibid., ч. 21, 27. 6) Ibid., ч. 22. 7) Ibid., ч. ч. 17, і 20.

крепости Замостья. Священной обязанностью поставляю отдать искреннюю похвалу, заслуженную всеми офицерами, а особенно начальниками полков¹⁾. Зокрема маємо відомості про геройські вчинки під Замостям полтавського міщанина Івана Копиленка, котрий підчас вилазки обложених 15/IV, за словами Жевахова, відзначився тим, „что защищал долгое время вход неприятелей на батарею, спас жизнь 40-го Егерского полка капитану Колтовскому и сотенному товарищу коллежскому регистратору Давидовскому, при чем заколол штыком неприятельского офицера и двух рядовых, стремившихся убить тех офицеров и его, Копиленка“. За це героя нагороджено „орденом св. Георгія V класа“²⁾. Але що в сім'ї не без потвори, то це прислів'я і тут, здається, ствердилося: на майора Канчієлова падає підозріння, „что в то время, когда он содержал цепь от Жеранова до Плоского и до великой Панянки, может быть, не оказывал ли каких услуг гарнизону крепости и не впускал ли, может быть, каких припасов и скота“³⁾.

З інших епізодів облоги Замостя варто згадати про нещастя, яке трапилось в ніч з 15 на 16 серпня 1813 р. Це була повінь, котра зненацька захопила обложників і робітників, що споружали міст через р. Вислу проти м. Янова. Вода була остільки сильна, що знесла біля 300 робітників, 6 коней (з них 5 відшукалося), багацько амуніції і навіть одну гармату, при чому втонуло 49 козаків з полтавського ополчення⁴⁾.

Прислугуюючи отак чужим інтересам, полтавські козаки весь час були під загрозою, що їх позбавлять тих національних (бодай зовнішніх) ознак, що з ласки начальства їм були дозволені. Замахи на них виходили так зовні, як почасти і з середини самого ополчення. Зовні—це найближче начальство, корпусний командир Рот, з роду Німець, а культурою Росіянин—увесь час намагався поставити ополчення під загальний ранжир. Так, у середині серпня Жевахов доповідав Трошинському, що Рот словесно наказав йому, щоб у полках полтавського ополчення „козачьи свитки были перешиты гораздо короче и уже в виде курток, а также шаровары, как в регулярных полках—панталонами“, і доповідач побоювався, що принаймні тим частинам, котрі стояли під Замостям під командою Рота та його офіцерів, доведеться переобмундируватися⁵⁾. Те ж було і щодо командного персоналу: Рот вимагав приказом „называются начальнику бригады бригадным, шефу полка шефом одного, занимающим места штабс-офицера—за майора, управляющим ротами—за капитана и т. д.—за поручика, подпоручика и прапорщика, а отнюдь не называются поветовым обозным и др. чинами“⁶⁾.

Як вище зазначено, замахи на національну окремішність полтавського ополчення робилися не тільки зовні, а і з середини самого ополчення. Справа в тому, що в командному складі його було чимало чужоземців—Росіян і Грузинів (з гадяцьких кольоністів). Маючи іноді чималі військові чини, вони були в претензії на те, що доводиться підлягати людям таких же, а то ще й нижчих чинів за українською номенклатурою. В справах губернського маршалка ми, напр., знаходимо скаргу кн. Уракова на те, що він, будши полковником і бригадним командиром з відзнаками, мусить поступатися в честі перед якимись там обозними та осаулами лише тому, що вони губернські. З приводу цього Ураков прохає або

1) Вхід. 1814 р., зш. 52, I, ч. 31. 2) Вхід. 1813 р., зш. 30, VII, ч. 649. 3) Управл. губ. нач. 1813 р., ч. 85.

4) Вхід. 1813 р., зш. 34, IX, ч. ч. 784, 786; Управ. губ. нач. 1813 р., ч. 7.

5) Вхід. 1813 р., зш. 34, IX, ч. 789.

6) Ibid., ч. 788.

звільнити його зовсім від служби, або ж усунути образу, тобто скасувати українські чини¹⁾.

Лише завдяки упертості Трощинського та його зв'язкам з високими командними сферами полтавському ополченню пощастило заховати свій український вигляд аж до кінця кампанії.

Повертаємось знову до облоги Замостя.

19 листопаду 1813 р., як доповідає Жевахов Трощинському, „после долговременного блокирования полтавского ополчения дворянскими и конно-козачьими полками и таковыми ж Черниговской губ., состоящими под начальством г. генерал-лейтенанта и кавалера Рота, значительная по своему устройению и местному положению крепость Новое Замостье сдана гарнизоном оной на капитуляцию“. Такий наслідок обложних операцій під Замостям Жевахов ставить на карб надто полтавському ополченню, що „ревностным, усердным и неусыпным служением, при многократных опытах отличной храбрости побудили, наконец, упорного неприятеля к сдаче крепости“. До рук переможців дісталось 82 гармати, при достатній кількості набоїв („бомб, гранат, ядер, патронов“) та 5200 рушниць, крім військово-полонених²⁾.

Облога Замостя була найважливішою справою полтавського дворянського земського ополчення. Поза цим менш придатні його частини вживалися для охорони кордонів, супроводу полонених, лазаретної служби, тощо. Так, у серпні 1813 р. з наказу командувача польською армією генерала Бенігсена і за приписом корпусного командира Рота „выбрано присланным от его превосход. г. главнокомандующего артиллерии майором Арцыбашевым из команды внутренней для возки и артиллерийских запасных парков лошадей 77 и по укмплектованию команд, при парках состоящих, козаков 200, каковые люди и лошади с нарочно наряженными чиновниками от той команды сотенным товарищем Патенком и сотенным эсаулом вахмистром Бураковым в главное польской армии держурство июля 26 отправлены“³⁾ Біля того ж часу (1-2.VIII) з наказу Рота всі три частини (по 3 сотні в кожній, крім 1-ої сотні) команди для вжитку по внутрішній службі було відправлено: першу частину (під команду б. золотоноського повітового начальника підполковника Левицького) — до Петрикова, другу частину (під команду прилуцького повітового обозного штаб-ротмістра Степанова) — до м. Кракова і третю частину (під команду полтавського повітового обозного, підпоручника Бужинського) — до м. Ленчиці у Варшавськiм князівстві⁴⁾. Біля половини листопаду 1813 р. з розпорядження командувача запасною армією кн. Лобанова-Ростовського 4 і 5 кінні полки відкомандировано в Сілезію до м. Бреслау, а частину 6 кінного полку (всього 280 козаків) — до м. Намислау в Сілезії ж, для допровадження відтіль до Варшави військово-полонених⁵⁾.

От на такі й подібні послуги розмінювалося все полтавське ополчення після капітуляції Замостя протягом $\frac{2}{3}$ року⁶⁾. Зрештою, з наказу головнокомандувача всіма збройними силами Росії — Барклая-де-Толлі від 5/IX, його було розпущено⁷⁾. Рапортом від 24 IX. 1814 р. Жевахов повідомляв, що підлеглі йому частини вже наближаються до російсько-польських кордонів, ідучи пішим строєм (коней залишено у варшавськiм ге-

1) Вхід. 1814 р., зш. 54, III, ч. 89; подібний випадок (з поручником Пташником) див. у фонді управ. губ. нач., 1813 р., ч. 19.

2) Вихід. 1813 р., зш. 38, XI, ч. 898. 3) Вхід. 1813 р., зш. 32, VIII, ч. 718.

4) Вхід. 1813 р., зш. 32, VIII, ч. 720. 5) Вхід. 1813 р., зш. 40, XII, ч. 927.

6) Відомості наші з цього приводу за 1814 р. дуже скупі, бо Трощинський тоді був у Петербурзі й від Жевахова не вимагалось таких докладних інформацій, як раніше.

7) Вхід. 1814 р., зш. 58, IX, ч. 246.

нерал-губернаторстві), в 5 колонах (разом 4 піші й 7 кінних полків). Піший батальйон під командою капітана Фоміна тимчасово лишився при шпиталях у м. Кракові. Зброю, амуніцію й інші комісаріятські речі наказано було здати на марші в Київ. Хто з старшин ополчення бажав продовжувати військову службу, мав з'явитися до головної квартири Баркляя-де-Толлі за призначенням¹⁾.

З приводу повернення дворянського ополчення додому, місцева влада (губ. правління), з ініціативи генерал-губернатора, розпорядилася „предписать поветовым маршалам Полтавской губернии обще с земскими комиссарами, дабы они, встретив защитников на границе повета, по приеме их распорядились о немедленном возвращении каждого на прежнее жилище и по исполнении того имянные списки о всех возвратившихся защитниках доставили в здешнюю казенную палату и сие правление“²⁾. Оце була і вся дяка дворянства хлопам за те, що врятували його диктатуру!

Прапори полтавського ополчення, споружені з наказу Рота й при тому освячені, з усією належною їм пошаною було допроваджено до Полтави з почесною ескортою).

На цьому й закінчується історія полтавського дворянського ополчення 1812 р. за документами обох фондів архіву полтав. губ. дворянського депутатського зібрання, що їми ми користувалися. Дальша доля його не входить зараз у наше завдання, хоч вона й цікава; запевне, в судовім та губернаторським архівах лишилися сліди козацького духу, що його мусила збудити в кріпаках своєрідна організація ополчення. Згадаємо ще хіба лише за його командувача, кн. П. С. Жевахова, що сам про себе нагадав листом до кн. Рєпніна від 9/IX 1817 р.: крім „монаршого благоволення“ та словесної подяки від полтавського дворянства, він також нічого не одержав за свої труди й проживав у м. Біликах, „не имевши ни малейшего числа собственных крестьян и земли“, на саму лише половинну пенсію по його чину. Бажання автора листа полягало в тому, щоб генерал-губернатор поклопотався про видачу йому повної пенсії, та либонь що Жевахов не дочекався здійснення цього бажання, за старістю літ і хворобливим станом здоров'я⁴⁾. Але його лист аж до сьогодні був за джерело, що з нього вивчалася історія полтавського земського (дворянського) ополчення 1812 р. від виходу його з меж Полтавщини—до повороту додому. Наші матеріяли вперше розгортають її в подробицях, що виходять далеко за рямці зазначеного листа. На жаль, не всі документи обох фондів дворянського архіву, що ми їх використали, збереглися; так, у фонді канцелярії губ. предводителя дворянства бракує деяких зшитків (7—9, 17, 24—29, 42—51), а в фондах управління губ. начальника залишилися либонь тільки казенні папери (списки особового складу частин, рапорти прибулих та вибулих, вимогові відомості, відомості про витрату матеріялів, рахункові квитки тощо).

Подав Павло Клепацький.

¹⁾ Рхід. 1814 р., зш. 58, IX, ч. 248.

²⁾ Вхід. 1814 р., зш. 58, IX, ч. 248.

³⁾ Вхід. 1814 р., зш. 58, IX, ч. 252. ⁴⁾ Павловській, „Къ історіи полтав. ополчення 1812 г.“, „Кіев. Ст.“, 1904, III, сс. 110—111.

Г. Ф. КВІТКА І П. О. ПЛЕТНЬОВ.

З-поміж кореспондентів Квітчиних Плетньов визначається не тільки кількістю адресованих до нього листів¹⁾, але й тим щирим і теплим почуттям приязні, що зв'язувало його з особисто незнаним, але знайомим і близьким „по духу“ письменником українським. „Почтеннейший и благодетельный друг“, „Каждое письмо Ваше, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, есть новое удовольствие в чистой дружбе Вашей к нам и в искреннем наблюдении пользы наших“ (лист з 8/I.1841); „Гг. Погодин и Максимович знакомы по письмам, но им не открыты, не только душа моя, чувства, но не сведомы никакие к кому отношения“ (лист з 15/III.1841), — подібні заяви та признання знаходимо ледве не в кожному листі Квітчиному, разом з подяками за увагу, за вдале й любовне виконання всіляких доручень, разом із новими проханнями виконати якесь доручення, критично проглянути надісланий рукопис і т. інш.

З другого боку і Плетньов всіма способами виділяв Квітку з-поміж довгої низки своїх знайомих та приятелів. Він залюбки, з захопленням читає и перечитує іншим окремі повісті, що надсилає Квітка до „Современника“; він знайомить з ними навіть імператорську родину й радіє з того, що вони подобаються, що їх вважають за „прелестні“, що читаючи їх „хохочут во все горло“. Він вміщає Квітчині твори в кожній книзі „Современника“, він дає теми; замовляє статті, цілком очевидно бажаючи зробити з Квітки першорядного письменника російського. Називаючи, в рецензії на „Пана Халявского“, Квітку „самым любимым в наше время автором“ („Современник“, 1841, т. XXI, с. 95), він лише висловлює свої певні переконання: для нього Квітка справді, коли не „самый любимый“, то в усякому разі один з найулюбленіших російських письменників тогочасних, одна з найближчих до нього постатей. „Поверишь ли,—пише він Я. Гротові 16/V. 1841,—в России только три человека меня во что-нибудь ценят: это ты, Александра Осиповна (Ішимова, І. А.) и Квитка. С меня этого так довольно, что еще в голову не приходило мне желаний, как прибавить четвертого!“²⁾. А коли Я. Грот, познайомившись з глузливою рецензією Сенковського на „Пана Халявского“, знайшов справедливими закиди рецензента, що Квітка мовляв „слишком уже самовластно поступает с грамматикою и позволяет себе на бумаге безпрестанно такие неправильности, которые в разговоре колят ухо“³⁾—Плет-

¹⁾ В архіві Плетньова, що переховується в Пушкінському Домі в Ленінграді, знаходяться оригінали 39 листів Квітки до Плетньова, не рахуючи численних листів Ганни Григоровни Квітки, деяких інших осіб та самого Квітки до Краєвського, Жуковського тощо. Свого часу Г. Данилевський, у своїй „Украинской Старине“ (Харків, 1866) подав уривки з вісімнадцяти листів Квітчиних до Плетньова, що до дев'яти з них оригіналів нині не збереглося. Отже все листування складалося приблизно з 50 листів Квітчиних; треба ще зауважити, що листування це припадає на 1839—1843 рр., причому на рр. 1842—1843 приходить лише 5 листів. Для порівняння варт нагадати, що до Погодіна збереглося 15 листів Квітчиних за 1830—1840 р.р. (див. Єремія Айзеншток, Г. Ф. Квітка і М. П. Погодин, „За сто літ“, книга друга, ДВУ, 1928, сс. 12—32), до Краєвського—14, за 1839—1843 (див. „Кієвская Старина“, 1893, № 11, сс. 214—222, № 12, сс. 366—374) і т. д.

²⁾ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I., СПб., 1896, с. 352.

³⁾ Ibid., 238, лист з 12/II. 1841.

ньов відповів цією ображеною тирадою. „Мне очень странно,—писав він,—что вы нашли толк в критике Сенковского на Квитку. Я еще прощаю Сенковскому, что он не смыслит различить в авторе слог от языка. Но как-же уверять, что черты смешного потому не смешны, что их автор подметил не в столице, а в провинции. Что касается до вашего замечания, будто Квитка позволяет себе многое в письме, чего и в разговоре не всегда удается слышать, то вы говорите о Квитке, как об авторе журнальной статьи. А он написал огромных двенадцать томов и в них не от себя говорит, а заставляет действовать другие лица. Как же вам не стыдно подмечать в нем то, о чем и не говорится при оценке столь оригинального и неистощимаго писателя. Если он создал столько характеров, столько положений, столько сцен; если он раскрыл перед нами столько разнообразных, незаимствованных, самых неподдельных красот в жизни человека и в его душе,—так можно-ли критиковать, зачем он в одной повести начал фразу словом тьфу!“¹⁾

Коли ще пригадати, що листування Квітчині з Плетньовим припадає на роки 1839—1843, тоб то на часи найбільшої літературної продукції письменника (притому продукції, яка в найзначнішій мірі була зв'язана саме з „Современником“ та з особою Плетньова),—для нас остаточно з'ясується наукова вартість цих листів Квітчиних. Вони не тільки подвоюють відому нам листовну спадщину письменника: вони, крім того, подають безліч нових окремих фактів; вони дають змогу повніше й детальніше освітлити саму постать письменника. В оцих наших нотатках ми робимо спробу підкреслити деякі з цих нових фактів, окремі цікаві риси так вдачі Квітчиної, як і його літературних взаємин в останні роки життя.

Постать Петра Олександровича Плетньова є одна з найповажніших у цілій літературі російській. „Личность Плетнева не поражает блеском необыкновенных дарований: он не был вдохновенным поэтом, а в науке не проложил новых путей глубокомысленными изысканиями. Он просто был человек ясного и трезвого ума, обладавший хорошим образованным и тонким эстетическим вкусом“²⁾.

І джерело популярності Плетньова треба шукати не в його літературній діяльності, але в привабливості його натури, в видатних рисах його особистої вдачі. „В приближении к Плетневу,—писав П. Бартнев,—было что-то облагораживающее, что-то нравственно обязующее, и в этом смысле он, подобно Жуковскому, представлял собою истинную общественную силу“³⁾. „Не жизнь драгоценна, а ее атмосфера“—казав Плетньов. І дорогий він став дальшим поколінням не сам по собі, але в зв'язку з тією атмосферою, розумовою та естетичною, що нею він дихав. Він був приятелем Жуковського, Пушкіна, Дельвіга, Боратинського, покровителем Гоголя, Некрасова, Тургенева. За свідоцтвом Пушкінової сестри, з жодним із своїх приятелів не був великий поет такий близький, такий щирий в останні роки свого життя, як саме з Плетньовим. Жодного з літераторів руських не почував Жуковський ближчим собі по духу, подібним до себе, як саме Плетньова, що мав право сказати про себе та своїх славетніх друзів:

Их счастием я счастлив был равно;
В моей тоске я видел их унылых;

Мне в славе их—участие дано,
Я буду жить бессмертием мне милых.

¹⁾ Ibid., 246, лист з 18, II. 1841.

²⁾ Л. Майков, Памяти П. А. Плетнева, (Историко-литературные очерки), СПб., 1895, с. 266.

³⁾ „Русск. Архив“, 1869, кн. XII, сс. 2089—2090.

Плетньов не діждався на свого Барсукова, що зумів біографію Погодіна створити історією (що правда, тенденційною та односторонньою) російського літературного та культурного поступу за кілька десятиліть; можна проте гадати, що ця нездійснена праця („Життя й труди Плетньова“) стала б за необхідний додаток роботі Барсукова, змальовуючи аналогічну добу, аналогічних людей, аналогічні події,—тільки в освітленні протилежного табору інтелігенції руської¹⁾.

Плетньов,—каже автор однієї з його характеристик,—мав одну властивість, що її вельми цінував Пушкін: прихильність до людей. За кілька днів до свого нещасного дуеля, поет, знесилений і зацькований світськими інтригами та поговорами, зайшов до Плетньова й почав розводити за свій ідеал життєвий на тему: „на земле мир, в человецех благоволение“. Самого Плетньова він опреділив, яко, „человека благоволения“²⁾. Оце „благоволение“ в великій мірі позначилося на відносинах Плетньова до людей: йому просто приємно було допомогти людині, десь пристроїти якусь роботу літературну, закинути за когось словечко тощо; величезне листування з Я. Гротом дає багато цінних ілюстрацій для цього. Оце ж таки „благоволение“ в великій мірі позначилося й у ставленні Плетньова до Квітки.

Ми не маємо досить документальних свідчень, щоб з достатною точністю з'ясувати початок знайомства Плетньова з Квіткою: як сказано, навіть перші листи Квітчині дійшли до нас лише в уривках, виданих Г. Данилевським, листи ж Плетньова (крім двох пізніших та кількох уривків, що знаходяться нині в архіві І. І. Срезневського) і зовсім не збереглися. Отже з поля наших спостережень випадає низка можливо цікавих фактів; проте й наявні матеріали дають змогу зробити кілька реконструкцій біографічних, не позбавлених імовірності.

Посередником при цьому знайомстві був поет Василь Жуковський, який проїздом спинився в Харкові 11—12 жовтня 1837 р.). В своєму журналі поет коротко занотував ім'я Квітчині поміж кількома іншими прізвищами осіб, що його відвідали. Але з пізніших листів Квітчиних довідуємося, що ця зустріч мала для нашого письменника певне епохальне значіння. „Здесьние, хваля мое писание,— каже він у листі до Плетньова з 26/IV. 1839,—принимались переводить на русский, но все было неудачно; я не перевел, а переписал слово в слово, без малейшей перестановки слов, или пересказа другим образом. В ту пору проезжал В. А. Жуковский. Наговорил много лестного и желал читать их в переводе. Какой был у меня под рукою, я такой и вручил ему“. І далі: „В. А. Жуковский, говоря со мною о „Дворянских выборах“, советовал еще продолжать в том же тоне и с тою целью. Когда же я изъяснил трудность составить из всей этой кутерьмы правильную драму, то он мне советовал поместить и развить все это в романе, украсив и напол-

¹⁾ Не спиняємося тут довше на біографії та характеристиці Плетньова: окремі, потрібні нам дані буде наведено принагідно в дальшому викладі. З подробицями ж можна обізнатися з цих робіт: К. Я. Грот, Петр Александрович Плетнев, СПб., 1922 (відбитка з „Русского Биографического Словаря“); В. Н. Жизнь и литературная деятельность П. А. Плетнева, „Русск. Старина“, 1908, № 6, сс. 633—658; № 7, сс. 89—119; № 8, сс. 265—316; В. Шенрок, Профессор-словесник старого времени, „Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Николая Ильича Стороженка“, М. 1902, сс. 552—564; И. Н. Розанов, Пушкинская плеяда. Старшее поколение, М. 1923, сс. 47—92. Повнішу бібліографію див. згадані біографії К. Грота та И. В. Владиславлев. Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX—XX ст., вид. 4-е, М. 1924, с. 275.

²⁾ И. Н. Розанов, *op. cit.*, 49—50.

³⁾ Дневники В. А. Жуковського, с примечаниями И. А. Бычкова, СПб., 1901, с. 367.

нив сценами из губернских обществ¹⁾: це було приводом для дальшої обробки і закінчення великого роману, цілої епопеї, що її письменник кілька разів ґрунтовно перероблював,—„Жизнь и происхождения Петра Степанова сына Столбикова“, alias Пустолобова.

Жуковський, повернувшись до Петербургу, певно, віддав одержані рукописи приятелю своєму, Плетньову, і той видрукував їх одну за одною в „Современнике“, починаючи з „Маруси“, що за неї письменник дістав, за власними словами, „более чем доброе расположение, дружбу почтенного П. А. Плетнева“²⁾.

Ми, як сказано, не знаємо перших листів Плетньова, можемо, проте, до певної міри, дізнатися за їх зміст з відповідей Квіткиних. Всі перші листи Квіткині повні подяками Плетньову „за все ободрившие меня отзывы“ (7/I. 1839), „за одушевлившее меня, наставительное письмо“ (8/II. 1839). Квітку захоплює думка; що „я не что, делаю, а не, как давали мне заметить холодностью и даже молчанием, что я из пустого переливаю в порожнее“ (8/II. 1839). Він радіє зможі виступити прилюдно, перед ширшим загалом, він присягається в тому ж листі, звідки взято попередню цитату: „Следуя одобрению вашему, пишу и буду писать. Буду переводить, что сложится по здешнему; буду пересылать вам...“³⁾. І по-малу, кількома посилками, Квітка надіслав Плетньову переклади ледве не всіх своїх українських повістей⁴⁾.

Для Плетньова Квітка був несподіваним і цінним придбанням, „Современнику“ бо хронічно бракувало матеріалів і надто белетристики. Як каже пізніший дослідник, „Плетневне обладал ни редакторской изворотливостью, ни практическим смыслом и чутьем журналиста, ни полемическим искусством и беззастенчивостью, которые особенно были свойственны его журнальным противникам. Он сознательно избегал всякой полемики, считая ненужным отзываться на злобы и запросы дня и идти навстречу возникающим интересам и потребностям, этим он лишил свой орган живого общественного значения и отзывчивости, а следовательно и популярности“⁵⁾. Що-правда, за популярність ані сам Пушкін, ані тим більше Плетньов, ані навіть його найближчі друзі-приятелі не думали багато. Від самого свого заснування (1836) „Современник“ підкреслював

¹⁾ Г. Данилевский, *op. cit.*, сс. 256—257. В якій мірі важливими були для Квітки поради Жуковського, можна бачити з того, що й „Пан Халявский“, за його словами, „начат по препоручению Василия Андреевича, переданного мне через здешнего чиновника, графа Панина, чтоб описать старинный быт Малороссии, род жизни, воспитание, занятия и все, до последняго“ (*ibid.*, 261; лист з 13/V. 1839). А в тім ми не наважилися би, слідом за акад. М. Сумцовим, твердити, що „письменные сношения Квитки с Жуковским были довольно продолжительны и устойчивы“ (Проф. Н. Ф. Сумцов, В. А. Жуковский и Г. Ф. Квитка—В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь, Харьков, 1902, с. 66): ми знаємо два листи Квітки до Жуковського (з 1/IX. 1840 та 3/XII. 1841, другий лист майже повністю видрукував був Г. Данилевський, *op. cit.* с. 270), що збереглися в архіві Плетньова, але, очевидно, вони свого часу до адресата не потрапили; листи Жуковського до Квітки (і навіть про нього) зовсім не дійшли до нас. ²⁾ Лист Квітки до Погодіна, з 18/I. 1841. („За сто літ“, кн. II, с. 25). ³⁾ Г. Данилевский, *op. cit.*, 251—252.

⁴⁾ „Маруся“ („Современник“, 1838, ч. XI), „Праздник мертвецов“ (1839, т. XIII), „Делай добро, и тебе добро будет“ (1839, т. XIV), „Конотопская ведьма“ (1839, т. XV). Переклад „Салдатського патрета“, зроблений В. Далем, було вміщено в „Современнике“ 1837, ч. VII; пор. лист Квітки до Плетньова з 7/I. 1839: „Солдатский портрет“, помещенный в Современнике же, прекрасно передан уважаемым мною В. И. Далем: но, с позволения его, есть выражения, не так изясняющие мысль и изменяющие понятие о действии. Все это от неизвестности местности и обычаев“ (Г. Данилевский, *op. cit.*, 251). Можливо, що разом із цим листом Квітка надіслав був свій власний переклад „Салдатського патрета“, який не був надрукований і зберігся в архіві Плетньова, в Пушкінському Домі.

⁵⁾ К. Я. Грот, К истории журналистики в сороковые годы прошлого века, „Литерат. Вестник“, 1902, № 8, с. 363.

свою груповість, свою „аристократичність“ (в певному, умовному розумінні цього слова); не дурно ж В. Белінський у рецензії на другу книжку нового журналу, згадував за літературні плітки, нібито „Современник“ є орган „какой-то аристократической партии, которая силится основать для себя складочное место своих мнений“ не дурно він, у тій самій рецензії, доводив, що „в литературе необходимы талант, гений, творчество, изящество, ученость, а не „светскость“, которая только делает литературу мелкой, ничтожной, бессильною, и, наконец, совершенно ее губит“¹⁾. Після ж смерті Пушкіна, цю „светскость“, груповість, орієнтацію на вузько обмежене коло співробітників і читачів, — нові видавці журналу і в першу чергу Плетньов, як редактор, — прийняли немов певне гасло, немов заповіт великого поета: „Ваш журнал, — писав Плетньову М. Гоголь, — не должен заниматься тем, чем занимается торопящийся шумный, со ременный свет. Его цель другая, — это благоухание цветов, растущих уединенно на могиле Пушкина. Рыночная толпа не должна знать к ней дороги: с нее довольно славного имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходитьсь, с тем, чтобы безмолвно пожать друг другу руки и предаться хоть раз в год тихому размышлению“²⁾. Аналогічні думки висловлював і сам Плетньов, неодноразово підкреслюючи відсутність у своїй журнальній діяльності жодних економічних інтересів, відокремлюючи себе і свій журнал від інших видавців і журналів. „Журнал, имеющий много читателей, имеет силу в обществе, говоришь ты, — пише він в одному з листів до Я. Грота, — нет, сила состоит в достоинстве мысли, а не в числе подписчиков“³⁾. „Современнику у меня в руках, — каже він в іншому місці, — низко быть противодейтелем такому сонмищу, какое составляют прочие журналисты наши. Это значило бы считать их себе соперниками. Но Современник так на них ничем не похож, так неоднороден с ними, так из другой пришел области, что не слыхал о их существовании“.

Ці погляди редактора обумовлювали надзвичайно вбогий та одноманітний характер журналу: іншим він і не міг бути, бо складали його постійні три-чотири особи. Від нових співробітників Плетньов, як ми бачили, тримався осторонь, старі ж або мало цікавилися літературою, щобто майже не працювали систематично (Жуковський, кн. Вяземський), або ж, коли були літераторами-професіоналами, як скажемо, Гоголь, то вимагали певних і досить значних гонорарів, яких Плетньов звичайно платити не міг: відсутність передплатників не давала йому змоги утворити справжню касу журналу. Бо й так він щоразу мав доплачувати досить значні суми з свого професорського утримання⁴⁾. Утворилося зачароване коло, що в ньому видавець мав крутитися, немов веврик у колесі: співробітників не було, бо не було грошей, грошей не було, бо відсутній був читач, останній же не з'являвся, бо не було для чого йти, — журнал був беззмістовний⁵⁾.

1) „Молва“, 1836, № 13; цит. за виданням: „Полное собрание сочинений В. Г. Беллинского“, под редакцією С. А. Венгерова, т. III, СПб., 1901, с. 60.

2) Лист з 17/III. 1842. Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, т. II, СПб. сс. 155—156.

3) З цих причин він уникав закликання нових співробітників, які дали б йому змогу побільшити тираж журналу: „я бы введен был невозвратно в необходимость идти общею колеею с Краевским и Сенковским, чего именно и не хотел я“.

4) Пор. в листі Плетньова до Квітки з 10/XI. 1842: „Нынешнего года выгоды мои были по прежнему, т. е. я приплатил в лавку за бумагу и в типограф[афию] за печать собственных денег 5 т. р.“ (Рукописн. відділ Бібл. Акад. Наук, архів Срезневського, № 141), Неодноразово згадує Плетньов за ці свої витрати в листуванні з Гротом.

5) Б. Г л и н с к и й, Загробный журнал Пушкина, „Историч. Вѣстникъ“, 1897, № 1, сс. 241—279.

Отже зрозумілим після цього стає, яке значіння мав для Плетньова новий співробітник—Квітка—що охоче згоджувався писати й писати, визнавав журнал за найближчий собі по духу, присягався не мати справ з іншими журналістами і в своїй діяльності літературній цілком покладався лише на добір та смак Плетньова. „Следуя одобрению вашему, пишу и буду писать. Буду переводить, что сложится по здешнему; буду пересылать вам, но с условием: если будет удостоено чести помещения в журнале вашем, помещайте, нет—без всякого снисхождения отриньте, личные отношения и отношения к публике, вещи различные“¹⁾. А після кількох перших перекладних повістей, Плетньов зачинає вимагати від свого співробітника оригінальних творів російською мовою, борючися з опором українського письменника. „Я не могу, відповідає Квітка на одну з таких вимог,—по нынешнему, писать очищенным слогом, подобранными выражениями, и всегда буду сбиваться на свой тон, малороссийский“. Він побоюється, що „при всем усилии, при всем старании, буду взлезать на ходули и, от неумения управлять, зашатаюсь и упаду“²⁾. Він скаржиться: „Что же мне делать, если я себя не понимаю!“—він запевняє, що „никогда не думал... писать что-либо“, передбачає, що „насмешки во всеуслышание, домашние упреки (если не более)—это будет моею наградой!“³⁾,—і все ж таки він зрештою згоджується на прохання та пропозиції свого кореспондента й переходить значною мірою на руські повісті.

Водночас набуває певного значіння економічна основа зв'язків Квітки з Плетньовим і „Современником“. Ми згадували вже, що сам Плетньов обминав різні фінансові питання, яко неістотні для того великого діла, яке він робив⁴⁾. Але ж Квітку літературний гонорар цікавив, бо давав можливість виконувати різні доручення дружини, Ганни Григоровни. З іншими журналами (прим. „Отечеств. Записками“), справу розв'язувалося дуже просто: дізнавшись про існування „Халаявского“, вони „просили выслать и предложили о вознаграждении, что мне получить?“. З Плетньовим треба було говорити делікатніш, не стільки ставлячи свої умови, скільки натякаючи взагалі на потребу певного винагородження своєї літературної праці. Отже, бачимо, приміром, як (у листі з 13/V. 1839) Квітка,—очевидно з приводу пропозиції Плетньова видати деякі твори Квітчині окремо,—пояснює, що дістає „от брата определенную пенсию; рассчитанной мною от числа до числа, от срока до срока, стает; но лишнего не бывает, и ни откуда не приходит, следовательно приступить к печатанию я не имею никакой возможности“⁵⁾, як він згадує за свої умови та грошові розрахунки з „Отечеств. Записками“. І тільки викликавши Плетньова на пропозицію власних послуг щодо придбання потрібних речей, Квітка просто підходить до мети, з'ясовуючи свої бажання та передбачення. „Начавши дело с „Отечественными Записками“, мы хотели им послать записку, что нам нужно будет ту цену, какую вы назначите⁶⁾; но если вы находите другую и удобнейшую дорогу к удовлетворению желаний наших, то и зависит совершенно от воли Вашей.

1) Лист з 8/II. 1839: Г. Данилевский, *op. cit.*, с. 252.

2) Лист з 15/III. 1839: Г. Данилевский, *op. cit.*, с. 254.

3) Лист з 26/IV. 1839: Г. Данилевский, *op. cit.*, сс. 255—257.

4) Варто навести ще один цікавий факт. В листі до Грота з 30/VIII. 1840. Плетньов розповідає про Краєвського та Владиславлева, що „почти разошлись из-за денег“. „Не знаю,—додав він,—кто из них более виноват, но не могу не жалеть о ничтожестве людей, всем жертвующих для денег“ (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, СПб., 1896, с. 35).⁵⁾ Г. П. Данилевский, *op. cit.*, с. 261.

6) Можливо, що в листі, який не дійшов до нас повністю, Квітка доручав Плетньову оцінити „Пана Халаявского“ та „Головатого“, вміщених в „Отечеств. Записках“.

Мы вам вверились и вам все предоставляем. І далі: „Получение денег ни на что более не нужно, как на приобретение вещей, подобно как в записке. Следовало те же деньги отправлять обратно за вещами; и для того лучше, не высылая денег (если-б когда оставались) удерживать их до будущих надобностей“¹⁾.

Цей лист, ця заявка розпочинають довгу низку аналогічних вимог та прохань нашого письменника. Ледве не в кожному листі він або Ганна Григоровна прохають „почтеннейшего Петра Александровича“ надіслати тканини на одягу, модний чепець, рукавички, мережані комірці,—аж до хутра та карети включно. Ці вимоги перемежаються з палкими та щирими подяками за вдало виконані доручення. „Надобно было самим Вам, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, видеть, с каким восторгом приняла моя Анна Григорьевна все присланные Вами славности!— читаємо в листі з 4/X. 1839 р.—Это была не радость дитяти, получая игрушки; но чистейшее душевное наслаждение при виде внимания в высшей степени“ і т. д. Плетньов брав на себе навіть виплату Квітці (знову таки різними речами) боргів інших журналів („Отечеств. Записки“,— про це Квітка неодноразово згадує в листах своїх), прагнучи одного тільки—як найближче притягти письменника Основ'яненка до участі в „Современнике“, цілком монополізувати його літературну продукцію.

Проте, це йому вдалося далеко не в повній мірі. Квітка, правда, повідомляв якимось Плетньова, що „сегодня передано мне от Г. Смирдина приглашение участвовать в Сыне Отечества и просили сказать об условиях, на которые они заранее согласны“ і що він одмовився від цієї пошани („...сказал, что я не занимаюсь ex officio, чему давши слово, посвятил себя и пишу, когда вздумается“)²⁾; дві-три аналогічних згадки можна знайти й у дальших листах. Зате дуже часто зауважає Квітка, що не міг одмовити одному, ще здавна обіцяв другому, мусив дати щось третьому й т. д. Повної, справжньої монополії все ж таки не виходило, це немало нервувало Плетньова й правило за одну з причин його пізнішого розходження з Квіткою. Скільки міг, він боровся з цим, затримував деякі статті³⁾, але це не завжди йому вдавалося.

Було б проте аж надто необережним твердити, що Квітка цікавив Плетньова тільки як плодючий письменник і вигідний співробітник журналу. Як видавець, він звичайно оцінив у належний спосіб зручність співробітництва Квітчиного, але як редактор, як критик, як читач він безперечно милувався з художніх якостей творів письменника українського, хоч і визнавав іноді слабкі сторони його творчості. Цікаві дані щодо цього знаходимо в листуванні його з Я. Гротом. В одному листі Грот зауважив з приводу чергової книжки „Современника“ таке: „Харьков“ по скучности своей неудобочитаем; да и Ярмарка скучновата; в повестях Квитка слишком растянут, почти всегда“⁴⁾. Плетньов, відповідаючи на цей закид, погодився з першим зауваженням, зазначивши, що „Харьков“ напечатан был тогда, когда нечего было еще послать в типографию. Без балласта не пускаются в море“; щодо „Ярмарки“ він вважав: „Ярмарка едва ли не лучшая повесть Квитки“⁵⁾.

1) Г. Данилевский, *op. cit.*, сс. 263—264; лист з 5/VIII. 1839.

2) Лист з 27/IX. 1839.

3) Прим. 5 VIII. 1839 р. Квітка надіслав йому статтю „О слободских полках“, зауважуючи що про неї „просила меня редакция „Отечественных Записок“, гадаючи, що „статья эта никуда больше и не пойдет, как к ним“, і прохаючи: „Если понадобится им, отдайте, а цена на ваше произволение“ (Г. Данилевский, *op. cit.*, с. 264). Як відомо статтю цю було вміщено в „Современнике“ (1840, ч. XVII). 4) Переписка., т I, с. 102: лист з 22/X—1840 р. 5) *Ibid.*, сс. 114, 115. Пор. ще ці листи Плетньова, з 21/VIII—1840. „Квитка мне прислал новую повесть „Ярмарка“—прелесть!“ (*Ibid.*, I, 26); з 12 XI—1840 р.: „У великой княжны Ольги Николаевны читал прелестную Ярмарку Квитки“ (*Ibid.* I, 133) і т. д.

В листах до Грота нотує Плетньов нові повісті, що надсилає Квітка нотує власні вражіння від них, нотує відзиви інших осіб, які мали нагоду познайомитися з ними, „Вторник (10 декабря) кончил чтение Ярмарки,—пише він 10/XII. 1840 р.—Государыня была очень довольна. Я спросил, читала ли она Марусю. И когда узнал, что нет, то предложил со следующего раза ею заняться. Мне хочется разнежить ее вкусом чтением русских и сделать для нее выбор из всего, что у нас есть лучшего“¹⁾. Або в листі з 8/I. 1841 р. „Вечером Александра Осиповна [Шимова] читала для меня в рукописи новую повесть Квитки—„Фенюша“. Это очень трогательно“²⁾. Квітку він уважає за основне джерело для заповнення белетристичного відділу журналу і кожну перерву, навіть затримку в поставці матеріялів він сприймає надзвичайно боляче. „Возвратясь домой, нашел у себя письмо от Квитки,—пише він 24/IX. 1840 р.—На будущий год он отказывается от поставки повестей в Современник потому, что дворянство, при выборах, намерено возложить на него какую-то хлопотливую должность. Я не знаю, что мне будет и делать без него. Откуда взять повестей?“³⁾. І ще в листі з 13/IV 1841 р. „Меня ужасно обманул Квитка. Он еще в начале года сказал, что мемуаров его станет на каждый №. Я и жду все этой статьи, а ее нет до сих пор. Так досадно!“⁴⁾. А коли Квітка, під впливом глузливої рецензії барона Брамбеуса, збирався зовсім кинути літературу, Плетньов писав Гротові: „Вот что значит великий талант, но без полного сознания своей дестинации. Он привык думать, что за сочинения надобно ждать только или похвал, или денег. А о высокой цели творчества и не помыслил“⁵⁾. І Плетньов мусив нагадувати письменнику за цю „высокую цель творчества“, мусив підбадьорювати його, доводити безпідставність образ на негативну, бодай і тенденційно-глузливу критику; зате з яким задоволенням повідомляв Плетньов свого приятеля, що Квітка „вылечился и тепер ясно видит справедливость моих настояний“, що він „опять согласился... на продолжение своих сочинений, их издание и участие в Современнике“⁶⁾.

Важче з'ясувати, як ставився до Плетньова сам Квітка: бо для цього маємо аж занадто мало матеріялів. Він, правда, пише якое (в листі з 4/X. 1839 р. про редакцію „Отечественных Записок“, що „они все замолчали и даже Г. Гребенка, первый отыскавший меня, всегда относившийся ко мне искренно, давно уже молчит. За разрыв не посетую. И кого мне, приобревши дружбу Вашу, кого мне и что надобно? Решительно не думаю о них“. Але два тижні згодом 21/X. 1839 р. він же, у довгому листі до редактора „Отечествен. Записок“, А. Краєвського, всіляко вихваляє цей журнал: „...чем далее идет дело, тем более вижу, что Вы ни на шаг от цели своей“; і далі: „Жалкие писки нетопырей прозирающие отблеск света и от того предвидящие, что уродливость их обнаружится, конечно должны усиливаться, в надежде, что они могут заглушить проявляющийся свет. Жалки они, но несносны своим писком и более, что ожидаешь услышать среди тишины—ну, хоть чириканье воробушка, как вдруг слух поражается кваканьем лягушек, карканьем ворон, старающихся уверить, что они-то и есть соловьи и канарейки; слышится заглушить визгом, писком, кваканьем настоящих певчих птиц, коих слушал бы с удовольствием... Благая цель Ваша авось-либо загонит их

¹⁾ Переписка..., т. I, сс. 164—165. ²⁾ Ibid., с. 197.

³⁾ Ibid., с. 66. ⁴⁾ Ibid., с. 316.

⁵⁾ Ibid., сс. 252—253; лист з 21/II. 1841 р. Пор. в листі з 3/III. 1841 р. „Вижу я, что талант и характер две вещи совсем разные. Он привык только лакомиться литературою; а в ней надобно многое перестрадать и выстрадать, невозмущаемое спокойствие ума и чести“, (Ibid., с. 264). ⁶⁾ Ibid., с. 276, лист з 14/III 1841 р.

в болото. Общее желание¹⁾). Квітка, правда, зауважує в цьому листі, що „со всею готовностью доставлял бы Вам статьи, но все то, что во время досугов писалось, все то отправлено на дружеское, беспристрастное рассмотрение и обсуждение“, але далі все ж запевнює в своїй пошані до корисних трудів Краєвського: „я всегда и всем готов содействовать им и... ни в каком случае не уклонюсь от обязанности моей, высылая, по мере возможности, что напишется и будет годно для такого журнала“. І можна з цілковитою певністю твердити, що тільки невиконання Краєвським своїх грошових зобов'язань відштовхнуло Квітку від дальшої участі в „Отечеств. Записках“.

В листах до Плетньова Квітка часто-густо просить подавати йому цікаві теми, виправляти стилістичні огріхи тощо. „Указывайте мне слабости, неполноты в изображении характеров, подробности мелочные и ненужные, пусто и многословие и проч. и проч. тому подобные излишности“,—пише він в листі з 11/XI. 1839 р. А в другому листі (з 26/X. 1840 р.) він зауважає, що „Столбиков нуждается... в ближайшем просмотре и очистке от неуместных повторений местоимений, скруглении периодов и мн др., потому что писан по моему крайнему разумению“, і прохає доручити комусь „наблюдать за такою отделкою: не изменяя мысли и желания что сказать, выразить это чище и глаже и круглее“.

Не треба проте тлумачити це, яко вислів виключного довір'я, бо з аналогічними заявами Квітки стрічаємося в листах до багатьох інших кореспондентів. Так, в листі до Максимовича, з 13/VIII. 1840 р., він, надсилаючи до „Киевлянина“ свою повість (названу Максимовичем „Добрый пан“), пише таке: „Полную волю имеете поступить с тетрадкою, как Вам угодно: поместить ли ее или оставить без внимания. В первом случае убедительно просил бы Вас рассмотреть—прилично ли заглавие и буде нет, дать другое, негладкости, шероховатости в слоге, излишек местоимений и проч. и проч.—уж не отказать исправить²⁾“. В листі до Погодіна (з 2/VII. 1832 р.) Квітка санкціонує значні зміни, пороблені Погодіним у „Ганнусі“, додаючи: „Конечно, она не могла явиться в данном мною ей виде и Вы чувствительно обязали меня, пристричь (sic! I. A.) где надобно, пообрезав лишние складки, все одним словом приче пурив (как у нас говорят) ее, так что она пошла в белый свет за добрыми людьми“³⁾. Справа, очевидно, полягала не в персональних симпатіях Квітки (пригадаймо: в цитованому листі до Плетньова, він просить просто доручити комусь обробку рукописа), не в безмежному довір'ї до певних осіб, але в глибокому та щирому переконанні самого письменника в тому, що твори його „не иначе могут явиться в люди, как быв приумыты, прихолены, приодеты рукою терпеливой, без ропота, старающеюся покрыть недостатки тяжелых слог“⁴⁾.

Нам здається, що ці наведені зіставлення (кількість їхню можна було б ще побільшити) дозволяють зробити кілька загальних зауважень до характеристики взаємин поміж Квіткою та Плетньовим. Хоч якими тісними та жвавими можуть вони здатися на перший погляд, навряд чи вони були абсолютно позбавлені некорисливих моментів. Повсякчас Плетньов бачив у своєму кореспондентові вигідного й плодючого автора і співробітника. Лише безмежний ідеалістичний настрій Плетньова, прагнення сприймати лише позитивні, приємні сторони життя дозволяли йому вважати Квітку за свого однодумця, дозволяли йому пропонувати Квітці

1) „Кіевск. Стар.“, 1893, № 11.

2) „Кіевск. Стар.“, 1883, № 6, с. 349. 3) „За сто літ“, кн. II, ДВУ, 1928, с. 20.

4) Ibid., с. 20; лист до Погодіна з 14/XI. 1831 р.

утворити разом з Гротом і Ішимовою особне літературне братство¹⁾. Бо що по суті могло об'єднувати ідейно сумирного, з невеликим діапазоном творчості письменника українського, провінціала *pur sang* і блискучого, світського, європейськи освіченого петербурзького професора і літератора?

Плетньов вимагав від співробітників своїх такої ж некорисливості й самовіданности, які виявляв він сам. „Современник есть журнал, существующий не на коммерческом основании. Всем это известно, и потому всякий, принимающийся работать для него, вместе с тем отказывается от денежного вознаграждения за свою работу“. А Квітку літературна робота цікавила в значній мірі лише тим, що давала змогу задовольняти бажання своєї дружини, Ганни Григоровни, давала змогу поповнювати недостачу постійного бюджету: недурно ж всілякі господарчі доручення посідають таке значне місце в листах Квітчиних. Плетньов виконував ці доручення швидше та краще, ніж інші „журналісти“,—і це викликало з боку Квітки подяки, запевнення у вічній приязні тощо. Сама постать Плетньова забирала при цьому якийсь другорядне місце, а поготів не був Квітка щирим і переконаним прибічником літературних позицій самого Плетньова та „Современника“ і досить показовий в цьому відношенні той факт, що Квітка майже одночасно був співробітником „Современника“, „Отечественных Записок“ і „Маяка“, цебто журналів, що репрезентували найрізноманітніші, найпротилежніші угруповання соціальні та літературні; співробітником „Библиотеки для Чтения“, правда, він так і не зробився, але, одмовивши було Смірдіну, він пізніше все ж таки дав йому якийсь оповідання.

Нам не хотілося б, щоб характеристику нашу зрозуміли помилково: ми зовсім не збираємося доводити якоїсь нещирості, корисливості Квітки в відносинах до Плетньова; навпаки, можемо сказати, повторюючи сказане на початку цієї статті, що ні до кого з своїх кореспондентів Квітка не ставився з такою пошаною, ба навіть любов'ю, як саме до Плетньова. Але при цьому не слід забувати, що основою цих взаємин були все-таки певні економічні стосунки співробітника і видавця, що саме ці стосунки визначали характер взаємин, сприяли утворенню приятельських відносин, що вони ж таки, в великій мірі, привели до пізнішого розриву.

Про цей розрив старі дослідники—біографи Квітчині та історики літератури майже не згадували. Г. Данилевський, у своїй відомій „Украинской Старине“, цитуючи листи Квітки до Плетньова, ретельно випускав з них усе, що стосувалося цього розриву; пізніші дослідники взагалі не мали під руками досить нових матеріалів і обмежувалися (С. Р., М. Плевако та інші) здебільшого тлумаченням даних, наведених у свій час Г. Данилевським. Дещо читач міг би почерпнути з „Переписки Я. К. Грота с П. А. Плетневым“, що на неї ми багато посилаємося, але ж значіння цього видання ще й донині не досить оцінила критика²⁾. Отже лише тепер маючи змогу ознайомитися з невиданими матеріалами, листами Г. Квітки, П. Григор'єва, Ю. Фішера, П. Плетньова та інш., можемо до певної міри відтворити зовнішні обставини, що привели до розриву Квітки з Плетньовим.

Жваві й приятельські зносини Квітки з Плетньовим досягли най-

¹⁾ Пор. в листі до Грота в 21 VIII. 1840 р.: „Я ему писал о вас и сказал, что мы все с Александрой Осиповной должны составлять особое литературное братство“ (Переписка, I.26).

²⁾ Не звернули до себе уваги й спеціальні виборки щодо Квітки з цього видання, зроблені О. Лазаревським; див. А. Л., Гр. Ф. Квитка как сотрудник „Современника“, „Кіевск. Старина“, 1896, № 3, д. с. 94—98.

більшого свого розквіту наприкінці р. 1840. Глибоко шануючи Квітку, цінуючи його як письменника, бажаючи одночасно міцніше зв'язати його з собою та „Современником“, Плетньов запропонував українському письменникові видати повне зібрання його творів, — знайшов видавця, власника „привилегированной типографии“ — Фішера, взяв на себе всі попередні розмови, угоди й т. д. Треба зауважити, що цю роль посередника Плетньов виконував не вперше: загально відомі його клопоти щодо видання творів Пушкіна (про це багато згадок є в листах поета), Жуковського, кн. Вяземського, Козлова, Грота тощо; щира приязнь його до багатьох письменників знаходила собі вихід у цих клопотах і зовсім очевидно, що Плетньов віддавався їм з охотою, ба навіть певним запалом. Це, між іншим визнавав і Квітка: „Вы в нашем деле. — писав він, у листі з 26/X. 1840 р., — действуете как ближний родной, более: как истинный друг; с большим вниманием и осмотрительностью действуете, нежели бы я сам“.

Щодо умов видання Квітка в пізнішому листі писав так: „... г. Фишер обязался необходимым капитал на печатание употребить свой, за проценты, мера коих и срок мне не были об'яснены и эта часть оставалась в неизвестности для меня¹⁾. По отпечатании г. Фишер принимал на себя продажу экземпляров и за то вычит в пользу его, процент комиссионерский. Для скорейшего сбыта, положено было назначить цену за экз. самую сходную, лишь бы вознаграждались издержки“²⁾. Треба пам'ятати, що цього листа Квітка писав уже тоді, коли з'ясувалися негативні сторони цього видання, що, за висловом біографа Квітчиного, „кріме неприятностей, самых чувствительных, ничего не принесло огорченному старику, который вдали от Петербурга не мог с успехом стоять за свое дело“³⁾. На початку ж він уважав, що „издание устроено самым приличным и безкорыстным образом, как мы всегда мечтали. Лучшее и малое, но получить, нежели, польстяться на большое приобретение, остаться, без всяких выгод... Все благомыслящее останется благодарным г. Фишеру и самые спекулянты, на убытках других основывающие свои выгоды, с начала возопиют, но потом последуют его правилу“⁴⁾.

Чекаючи певних прибутків від цього видання, — що в його успіхові неоднаразово запевняв письменника той же Плетньов, — Квітка заздалегідь призначив їх на певні свої господарчі потреби. Наприкінці року 1840 його було обрано на голову харківської кримінальної палати. „Новая должность потребует жизни в городе, — пише він Плетньову того-ж таки 26/X. 1840 р. — и ближайших отношений к домам или семействам начальствующих. Для этого нужно необходимое приличие. У нас нет экипажа, — здесь ничего хорошего и прочного нельзя найти и за хорошую цену... Покорнейшая наша просьба: когда начнется выручка уже в нашу пользу, денег не высылать к нам, а собирать их у Вас. Когда соберется их столько, что можно что-нибудь предпринять, тогда будем беспокоить Вас о покупке кареты и пр.“. Плетньов, який неоднаразово пропонував своєму кореспондентові звертатися до нього, немов до „домашньої своєї контори“, негайно надіслав карету і викликав нею новий вибух захпелених тирад простодушного письменника. Але, ще до того, як карету було одержано, Квітка звернувся до свого добровільного комісіонера

¹⁾ З листів і рахунків Ю. Фішера, що збереглися в архіві Плетньова довідуємося, що він брав комісійних по 9⁰/₀ за видання книжки і 6⁰/₀ за продаж.

²⁾ І. Айзеншток, До історії видань творів Г. Ф. Квітки, Київ, 1927, с. 4; лист з 12/VI. 1842 р. до невідомої особи; пізніші дослідження запевнили нас в тому, що лист цей адресовано П. Григор'єву.

³⁾ Г. П. Данилевский, Украинская Старина, Харків, 1866 р., с. 229.

⁴⁾ Лист до Плетньова з 26/X. 1840 р.

з дорученням придбати до ім'янин Ганни Григоровни „шубу попараднее и пристойнее“, пояснюючи: „она у меня одна в мире и ей желал бы доставлять все, что бы она ни пожелала и потому дружбою нашею умоляю Вас, не потяготиться моим препоручением и не отказать мне“... (лист з 14/XII. 1840 р.).

Тимчасом комерційний успіх „Сочинений Основьяненка“ далеко не виправдав покладених на нього надій. „Пан Халявский“, що мав відкривати збірку, викликав брутально-глузливу рецензію Барона Брамбеуса (Сенковського), де підкреслювалося й висміювалося суто-провінціальний, хуторянський характер творчості письменника українського. Рецензію цю надзвичайно боляче сприйняв Квітка, під її впливом відновилися старі його побоювання за те, що „Столбиков“ (який мав іти слідом за „Халявським“) дасть привід багатьом „сильним світа цього“ ополчитися на нього, ледве не зжити його зо світу¹⁾. В розпачливих листах він кляв Сенковського, присягався ніколи не братися за перо, благав знищити видруковані аркуші „Столбикова“ й тим врятувати йому дальші роки життя й т. д.

Ще раніше дістав Квітка відомості про надто слабкий попит на його книжки, зокрема на „Халявского“, що мав досить значний успіх друкованься в журналі; це теж не дуже сприяло доброму настрою письменника. „Когда уже всем известный, только до половины вышедший Халявский,—писав він (лист з 8/I. 1841 р.),—о продолжении коего просили, так дешево продающийся и тот слабо раскупается, что же будет с Столбиковым, вдвое ценным, никому неизвестным, что будет с ним и с прочими частями. Они чисто залягут в подвал“. І письменник уважає за краще, „не вводя г. Фишера в дальнейшие издержки, закончив печатанием Столбикова, о дальнейшем издании сказать, что „оно приостанавливается по непредвиденным обстоятельствам“ или под. тому“.

Не міг дуже втішити Квітку й лист видавця, Ю. Фішера, який повідомляв автора, що протягом двох перших місяців продано „Пана Халявского“ 500 прим., цеб-то $\frac{1}{4}$ цілого тиражу, що видатки по цьому виданню виносять 1590 крб. сер. і автор, після реалізації всіх книг, має одержати 350 крб. ср. Тимчасом „Петр Александрович Плетнев письменно требует от меня 2500 р. асс., которые он заплатил за экипаж, посланный Вам“, тоді, як авторові належить „только половина всей суммы... и то по распродаже только полного издания“²⁾. Квітка навіть не зрозумів гостроти цього становища; в листі з 1/VII. 1841 р. він пропонує Плетньову з'ясувати, „не пожелает ли г. Фишер взять за собою все издание Халявского и Столбикова“, покривши звичайно всі видатки, зроблені Плетньовим,—на це Фішер не міг пристати, бо грошей не мав і лише використовував власну друкарню, вкладаючи в видання свою працю і свій кредит. Зрозумівши ж він негайно вирішує припинити видання,—це теж не було розв'язанням справи, бо відкритим лишилося питання про основний борг видавцеві. „Вас не должно удивит и з в е с т и е для обертки последнего тома: мы долго обсуживали, рассчитывали, со-

¹⁾ Ці побоювання мають за підставу, певне, досить довгу цензурну історію цього роману. В примітках до листування Квіткиного з Плетньовим ми досить детально спинаємося на ній, використовуючи матеріали архіву головного управління цензури. Тут можна зауважити, що спочатку „Столбиков“ (тоді ще—„Пустолобов“) був задуманий як роман сатиричний, при тому—соціально-сатиричний. Але спочатку повна заборона роману, а далі низка напів приватних пересторог з боку цензорів, примусили Квітку вихолощувати цю сатиричну суть роману, перетворювати його на звичайний роман нравів, у душі численних романів „похождений“ кінця XVIII—початку XIX ст. „Творчій історії“ „Столбикова“ нами присвячено спеціальну статтю „Історія одного задуму“.

²⁾ Лист з 10/II. 1841 р. переховується серед Квіткиних паперів в архіві Плетньова.

ображали все,—читаємо в листі з 7/VI. 1841 р.—По худому сбыту и первоначального Халявского, заинтересовавшего всех, не удовлетворили и самого г. Фишера; а он издержался на издание Столбикова. Этот пойдет еще медленнее, судя по началу... Следующие части потребуют новых значительных издержек, не могущих уже ничем вознаградиться. А потому, мы и положили гораздо осторожнее сделать, если под справедливым предлогом прекратим издание“.

Тимчасом на обрії Квітчиному з'явилася була нова постать, що відіграла в цій історії не аби яку роль,—актора П. Григор'єва (або, як його звали звичайно—Григор'єва 1-го).

Григор'єв, за характеристикою мемуариста, „был неподражаем в ролях простых людей, в особенности солдат. Он умел хорошо и верно проявлять чувства простой, грубой души...; кроме того, Петр Иванович считался мастером передавать бывшие тогда в большом ходу патристические сцены и петь такие же куплеты“¹⁾. До того ж мав Григор'єв певний хист водевіліста, і, разом з Каратигінім, Коні й т. д., постачав водевілі для петербурзької сцени. До Харкова приїхав він року 1841 на Троїцький ярмарок й лишався там до початку липня, мавши значний успіх у п'єсах свого репертуара²⁾.

В Харкові ж він познайомився з Квіткою, вподобавши його „Шельменка-денщика“ і вирішивши поставити цю п'єсу в Петербурзі, в свій бенефіс³⁾. Можемо проте гадати, що розмови з Квіткою не обмежилися самим тільки театром: Григор'єв добре був обізнаний з тогочасними подіями та позалаштунковими відносинами літературними, і очевидно переказав дещо провінціальному письменнику. Треба ще зважити й те, що уподобаннями літературними, смаками мистецькими Григор'єв належав до зовсім протилежного табору, ніж Плетньов, при тому табору, що вороже ставився до „аристократів“—Плетньова, Жуковського, Вяземського тощо. Отже, дізнавшись про видавничі утруднення Квітчині, Григор'єв,—можливо з найкращими намірами,—уговорив письменника доручити йому розв'язати всю цю справу: в цьому нас переконують кілька листів Григор'єва, що з ними ми мали змогу познайомитися. Характер і зміст цих листів (вони приготовані нами до друку) як найкраще доводять близьку причетність Григор'єва до розрива поміж Квіткою та Плетньовим; вони ж, ці листи, доводять і те, що спричинилися до цього розрива переважно економічні міркування.

З характером листів Григор'єва можуть познайомити ці уривки⁴⁾: „Первый и благородный издатель Ваш надул вас, я полагаю, оттого, что его рекомендовал Вам—превосходительный (а, как гласит молва) и сам превосходный Надувал о! Разумеется, сего качества не знаете ни Вы, ни кто из живущих в провинции о г. рекомендателе. При том же Фишер, как мы знаем, никогда не имел больших капиталов, а напротив: с помощью рекомендателя, надеялся подняться на спекуляциях, поразжиться, что им и удалось несколько, отчасти с Вами, отчасти с иными, которые также, как и Вы—знали только, что рекомендатель—человек с именем... А мы, артисты, люди незначительные, не превосходительные, рекомендуя, заботимся с дуру только о том, чтоб доверяющее

¹⁾ Г. М. Максимов,—Свет и тени Петербургской драматической труппы за прошедшие тридцать лет (1846—1876). СПб., 1878, с. 33.

²⁾ Н. Ч.—Харьковские гастроли известных актеров и актрис с конца 1820-х годов до 1880-го года, III. П. И. Григорьев—Южный Край. 1885, 17 VII, № 1564.

³⁾ Це він і зробив у наступному 1842 році.

⁴⁾ На жаль листи його майже не мають річних дат і часто-густо можуть бути датовані лише приблизно. Цей лист датовано: „Спбург, декабря 7-го“; гадаємо, що його треба віднести до р. 1841.

нам лице считало нас всегда за людей честных и в этом находим пока для себя самую лучшую награду за хлопоты. Да притом, если-б из нашей братии кто и пустился на аферы, то, в простоте сердечной, не сумел бы свести концов с фарисеями¹⁾. І, в противагу Фішерові, Григор'єв рекомендує книгаря М. Ольхіна, „человека с деньгами, который, не желая заты[ги]вать ни счетов ни расчетов, прямо платит каждому деньги, по получении рукописи“.

Цікавий і розрахунок гонорару, що про нього тут же повідомляє Григор'єв: „если пойдет Вашего в книги: Сказка за сказкой или Библиотеку тогда только платится по 150 р. (ассиг.) с листа; если же что напечатается в 3-й выпуск²⁾, тогда больше не может, как по 100 р. (ассиг.) с печатного листа“. Правда, Григор'єв зараз же оговорюється: „Какой тут у него расчет или выгода—я не знаю, да вовсе и знать не хочу“; нам проте зовсім легко пояснити цю різницю: Ольхін був видавцем „Библиотеки для Чтения“ і для нього за тодішніх літературно-партійних відносин, переманити постійного, найдіяльнішого співробітника „Современника“ та „Отечественных Записок“ було в значній мірі питанням самолюбства.

В цьому ж роді й інші листи Григор'єва. „Собираю, по Вашим поручениям, всевозможные справки на самом месте преступления Ваших грабителей,—пише він 3/IV. 1842 р.—скоро, скоро представлю Вам все козни Ваших издателей спекулянтов, все потребности о ходе Ваших сочинений и о доходе, следующем быть в весьма значительном количестве, посланном в Ваше распоряжение“. Він запевняє Квітку, що його пограбовано самым бессовестным образом“, що „Столбикова наверно продано уже до 1000 экземпляров“. Він просить надіслати йому „вірчого листа: „с Вашим... открыто-просительным письмом ко мне, о отобрании точных доходов с Ваших сочинений, я бы отправился в канцелярию графа Бенкендорфа, и начальник штаба, генерал Дубельт, разом бы сделал для меня точную разделку и расчет. Славный генерал этот Леонтий Васильич! любит артистов и не отказывает ни в какой справедливой просьбе“³⁾ і т. д.

Наприкінці р. 1841 трапилася якась сварка поміж Плетньовим и Фішером, якої подробиць ми з певністю не знаємо. Під впливом цієї сварки Плетньов повідомив і Квітку про шахрайства Фішера і з цього часу підозріння Квітки, наговори Григор'єва дістали собі міцну основу: Квітка, в листах до Плетньова, одверто пише про „неблагонадежность“ Фішера, про всілякі непевні чутки, що доходили до Харкова, пропонує „поступок его огласить пред светом печатно“... Але поруч з цим зростає зневіра в здібностях Плетньова, листи Квітки стають все рідшими, коротшими, сухішими... 7 березня 1842 р. Плетньов писав до Я. Грота: „Мой главный сотрудник, Квитка, повидимому, оставляет меня. Я не в состоянии был исполнить всех его комиссий—и это его охладило. Пускай попробует иметь дело с другими журналистами. Может быть, и возвратится ко мне. Кажется, он не убежден, что я жертвовал ему донельзя по одному капризу продолжать Современник“⁴⁾.

Але до „Современника“ Квітка вже не повернувся... Хронологічно листування ще тривало далі, але дружні зносини скінчилися, лишивши в обох кореспондентів неприємні спогади. Квітка жваво листувався з Григор'євим, що ледве не в кожному листі своєму лаяв Плетньова без оче-

1) Рукописний відділ Бібліотеки Академії Наук СРСР. Архів І. Срезневського, № 290.

2) Цебто творів Квіткиних. І. А.

3) Лист без дати; Пушкінський Дім, архів „Русской Старины“.

4) Переписка..., т. I, с. 500.

видних заперечень Квітчиних; можна з певністю гадати, що в Григор'єві Квіткѣ бачив заступника Плетньова, нового свого конфідента. Плетньов був розчарований у своїй прихильності до письменника: йому починає здаватися, що Основ'яненко „не совсем меня понимал“¹⁾, а, прочитавши в „Отечественных Записках“ повість Квітчину „1812 год“, він з серцем нотує: „Итак, этому господину все равно, тот или другой журналист. Он держится буквально русской пословицы: хоть пес, да яйца бы нес“²⁾. Квітчину смерть Плетньов ніби зовсім не помітив: ані згуком не згадав він про нього в листах до Грота. Тільки 22/IX. 1843 р. зауважив він, що „собирал у себя все письма Квитки для составления о нем статьи в Современнике“³⁾ але й жодної статті не було ним написано...

Треба проте зазначити, що особисті непорозуміння не заважали Плетньову й далі шанувати й цінити письменника—Основ'яненка. Він, правда, кидає якомсь думку, що мовляв, „у Квитки много было таланта, но искусства нуль“⁴⁾, але ж раз-у-раз нотує він, у листах до Грота, свої вражіння від перечитування творів Квітчиних: „Божьи дети“ („пре-лестно“—лист з 1/IV. 1844 р.)⁵⁾, „Делай добро и тебе добро будет“ („Это очень занимательно и трогательно“—лист з 1/XII. 1845 р.), „Вот любовь“ і т. д. Згадує він і видатну роль Квітки в виданні „Современника“: „При жизни Квитки его повести... обеспечивали существование Современника“⁶⁾.

В роботі над листами Квітки до Плетньова нам довелося використати й низку інших рукописно-архівних джерел та матеріалів. Отже вважаємо за свій обов'язок висловити тут глибоку подяку співробітникам Пушкінського Дому: Б. І. Коплану та М. В. Ізмайлову; Рукописного Відділу Бібліотеки Академії Наук СРСР, Вс. Срезневському—Державної Публічної Бібліотеки в Ленінграді—І. О. Бичкову та Ленінградського Центр. Історичного Архіву,—О. С. Николаєву. З глибокою пошаною мусимо згадати тут ім'я небіжчика Б. Л. Модзалевського, який своїми порадами та поясненнями багато допоміг нам у безпосередній роботі над листами Квітчиними.

Ієремія Айзеншток.

1. 27 сентября [1839]¹⁾.

Не далее, как и сегодня, перечитывая по обыкновению нашему ежедневному, последнее письмо Ваше, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, и с душевным восторгом принимая каждое выражение, каждое слово в нем, как будто вновь его открыли, мы остановились на Галочке и решились, соглашаясь с Вами, не отступить от истины. Ваши замечания справедливы: заключение неправдоподобно, не достойно чувств ее, не естественно. И вот другой, подлинный конец. Кажется, что оно нипочему не подходит к Марусе; разве только что „смерть“, но совсем другого рода смерть, необходимая, неизбежная, против воли ее, победившая все желание ее жить. Хорошо-ли, и надобно ли после этого пу-

¹⁾ Лист з 7/VI. 1842 р., Переписка, т. I, с. 559. ²⁾ Лист з 10 III. 1842 р.; Переписка, т. II, с. 33. ³⁾ Переписка, т. II, сс. 118—119. ⁴⁾ Лист з 1/XII. 1845 р.; Переписка, II, с. 644.

⁵⁾ Цю повість він читав і великій княжні Ользі Миколаївні: „Она так была восхищена, что предлагала мне капитал для издания полного собрания его сочинений. Я пока отклонил это: ибо у Фишера со вдовою Квитки за „Столбикова“ еще идет род процесса. Но современем надеюсь воспользоваться великодушием ее высочества“. (Лист до Я. Грота з 12/IV. 1844 р.; Переписка, т. II, с. 228).

⁶⁾ Лист з 1/VII. 1844 р.; Переписка, т. II, с. 274. Пор. у листі з 1/VIII. 1844 р.: „До сих пор спасали нас романы, переведенные Розой Карловной [Грот], а прежде повести Квитки“ (ibid., с. 296).

скаться в подробности, уверять, что это было точно, об'яснять где место на коем она жила—или оставить прежний конец? Но все зависит совершенно от решения Вашего; а если сказать мнение Анны Гр. (я, как ответчик, должен молчать пред судьями), то ей больше нравится этот конец, нежели прежний. Тот не будет отвечать заглавию, как-то унижает чувство ее, не приличен, не достоин ее, показывает деревенскую бабу, все истребившую из души, как увидела себя хозяйкою, матерью—все забыла! Перестаешь любить ее, принимать в ней участие, в другой раз не захочешь читать ее. Все это Анна Григор. нашла, внимательно прочитав Ваше письмо и потом обратилась к рассмотрению обоих развязок, поручив мне дописать новый конец. Теперь она ждет с нетерпением нового года, ожидая увидеть свою Галочку в I кн. Современника и чем Вы ее кончите? ²⁾

С тяжелою почтою, при посылке Вам некоторых пиесок, мы писали к Вам, но не отвечали на письмо Ваше. Повторяю, что мы его перечитываем каждый день и никогда не можем выразить того, как мы его понимаем, а понимая Вас совершенно, молчим пред Вами, но сердца наши все ценят, как и что Вы для нас делаете.

Вы ловите меня на слове. Я о ста литерат. промолвился, что в таком случае выговорить от Смирдина, когда моя статья пойдет к нему, а Вы тотчас и приказали выслать ³⁾. Я получил ее. Но теперь предвещаю: в идущем еще к Вам письме, там упомянуто о книге Мих. Данилевск. 812 г., но это тогда прикажите выслать, когда вступит к Вам от Г. Гребенки сумма ⁴⁾.

Если можно поручите Вашему книгопродавцу, озаботиться узнать, от кого в конторе Отеч. Записок у г. Смирдина и у других продается Козырь-девка! можно-ли их мне получить, как отнятую у меня собственность, кем-то? Сколько нужно, чтобы удовлетворить их за могущие быть издержки и за доставку их ко мне? Одним словом, чтобы мне получить их. Они здесь разойдутся у меня скорее. О сем я вошел бы в сношения и с самим Вашим книгопродавцем, но не знаю кто он именно? ⁵⁾.

Пользуясь Вашим настоятельным требованием о продолжении записки в надобностях наших, вот о чем просит Анна Григорьевна:

Воротничков вгладь вышитых по бархату и обшитых кружевом	3
Платочков шейных, какие носят	3
Косыночки шейные	1
Шарф, если носят	1
Все это цветов или лиловые или палевые, голубые, пунсовые и проч. кроме розового.	
Дамских перчаток на среднюю руку лайковых или какие носят	6

Сегодня передано мне от г. Смирдина приглашение участвовать в Сыне Отечества и просили сказать об условиях, на которые они заранее согласны. Я поблагодарил и также на словах сказал, что я не занимаюсь ех officio чему—давши слово—посвятил себя и пишу, когда вздумается. Ну их совсем?

Анна Григор. с нетерпением ожидает привоза посылок и восхищается заранее славностями. Каждый день контора уже ожидает. Довезут, конечно, хорошо, время для того благоприятное, но предвещающее большие беды у нас! Три месяца ровно, нет дождя; засуха ужасная, ничего не посеяно и что буду делать без хлеба? Одна надежда, что Бог избавит от беды?

Как вещи просимые Анною Григор. все легковесные, то она просит не можно ли будет их выслать чрез обыкновенную почту?

Видите ли как мы наглы? Но Вы нас избаловали, Вы требовали прямоты и откровенности. Верьте, умеем ценить всю дружбу Вашу.

Преданнейш. Григ. Квитка.

Не взыщите что в Слободских Полках никаких статистических сведений нет. Каторга собирать их! Соберешь и на завтра не годятся.

Я раз пять их собирал и вслед затем должен был все исправлять. Целые селения вдруг исчезнут в одном уезде и по переселению явятся в другом. Казенные крестьяне выселяются на Кавказ и т. под. мучение!

Верности не может быть. Не верю всем цифрам публикуемых — и чтоб не писать несправедливо, я отложил совсем⁶⁾.

2. 4 октября [1839] Харьков⁷⁾.

Надобно было самим Вам, почтеннейший друг наш Петр Александрович! видеть с каким восторгом, приняла моя Анна Григорьевна все присланные Вами славности! Это была не радость дитяти, получая игрушки; но чистейшее душевное наслаждение, при виде внимания в высшей степени. Оставляя, что все это, ценное, присылается не по какой либо обязанности, не в удовлетворение за что либо стоящее того, но и при отправлении, кроме тщательного во всем выбора, заботы простерлись до малейшей безделицы. Все изящное, все прелестное, чего здесь не найдешь: уложено, сохранено до невероятности старательно и все получено в полной свежести. Кроме прелести в вещах, поражает всех попечительная укладка. Одно только затрудняет Анну Гр. при светских, суетных расспросах: она не знает, что каждая вещь стоит; и мы отделяемся общими фразами. Вы поймете, что я чувствовал, при виде всего присланного и при восторге Анны Гр. от приобретения нами дружбы человека, так необыкновенно нами занимающегося! С своей стороны, зная уже Вас, ничего более не должен говорить.

Не знаю, не замедлит-ли и пожелает-ли редакция Отеч. Записок вполне удовлетворить мое требование во взносе к Вам денег, но уже вижу в объявлениях ее, что они Головатого причислили к своей собственности. Неловко им будет оставить требование мое без внимания⁸⁾. Интересуюсь очень услышать от Вас развязку, а они все замолчали и даже г. Гребенка, первый отыскавший меня, всегда относившийся ко мне искренно, давно уже молчит. За разрыв не посетую. И кого мне, приобретши дружбу Вашу, кого мне и что надобно? Решительно не думаю о них. Еще одну черту скажу Вам: видя своих Марусь, читаемых нашими добрыми земляками за прилавками при продаже перцу, табаку и проч. читаемых по хатам, вкругу семейств, в городе и селениях, имев депутацию с благодарностью, что пишу по нашему (и тут же сообщены мне сведения о Галочке, единственно с тем, чтобы сделать их известными:) я рассудил написать для этого класса людей что-нибудь назидательное. Сколько можно ближе к их понятиям, изложил историю создания мира, искупление человека, необходимость уклоняться от греха, часто вредного и собственно для нас; обязанности их к государю, закону, властям, семейству и проч. Брошюрку эту взнес в цензуру. Долго-долго она переходила из светской в духовную и обратно. Запрещали, позволяли, снова рассматривали; учреждали (так писали ко мне) особые комитеты, для рассмотрения моей брошюрки. Обер-прокурор синода и А. Н. Муравьев — все-таки так писали ко мне — приняли ее под свое покровительство; весь этот процесс продолжался уже два года; переменили, отменяли — и наконец больше полгода решительно замолчали, как будто никогда ничего и не было⁹⁾. Но вот явился „Староста Мирон“ Бориса Волжина¹⁰⁾. Это вовсе не то; форма другая, содержание, все от-

лично; но главная мысль, цель, основание, все мое—и я уже не только остался назади, да не знаю, чем и когда развязана будет моя тетрадка, о которой я уже перестал и думать. Так не благодарить ли мне Промысл, пославший мне человека, так благодетельно взявшего меня под неограниченное покровительство и удалившего от меня навсегда все подобные неприятности, которых я, за отдаленностью, по неопытности, никогда не мог предполагать. Да живем же долго и любим друг-друга к душевному наслаждению преданнейший Григор. Квитка. Любовь Яковлевна Кричевская в сии часы у нас и поручает уверить Вас в неизменной к Вам благодарности и душевном уважении¹¹).

Моя франтиха (Анна Гр.) обратила внимание и на хозяйство. Озабочивает Вас просьбою, когда получите деньги от редакции Отеч. Записок, приказать выслать чрез контору Транспортов 1 пуд стеариновых свечей. Здесь непомерно дороги.

З. 14 октября. Харьков¹²).

Вот и еще препровождаю к Вам, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, одно из происшествий случившихся у нас. Все это истина. Несчастливая, опоенная против воли ядом и чуть было не погибшая от неистовой любви родственника, судима была мною за покушение на самоубийство. Все причины и действия написаны во всей точности, с небольшими прикрасами для связи. В „Эмиле“ я старался соединить все, что слышал от разных теперешних умов, молодых людей, удивляющихся глупости нашей и утешающих нас, что когда они начнут действовать, так тогда-то мы увидим добро во всем. Таковы ли молодые люди—или приготавливающиеся быть людьми—таковы ли они в столицах, каковы у нас в провинциях, не выучившиеся, а только приступающие к учению? Смерть его (Эмиля) описана со всею точностью; я не хотел закрашивать ничего. Полагаю, представив его в таком ужасном, отвратительном виде, сильнее можно подействовать, нежели заставив его раскаеваться, плакать и умереть покойно. Гадко, но поучительно. Я разделил на две части. Занимателен ли будет быт этих, особого класса, людей, пренебрегающих своими собратиями единственно за то, что они беднее их, стремящиеся сблизиться с высшими себя, все делающие не впопад и тем смешавшие всех. Нужна-ли для второй части первая, как совсем отличная по цели, не приторны-ли намеки на высшее сословие? Все это передаю Вашему справедливому и безпристрастному суждению. Надобно бы все это изложить глаже, связнее, сильнее, но признаюсь, сколько бы я ни занимался, сколько бы ни очищал, все ничего не могу сделать, лучше не могу изложить¹³).

Одна моя надежда на дружбу вашу, если Вы и эту тему найдете могущую явиться в свет, то в корректуре или, как лучше признаете, исправить всю грубость, неровность слога, и истребляя пустое многословие, заменять сильною и ясною краткостью. Каждая из моих тем требует такой поправки, как Вы и сами видите. Рассказ о застрелившихся, тоже во всех подробностях справедлив. Все это плоды умствований.—Каков-же наш Харьков? И воздух романтический¹⁴).—Моему цензору, Анне Григорьевне нравится эта тема. Много, по ее замечаниям, переменено; она не находит излишним подробности пострижения. Она просит Вашей рецензии, если нельзя подробной, по крайней мере, легких указаний, где не естественно, излишняя подробность в замечаниях, в описаниях, где скорбь или страдание сильнее причины—и проч. Она очень желала бы слышать для моего замечания и для своего торжества, что она сходно с Вами думала. Хотела писать сама и замечания свои передать на суд Ваш, но проезд родных отвлек ее.

Не знаю, каково „Отеч. Записки“ кончат со мною расчот? Я писал в редакцию или к г. Гребенке, но ответа не получаю, хотя, по моему расчоту, следовало бы получить¹⁵⁾.

Я забыл дать Вам отчет о классных дамах здешнего Института. — Я был в нем на празднике и едва лишь они узнали о знакомстве нашем, как бросились все ко мне с распросами. Иная полагала, что я приехал из Петербурга, расспрашивали о Вас, здоровье Вашем и проч., пока я не об'яснил им несколько дела и не рассказал им об отзыве Вашем о них. Тут они надавали мне множество препоручений, уверить Вас, как они помнят Вас, благодарны Вам за все заботы о них, просили не забывать их, отозваться к ним и много-много такого. В числе их (фамилий я не узнал ни одной и от застенчивости не спросил) была и так называемая у нас вместо инспектрисы — старшая классная дама; она из Екатерининского Института. Она отзывалась с большою к Вам благодарностью на счот свой и племянницы ее, которая с нею здесь же. Вообще ими и в особенности г-жею Ден, все здесь довольны и Институт в другом разумении, нежели был до сего¹⁶⁾.

Полагая, что повестей моих уже довольно на наступающий год для „Современника“ или и для другого какого журнала, если Вы расположите отдать что (разумеется, что послабее) я располагаю из Халявского составить целое, но буду ожидать Вашего решения, стоит ли, из-за помещенного в журнал, еще продолжать и на сколько книж[ек] его расположить. Из двух частей, бывших в журнале, будет одна, а потом пойдут его молодые лета, влюбчивость, приезд в Петербург, взгляд на него (свой) и проч. и проч. Стоит ли того, чтобы заняться? Прошу и жду Вашего дружеского наставления¹⁷⁾. Не взъщтите на неисправность и запачканность писания в пиеске? Терпения не достает переписывать, или если и примусь переписывать, то переделываю и почти всегда порчу. Поручить же кому переписать, невозможно. Одну пиеску „Украинские дипломаты“ я поручил одному, еще и приятелю, но, кажется, она вовсе пропала¹⁸⁾.

Наконец, мы с Анною Григор. с сею почтою скромны пред Вами и не беспокоим Вас поручениями, совестясь за все писанное, а особливо, если Вам не внесены еще деньги от редакции „Отечест. Записок“.

Будьте здоровы к утешению преданных Вам Григ. Квитки.

Прилично ли название пиески? Мы другого не придумали. Посвящена сестре Анны Григ., Вам знакомой.

4. Новые одолжения Ваши, Почтеннейший друг наш, Петр Александрович, получены нами во всей исправности. Как это все отлично хорошо и с какою заботливостью все до последнего избрано! С душевным наслаждением за неоцененную дружбу Вашу, действующую при этом случае, принимаем мы каждую вещь — и преисполнены благодарностью невыразимою. Одно только горестно для нас и беспокоит очень много, что нет письма от Вас. После писанного Вами 4 сентября при отправлении первых вещей, с квитанцией конторы транспортов, мы не получили от Вас ни одного письма. Если заботы Ваши почему-нибудь причиною тому, мы покойны, веря и надеясь, что при свободном времени, Вы нас подарите своим отзывом, о препятстве же от неприятностей какого-бы роду ни были, не надеемся; потому что не желаем того со всею горячностью. А согласитесь, что имеем причину скорбеть, так долго не зная ничего о Вас. Представляю Вам моих „дипломатов“ на рассмотрение. Места окамленные не нужно-ли выкинуть, как подробности пустые. Равно и родословная „Шельменка“ известного здесь

по комедии моей же, здесь играемой и это лицо всеми затвержено и вошло в прилагательное к плуту. Для незнающих о нем вовсе, нужно ли его происхождение? Не сказать ли просто, как о деньщике из малороссиян?—И снова повторю, „на случай каких-либо отношений к Вам“, что все в полном Вашем распоряжении и я никому решительно ничего не обещевал, ни на что не указывал и, тем более, не объяснял, есть ли у меня что написанное и куда и к кому доставлено. След. Вы имеете полное право всем располагать по желанию Вашему и каждому требователю, если-бы и вздумали они относиться к Вам почему-либо, можете отвечать по Вашему благоусмотрению.

Довольны ли Вы моими темами и ныне посылаемою? Указывайте мне слабости, неполноты в изображении характеров, подробности мелочные и ненужные, пусто и многословие и проч. и проч. тому подобн. излишности. Оно мне нужно и полезно на пред. Вообще же, за слог не взыщите; при всем усиленном старании, не могу чище и глаже выразиться.

Опасаясь, что недосуги лишают нас удовольствия и наслаждения читать Ваши письма, а мои, чтобы не отвлекли Вас от окончания их, сокращаю повторением желанья о сохранении здоровья Вашего и чтобы постороннее, не смущающее Вас нимало, ни в чем обстоятельство, препятствовало Вам писать к нам.

11 Ноября 39. Основа¹⁹⁾.

Преданнейш. Григор. Квитка.

5. 29 ноября, 839²⁰⁾.

С тяжелою почтою, я отправил к Вам, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, маленький анекдот о бывшем у нас „двучасном Самозванце“. Все рассказы о нем сведены в место, в целое; а указ подтверждает и уверяет в истине события. В случае, если не запретит его Ценсура печатать (потому полагать можно запрещения, что речь идет о попе, звании неприкосновенном) и Вы рассудите его сделать известным, то сократить, убавить, дать другую форму, все в вашей неограниченной воле, как и во всем. Мое дело было, по желанию Вашему, передать Вам, как дело шло, что поп взмогнул дурака на Св. Престол, это историч. истина и недавно еще сломана та церковь, в которой все сие совершалось²¹⁾.

С нетерпением ожидаю окончательного приговора Вашего о „Настусе и Эмиле“ или о развязке. Замечания Ваши, насчет выходов против высшего круга, совершенно справедливы и я признаю их точно неуместными. Скажу Вам, что я писавши, изливаю все, что соберется в мысли и ляжет на душу, в полной уверенности, что Вы тотчас увидите все несвойственное и неприличное и потому очистите дрязги. В чем Вас, кроме убедительной просьбы, неограниченно уполномачиваю. Хотелось было мне, чтобы Настуся влюбилась-бы и была любима другим из своего-же звания; но чувствуя тяжкий грех на душе чрез смерть Эмиля, преодолела страсть свою, заглушила ее—и постриглася; но боялся растянуть и сделать статью более, нежели нудною для журнала. Впрочем, как найдете лучшим, так и располагайте. В таком случае, вышлите ее ко мне, я не оставляю черневых и наобум не отгадаю, куда что вписать. Тут ей надобно сильно бороться с сердцем и все-таки поставить себя, что она добровольно приносит жертву. Можно ей видеть его при церемонии пострижения, что она чувствовала сказать и его отчаяние—и проч. и проч. Как решите?²²⁾

Ваше мнение одно для меня важно и сильно, о заключениях других—прочих, вовсе не думаю. Повторение кушаний в Халявском, может быть необходимо. Понимают-ли они, что это желание описать прежний быт,

а форма, чтобы избежать сухости. Все прохождение времени было в еде, в коей истончались до разнообразия.

Время для горячих, молочных, холодных мяс, на все было свое время. Мне казалось необходимым выразить в подробности, что ели, когда и как. Но повторяю: Ваше замечание мне важно, о прочих не думаю.

С благодарностью, всегда в одинаковой степени питаемую к Вам, за одолжительное внимание, мы получили короб с платками, шарфами и проч. Но мы страдаем от притеснений почтового здешнего управления: ящик, по принятому у них обычаю, был разбит, все свертки распечатаны. перебуравлено все (так поступают они со всеми, отыскивая спрятанных в посылке писем или и денег) и в таком виде вынесено из почт. конторы. Теперь наше беспокойство насчет воротничков вышивных, о которых просила Анна Григорьевна и которыми очень интересовалась. Их не было в ящике, а если были Вами вложены, то, конечно, на почте похищены и искать их уже невозможно, при уверении их, что все то, что было в ящике, все отдано (а у почтмейстера есть жена). В отвращение подобных обид, не признаете ли Вы нужным, при будущем случае, вложить записку, что именно вложено в ящик с указанием цены, чтобы, когда что ими утаится, можно бы их уличить и искать.

До изумления меня поразило участие Ваше о племяннице Анны Григор. Столько забот, попечений! — Вы поймете в полной силе, что мы чувствовали!

И все-таки с просьбою новою, имея Ваше дозволение. Кроме просимых Анною Григор. на ее имя, вообще мы просим о распоряжении высылать: Сын Отечества, Северную Пчелу, Библиотеку для чтения, Литературн. прибавл. к Инвалиду (если будут), Отечеств. Записки.

Не по интересности издания, а от необходимости знать, что в них пишут, нужно их читать.

Г. Краевский сам пишет ко мне, что он поспешит доставить деньги, сумму мною назначенную, 700 р. Отзыв его был самый искренний, радужный и я полагал, что он давно исполнил обещание²³). Теперь пишу я к г. Гребенке, с которым я короче.

Вашим благодетельным старанием открыт мне путь к отысканию экзempl. Козырь девки малоросс. и я сношусь по принадлежности. Все-таки Вы. Без Вас и это пропало бы.

П. А. Корсаков сделал мне честь приглашая участвовать в пре[д]принимаемом им издании „Маяк“ или Современная летопись и проч. и проч. Я поблагодарил за внимание и сказал, что более не пишу. Предлагали 150 р. за печатн. лист. Никак не отстану от Вас и никому ничего не вышлю, кроме к Вам, все к Вам. Вы мой руководитель и утешитель²⁴).

Преданный Вам Григорий Квитка.

Вот Анна Григор. и не согласна на доделку Настуси и говорит, что это можно в другом случае поместить.

Может быть Вы поместили воротнички с шляпкою чрез контору Транспортов, которой мы еще не получали. На днях ожидается. Много бы обрадовались, если бы они уцелели и избежали хищнических рук!

6. От глупых распоряжков и притеснений нашего почтового управления, письмо Ваше от 6 Ноября, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, мы получили только 23 сего ноября и вследствие его спешу отправить к Вам сведения мои о Самозванце. Рассмотрите его, может надобно дать другую форму, отменить, пояснить или как угодно ее со-

ставить и дать название, все в воле Вашей до последнего, как всегда и во всем. Что еще скажет ценсура?

Не успевая теперь писать, мы пишем к Вам с легкою почтою, которая придет в один день с сим свертком.

Преданнейший Григорий Квитка.

24 ноября 1839²⁵).

7. 20 января 1840. Основа²⁶).

Наконец Вы рассеяли наши сомнения, почтеннейший друг наш, Петр Александрович! Я не умею описать, в каком мы тревожном состоянии находились, не получая так долго от Вас никакого известия. Боялись помыслить, не огорчили-ли мы Вас, чем и Вы нас разлюбили, то с большим беспокойством относили молчание Ваше болезни — и терялись совершенно. В самом деле жестокое положение, более трех месяцев не знать о Вас ничего. Но теперь все сомнения наши рассеяны и мы успокоенные обращаемся к Вам с покорнейшею просьбою, не оставлять нас так долго в неведении на счет здоровья Вашего и расположения к нам. Конечно, занятия Ваши, когда будут отвлекать, тут невозможно удосужиться, но если свободно и хотя бы писать не очень было, все два слова, что Вы здоровы, много нас радовало бы; в нерасположении же к нам, мы никогда не допустим в себе мысли утвердиться.

Вы требуете чего-либо исторического; но край наш так беден по молодости своей, считая начало существования своего от ц. Алексея Михайловича. Но пороюсь и если не к второй, то к третьей кн. Современника (разумеется до набора ее) вышлю Вам нечто в роде исторического, прикрашенного вымыслами и проч., чтобы смягчить сухость.

Меня окружают требованиями. Отец. Записки настаивают прислать статью; „Маяк“ убедительно просит и обещает 150 р. за печатный лист. Я, не открывая им дела в сущности, кое-чем отговариваюсь. Представляю совершенно воле и распоряжению Вашему, как всегда и во всем. Если Вы найдете возможным (разумеется в отношении „Отеч. Зап[исок]“), если они исполнили первое условие, т.-е. внесли к Вам деньги (снабдить их и кому какую статью дать или прейти молчанием) я не писал им, что это от Вас зависит, все совершенно в воле Вашей, я только говорю, что я с Вами в этом буду согласен. И в таком случае, когда Вы найдете не лишним, дать кому из них статьи, Вы можете сказать, что получили от меня для доставления им за цену—какую Вы назначите.—Если будут платить исправно, почему бы и не передать им того, что не будет пригодно для Вашего Современника? Откладывать же такой балласт до будущего полного издания, которое принесет ли пользу, а статьи, иногда писанные на случай, опоздают по рассказу. Все это мнение мое и отнюдь не желание так распорядиться. Все в полной Вашей воле, а я говорю не больше, как мысль свою²⁷). Как равно и о Пустолобове: он, полагаю, не понравился В. А. Жуковскому и должен лежать скромно под спудом; то не признаете ли возможным, из него что вырывать и выдавать требователям?²⁸) Но — опять-таки — на все это полная Ваша воля.

Благодарим очень за протекцию к нашим дипломатам и лестный им прием. Желательно бы знать, что признано неправдоподобными глупостями наших провинциалов, мнящих себя быть образованнейшими. Я же уверяю, что все это с природы до похвалы своим „необходимостям“, и не преувеличено ни одно лицо в своих понятиях. Надобно видеть их жизнь и закулисную и ту, где они показывают, что такое они. Впрочем, замечания мне будут полезны и я буду ими руководствоваться на бу-

душнее время, о чем и Вас убедительнейше прошу прямо сказать мне, в чем Вы можете упрекнуть меня, чтобы я вперед избегал бы погрешностей, самому не видимых и не заметных, а я, на будущее время избегал бы²⁹).

Период. изданий мы еще не получили ничего, потому что время не пришло; но при первой просрочке, я тотчас напишу в контору Отеч. Записок. Много Вам благодарны и за это одолжение; будем знать, что делается в свете, смеяться людским умствованиям, жалеть о идущих не по своей дороге и не к настоящей цели стремящихся.

Благодарим, как и за все, за принимаемое участие о дочери Натальи Григорьевны. Муж ее, по команде своей, просил о принятии дочерей в Институт. Мы полагали, что будет принята одна и потому безпокоили о другой; но царская милость последовала сверх ожидания; повелено принять обоих на иждивение государя императора и теперь в полной радости родители и мы утешены их спокойствием. Ценим очень много желание Ваше и в этом отношении одолжить нас.

Вы разрешили наше сомнение о почте. В описании посланных вещей от Вас, стоят два шитых воротничка, но их нет, а вместо того были два шелковых платочка, о которых, просила Анна Григорьевна, но об отправлении их Вы не поместили в своей записке и сумма в ней точно та, в какой была прислана посылка. След. недоразумение вышло от того, что из вещей не так были некоторые поименованы. Или скажу подробнее для ясности. Вы пишете, что послали эшарп, две косынки, еще одна шитая, два шитых воротничка, дюжина платков, полдюжины перчаток—суммою всего на 271 р., так и на почте была означена и число свертков верно, но вместо шитых воротничков, были положены два платочка, о которых также просила Анна Григорьевна и они то заменили воротнички по Вашему расчислению, а здесь произвели сомнение. И так, хотя почта оказалась невиновною в утрате вещи, но все обижает крепко всех вообще получателей, разбивкою посылочных ящиков и свертков, хотя бы и сомнения ни в чем не было. Одним словом, никто не получает никакой посылки, от самой огромной до малейшей, чтоб это все не было разбито, перевернуто, разшнуровано и выдано без бывшей укладки. Многие собираются жаловаться, но не знают, куда и как, и найдут ли удовлетворение. Пересылка чрез контору транспортов, чудесно идет. Все цело, сохранно, довезено и исправно сдано. Анна Григорьевна получила свою шляпку и не навосхищается ею, так она хороша, с отличным вкусом, отделкою. Такой или подобной ей Харьков не видал и все любят. Довезена же точно, как будто за два шага привезена. Чепчик к шляпке и все цветы, бесподобны, прелесть! Анна Григорьевна сама хотела писать к Вам и из'яснить хоть вкратце, большую свою благодарность, но у нас приезжие родные, по случаю ярмарки и она в хлопотах, в угощении, занятии их — и проч.

Повторив снова за все великую нашу благодарность и также просьбу не томить нас долгим молчанием, желаем всего по желанию Вашему.

Преданнейш. Григор. Квитка.

8. Прилагаю здесь пиеску г. Смирнова, нашего вице-губернатора, любящего заниматься литературою. Он получил от В. А. Жуковского сведение, что эта пиеска доставлена к Вам, почтеннейший друг, Петр Александрович, для помещения в Современнике, а г. Смирнов, чрез меня, просит Вас, поместить ее в том виде, как она теперь им исправлена. При чем убедительнейше просит не выставлять его имени и ничего более, как что сказано в тетрадке³⁰).

С большим нетерпением ожидаем Вашего Современника, чтобы прочесть замечания Ваши о повести: „Вот любовь“! Доставка чрезвычайно медленна, так что всякое терпение теряется. Мы, т.-е. я и Анна Григорьевна хотим попытаться, делать „Провинциальные заметки на журналы“ и передавать на рассмотрение Вам; но за неполучением еще журналов, не имеем ничего к нашему занятию. Хочется совершенно в Вашем духе говорить, без колкостей, без язвительности, колкости, а всего менее отвергаемой благоразумием насмешки и браней; хотелось бы показать, что и в провинции есть люди, могущие судить своим умом и не последующие за мнениями крикунов, учителей-самозванцев³¹).

Из повести „Украинские дипломаты“ я написал комедию и от здешнего театра получил 1000 р. Кроме того, пьеса очень нравится и ее давали несколько раз по требованию и еще будут давать; почему думаю, что и в повести она принята будет³²).

Прилагаю маленькое замечание на Календарь. Не признаете ли нужным, когда поместить его в своем журнале.

Преданнейш. Григор. Квитка.

30 января 40³³).

Несколько десятков лет, как в С.-Петербургском месяце-слове—или календаре—издаваемом при Императорской Академии Наук, в расписании городов в Российской Империи, город Сумы показывается под 64°16' северной широты, а несколько лет назад, как против каждого города начали означать, которой он губернии и в этом расписании город Сумы показывается Харьковской губернии, все под тем же°. Самый же Харьков, от коего г. Сумы, по тому же расписанию отстоит на 181 версту, показан под 49°55' северной же широты.—Полагать надобно, что эта ошибка, впрочем весьма значительная, вкралась при первоначальном составлении того росписания; и таким образом, идет из года в год. Нам, пользующимся календарем совсем иначе и с другою целью, нежели как замечают г. г. издатели „ежедневных листов“, подсмеиваясь или над календарем, или над нами провинциалами, просящими их покорно, не затрагивать нас с сей стороны, нам неприятно находить такую ошибку, иногда смешивающую какое-либо вычисление и проч. и проч.

Провинциал, с пользою занимающийся Календарем.

9. 21 февраля 1840. Основа³⁴).

Благодарю Вас, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, за доставление Вашего Современника, только теперь полученного. Благодарю Вас и за все Ваши отзывы в нем и защищение меня от упреков, за переложение моих повестей по-русски. После этого, какое могу сделать замечание, как молча благодарить Вас и относить все дружбе Вашей³⁵). Я, кроме здешних, получаю и из Петербурга упреки, зачем переделываю и издаю свои повести по русски и я, в ответ им, отсылаю их к последнему Вашему Современнику³⁶).

Как еще журналов и газет нам не высылают, то я прошу Вас потрудиться отменить высылкою пустую Северную Пчелу и Journal de Petersbourg. Мы имеем случай всегда читать их. Будьте здоровы и во всем благополучны к утешению преданнейшего Григор. Квитка.

10. Быв избалован Вами, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, в прошедшем годе, получением от Вас, довольно часто писем, мы, не получая их теперь долго, начинали беспокоиться, не разлюбили-ли Вы нас? Но последнее Ваше письмо, от 15 февраля, успокоило нас. Как ни беспокойно Вам будет новое занятие, но оно хорошо. Взглянув, ка-

кую пользу можете приносить, Вам всякий труд будет легок. Теперь я еще более утверждаюсь в мысли, что Вы будете у нас в Университете Попечителем. Сколько бы пользы доставили и сколько бы нашли себе удовольствий в крае, Вам неизвестном и стоящем наблюдений и обозрений Ваших! А мы?—Верх радости, мы бы увидели Вас - и может быть, пошел бы служить под Начальством Вашим³⁷). Неправда ли, что моя мысль сбыточнее, нежели Ваша, чтобы приехать нам в Петербург? Средств и возможностей никаких. Племянницы определены в Харьковский Институт; итак, ни по чему не выходит нам ехать. И весь Пустолобов, со всем своим старанием, не доставит нам способов. Я очень понимаю, что Вам в нем не нравится и, соглашаясь с Вами, готов переделать и, кажется, отгадаю мысли Ваши. Пришлите его ко мне, если с первою почтою или можно скорее. Я тотчас примусь за него; у меня теперь свободно: кончил Халявского всего, в 2-х частях. Бывшее в Отеч. Записках помещено в 1 части, разумеется с поправками выпусками неважного и добавками кое-каких мелочей. 2-я часть вся новая. Прочту своему цензору и немедленно вышлю после ее поправок. Из него может, найдете, что для Современника в отрывках, полагая, по Вашим объяснениям, невозможным издать его целиком³⁸). Та же участь и Пустолобову. Назначьте какой отрывок для Вас; я, получивши от Вас всего, выпишу его, придерживаясь Ваших замечаний, в коих не поспитесь. Остальное затем, передам другим журналам. Пусть хотя что приносит. Следуя совету Вашему, я так и поступил с Маяком. Нужно было уладить дело и я передаю им Перекотиполе, о чем Вы теперь получите от П. А. Корсакова мою записку, по коей я с ним лично квит³⁹). Что вздумается о журналах, напишу и вышлю с Халявским и тогда буду пространнее писать, теперь же спешу, чтобы не упустить почты.

Преданнейш. Григор. Квитка.

28 февраля 40. Харьков⁴⁰).

11. Милостивый Государь Петр Александрович!

Покорнейше прошу Вашего Превосходительства, когда пожелает Петр Александрович г. Корсаков получить из рукописных моих тетрадок одну, под названием Перекотиполе, вручить ему⁴¹).

Преданнейший Григор. Квитка.

28 февраля 40. Харьков⁴²).

12. При сем является пан Халявский в 2-х частях, в полное распоряжение Ваше, почтеннейший друг наш, Петр Александрович! Что Вы о нем скажете и каковым его найдете, мне очень интересно. Я же должен Вам объяснить, что (оставляя в стороне 1-ю часть, которая была напечатана в две части в „Отеч. Записках“) вся вторая часть писана из доходивших до меня рассказов чудаков. Первое влюбление — и за нами грешными было. Надгробная речь ходит по рукам, как подлинное сочинение одного здесь известного протопопа. Насильное взятие в службу панычей и уход их отсюда, хотя бы и без чина; это все здешние события, еще воспоминаемые стариками. Поездка в Петербург, угощение и именно в Туле, пребывание в столице, понятие о городе и театре и все проделки там сделанные, все это с жаром рассказывает здешний чудаков, как все с ним случившееся. Раздел с братьями так бывает обыкновенно; я сам разбирал библиотеку, где все третьи и шестые томы были и владелец их, как неопровергаемый факт представлял мне, что иначе нельзя было получить: я-де-был третий брат. Разломание лестниц случилось точно — и все былое. Заключение и Папаша и Мамаша, это от избытка досады... О произведении всего этого судите

по Вашему усмотрению. Если найдете что годным, не рассудите ли какой кусочек вставить в Современник и если найдете не лишним издать Хал. целиком, то не возмется ли кто из книгопродавцев, по известности сочинения, отпечатать всего с моими выгодами? Но как Вы знаете, их коротко и прекрасно изъяснили невозможность иметь с ними дело, то вот моя мысль, представляемая на Ваше обсуждение. Написанного у меня довольно; но кто поручится, что оно завтра не таким покажется, как сегодня, то не нужно ли попользоваться временем? Для этого. не приступить ли к изданию всего выдачами? Наприм. четыре выдачи, без обязательства срочного; и тут поместить: в 1-й книж. (или в двух, не могу разчислить, сколько из них обоих будет печатного)—Халявского, во 2-ой—Марусю и еще что; в 3—ведьму и так далее, сортируя одно к другому. (После первых четырех). На эти четыре выдачи можно бы и подписку (объявить). После первых четырех выдач, если дело будет итти ладно, можно и еще сбить на 4 и так далее. Какъ вы найдете это мнение и удобно ли оно в исполнении? Части можно расположить так, чтобы везде была несколько интереснее других повесть. Здесь мои, точно нападают, чтобы собрал свое вместе⁴³).

С Халявским посылается и Панна Сотниковна, любимица Анны Григорьевны. Ничего не скажу Вам о ней; а скажите Вы, когда прочтете. За нее было у меня большое прение с нашими умеющими судить. Требовали изменения в действии, перемены характеров, но я, придерживаясь последних строк сей повести, возражал и, поддерживаемый своимъ цензором, Анною Григор(ьевною) доказал, что иначе невозможно и не должно быть⁴⁴).

Брат мой, старший меня и наблюдающий за честью нации и проч. и проч.—читавши плакал и сам подписал, что это истинное произшествие, как оно и есть⁴⁵). Удостоите ее статью в Вашем Современнике, в какой книжке заблагоразсудите; если же найдете, что требующее изменения по несообразности, по неестественности, возвратите и скажите что и как переделать.

Кроме Отеч. Запис(ок) и Литерат. газеты, ничего из журналов не получаю и удивляюсь исправности конторы От. Записок, которая так невнимательна к частным просьбам, что г. управляющий конторою не благоволил даже и отвечать на мое письмо, коим я просил его о бездельном деле.

Как меня огорчают Петербуржцы!—о уплате Вам денег писал я несколько раз и нет удовлетворительного ответа⁴⁶). Наконец еще чувствительное огорчение. Начальство детской больницы сделало мне доверенность, препоручив собрать подписку на Утр. Зарю. Я собрал, деньги в срок послали и—поверите ли? Ни один из подписавшихся у меня до сего времени не получал альманахи. На требование молчат и книжки не высылают; как из журналов вижу, что и второе издание разошлось. Знакомые подписчики подшучивают надо мною, малознающие меня имеют право думать, что им угодно и у меня нет оправданий⁴⁷). Хоть бы г. издатель альманаха благоволил бы публично объявить отчего последовало такое забвение удовлетворить моих подписчиков? Лучше бы я собрал что за сочин. Козлова, от которого и теперь не прочь, если будет угодно Василию Андреевичу препоручить; в таком случае я просил бы только письменного препоручения, для воззрения приглашаемым; если только от него не препоручено гг. губернаторам⁴⁸).

Всю доходную часть от литературных занятий моих, еще с начала, я предоставил в полное распоряжение Анны Григорьевны. Пользуясь сим правом, она пишет к Вам насчет своих надобностей. Моя также по-

корнейшая просьба, не отказать удовлетворить ее, а меня уведомить, во что это все обойдется и я имею источники, отколе все это пополнить — Вам и при сем убедительнейше прошу сказать со всею откровенностию, при теперешних Ваших хлопотливых занятияхъ, неозабочивают-ли Вас наши препоручения и не отнимают ли времени, так нужного для Вас. Единственно по прежнему требованию Вашему и по убедительности выражений Ваших в первых письмах безпокою Васъ; будьте же и Вы с нами по прежнему откровенны, о чем просим и ожидаем.

Не нужно ли при Халявском каких примечаний на счет некоторых приключений? Наприм. о сцене в Глухове, происшествии в Петерб. театре и проч. и проч. Или предоставить всему верить, воле читателей? О необходимом прошу: если из Халявского и самую Сотниковну расудите поместить в Вашем Современнике, то потрудитесь хотя в корректуре исправлять излишнія повторения, неуместную постановку местоимений, неловкую связку периода, наконец, пропуск некоторых слов и недописку от поспешности. За всем этим усмотреть недоставало у меня терпения, а глаже писать недостает умения.

Не сетуете ли Ви на меня, вот за что: сердцем желал публично изъять Вам—ну, коротко, душевное уваженіе. Посвятить какую повесть, помещаемую в Современнике Вашемъ же, почитал не так удобным. Увидя же что альманах будет также во всеобщем чтении, я, какова случилась повесть, посвятил ее Вам. Пусть все знают, что и как я чувствую к Вамъ.

Сотниковну мы желали бы видеть въ Современнике, но на это воля Ваша, как и во всем; может Вы придумаете ей другое назначение. Статью о журналах, постараюсь скоро выслать, не знаю, будет ли пригодна? 1-ю книжку Современника мы получили посылкою и уже после обыкновенной высылки ее через почту обыкновенным порядком. Если высылает контора От. Зап. подтвердите им, чтобы высылали немедленно по выходе, а то терпение истощается. Ждешь-ждешь и получаешь через месяц. Будьте здоровы и все по желанию да будет Вам.

9 марта 40. Харьков⁴⁹).

Предан. Григор. Квитка.

13. Разныя встречающіяся обстоятельства отнимали у меня время писать к Вам, Почтеннейший друг наш, Петр Александрович! как вот, наконец, получены и посылки Ваши за кои Анна Григорьевна пишет к Вам свою благодарность. Примите ее и от меня, а более извинение, если мы своими препоручениями Вас более, нежели обременяем. При Ваших новых, усиленных заботах, не отнимаем ли у Васъ времени нужного на полезное? Что было бы прискорбно. Но Вы же нас избаловали.

И точно подумывали мы делать иногда замечания на журналы наши, о чем я, всем жалующимся на них здесь, предлагал писать; и вот в разное время вступили ко мне три статьи, после чего я уже и приостановился писать свое, как по ничтожности предмета, так и потому, что не занимался никогда подобным и не придумал с чего начать. В одной, большой статье, не вытерпел, чтобы несколько не исправить против правды и чтоб закрыть местность. Не знаю, поместите ли Вы из них что у себя? Но если бы, что решились, то я бы убедительно просил Вас скрыть, что это доставлено от меня и чтобы они даже подозрения не имели, что через меня шло. Как ни понимаю этого народа, а не хочется им дать повода задевать меня⁵⁰). Вы, я думаю, видели в Пантеоне 3. кн. мою комедию? Она точно написана давно, была у меня брошена, попала вовсе без цели в Петербург и, не спрося моего желанія, помещена в Пантеон. Я недоволен ею, а некоторые, хотя и ничтожные вы-

ходки, против некоторых, мне не нравятся. Не люблю их затрогивать. Итак если и вы недовольны моею комедию, то знайте, что она поступила против воли и без веденія моего и я узнал вместе с выходом книжки. В чем и должен оправдаться передъ Вами⁵¹).

Жаль мне, что Сотниковна не понравилась вамъ. Кажется, сходно с прежними наставлениями Вашими, я ничего не рассказывал, а описывал только действия; не иначе выражал характеры, как происшествіями и через слова их. Я только пересказывал что, как происходило; кто, что сказал. Притом же расплодить происшествіе, наполнить о исаніем домашней их жизни, было нечем; единообразно все шло. Завязать интригу запутанную, многосложную, полагал также нету места: преступление кондуктора не могло быть обдуманное, затеянное; но минутное, возбужденное сильным порывом страсти, а потому и приступил он к исполнению его немедленно; иначе, обдумывая, располагая, интриганя, страсть его должна бы ослабеть, угаснуть от невозможности в исполнении. Так подумал я, читая дедовскія строки в летописи, так и написал.

Современник Ваш 2 кн. только вчера получена. Морят нас таким замедленіем. Статью нашего г. Смирнова, доставленную Вам прежде В. А. Жуковским, а потом от меня, дополненную самим автором, вы не поместили в этой книжке, полагая за полнотою ея; а статья, кажется, заслуживающая быть известною, тем более, что это все истинно случившееся.

Из журналов, по одолженію Вашему, вот что мы получаем: Северную Пчелу, Библиотеку для чтенія, Сын отечества, Отечествен. Записки, Литературную Газету, Обзор Иностран., Журнал вышиванія, Современник. Не получено еще: Журнал Петербур. французс. и Листок для светских людей. Первого если бы можно и вовсе не получать уже. Пишу это для Ваших расчетов с газетн. экспедиціей которая на запрос мой, по наставленію Вашему, написала мне незаписанными такіе журналы, которые сама уже высылать начала с нового года. Я бросил с нею объясняться. Видно и там безпорядок большой.

Совершенно сходно с желаніем и наставленіями Вашими, я принялся за Пустолобова. Отвлекают разныя занятія. Хочу сократить в три, а много в четыре книги. Если Вы находите удобным и выгодным к общему изданію выдачами, то я просил бы не иначе, как подпискою. Мы слышать не хотим и умоляем Вас не издерживать своего ничего на неверное. Вы так много сделали уже для нас, что нам нет средств отблагодарить и удовлетворить Васъ, а тут еще новые громадныя издержки, а быть может и потери. На это мы никак не можем согласиться. Иное дело, если бы книгопродавец взял на деньги, тогда хоть и меньше получить, но зато, без всяких напряженій и пожертвованій. Грех был бы нам, если бы мы ввели Вас в новые убытки.

Благодарности за все делаемое Вами для нас много, но ни умения выразить, ни средствъ доказать, нет у нас. Примите в том уверение равно и в вечной преданности.

18 мая 40. Основа⁵²).

Покорнейш. Григ. Квитка.

14. 3 августа (18)40. Основа.

Полагая, что уже вы, Почтеннейшій друг наш, Петр Александрович, возвратились из своего пути⁵³), посылаю между прочими и статью „Ярмарка“ по требованію Вашему для IV-ой книжки Современника⁵⁴). На наступающій год, не могу никак Вас удостоверить, буду ли иметь время писать что для него: в сентябре у нас выборы; поговариваютъ о

назначении меня в должность, которая потребует может быть всего моего времени; а может быть и Вы имеете кого, который бы также неуклонно доставлял статьи. Обязанностью почел о сем Васъ, со всею откровенностью предварить,—но при том уверить, что если только Вам угодно будет, я готов участвовать в составлении Современника, чему доказательством могут служить „Мемуары“. Это первый пробный листок представляется на рассмотрение Ваше. Если годиться в таком духе, то они будут нескончаемы. Кроме суждений о литературе вообще, журналах, частно о некоторых книгах, здесь можно приплетать маленькие заметки, приключеньица и проч. и проч. Скажите только, тот ли тон и справедливы ли суждения? Что нужно усилить, оттенить, наставьте и они будут продолжаться. Если и эти листочки годятся, то имеете право употребить их по желанию Вашему⁵⁵). Не отказываюсь и от повести и подобн. тому, что встретиться и будет досуг. Ленишься не буду, отстать вовсе не желаю.

Здесь же Вы получите и 1-ю часть Столбикова, переименованного из Пустолобова. Скажите прямо, сходно ли с Вашими мыслями сделана переделка? Если я все понял, напишите, и я поспешу докончить. Многое, которое теперь при обозрении нашел пустым. не годным, выкину и таким образом, сводя по две небольших книжки в одну, делается их три, не огромных. Будетъ ли он (Столбиков) достоин быть посвященным В. А. Жуковскому? И будет ли на это его воля? Мне бы очень сего хотелось. По получении от Вас разрешения на все это, я приймусь за него и скоро кончу.

Из всех гг. журналистов, честнее всех поступила со мною редакция „Пантеона“. Извиняюсь в самовольном распоряжении моею комедиею. поспешила доставить все по расчоту и с большою заботливостию выслала все, что нужно было для Анны Григорьевны. (И всего то мелочей рублей на сто с небольшим). Это меня заставило поучаствовать в их издании и послать им мои комедии, никуда кроме их не могущие итти, да сверх того послал им кое какие статьи мелкие⁵⁶). Еще г. Смирдин быв в Харькове, явился у меня и слезно просил повести. Как у меня были с ним старые счоты. то я, узнав уже, что редакция Сына От. в других руках, поручил ему взять у г. Владиславлева маленькую повесть, которую тот не мог поместить в своем альманахе на 1841 год⁵⁷). Вот все, что я, без Вашего разрешения, побуждаем обстоятельствами, сделал. Погоняйте меня, если что найдете не должным.

Прискорбно мне было читать в журналах, что будто у меня есть, чрезъ комедию, какое-то соперничество с Гоголем. Вот уже никогда не думал и если бы это предвидел, верно никогда бы не выслал к ним своей комедии. Те же комедии, кои послал в Пантеон, совсем другого рода: одна из украинских дипломатов, другая также ни от кого не заимствована. Соперничать с кем нибудь (вот уже) никогда не помышлял и (узнавши) если бы узнал что кем написанное в роде подобном моему, то скорее всего приостановился бы и бросилъ свое⁵⁸).

Званные гости точно не мои, хотя Вы, кажется, так их полагаете; а они, и Ваше желание подали мысль к мемуарамъ.

Г. Смирнов равнодушен за непомещение его статьи у Вас и просит только, при удобном случае, чрез меня, возвратить ее.

Для известности Вашей при расчотах с книгопродавцами или с кем следует, что бы они не показали лишнего, сверх высылаемого ими, прилагаю записку, что нам высылается: Северная Пчела, Литературная Газета, Журнал Вышивания, без Листа для св. людей, Современник, Сын

Отечества, Библиотека для чтения, Отечественные Записки. Иностран-
ный обзор высылается книжк. ежемесячно: по 4 или по 5-ти.

Если не отяготим Вас общею нашею просьбою, обязать нас высыл-
кою всех кн. Современника за сей (1840) год к племяннику Анны Гри-
горьевны по следующему адресу: его б-ю Петру Васильевичу Зворы-
кину, Чугуевского Уланского полка, г. штабс-капитану, в Ставрополь
Кавказский, а оттуда в Лабинский отряд генерал-майора Засса⁵⁹).

Что делает наш Халявский? Анна Григор. полагает, не можно ли
прежде выпуска его вполне, какой отрывок поместить у Вас в Сове-
реннике? Но на все Ваша полная воля⁶⁰).

Подарите нас извещением о здоровье Вашем и не переменяйте рас-
положения к преданнейшему Григор. Квитке⁶¹).

15. Отдельно от всех совещаний наших с Вами, почтеннейший друг,
Петр Александрович, обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою. Доб-
рый земляк мой, Федор Афанасьевич г-н Джунковский, нарисовал
крестный ход иконы божьей матери в Курске, на который стекается
несметное множество народа. Картину свою предназначает напечатавши,
поднести государыне императрице. Для него неизвестен весь ход этого
процесса. Не откажите руководствовать его: к кому он должен о сем
отнестись; как равно, что нужно ему для сего, не откажите и во всем
прочем, о чем прибегнет он к Вам. Извините меня великодушно, что и
сим Вас беспокою.

Здесь писатель г. Кульчицкий, написал нечто и просил меня
взнести на воззрение Ваше с тем, что если Вы пьеску его найдете до-
стойною, удостоите ее помещения в Современнике; если же она слаба
и не заслуживает того, возвратит, при случае, ко мне.

О всем нашем переписка идет особо; всегда преданнейший
Григор. Квитка.

3 сентября 1840. Харьков.

16. 7 сентября 40. Основа.

Прежде всего спешу заглавить мою вину пред Вами, почтенней-
ший друг наш, Петр Александрович, и из'явить нашу благодарность за
устройство участи Халявского. Условия находим выгодными и по об-
стоятельствам, других не можно и требовать. Почему,
если только решение от нас было необходимо, то мы очень
согласны и просим Вас поручить г. Фишеру приступить к печатанию,
если еще не начато. В число условий я просил бы включить еще,
чтобы по отпечатании 1 части Халявского, прислать мне ее
(что и не противно узаконению); может быть найдется какая опечатка
важная (по причине) от худого почерка моего или что исправить, тогда
можно во 2-й части оговорить и т. под. При том еще, чтобы один
экземпль был переплетен прилично для поднесения по посвя-
щению. Более сего нет и не будет моих требований, даже и экземпляры
мне не будут нужны исключая по Вашему усмотрению, кому
найдете приличным и нужным подарить⁶²).

Теперь представляется на рассмотрение Ваше 2-я часть Столбикова.
Как Вы найдете ее? не нужно-ли будет что отменить или ослабить?
Особенно от 91 страницы начиная, где описываются лю-
бовные похождения, сносно ли и терпимо-ли оно? Ожидаю Вашего
решения, как равно, кому и тти вперед: Халявскому или Столбикову,
если первый еще далеко до выпуска? Вы ближе к делу и Вам все из-
вестнее, следов. Вы можете решить все сами, не списываясь, на что
потребуется времени. Со всею откровенностью скажу Вам и дружбе

Вашей поручаю решить мое предложение. Маяк принимает все и платит очень исправно с предварением.—Что ни говори, а и деньги вещь необходимая. Не позволите-ли предложить гг. издателям Маяка взять отрывки из Столбикова или из Халявского (все-таки тогда, если он не скоро выйдет) по их усмотрению, что найдут для себя годным, и получить от них что придется за печатный лист. Если Вы одобрите мое намерение и позволите это сделать, то я отнесусь к ним, чтобы они у Вас взяли и выбрали статью. Без Вашего одобрения, я ни на что, по сей части, не решусь. Нахожу выгодным, кроме особого дохода, что в журнале предварено будет о выходе и что-нибудь скажут к пользе.

Третья и последняя часть Столбикова изготавливается и, кажется, в след за сим отправиться к Вам. Спешу что бы кончить ее к 20-му сентября; с того времени начнется у нас суматоха; это дворянские выборы, и продолжится до 10 октября. Не знаю еще, как устроят со мною. Полагаю что будет перемена; может быть завладеют всем моим временем. Но о том будем рассуждать после⁶³⁾.

Мемуары пойдут своим чередом. Благодарю Вас за одобрение и приют им. Постараюсь несколько еще дополнить к прежним, если первых будет мало для книжки.

Что если бы служба или какой особенный случай, привел бы Вас в наш край и к нам собственно! Нам же думать о поездке к Вам не возможно. И так, сладостная мысль, главнейшее желание, видеться с Вами и показать Вам, как чувствую все Ваше расположение, как знаю Вас, как благодарен Вам, остается в несбыточных. Вы бы нашли и здесь людей понимающих и ценящих Вас. Вы бы больше уверились, что в провинциях есть люди с сердцем и чувствами. Почтенных друзей Ваших, зная прежде из Современника, теперь, по одному слову Вашему, знаем в совершенстве. Нам завидно, что Вы с ними. По крайней мере, почитайте нас достойными быть в кругу Вашем—и то лестно.

Посвящение Василию Андреевичу потрудитесь. В том-ли духе? Та ли форма? Все на Вас возлагаю⁶⁴⁾. Не отяготитесь просьбою уважающего Вас и преданнейшего Григор. Квитки.

От Отечест. Записок я решился требовать что-бы за должные мне деньги высылали на 41 год журнал и проч. Чем-нибудь с ними по квитаться.

Обзор иностран. выслано только 18 книж. и прекратили. Не располагают ли выслать остальных также кучею? Жаль.

Все бы мне не хотелось выставлять своего имени, но в посвящении оно необходимо. Не довольно ли одного именованія основа. Все передаю на разсуждение Ваше и убедительно прошу дружеского участия⁶⁵⁾.

17. 19 октября 1840. Основа.

Как мы были изумлены и порадованы Вами, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, получа, сверх всякого ожидания экзмп. 1-й части Халявского уже совсем отпечатанный. Мы полагали его едва вступившим в типографию, а он, молодец, уже до половины возрос. Получение это было во время моего нездоровья и мы сидели не так-то веселы и вспоминая, что давно не получали от Вас известий, грустили, как вдруг убеждены были самым разительным образом, что Вы, и среди своих больших и солидных занятий, не оставляете заботиться о нас. И еще благодарность наша усугубилась, когда пересмотрев и рассмотрев книжку, не скоро потом начали перебирать и перечитывать объявления

и тоже неожиданно отыскали об'явление об издании всех сочинений Основьяненка... Вы постигнете, что мы чувствовали и как из'яснялись об Вас!..

Теперь иду по порядку: бумага на издании отличная (если это не отборный экз.), шрифт, вместимость, чистота, все такое, чего и желать лучше не можно. Тысяча благодарений г. Фишеру. Всего одну или две опечатки нашел во всей книжке, но это от неразбора моего почерка; обмолвки такие, о коих нужно бы и сказать, почему и прилагаю заметки. Почитаю не лишним чтобы экземпляр Н. М. Лонгинову был препровожден при особом письме, то прилагаю у сего письмо на Ваше усмотрение и если нужно будет, то Вы прикажете, вместе с экземпляром отправить. Все зависит от решения Вашего, мы не можем всего так видеть и обсудить, как Вы на месте и по известности приличий. Притом же все Вами сделанное, гораздо лучше нами придумываемого⁶⁶).

Также и о составлении следующих частей вот наши мысли. Каждая выдача (разумеется после выпуска Столбикова) будет в одном томе, в коем поместится одна повесть, один рассказ и одно предание потому что все мои пьесы делятся на эти три рода. Вместе же издавать каждый раз, то не будет разнообразия и не будет равное число статей. Как Вы найдете наше мнение? Если одобрите, то мы сделаем расположение статей на каждую часть и пришлем к Вам на решение.

Теперь об'яснения по другому предмету. Г. Краевский на днях отнесся ко мне, что он счот мой в 700 р. окончит, как и всегда делает с Вами, в конце года и потому просит, чтобы я был покоен и уверен что в этих деньгах, Вы будете удовлетворены. За тем убедительно просит, статьи и статьи, настоятельно просит, за что и предлагает, полагая печатный лист во 150-е, выслать все газеты и журналы на 841 год и друг. книги, эстампы, портреты и что потребуется на всю сумму, которая придется за статью⁶⁷). У меня будет готова повесть. могущая доставить мне все желаемое от г. Краевского но все хотим знать Ваше согласие. Озабочивать же Вас выпискою для нас журналов и газет, мы не смеем решительно. Это будет отвлекать Вас от Ваших занятий, неисправность книгопродавцев в высылке, будет делать досаду и Вам также, а это при серьезных заботах, весьма неприятно. Следоват. поручить это г. Краевскому можно ли и отдать ли ему, по изготовлении, повесть, зависит от решения Вашего. Он же торжественно уверяет, что без всякого упущения и промедления, все назначенное будет высылать. Если Вы на сие будете согласны, то прикажите прилагаемое письмо доставить к нему через городскую почту. Если же не одобрите, то письмо уничтожьте, яко не долженствующее итти в ход. И он не узнает ничего⁶⁸).

Хочу воспользоваться немногими свободными месяцами и при возможности все писать. При бывших у нас выборах, меня избрали в председатели уголовной палаты. Когда последует высочайшее утверждение, тогда уже не будет своего времени. Должность требующая всего внимания и большой деятельности. Впрочем, не без того, что и сюжет из дела встретится для рассказа, то все-таки к Вам адресовать буду, как и продолжение мемуаров.

От беспокойств во время выборов и полученной простуды прохворал все дни и теперь при слабости не пишу, от того так все беспорядочно и спешу к почте отправить последнюю часть Столбикова. Как Вы ее найдете? В об'явлении сказано что при Халявском будут картинки. Любопытно бы видеть их! Поручите г. Фишеру при присылке второй части приложить к нам, посмотреть.

Будьте здоровы. Мне нуждающемуся теперь в нем, первое благо; а за тем преуспевайте во всех Ваших желаниях. Мы же не имеем слов выразить нашу благодарность за все Ваше участие в нас.

Преданнейший Григор. Квитка⁶⁹).

18. 26 октября, 1840. Основа.

Вы обрадовали нас письмом своим от 8 октября, почтеннейший друг наш, Петр Александрович. Теперь во всем разрешены и во всем успокоены. Издание устроено самым приличным и безкорыстным образом, как мы всегда мечтали. Лучше и малое, но получить, нежели польстись на большое приобретение, остаться без всяких выгод. По доступной для всех цене, скорее можно надеяться сбыту, как главной цели по многим отношениям. Все благомыслящее останется благодарным г. Фишеру и самые спекулянты, на убытках других, основывающие свои выгоды, сначала возопиют, но потом последуют его правилу. Мы же в особенности благодарны очень г. Фишеру за старательное издание, как и писем к Вам пред сим. Нетерпеливо желаем знать, какие картинки будут при Халявском, как сказано в объявлении г. Фишера⁷⁰).

Вы требуете от нас нашего мнения. Вам, по местности, известны все обстоятельства: суждение и прием, публикою могущий быть, удобство, время, расчет в выручке и много другого, что для нас совершенно неизвестно и в случае нашего положительного назначения, очень легко можем пойти против порядка и расчетов Вами сделанных и проч. другого. Вот почему мы все и возлагаем все на решение Ваше, не выдавая своего мнения за непременно. Вот как и в выпуске одного пред другим. Наше мнение, что если бы Халявский поспел, то почему и не пустить его прежде всего? Для желающих читать не все ли равно, что выйдет прежде. Для счетов, скорее откроется выручка. Конечно Столбиков продолжится печатанием, зачем же Халявскому лежать втуне, не вознаграждая издержек? Может быть Столбиков солиднее и приличнее для 1-го тома, но он неизвестен вовсе и не скоро обратит внимание, а тем чтоб не расстроил счетов; Халявский же уже известен по началу и может быть зарекомендует Столбикова. Все это наше мнение не больше, а Вам, повторяю — и во всяком обстоятельстве говорю — Вам дело ближе и известнее, а может и г. Фишер имеет что в виду, след. пусть все да будет по Вашему решению и мы, кроме искренней благодарности, ничего не имеем и не должны сказать. Вы, в нашем деле действуете как ближний родной, более: как истинный друг; с большим вниманием и осмотрительностью действуете, нежели бы я сам; а потому можете судить, что мы чувствуем при каждой Вашей строке и как принимаем.

Кроме внимательного рассмотрения целых сцен в Столбикове, в чем надеюсь на дружбу Вашу и обещание наблюдать за приличностью и устранением всего, могущего хотя несколько быть лишним в целом, Столбиков нуждается и в ближайшем просмотре и очистке от неуместных повторений местоимений; скругления периодов и мн. друг. потому что писан по моему крайнему разумению и как тяготивший меня переделкою и перепискою; почему г. Фишер много бы меня одолжил, если бы поручил кому (как он в своем объявлении обещает) наблюдать за такою отделкою: не изменяя мысли и желания что сказать, выразить это чище и глаже и круглее⁷¹).

Я сам полагал, что при посвящении Столбикова, кроме имени поэта, не нужно ничего более сказать и даже не требует объяснить, от кого или кто посвящает. В посвящении Халявского, не сделаю ли я какого

промаха? Не знаю. Он внимателен к моим писаниям, отзывы его лестны и даже располагал с моими малоросс. повестями доставить мне нечто лестное; потому я и думаю посвятить ему Халявского, но все предаю на Ваше ближайшее усмотрение: включить ли посвящение (и также без всякого из'яснения) или оставить его. За полторы тысячи верст, как люди думают, мы не можем отгадать⁷²).

С несносными журналистами я, решительно, отказываюсь от всяких сношений и участия в изданиях их, о чем к кое-кому из них и писал, имея справедливую отговорку — новую должность, требующую всего моего времени. А потому прошу Вас, письмецо к г. Краевскому посланное Вам с 3-ю частью Столбикова, уничтожить вовсе. Он о существовании его и предложениях моих вовсе не знает и знать не будет. Еще при первоначальном Вашем требовании, я умалчиваю пред ними о Вас и ничего им не об'ясняю. Теперь решительно положил, ни им, ни в альманахи, не давать никаких статей; все же свободное время, какое будет по осмотру в должности, заниматься таки по привычке, и все, просить Вас помещать в Современнике.

Г. Краевский в письме от сентября, пишет торжественно, что он в декабре сосчитается с Вами. Желательно. Если все будут итти дела в проволочку, то не потребовать-ли от него газет и журналов, по прилагаемой здесь записке. Хоть чем-нибудь взять. Предваряю Вас, что я ему об этом ни слова не писал, я обещав прислать статью, сказал, что тогда буду просить о журналах, не об'ясняя даже каких. На том у нас дело и кончилось, потому что статьи ему не пошлю⁷³).

Кроме русских газет и журналов, коим следует записка, Анна Григорьевна просит Вас особою запискою о франц. журналах. При чем последний *La brodeuse*, со всеми рисунками и приложениями, чего они не всегда аккуратно высылают. Равно иностранный обзор от Белизара в сем 1840 году высылался не временно: по пяти и даже более книжек за раз. Когда бы теперь высылали по прошлым годам, т. е. по выходе каждой книжки. При чем Анна Григорьевна повторяет свою просьбу: со всею дружескою искренностью сказать, не обременительно ли это будет для Вас; в таком случае, она ничего не хочет⁷⁴).

Вот пополнительная записка на русския издания: Северная Пчела, Литературная Газета, Библиотека для чтения, Отечественные Записки, Сын Отечества. Все это, русское и французское, во избежание ошибочных адресов у меня с братом, адресовать:

в Харьков, Анне Григорьевне Квитке.

NB. Некоторые, вольные сцены в Столбикове, писаны не по характеру моему, а хотелось узнать, какими путями и чрез что, человек получает или теряет. И опять, человек тесными обстоятельствами, до какой низости должен спуститься! — Кажется, тут вольные (примеры) сцены не были бы лишние. Но все в воле Вашей.

Ни одному журналисту, не соглашусь дать что-либо из Столбикова; а тем более в Маяк и потому прошу Вас известить г. Фишера чтобы без моего к нему письма, не позволял бы никому ничего переписывать. И Маяк оказался ничто более, как журнал...⁷⁵).

Родственница наша, г-жа Башуцкая,⁷⁶) быв летом у нас, рассказывала о энтузиазме, с каким хватали Халявского по явлении его в журнале и желали видеть скорее окончание. Основываясь на этом и здешнем таком же желании, мы уже приступаем к распоряжению, быв от Вас так далеко и когда на передачу известий нужно столько времени. — Мы не ведем рассеянной, шумной жизни; круг знакомства нашего весьма ограничен; хотя и близ города, но живем в деревне, по деревенски,

соблюдая все приличие при явке в свет, чуждаясь обое всякого ветреного шума и суеты. Новая должность потребует жизни в городе и ближайших отношений к домам или семействам начальствующих. Для этого нужно необходимое приличие. У нас нет экипажа; здесь ничего хорошего и прочного нельзя найти и за хорошую цену. Вот мы опять прибегаем к дружбе Вашей, в сходстве Вашего обещания и предложения всегда нас, как ребят, тешащего: „относиться к Вам, как в домашнюю нашу контору“. Покорнейшая наша просьба: когда начнется выручка уже в нашу пользу, денег не высылать к нам, а собирать их у Вас. Когда соберется их столько, что можно что-нибудь предпринять, тогда будем беспокоить Вас о покупке кареты и проч. Деньги нам ни на что более не нужны, как на снабжение себя необходимым. При собственности, по месту буду получать 4000 р. ассигн., следовательно, городская, не блестящая, а свойственная нам, жизнь обеспечена. Только, успокойте нас, не отяготит-ли Вас такого рода наша просьба. Вы не отнесете наших затей, подобно продаже шкуры не убивши медведя; но мы просим Вас не отказать нам, когда откроется к тому возможность. Будьте здоровы к утешению искренно Вас уважающих.

Преданнейш. Григор. Квитка.

Полагаю не излишним передать г. Фишеру прилагаемую записочку на всякий случай⁷⁷).

19. 23 ноября 1840. Основа.

Худые дороги причиною, что мы обязательное письмо Ваше, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, от 7-го ноября получили только вчера и столько времени, мы не знали, Вы к довершению прежних Ваших одолжений, не упускаете случая обязывать нас чувствительно, снисходительно заботясь о устройении вообще выгод наших. Прежде всего, спешу оправдаться пред Вами, не в вине, чего никогда быть не может, но, только в излишней заботливости, отстранить от Вас беспокойства в безделушках. Нам казалось, что заботиться Вам о высылке нам журналов будет для Вас неуместно, отвлекая Вас от занятий серьезных. Г-ну Краевскому же это не будет безпокойно, имея свою контору и потому удобнее настаивать о аккуратной высылке книжек. Безпорядок же, с каким высылался в текущий год „Обзор иностранный“ происходил не от почтамта, а точно от г. Белизара, потому что мы вместо того, что в прежние годы получали через 10 дней книжку, теперь получали по три, по пяти и даже по шести книжек в одном конверте, следовательно так они были подаваемы на почту. Теперь же, получив в сентябре тоже несколько книжек разом и последняя от августа была № 23-й, с того времени ни одной книжки в пересылке нет. Вас беспокоить о настоянии, нам казалось мелочно, а г. Краевского озаботить о понуждении, нам бы не совестно было; это ему к руке. Вот почему мы решились не обременять Вас уже такими мелочами. И теперь, единственно только для ясности счетов Ваших с г. Белизаром или кому Вы препоручили, объясняю Вам, что „Иностр. Обзора“ после 23 книжек мы не имеем ни одной. Кончив все сношения с Отеч. Зап. т. е. отказавшись решительно высылать им что либо, по особенным занятиям, я не престану наведываться и напоминать г. Краевскому об окончании счетов.

Благодарим Вас от всей души за выписку нам журналов. Русские, со всею искренностью скажу, точно забавляют нас своими лжеумствованиями, усилиями таращиться; не смешно ли, когда они мелют всякий вздор и почитают, что они умствуют, учат, просвещают — пусть мечтают, а выписывающие их имеют свою цель. Не помню, между про-

чими, записан-ли у нас Маяк? Он уже задирает других и также на него нападают, а потому и будет занимательно, под час, перечитывать его. Здесь же, не имея своего, нет возможности достать; так немногие получают из всего кое-что.

Благодарим Вас за все участие в наблюдении за полным изданием. Уверен совершенно, что все устроится отлично и Вы достигнете цели своей, видеть нас получающих выгоды. За статьями для прочих книжек, постараюсь не сделать остановки и поспешу выслать Вам на одну книжку. Благодарю Вас за удостоение Столбикова, статью в Вашем Современнике. Это ему будет большая рекомендация⁷⁸⁾.

Пояснением Вашим о карете Вы нас обязали.— Да есть ли что между нами, чем бы мы не были много и много обязаны? Сокращая содержание дрожек и коляски, нам именно, для легких выездов такая и нужна, о ней мы убедительнейше просим, то есть о называемой у Вас „докторскою“. Но как свет и суждения его везде одинаковы, а в провинциях чуть ли еще не притязательнее, то потому и большая, четырехместная будет необходима, когда выручка будет [удовлетворительна] достаточна и может удовлетворить эти прихоти, впрочем необходимые. О, если бы Вы знали наши провинциальные суждения!

Теперь остается нам с нетерпением ожидать выхода первых частей и как они будут приняты. По дружбе Вашей и по всему участию, не откажите, прислушавшись к суждениям, известить нас. Это нам будет очень отратно. Какое бы ни было суждение, мы прийдем с благодарностью,—в назидание. Журнальными толками ни утешусь, ни огорчусь, а суждение людей, понимающих цель, а не запятые следящих, вот что поучительно.

Пригоден ли и приличен ли будет для Современника герой, которого я решаюсь назвать „Украинский дон Кихот“ или как-нибудь скромнее. Он воспитан со всеми бабьими предрасудками. С ними живет и по ним поступает во всем; и целый век занимается истреблением ведьм для блага человечества. Не низок ли, не местный ли только сюжет? Ожидаю Вашего решения⁷⁹⁾.

Преданнейш. и благодарнейш. Григор. Квитка⁸⁰⁾.

20. 14 декабря 40. Основа.

Пользуясь отсутствием моей Анны Григорьевны, украдкою от нее, пишу к Вам, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, и все таки с безпокойною для Вас и убедительнейшею моею просьбою, вынужденный настоятельным требованием Вашим, относиться обо всем прямо к Вам.

Анна Григорьевна именинница 3-го февраля. Долго я выведывал у нее, что бы ей приготовить по вкусу ее и наконец заметил, что ей хотелось бы иметь шубу попараднее и пристойнее. Шуба, какие ныне носят, с крышею и воротником, хотя бы в тысячу рублей, на средний рост. Цвета крыши не умею Вам выразить, но какой употребительный в лучшем тоне.

Она у меня одна в мире и ей желал бы доставлять все, чтобы она ни пожелала и потому дружбою нашею умоляю Вас, не потяготиться моим препоручением и не отказать мне, поручив кому из знакомых заказать все прилично и уложив все прочно, отправить чрез комиссию транспортов, чтобы чрез почту не отяготительно было стоимостью поклажи. Не умею Вам выразить какое доставите мне удовольствие, сделав ей нечаянность по ее вкусу и желанию. Все это назначение сумме за издание, предполагаю в надежде удачного сбыта книжек, умоляю Вас не подвергать себя собственно каким либо издержкам.

Статьи на последующие части собираю и поисправив, буду высылать. Люб-не люб Вам будет украинский дон Кихот (которого мой цензор одобряет) вышлю к Вам, если и не пригоден будет в Современник, все пойдет в общее собрание. Окончил бы его но болезную рукою, от чего и пишу так. Вслед затем еще буду кое-что писать, как равно и мемуары буду продолжать. О мнении об них желал бы знать суждение здравомыслящих.

Окончиваю повторением убедительнейшей просьбы не тяготиться моим последним сим препоручением и не прежде исполнить по нему, как когда способы за уплатою за карету, будут позволять. Малейшее отягощение Вас в этом случае и всякая издержка Ваша для нас, будет очень (для нас) прискорбна и Анне Григор. вместо утешения принесет огорчение.

В случае невозможности ныне исполнить, можно отложить и до будущей зимы. Главнейшее, лишь бы Вы не были ничем отягощены от нас. Чего в праве требовать даже по дружбе нашей.

Преданнейш. и благодарн. Григор. Квитка⁸¹).

21. 8 генваря 41. Основа.

Каждое письмо Ваше, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, есть новое удостоверение в чистой дружбе Вашей к нам и в искреннем наблюдении пользы наших. С одинаковыми чувствами, как и все прежние, читали мы и последнее письмо Ваше от 27-го декабря. Вы и поступаете так, как из'яснили в нем: оставляя писать к нам, Вы не удерживаетесь заботами и делаете все к выгоде нашей. Анна Григорьевна особенно благодарит за журналы; теперь у нее обеспечено чтение на целый год.

Я же продолжаю удостоверение, что мы никак не сходны с охотником, продающим кожу не убивши медведя. Как же за полторы тысячи верст нельзя знать в подробности всех обстоятельств, то кажется, не мешало бы о всем заблаговременно списываться. А потому, мы бы желали знать: уплатив за карету, будет ли на нашу долю приходиться еще сколько-нибудь и примерно около чего, чтобы при благоприятном ходе дела нашего, мы могли бы еще что назначить прислать вместе с каретою, чтобы не издерживаться деньгами и хлопотами на особую пересылку. Впрочем, как мы и с начала не обольщали себя значительною прибылью, то весьма равнодушны будем, если из уплаты за карету ничего более не придется нам; и вопрос делается единственно на случай, что бы не упустить случая для удобной доставки.

Знавши как все идет между людьми, и даже здесь, пред глазами, мы ожидали такого слабого хода в сбыте книжек. Все те, которые мне кричали: „мы возьмем, мы наберем, мы поддержим“, теперь очень равнодушны и не совестятся только выпрашивать прочесть. 12-ю присланными экземплярами, я не мог удовлетворить охотников прочесть. И так, когда уже всем известный, только до половины вышедший Халевский, о продолжении коего просили, так дешево продающийся и тот слабо раскупается, что же будет с Столбиковым, вдвое ценным, никому неизвестным, что будет с ним и прочими частями?—Они, чисто залягут в подвал. И если бы г. Фишер и не потерпел убытков, выручил бы свои деньги, то мне мало было бы удовольствия собственно на мой счет. Куда деваться мне тогда с громадою залежалых книг? Тогда вышло бы по пословице: „игра не стоит свечи“. То по моему, не лучше ли, не вводя г. Фишера в дальнейшие издержки, окончив печатанием Столбикова, о дальнейшем издании сказать, что „оно приостанавливается

по непредвиденным обстоятельствам“ или под. тому. Потрудитесь обсудить эту мысль нашу и скажите справедливо ли наше заключение и одобряете ли Вы предложение наше?—Гг. журналисты, получив от меня отказ участвовать в их изданиях, кажется, прогневались: ни один не (заявил) предварил о выходе Халявского, хотя и очень знали, знали и по выходе. Даже книгопродавцы (кроме Ширяева⁸²), в Москве) не публикуют от себя о продаже Халявского. Здешние книгопродавцы, приказчики столичных доселе не получили от столичных ни одного экз. Для провинции, Халявский словно не существует. Стало в столице не спрашивается, а потому и не рекомендуется далее. Явное равнодушие. Чего же надеяться на будущее? Потрудитесь обдумать замечание наше. Даже Н. М. Лонгинов не удостоил меня никаким отзывом на посвящение. Не прогневался-ли?

Мой украинский Дон-Кихот был уже готов; и по рассмотрении моим единственным и безпристрастным цензором одобрен, но потребованы некоторые перемены и другое заглавие, поскромнее. Спешу кончить и выслать к Вам.

Г. Краевский торжественно уверил меня—и я имею письмо от него—что он, к новому году, решительно сосчитается с Вами в 700 рублях, так долго тянувшихся. Если еще не сдержит слова, то при первом уведомлении Вашем, я опять обращусь к нему⁸³).

При чтении Вашего письма, Анна Григорьевна тогда только узнала о желании моем выписать для нее шубу и попеняла меня как за наносимое Вам беспокойство, так и за назначение суммы, которая еще весьма далеко от рук наших. Но мне все не хочется, чтобы день ее, остался безо всего от меня и потому я пустился опять на испытание и открыл, что ей нужно бы самого лучшего кружева восемь аршин, шириною в четыре вершка. Полагаю, что г. Фишер не откажет какую сотню рублей или более, взнести в ожидании будущих благ. Легкость посылки не затруднит почты, которая уже оставила свои притеснения и к желанному дню доставлено быть может.

Оканчиваю чем всегда занят: извинением за беспокойство и благодарностью за все участие Ваше.

Искренно предан. Григор. Квитка⁴⁸).

22. 25 января.

Прибегаю к Вам, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, с убедительнейшею просьбою не отяготиться и оказать мне истинно дружескую помощь. Именно, перебирая в уме и памяти Столбикова, я вспомнил, а [оригинала?] у меня нет, что во второй части в одной из первых глав, именно там, где Столбиков в уездном городе находит своего родственника, производящего следствие, слишком резко и ясно выставлены все действия бывшего здесь на следствии вельможи и описаны все деяния его. Сия особа имеет влияние на службу мою, следовательно, необходимо облегчить эту и последующие части. Полагая, что еще можно все исправить, убедительнейше прошу Вас, просить г. Фишера от меня, поспешить с первою почтою выслать мне те листы, где напечатана эта глава с последующею. Я ее исправлю и так приведу, что составиться полный лист без всякого упущения и тогда перепечатание листов, принимаю на свой счет. Не будет разницы даже в страницах. Для поспешности в доставлении, я бы просил переслать не посылкою, это долго пройдет, а партикулярным письмом чрез легкую почту. Хоть и тяжел конверт будет; я принимаю все на свой счет.

— Если бы же, к сожалению, уже пересылка невозможна была по

причине оконченного переплета и т. под., то прибегаю к Вам, убедительнейше прося рассмотреть и уничтожить те страницы, где следовательно рассказывает о своих деяниях, наполнить чем-нибудь или хотя вовсе исключить их. Но это последнее так трудно и не возможно, что я надеюсь удобнее всего, прислать ко мне листы. На могущую случиться чрез такую медленность... я не смотрю, лишь бы исправить свою погрешность и удалить от себя неприятные последствия. Помогите мне в сем.

Преданнейш. Григор. Квитка.

25 января, 41, Основа.

Бога ради извините мою такую докучливость, но быв людьми напуган, боюсь их⁸⁵).

23. 1 февраля 41. Основа.

Пишу к Вам, почтеннейший и благодетельный друг наш, Петр Александрович, в самом мучительном состоянии души, терзающем меня несколько недель⁸⁶). Меня убивает Столбиков. Не считите меня ни ветренным, ни слабодушным, ни впавшим в сумасшествие, в котором можно бы меня подозревать по моим к Вам отношениям, одно к другому противоречащим. Одним успокоением для меня нахожу, объяснить пред Вами все в подробности, умоляя Вас дружбою, неоцененною для меня, войти в мое положение и приискать средство, могущее меня также успокоить, как и мое (следующее) предприятие. Я и Анна Григорьевна, один человек, одинако чувствующий, одинако мыслящий, одинако действующий и по тому, что буду говорить о себе, все равно и она тут заключается. Достигая старости, благодарю бога, счастлив людским мнением, никто меня не упрекнет, никто не укажет пальцем как на сделавшего что дурное. Счастье это хотелось бы мне сохранить по смерти. Но выйдет Столбиков, и вся ученая, губернская, чиновная, дворянская братия, здраво мыслящая, вся восстанет на меня и восстанет ужасно. Каждый член всех сих сословий, не входя ни в какие рассуждения, а о цели сочинения они и понять не могут, все восстанут против меня, начнут догадываться на кого я метил; не похоже, они станут натягивать. К этому отзыв какого-нибудь журнала не в выгоду сочинения, насмешки над личностью, обстоятельствами и проч. сочинителя, истребит ко мне всякое уважение и навлечет тьму неприятностей. Вы не знаете провинциалов, мнений, суждений их и удобства настраивать их к общему понятию. Я говорю об особенной массе, но она масса и кричит больше понимающих дело. Тут то начнут меня почитать злым, вредным, опасным, выставляющим своих собратий пред светом с дурной стороны. Что мне тогда предпринять? Переуверить их, перекричать невозможно; объяснений не поймут и не выслушают, а затвердя журнальную статейку, будут скалозубничать. С моею раздражительностью, с моею склонностью к мрачным мыслям, не имея возможности укрыться от людей, да и где от них укроешься? Они везде одинаковы;—предчувствую, что они собьют меня с ног, если не сделают чего более. Малодушие, Вы скажете; очень согласен и признаю в себе этот порок; но не знаю, кто бы пошел чрез опасный лед не взяв предосторожностей. Когда же их нет и не предвидеться, не лучше ли уклониться от пути сулящем одну гибель?

Анною Григорьевною Вас уверяю, что я был равнодушен, как и теперь, к журнальным замечаниям, нападкам и даже придирам; понимал сих людей; но когда вместо разбора книги и замечаний на нее отложенных в сторону, нападут на лицо сочинителя, осмеют его в имени,

втопчут, не только сочинение, но его лично в грязь, поставят на ряду с глупцом, мужиком и не заслуживающим никакого внимания, то не знаю, кто бы равнодушно принял!—Я уже был в ипохондрическом расположении духа и уже обдумывал мысль, о которой из'ясню ниже, как прочел в I. Библ. для чт. статью Сенковского о Халявском. Читал ее спокойно, удивляясь дерзости, подлости и неблагоразумию его; но потом рассудив, что это пойдет везде у нас—далее я и не иду;—все прочтут, посмеются, затвердят, будут припоминать, указывать пальцами. Опять скажу: Вы не знаете провинциалов. Для них печатный листок, неопровергаемая истина; напечатано-де; журнал, оракул, повелевающий мыслить, судить, ценить. И мне, во всю свою жизнь, не сделавшего ничего, за что бы я подпал людскому суждению, мне замечать взгляды, примечать улыбки, подслушивать намеки. За что? Писание не нужно было никогда мне. Писал и готов выписать все бродящее в голове, все рассказывать, что помню, что чувствую—и уверен очень, что такими рассказами, никого не задевая, я шел бы да шел по маленьку. Но когда в разборе моих рассказов потерял всякий ум, не призвано благоразумие, пристойность, тогда из чего давать змее повод язвить меня? Что же будет, если бы вышел Столбиков? Язвительность журналов, кривые толки окружающих меня, все вместе соединясь, все убьет меня. Защищаться, оправдываться, толковать цель, намерение?—Кто может успеть в том? Кто возьмется за чужое дело? Кто в состоянии утишить мнение толпы? Благородно—здравомыслящие? Когда их голос дойдет ко мне и дойдет ли?—Вы когда-то писали, что „Гоголя заглушили бы, но что его поддерживал царь“. Куда же мне, былинке, мечтать о том? Притом же я в кругу своих соседей. Слово, взгляд их, немедленно достигает меня. Все это и многое-многое сообразив, чего не могу выразить, все это поселило во мне мысль, обдумываемую мною несколько недель, чтобы изложить Вам, с подробным, сколько мог выразить, моих побуждений к решению. Именно: Столбикова вовсе не выпустить и скрыть его от света. Для вознаграждения издержек за напечатание его, я соберу три-четыре и сколько надобно полных тома лучше принятых повестей. За них мне ничего не нужно, лишь бы г. Фишер получил свое, в уплату чего да пойдет, если бы что осталось за пополнением издержек на нас, из суммы за Халявского. О приостановлении Столбикова я скажу публике от себя с из'яснением ли причин побудивших к тому, или покороче, как Вы решите. Обещанных несколько томов моих выйдет, пред публикою прав я и г. Фишер. Сам же буду продолжать писать единственно для Современника и под Вашею защитою, не буду бояться никого. Вы сами согласитесь, что Столбиков может раздражить многих в каждом состоянии. За что же мне, с моим характером, с моим всегдашним желанием жить тихо и мирно со всеми, вооружать против себя людей, не имея ни средств, ни возможности утишить их? Само благоразумие велит уклоняться от неприятностей.

Знаю, что Вы скажете мне на это. И вот мои ответы. Слава, известность мне не нужны, потомства нет; дай бог приобретенного не потеряв, дожить покойно. И какое утешение будет оставшимся после меня, если они скажут: „вот эта славная теперь книга, за сочинение которой, сочинитель был осужден и доведен до гроба?“. Мне 63 года. А сколько надо лет промучиться, проработать, чтобы умирая сказать: „я победил завистников! Умираю покойно!“—О больших, значительных приобретениях я не мечтал за невозможностью получить их. Вся моя фантазия не простиралась далее, как приобретение безделиц сколько-нибудь получше здешнего и что это приобретено за мое писание. Вот моя слава, радость

и все. О большем мы не мечтали и оно не с нашими понятиями и склонностями. Продолжать жизнь как вели ее доселе, очень можем без всяких других пополнительных средств. Притом же Анна Григорьевна не только отказаться, но готова во всем себя ограничить, лишь бы видеть меня спокойного и исстрепить теперешнее, гнетущее меня состояние души. И вот все Ваши возражения против просьбы моей, скрыть от света Столбикова, опровержены; после чего, совершенно уверен, что Вы не можете найти ни одной положительной причины которою бы убедили меня отстать от моего желания. Я так уверен в дружбе Вашей и от ней, в желании нам величайшего блага, спокойствия, что обсудив все, а по незнанию моих местных отношений, поверив мне на слово, поспешите послать к г. Фишеру, чтобы приостановился с печатанием Столбикова; чем совершенно подарите меня десятью годами жизни против обыкновенного, к спокойствию Анны Григорьевны. Г. Фишер не теряет от такой перемены ничего. Его вознаграждают несколько томов повестей, сколько нужно, я добавлю повестями.

Вы скажете: зачем я не обдумал прежде? Обдумывал много и давно, даже до сего времени. Первую мысль подал В. А. Жуковский лично сказав мне, писать и писать, описывать губернские сцены, выборы и проч. и для удобства соединить в одном. Еще я не имел утешения быть знаем Вами, послал П. А. Корсакову. Он мне отворял ворота в храм славы, это было лет пять назад. Вы приняли в свое покровительство и потребовали перемен. Я исправлял, но уже начинал на него смотреть другими глазами. Послав его к Вам, я уже безпокоился о выходе его и желал выпуска прежде Халявского, нежели его. Далее, чем ближе к выходу его, я начал прилежнее обдумывать и вспоминать его, черного у меня не было; тут с ужасом вспомнил об одном лице ярко выставленном, поспешил просить прислать мне листы для перемены, которые по получении и исправлю. Занимаясь все им и им, я точно пришел в мучительное положение, вообразив, что скажут здесь, как начнут толковать по-своему и проч. и проч. и, наконец, дошел до крайнего изнеможения. Теперь мне отраднее, что открыл Вам все тяготящее меня и от Вас, дружбы Вашей, получу успокоение. Причины мои так сильны, из-за которых я уверен, что Вы не найдете чем их опровергнуть и убедить меня поступить иначе.—Чем мне возразить, когда злой журналист скрыв, по обычаю, все лучшее, начнет указывать на им полагаемое злое. Начнет возбуждать все состояния против меня. Они увидят печатное — и пошла потеха! Отдаюсь на Ваш суд и с нетерпением жду Вашего решения. Для успокоения г. Фишера, я предлагаю столько томов, сколько нужно для устранения от него убытков. Столбиков же может лежать, хоть и ко мне прислать его; он дождет своего времени когда, не причиня зла своему сочинителю, может появиться в свет.

Боже мой! Как мне больно, что я Вас так много безпокою и к умножению тех неприятностей, которые Вы, может быть, терпите за принятие меня в свое покровительство и руководство, я обременяю Вас и своими горестями и жалобами. Но Вы бы сжалились надо мною, видя состояние души моей. Нас же всего только здесь двое: один скорбит и у другого отнято спокойствие, а Вы так далеко!—И когда-то дойдет от Вас утешение?

Как прежде Вас уверял, так и теперь подтверждаю. Решительно ни с одним журналистом не имею никакого сношения уже очень давно. Пьеска явившаяся в лит. газете, послана была к Кони очень давно для его Пантеона, с театральными пьесами; не видевши ее там, я был покоен, как вот она явилась в лит. газ. ⁸⁷). Если явятся театральные пьесы

в Пантеоне, то это еще прошлогодние, которых, по требованию моему, он не возвратил, а одолжил присылкою лит. газ.— С прочими у меня ни с кем нет никакого дела и не ожидаю от них не только присылки журналов, но еще и выходок против меня. С Погодиным у меня знакомство и связь лет двенадцать. Он любит меня и без журнала. Высылает мне Москвитянина и пристаёт, требуя статьи. Я еще не писал; скажите откровенно: посылать ли ему или, имея благовидный предлог, отказаться? ⁸⁸). Послал еще статью г. Максимовичу в Киевлянина во 2-ю книжку ⁸⁹). Пьеска к Киеву относящаяся. Больше этого нигде мною ничего не дано. Вдвойне только и получаю что лит. Газету и не найду охотника, кому бы сбыть ее. С прискорбием гляжу на весь хлам приносимый с почты и крепко жалею, что ими загромождается стол. Доселе мы получаем: 1) Сев. Пчелу, 2) Лит. Газ, 3) Библиот. для чт., 4) Сын Отечества. 5) Обзор иностр. на сей год; прошлаго года восьми книжек не дослано. 6) Листок для Светск. Людей.— Прочие, конечно, в свое время вышлются. С Краевским намерен вступить в объяснения с требованием должного мне; более того знать не хочу. С Маяком у нас возникли какие-то сухости и XII кн. не выслали. След. не будут на сей год высылать. Современника же и по сей день в получении здесь нет. Очень доволен что Фенюшка попала наконец, после многих требований, в Ваши руки. Она для Утренней Зари была забракована. Если находите ее скольконибудь годною, располагайте ею по своему произволу. Срочная же статья для Вас готовится и, если что особое не помешает, хотя и не выправленную, вышлю Вам с следующею почтою. Предваряю Вас, она об'емом больше Фенюшки и кажется также займет как и Ярмарка. Как ни разбита душа, но все окончиваю и спешу выслать Вам. Поместиться ли она во 2-ю кн. или отложиться до 3-й, все еще напишу одну и две в течение сего года, а впредь как бог устроит.

Душевно, как и всегда во всем благодарю Вас за уважение моей просьбы в удовлетворении желания моего, развеселить Анну Григорьевну в день ее именин нечаянностью. Сегодня должен получить с почты.

Меня удивляет заведенный и мало по малу вкоренившийся каприз журналиста Сенковского. Вместо того, чтоб говорить о сочинении, он, как в кабаке, ругает сочинителя и посягает на неприкосновенность его, имя настоящее или хотя и принятое. Неужели это безнаказанно? Неужели терпимо? Что за уподобления! И деготь, и сало и все известные ему мерзости. В лютую жолчь омокал перо свое и, если бы я попался ему, он бы искусал меня. Натурально, что я презрю его и с бешеным, а может и с пьяным мужиком не войду в объяснения; но все странно, что это у нас терпимо! И хорошо я сделал, что не писался своею фамилией. Не дал ему повода изрыгать свои грубые шутки над нею.

Суждения Краевского о литературе еще не достигли сюда ⁹⁰). Что сказать о тех, пред которыми вопили о крайности, голоде, нужде и др. бедствиях и он не разжалобился не малейше. Что сказать о нем? Помогающему в нужде, избавляющему от крайности, тех должно превозносить. И пусть лучше молчат, нежели, руководимые досадою и злостью, будут лаять подобно Сенковскому. Но еще уверяю Вас, что не его хуления заставляют меня на удержание Столбикова под спудом, а именно, объясненные мои отношения к здешним людям. Можно печатание приостановить без окончания. Придет время, тогда можно докончить и торжествовать; но только не теперь, сделайте милость, не теперь. О если бы Вы видели болящую мою душу, расстроившую даже телесный мой состав. Бог с ним со всем, с славою, с прибытком, лишь бы сохранить спокойствие!

И все-таки о Сенковском. Учить других слогу, языку; а где они у него? И что бы было, если бы Халявский описывая свое время, начал бы говорить отборными словами, вычурными фразами?.. Но пропадай он совсем. Обращаюсь к г. Фишеру, убеждая его не сетовать на мое непостоянство. Всем бы пожертвовал чтоб сохранить спокойствие, а его лишился бы, если бы книга вышла. Какая разница самому читать корректуру! Если бы я прочитывал листы, то был бы покоен, исправляя все до последнего. Убедительная просьба: не посетуйте Вы на больного и расстроенного духом.

Предан. Григор, Квитка⁹¹⁾.

24. 5 февраля, 41. Основа.

И это письмо есть подтверждение письма писанного к Вам, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, от 1-го февраля. И в этом письме та же убедительная просьба о прекращении печатанием, не только Столбикова, но и всего вообще. Чем более перечитываю статью в Библиотеке, тем яснее вижу всю его злость и готовность язвить меня на каждом шагу, при всяком удобном случае. Ни лета мои, ни правила, ни все стяжанное мною доселе не позволяют мне терпеливо переносить его уязвления. Прилагаю у сего об'явление, которое следовало бы поместить во всех журналах и газетах. Каким Вы найдете его? Т. е. приличным ли и нужным? Не хочется в молчании оставлять таких его дерзостей. Предоставляю все Вашему дружескому рассуждению. Не сказавши ничего, приостановить, это не так будет ловко; сказать в извинение чтонибудь, тоже не идет; лучше все выставить как есть. Отложить же печатание, намерение мое неизменно. Повторяю опять, что спокойствие для меня дороже всего. Одно желание вознаградить г. Фишера за все его издержки и беспокойства. От кареты очень охотно отказываюсь, если можно, хотя и с пожертвованием чего, откажите в ней. За тем, после пополнения всех издержек сделанных в счет суммы за Халявского, что останется, пусть все идет ему, лиш бы не имел убытка. Чего не будет доставать, я с благодарностью пришлю, лишь бы купить спокойствие.

Здесь напал на меня известный Каразин и подал на меня доносы, разумеется мною отверженные, но все же потрясшие мое спокойствие.

Теперь отыскал Кобзаря, где есть малорос. стихи ко мне, разбирает их и хочет доказать, что они вредные, силится подвергнуть их запрещению. Чего он не предпримет и чего не найдет в Столбикове? Лучше, лучше уклониться⁹²⁾.

Об'явлением своим, если Вы одобрите намерение и изложение, я совершенно буду прав пред г.г. журналистами и они отстанут от меня.

Больно нам, жестоко больно, что мы Вас так беспокоим и удручаем. Вы взяли меня на свои руки и, вместо удовольствия, сколько Вам забот, кроме тех неприятностей, которые наверно встречаете, но только скрываете от нас.

Дружба Ваша, только одна утешает меня в горестные часы.

Преданнейш. Григор. Квитка.

Что найдете нужным прибавить, отменить, изменить в об'явлении, не откажите его усовершенствовать⁹³⁾.

25. 8 февраля 41. Основа.

Удушаемый своею хандрою или ипохондриею, что все одно и тоже, в первых письмах к Вам, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, я излагал свои возражения на убеждения, какие Вы можете сказать мне, опровергая мое упрямство в прекращении дальнейшего

издания. Теперь буду отвечать на то, что уже Вы сказали мне в последнем Вашем письме: „любить и делать добро для него самого“. Бог видит мое сердце, как я люблю его сам по себе и видя второго меня, руководящего меня к тому и чем бы я не пожертвовал, о чем бы пожалел, если бы мог делать другим добро! — Но если, чтобы доставить другим удовольствие и даже пользу, должен я подвергать тело свое безпрестанному уязвлению, вытачивать по малу кровь и потом те же язвы припекать на огне, тогда утешит ли меня, сделанное, для других, добро? Утешит без сомнения, когда я одинок. Тогда мучительная смерть все ничто. Но когда с моею жизнью соединена жизнь другого, невинного ни в чем, ни перед кем, при воззрении на мои страдания, страдающем от одного участия более нежели я терплю существенно; в моем спокойствии полагающем все благо, живущем только жизнью моею, тогда позволительно ли накликать на себя хотя бы часть бедствий? — А я их, ежечасно, пока не успокоюсь ответом Вашим, переношу тьму. Слабость, непростительное малодушие, подходящее к ребячеству, ну, просто глупость. Совершенно согласен и, безпристрастно, таким себя признаю.

.... Но что же мне делать? Чем победить себя? чем утолить боль душевную, рождающуюся от беспрестанно грызущей меня мысли: а огорчил всех, выводя деяния людские, я ожесточил их против себя; они будут меня гнать, упрекать, укорять, взыскивать — и проч.; я не буду видеть от них ни сожаления к раскаянию моему, ни участия в скорби моей. А сделаю ли кому добро указанием на слабости людские и пороки, заставлю ли кого избегать их, еще не известно, или лучше, совершенно известно, что не успею ни в чем, лишь только вооружу против себя всех калек, доказывая им что они калеки. И если не крик, а одно змеиное шипение до того затемнит истину, что она никогда не возсияет. Если же и возсияет, то уже в таком поколении, которое не будет и знать, кого предки их загрызли живьем.

Мне только то больно, что я своею неосновательностью, необдуманностью, навлек и навлекаю Вам кучи беспокойств, в добавок к тем неприятностям, которые Вы, наверно, испытываете от людских суждений за руководство мною и оказываемое покровительство. Я странен до крайности в понятии Вашем в теперешних отношениях. Но я Вам все открою. Я был покоен на счет Столбикова во всех его положениях и ничто меня не смущало; вдруг — или я потерял рассудок или промысл меня просветил, только я мгновенно, как будто стал озарен светом, увидел ясно, чего мне ожидать за него от людей? Кто из них останется им доволен и не сознаваясь что это они-то и есть, будут делать свое, чтобы получить свое. Эта мысль сразила меня! А тут лаяние журналов, настоящее, встреченное уже, и будущее — ожидаемое — и я совершенно потерялся!... И теперь, хотя знаю, что Вы приняли участие в болезни души моей, и если не сделали конца, но все же приостановили и шлете мне увещания, все это предвижу, но все неспокоен духом, все еще страдаю жестоко, пока не получу решительного от Вас согласия на прекращение дальнейших забот. И что бы я дал за один час беседы с Вами!... Анна Григорьевна истощила все убеждения и не знает чем унять свое дитя — может быть от капризов, а еще больше, если Вы их причтете к числу непозволительных. Здесь же, мы так несчастны, что не имеем никого кто бы явился на помощь ей; и говорить кому либо здесь об этом, все равно что о китайских делах, один результат.

Читал в Отеч. Зап. статью о литературе. Правда, что статья отличная. Все хорошо, но рассуждение об истине все красит⁹⁴).

Посылаю Вам мою сказку. Анна Григр. одобрила ее, а я недоволен. Нет ни цели, ни завязки, ничего эффектного; и как он мне надоел, то я и уморил его скорее. Правду сказать, писал его в самые скорбные, возмутительные часы, чтобы рассмеяться⁹⁵).

Весь Ваш Григор. Квитка⁹⁶).

К странице 34-й I-й части.

Мне не советовали так сильно укорять человека, в почетном звании предводителя, а облегчить ночную сцену. Отдаюсь на Ваше рассуждение и, на случай, вот как можно изменить, от знака ⊕ на 34 странице до знака § до 36-й страницы, а там все без отмены.

⊕ Окончив молитву, Предводитель принялся рассматривать книги; я же не ожидая ничего для себя занимательного, улегся себе, но долго слышал опекуна занимающегося и даже проговаривающего: „Вот это дело“. Потом не скоро улегся он и вздыхая приговаривал; „Господи. прости меня грешного!.... Как же и мне быть?....“ и потом уснул сладко. §

26. 1 марта, 41. Основа.

Как прискорбно, когда после мрачного, беспокойного сна, при пробуждении, не встречаешь ничего отрадного, успокаивающего нас! Мое положение точно такое. Действительно, эти два месяца, я был в мрачном сне, беспокоим был страшными мечтаниями, унылыми видениями и пробудясь, встретил новые горести, упреки и собственное раскаяние, повергающее меня в такое уныние, которое если бы я в продолжение сновидений моих предчувствовал, конечно не выдержал бы и пал бы может быть совершенно. Вот чистая моя исповедь и объяснение всему: человек, которому я не сделал никакого зла (Каразин). принялся порочить меня, бумажно, с самой чувствительной стороны. Представил гнусные клеветы на счет чести моей здесь и даже верховному управлению. Я оправдался в двух словах, но должен был оправдываться и это так сильно потрясло весь мой организм, что я был в необыкновенном состоянии. Все мне было подозрительно, все смущало меня: два разговаривающие особо, поселяли во мне мысль, что они сговариваются язвить, поносить меня; всякая получаемая бумага, поселяла во мне беспокойную мысль, что это новый на меня донос. Тут возродилось во мне опасение на счет Столбикова: все состояния описанные мною, восстанут на меня, будут преследовать и решительно погубят меня. Ежечасно тревожила меня мысль, что Столбиков отпечатан, выпущен, прочтен злодеем моим в столице, он узнал себя, в лютости все вооружил против меня. Здесь же, по особенному случаю, собралось дворянство губернское, среди коего, так вообразилось мне, станут судить выходки в Столбикове, против выборов, против чиновников, против всего; все это, день ото дня, поражало сильнее и сильнее. Бедная моя Анна Григорьевна, истощив все увещания, все убеждения, и видя меня жестоко страдающего от одной мысли, что Столбиков вышел; впадающего в совершенное отчаяние при получении почтового объявления о какойнибудь посылке, от предположения что это не что больше как Столбиков отпечатанный, все это видя и не находя никаких средств успокоить и вразумить меня, решила со мной, по настоянию моему писала к Вам вместе со мною в том же тоне и духе. Мои терзания усиливались от воображения, что все письма наши опоздали, что Столбиков вышел и все восстало против меня. Я боялся прихода почты и с сильным волнением души, не веря никому, пробегал газеты, и успокоивался до следующей мысли о будущей почте. Наконец положение

мое стало невыносимо. Анна Григор. открыла все брату моему, здесь же живущему. Тот испугался моего состояния и потребовал чтобы я прибегнул к лечению. Я сам видел слабость, глупость свою, но волнение во мне было произвольное, ничто не могло меня образумить и даже сам я сознавался, что душа моя в необыкновенном состоянии. Доктор нашел положение мое очень серьезным и находил необходимым кинуть мне кровь, но остановился на сильных лекарствах. Письма мои, в то время писанные, к Вам, почтеннейший и благодетельный друг наш, Петр Александрович, я находил необходимыми, суждения мои справедливыми, боялся Ваших возражений и опровержений, и потом предвременно отвергал их, как поступал и с Анною Григорьевн. Одним словом, в это время если бы имел возможность, бежал бы на край света, чтобы даже не слышать о людях; самое напоминание об Основьяненке, потрясало меня. Еще только начал я впадать в такое положение духа, как явился Сенковский с своею бранью. Это заставило меня прекратить вовсе издание и — помню — причины мои к тому, изложены, казалось мне, очень сильными. Но наконец, лечение подействовало, я начал выходить из усыпления, как получаю утешительный Ваш Современник 1-ю кн. Туман начал проясняться, вещи мне представились в другом виде, голос не лестный, голос истинной дружбы отозвался в сердце, мне не стали страшны люди с их толками, я каждый день чувствовал себя покойнее, равнодушнее, уже не пугал меня выпуск в свет Столбикова и одна только глава его, беспокоила меня, но мало; наконец и все рассеялось: я получил от г. Фишера желанную тетрадь; лечение меня переродило и я с нетерпением ожидал от Вас писем, но не к себе, а к Анне Григорьевне; я полагал что Вы поймете положение души моей и разгадаете, что я в болезненном состоянии. Но какое же письмо! Из описания болезни моей, Вы справедливо заключите, что если бы это письмо получил я в болезни (я не иначе признаю тогдашнее состояние души моей) оно бы имело решительное на меня влияние. Оно сильно поразило меня даже и теперь, но сообразив все происшедшее, я признаю, что Вы вправе были так сильно укорять меня и что я многое имею к своему оправданию. Нет, добрый друг наш! не отвергайте нас за произвольно нашедшее на меня мрачное уныние, породившее во мне мучившие меня мысли. Не отвергайте, и все мои и Анны Григор. по моему настоянию писанные письма, причтите к горячечному бреду. Помню, что и в них изъявил пламенное мое желание побеседовать с Вами и излить Вам все борения мыслей моих. Один голос твердил мне об отношениях моих к Вам, обязанности моей руководствоваться советами Вашими, Анна Григор. требовала того, брат настаивал, но другая мысль побеждала все это и ввергала меня, тем более в мучительнейшее состояние, что я делаюсь недостойным дружбы Вашей чрез свою, слабость и недоверие. Но, благодаря бога!—все прошло, я точно возродившийся, смотрю на все с другой точки и только пугаюсь мыслию, что при получении последующих писем Вы уже меня совсем оставите без малейшего участия. Не сделайте этого со мною, не уничтожьте меня вовсе, отвергните все писанное в это время, как бред иступленного и отдайте место в сердце и душе Вашей прежнее, где Вы нас имели. Оживите, успокойте меня. С нетерпением буду ожидать утешения от Вас.

Скажи Сенковский о моем Халявском собственно что бы ему вздумалось, я бы прочел, обсудил, может в ином и согласился бы, злему посмеялся бы; но его выходки против меня лично, укор или брань, вот что нестерпимо! Удивляет даже нас здешних, что нет ограждения законного против такой неслыханной, непозволительной дерзости. Если у Вас

т. е. в Петербурге, заключено как и От. Зап. об'явили, что „Званные гости“ якобы мои и Сенковский так полагает, то очень ясно, что он не смея напасть на журнал Ваш, обрадовался случаю поругаться над Основьяненком; но тут ему мало пищи; над Столбиковым он всего себя истощил бы, возопил бы к осмеянным сословиям, возбудил бы их против меня и проч. и проч. Вот что пугало меня и решало приостановить дальнейшее издание всего вообще и убедило меня, казалось тогда необходимым, отвечать публично. Но теперь, при спокойном духе, убежденный Вами и среди негодования на меня, я не хочу мыслить о нем и хотя бы он всю свою толстую книгу наполнил бы одною бранью, собственно на лицо мое, я первый стану смеяться и не отклонюсь ни за что на свете от пути указанного Вами и по которому так благодетельно Вы ведете меня. И так, отвергнув все мучащие меня грезы и беспокойства, становлюсь на прежнюю точку. В Столбикове главу, которая и в теперешнем спокойном духе, кажется мне неприличною, переделаю и с следующею почтою вышлю к Вам, для продолжения печатания. Поручите г. Фишеру выслать мне скорее третью часть, хочется пересмотреть ее по предмету выборов и, кажется, нужно будет новое что включить. Необходимо также и 1-ю просмотреть; не вкралось ли что, могущее беспокоить меня при выходе ее в свет. Пусть все это поспешит прислать, я не задержу и вышлю обратно. Только не оставляйте Вы меня, иначе я погиб. Приняв мою чистосердечную исповедь, не пеняйте, не взыскайте, а протянув ко мне руку, скажите искренно что все оставляете. Самое неудовольствие Ваше на меня, упреки, все усиливает нашу всегдашнюю благодарность. За меня, Вы сердитесь на меня. Чувствуем мы все это, и потому можете судить, зная, уже нас, как мы, это принимаем. Бога ради забудьте все!

Полученный мною от г. Фишера счет, решился приложить к Вам. Мне жаль его беспокойств и издержек⁹⁷⁾. При благоприятной только выручке, он может вознаградить свои издержки, а при таком ходе, как теперь идет Халявский, когда он получит свое? Когда возвратятся издержанные вами на карету, кружево, журналы и проч. и проч. Все это нас обоих крайне огорчает и заставляет раскаиваться, что мы поспешили из'яснить Вам что для нас нужно. Нам было дожидаться совершенной очистки всего и тогда просить о нуждах своих. Теперь же, когда все это будет Вам вознаграждено? Каково еще пойдет Столбиков в продаже, не залежится ли, как и Халявский? Все это заставляет взять осторожность на счет следующих, после Столбикова, выпусков. Не пожелает ли г. Фишер взять [на себя уже] за собою все издание Халявского и Столбикова? Ему виден от первого выпуска расчет и он может решительно положить сумму и уплатить (ему) Вам ее вперед. Я не буду ему писать об этом, а только отвечаю о его книжных препоручениях. Не найдете ли Вы нужным сказать ему об этом предложении? Оно бы нас успокоило, что Вы скорее получили издержанное Вами по дружескому участию Вашему к нам.

С нетерпением ожидаю Вашего ответа, умоляя быть по прежнему к искренно уважающим Вас, благодарным и не лестно преданным Григор. Квитка⁹⁸⁾.

27. 15 марта, 41. Основа.

С душевным наслаждением читали мы письмо Ваше, безценный друг наш, Петр Александрович. Видели в строках тех всю добрую душу Вашу, любовь к нам и дружбу редкую в нынешнем свете. Вы, понимая меня, прежде дали лекарство горькое, но полезное; и приготовив к исце-

лению, заживили рану совершенно. Как гора с плеч свалилась и тем отраднее для нас, что мы не выпросили, не вымолили обратно расположения Вашего, но Вы сами поняли, что без него нам не обойтись, тяжело будет все переносить и поспешили к нам с отрадой. Благодарим Вас за то, что знаете нас, а потому, знаете меру чувств наших, как мы приняли отзыв Ваш и как благодарны Вам. Теперь ничто не совратит меня с должной точки и Анна Григорьевна, торжествуя и свою победу, снова принялась вести меня по прежнему пути.

Одно только в письме Вашем: не больно было, но насмешило нас, что Вы отсылаете меня к посторонним лицам. Кому поверил бы я кроме Вас. Около меня ежеминутно была Анна Григорьевна, уверявшая меня настоятельно, что я не так действую, Вы не одобрите меня; это самое утверждал и брат мой, принимавший в моем положении искреннее участие; он остерегал меня чтобы не провиниться против Вас; я слушал их, но все, один Ваш голос в Современнике и наконец письмо совершенно открыло мне свет.⁹⁹⁾ И Вы могли думать, что я, из-за Вас, обращусь к кому-либо за советом? В. А. Жуковский так давно видел меня так мало знает меня, что я думаю с трудом припомнит обо мне, и тогда, что ему за нужда поддержать меня? Гг. Погодин и Максимович знакомы по письмам, но им не открыты, не только душа моя, чувства, но несведомы ни какие к кому либо отношения. Да если бы и знали, все мое и ко мне относящееся, чтобы не предлагали в совете, но если бы он повидимому был и полезен, по одному Вашему слову, противоречащему, я бы оставил их предложения без всякого колебания. Что они скажут мне *ex officio*—нет, почтеннейший друг! Ни к кому и никогда не отнесусь я за руководством и слепо буду исполнять наставления Ваши.

Прилагаю при сем Столбикова II-ю часть еще мною пересмотренную и исправленную. Тяготивший меня эпизод переменял вовсе; переменял и выкинул пошлости, из'яснив все необходимое приличным образом. Последнюю главу, приключение с Настинькою, советовал мне брат изменить и избавить ее от такой ужасной участи. Говорить, что положение ее так ужасно, что раздирает душу подобно как при чтении французских романов, где описываются пытки и подобн. ужасы. Все это правда; ужасно? Но это истина. Лице, с которою точно так поступлено как с Настинькою, во всем до последнего, лице это живет у нас в доме. Все это она вытерпела, выдана с такими же происшествиями за подобного уroda и я имел случай защищать ее от власти мужа, дурака, мерзавца и гадкого. Все начальства отказались пособить ей и освободить от уз связавших ее на всю жизнь и он, везде, настоятельно требовал об отдаче ее ему. Кое-как удержал и она живет у нас, женщина лет 24-х теперь только, случаем приведенная сюда из Грузии. Поэтому-то мне и не хочется изменять истины, как она ни жестока. Располагал было в примечании сказать что это не выдумка; но если Вы находите нужным облегчить, конечно скажите; но полагаю, что не следует этого тут же в книге об'яснять. Не найдете ли приличным об'яснить в Вашем Современнике, при выходе Столбикова, что это истинное происшествие без всяких украшений и преувеличений—Теперь г. Фишер да благоволит приступить к печатанию II-й части без всякого беспокойства; я уже ее не останавливаю и не отменю ничего. Не боюсь Сенковского. Кстати если еще не поздно, я просил бы Вас оставить его и не отягощать Вашего Современника даже именем его, не только суждением о мерзостях его. Презрение да будет ему ответом. В мемуарах же я посмеюсь над ним; это будет достойно его и прилично ему, а Вам не следовало бы рук марать писавши имя его¹⁰⁰⁾. Г-на Фишера просил бы для Столбикова

не делать картинок. Они увеличат издержки, а существенной пользы не принесут. К Халявскому это шло, а к Столбикову как будто и не прилично. Прошу его по отпечатании II части выслать экз. Без поправок, а еще более без опечаток не обойдется, что и можно будет исправить заблаговременно. Приступив к составлению следующих для будущих выпусков частей и взявшись за Современник, я ужаснулся, как здешние господа со мной безсовестно поступили. Книги ходили из рук в руки: тот просит, другой умоляет, в Харькове негде достать, хоть на время дай. Я отдавал без всякого опасения. И что же открылось? Маруся вырвана из книжки вовсе; другие книги не возвращены: взял тот, отдал сему, передал тому... одним словом большая часть совершенно пропала и не знаю как быть? В крайности, прошу Вас, если есть лишние экзempl. 1838, 1839 и 1840 годов, при случаях, хоть по частям выслать ко мне. Время еще терпит. Полагаю, Столбиков не прежде вступит в свет, как в августе месяце, следоват. к тому времени можно будет сформировать несколько частей.

Анна Григорьевна торжествует, что одобренный ею „Очаковский герой“ понравился Вам.—Если не поздно и он не поступил в печать, то нужно бы сказать что: „Посвящается Николаю Алексеевичу Райко.“

Сию минуту получил копию с контракта о карете. Сколько забот, попечения о выгодах наших, кроме уже всего, чего из'яснить нет слов. Отрываюсь Анною Григорьевною от письма, чтобы толковать о ее карете, которую начинаем ожидать со дня на день. Преисполненный благодарностью

Преданнейш. Григор. Квитка.

Много успокоевала меня в часы ипохондрии моей Любовь Яковлевна Кричевская. Она предугадывала все отзывы Ваши. Поручила мне просить Вас о содержании ее в памяти.¹⁰¹⁾

28. 2 апреля, 41, Основа.

С душевным наслаждением читали мы письмо Ваше от 14-го марта, коим прекратились все возникшие между нами—по всей справедливости могущее назваться—недоразумением и мы опять, следуя мудрому правилу в письме Вашем из'ясненному, пускаемся в прежде указанный Вами путь, не внимая ни каким жужжаниям пчел и лаяниям псов. Письмо Ваше обрадовало нас к самому празднику, а 27 марта доставлена карета во всей целости и исправности, несмотря на то, что она была не совсем аккуратно закупорена и увязана, доставлена без малейшего везде повреждения. Она нам очень понравилась во всех отношениях, за что чувствительно Вам благодарен. Доставивший ее извозчик получил свое все сполна и по обычаю, за исправную доставку, особое награждение и мы расстались с ним приятенно. Любуясь каретою, мы сетовали только о том, что Вы для нас делаете такие значительные издержки без надежды скорого удовлетворения от г. Фишера. Мы же Вас и первоначально просили „если будут позволять способы,“ а без них даже прискорбно нам видеть, что Вы уже нам много истратились для нас. Каков бы ни был ход у г. Фишера, если бы и совершенно приостановился сбыт книг, первейшею нашею обязанностью будет возвратить Вам все издержанное до сего времени для нас. Иначе, очень прискорбно было бы нам подвергать Вас значительным издержкам на предметы необходимые для нас, но не прежде могущие быть удовлетворенными, как при возможности.—За разлитием вод почта идет очень медленно и Столбиковы от г. Фишера не получены. Получив, поспешу все исправить и выслать, чтобы не сделать остановки в печатании. Очень досадно будет если через худой сбыт, он потерпит какую расстройку. Долг мой будет в та-

ком случае, пополнить все. Первейшим нашим правилом, чтобы никто через нас не встречал бы никаких неприятностей и чтобы все подобное, от нас по возможности исправляемо было.

Если „Очаковский герой“ не мог быть помещен во II-ю кн. Современника, которую мы получим только в мае, а поступит в III-ю, но я все-таки поспешу с окончанием новой повести, которую окончив доставляю к Вам заблаговременно, пока есть еще будет ли у меня его столько чтобы отдохнуть за изложением какого размаза. Со всеми журналистами, несмотря на отзывы их ко мне и настоятельные упрасивания о причине статей, я решительно прервал все сношения и несмотря на обещания их, не трогать меня за критическ статьи в Вашем Современнике если бы прислал чтонибудь, я отделался от них. Пусть лают, хваливши прежде. Это у них в правиле.¹⁰²⁾

Будьте благополучны и да встречаете везде и всегда все по желанию Вашему.

Искренно благодарнейшего и преданнейшего Григория Квитка.¹⁰³⁾
(Приписано побіч рукою Г. Г. Квітки).

*) т. е. не было чехла ни холотяного ни клеенчатого а просто ужасная рогожа которая местами и пристала и веревками не была укреплена и клейма никакого или печати.

На звороті.

В С. Петербург Его Превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В Михайловской улице в доме графини Строгановой.

29. 3 мая 1841 г. Основа.

Спешу препроводить к Вам почтеннейший друг наш, Петр Александрович, пьеску. Не знаю не опоздал ли доставлением ее для помещения. По содержанию ее полагал, что она должна быть и в церковной ценсуре, потому и поручил было ее переписать. Наконец, когда пришло время к отправлению на почту, я послал и переписанной не было и четвертой доли; и так я решился скорее передать ее к Вам в своем черном виде. Должны быть грубые ошибки в повторении слов и в не-исключении поправленного.¹⁰⁴⁾

Пересмотреть же совершенно нет времени: у нас теперь только празднуется бракосочетание и потому этикетными выездами к времени совершенно озабочен.¹⁰⁵⁾ Потрудитесь уже какие будут грубые погрешности по всем частям, исправте в корректуре. Что Вы скажете об этом предании? но оно—говорят—точно так было.

Благодарю душевно за Современника—получил все части исправно и в свое время буду по частям высылать. Жаль только, что г. Фишер не высылает III части Столбикова для исправления и I для просмотра. Жаль очень, что времени так много уходит без пользы, а мне бы очень желалось, чтобы Вы скорее получили удовлетворение в значительных издержках и что очень тяготит нас.

Оканчиваю, спеша на парад наш в представлении, поздравлении и проч. и проч.

Преданнейший искренне Григорий Квитка.

Прошлогодние книжки Revue все получены и все получается исправно.

Праздничные выезды продолжавшиеся у нас шесть дней (Харьковцы отличились в принятиях участия в общей радости), лишили меня возможности распорядиться отправлением пьески. Отправляю неделю позже.

Когда я так нетерпеливо ожидал от г. Фишера присылки I-й и III-й частей Столбикова, для поправки, вдруг изумился, начитав вчера в Сев.

пчеле о выходе I-й части; а нужно было кое-что там исправить. Теперь убедительно прошу поручить г. Фишеру вислать III-ю часть, если еще не отправлена; там необходимо нужно несколько перемен. На всякий случай прилагаю и особое письмо к нему.¹⁰⁶⁾

Всегда благодарный и преданный Григорий Квитка.

30. 7 июня, 41. Основа

Наконец Вы, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, рассеяли наши безпокойные сомнения на счет долгого молчания Вашего; и признаюсь, между другими предположениями, приходила и грустная мысль, не сделался ли я Вам в тягость своею неосновательностью, изменением предпринятого, докучливостью и прочим но это все, мигом опровергалось. Беспокоила мысль на счет здоровья Вашего и к сожалению, вышло справедливо. Сохраняйте его, оно многим нужно и очень нужно. Спешу препроводить последнюю часть Столбикова, чтобы скорее все кончить. Вас не должно удивить известие для обертки последнего тома: Мы долго обсуживали, рассчитывали, соображали все картинки при Халявском и объявления, уже не нужны будут при Столбикове, след. издержки на издание его будут умереннее и потому вернее выручка и вознаграждение. По худому сбыту и первоначального Халявского, заинтересовавшего всех, не удовлетворили и самого г. Фишера; а он издержался на издание Столбикова. Этот пойдет еще медленнее, судя по началу: на первую часть, никто не обратил внимания, что замечается из объявлений книгопродавцев, и Ваше молчание утверждает в том, кто же и прочел, конечно, не нашел ничего заманчивого, как обыкновенно в начале; след. на последующие части плоха надежда, и тогда вся тягость падет на г. Фишера. Следующие части потребуют новых значительных издержек, не могущих уже ничем вознаградиться. А потому, мы и положили гораздо осторожнее сделать если под справедливым предлогом прекратим издание. Хотя медленно, но все могут вознаградиться и Ваши издержки, в коих Вы, по снисхождению Вашему, не назначаете времени и о числе коих, желали бы мы даже себе дружбы Вашей, иметь точные сведения. Кроме сего главнейшего, и мое также желание, чтобы г. Фишер не терпел бы через меня каких либо убытков. Я же, прекращением издания ничего не теряю, а приобретаю спокойствие. Не будет случая нашим умникам говорить о мне что либо, хотя самое дестнейшее. Меня по коже дерет, когда они принимаются разбирать, имею ли ум, способности и т. под. Того и гляди, примутся за наружность, за образ жизни и проч., а мне бы не хотелось, чтобы и имя было упоминаемо в их изданиях.

Опять я против воли и ожидания, попал на языки сев. пчелы, но к унижению моему, даже фельетониста ее. Вот отчего все произошло.— Актер Григорьев был здесь в прошлом лете, был у меня, просил участвовать в репертуаре, унижая Пантеон; натурально я обязался, он видел здесь комедию здешних нравов, принятую очень, и пожелал позабавить Петер. публику дал ее в свой бенефис¹⁰⁷⁾. Спроси он меня, как бы следовало, я ни за что в свете не согласился бы, но я и не подозревал ничего, как вдруг читаю что моя комедия дается. Остановить невозможно, потому что когда дошло ко мне известие, была сыграна. Пьяный Межевич по вражде с Григорьевым принял и меня на зубки. Конечно вздор и точно все ложь, но очень неприятно видеть себя афишируемым каким нибудь уличным болтуном, который принял дерзость разбирать имею ли я ум, способности, дарования. Перебирал меня всего и что захотел, то и сказал. И после этого скажут, что у нас нет свободы

книгопечатания. После всех наших отчетов, как не ожидать, что всякий в хмелю-ли, от глупости, от злобы и т. под. благородных побуждений так опишет украшая все ложью, клеветой, своими суждениями... И после всего этого писать. Нет. В это время когда п'яный, буйный, дерские мальчишки поднимают шум, визг, писк, можно ли говорить о чемнибудь. Благоразумие велит замолчать¹⁰⁸).

Не подозревайте меня, что я впал опять в расстройство душевное или раздражен. Поверьте, так спокоен и хладнокровен, как нельзя более и даже с большою забавою читал фельетон Сев. пчелы знав даже по афишам, что пьеса принята и несколько раз уже играна и что Межевич все наврал от злобы на Григорьева, но впасть в руки таких судей?

И не фельетон Сев. Пчелы (это бы была уже ему отличная честь которой он не достоин) заставил нас на это решиться, но именно расчет, расчет введенный соображался с издержками г. Фишера нам известными, ходом продажи, за которую мы, по газетным объявлениям, следуем с самого начала; все это долго заставляло нас обдумывать долго, здраво, хладнокровно. И мы не имели ввиду своих выгод, а только и предполагали получить суждения подобные вышедшим от злых людей и могущих еще быть. Вновь вышедший Библи. Отеч. Записок, мы еще не получали, но уже ожидаем от кн. Столбикова многого. Одним словом, беспокойства, что другие для нас значительно тратятся—и удовольствия быть судимым злыми дураками; вот мое единственное приобретение.

Руководясь дружбою Вашею, скажите, не справедливо-ли наше решение.

Современника я в свое время получил все книги за прежние годы, они останутся у меня в целости на память. 2-й кн. сегодня еще не получал почта шалит крепко. Некоторых журналов не получая, сам войду к ним с требованиями. Все свободное время посвящаю Современнику. Не знаю мемуары ли или что другое; но будет высылать для следующих книжек.

Преданный Григ. Квитка¹⁰⁹).

31. 13 сентября, 41. Основа.

Мы точно не знали чему приписать так долгое молчание Ваше, почтеннейший друг, Петр Александрович, но, наконец, успокоены последним письмом Вашим, коим рассеяны все наши сомнения и уничтожены опасения. И что еще более порадовало нас, так то, что Вы все время провели с пользою для здоровья и удовольствием для души. То и другое, первое благо в жизни: а без них, можно ли существование наше назвать жизнью. Благодарим и за себя, что Вы, послушав медиков не упустили ничего к поправлению здоровья¹¹⁰). И в нем и во всем относящемся к Вам мы принимаем полное участие. Горячее же, едва не испекшее нас лето, провели мы не спокойно. Утверждение меня в новую должность, еще и до сего времени не вышло, хотя мы и ожидали его от мая каждую почту. С переменою должности был обязан переехать в город, я, почти не мог расположиться ни с чем, все ожидал перемещения и, признаюсь, такое тоскливое ожидание, довольно тягостно.

Обращаюсь к собственным делам. Вы не одобряете приписанного к последней части Столбикова объявления о прекращении издания, на что и я очень согласен, как и во всем всегда с предложением Вашим. Приступайте к продолжению издания точно не прежде можно, как разойдется Столбиков, выходу коего последней части (и за тем лая литературных шавок, презираемых мною) ожидаю вскоре. Не знаю участи посланного Вам предания. Конечно, Вам оно не понравилось, что Вы умолчали о нем. Не зная еще наверное, позволят ли Вам заня-

тия по службе продолжать издание Современника, я все, по требованию Вашему прилагаю у сего статью о Гаркуше. Гаркуша именно был, существовал и с такою удачно действовал. Вся малороссия и теперь помнит его. От некоторых лиц знавших его, слышавших суждения его и от некоторых благодетельствованных им, все это слышу и изложено в точном духе его. Гаркуничиха со всеми деяниями своими и в действиях своих против Гаркуша, изложена по всей справедливости.*) По соседству у нас, она купила имение и хвалилась геройством своим против „харцыза“. Все об'ясняю для того, чтобы не подумал кто, что это идеальный характер. А что слыл он во всеобщем мнении „разбойником“ это не винит его: Кто мог постигнуть цель его. Смотрели издали и судили о грабежах его, не входя в намерения, как теперешние критики не смотрят на цель сочинения, а наблюдают, у места ли поставлена запятая, ять, ы, изящество бумаги и проч. важные предметы¹¹¹⁾.

NB Гаркуша подарен Анне Григорьевне.

Если Вы располагаете продолжать Современник и статья будет годиться, то—не гневьтесь за прямоту—Анна Григорьевна желает вознаграждения за свою собственность. Из прилагаемых материй сделать на записке особо следующей. Материи так хороши, что здесь из них не сделают ничего хорошего, все будет общее, испорчено и обокрадено. Потому-то я и убедил ее озаботить Вас: Сколько мы ни пробовали выписывать что через знакомых в Петербурге, все было не так и не соответствовало желанию и выгоде. Вами присылаемое было все отлично хорошо и во всех отношениях изящно. Будьте с нами также откровенны. Если сия комиссия потребует значительных издержек и к отягощению Вашему, сделайте милость скажите прямо и уведомяв во что обойдется, мы деньги тотчас вышлем. Ничего так не боюсь, как чтобы не быть Вам в тягость.

Если же Вы не располагаете продолжать Современника, то я бы просил Вас убедительно, не отлагая наших комиссий, уведомить меня и я бы нашел тогда, куда передать статью с удовлетворением Вас в издержках и уже основательнее чем от г. Краевского.

Одно желание, чтобы материи употреблены были по достоинству их, вынудило нас беспокоить Вас и озабочивать Вас. Решительно на других не можем положиться.

Какова латынь в статье. Но и это все, т. е. страсть Гаркуши украшать речь свою латынью, и это все истинно. Молодой человек в конце, много хорошего мыслил, но правильно ли, изложил свои мысли. Много бы обязали, если бы все сказанное им, привели бы пером своим в стройность и дали бы силу речам его, которые бы действительно могли просветить заблудившийся ум самонадеянного Гаркуши. Согласитесь, что в суждении молодого человека вся сентенция и потому нужно бы что бы она была во всех частях обделана.

Весь Ваш Григорий Квитка¹¹²⁾.

32. 29 октября, 41. Основа.

С сердечным прискорбием прочли мы последнее письмо Ваше, почтеннейший друг наш. Петр Александрович, узнав сколько нанесла Вам забота статья моя. Я имел уже опыт с тамошнею духовною ценсурою и мне запретили брошюрку наставительную в религия, нравственности, затем только, что святая истина рассказывается устами не обросшими волосами. Таковые только уста должны наставлять других, а голые,

*) Не можно ли в этом где либо уверить Ваших читателей?

оскобленные, не смей пополнять упускаемого ими. Желаем, чтобы Гаркуша был обсужден здравее и не отринуты бы его; а он, кажется, не должен бы бояться красных чернил цензуры. Из запрещенной статьи, подумаю, не могу ли чего переделать. Если уже нельзя исторгнуть самой рукописи то не уцелели ли у г. Фишера хотя корректурные листы. Мне можно поверить их, никогда не употреблю во зло, а стану придумывать о переделке, чтобы скольконибудь, возражать против нынешнего духа времени и мышления нового поколения. И не можно ли будет в назидание мне, уведомить, что именно показалось для великих бород противным религии¹¹³). Утверждение меня в должности, пошло отсюда вместе с другими председателями на утверждение; но как оно рассматривается во многих инстанциях, проходит через сенат, то и медленность необходима. На сей раз как то она необыкновенна; и вот уже другой год, как мы все представленные не получаем утверждения, а старые чиновники, служат ни за что, против воли все ожидая смены. Мы много расстраиваемся ежедневным ожиданием решения; платим за приготовленную квартиру, а живем у себя, топим здесь, топим и там в ожидании что нужно будет переехать немедленно.—На счет препоручений Анны Григорьевны напрасно Вы так много беспокоитесь. У них названия свои технические; каждая мадам занимающаяся сею частью поймет все, а если что по трудности в описании не подробно изложено, то гении портнихи—или, не знаю как ее пристойнее возвеличить, — решит и обработает все по существующему вкусу. Анна Григорьевна много беспокоилась и со-вестилась, что и с этой стороны нанесла Вам хлопот. О перчатках же, не я ли виноват. В модных журналах, везде говорят о необходимости иметь перчатки Маиера, чтобы исполнить все законы моды, я упомянул о перчатках, назвав их Маиеровыми, вместо Майера мастера. Впрочем и точная мера не нужна, лишь бы были не велики и не очень малы, средней величины.

О журналах и других изданиях мы не смели Вас утруждать, но Вы были так добры и предупредительны даже на счет наших занятий. Пользуясь позволением Вашим Анна Григорьевна просит Вас о подписке на издания по прилагаемой записке. За истекающий год мы получали все исправно, исключая Маяка и Пантеона театров. Первого получили только 4 кн. последняя была № 16 да и где кажется, он угас увидев невозможность светом своим отправлять к истине, а пантеон идет медленно: 4 кн. мы получили, а пятая, хотя и вышла, но не пришла к нам. Литературная газета шалила по временам: в продолжение года несколько №№ не пришло*), но этому причиною почта. На ней кое-где пошалаивают и концов не отыщешь¹¹⁴).

Полагая, что Гаркуша будет помещен в 4-й книге современника, я забочусь очень, чтобы выслать Вам статейку к 1-му №. Не знаю успею-ли? Неусыпно стараться буду. С мемуарами приостановился, ожидал выходок журналистов против Столбикова, чтобы разом ответить им и всем шавкам, поднимающим лай на меня. Ожидаю, что Столбиков скоро выйдет и с большим нетерпением желал бы знать о сбыте его, чтобы быть покойну в удовлетворении всех издержек Ваших для нас. К следующему выпуску приготовлю статьи и вышлю кажется скоро. Неужели Халявский приостановился?—Здесь его в получении для продажи не было ничего, а у книгопродавцев здешних спрашивают. Одолжил бы меня г. Фишер, если бы доставил мне сведения о ходе Халявского и Столбикова. Странно, что книгопродавцы из Москвы и Одессы пишут ко мне

*) А из шитья и вышивания 4-го № не получено.

о высылке им Халявского и Столбикова. Я их отсылал прямо к г. Фишеру.

Г. Смирдин сделал мне честь лично приглашал меня вступить в сотню литераторов, и чтобы больше побудить к тому, прислал экзempl. 1 и 2 кн. ста литерат., отклоняя от себя отличную честь, но обязан будучи чемнибудь отблагодарить ему, я послал ему (тему) для русской беседы. Не знаю редакция примет ли ее.

По просьбе Максимовича из Киева, послал в его Киевлянина (тему): добрый пан, приличную Киеву. Альманах этот вышел было но мигом исчез и я даже ни экз. не получил и не имею от г. Максимовича — никакого сведения. Не запретили-ли и того альманаха. Там упомянуто несколько о бытии в келии у Лавренского монаха, след. религиозное рассуждение. О, господи, и сии люди призваны служить правде.

Преданный на всю жизнь Григорий Квитка ¹¹⁵).

По счетам моим с г. Краевским поручил ему подписку на другие французские журналы ¹¹⁶). Необходимостью почел иметь Северную пчелу, как безрассчетного болтуна в доме: врет пустяки, а иногда по ошибке болтнет замечательное, более нужна для официальных известий. Библиотечка же там для забавы; шут или глупая задорная собака. Лает на всех без разбору.

На вкладній картці.

Из термаламы в коей 14-ть аршин, сделать редингот с отделкою бархата на переди и чтобы полы не были разрезаны (не открывались). Рукава под исподом узкие, а верхние широкие.

Из канауса 20-ти аршин платье также с отделкою, какая прилична, но не с этой же материи, чтобы платье было полнее; по крайней мере юбка в 6¹/₂ аршин. Прежние были присланы в четыре аршина и были довольно узки.

Другая термалама из 7 аршин сделать бурнус или что носят на вате, мехом или бархатом отделанный, это приличнее и изящнее.

В платьях шали закрытые.

Платье посылається для мерки.

Еще если можно одолжить выслать шляпу, чепчик и маиеровых перчаток шесть пар.

В рединготе снур з кистями вокруг талии также у бурнуса или что будет вместо его, украсится тем, что тепер в употреблении.

33. 19 ноября, 41. Основа.

Не нахожу слов благодарить Вам, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, за всю ту радость и удовольствие, которые Вы по дружбе Вашей и неоцененному расположению к нам доставили Анне Григорьевне, приняв на себя столько трудов и обременивших Вас забот. Она сама благодарит Вас письмом, а я не умею.

С сердечным утешением читал в ведомостях, что и на Вас возложили священную обязанность блюсти высокое, благородное святое русское слово от растления, восставших на него единоплеменников и иноплеменников и, как будто, давших себе клятву, употребить все, чтобы изжить его совершенно ¹¹⁷).

О, да поможет Вам бог, на священном поприще! Действуйте мужи

благородные! Исторгайте плевелы истребите крамолу и дайте нам случай убедиться, что все наше возвращено будет нам, не одними академическими своими рассуждениями утешайте нас, нет; того будет мало: лягушки и жабы и тому подобная погань, не утихнут, не перестанут продолжать своего квакания, не уймутся от визга и писка, заражая слабых духом своим тлетворным дыханием. Действуйте существенно продолжите словари, составте грамматику, правила языка книжного, искорените раскол обуявших многое множество, что иначе не должно писать, как разговорным языком, и потом испросите истинно царскую милость увядающему языку нашему, чтобы из-за правил академии, никто бы не дерзал писать и передавать раскольничье писание тиснению. Да повелено будет единственно Вашему сословию рассматривать изданное и давать ему суд и оценку, а недостойное гнать и не выпускать в свет. Это не будет стеснение, угнетение произвольное; это мера для общего спасения. Не ропщет никто, если удерживают идти по опасному льду, в'езжайте в зараженные места, там точка и будет. Безумец посетует, что его удерживают от сделания глупостей, часто для всех зловредных, но столько благомыслящих возблагодарят за такую спасительную меру и за подвиг неоценимый. Тогда только очистится наша литература, кощунство истребится, слово русское восстанет во всем своем величии, чистоте и славе.

Таково-ли будет действие возродившейся академии или отделения, призванного для восстановления и хранения чистоты русского слова, мы здесь не знаем, но надеемся всего благополучного. Да поможет бог и укрепит Вас!

Не могу похвалиться здоровьем и оттого писание у меня идет плохо; но лишь окончу, так и доставлю к Вам. Ожидаю с нетерпением выхода последней части Столбикова, чтобы уже разделаться с шавками литературными. К третьему выпуску приготовлено из прежних на книгу. Нового в последней ничего не будет отделено, все будет являться прежде в Современнике, исключая статей и п'ес недостойных стоять в нем, как-то: Ботфорт и т. под.

И еще и еще благодарю Вас за всю дружбу и любовь Вашу, усугубляющую счастье мое в мирной и покойной жизни моей.

Преданный Вам на всю жизнь Григорий Квитка.

34. 3 декабря, 41. Основа.

Письмо Ваше почтеннейший друг наш, Петр Александрович, на счет г. Фишера нас не изумило. Мы ожидали подобной путаницы. При первом еще выходе Халявского, здешние книгопродавцы, передали мне Петербургские сетования, что издание моих повестей поступило в руки неблагонадежного издателя (с тою же откровенностью как и Вы, говорю Вам прося, чтобы все это оставалось между нами). Я относил это к общепринятому их действию и ожидал действия по времени. Когда г. Фишер прислал мне счет за Халявского, тут и я увидел нечто сомнительное: некоторые статьи поставлены были необыкновенно высокою ценою по известности здесь типографского дела; издержки например за редакцию, корректуру и проч. были вовсе непонятны. Не входя с ним ни в какие объяснения, я послал к Вам подлинный его счет. Вы не нашли ничего сомнительного и я было успокоился; но время от времени слухи здесь были все неблагоприятны. Не смотря на требования здешних книгопродавцев Халявского, его не высылали и заключено было, что он весь вышел. Я полагал, что г. Фишер спишется с автором

издания, как узнал от Вас что он уже напечатал его. — С характером Вашим и моим, с правилами и мнениями о людях, что они должны быть такими, как Вы их предполагаете, мы никогда, ничего не выиграем и всегда оставаться будем обманутыми. По наставлению Вашему я послал к г. Фишеру запрос и какие ответы получу доставлю к Вам в случае нечестности его, буду ожидать наставления от Вас, как действовать мне для получения удовлетворения. Столбиков и Халявский издания, как бы сказать основные, капитальные; если за них не придется ничего, тогда об других, хотя и наберется книж. 12-и нельзя ожидать большего. Меня более всего озабочивает, о чем я писал к Фишеру, чтобы сколько можно уплачивал бы Вам в чем требовал от него удовлетворительного известия, основывался на выручке там верно известной.

Благодарю Вас за сделанную мне честь в помещении меня в число сотрудников полезного издания г-жи Ишимовой. С полною охотою и усердием приступил бы, но не знаю, в чем могу быть полезным. Программы не видал и не знаю предметов журнала, но сколько понимаю статьи должны быть полезны для детей, а я ничего в сем роде не писал. Попробую при свободном времени и пришлю в цензуру Вашу¹¹⁸).

Полагаю, что Гаркуша не навлечет запрету ценсурного, иначе жаль будет того, что с кем мы живем! Если в чем и сказать тоже прискорбно будет. Все свободное время у меня идет на писание статей для Современника, что успею буду высылать заблаговременно и, кажется, успею прежде составления Вами 2 кн. Мое горе то, что чисто писать не могу, переписывать некому, а в черне представлять в цензуру может не пристойно.

К чему и из какого повода? за что отягощать Вас высылкой денег для выписки журналов, как Вы предлагаете. Если и будет опять неисправность, то все таки этою мерою не отвратится она. Впрочем, мы все выписанное Вами за истекший год получали исправно, выключая Маяка, который от XVI кн. перестал высылаться. Наставте, мне ли и куда обратиться с требованиями. Я полагаю отнестись прямо к редактору и от него требовать невысланных книг, если Вы прямо у него записались или в газетную экспедицию. Если сей год не будем получать прошлых изданий, потеря не велика. Анна Григорьевна скорбит только за Revue Etrangère изд. Белизаром. Он для франц. языка интересен и всегда высылался исправно, след. на него можно бы порисковать.

Полагаю, что г. Фишер не доставил В. А. Жуковскому экз. Столбикова и потому я поручил ему, в приличном переплете экз. доставить к Вам, а Вас прошу, если найдете нужным, препроводить и прилагаемое при сем письмо по рассмотрению Вашему в приличии и всех отношений. Если найдете не нужным, то все в воле Вашей. А мне бы очень желалось знать, что он скажет вообще о Столбикове равно и о мнениях людей здравомыслящих и прямо видящих вещи. Как ими принят Столбиков. Не откажите мне в этом для моего успокоения и при том со всею откровенностью для назидания моего¹¹⁹).

Погода у нас несносная. Тепло, дождь, иногда снег, но только увеличивающий грязь до невероятности великую и затрудняющую все переезды. Реки и не думают замерзать, да и легких морозов не бывает, градус. 8,10 днем тепла.

Патриотизм нашего дворянства, едва-ли не всеобщий. Истории г-жи Ишимовой все хвалят, желают иметь, но не приступят к выписке, а покупают в книжн. лавке. Нельзя-ли десятков несколько прислать сюда. Я устроил бы все к скорейшему сбыту¹²⁰).

На всю жизнь преданный и благодарный Ваш Григорий Квитка.

35. 7 февраля. 42. Основа.

Не знаю чему и приписать такое долгое молчание Ваше почтеннейший друг наш, Петр Александрович. На счет здоровья Вашего я был успокоен коротеньким письмецом Вашим через г. Вильсона, писанного в самый новый год, в 11 часов Вами писанного, когда я здесь близок был от смерти. Болезнь схватила меня в первые часы нового года и теперь еще не укрепился. На одре болезни ждал с каждою почтою отрады получить от Вас известие—и все ожидания были тщетны, а сомнение в здравьи Вашем носило тревогу. Наконец письмо через г. Вильсона успокоило на этот счет, а он сам не мог мне сообщить о Вас, как не выдавший Вас при отъезде. Он нашел меня еще слабого, но все же я предлагал ему пособие в обозрении университета, но он отозвался, что на другой день выезжает из Харькова. После того нет от Вас ни строчки. Даже и Современника I-й кн. мы не получили и не знаем вышла ли она. Как же из всех журналов и газет мы решительно не получаем ничего, то и не знаем когда он вышел и что помещено в нем. Если же он у Вас замедлился, то не Гаркуша ли навлек Вам новые хлопоты. Чего доброго с понятиями людскими.

Наконец, после долгого ожидания, получил я счет г. Фишера, который в оригинале прилагаю, равно глупое и дерзкое письмо его, клепящее на небывалое. Как Вы посудите, но мне сомнительны его извороты. Во первых это и у нас принято, что брань журналиста на книгу, никогда не унижит ее, а еще обращает внимание. Что же касается до счетов его, то Вам на месте будет виднее; я же заметил ему что печатание показано необыкновенно дорого, в сравнении даже с здешнею типографиею, где выписаное в три-дорога. Сбыт у него показан слабо: но здесь и вообще в провинциях вовсе нет книг этих и не знают как и от кого получить. Это все я ему заметил сего же дня, а дальнейшее действие предоставляю Вам, как рассудите.¹²¹⁾

Дай бог, чтобы молчанию Вашему не нездоровье Ваше и не перемена к нам была причиною и чтобы Вы скорее разрушили все наши опасения.

Имел удовольствие получить Звездочку. Чувствительно благодарю милостивую государыню Александру Осиповну за лестное внимание. Укрепясь с силами, буду стараться заслужить его и предложу на рассмотрение свою статью в коих, правду сказать, очень не опытен.

Вечно преданный Григорий Квитка¹²²⁾.

О скорейшей выручке и об отчислении за каждую кн. выручки и доставлении к Вам я писал к г. Фишеру. Если угодно будет, спросите у него мое письмо от сего же числа.

Мой поверхностный взгляд на все издание

Халявского 2000 экз.—по 1 р. с	—2000
Столбикова 2000 по 2½ р. с	—5000

7000

Из них автору предлагает 1647

В пользу типографии 5353

С печатанием прочих частей я необходимо должен приостановиться; но если Фишер удовлетворит Вас собственные Ваши деньги внесет за карету и все что Вы делали для нас, тогда я смело передам ему все для продолжения издания.

36. 22 февраля. 42. Основа.

Только лишь от 7 февраля, отправил я письмо к Вам почтеннейший друг наш, Петр Александрович, как оба мы были поражены вестями

Вашими от 26 января. Вы, конечно, поверите, что мы приняли искреннее участие в такой растрате, случившейся неожиданно одними Вами. К нам еще прежде доходили слухи о нечестности Фишера, слышали уверения здешних книгопродавцев, что Халявский вопреки первоначального отчета Фишера, требуясь быстро в Петербурге и Москве не может быть выслан в губернии за расходом всех экземпляров. В половину верил такой молве, полагая, что Вам все эти дела, как у Вас под рукою, более известны, но иногда намекал о моем сомнении: ужасный счет его по печатанию Халявского выслал к Вам для воззрения, отказался от продолжения издания, не хотел печатать Столбикова, предвидя и предугадывая по Халявском, что все окончится выгодно только для одного Фишера, желание его не иметь счетов с Вами, а сноситься со мною,— все это передавал Вам, не прямо, видя что Вы в нем совершенно уверены и оправдываете действия его, что несколько и успокоило нас. О выписке кареты, мы просили Вас приступить не прежде, как уже будет достаточно для того выручка. А если бы я знал, что Вы дали Фишеру для его оборотов собственные деньги, я решительно написал Вам мои сомнения на счет чести Фишера. Теперь пока доволен, что выслал к Вам и письмо его ко мне и счет по изданию. Весьма был бы обрадован, если бы сии писания его ко мне, противоречили бы его показаниям Вам. Это была бы чистая улика.— Не довольно ли уже будет и того, что он не жалуется на убытки не предвидит их, даже не упоминает о какой либо потере и надеется выгод по времени. Из отчета можно видеть произвольные его проценты и на время неопределенное. Что касается до числа экземпляров, то не одни его книги должны рассматриваться, но можно поверку сделать и у книгопродавцев забиравших у него книги. Приступите через благонадежных людей, кажется необходимо и поверив показания их с остаточными у него экземплярами можно дойти до настоящего числа печатанных им экземпляров.

Но к сожалению, все это рассуждение только о том, что должно было сделать и как действовать, чтобы не встретить постигшей беды. Я говорю беды, потому, что для меня это точно беда. Все мои статьи и вообще все написанное мною, я подарил Анне Григорьевне и она за некоторые, пересылаемые к Вам, получив часть из желаемого, располагала от главного издания, удовлетворив другие желания необходимые, теперь же, потеряв к этому надежду, не имея другую зиму желаемой шубы и что более всего, что все доставленное Вами жертвовано от Вас она крепко огорчена и сетует на себя за выписку всего, в превратном понятию ее виде, дошедшем до нее. Вы тратились для нас и расстраивали себя, а я, не зная как идет дело, беспечно и чтобы исполнить требование Ваше оставляя иногда нужнейшее, спешил доставлять для Современника, не внимая выгодным приглашениям участвовать с другими, пренебрегал предложениями или выгодами и поставлял обязанностью, по данному слову участвовать в журнале, отнюдь не воображая даже что все это Вы для нас жертвуете без вознаграждения.¹²³⁾

Теперь главная забота и трудность убедить бездельника Фишера сознаться в получении им от Вас денег; но неужели он при всех Ваших средствах, успеет так дерзко поступить. Мне очень жаль, что я не знал о том вовсе; а то прибегнул бы к хитрости, чтобы в продолжении этого времени извлечь какойнибудь отзыв от него, могущий служить уликою. Впрочем во всяком случае; где нужно будет мое свидетельство, или поверка в чем, я всегда готов сказать всю истину. В заключение можно поступок его огласить пред светом печатно... К этому должны бы приступить графиня Растопчина и г-жа Ишимова. Вы в отношении к Со-

временнику; и я очень готов за себя расславить его поступок. В последнем письме моем к нему, я сказал ему о ужасном счете по печатанию, изобличил его, что он пролгался в числе экземпляров высланных ко мне.

Да поможет Вам бог возвратить свое, изобличить зловерный умысел и отнять у бездельника средство вредить другим и вводить неопытных в обман. Искренне желаем первое известие получить, что Вы вполне во всем успокоены, чем обрадуете и успокоите нас.

Преданный Григорий Квитка.¹²⁴⁾

37. 24 октября, 42. Харьков.

По всем видам Вы, почтеннейший и добрый друг наш, Петр Александрович, почитаете меня совершенно изменившимся в отношении к Вам, забывшего все Ваши одолжения и не дорожающего дружбою Вашею. На сих только днях я узнал что Вы имеете полное право так заключить обо мне и обстоятельства открывшие мне эту мысль крепко поразили меня. Весною, ко времени торгов на откупа, уезжал в Петербург родной племянник мой, подполковник Смирнитский, участвующий в откупах. Всего ближе чрез него, знавшего все наши отношения к Вам, писать было к Вам. Я писал, просил Вас не лишить его внимания Вашего, но он, как озабоченный делами и увлекаемый поручениями своего товарищества по винной части, откладывал все далее и далее, наконец, пропустив довольно времени, не посмел явиться с запоздалым письмом и только на днях возвратясь из об'ездов своих по вновь принятым губерниям, явился у меня с повинною, что он не был у Вас, письма моего не доставил и не передавал Вам всех тех слов, кои почитая, что он бывает у Вас, поручал ему донести Вам. Во все время я не получал от него ни строчки и не предполагал такой его неаккуратности. Даже—не много—сетовал на Вас, что не имеею от Вас известия, на все мои передаваемые отношения. И вот как—иногда—обстоятельства повидимому ничтожные, могут навлечь неисправимые неприятности. Так уверен в дружбе Вашей, что если Вы посомнились несколько в нас, то таже добрая душа Ваша ходатайствовала за нас и наводила на посторонние причины молчания. Примите мое искреннее из'яснение и примите нас в прежнее Ваше расположение или лучше начните снова утешать нас своими дружескими отзывами.¹²⁵⁾

Скажу о нашем житье-бытье. Новая служба заставила меня переселиться, если не в самый город, то в предместье близко к службе, но, к утешению, не близко от шума городского, от которого мы, по возможности, стараемся уклоняться. Занятий довольно по службе и даже до того, что некогда читать всех журнальных глупостей. Пишу же и то иногда—все урывками, между делом. Пока не посылаю ни в один журнал, испытал их честность и добросовестность; но авось либо с кемнибудь, если не сойдуь навсегда, то по крайней мере испытаю, попробую не тронутых еще. Продолжение печатания сочинений кажется пойдет, вызвался один и должно думать приступает до сих пор к делу. Не пойдет ли удачнее, нежели с Фишером. Нашлись люди, доведшие о всех его проделках со мною, до сведения жандармов. Писали ко мне, что примутся за Фишера плотно, но не получаю известий давно уже и не знаю, как идет дело.¹²⁶⁾

Обрадовался, узнав что Вы продолжаете *Современник* и решился чаще доставлять удовольствие чтением его. Полагаю, что он более пойдет в таком виде.

Также через оказию, препроводил я к Александре Осиповне г-же Ишимовой, пьесу для *Звездочки*, чтобы исполнить по поручитель-

ству Вашему за меня. Пакет был адресован и говорят отдан в магазин г. Юнгмейстера. Я свою обязанность исполнил, представил все что мог, зная наперед, как об'яснял и Вам, что такого рода статей не писал никогда. — Усердие было большое, но невозможность не от нас, тем более, что нет средства исправить ее. Мое писание совершенно отлично от требуемого для детей. Благодарность же за прекрасный журнал, полезный для детей, наша ничтожна за всеобщим одобрением. Впрочем пьески все не решился бы послать если бы не была одобрена моим ближайшим цензором, которая свидетельствует Вам свое усерднейшее и неизменнейшее почтение.

Возвратите же нам приятные часы, при получении от Вас вестей о благосостоянии Вашем и непеременимости Вашего расположения к искренно уважающим и ни в каком случае, ни при каких обстоятельствах не могущих измениться в чувствах к Вам не лестно преданных.

Григорий Квитка¹²⁷).

38. 1-го мая, 43. Харьков.

Полное право имели Вы почтеннейший друг наш, Петр Александрович, судить обо мне весьма невыгодно. Все виды Вас удостоверили в том; уверен очень, что неудовольствие Ваше прекратится и подозрение рассеется, когда выслушаете изложение постигшего меня горя и уверенность в испытанной дружбе Вашей, утешает меня что Вы в положении моем примете участие и не будете упрекать меня. Имею старшего брата, тайного советника служившего сенатором и известного повыше своего круга. Нас два брата только; мы жили примерно между собою и я утешался оказываемою им любовью. Этот брат (на дочери коего женат А. П. Башуцкий) в генваре сего года венчался с своею крепостною бабою, с коею жил целый век и как ее, так и прижитых с нею детей обогатил ко вреду истинных детей. Можете судить, как поразила меня эта весть. Это все происходило в двух верстах от Харькова в деревне, но по отношениям нашим, самым дружеским до того и по действиям его со мною, как с меньшим братом, я не мог ни отговорить его от такого постыдного постука; ни помешать ему в том. Удар—и по многим обстоятельствам удар жестокий последовал.

С самого детства любя его очень много и желая все доставить ему, я не взял именина на часть свою, и предоставил все ему для поддержки его в службе, уже в значительных должностях; а себе предоставил получить—и то по времени, капитал ничтожный против следуемого мне, след. и недостаточный к доставлению мне способов жить более безнужного—. Первою моею обязанностью было вступить за родных детей брата близких мне по крови и по чувствам моим к ним. Я просил оградить собственность их, но это оставлено и отринуто с негодованием. Я требовал своего, и в этом он отказал мне, требуя чтобы я оставил все и признал бы в своих правах эту скверную бабу, во все время косвенного владычества своего, причинявшую нам неисчислимые грубости, дерзости и огорчения и—как знаю характер ее—если дам ей волю над собою через признание, готовую уморить меня своим обращением и наглостью. Вы отгадаете, что мы не захотели слышать подобного предложения, прервали всякое сношение с братом и с горечью глядим, как истощается последнее достояние следующее любимым родным моим и сами, при всей законности требования на летах основанного, не получаем ничего и даже процентов, необходимых нам к жизни.—Все эти с л а д к и е происшествия крепко убили дух мой и сильно потрясли стариковское здоровье мое. Не вижу конца к спокойному окончанию, а почти ежедневно доходят до меня дерзкие торжествующей бабы отзвывы. Если бы брат венчался на другой,

хотя бы и крестьянке, хотя бы на последней нищей, все бы легче было для всех нас, более и менее, участвующих: Но эта тварь, расстроившая брата с женою прежнюю, коварством своим удалявшая его от детей и грабившая достояние их, теперь все способы употребит, чтобы у слабого, ослепленного старика исторгнуть остальное и потом ругаться над всеми нами. Уверен, что посетуете о положении нашем. У Вас в большом свете, подобные события, от частых повторений, не изумительны и не поражают, не занимают никого, но здесь принято все необыкновенно или лучше, как следует принять такой низкий поступок, что все не утешало меня—и не предвижу конца к спокойствию...¹²⁸⁾

Благодарю Вас за доставляемое удовольствие Современником, который получаю исправно. Полагаю что Вы ощутите разницу в перемене издания; но вот что поразило меня и всех знающих Фишера по слухам, что Вы у него же печатаете свой журнал. Берегитесь этого тонкого плута, так бессовестно надувшего меня и к сожалению, что за бездействием моим от горьких обстоятельств, полагающего что он мог это сделать со мною безответно.

Обременю Вас покорнейшею моею просьбою прилагаемое у сего письмо и две статьи, доставить, обязующей меня много, Александре Осиповне, к которой адресовать прямо не решился боясь, чтобы не случилось по прошлогоднему, за отсутствием ее могущим быть, все бы это пролежало или и вовсе пропало. По этому же посылается открытое.

Наслаждайтесь здоровьем и спокойствием. Два блага необходимые для жизни и мною утерянные, завидны для меня и потому искренне желаемы любимым мною и близким сердцу.

Всегда искренно преданнейший Григорий Квитка.

Для оправдания моего пред Александрою Осиповною, если найдете нужным, объясните положение мое и причины по коим я нашелся против нее, безвинно, виноватым. Событие это к прискорбию, по действию и последствиям не тайна.¹²⁹⁾

39. 13 июня, 43. Харьков.

Г. Григорьев, гостивший по занятиям своим у нас в Харькове, обещал лично доставить мое письмо к Вам, почтеннейший друг наш, Петр Александрович, и объяснить Вам о нашем положении в некоторой части ему известном. С братом у меня идет все по прежнему. Он, не склонялся ни на убеждения нашего архиерея, ни на настояния ген. губернатора, не возвращает мне моей собственности, от чего я, не хотя вчинять процесса, если бы не имел должности, решительно не знал бы как и чем жить. Не можете ли Вы оказать мне величайшего одолжения, потрудиться, убедить не доброго Фишера рассчитаться со мною. Вижу из газет, что он продает мои книги; отчего же не хочет меня удовлетворить? Много бы меня этим обязали и я скольконибудь был бы успокоен.

Здоровье мое все по прежнему и подчас, урывками пишу что случится. Духом страдаю очень, но силюсь чтоб силы души и тела сохранить. Не вижу конца моим неприятностям и когда вырву свое и до того, чем буду жить.

Будьте здоровы. Не оставляйте нас в своей памяти и верьте искренней любви и уважению.

Преданнейший Григорий Квитка¹³⁰⁾.

ПРИМІТКИ.

1. Лист цей датований Квіткою не повністю; проте рік його легко встановити з помітки самого Плетньова на оригіналі: «Получ. 10 окт. с^т нов. оконч. Галочки. От. 6 нояб. 1839». В архіві Плетньова він розпочинає собою збірку Квітчиних листів, хоч з нумерації самого Плетньова (на першій сторінці—10), так само й з публікації Г. Данилевського («Украинская Старина», Харьков, 1866, сс. 251—265) видно, що існувало ще дев'ять листів; де вони тепер—невідомо: з певністю можемо твердити що їх немає ані в архіві Плетньова (в Пушкінському Домі, в Ленінграді), ані в архіві Г. Данилевського (в Державній Публічній Бібліотеці в Ленінграді).

2. Згадки про «Галочку» відносяться до руського перекладу «Широї любові» («Вот любовь!»), який надіслав був Квітка до «Современника» (див. 1839, с. XVI, отд. V, сс. 1—115). Як можна довідатися з цього листа, Плетньов висловлював Квітці свої сумніви щодо правдоподібності закінчення повісті, і письменник, який завжди уважно прислухався до дружніх порад, ґрунтовно переробив це закінчення: у т. XVII-му «Современника» (1840, № 1, сс. 107—111) було вміщено нову редакцію закінчення (про неї йде мова в нашому листі) з цими зауваженнями самого Плетньова:

«В XVI томе «Соврем.» помещена повесть г. Основьяненка, под названием «Вот любовь!» Говоря несколько раз о сочинениях этого автора, мы уже имели случай передать о них читателям своим наше мнение вообще. Оно, кажется, нигде не встречало противоречия. В таланте г. Основьяненка все признали самобытность, многосторонность, присутствие истины, художественную полноту и удивительное чувство красоты от комизма до самого трогательного. Нет сомнения, что в повестях его еще более совершенства, когда он излагает их на малороссийском языке, потому что лица, характеры, общество, быт и натура—все прямо требует того языка, на котором до изложения обрабатывают свои предметы ум и воображение автора. Русские обороты, выражения и слова часто неравносильно отвечают движениям души его. Но мы по этому делу чистосердечно, вместо автора, себя отдаем на суд взыскательной критики. Он до сих пор остается в убеждении, что ему надобно писать только по малорусски. Неотступные просьбы наши склонили его войти в ряды писателей русских. Уважение господствующей нашей литературы и патристическое желание пополнить ее произведения созданиями столь редкого таланта,—вот что осмеливаемся представить в свою защиту. Мы впрочем сознавая необыкновенные достоинства в сочинениях г. Основьяненка, не увлекаемся ими до ослепления. В подробностях некоторых сцен у него встречаются излишества. В его воображении такой избыток жизни, что он, увлекаемый богатством идей и образов, уступает таланту своему победу над искусством.

Не считая себя в праве вооружаться против того, что автор не подверг окончательному своему рассмотрению (потому что не приступил еще к изданию сочинений своих в отдельном собрании), мы сообщили ему одно замечание о повести «Вот любовь!». Наше замечание не касалось тех частностей, которые, в том или другом виде, нисколько не действуют на достоинство повести. Мы говорили с ним о самом создании, которое как то странно разрешалось в уме нашем. Предметы изящных искусств, исполняемые художниками в надлежащем совершенстве, никогда не выходят из под законов естественности. Главное лицо, выведенное в этой повести (Галочка) соединяет в своем характере, в своей жизни и всей индивидуальности изумительные черты грации, простосердечности и возвышенных чувствований. Природа и искусство должны здесь обняться в восторге перед общим своим творением. С этой стороны рассматривая Галочку, кто не почувствует, что ее появление украсило или, по крайней мере, увеличило круг тех восхитительных идеалов, которые увековечены художниками для эстетического созерцания? Жертва, приносимая ею из любви истинной и глубокой, есть торжество бессмертной души. Но здесь, по нашему мнению, уже и предел всего, что может вынести слабая природа человека.

Известно, что великие писатели ничего на природу не выдумывают. Мы не умели из'яснить, как случилось, что г. Основьяненка повел свой рассказ еще на несколько десятков лет. К счастью, люди с истинным талантом не возмущаются, когда надобно решить вопрос и об их ошибке. Мы получили от автора самое удовлетворительное из'яснение того, что казалось нам непонятным. Вот в чем дело. Читатели наши узнали уже из повести г. Основьяненка, что он рассказал истинное происшествие. Но автор, не желая впасть в повторение окончания прежней своей превосходной повести («Маруся»), в противность судьбе Галочки придумал для нее конец собственного своего сочинения. Он теперь разделяет наше мнение и представляет здесь в новом (т. е. истинном) виде окончание повести «Вот любовь!».

Про український текст цього закінчення «Широї любові» див. І. Айзеншток, Замітки про Г. Ф. Квітку («Наше минуле», 1918, № 2, сс. 40—44).

3. «Сто русских литераторов. Собрание сочинений известных русских авторов» (3 т., СПб. 1839, 1841, 1845)—серія збірника, задумана А. Смірдіним і не доведена до кінця; Квітчиних «статей» в томах, що вийшли, нема.

4. Книга А. І. Михайловського-Данилевського, «Описание Отечественной войны 1812 г.» (СПб. 1839), можливо, цікавила Квітку в зв'язку з власними спогадами, на них він пізніше побудовав повість «1812 год в провинции».—Є. П. Гребінка був за посередника поміж Квіткою та А. Краєвським, редактором «Отечественных Записок», який завинив письменникові досить значну суму грошей. Див. про це в надрукованому листуванні Квітки з Краєвським («Киевск. Стар.», 1893, №№ 11—12; 1894, № 5; «Русск. Стар.», 1900, № 5).

5. Про те, що «Козир-дівку» видано без дозволу, ба навіть без відому автора, згадує Квітка в своїх листах неодноразово. Ще 8. II. 1839 пише він до Плетньова, повідомляючи про порядок надсилки руських перекладів власних творів: «Потом следовала бы «Козыр-дівка», но я не получил ее ни одного экземпляра; даже особе, кому посвятил ее, не имею что дать. Кто ее напечатал, на каком положении, от кого и от чего она продавалась и где остальные экземпляры—решительно ни от кого не имею ни полсловечка в сведение. Перевел бы и ее, но не имею ни одной книжки!». (Г. Данилевский, «Украинская Старина», Харьков, 1866, с. 253).

6. Нарис Г. Квітки (за ініціалами Г. Ф. К.) вміщено в «Современнике». 1840, т. XVII. Для цього нариса письменник використав свої старі статті в «Прибавлениях к Харьковским Губернск. Ведомостям» за 1838 р. (№ 1: «Основание слободских полков»; № 3—5: «О Харькове и уездных городах Харьковской губернии» і далі). Рукопис цієї статті зберігся поміж інших паперів Квітчиних в архіві Плетньова (Пушкинський Дім).

7. Цей лист, як і попередній, не має повної дати, але її можна встановити з цього напису П. О. Плетньова: «Получено 14 окт. 1839. От 6 нояб. 1839»; крім того лист має порядковий номер (очевидно того ж таки Плетньова)—11.

8. Поясненням цього місця може бути цей уривок з листа Квітки до Плетньова від 5. VIII. 1839: «Г.г. основатели «Отечественных Записок», объявляя о сотрудниках, включили меня и потом отнеслись, предлагая вознаграждение. Я послал им «Халявского» первую половину, располагая из него сделать что-нибудь целое с подробностями. В вознаграждение требовал журналов, коих вышло на цену 265 руб., кроме «Отечественных Записок». Они немедленно начали высылать все, и просили «Халявского» продолжать, хотя бы на восемь книжек, и что первая тетрадь будет помещена во второй книжке. «Головатый», как любимец Анны Григорьевны, принят ею в свое покровительство и она предположила от него воспользоваться. Начавши дело с «Отечественными Записками», мы хотели им послать записку, что нам нужно будет ту цену, какую вы назначите; и если вы находите другую и удобнейшую дорогу к удовлетворению желаний наших, то и зависит совершенно от воли вашей» (Г. Данилевский, цитов. праця сс. 263—264). Очевидно, письменник бачив в «Отечеств. Записках» джерело, що з нього можна покрити низку витрат, зроблених Плетньовим—«Головатый (Материал для истории Малороссии)» видрукований в «Отечествен. Записках», 1839 г., ч. VI, жовтень.

9. Мова йде очевидно за рукопис Квітчин «Бесиды об спасении души», надісланий письменником у другій половині р. 1837 до московського цензурного комітету 29. VIII. 1837. П. Корсаков повідомляв Квітку про те, що рукописа передано до петербурзького комітету духовної цензури. Один із членів комітета, архимандрит Платон, розглянувши рукописа, подав ці зауваження: «Честь имею донести цензурному комитету, что рукопись под названием: Бесиды об спасении души, по моему мнению, не может быть одобрена к печати 1) потому, что написана на простонародном малороссийском наречии и посему заключает в себе много таких выражений, которыми священные истины некоторым образом уничтожаются, а в читателях, вместо благоговейных чувствований, могут возбуждаться совершенно противные; 2) потому, что в ней встречаются произвольные прибавления к Библейскому сказанию о некоторых происшествиях и неосновательные толкования оных. Наприм.: «Бог на вечныи выкы положив так,... щоб чоловік кровавым потом... робыв соби хлиб и усяке пропытаные;... почав Адам землю робыты и, по слову божому, облышы ии кровавым потом... Каин бачачы, що чого б не попросыв Авель, бог ёму усе посыла» (с. 7); допотопные люди (кроме Ноя с семейством) «отнималы одын у другого и худобу, и жинку, и дочьку, и сестру... не було ни старшого, ни меншого, уси розбойничалы» (стр. 8); после потопа люди «зобралися уси до купы, тай давай хоромы (Столп Вавилонский) робыты такы высоки, щоб по их думци, як стане вода землю топыты, так вони потым хоромам зберутця на небо. Тут бог послав им разни речи: хто заговорыв по немецьки, хто по турецьки, хто по нашому, хто по жыдивськи—толковалы, толковалы... и розошлысь по усему свиту; усяк по своему языку: Хранцузы пишлы у купы, Нимци соби у купы, Туркы, Татары и вид того сталы усяки народы» (с. 11); «Бог напысав на камени десять заповидей, от яких (между прочим): «шоста заповидь: не убый чоловіка ни рукою, ни языком; сема заповидь мужу з женою жыты по согласью, честно и з другымы не вьязатыся» (с. 16) и проч.». На підставі цієї рецензії, в засіданні комітета 18. I. 1838 ухвалено рукописа «возвратить представившему ее без одобрения к напечатанию, а комитет московской духовной цензуры уведомить о сем

по належному».—Тимчасом П. Корсакову пощастило зацікавити Квітчиними «Бесідами» Андрія Миколаєвича Муравйова, який посадив досить значну посаду по духовному відомству. 23. III. 1838 він повідомляє Квітку, що рукопис передали Муравйову, «взявши ее от св. отцов с их замечаниями». В листі 20. IV. 1838 він пише до Квітки: «множество замечаний св. отцов нашел Муравьев не дельными и велел их оставить Другие, и в особенности там, где вы пополняете (хоть и правдоподобно) св. писание, как отступления от слова, признан справедливыми; некот. тривиальности и шутливости... признал и он неприличными. Кроме исключений, местах в трех надо сделать изменения нескольких периодов, в другом месте надо связать предыдущее с последующим там, где это необходимо». В цьому ж листі Корсаков просить надіслати всі поправки та зміни по-російському,—«а перевод будет поручен Гребенке и Григоровичу».—В листі з 7. VI. 1838 Корсаков пише: «Почтенный друг мой, Григ. Ив. Григорович (очевидно, якийсь урядовець духовного відомства, І. А.) собрал у себя целый комитет для прочтения ваших Бесед, и все земляки ваши восхитились ими,—перевел все 10 заповедей (буквально), прибавив в скобках пояснения некоторых слов для добрых и благочестивых чубоносцев, неведающих наречия книжного и пр.» Цей факт нового перегляду забороненого цензурою рукопису здавався Корсакову таким знаменним, що він, у цьому листі, навіть робив Квітці якісь пропозиції друкувати «Бесіди» в друкарні Плюшара. Про той же незвичайний факт пише Корсаков у дальшому листі з 27. IX. 1838: «Что благонамеренное начальство синод. исполн. власти (не) могло сделать для благонамеренного автора, то сделали просвещ. любители добра, граф Ник. Алексан. Протасов и Анд. Ник. Муравьев. Вторичный просмотр запрещенных с трубами и литаврами ваших Бесед назначен официально, как бы для книги вновь поступившей и нарочно для этого важного по существу своему творения. Назначен и особый, временный, цензор, Малороссиянин, которого велено истребовать из конференции. И так, для вашей книги сделано то, чего не делалось еще ни для какой книги. Председатель комитета, о. архим. Климент, сам все то мне рассказывал и уже казался благорасположенным. Вот одно возражение, которое он мне сделал: «но те, для кого книга писана, не умеют читать». Прочтет ее приходский дьячок, отвечал, и вотчинный писарь, а может быть и иной помещик, не отвыкший от звуков родного наречия; впрочем не настает ли теперь век народности».—Звернувшись знову до архівної справи комітета духовної цензури, ми знаходимо там «Представление», адресоване до конференції петербурзької духовної академії (з 16 IX. 1838, № 202). «10-го числа текущего сентября,—читаємо там,—в санктпетербургский комитет духовной цензуры поступила рукопись на малороссийском наречии, под заглавием «Беседы об спасении души». Так как для действительных членов цензурного комитета малороссийское наречие не понятно, то на основании 164 § Устава о цензуре, для рассмотрения означенной рукописи, комитет просит академическую конференцию назначить временного в комитет члена». Конференція «положила назначить таковым членом в сказанный комитет действительного члена своего, профессора Василия Карпова, который в общем собрании конференции объявил, что ему достаточно известно малороссийское наречие».—Нарешті, 11. XI. 1838 В. Карпов подав до цензурного комітету «записку» з цим одзивом: «С. Петербургский комитет для цензуры духовных книг препроводил ко мне для рассмотрения рукопись на малороссийском наречии под заглавием: Беседы об спасении души. Честь имею сим донести цензурному комитету, что означенную рукопись я прочитал и нашел 1, что ее заглавие, по обширности своего значения, не дает определенного понятия о ее содержании, которое почти все историческое; 2, что в ней находится довольно таких мыслей, которые или несогласны с подлинным смыслом свящ. писания, или не подтверждаются писанием; напр., слова богоматери: «как будет сие, идеже мужа не знаю», переведены: як же се буде, бо я не желаю бути замужем?; 3, что в пятой беседе, повествующей о земной жизни Иисуса Христа, пропущено установление евхаристии; 4, что в внешней форме положения встречается много выражений тривиальных, несоответствующих достоинству предмета.—По этим причинам означенная рукопись не может быть одобрена к напечатанию и при сем возвращается в цензурный комитет».—Того ж таки 11. XI. 1837 комітет згодився з цією рецензією і знову підтвердив стару свою постанову дозволивши: «Означенную рукопись возвратит по принадлежности без одобрения к печатанию».—5. IV. 1839. П. Корсаков повідомляв Квітку, що «Беседы отправил в Киев с г. Карлгофом попытать счастья в киевской цензуре» і так пояснював провал у петербурзькій цензурі: «Здесь, несмотря на все доброжелательство графа Протасова и Муравьева, бороды восстали на дыбы против этого превосходного творения». Жодних відомостей про дальшу долю «Бесід» ми не маємо; Квітка ж використав окремі місця «Бесід» для вступної частини «Листів до любезних земляків», про які П. Корсаков писав (23. V. 1839), що вони викликали в нього «воспоминания о Беседах». (Відомості про «Бесіди» взяли ми з «Дела санктпетербургского комитета духовной цензуры... о рукописи: Бесиды об спасении души».—Ленінгр. центр. історичн. архів та з виписок з листів різних осіб до Квітки, зроблено свого часу І. Срезневським—Рукописн. відділ бібліотеки Академії Наук ССРР).

10. Борис Волжин—псевдонім літератора Володимира Петровича Бурнашова (1809—

1888), автора кількох народньо-популярних брошур. «Беседы петербургского жителя в удельном земледельческом училище о сельском хозяйстве» (3 вип. СПб. 1838—1845); «Деревенский староста Мирон Иванов. Народная быль для русских простолюдинов» (СПб. 1839) та інші. Щодо останньої брошури сам автор її зауважує, ніби «первую мысль к составлению этой книги мне подала одна французская книга». Рецензуючи брошуру, П. Плетньов відзначав, що «читая его сочинение, не чувствуешь себя действительно там, куда бы должно было перенести происшествие. Все движется на каких-то поддельных колесах, мнимыми пружинами: нет истинной жизни, характеры, страсти выдуманы». І трохи далі: «Если бы г. Волжину понадобился образец, как описывать простонародный быт, мы указали бы ему повесть: *Делай добро, и тебе будет добро*. Вот где, по нашему мнению, истина жизни, истина красок и всех требований искусства» («Современник», 1839, т. XV, сс. 54—55; Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. II, СПб. 1885, с. 231). «Старосту Мирона», разом із кількома аналогічними брошурами (в тому числі й «Книга Наума о великом божием мире, изданная Михайлом Максимовичем», М. 1833) треба мати на увазі, з'ясовуючи певний літературний струмок, певне замовлення соціально, що викликало до життя й заборонені «Бесіди», і видруковані пізніше «Листи до любезних земляків».

11. Любов Яковлевна Кричевська—белетристка перших десятиліть XIX в., постійно проживала в Харкові, добра знайома Квіткина (їй присвячено «Ганнусю»). «Неизменная благодарность» викликана, мабуть, прихильною рецензією Плетньова на її «сочинение» «Граф Горский» (Харків, 1837); в цій рецензії читаємо між іншим: «Талант, в какой бы форме ни явился, достигает всегда своей цели, т. е. возбуждает участие и вводит читателя в сферу своих ощущений. Критика в праве говорить против обветшалых фраз книги, против излишней декламации, против приторного добродушия; но эти недостатки свидетельствуют только о том, как еще медленно развивается у нас искусство авторства, даже между людьми, получившими от природы дарование» («Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. II, СПб., 1885, с. 245. = «Современник», т. XI, с. 59).

12. Рукою П. Плетньова зроблено такі помітки: «Получ. 1 нояб. 1839 с Ложные Понятия. Отв. 6 ноя. 1839», і поставлено порядковий номер листа—«12».

13. Мова йде за повість «Ложные Понятия», вміщену в «Современнике» (т. XIX) з посвятою «Наталье Григорьевне Принц», сестрі Ганни Григоровни Квітки.

14. Варт було б зіставити повість Квіткину з іншим оповіданням, побудованим, можливо, на тому ж самому матеріалі. Маємо на увазі нарис А. Баримова, Харьковский Вертер (Психологическо-юридический очерк из Харьковской хроники начала тридцатых годов). «Киевск. Старина», 1883, № 5, сс. 49—65. Можна припустити, що «Ложные понятия» мають якийсь генетичний зв'язок з «Новим Эдипом», про який згадував Квітка в листі до Погодина з 2. VII. 1832 і про який писав, що він «вряд ли может быть пропущен и принят по ужасным преступлениям» (Єремія Айзеншток, Г. Ф. Квітка і М. П. Погодин—За сто літ, кн. III, Київ, 1928, с. 20).

15. Цей лист нам невідомий. Перший з листів Квіткиних до А. Краєвського, редактора «Отечественных Записок», датовано 21. X. 1839. Листи ж до Є. Гребінки, треба думати, загинули безслідно, разом із цілим архівом останнього, хоч листувалися обидва письменника досить жваво. В р. 1857 М. Гербель звертався до Г. Данилевського з запитанням, чи не знає він якихось надрукованих матеріалів про Гребінку; в листі з 26. IV. 1857 Г. Данилевський відповів таке: «...Материалы о жизни Гребенки у меня действительно были довольно любопытные. Я их доставал от племянника Квитки. Это были—около 25 писем первого, т. е. Гребенки, к Основьяненку. Но, видя их неприменимость к моему труду о Квитке, я их возвратил владельцу, а последний, вот уже год, как уехал на долго в чужие края, и где живет, не знаю» (Недрукований лист; переховується в Держ. Публ. Бібл., Ленінград). До цього часу нам відомі лише три листи Гребінки до Основ'яненка.

16. П. О. Плетньов був широко відомий як педагог, переважно в жіночих інститутах петербурзьких, катерининському та патріотичному. Я. Грот дає таку характеристику педагогічних здібностей Плетньова: «В семействах и учебных заведениях, где он являлся преподавателем, он был искренно любим всеми: в его обращении, в его речах и взоре живо чувствовалось сердечное участие к своему делу и к молодежи; в его личности была неотразимо привлекательная сила. Многочисленные его ученики и ученицы разных поколений, рассеянные по всей России, с непритворным чувством любви вспоминали и еще теперь вспоминают своего бывшего наставника. Говорю это с полным знанием дела, потому что сколько раз бывал свидетелем, как встречались с Плетневым такие лица после многолетнего отсутствия и как тепло выражали свою неослабевшую к нему приверженность. (Труды Я. К. Грота, т. III с. 307). Інший біограф Плетньова каже, що його педагогічна діяльність «при симпатичном его нраве и идеальном настроении, доставила ему восторженных и преданных поклонниц из нескольких поколений его учениц». (К. Я. Грот, Петр Александрович Плетнев, СПб. 1902, с. 8). До речі, ученицею Плетньова в Катерининському інституті була й Ганна Григоровна Квітка.

17. «Пан Халявский» був надрукований в «Отечественных Записках» (1839, т. IV, сс. 5—73, 144—206).

18. «Украинские дипломаты», з присвятою Петру Васильовичу Зворикіну, вміщено «Современнике» (1840, т. XVIII, сс. 1—212).

19. Цей лист має помітку П. О. Плетньова: «Получ. 27 нояб. 1839» і порядковий номер—«13». Одночасно з цим листом було надіслано до Плетньова цього листа Ганни Григоровни:

Le 11 Novembre 1839. Osnova

Еслиб вы знали, Петр Александрович, как ваше молчание нас беспокоит, то вы бы, верно, сжалились над нами и давно бы порадовали нас хоть строчкой. У вас, вероятно, время летит в столице быстрее, чем у нас,—оттого вам и не заметно, как давно вы к нам не писали; дни проходят в рассеянии, между тем как мы, ведя жизнь монотонную, очень замечаем и помним, от кого когда имели известие. Вот от вас я очень хорошо знаю, и не смотря в письмо ваше, что оно было от 4-го сентября. «От 4-го Се;— скажете вы,—неужели я так давно им не отвечал». Но я не хочу думать, чтобы это было от забывчивости, но страшусь от мысли, чтобы причиной было тому или ваше нездоровье, или что вы рассердились на нас. Но за что? Как не ломаю свою голову, ничего не вспомню, притом же вы так добры, что верно бы нам сказали, чем вы не довольны, так как мы этого ожидаем от дружбы вашей к нам, но время все откроет!.. Получила я все посланные вами вещи, принося вам искреннюю мою благодарность, но откровенно вам скажу, что они слишком нарядны для меня и как ни были сопровождены ни одним словом от вас, то они теряли всю цену для меня.—С каким удовольствием увидела я мою милую Галочку, вступившую в свет; это такое совершенство, которому подобного я не знаю, может быть я и пристрастна, но есть же что то такое, к которому привязываешься не зная сам себе отдать отчету почему. А она много имеет в себе привлекательного, но опять распространяюсь об ней, а надобно еще поговорить с вами о других. Каков Эмиль. Это лице тоже в своем роде занимательное вижу я Основьяненко удачно выставил нынешнего молодого человека мечтателя. Очень любопытно бы знать, как ваше мнение. А вот отправляются к вам чудаки уморительные Украинские дипломаты, вы подобных оригиналов еще не встречали нигде. Утешьте же нас, отложите на минуту ваши развлечения и поговорите с нами, я вам тоже благодарна, что вы не отбросили посвящения Га: эта милая девица, любимая наша племянница Григ. Фе: которая гостивши у нас всегда с восторгом слушает его произведения и просила, чтобы и ей посвятить, а сестра моя просила также, чтобы и ей тоже, а теперь еще племянник мой с той же просьбой, почему же не сделать им этого удовольствия, когда они этим дорожат. Ожидая с нетерпением вашего драгоценного для нас письма, молю бога о сохранении вас от всего неприятного.

А. К.

Скажите нам, что вы намерены поместить из повестей Основьяненки в 1-й книге Современника на 40 год. Башня веселу [? І. А.] меня очень заинтересовала, когдаж она выйдет вполне.

20. Рукою П. Плетньова надписано: «Получ. 29 декаб. 1839. Отв. 7 генв. 1840» і проставлено порядковий номер: «14».

21. «Маленький анекдот о... двучасном Самозванце» не був свого часу надрукований і зберігся в архіві П. Плетньова (Пушкинський Дім у Ленінграді); нині його підготували ми до друку. Треба зауважити, що подія з «двучасним Самозванцем» (біглий салдат зайшов до куп'янського попа і, показавши карбованця з портретом Петра III, видав себе за нього) здавна цікавила Квітку: ще 3. II. 1834 він послав обробку цього «анекдота» до Погодіна і писав при тому так: «Куп'янський царь, думаю, будет интересен, если только не помешают его поместить. Все в нем истинно и он точно сидел на престоле; эта церковь недавно сломана» («За сто літ», кн. III, с. 22). Треба проте думати, що й Погодін не наважився зачіпати подібний нецензурний сюжет. Між іншим у Харк. Центр. Історичному Архіві, за відомостями, поданими Є. М. Івановим, переховується спеціальна справа—слідство про цього «Куп'янського царя»: нажаль нам досі не пощастило зазнайомитися з цією справою.

22. Мова йде про повість Квітчину «Ложные понятия». Скільки можна довідатися з друкованого тексту повісти, жодних змін Квіткою не було зроблено.

23. Квітка очевидно має на увазі ці рядки з листа до нього А. Краєвського від 6. X. 1839: «Г. Гребенка сообщил мне распоряжения ваши касательно ваших напечатанных статей: я совершенно согласен на назначенную вами плату и немедленно доставлю деньги П. А. Плетневу. Прошу вас, милостивый государь, и впредь быть уверу в моей готовности исполнять ваши, какие бы то ни были, распоряжения: извольте присылать прямо ко мне все, что располагаетесь напечатать, и при том извольте назначать плату, на которую соглашаюсь заранее». («Русск. Старина», 1900, № 5, сс. 294—295).

24. «Маяк современного просвещения и образованности. Труды ученых и литераторов русских и иностранных» почав виходити з 1840 р. періодичними збірниками, а з р. 1842 був реорганізований на місячник під назвою «Маяк. Журнал современ-

ного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской». Редакторами «Маяка» були спочатку П. А. Корсаков і С. Бурачек, а далі, з кінця 1841 р.—один тільки С. Бурачек. Програма журналу вичерпувалася безмежним і послідовним запровадженням відомого політичного принципу миколаївської монархії—«самодержавства, православія та народности». «Все просвещение народное,—декларувалося в програмі журналу,—лежит у нас на попечениях и собственных издержках правительства. Оно ничего не щадит, с своей стороны все делает». Але офіційні вчені замало працюють для науки, отже «надо пробудить любовь к серьезной учености в публике». Саме цю мету й ставить перед собою «Маяк». Поруч із наукою мусить йти й література, бо ж «нельзя разделять пищи для сердца от пищи для ума, образование сердца от просвещения ума». За основу ідеологічну всіх статей і матеріалів журналу було взято як сказано, потрібну формулу, при чому найбільшу увагу привернули до себе питання народности. «Народность,—читаємо в одному місці,—не есть что-либо случайное, зависящее от произвола людей, от взаимного их условия. Народность есть проявление прав и дарований божиих народу, у каждого народа своим образом. Народ счастлив пока растет свою жизнь в пределах своей народности. Народ слабеет и падает, когда, забывая и презирая свои, увлекается чужими стихиями народностями, ему не сродными, не ему предназначенными» («Маяк», 1841, т. XIX, гл. 4, сс. 20—21). Подібні переконання, незалежно від загально-ретроградного напрямку, призвели до культивування в журналі місцевих напрямків, питань, зокрема—до пильної уваги до питань української літератури, історії, етнографії. Квітці ці переконання були надто близькі, бо, в значній мірі, відповідали його власним переконанням і настроям (див. «Листи до любезних земляків»), отже він, хоч і був зв'язаний із Плетньовим, час від часу поривався до співробітництва в «Маяке»: згадки про це знайдемо в дальших листах Квітчиних.

25. На оригіналі цього листа рукою П. О. Плетньова надписано: «Получ. 7 генв. 1840» і поставлено порядковий номер: 15. Мова йде, очевидно, знову за «Куп'янського царя», який в рукопису справді таки не має назви.

26. На оригіналі рукою П. Плетньова зроблено помітку: «Получ. 30 генв. 1840. От. 15 фев. 1840» і порядковий номер листів Квітчиних за 1840 рік: 1.

27. В цитованому вище листі до Г. Квітки з 6. X. 1839. А. Краєвського, останній пише між іншим таке: «...Назначение «Отеч. Записок» не иначе может быть вполне достигнуто, как только содействием истинных талантов, которые в то-же время необходимо бывают люди истинно-благонамеренные, и к числу которых общее мнение присоединяет и вас, милостивый государь. И потому, с полной откровенностью и уверенностью обращаю к вам свою покорнейшую просьбу—продлить свое содействие нашему доброму делу и на будущее время и не оставляйте меня вашими советами, замечаниями и трудами, которые всегда будут лучшим украшением моего журнала». І трохи далі: «...для «Отеч. Записок» у меня теперь ничего нет, и вы несказанно обязали бы меня, если бы изволили доставить какую-либо статью для напечатания или в последней книжке нынешнего, или в одной из первых книжек будущего года». («Русск. Старина», 1900, № 5, с. 294).

28. «Пустолобов»—«Жизнь и похождения Петра Степанова сына Пустолобова, дворянина в разных наместничествах»—раніша редакція «Столбикова». Розпочатий ще в р. 1833 роман цей був заборонений цензурою, бо, мовляв, «в сем сочинении изображаются предосудительные и противозаконные действия и злоупотребления предводителей, опекунов, исправника, земских и других чиновников, правительством определенных»; отже «сие сочинение может производить на читателей не благоприятное для правительства впечатление» (див. справу головного управління цензури «По представлению московского цензурного комитета о рукописи: Жизнь и похождения Петра Пустолобова», в Ленінград. Центр. Історичн. Архиві, № 147618, К. 5998).

Як писав Квітка до Погодіна 2. VI. 1834, рукопис було заборонено «до того, что и не возвратят ее из комитета, а только выдадут свидетельство». Проте самий задум роману, очевидно, дуже цікавив письменника, бо, не зважаючи на заборону, він незабаром знову розпочав опрацьовувати його. Саме тоді, 12 жовтня р. 1837, до Харкова завітав відомий поет російський, В. Жуковський. Як писав пізніше сам Квітка в листі до П. Плетньова (з 26. IV. 1839), Жуковський «наговорил много лестного» і, між іншим, «говоря... о «Дворянских выборах», советовал еще продолжать в том же тоне и с той целью». «Когда же я,—пише Квітка далі,—из'яснил трудность составить из всей этой кутерьмы правильную драму, то он мне советовал поместить и развить все это в романе, украсив и наполнив сценами из губернских обществ. Тут я уцепился за прежнюю мою мысль: добродетельных людей, частных чиновников и вообще исполняющих свое дело, к чему описывать? В порядке идущия времена года, постепенное их изменение, польза ими приносимая, как бы ни было все это описано, не займет нас, потому что мы сами все видим. Но ураганы, вырывки из порядка и все необыкновенности: это должно описывать. Да во уже я приступил к описанию жизни Пустолобова, имеющего родных по всем званиям. Он простачок, не получивший образования, чудно мыслит, будто понимает дело, но превратно от общих разумений. В малолетстве остался сиротою. Его имение разоряют судьи, опекуны; его развращают, поручают в пансион мадам Филу; пансион и потом дальнейшие его похождения, участие в выборах и много-много...

Сей сказки написал я первую часть і послал в Москву. Там на меня сильно напали; но когда Василий Андреевич (Жуковский, І. А.) обнадежил меня, что они говорят пустяки, то я принялся писать и нагородил (при всем желаніи ускромить себя) шесть частей» (Г. Данилевский, цитов. праця, сс. 256—257). На цей раз зовнішні обставини ніби сприяли Квітці: роман рецензував П. Корсаков разом з О. Никитенком. 18. V. 1838 він повідомляв автора, що першу частину роману «одобрено», але «комитет под рукою поручил мне об'явить автору, чтобы остерегался трьох(?) вещей: 1. представлять на посмешище читателю губернаторов, генерал-губернаторов и сенаторов; 2. оскорблять шутливыми эпиграммами бородатый люд, самый раздражительный в раздражительном нашем мире» (рукописні «Выписки» І. Срезневського з листів різних осіб до Квітки). Ці поради мусили сильно занепокоїти боязкого скромного Квітку: він «тотчас сообразил, что, по выходе этой книги, все опекуны, судьи, содержатели пансионеров, предводители и все описанные мною, по именованіям лица, все возстанут на меня», (лист до П. Плетньова з 26. IV. 1839); він «до того испугался, что повторяю, мои убеждения к П. А. Корсакову, что-б отложить печатание вовсе» (там же). Його не тішить навіть поява уривка з роману (п. з. «Скупец») в альманасі Н. Кукольника, «Новогодник»: «все додумываются кого я это описал? Что же будет, когда выйдет сатира на все злоупотребления, делаемые людьми?» (там же). Можна думати, що Плетньов не дивився так песимістично на роман і все ж таки намовляв Квітку друкувати його. Принаймні, письменник, в листі з 21. VI. 1839, зайвий раз переказуючи всі свої побоювання, висловлюючи побажання, щоб «Пустолобов» лежав десь під спудом, «что-б не нанес мне неприятностей от собратий, увлеченных мнениями и толками нерасположенных людей», на прикінці заявляв: «выпуск «Пустолобова» в свет или сокрытие его под спуд совершенно зависит от вас и в этом отношении я заранее соглашаюсь с намерением и действием вашим». Дальші етапи творчої історії «Пустолобова»-«Столбикова» з'ясовують листи Квітки до Плетньова, що ми зараз друкуємо. Детально про цю історію говоримо в статті «Історія одного сюжету», що має з'явитися, яко передмова до т. VIII «Творів» Г. Квітка-Основ'яненка, які видає ДВУ за нашою редакцією.

29. Квітка має тут на оці лист Плетньова до нього з 7. I. 1840, де той пише: «С великим наслаждением, читал я в рукописи ваших Дипломатов В. К. Ольге Ник(олаевне). Е(е) в(ысочество) отменно довольна была и советовала только немного ослабить неправдоподобные глупости Лопуцковского и некотор(ых) других, что я и исполню по даному мне вами обещанию» (рукописні виписки І. Срезневського з листів різних осіб до Квітки).

30. Оповідання Смірнова, «Малороссийская Медея», не було свого часу друковано в «Современнике» і збереглося в архіві Плетньова, разом з листами та паперами Квітчиними.

31. Маємо тут першу згадку за «Провинциальные заметки на журналы», що з ними доведеться стрінутися далі.

32. Відомості про походження «Украинских дипломатов», ніби перероблених з комедії «Шельменко-деньщик» (Харків, 1840), в цьому листі суперечать тому, що сам Квітка писав до Плетньова в листі з 11. XI. 1839.

33. На оригіналі цього листа почерком П. Плетньова зроблено помітку: «Получ. 13 февраля 1840 со статьей «Малор. Медея». От. 15 февр. 1840». В своїй відповіді Плетньов писав: «Велик(ая) кн(яжна) с первого раза угадала, что из этой повести («Украинские дипломаты», І. А.) вышла бы прекрасная комедия. Ея мысль осуществилась, как увидел я из последнего вашего письма. И так она критик хороший», (рукописні виписки І. Срезневського).

34. На оригіналі листа напис рукою П. Плетньова: «Отв. 14 мар. 1840»; відповіді цієї не збереглося.

35. Мова йде, очевидно, за передмову Плетньова до нового закінчення Квітчиної повісти «Вот любовь!» («Щира любовь»); див. вище лист з 27. IX. 1839 і примітки до нього.

36. Ми не знаємо, нажаль, жодного листа, безпосередньо до Квітки писаного, де принижувалося би його російські писання на користь українським, проте знати що такі голоси справді таки існували. Так, О. Афанасьєв-Чужбинський згадував далеко геть пізніше, в листі до Г. Данилевського, що «написал для «Москвитянина» разбор его повестей», де «говорил, что малорусские повести Основьяненка неизмеримо выше тех, которые пишет он по-русски». «Это, как узнал я,—додає Афанасьєв,—огорчило старика» (Г. Данилевський, там же, с. 225). Писав про це тому ж Г. Данилевському і В. Даль (лист з 31. V. 1854): «Я думаю, что Квітка один из первых и лучших расказчиков на родном наречии своем. Многословная болтовня его на природном языке всегда простодушна и умна, на русском же нередко пошловата», (там же, с. 228). Той же В. Даль в цьому листі немов натякає, що Квітку спокусили до писання російською мовою російські його приятелі, з них же найперший—Плетньов. Важко з'ясувати погляди самого Квітки на власну творчість російською мовою, чи навіть вужче—на власні переклади російських своїх українських повістей. З одного боку маємо досить

довгу низку цих автоперекладів, з другого—кілька нарікань самого письменника на те, що російські переклади часто-густо не відповідають його творчим намірам та задумам; як ось лист до Плетньова з 26. IV. 1839: «Я начал переводить одну из повестей моих... Признаюсь вам, иногда бывает мне в этой работе тяжело выразить мысль свою, авторскую, или описание действия; я подбираю слово к слову, так и сяк переиначиваю; все мне кажется несоответствующим рассказу действующих лиц избранного мною рода, характерам их, местности и языку... Сяк так излагаю и иду далее!» (Г. Данилевский, там же, с. 227).

37. Маємо тут справу, очевидно, з якимись чутками, що ходили в той час коло імені Плетньова і які для нас нині в значній мірі загублені. Можна думати, що ті чутки мали своїм джерелом близькість Плетньова до імператорської родини (він викладав російську мову та літературу великим князям, Марії та Ользі Миколаївнам), отже повну ймовірність певних підвищень службового рангу. Справді таки, в лютому 1840 р. Плетньова було обрано на ректора петербурзького університету і на цій посаді він був аж до р. 1861. Як каже пізніший історик петербурзького університету, «выборы Плетнева в ректорское звание советом университета и затем утверждение его в этом звании правительством на безсрочное время свидетельствуют как о способностях его к ректорским обязанностям, так и о признании за ним этих способностей со стороны товарищей по университету и со стороны высшего начальства» (В. В. Григорьев. Имп., С.-Петербургский университет. СПб. 1870, с. 296). Проте можна припустити, що тираду в листі Квіткиному викликано саме обранням Плетньова на ректора університету,—адже ж посада ректорська часто-густо була лише переходовим ступнем до посади попечителя.

38. «Пан Халявский» підчас друкування в «Отечеств. Записках» мав досить великий успіх. Правда, В. Белінський, в приватному листі до А Краєвського, досить стримано писав, що «это не творчество, а штучная работа, сбор анекдотов, словом возведение идеи малороссийской жизни до идеала, если под идеалом должно разуметь, вместе с французами, собрание во едино всех черт, рассеянных в природе и относящихся к одному предмету» (лист з 19. VIII. 1839; див. Белінський, Письма, т. I, СПб. 1914, с. 322). Проте А. Краєвський в листі до самого Квітки розпинався: «Ваши «Пан Халявский» і «Головатый» остануться навсеред пам'ятними русскої літературі; не забудуть їх і читатели, которые любовались первыми, верно, столько же, если не более, будут любоваться последними. Жизнь, разлитая в этих произведениях, бессмертна, как жизнь того духа, некогда народного, который произвел их» («Русск. Стар.», 1900, № 5, сс. 293—294). Та й сам Белінський вмістив в «Отечеств. Записках» далеко прихильнішу рецензію (див. Полное собрание сочинений В. Г. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. V. СПб. 1901, сс. 452—453); не згадуємо за низку інших хвалебних одзвів почасти в журналах тогочасних, почасти, в листах до самого письменника.—Певне, ці одзиви примусили Квітку пильніше придивитись до свого твору, якого навіть загальні обрії уявлялись йому лише в дуже загальних рисах (пор. у листі до Плетньова з 5. VIII. 1839 згадку про те, що він «располагал из него сделать что-нибудь целое с подробностями»). Поволі загальні контури роману з'ясовувалися: приміром, 21. X. 1839 письменник повідомляв Краєвського, що «теперь, увлекаемый одобрительными отзывами вашими и других, пишу Халявского, всю жизнь его или эпохи жизни его сравниваю с теперешними обычаями», («Киевск. Старина», 1893, № 11, с. 216); пор. вище згадки про «Пана Халявського» в листах до Плетньова з 14. X. 1839 та 29. XI. 1839. Потроху в нього викристалізовується бажання «описать прежний быт, а форма, чтобы избежать сухости». Цікаво, що дописував (а почасти й обробляв написане раніше) свій роман Квітка без очевидної надії зараз же побачити його надрукованим. Про це, так само й про пізнішу долю роману багато цінних указівок дають дальші листи Квіткині до Плетньова.

39. В «Маяке» було вміщено невеличку статтю (певніше лист до видавця) п. з. «О правописании малороссийского языка» (1840, т. IV, сс. 4—6), що про неї Квітка згодом писав М. Максимовичеві таке: «Найдите в V книжк(е) Маяка письмо мое, которое (к удивлению моему пущено в свет) писано за-просто к Бурачку, так, желая знать его мысли о том, и писано чуть-ли не в феврале, но в марте наверное... Если бы я знал, что Маяк тиснет письмо мое, я написал бы яснее. Но сделано—и я читаю со вздохом», («Киевск. Стар.», 1883, № 6, с. 349). Треба гадати, що Квітка бажав своєю участю віддячити П. Корсакову за різні цензурні клопоти, хоч не позбавлена ймовірності і думка, що переважну ролю видограла пропозиція по 150 карб. від аркуша друкованого. Російський переклад «Перекотиполя» з'явився був у «Маяке», 1840, ч. VII, сс. 114—131.

40. На оригіналі цього листа напис рукою П. Плетньова: «10 марта 1840. Отв. 14 мар. 1840» і порядкове число листа: 4 (цеб-то за рік 1840).

41. Петро Олександрович Корсаков (1790—1844), літератор, перекладач (з голандської мови, яку він вивчив, працюючи в рр. 1807—1810 при російській місії в Гаазі) і цензор, один із видавців «Маяка» в р. 1840 (див. вище). Найбільш відомий як цензор (від р. 1835), причому, за словами біографа, «оставил по себе самую добрую

память своим отношением к литературе и писателям» (Русский Биографический Словарь. Кнаппе-Кюхельбекер, СПб. 1903, с. 273). Справді таки, П. Мартос, у своїх «Эпизодах из жизни Шевченка», називаючи Корсакова «почтенным», «многочуваемым», розповідає про його участь в цензуруванні першого видання «Кобзаря». «Последняя пьеса в кобзаре (моего издания)—Тарасова нычть,—пише він,—с нею было наиболее хлопот, чтобы привести ее в порядок. Печатание приближалось уже к концу, а она едва только поспела. Поскорее переписавши ее, я сам отправился к Корсакову, прося его подписать ее. «Хорошо!—сказал он,—оставьте рукопись и дня через два пришлите за нею».—«Нельзя, П. А., в типографии ожидают оригинала».—«Да мне теперь, право, некогда читать».—«Ничего,—подпишите не читавши: все ж равно, вы не знаете малороссийского языка».—«Как не знаю!»—сказал он обиженным тоном.—«Да почему же вы знаете малороссийский язык?»—«Как же! Я, в 1824 году, проезжал мимо Курской губернии»,—«Конечно этого достаточно, чтобы знать язык, и я прошу у вас извинения, что усомнился в вашем знании, но, ей богу, мне некогда ждать; пожалуйста, подпишите скорее,—повторяю, в типографии ожидают оригинала».—«А что, тут нет ничего такого?»—«Решительно нет».—Добрейший П. А. подписал; Кобзарь вышел». («Вестн. Юго-Западной и Западной России», 1863, апрель, сс. 34—35). Про надзвичайне прихильне ставлення Корсакова до Квітчиної творчості говорилося раніше; відомо, що допомагав він і Є. Гребінці, і багатьом іншим письменникам. Навряд чи можна проте робити на підставі цих і інших фактів будь які висновки щодо громадсько-політичних симпатій Корсакова, тим більше, щодо його національно-політичних переконань. О. Никитенко дає в своєму щоденнику зовсім іншу характеристику Корсакова: «Корсаков,—пише він,—пробовал когда-то свои силы в литературе, писал забытые трагедии, издавал забытый же журнал, потом долго жил в деревне, служил по полицейской части и, наконец, сделан цензором против штата, по ходатайству попечителя. Это совершенный хамелеон. Его цвет—цвет последнего, с кем он встретился, но это не столько из угодливости, сколько по легкомыслию» (А. В. Никитенко, Записки и дневник, т. I. СПб. 1905, с. 279). І в іншому місці: «литераторы часто употребляют его, как свое орудие, особенно Греч и Булгарин. Ему многое сходит с рук, от чего не поздоровилось бы другим. Хорошо иметь начальником брата!» (там же, с. 322),—натяк на родича Корсакова, князя Дондукова-Корсакова, який справді був тоді попечителем петербурзької округи та головою петербурзького цензурного комітету.

42. На оригіналі—написи рукою Плетньова: «12 мар. 1840» (очевидно, дата одержання листа від П. Корсакова): «5»—порядкове число листа за рік 1840.

43. Про видання збірки Квітчиних творів, здається, найбільше піклувалася дружина письменника, Ганна Григоровна. В листі до Плетньова з кінця 1839 року (на цьому помічено Плетньовим: «Получ. 10 окт. с. Перекотиполе»), вона пише між іншим: «Сейчас прочитали мы скромное объявление Фад. Булгарина о выходе в свет полного собрания его сочинений; напрасной труд,—удалось раз в глаза пыль пустить, воображает и теперь в том успеть; очень ошибается, еще говорит о пользе общей, а, мне кажется, своей». І майже зараз поза цим: «И вот, что мне в голову пришло: нельзя ли со временем издать в 3 частях его сочинения. І будут повести Мару[ся], Гал[очка] и проч. 2. Разказы—Козырь Д[евка], Голова[тый] и пр.

44. Мабуть одночасно з цим листом Квітчиним, звернулася до Плетньова й Ганна Григоровна, причому, мимо вселяких господарчих доручень, писала таке: «Так как милые дети моего мужа отправляются к Вам, Петр Александрович, то не могу разстаться с ними, что бы не сопровождать их несколькими строчками. Надеюсь, что добрый, милый. «Пан Халявский» примется у Вас с тем же снисхождением, каким он и прежде у вас пользовался, и невинная Панна Сотниковна будет Вам также приятна, как и Маруся. Я ее не буду вам описывать: сами ее оцените и нам напишите, как вы ее найдете; кажется, это еще новый цветок, который можно прибавить в венок Основьяненка». І далі: «Садитесь скорее в своем кабинете и читайте Сотниковну». «Панна Сотниковна, истинное происшествие», надруковано в «Современнике» (1840, т. XIX) з присвятою Ганні Григоровні Квітці.

45. «Брат мой, старший меня»—Андрій Федорович Квітка (+1843), харківський губернський маршалок протягом 27 років, сенатор. Його син пізніше так згадував про відносини до брата письменника, «которого смирение, кротость, привязанность ко всему родному, скромность, доходившая до боязливости, и стойкость в мыслях составляли явление редкое». «Состояние моего деда, отца его,—продовжує В. А. Квітка в листі до Г. П. Данилевського,—хотя довольно значительное, не было достаточно для поддержания требований по месту, занимаемому моим отцом..., если бы оно разделилось между двумя братьями поровну. Дядя мой (цеб то Г. Ф. Квітка, І. А.), без принуждения и малейшаго колебания, отказался от своей части, и уже во всю жизнь только довольствовался небольшим, в сравнении с именем моего отца, капиталом в 40.000 руб. ассигн. Эта жертва, с одной стороны, удовлетворяла его семейное честолюбие, а с другой—его любовь и преданность к брату. Старший брат был верховным существом в его глазах», (Г. Данилевский, там же, с. 223). Загальна думка сучасників була та, що брат просто обдурив наївного письменника: Плетньов, приміром, роз-

повідав якось принагідно імператриці, що «заставили его отказаться от 1.000 душ крестьян в пользу старшого брата, который продал обе тысячи» і Квітка «с горя... пошел в монахи» і т. д. (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, СПб. 1896, с. 140). Про ставлення самого А. Ф. Квітки до письменника розповідає, в своїх спогадах вартій уваги анекдот. О. О. Корсун, розповідає, посилаючися на самого письменника. «Собрались дворяне со всей губернии на выборы. Старший брат Квитки-Основьяненка, Андрей Федорович... предложил в председатели Уголовной Палаты Григория Федоровича... Конечно, избрание состоялось, Андрей Федорович с прочими дворянами поздравляет его с новою должностъю и говорит ему наставительным тоном: —Только вы, брат, уже не пишите ни по-хохлацки, ни по-русски: это к такому важному месту и теперешнему вашему положению совсем не идет.

— Да, уж, пожалуйста, Григорій Федорович, оставьте свои писания. Мы все вас о том убедительно просим,—послышалось с разных сторон.

— Очень хорошо, господа! Готов исполнить волю почтенного дворянства. Только позвольте, братец, попросить вас прочитав вот это письмо,—и подает брату письмо.

Сенатор вынимает из кармана очки, из конверта письмо, перевортывает его, читает подпись «сердечно любящий и почитающий вас покорнейший ваш слуга, Василий Жуковский». —Какой это Жуковский? Сочинитель тоже?—спрашивает с улыбкою сенатор.—Да, сочинитель и воспитатель государя наследника цесаревича. Покорнейше прошу ваше превосходительство прочитав вслух это письмо.—Жуковский писал, что перевод Квитки с его же малороссийской повести, «Божьи Дети», напечатанный в «Утренней Звезде», он имел счастье читать в высочайшем семействе, что, слушая этот прекрасный рассказ, государыня императрица изволила умилиться, а великие княжны плакали, и что все просят Квитку писать еще и еще...—Поздравляем! поздравляем!—раздалось со всех сторон, а сенатор облобызал «Грицька» и, со слезами на глазах и дрожанием в голосе, просил продолжать делать честь их благородному сословию, да и вообще дворянству» (А. А. Корсун, Н. И. Костомаров, «Русск. Архив», 1890, № 10).

46. До нас дійшов лише один лист Квіткин до А. Краєвського (після згаданого раніше листа з 21. X. 1839), з 28. II. 1840. Він цілком присвячений грошовим справам: письменник згадує про одержаний від Плетньова лист: «к величайшему удивлению моему, он пишет, что не имеет еще от Вас денег, следовавших мне. Это меня много расстраивает. Убедительнейше прошу успокоить меня с сей стороны». Крім того просить він свого кореспондента з'ясувати, «какую плату Вы полагаете за мои пьески?

47. Альманахи «Утренняя Заря» видавав був у рр. 1838—1843 Володимир Андрієвич Владиславлев (1807—1856). Про нього згадує І. Панаєв так: «Владиславлев, написавший несколько сантиментальных и военных рассказов, почти никем не замеченных, приобрел себе в литературе некоторую известность своей «Утренней Зарей» и через эту зарю завел знакомство с разными литераторами. Воспользовавшись местом своего служения, он распространял свое издание в довольно значительном количестве. Большинство приобретало этот альманах по предписанию жандармского начальства, которое, в противоречие своим принципам, возбуждало таким образом интерес к литературе в русской публике». І трохи далі: «Владиславлев ничего не платил за статьи и поэтому приобретал от своего альманаха довольно значительные барыши» (Ив. Ив. Панаев, Литературные воспоминания, М. 1912, сс. 76—77). Справді таки, факти доводять, що з записинами до авторів часто-густо звертався не сам видавець альманахів, Владиславлев, але його безпосереднє начальство, що в нього він був за особистого одьютанта, Бенкендорф. Ось, приміром, лист з записинами, адресований до М. Загоскіна: «Милостивый Государь Михаил Николаевич! Издатель альманаха «Утренняя Заря», В. А. Владиславлев, которого издание, ежегодно улучшаясь, приобрело общее расположение отечественной публики и выгодные отзывы иностранных журналов, как по литературному достоинству помещенных в нем статей, так и по изяществу гравюр и по типографской роскоши, возобновляет альманах свой на будущий 1840 год, в роскошнейшем виде, в пользу с.-петербургской детской больницы.—По званию председателя означенной больницы, принимая с признательностью столь благотворительное приношение г. Владиславлева и желая с своей стороны по возможности содействовать его предприятию, я приемлю честь покорнейше просить вас, милостивый государь, не угодно-ли будет вам удостоить участием вашим издание его на будущий 1840 год, присовокупляя при том, что всякое приношение ваше в сей альманах принято будет мною с искреннею благодарностью» («Русск. Старина», 1902, № 7, с. 87). Треба думати, що аналогічний напівофіціальний циркуляр одержав був і Квітка: принаймні в цитованих нами «Виписках» І. Срезневського знаходимо згадку про лист Бенкендорфа з короткою поміткою: «Просьба участвовать в У т р е н н е й З в е з д е» (помилка: замість «Заре»). Там же згадується й лист самого Владиславлева: Похвалы, просьбы и опять похвалы.—Дела по Альманаху. И Владисл. знал: А. Г.—цензор Г. Ф.». Квітка вмістив в альманасі Владиславлева російський переклад «Божих дітей» з присвятою «Его превосходительству Петру Александровичу Плетневу». За цю присвяту згадує Квітка далі.

48. «Собрание стихотворений Ивана Козлова», вид. 3-е, 2 част. СПб. 1840 вийшло за редакцією В. А. Жуковського друкувалося «в типографии III отд. собств. е. и. в. канцелярии», отже, треба думати, розповсюджувалося й шляхом офіційних «предписаний».

49. На оригіналі написи рукою Плетньова: «27 марта 1840. Отвеч. 11 апреля 1840. препроводив квитанцию транспорт.», і порядкове число! 6.

50. Одночасно з цим листом Квітка надіслав був до Плетньова три рукописні замітки, що з них одну Плетньов вмістив у «Современнике» п. з. «Званые гости» і з підписом «Т. А-в. марта 27 дня. 1840 года. Хутор Песчаный» (Соврем. 1840, т. XX); дві замітки зберіглися в архіві Плетньова і ми друкуємо їх нижче. Як можна з'ясувати листів Квітчиних до Плетньова, сам письменник досить категорично заявляв про свою непричетність до цих трьох речей, хоч і турбувався, щоб мовляв не дізналися, «что через меня шло». Проте Плетньов не мав жодних сумнівів щодо авторства Квітки. Так, 7. VIII. 1840, він повідомляв Я. Грота, що «приделав предисловие к статье Квитки о журналах, велел ее набирать». А 10. VIII. 1840 він знову згадує про цю статтю: «Я сейчас кончил второй лист корректуры Современника. Он меня очень потревожил. Тут находится отзыв Квитки о Современнике в его пьесе: «Званые гости». Уморительно смешно, но безсовестно самому о себе напечатать такой отзыв. Однакож делать нечего я уже подписал печатать», (переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I. СПб. 1896, с. 9—12). 23. X. 1840 і Грот, прочитавши «Званые гости», зауважував: «Званые гости» прелесть. «Позлятся за нее иные господа» (там же, с. 101), а 3. XI. 1840 Плетньов, розповідаючи про свою зустріч з Белінським, додає: «Белинский скрывает свое неудовольствие за статью Квитки, но оно просвечивает, а что то он и Краевский скажут, прочитав в № 1-м 1841 года «Записки Евстратия Мякушкина»? «Будет горе мне!» (там же, с. 120). Отже і сам Плетньов і літературна публіка тогочасна визнала за автора «Званых гостей» Квітку. Можна додати, що загальний оглав тому XX «Современника» так само викривав Основ'яненка під псевдонимом «Т. А-в». Наведемо, зрештою цю цитату з листа типографа та видавця, Ю. Фішера (що видав «Пана Халявского» і «Столбикова») до Квітки: жалкуючи, що розпочате «Собрание сочинений Основьяненка» розходитья дуже мляво, Фішер дає цьому своє пояснення. «Впрочем,—пише він, не пеняйте ни на мою деятельность, ни на старания Петра Александровича, ни на публику, которая радушным приемам не ознаменовала появление в свет Собрания ваших сочинений. Вы, как честный и прямой человек, высказали в превосходной статье вашей, Званые гости, журналистам свое мнение;—а Петр Ал[ександрович], не думав, что правда глаза колет, не думав о зависти, поспешил поделиться превосходной критикой вашей с публикою. Вот маленькая обоюдная неосторожность ваша, которая задела всех журналистов и они или молчанием, или ничтожным суждением встретили появление ваших сочинений». І далі: «Хоть в сем случае я более других страдаю, но умею ценить Званых гостей, тонкость суждений и прямоту критики», (лист з 20. I. 1842, переходується в архіві Плетньова в Пушк. Домі; див. далі). Отже, з великою долею правди можна вважати «Званые гости» і інші полемічні брульйони, надіслані Квіткою, за власні Квітчині твори; додамо, що письменник, хоч і заперечував своє авторство (див. дальші його листи до Плетньова), проте досить мляво й нерішуче. Наводимо далі два невеличких брульйони, що не були в свій час надруковані та що переходується поміж паперів Квітчиних в архіві Плетньова.

(Из моего дневника).

Сколько грустных, тягостных мыслей мелькнет в голове человека, внимательно следящего за ходом современной литературы: всюду личности, партии; почти нигде справедливости, безпристрастия. Журналы—представители духа нашей словесности, обещаая в пышных программах, правдивый суд творения выходящим на Руси и торжественно давая обет угощать читателей изящными статьями, без зазрения совести печатают на листках своих вздорные статейки, а суд, суд рецензентов... о, избави бог от этого Шемякина Суда всякого пишущего человека от авторов исторических романов до сочинения самой маленькой повести,—от творца поэмы, драмы до кропателя альбомных стишков включительно. А между тем люди, которые самовольно часто из коммерческих выгод берутся судить и рядить об уме и дароовании других,—провозгласив публично о своей правоте, о своем безкорыстии, забывают о том и о другом прежде нежели высохнут чернила на пере, которыми писали они о правоте и безкорыстии. Один журналист имеет личности с другим, тот питает зависть к этому оттого, что у последнего лишняя тысяча подписчиков,—и вот автор какогонибудь сочинения служит мишенью выстрелов, направленных одним журналистом в другого. Вышла умная, дельная книга. Об ней тиснута критика, вдохнутая рецензенту добрым гением. Он оценил ее по достоинству, желая расплатиться за старые грехи, потому что может быть очернил безвинно чьюнибудь репутацию; критика точно добросовестна,—указаны только некоторые ошибки; но разверните другой журнал иной партии, и та же самая книга, которую и образованный читатель находит хорошей, разбрана беспощадным, нет площадным образом. Мало того, что разругают сочинение, личность

автора не избежит извозчичьих выражений; несколько раз исковеркают его фамилию, желая посмешить публику (кто же смеется вопрос) напишут его биографию, даже, если хотите, раскроют его семейный быт и все те же люди, кто громче всех кричит о правоте и безкорыстии, кто признает себя праведным судьей словесности. И тут же вместе с этой критикой расхвалена самая ничтожная книжонка, потому только, что автор ее в связях с редактором, или потому что она оценена по достоинству в журнале противной партии. Будто же публика не видит этих фарсов, будто же и слепая и глухая чтобы верить журналам, конечно, не всем, которые так не хорошо так не справедливо действуют на поприще благородного назначения. Как будто бы можно играть, по прихоти, доверием добрых, снисходительных читателей! Какой же след для потомства оставит наша современная критика? Что скажут о ней через сто, через двести лет? Но какое дело до потомства тому, кто думает только о выгодах, кто имеет только одну цель—набить карманы: а для этого нужны средства, средства—какие бы они не были. Взять акции на железную дорогу, на освещение гасом, отдать деньги за большие проценты и завести журнал—все это средства, конечно, более или менее, не верные, но разве что нибудь верное в нашем изменчивом свете? Журналист №№ в ссоре с журналистом КК, и вот достается не только КК, но и всем его сотрудникам зауряд, потому только, что имена последних стоят на страницах враждебного журнала. И нет расправы, нет суда против литературных наездников,—обиженный сохранил только одно право платить им презрением.—Самый гений не избежит ядовитого их жала. Да и чего лучше, незабвенный поэт—мир праху его! не раз подпадал под перекрестный огонь журнальной перестрелки, и кто же судил его, кто налагал святотатственную руку на возвышенные произведения вдохновенной музыки его? О, господи! прости им, не ведают бо, что творят. Иной, в отмщение за едкую эпиграмму, вооружится своим жалом, другой, узнав себя в смешной карикатуре предаст ничтожеству песни поэта, песни, которым не было у нас ничего подобного. Добросовестный разбор чьего нибудь сочинения—редко принимают редакции. Как же в самом деле: кто нибудь оценил по достоинству творения одного из сотрудников—разве же можно напечатать? Да если к тому этот сотрудник чиновный человек, имеет связи—избави боже! рецензия изорвана в клочки, а новое сочинение редакция разберет по своему. Очень, очень выгодно издавать журналы, особенно у нас, теперь, когда их так мало, а число читателей увеличивается с каждым годом: о литературе ведь любят судить и в небольших уездных городках на дружеском вечере. Тысячи подписчиков сносят трудовые денежки в кассу редакции; бедный офицер уделяет из жалованья что может в надежде целый год пользоваться чтением журналов. И что же. Иной раз он не только не видит месяца по два номеров, но ему и совсем не дошли двух, трех книжек журнала; а между тем журналисты громко кричат о себе, порицая других за несвоевременный выход номеров—и последующий год обещают золотые горы, даже обещают аккуратно выдавать книжки журнала—какие хорошие! Да и что же теряют они? Велика важность, что сто, двести подписчиков отстали: на место этих—прибавится пятьсот, тысяча. Редактор улыбается, сосчитывая денежки, которые ему приходится так легко—да и не переменяет образа действий. Иной из них даже не знает, что такое бедность, что значит отложить 50 из тысячи в год. Да, одни деньги все делают на свете. Надобно только иметь порядочный запас в кармане, не говорю в голове, или легко завести журнал: сотрудники и подписчики тут как тут. Сиди себе, считай барыши, отделяйся от сотрудников обещаниями, угощай читателей, подчас старыми бреднями и ругай кого хочешь и как хочешь: человеку, которому при встрече не смеешь сказать и обидные двусмысленности,—печатно перед всею публикою говорить, что у него нет ни капли ума; поэту, у которого в душе горит чистый, святой огонь вдохновения,—смело говори на страницах журнала, что он стихокропатель, что его прекрасные стихи пустой набор фраз; ученому, которого книги совершенно не понимаешь, читай лекции и уверяй его, что он бредит; жалкому писаке, если можешь получить от него житейские выгоды—смело говори: вы де сударь гений, каких у нас не бывало, вы прославите не только себя, но и век в котором живете—слава вынесет вас высоко из мрака забвения и освежит отдаленное потомство; наконец, другому, журналисту добросовестнейшему тебе говори, что он мелочный торгаш, не имеет вкуса, что он наглый лжец,—одним словом придавай ему все названия печатно, какие мысленно, или словесно дает тебе—добросовестный, благородный человек.—Завидна такая участь. Я непременно издавал бы журнал, да жаль что у меня нет денег.

А. Ч—ский.

1840; февраля 21. Чугуев.

Из письма провинциала в столицу.

Марта, 1840.

...Что же касается до литературы, душа Тряпичкин, то скажу тебе, что литература ваша у нас процветает! Представь теперь еще март месяц, а мы уж давным давно кое-что почитывали из новогодних журналов и газет. Прежде всего, и кажется еще в первых числах февраля мы получили Северную пчелу. Прекрасная газета. Жаль только, что вот уж два года я не могу ее читать. Глаза ли мои слабы, буквы ли там

не ровны, или на почте мухи пачкают, только я никак не могу читать Северной пчелы. Приятель мой Мурлыкин, однако-ж уверяет, что там есть превосходные анекдоты, или, не знаю, что то вроде аллегории или галиматъи, как их там называют! Жаль, а я ужасно люблю такие коротенькие, хорошенькие штучки. Еще, недели три уж назад, получили мы 1-й № Сына Отечества. Превосходнейший журнал, превосходнейший! Я читал и не мог начитаться. Ведь Полевой не шутит! Молодец. Знаешь только что: когда я пришел в Справочную Контору, то подумал, что на столе лежит букварь или азбука, а это был Сын Отечества... После я уж смеялся, смеялся! Да что до наружности!

А Литературная Газета мне не понравилась. Давно уж и получена, да все что-то не то! Нет, эдакие газеты мне не нравятся!

Вот видишь, сколько журналов у нас получено! Библиотеку для чтения надемся получить к Светлому Празднику. То-то будет радость! Не надо и писанки. Ах, душа Тряпичкин! Если-б ты знал, как мне хочется видеть Брамбеуса. Вот я думаю Бестиус! у! Пишет зло, зло пишет! Ему не попадается.

Там еще что-то такое есть у вас: Отечественные Записки—это я знаю. Мы получим, подумаю, в половине марта. Не люблю—такой толстый, да ученый, бог с ним!

Да, да, да. И забыл было совсем. В книжной нашей лавке на днях было получено несколько штук Альманаха Владиславлева. Я рассматривал по знакомству с книгопродавцем. Чудесная вещица! Какие богатейшие картинки! Чудо да только! И как не дорого—всего 15 руб. асс.!—Это просто даром. Я не купил, потому что подписался. Все наши подписчики очень любовались альманахом в книжной лавке, и радовались, что у них будет современем такая книжка, что чудо. Говорят, мы, подписчики, получим ее в мае или в июне, летом. Уж признаюсь, хоть и поздно, а стоит подождать, не потому что 15 рублей заплачены, а что вещица-то недурная.

Прощай и проч. Твой верный друг Алексей Хлестаков 2-й.

51. Мова йде про комедію Квітчину: «Приезжий из столицы, или суматоха в уездном городе. Оригинальная комедия, писана в 1827 году» (Пантеон русского театра и всех европейских театров. 1840, кн. 3). Яким чином потрапила вона до редакції «Пантеона» а точності з'ясувати не можна: цензурував її С. Аксаков (цензурний дозвіл: «Москва, 1828 года, сентября 18 дня») разом із кількома іншими комедіями Квітчиними; він же наглядав за друкуванням деяких комедій нашого письменника («Дворянские выборы», «Турецкая Шаль»), отже можливо, що і цей рукопис залишився в нього і потім, різними шляхами, перейшов до «Пантеона».

52. На оригіналі рукою Плетньова написано: «Получ. 3 июня 1840. Отв. 19 июня 1840» і проставлено порядкове число: 1. При цьому ж листі додано цю дописку Ганни Григоровни:

«От искреннего сердца приношу вам мою благодарность, Петр Александрович, за ваше снисходительное внимание ко всем просьбам, получив 12 мая все, о чем я вас просила. Право я сама себе удивляюсь и не узнаю себя, как я, будучи от природы так застенчива и столь горда, что никогда в жизни моей не относилась ни к кому ни в чем по своим надобностям, даже к самым близким я к вам адресуюсь так своевольно, что мне совестно, чтобы вы не подумали обо мне, какая она докучливая и несносная все с своими комиссиями, но вы сами виноваты, дав нам право утруждать вас своими поручениями и поселив в нас добродушием вашим такую неограниченную доверенность в вашей готовности быть нам полезным, что мы не иначе почитаем вас как нашего благодетеля. Но все таки скажу вам, что последний раз я никак не думала обременять вас новым расходом для меня и твердо была уверена что Г-н Краевский внес вам должны им деньги Григорию Федоровичу 700 р. о которых он ему неоднократно писал, но как и во всем мы видим справедливость ваших слов что господа Журналисты живут одним надуманием. Как я вам благодарна за возвращение Пустолобова, напечатав его в таком виде как он есть вы отвратили от Основьяненко много неприятностей неизбежных при появлении Пу: с такими выходками в свет между тем как теперь многие противники Гр. Ф. начинают ему отдавать справедливость и благодарят за удовольствие, доставляемое его сочинениями. Пустолобов же бы это все разрушил. Но не могу не пожалеть, что Украинская наша Лукреция вам не понравилась вы пишете что вы должно не могли узнать отчеменно. Мне же вот кажется что вы или не в расположении духа ее читали или что чем более находить таланта в человеке тем более становится взыскателем к нему, но что вернее всего я заметила и в вас что вы всегда нападаете на ту повесть где действующее лицо женщина а вы может принадлежите к числу тех людей, которые почитают их за ничто нет Панна Сотниковна слишком унижена вами будучи поставлена даже пошла какого нибудь предания Мертвецов. Я за это позволю себе на вас сердиться как можно достойно не оценить такого божественного создания какова была дочь Сотникова не может быть чтобы остались холодны ко всем ее небесным добродетелям, но что мне исчислять сколько в ней и других посторонних красот, вы живучи всегда в столице при дворе всегда в кругу высшей аристократии вы так далеки от природы что не можете себе представить всю прелесть всего содержания этого анекдота (пусть так как вы называете) но за то как забьется сердце Малороссиянина, когда он читая их быть вспомнит свой собственный как то: приготовление к празднику Рождеству Христову, как и

его отец и мать уделяли от своего избытка полным живущим как семейно проводили эти дни одним словом все все о чем много писать. Я так расстроена что не знаю как вы меня поймете. Я лишилась моего друга Лизы Смирнитской которой была посвящена вот любовь.

Ми читали умную и прекрасную вашу речь.

Что башня (1 слово неразборч.), что Роман Гоголя скороли выйдут?

P. S. Я давно вас хочу просить прислать мне портрет Maman Breitkopf императрицы Марии Фе: у меня есть, а мне хочется вместе иметь как моих благодетельниц.

Получены мною 3 платья к двум из них такие же пелеринки а к третьему вышитой воротничек из органди, воротничек а не пелеринки. Чепчик тюлевой. На два жилета материи. Из журналов 10 номеров. 4 номера журнала шитья и вышивок».

53. Влітку р. 1840 Плетньова було послано представником петербурзького університету до гельсінгфорського університету з нагоди його 200-річчя. Підчас цієї подорожі його було обрано, разом із В. А. Жуковським, на почесного доктора університету. Свої вражіння від подорожі Плетньов занотував у статті: «Двухсотлетний юбилей Александровского университета» («Современник», 1840, т. XX, сс. 5—23—Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. I, СПб. 1885).

54. Повість Квітку «Ярмарка» (з присвятою князю В. С. Голіцину було вміщено в «Современнике» (1840, т. XX). На Плетньова справила вона якнайкраще вражіння. «Квитка мне прислал новую повесть: «Ярмарка»—прелесть!—писав він 21. VIII. 1840 Я. Гротові. В листі до того ж таки Грота, з 12. X. 1840, він згадує, що читав «Ярмарку» імператриці: «Много было разных с моей стороны присказок по случаю чтения» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, СПб. 1896, с. 91). А, коли Грот, прочитавши, в свою чергу Квітку повість 23. X. 1840 знайшов, що «Ярмарка скучновата; в повестях Квитка слишком растянута, почти всегда; впрочем, я из Ярмарки еще мало прочел» (там же, с. 102),—Плетньов брав письменника під свій захист, зауважуючи: «Ярмарка едва-ли не лучшая повесть Квитки» (там же, с. 115). Ще в двох місцях згадує він цю повість Квітку: в листі з 12. XI. 1840 пише, що «у великой княгини Ольги Николаевны читал прелестную Ярмарку Квитки» (там же, с. 133) і 8. XII. 1840 повідомляє свого кореспондента, що «кончил чтение Ярмарки. Государыня была очень довольна» (там же, с. 164).

55. «Мемуары Евстафия Мякушкина» надруковано в «Современнике» (1841, т. XXI, сс. 1—34). В паперах Квітчиних (нині переходять в «Скарбниці» І. Срезневського в рукописному відділі Бібліотеки Академії Наук С. Р. С. Р. в Ленінграді) збереглися ескізи дальших «Мемуарів» з присвятою «почтенному неизвестному, отнесшемуся ко мне письменно из м. Н. 2-го мая 1840 года». В паперах самого Срезневського збереглася невеличка замітка про ці «мемуари», де він пояснює «м. Н.», як містечко Немирів і де він пише таке: «Нельзя не пожалеть, что эти «Мемуары» остались без конца и без середины; они были бы верным изображением тех литер[атурных] «охотников», которые начиная писать только для того, чтобы увидать свое имя в печати, мало по малу набивают руку и уменье подражать всему, что нравится, смело и ловко передразнивают писателей всех родов, своим писаньем приобретают известность и не заботятся ни о чем кроме денег, успевают, наконец, получить их» (Вс. Срезневский, Г. Ф. Квитка и И. И. Срезневский—Sertum bibliologicum в честь... проф. А. И. Малеина, Пб. 1922, с. 207). Скільки можна тепер з'ясувати, Квітка мав на думці розпочати «життя й діла» нового «чудака» Є. Мякушкина, який поповнював би колекцію «чудаків», змальованих Квіткою раніше,—Фалапея Повинухіна, Трохима Халявського, Петра Столбікова тощо. В друкованому тексті чисто-біографічні моменти звужено до краю в рукописних брульйонах їм надається певного значіння літературного. Наголос цілого твору робиться на постаті самого оповідача—ніби автора «Мемуарів», Є. Мякушкина, в той час, як у друкованому тексті головну увагу читачеву мають притягти до себе одзиви Мякушкина про тогочасну літературу, приховані в них суто-полемічні напади й натяки. Наводимо тут за рукописом початок «Мемуарів», де якраз викристалізується ця біографічна мовляв установка.

«Еще только выучился я порядочно читать и (1 слово закреслено) понял, что за важная вещь «книга», как уже имел сильное и непреодолимое желание самому быть сочинителем. Как это знатно! (Заглавие подберешь какое на мысль придет, не мудреное дело: да вот) и какая потеха: «Сочинение Евстафия Мякушкина». А? Это одно—безценно. А как удосужишься и будешь иметь терпение, да отвалеешь четыре части, и на каждой стоит моя фамилия... тьфу, ты пропасть! Сколько славы!.. Книга пошла по свету, во всех книжных лавках (у ходобщиков, везде, везде), во всех концах России, у всех ходобщиков, везде, везде!.. «Кто этот господин?»—Это Мякушкин.—«Ах, не сочинитель-ли?»—Точно так-с.—«Сочинитель, сочинитель... видели ли вы сочинителя когда-либо?... Вот он пошел в темном фраке...» Чудесное дело быть сочинителем, если не более, так хотя и четырех частей чего-нибудь! Особливо еще, если имя мое, по благосклонности наборщика, поставлено на книге отличными, курьозными, египетскими плоскими, выпуклыми и т. под. необыкновенными литерами... Это заглядение!..—И всякий читающий [заглянув в], увидев мною сочиненную книгу,—прочтете ли ее, или нет—что за дело!—но имя мое непременно уже прочтет. Весь читающий свет прочтет... Каково?..

Вот самая лестная награда сочинителю за все его издержки на бумагу и время, употребленное для писания! Соч[инителя] кни[ги] хотя бы и в одном этом ровняет слава с завоевателями, основателями царств, городов, открытий новых земель, потому; потому, что имя его также бессмертно итак(же) останет[ся] (, пока не истребят[ся] типогр[афские] чернила и станки, чего кажется, никогда не будет.

Этой то славы, как сказано выше, жаждал я очень давно и, бывало удалясь от всех занятий, уединяясь от всех людей, сошью кипу бумаги, чтобы достало на четыре части, сяду и—оставив место для заглавия, которое придумал бы после,—надпишу четко и ясно: «Часть 1-я сочинение Евстратия Мякушкина»; «Часть 2-я сочинение Евстратия Мякушкина»... и так далее до четырех. А под час, когда заберет умничанье, то и до двенадцатой доходил. Со мной прошу не шутить.

Положив основание своему сочинению, полный восторга, хожу, выезжаю, и, возвращаясь к своему литературному столу, с наслаждением поглядываю на разложенные по столу листы сочинения. В те поры жена и не думай подходить ко мне, [ни] хотя бы с самонезнейшими ласками; все оставляю без внимания». Бегающие около меня дети не привлекают моего внимания, и я, трепля каждого по одиночке, мечтаю свое и приговариваю: «Сочинение Евстратия Мякушкина. Часть 1-я... (пошел прочь) славный мальчик». «Сочинение Евстратия Мякушкина, часть 2-я... (не шали) резвая девочка» и так далее.

Насладясь удовольствием от ежедневного воззрения на материалы к моим сочинениям, надобно было приступить к придуманию заглавия. Это дело не мудреное, придумаю на досуге; [но] но вот задача—о чем писать? Свою жизнь? [Но] я еще молод, не много со мною произошло: родился, учился, считался на службе, женился, имею детей... Кратко, обыкновенно. Сочинить роман? Хорошо. Вот я и принялся обдумывать. Плохо. Конечт есть, но начала и середины не (придумаю. Не ловко печатать) могу сочинить, а четвертую часть не ловко печатать без трех первых.—Или катнуть повесть?—Но что же? Небольшая книженка будет. Что делать с тремя прочими тетрадами?—Путешествие? Но я не бывал в дальних дорогах и не знаю дорожных обыкновений. Записки?—Но чего?—Не придумаю. Разве собрать все подающиеся мне от приказчиков записки по хозяйству и напечатать?—Но я их и сам не читаю, кто же другой станет читать их. Они же не моего сочинения. Не хочу пользоваться чужою славою. Очерки?.. Но опять, чего? Столько очерков всему, что мне не осталось о чем говорить. Притом же очерки, все будут очерки, а существенного ничего. Оно, конечно, можно бы и на штуку подняться,—бумага все терпит;—сказать: очерки здешняго хлебопашества, а начать, продолжать и кончить все собою: как я первый раз увидел поле, работы полевые, растущий хлеб, что я мыслил, чувствовал тогда, что предполагал завести со временем и проч. и проч. все о себе; но такими очеркам уже были примеры (таким очеркам) и они обратились (у нас) в насмешку автору очерков. Не хочу никаких очерков.

Я не придумывал, что писать, а время, между тем, проходило, все роды сочинений безпрестанно являлись, а я не [придумал], изобретая своего, [и] не мог решиться, какому подражать. Наконец, случайно, в каком то журнале—а в каком? хоть сей час убейте меня, не скажу, не помню—попадаетея мне новенькое, свеженькое словцо: «Мемуары». Безподобно!—вскричал я—пишу «мемуары»! Тут все заключается: о себе, обо всем можно говорить, рассуждать, приплести анекдотец, резонерствовать и все, и все—и так начинаю», (Рукописний відділ Бібліотеки Академії Наук СРСР, «Скарбниця» І. Срезневського, № 905).

56. В «Пантеоне Русского и всех европейских театров» (1840, ч. IV, с. 51) надруковано таку замітку в відділі «Наши новости»: «Замысловатый, оригинальный и талантливый Грицько Осьновьяненко прислал нам в «Пантеон» три пьесы: 1 Ясновидящая, комедия в 5 действиях. 2 Шельменко-деньщик, комедия в 5 действиях. 3 Мертвец-шалун, комедия в 2 действиях. Кроме того, он теперь трудится над комедией «Пан Халявский», которая судя по содержанию повести того же названия, и при таланте почтенного автора, будет полна интереса и забавных сцен». З цих комедій, був надрукований в «Репертуаре» (що замінив «Пантеон») далеко геть пізніше «Мертвец шалун» (1884, № 12, сс. 1—34); «Шельменко-деньщик» вийшов окремою книжкою (Харків, 1840). Щождо «Ясновидящей», то комедія ця свого часу в друкові не з'явилася: рукопис її зберігся поміж паперів Квітчиних у «Скарбниці» Срезневського з такою допискою невідомої особи: «Посланная г-ну Кони, цензура не пропустила». Про заборону комедії писав до Квітки й сам Коні (див. у «Виписках» І. Срезневського згадку про лист з 26. III. 1841 з такою увагою: «Ясновидящая запрещено печатать»); на жаль, нам не пощастило знайти відповідної цензурної справи Вс. Срезневський висловлює цілком слушний здогад: «Против печатанья, вероятно, выставялось то обстоятельство, что одно из главных действующих лиц пьесы—проходимка Маргарита, искательница легкой наживы у легковерных помещиков, изображена в виде наружно-благочестивой девушки, ходящей в полумонашеской одежде и принимаемой всеми за носительницу благодати». (Вс. Срезневский, цитов. праця, с. 204). Сюжетом цієї комедії Квітка скористувався для повісти «Маргарита Прокофьевна» (Москвитянин, 1841, ч. V).

57. Олександр Пилипович Смірдин (1795—1857), відомий петербурзький книгар і видавець. В р. 1838 придбав у М. Греча та Ф. Булгаріна право на видання журналів

«Сын Отечества» і «Северный Архив», об'єднавши їх в один журнал, що в рр. 1838—1839 виходив за редакцією М. Греча та Ф. Булгаріна, в 1840—за редакцією О. В. Никитенко. Цю переміну редакції має на оці Квітка, кажучи, що вона «в других руках». В «Сыне Отечества» оповідання Квітчини не з'являлося; видруковане воно було п. з. «Разказ» в альманасі «Русская Беседа. Собрание сочинений русских литераторов, издаваемое в пользу А. Ф. Смирдина» (т. II, СПб. 1841).

58. Питання про зв'язок «Ревизора» М. Гоголя з комедією Квітчиною «Приезжий из столицы» поставлено було зараз же після виходу останньої і не розв'язане остаточно ще й досі. Г. Данилевський розповідає, що «узнав по слухам о содержании «Ревизора», Основьяненко пришол в негодование, с нетерпением стал ожидать его появления в печати, и когда первый экземпляр комедии Гоголя был получен в Харькове, он созвал приятелей в дом свой, прочел сперва свою комедию по процензированной тетрадке, а потом и «Ревизора». Гости ахнули и сказали в один голос, что комедия Гоголя целиком взята из его сюжета, и по плану, и по характерам, и даже по частной обстановке». (Г. Данилевский, цитован. праця, с. 213). Правда, особи, які добре знали Гоголя, категорично заперечували можливість подібного факта, що був можливий лише тоді, коли Гоголь зазнайомився з рукописом Квітчиної комедії. Між тим, С. Аксаков (один з тих, хто міг ознайомити Гоголя з рукописом) досить категорично заявляв, у пізнішому листі до Г. Данилевського, що «Ревизор не мог быть писан под влиянием этой пьесы, потому что Ревизор был напечатан прежде чем Гоголь узнал о существовании комедии Квитки. Я спрашивал Гоголя (около 1840), не знает ли он эту комедию? И он отвечал мне, что слышал о ней, но не читал». (Д. И. Багалей, Материалы для биографий южно-русских научно-литературных деятелей XIX века I Письма к Гр. Петр. Данилевскому. Киев, 1903, сс. 54—55). З свого боку С. Аксаков висловлював здогад, що «анекдоты о ложных ревизорах ходили по России издавна, с разными вариациями, и что одно и то же происшествие подало мысль написать комедию обоим авторам» (там же, с. 55). До цієї думки немов приєднався й Данилевський, заключивши розгляд питання висновком, що «Основьяненко и Гоголь задумали план комедии по сюжету, который был перед тем вызван не одним подобным событием в России, и даже в ее литературном кругу» (там же, сс. 214—215). Можемо проте твердити, що сам Данилевський зовсім не був переконаний подібним вирішенням питання. В невиданому листі до С. Шевирьова (недавньому) він пише таке: «Я привожу в статье параллель между «Ревизором» и чрезвычайно схожею пьесой, такого же содержания, плана и лиц, Основьяненки: «Приезжий из столицы», процензированной С. Т. Аксаковым, под № 602-м, в Москве в 1828 г. и изданной по прежней рукописи в 1840 г. в Пантеоне,—при жизни и Гоголя и Основьяненка! А у меня есть еще доказательства, что рукопись до 1836 г. (выхода Ревизора), без успеха для сцены, ходила по рукам в столицах. Слича пьесы, я убежден, что Гоголь читал пьесу Квитки в рукописи—мелочи некоторые у обоих поразительно схожи. Не скажете ли чего-нибудь об этом? Память Гоголя слишком священна для меня, чтобы я решился говорить, не снесясь с лучшими и близко доступными его друзьями» (невиданий лист, переховується в Держ. Публ. Бібліотеці, в Ленінграді). Пізніші досліди в цій справі так само не встановили єдиного, загально прийнятого погляду: в той час, як одні дослідники (прим. Н. Волков, К истории русской комедии. I. Зависимость «Ревизора» Гоголя от комедии Квитки «Приезжий из столицы», СПб, 1899) наводили низку схожих місць обох комедій і цих паралелів уважали за досить, «чтобы установить факт, что Гоголь не только читал комедию Квитки, но и пользовался ею при сочинении своего «Ревизора» (там же, с. 63),—інші категорично заперечували можливість будь-яких впливів чи ремінісценцій, доводили конечну потребу повірити Гоголю, що він тільки чував за Квітчину комедію, проте не читав її (Арк. Лященко, «Ревизор» Гоголя и комедия Квитки «Приезжий из столицы»—збірник «Памяти Л. Н. Майкова». СПб. 1900, сс. 523—540). Недавно ми зробили спробу знову переглянути це питання, притягнувши деякі нові дані та факти, і прийшли до висновків про відсутність певних впливів (Иеремия Айзеншток, К вопросу о литературных влияниях. Г. Ф. Квитка и Н. В. Гоголь, «Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Российск. Акад. Наук», 1919, т. XXIV, № 1, сс. 23—42). Проте ми не вважаємо питання за остаточно розв'язане й думаємо, що воно вимагає додаткових ретельних дослідів, на підставі нових, свіжіших матеріалів.

59. П. В. Зворикіну присвятив Квітка повість «Украинские дипломаты» («Современник», 1840, т. XVIII).

60. Жодних уривків з переробленого й доповненого «Пана Халявского» в «Современнике» не з'являлося,—очевидно, з причин незручності друкувати продовження повісти, якої початок з'явився був допіру в іншому журналі.

61. На оригіналі рукою Плетньова помічено: «Получ. 17 авг. 1840. Отвеч. 21 авг. 1840» і проставлено порядкове число: 8. Разом із цим листом, Плетньов дістав цю дописку Ганни Григоровни:

«Благодаря Северной Пчеле мы знали о вашем путешествии в Гельсингфорс и о вашем там пребывании, почтенный Петр Александрович, но теперь полагая что вы уже обратно в Петербурге находите душевно радуюсь благополучному вашему возвращению вместе с новым почетным для вас званием с которым от всего сердца вас поздравляю.

Последнее ваше письмо много нас обрадовало тем более что в нем проглядывало что-то прежнее из ваших милых для нас выражений тех дружественных, которых мы долгое время лишены были удовольствия от вас слышать. Не мало удивило нас узнавши о затеях Пантеонистов на счет Гоголя только и можно сказать что Аллах ведает в каком состоянии находится их мозг тогда мы же не понимаем их дела потому что Основьяненко из первых отдавал ему всегда должную справедливость соперничать же с ним не только никогда ему в голову не приходило но еслиб ему сказали что он своими сочинениями мешает кому другому он ни на одну минуту не поколебался и из всех из них сделал бы *autodafe*. Но что вам объяснять о чистых и благородных чувствах Основьяненко вы имели время его узнать и сомневаться в них верно никогда не станете скромность же его тоже вам известна итак я сама решаюсь вам послать одно из полученных им писем и то потому что я в нем нахожу столько сходства с вашим образом мыслей что не могла удержать себя чтобы не разделить с вами этой приятной находки. Этот неизвестный пишет из Немерова но кто он мы никак не можем узнать.

Теперь посылается вам очень интересное описание нашей ярмарки и Мемуары которые в своем роде прелестны. На счет же званых гостей я имею порученность просить вас чтобы сказанное там на счет Современника точно так оставалось потому что еще последний его № говоря о Грече и Полевом он еще более себя таким представил как он там описан.

Я не получила *Les francais peints par eux-mêmes* но они мне и не нужны мы их здесь имеем и представьте себе что мы заграничные Журналы как то: *Revue de Paris, Revue de deux Mondes, Le Veilleur* несравненно исправнее получаем чем наши Отечественные. Если вы будете иметь случай где достать портрет М-ме Breitkopf—то прошу вас если это вас не затруднит прислать его хоть и в дорогой отделке чем много меня обрадуете в молодости я не так чувствовала все благодеяния теперь же чем старее становлюсь тем более их ценю и потому хотя черты ее глубоко врезались в своей памяти но все приятнее их видеть пред собою. Гр. Ф. вам не скажет и этого что когда здешние чиновники представлялись генерал-губернатору князю Долгорукову то при объявлении о его фамилии князь улыбаясь сказал: Я с большим наслаждением читал ваши сочинения много смеялся и мне очень приятно познакомиться и проч. и проч. Искренно вас уважающая А. К.

1) Посвятите нам первую свободную минуту мы всегда с нетерпением ожидаем вашего ответа.

2) Пантеон заплатил 400 р.: из коих на 120 Гребенка выслал мне разного вышивания воротнички и тому подобное что мне давно хотелось иметь.

62. Справа йде за здійснення Плетньовим бажання Квітки (висловлене в одному з попередніх листів) видати по змозі повне зібрання своїх творів, розпочавши його з двох нових, великих романів—«Халаявського» і «Столбикова». Г. Данилевський у своїй біографії письменника, пише про це дуже коротко: «г. Фишер объявил в Петербурге, что приступает в своей типографии к изданию Полного собрания сочинений Основьяненка. Письма этого времени нашего автора к разным знакомым, полны хлопот по этому изданию. Издание остановилось и, кроме неприятностей, самых чувствительных, ничего не принесло огорченному старику, который, вдали от Петербурга, не мог с успехом стоять за свое дело» («Украинская Старина», Харків, 1866, с. 229). Цими кількома рядками, власне, вичерпувалися відомості про невідале видання; з листів Квітчиних «к разным знакомым», що були в руках Данилевського, була опублікована лише невелика частина, в якій про видання, що нас цікавить, згадується тільки побіжно. В р. 1926 ми видрукували статтю «До історії видань творів Г. Ф. Квітки I. Нездійснене видання повної збірки Квітчиних творів» (Бібліол. Вісті, 1926, № 4), де ми, на підставі невідомого листа письменника «О моих счетах с г. Фишером», намагалися відтворити історію цього видання (до речі користуємося нагодою, щоб виправити одну помилку в цій статті: «невідомою особою», що до неї адресовано Квітчиного листа, є безперечно актор П. Григор'єв). Листи Квітчині до Плетньова, рівно ж таки листи самого Є. Фішера та актора Григор'єва до письменника, що зробилися нам відомі вже після видрукування згаданої статті, дозволяють освітлити історію видання у цілій його повноті. Окремі моменти цієї історії ми з'ясовуємо в примітках до відповідних місць листувань. Єгор Федорович Фішер—один із другорядних російських видавців 30-40-х рр., власник «привилегированной типографии и словолитни». Проте щось визначало його з-поміж решти друкарів та видавців: він був «прийнятий» в «світі», його вважали за «большого друга» графіні Марії Миколаївни Толстої, «гувернантки Михайловских великих княжен» (цебто дочок великого князя Михайла Павловича); Плетньов (у листах до Я. Грота) нотує про свої зустрічі з Фішером у компанії з кн. Одоєвським, кн. Вяземським, гр. Ростопчиною тощо. Певне, ці «високі» знайомства Фішера сприяли тому, що Плетньов допомагав йому діставати замовлення: в листах до Я. Грота він зауважує про заходи до видання творів кн. Вяземського, Ростопчиної, Пушкіна; крім того, знаємо, що в друкарні Фішера друкувався був «Современник», «Пан Халаявский» і «Похождения Столбикова» Квітки, «Кобзар» Шевченка (1840) й т. д.

63. Чомусь цей лист Квітчин дуже гостро зачепив Плетньова. 24. IX. 1840 він пише Я. Гроту: «В субботу (21 сентября)... возвратясь домой нашел у себя письмо Квитки.

На будущий год он отказывается от поставки повестей в Современник, потому что дворянство, при выборах, намерено возложить на него какую-то хлопотливую должность. Я не знаю, что мне будет и делать без него. Откуда взять повестей? Разве нанять переводчика? Да не будет ли гадко перепечатывать французскую водяность и мерзость? Но вот, что досаднее: Квитка у меня просит позволения напечатать в Маяке отрывки из своего нового романа: «Маяк-де исправно платит, а деньги всегда вещь хорошая!» Как это вам покажется?» (Переписка, т. I, 66). В своїй відповіді Грот зауважував таке: «В разсуждении Квитки много логики. Жаль! В самом деле будущность не улыбается Современнику. Если вы предвидите для него безславие, то лучше воспользуйтесь теперь моментом для его прекращения по крайней мере мы падем со славой и с проклятием врагам на устах! Но прискорбна была бы такая необходимость; ужели нет средств поддержать наследие Пушкина? Такова судьба журнала—несогласного с духом времени, журнала—анахронизма. Вопрос: должен ли такой журнал упорствовать и являться на зло ослепленной публике или с презрением сойти с арены, окруженной неблагоприятною толпою, которая рукоплещет площадному фигляру и отвращает взоры от благородного артиста?» (там же, с. 74). 8. X. 1840 Плетньов повідомляв приятеля про зміст своєї відповіді Квітці. «Квитке я написал,—пише він,—что он может дать в Маяк все, что хочет, но я отказываюсь быть посредником и огослал его в типографию Фишера, где лежат оригиналы Халяевского и Столбикова [цебто написав Квітці, що той може подати свої розпорядження безпосередньо Фішерові, І. А.]. От Современника не откажусь и без Квитки. Ужели вы, Александра Осиповна (Ішимова, І. А.), да я не наполним чем-нибудь четырех книжек. Все равно: подписчиков и теперь не было лишних, а 300 авось всегда останется по привычке. Современник все будет острасткою для негодаев-торгашей» (там же, с. 88).

64. При цьому листі додано цей проєкт листа до В. А. Жуковського:

Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Ваше превосходительство удостоили внимания мои повести. Как слабую дань благодарности за ободрение, долгом поставляю имени Вашему посвятить моего Столбикова или—приключения Столбикова или как иначе не придумаю.

С совершенным высокопочитанием и преданный имею честь быть милостивый государь ваше превосходительство покорнейший слуга Григорий Квитка.

1 сентября, 1840 г. Основа.

65. На оригіналі листа рукою Плетньова надписано: «Получ. 21 сент. 1840. Отв. 8 окт. 1840» і проставлено порядкове число: 9.

66. «Пана Халяевского» присвячено Миколі Михайловичу Лонгінову (пом. 1853), статс-секретареві «у принятия прошений» та головному завідателеві всіми благодійними та учбовими установами так званого «відомства Марії Федоровни». Квітка, очевидно, був знайомий з ним по харківському інституту шляхетних дівчат, що в його заснованні Квітка брав був найближчу участь, і який безпосередньо підлягав М. М. Лонгінову. Будь-яких певніших відомостей про зносини Квітки з Лонгіновим ми не маємо, якщо не лічить двох-трьох побіжних згадок у листах до Плетньова; немає цих відомостей і в просторому листуванні Лонгінова з П. Гулаком-Артемівським (точніше в листах Гулакових), що переховується в Пушкінському Домі, в Ленінграді й підготовлене нами до друку.

67. Квітка має на оці лист А. Краєвського до нього з 25. IX. 1840, де той повідомляв, що «виделся с П. А. Плетневым и, как у нас с ним существуют счеты, по которым он оказывается должным моей конторе, и по которым я иногда ему бываю должным, но которые вообще мы повершаем к концу года, то я и просил его должные мною вам 700 руб. почислить за мною и счестся в них, по обычаю, в конце года». Далі висловлював Краєвський згоду «снабжать вас какими угодно книгами, журналами, эстампами и пр., и пр. в счет тех денег, которые я вам должен или буду должен; что же касается до аккуратной доставки, то не беспокойтесь: я сам буду смотреть за нею. Извольте прислать мне реестры того, что вам нужно—и все получите в исправности». І закінчив свій лист Краєвський цим благанням: «Только именем самого бога, умоляю вас не оставлять своим участием моего дела, в достоинстве которого я убежден глубоко: это принесет пользу—я уверен в том. Сделайте милость, пришлите статей в отдел словесности, я очень нуждаюсь в них. Если же когда-нибудь что-нибудь наведет на вас тень неудовольствия на меня, ради бога, пишите сейчас же откровенно... Оцените ж мою искренность и подержите меня!» («Русск. Старина», 1900, № 5, сс. 299—301).

68. При цьому листі, в архіві Плетньова зберігається цей лист Квітчин до А. Краєвського:

Милостивый государь, Андрей Александрович. Не смотря на заботы и точно недосуги, повесть для Отеч. Записок продолжаю и немедленно вышлю к Вам. В шот ея, покорнейше прошу Вас записать для нас газеты и журналы по прилагаемому адресу. Надеюсь что сумма за статью удовлетворит за издания.

Искренно преданнейший Григорий Квитка.

19 октября 40. Основа.

Там же переховується й список журналів, що їх належить—«Высылать в Харьков на имя Анны Григорьевны Квитки.

Северная пчела. Литературная газета. Библиотека для чтения. Сын Отечества. Отечественные записки. Современник. Пантеон всех театров. Журнал шитья и вышивок. Листок для светских людей с модами.

Сей последний журнал высылался прежние годы регулярно по книжке в свое время. В 840-м году высылали по пяти и более кн. вместе и гораздо после выхода. Просите и обеспечите нас, чтобы каждая книжка немедленно по выходе была высылаема». Треба думати, що Плетньов вважав за неможливе випустити корисного співробітника й тому скористався з даного йому права не передавати цього листа адресатові. Цікаво, що на цей раз Плетньов зовсім не був ображений, і своєму постійному кореспондентові, Я. Гроту, розповідає про цей лист, в зовсім спокійному тоні. «Я получил,—пише він,—письмо от Квитки с III частью «Столбикова» (роман его). Кажется, мои отзывы насчет журнальной братии подействовали на него. Он навсегда и решительно отказался от всякого сношения с этими господами, желая видеть себя или в отдельном издании, или в Современнике. Впрочем, избранный в председатели уголовной палаты, он не может попрежнему писать много». (Переписка, 1, 129).

69. На оригіналі рукою Плетньова надписано: «Получ. 6 нояб. 1840. Отв. 7 нояб. 1840» і порядкове число: 10.

70. У згаданій вище записці-листі Квітки, «О моих счетах с г. Фишером», письменник пише про умови, на яких брав на себе видання Фішер, таке: «... он условился печатать мои сочинения выпусками, одного формата и наружности. По этому условию, г. Фишер обязался необходимым капитал на печатание употребить свой, за проценты, мера коих и срок мне не были объяснены.... По отпечатании г. Фишер принимал на себя продажу экземпляров и за то вычит в пользу его, процент комиссионерский. Для скорейшего сбыта, положено было назначить цену за экз. самую сходную, лишь бы вознаграждались издержки. Первоначально приступлено было к печатанию Х а л я в с к о г о и цена объявлена за него по 1 р. серебр.». (І. Айзеншток, До історії видань творів Г. Ф. Квітки. Київ, 1927, с. 4). Точні розрахунки по виданню буде наведено нами далі. Про це видання писав і Плетньов у рекламній рецензії на «Пана Халявского»: «Издатели напечатали ее (повість, І. А.) как первый том полного собрания сочинений Основьяненка. Удобство и дешевизна приобретения всех сочинений самого любимого в наше время автора без сомнения распространят эти книги по всей России. Нет нужды подписываться предварительно. Всякий за безделицу покупает те томы, которые ему по вкусу», («Современник», 1841, т. XXI, с. 95). Нажаль нам не довелося бачити тих «об'явлений», про які згадує Квітка і які щедро розсилав Фішер.

71. Пор. у згаданій записці: «Просил я поручить кому-либо, знающему, за особую плату, исправлять пропуски целых слов, затмевающих иногда смысл, что неизбежно в черновом писании, но сего г. Фишером не сделано и где случались в оригинале слова, два раза сказанные, так вышло и в печати» (І. Айзеншток, там же, с. 5). Про потребу перевірки його писань, Квітка часто зауважує в своєму листуванні. Ось, приміром, цитата з листа до А. Краєвського з 21. X. 1839: «Я пишу всегда прямо и чернового нет у меня, я его высылаю, как вы и видите из моих тетрадок, редко перечитываю. «Головатого» не имел времени пересмотреть и потому боюсь, чтобы в именах не наделал путаницы. В статье другого рода оно бы ничего, а тут жаль мне будет самому на себя. Узнав, что статья поступила к вам, я тот же час писал к Евгению Павловичу (Гребінці), прося его проверить имена, но, кажется, опоздал» («Киевск. Старина», 1839, № 11, сс. 215—216). Такі самі зізнання і в листах до М. Погодіна: «Пишу сплеча, и если бы переделывать и выправлять, то и в целый год не написал бы повести» (лист з 18. I. 1841). І ще: «Не перечитывал. Должны быть описки, недописки, негладкости. Исправьте, если Оксана заслужит внимание ваше» (лист з 17. I. 1842—посилаючи руський переклад «Сердешної Оксани»), і т. д.

72. Мова йде за присвяту «Столбикова»—В. А. Жуковському, і «Халявского»—М. Лонгінову (див. вище). «Нечто лестное»—очевидно, орден або якийсь цінний подарунок.

73. Квітка, очевидно, має на увазі свій лист до А. Краєвського з 16. X. 1840. В цьому листі він писав таке: «Благодарю Вас за успокоение меня в счетах моих с П. А. Плетневым. Теперь я почитаю это дело решенным, которое и должно поступить в архив. О новом препоручении Вами мне сделанном, т. е. о написании чего-либо в Отеч. Записки, не знаю, как быть. Оконченного нет ничего, а написать, не знаю как удосужусь. У нас были выборы, след. было много забот и частые выезды, при чем я простудился и до сего времени не приду в силы. Когда соберусь со всеми силами, приступлю дописывать Вам повесть. О чем тот-же день Вас извещу и буду просить о высылке газет и журналов, рассчитывая, что повестьчонка будет об'емиста. Она будет в особом роде. Халявского же не мог Вам передать, потому что он уже выходит целый, как видно по об'явлениям. Попадется на зубки Ваши пощадите его сердечушку.—Позабочусь, чтобы и для Вашего журнала написалось бы что интересное, да пора и забастовать. При выборах на меня пала должность председателя уголовной палаты. Тут уж не до повестей.

Писал бы, как и хотел, больше, но рука не служит. Слаб еще. Все-таки подтверждаю: как расположусь, немедленно извещу Вас. Не откажите только в высылке изданий по

записке, которую пришлю. А что статья удовлетворит Вас в объеме и—может быть, в чем другом, в том надеюсь». (Киевск. Старина». 1893, № 11).

74. При цьому листі є ця французька дописка Ганни Григоровни: „Je prie son Excellence Monsieur Pletnew d'avoir la bonté de faire rappeler à M-r Bélizard ou à celui qui a été chargé de m'expédier l'année passée la Revue étrangère de me faire parvenir les huit derniers numéros. A Kvitka“. Фердинанд—Михайло Белізар, що про нього згадується в листах Г. Ф. та Г. Г. Квіток—книгар і видавець. „Journal de St. Pétersbourg“ і „Revue Etrangère“, 1832—1863.

75. Не можемо, нажаль, з'ясувати причин цієї несподіваної переміни поглядів Квітчиних на «Маяк». Можна тільки здогадуватися, що це має якийсь зв'язок з руським перекладом «Перекатиполе» («Маяк», 1840, ч. VII).

76. «Г-жа Башуцкая»—небога письменника, дочка його старшого брата, Андрія Федоровича, дружина відомого в свій час письменника А. П. Башуцького, одного з представників т. зв. «натуральної школи», автора повісти «Мещанин. Очерки из портфеля ученика натурного класса» (2 частини, СПб. 1840), присвяченої, до речі, Основ'яненкові.

77. На оригіналі надписано рукою Плетньова: «Получ. 6 нояб. 1840. Отв. 7 нояб. 1840» і порядкове число: 10.

78. В «Современнике» було вміщено розділи X, XI, XXI—XXIII першої частини «Похождения Столбикова» (1841, т. XXI).

79. Під назвою «Украинский Дон-Кихот», здається треба розуміти пізнішу повість Квітчину, «Герой очаковских времен» («Современник», 1841, т. XXIII).

80. На оригіналі рукою Плетньова надписано: «Получ. 3 дек. 1840. Отв. 27 дек. 1840» і поставлено порядковий номер: 13.

81. На оригіналі рукою Плетньова надписано: «Получ. 24 дек. 1840. Отв. 27 дек. 1840» і поставлено порядковий номер: 14.

82. А. С. Ширяев (пом. 1841)—московський книгар, антиквар та бібліофіл.

83. Квітка очевидно має тут на оці лист Краєвського до нього з 25. IX. 1840 («Русск. Старина», 1900, № 5, сс. 299—301), що уривки з нього було нами наведено вище. З листа Квітчиного до Краєвського з 11. VII. 1841 довідуємось, що борг Краєвського Плетньову не був сплачений; Квітка просив «одолжить» його «высылкою книг по приложенной записке». Можна навести ще лист П. Плетньова до Я. Грота з 3. II. 1841, де він, повідомляючи свого кореспондента про різні фінансові непорозуміння А. Краєвського, зауважує таке: «К Дубельту положили призвать Краевского и пока остановить в почтамте выдачу ему денег. А он и никому не думает платить. Квитке тоже не отдает 700 руб. За прошлогодний Современник мне не платит же рублей 200 с чем-то. Ильина сидельца прогнал без денег, а с каким-то ничтожным векселем. Вот благородные представители нашего мыслящего общества!» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, СПб. 1896, с. 228).

84. На оригіналі рукою П. Плетньова написано: «Получ. 20 янв. 1841. Отвеч. 21 янв. 1841». Того ж таки 21. I. 1841 Плетньов писав Я. Гротові. «Основьяненко готовит даже что-то в роде украинского Дон-Кихота, не только Фенюшку! Не знаю только, для меня ли, или для полного издания своих сочинений!» (Переписка..., т. I, с. 210). Згадка про «Фенюшку» є відповіддю на це місце з листа Гротового після того, як його було повідомлено за присилку цієї повісти Квітчиної: «Повесть «Фенюша» для «Современника»? Если так, то Квитка благородно отступает от своей угрозы: «Ура, Основьяненко!» или это еще старое?» (там же, с. 205).

85. На оригіналі цього листа рукою П. Плетньова написано: «Получ. 3 февр. 1841. НВ. На другой же день написано к Фишеру об исполнении сего». Відповідь Фішера Квітці (лист з 10. II. 1841) збереглася в архіві П. Плетньова—її, очевидно, пізніше переслав сам Квітка,—і ми наводимо її тут:

«Милостивый государь, Григорий Федорович, поручение Ваше отправит по экземпляру Х а л я в с к о г о г. Шредеру, г-же Принц и Г. Зворыкину исполнено. При доставлении Н. М. Лонгинову книги Вами ему посвященной, его не было дома; и так не могу Вас известить о том, как он ее принял. Начало хода Вашей книги хорошо, не знаю, как пойдет вперед.—Со времени выхода ее по 1 февраля, т. е. в два месяца куплено из конторы 500 экз. на чистые деньги.—Печаталось всего 2000 экз.; из этого числа роздано безденежно в цензуру, автору и журналистам всего 60 экз., следовательно остается для продажи 1.440 экз.—Все издержки с процентными и комиссионными составили 1590 р. сер.; по распродажи всех книг должно получиться 1940; впрочем для лучшего уразумения, я при конце письма прилагаю о сем подробный расчет.

Первый лист Столбикова отпечатан, а далее я должен был приостановиться печатанием и имел уже с цензурою большие хлопоты; я буду отстаивать сколько есть моих сил и способов, а посему я обращаюсь в цензурный комитет и председатель оного К. Дондуков-Корсаков согласился удержать весь ход рассказа, с условием, чтобы название: Предводитель было переименовано в Чиновники.

По желанию Вашему иметь возвратно одну главу из 2-й части Столбикова, я прилагаю всю тетрадь вполне и прошу Вас пересмотреть внимательно не найдете ли

вы чего такого, против чего могла бы восстать цензура. Червячки Сенковского наделали много хлопот и издателям и цензорам, которые теперь неприступны.

Мне нужно будет еще откровенно об'ясниться с Вами об одном деле, которое я не могу исполнить без точного Вашего на то согласия. Петр Александрович Плетнев письменно требует от меня 2500 р. асс., которые он заплатил за экипаж, посланный Вам, а так как, по приложенному расчету Вы ясно увидите, что только половина всей суммы причитается Вам, и то по распродаже только полного издания;—Вы, чтобы я по мере получения денег от распродажи теперешнего и будущих Ваших изданий удовлетворял требованиям Петра Александровича,—или бы, не вступая в косвенные сношения доставлял вручаемые деньги прямо к Вам. Прошу Вас, Григорий Федорович, почтить меня ясным и подробным на сей щет ответом.

Теперь позвольте мне обратиться к Вам с моею просьбою: я знаю влияние Ваше в Харькове и уверен, что Вы не откажетесь оказать мне содействие со стороны Вашей, чтобы сойтись с лучшим из книгопродавцев харьковских, так, как я желаю сделки иметь с таковыми по всем губернским городам для приятного с ними сношения. По высылке денег и требований с их стороны, книгопродавцы должны быть уверены в немедленном с моей стороны, удовлетворении их желаним.

При сем честь имею приложить новое издание мое: Памятник Искусств, которое прошу Вас покорнейше принять под Ваше покровительство и содействовать его распространению. Я надеюсь, что мой Памятник не будет для Вас такою Загадкою, какою нашли его два наши знаменитые журналиста Сенковский и Краевский.—Если Вы найдете издание сие достойным Вашего участия, мне лестно будет иметь Вас в числе сотрудников, удостоивших меня помещением своих сочинений в сем журнале изданий.

С истинным почтением и совершенною преданностию, прибыть честь имею, милостивый государь, Ваш покорный слуга Егор Фишер.

СПб. 1841. Февраля, 10 дня.

Історія з «червячками», що про неї згадує Фішер, трапилася на самому початку 1841 р. Шеф жандармів, Бенкендорф, звернув увагу на статтейку «Светящиеся червячки» в «Библиотеке для чтения» (1840, т. 43, відділ «Смесь»). В цій статтейці й розповідалося про серйозні досліди натуралістів Форстера та Одуена над сяянням світляків, що зв'язували вони з статтевими відправленнями комах. Але автор статті, Сенковський, не утримався від звичайних своїх дотепів і додав таку фразу: «Один монпельерский натуралист взял ночью самку *Lamprunides noctilucae* и через окно выставил ее на ладони в сад: спустя несколько минут, прилетел к ней самец, как кажется, с тою же целью, для какой, по словам печатной программы, учреждено и С-ое дворянское собрание, т. е. для соединения лиц обоих полов. Лишь только эти насекомья исполнили программу почтенного собрания, свет самки тотчас погас». Бенкендорф уважав, що «выходка эта не должна и не может быть скрыта от государя императора, и не постигая, как может быть допущена у нас к напечатанию подобная статья», він доводив, що «сочинитель оной должен быть подвергнут строжайшему наказанию, кроме воспреещения печатать статьи свои, а цензор—выговору, ежели еще не большему взысканию». Проте справа для Сенковського закінчилася не так суворо, як цього вимагав Бенкендорф: Сенковський пояснив, що статті цієї він на жаль не читав і, познайомившись з нею запізно, віддав розпорядження викинути інкриміноване місце; на жаль, в якійсь сотні примірників воно залишилося (з вини інтролігатора!) й дало Бенкендорфові привід гніватись... Звичайно, цьому поясненню ніхто віри не дав, бо за автора статті знали самого Сенковського. Проте міністр народньої освіти, Уваров,—на зло Бенкендорфові,—особисто доклав цареві справу, додавши, що редакторові Сенковському, цензорам Крилову та Ольдекопу висловлено суворо догану. На це цар поклав резолюцію: «Впредь быть осторожнее» (див. Мих. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г. СПб. 1909, сс. 130—131).

Треба ще зауважити, що побоювання Квітки щодо нецензурности змальованої ним постаті вельможі, мали повну реальну підставу; пор. лист. П. Плетньова до Я. Грота, з 26, I. 1841: «Цензорá тепер остервенились. Они даже названия должностей гражданских не пропускают в романах. Вместо предводитель велят печатать: новое лицо, или старик, или толстяк и т. п.» (Переписка..., т. I. СПб. 1896, с. 219).

86. Причин цього «мучительного состояния души» Квітка одразу не викриває, проте за цю причину досить легко догадатися. Це—глумлива рецензія Сенковського (Барона Брамбеуса) на «Пана Халявского» (Библ. для Чтения. 1841, январь). В ній читаємо між іншим таке: «Есть разного рода остроумия, более или менее несносные, но самое несносное из всех—это провинциальное остроумие. Это глубокомысленные наблюдения над человеческим сердцем, делаемые из-за плетня; эти черты нравов, подмеченные между маслобойнею и скотным двором; эти взгляды на жизнь, обнимающие на земном шаре великое пространство, пять верст в радиусе; этот свет, составленный из шести соседей: эти колкие сарказмы над борьбою изящества и моды с дегтем и салом; эти насмешки над новым и новейшим, которых даже и не видно оттуда, где позволяют себе подшучивать над ними—весь этот дрянной, выдохлый губернский яд, котораго не боятся даже и мухи; и эти остроты, точенные на приходском оселке; и эти стрелы, пущенные со свистом и валяющиеся на землю, в пяти шагах от носа стрелка; и эти смелые удары, с треском

падающие, вместо общества на лужу грязи, которая от них только распыскивается на читателей; раны и язвы, наносимые пороку с той стороны, которой порок никогда не видит у себя, если стоит прямо перед зеркалом; все это может казаться очень замысловатым какой-нибудь ярмарке, какому-нибудь уезду, даже целой губернии; но и не должно переходить за границы этого горизонта, под опасением быть принятым за пошлость и безвкусице». І далі критик переходить до характеристики самого автора роману: «Это должен быть ужасный провинциал, выживший из юмора, шутник, за недостатком слушателей ищущий, посредством печати, читателей для своих отсталых острот! Я назвал его писателем, и тут же извиняюсь в невинном злоупотреблении слова: это произошло оттого, что какой-то литературный круг, который я очень уважаю и которому очень нравится ум господина Основьяненка,—иные уже говорят просто Основьяненка,—старается выдать его за примечательного русского писателя. Я весьма сомневаюсь, чтобы русские читатели были согласны с мнением этого литературного круга. В словесности, чтобы быть писателем, надобно по крайней мере уметь писать: то есть, обладать каким-нибудь слогом, каким-нибудь искусством и вкусом...» І ще далі, після просторої цитати з роману: «Что за язык, что за слог?.. не говоря уже об остроумии. Некоторые находят это ужасно смешным, ужасно забавным. На меня эти пошлости наводят скуку и уныние, и я не берусь судить о новой книге господина Основьяненка, или, просто, Основаненка,—потому что никак не могу читать ее. Может быть она и хороша, и забавна, и ужасно смешна, но я не читатель такой словесности».

Для характеристики вражіння зробленого цією рецензією не тільки на самого письменника, а й на сторонніх осіб, варт навести кілька уривків з листування поміж П. Плетньовим та Я. Гротом. 28. I. 1841 Плетньов одвідав О. Й. Ішимову: «Ее привела в ужас ругательная статья Сенковского на Квитку в № 1 Библиотеки для Чтения. Но я этого ожидал после портрета журнала сего в Званных гостях» (там же, с. 221). На запитання свого кореспондента (в листі з 2. II. 1841), «в чем сущность брани Сенковского на Основьяненка?».—Плетньов (8. II. 1841) з'ясовував: «Сенковский о Квитке говорит, что его сочинения есть pauvais genre что у него нет слога и подлый язык; что его сцены никого не интересуют, ибо касаются пороков и недостатков провинциальных и частных. Словом, в обвинении что буква, то противоречие здравому смыслу и теории искусства» (там же, с. 232). Несподівано це пояснення викликало в Грота досить співчутливе ставлення. «Я вижу,—писав він (12. II. 1841),—что критика Сенковского на Квитку не так то совсем пуста; слог у него, конечно, есть и очень самостоятельный; но, правда, что он слишком уже самовластно поступает с грамматикою и позволяет себе на бумаге беспрестанно такие неправильности, которые и в разговоре колят ухо. Много у него таланта и изобретательности; в картинах и сценах чрезвычайно много истины, но много и такого, что—если не теперь—так через 10 лет, заставит сказать: «еслиб не то и не то—так Основьяненко был бы отличный писатель» (там же, с. 238). На це Плетньов відповів досить різко: «Мне очень странно, что вы нашли толк в критике Сенковского на Квитку. Я еще прощаю Сенковскому, что он не смыслит различить в авторе слог от языка. Но как же уверять, что черты смешного потому не смешны, что их автор подметил не в столице, а в провинции? Что касается до вашего замечания, будто Квитка позволяет себе многое в письме, чего и в разговоре не всегда удается слышать, то вы говорите о Квитке, как об авторе журнальной статьи. А он написал огромных двенадцать томов и в них не от себя говорит, а заставляет действовать другие лица. Как же вам не стыдно подмечать в нем то, о чем и не говорится при оценке столь оригинального и неистощимого писателя? Если он создал столько характеров, столько положений, столько сцен, если он раскрыл перед нами столько разнообразных, незаимствованных, самых неподдельных красот в жизни человека и в его душе,—так можно ли критиковать, зачем он в одной повести начал фразу словом тьфу! Ведь вы знаете причину, по которой Сенковский напал с таким остервенением на Квитку. Во-1-х, что Квитка со мной дружен. А этого для Сенковского достаточно, чтобы ругать автора..., во-2-х, что Квитка никому не присылает повестей, кроме редактора Современника; в-3-х, Сенковский думает, что в «Званных гостях» Квитка вывел его так верно и до зарезу остро» (там же, сс. 246—247: лист з 18. II. 1841). На це Грот відповів таке: «Не читав критики Сенковского, я не могу ее защищать, да и совершенно уверен в ее пошлости. Из ваших слов я только заключил, что он между прочим нападает на язык Основьяненка, который и по мне слишком небрежен. Конечно, это несколько не унижает великих достоинств повестей Основьяненки, но согласитесь, что они были бы еще выше, если бы и в этом отношении стояли на ряду с образцовыми твореньями русской словесности... У Основьяненки язык чрезвычайно небрежен и тогда, когда он говорит от себя, а не от лиц. К известным людям я не снисходителен, но и не довольно увлечен негодованием, чтобы не соглашаться с ними, когда случайно в их суждения вкрадывается истина... Александра Осиповна пишет, что Основьяненко чрезвычайно озабочен нападками на него и переписывается с вами об этом. Вот чего я не понимаю!» (там же, с. 253; лист з 22. II. 1841).

87. Федір Олексієвич Коні (1809—1879)—відомий у свій час водевіліст, видавець театрального журналу «Репертуар и Пантеон», що про нього ми згадуємо з нагоди появи в ньому «Приезжего из столицы». В рр. 1841—1843 Коні редагував «Літературну

Газету», де вмістив оповідання Квітчине «Знакомые незнакомцы» (1841, №№ 1, 2). Квітка листувався з ним деякий час: збереглися виписки (зроблені Срезневським) з трьох листів Коні 1840—1841 рр.; А. Ф. Коні повідомляв нас (в листі з 30 IV. 1921), що в архіві його батька є низка «оригинальных, хотя и весьма несерьезных писем Квитки». Після смерті А. Ф. Коні, архів його, наприкінці 1928 р., перейшов був до Пушкінського Дому в Ленінграді; проте приступний для роботи він буде,—згідно заповіту А. Ф. Коні,—лише кілька років згодом.

88. Михайло Петрович Погодін (1800—1875), белетрист, історик, археолог і журналіст; з р. 1841 почав видавати слов'янофільський журнал «Москвитянин». Листи Квітки до нього видали ми; див. Єремія Айзеншток, Г. Ф. Квітка і М. П. Погодін (до історії літературних відносин)—«За сто літ», книга III. ДВУ. 1928, сс. 12—32. Листи М. Погодіна до Квітки не збереглися. Кажучи, що на пропозиції Погодіна співробітничати в «Москвитянині», він ще не відповідав, Квітка—свідомо чи позасвідомо—помилявся: знаємо бо лист Квітчин до Погодіна з 18. I. 1841, де він вітає свого кореспондента: «С богом ничтоже боящися, выступайте на правое дело и Вы достигнете цели, приобретете благодарность благомыслящих, постыдите невежд, поразите завистников, уже с любовью грызущих перья». В цьому ж листі Квітка просто обіцяє написати спеціально для «Москвитянина» якусь статтю. «У меня заготовлено много,—пише він,—но не в портфеле, а все еще пока в голове. Каждая статья обсуждена, сноровлена, подшита и ожидает выпуска по требованию. Теперь и именно в сие время пишу по одному заказу. Вступили и другие, но я для них отложу—могут подождать,—а приймусь для новорожденного Москвитянина. Первой кни[и] еще не получили здесь. По ласке Вашей получу, поблагодарю Вас за память от души, и тогда с моим цензором прочтем, увидим, сообразим, с чем можно осмелиться явиться у Вас, да не вне извержены будячи».

89. В другій книзі «Киевлянина» (Київ, 1841) вид. М. Максимовичем (1804—1873) вміщено оповідання Квітчине «Добрый пан». Листи Квітчині до Максимовича з цього приводу див. «Киевск. Стар.», 1883, № 6, сс. 348—352.

90. Не можемо сказати з певністю, які «суждения Краевского о литературе» має на увазі Квітка; можемо проте висловити здогад, що мова йде про статтю В. Белінського «Русская литература в 1840 году» («Отечеств. Записки», 1840, № 1). До цього спрямовують нашу думку такі міркування. Лист цей Квітка писав, доставши листа від Плетньова з 21. I. 1841 (див. вище примітку до листа з 8. I. 1841); між тим, 22. I. 1841 Плетньов писав Я. Гротові таке: «Особенно взбесила меня статья Белинского в № 1—Отечественных Записок «Взгляд на литературу русскую в 1840 г.». Такой вздор, такая односторонность, такой произвол, такое пристрастие, что гадко!» (Переписка..., т. I. Спб. 1896, с. 215). Плетньова, очевидно, обурило певний тон реклами в тій частині огляду, де згадується «Отечественные Записки». Між тим, Квітку ця стаття могла тільки порадувати, бо там про нього писалося таке: «Талантливый Основьяненко напечатал в «Современнике» несколько интересных повестей и живую, остроумную журнальную статью «Званные Гости» (цит. по книзі: «Полное собрание сочинения В. Г. Белинского. под ред. С. А. Венгерова, т. V. Спб. 1901, с. 495).

91. На оригіналі рукою П. Плетньова надписано: «Отв. 14 февр. 1841».

92. «Известный Каразин»—Василь Назарович Каразін (1773—1842), основоположник харківського університета. З Квіткою він мав давні непорозуміння: ще перший біограф письменника, Г. Данилевський, записав дві епіграми Каразіна на Квітку, додавши, що «эти эпиграммы очень действовали на мирную и робкую природу нашего автора» («Украинская Старина», Харків, 1866, с. 211). Пізніше, в статті «Взгляд на Украинскую старину» (1842) Каразін висловлював хвалу Квітці за його історично-побутові нариси, але висловлював її так, що хвала звучала образою. Зауваживши, що «нам, старикам... должно сохранить для потомства, хотя некоторые черты бывшей Украины», він додає: «Благодарим нашего повествователя о старине, Григория Федоровича Квитку, передавшего нам из нее многое в его малороссийских романах. Он живописно представляет нам былое. Но романы будут подозрительны историкам, потому самому, что они романы. Зная участие, принимаемое в них воображением сочинителя, историк вправе сомневаться во всем», (Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. Харьков, 1910, с. 600). Коли згадати, що сам письменник дуже високо цинив у своїй белетристичній творчості саме історичну правду,—можна зрозуміти, що подібну згадку він мав уважати за образу. Особисто знайомий з гр. Бенкендорфом, Каразін іноді, в листах до нього, звертався з різними зауваженнями щодо всіляких непорядків тогочасних, тощо; з подібними ж листами звертався він і до інших осіб. Все це, разом з неспокійним характером Каразіна, його безперервними позовами—сприяло поширенню чуток про «доносительство» Каразіна й т. інш. Проте конкретними даними, що їх ми маємо, ці чутки не стверджуються так щодо Квітки, як і щодо Шевченка з його «Кобзарем». Додамо, що Квітка міг зіткнутися з Каразіном і як член «Совестного Суда», а потім і голова Кримінальної Палати,—і, треба гадати, ці зустрічі не залишили в обох дуже приємних вражень.

93. На оригіналі рукою П. Плетньова надписано: «Отв. 18 февр. 1841». В «виписках» І. Срезневського наведено уривок цього листа: «Видно, что мнения Сенковского

очень огорчали Г. Ф. «Отчего не поддерживают вас отзывы на пр. того, кто без имени прислал вам самое лестное, благо[асположенное] письмо». Отзывы, еженедельно слышимые мною из уст царст. фамилии, отзывы кн. А. Н. Голицына».

21. II. 1841 Плетньов, в листі до Я. Грота, згадував цей лист Квітки у таких словах:

«Он так малодушен, что, пораженный злобным отзывом Сенковского, велел прекратить совершенно отдельное издание своих сочинений и уничтожить все, что до сих пор напечатали из «Столбикова». Вот, что значит великий талант, но без полного сознания своей дестинации. Он привык думать, что за сочинения надобно ждать только или похвал или денег. А о высокой цели творчества и не помыслил». (Переписка..., т. I, СПб. 1896, с. 253).

До листа Квіткиного додано це «Об'явление», що його наводимо тут повністю:

В 1-й книжке Библиотеки Для Чтения, издаваемой на сей год, редактор которой не об'явлен, в литературной летописи, между прочими книгами, о «Пане Халявском» сказано слово в слово так:

«Есть разные роды остроумия, более или менее несносные, но самый несносный из всех, это провинциальное остроумие. Эти глубокомысленные наблюдения над человеческим сердцем делаемые из-за плетня, эти черты «нравов» подмеченные между маслобойнею и скотным двором, эти взгляды «на жизнь», обнимающие на земном шаре великое пространство пять верст в радиусе, этот «свет» составленный из шести соседей, эти колкие сарказмы над борьбою изящества и моды с дегтем и салом, эти насмешки над новым и новейшим, которых даже и не видно оттуда, где позволяют себе подшучивать над ними, весь этот дрянной, выдохлый губернский яд, которого не боятся даже мухи, и эти остроты, точеные на приходском оселке (подчеркнуто Квиткою), и эти стрелы, пущенные со свистом и валящиеся на землю в пяти шагах от носа стрелка, и эти смелые удары, с треском падающие, вместо общества, на лужу грязи, которая от них только распыскивается на читателей, раны и язвы наносимые пороку с той стороны, которой порок никогда не видит у себя, если стоит прямо перед зеркалом, все это может казаться очень замысловатым какой-нибудь ярмарке, какому-нибудь уезду, даже целой губернии, но и не должно переходить за границы этого горизонта под опасением быть принято за пошлость и безвкусице. Может статься в какой-нибудь части огромной России почитается очень и остроумным начать произведение изящной словесности например таким образом: (следует выписка из начала Халявского). Потом: «Может быть это и очень замысловато, очень забавно, даже очень изящно в той стороне, но я, отдаленный читатель, и все вообще читатели, хоть несколько жившие в образованном свете, мы невольно посторонимся, и скажем, что писатель, который, желая казаться забавным, с первого слова делает на нас тьфу, острится таким языком и тоном, сыплет такие прибаутки и предметом их избирает то, о чем мы давно забыли и не думаем, должен быть ужасный провинциал, выживший из юмора шутник за недостатком слушателей ищущий посредством печати читателей для своих отсталых острот. Я назвал его писателем и тут же извиняюсь в невинном злоупотреблении слова: это произошло от того, что какой-то литературный круг, который я очень уважаю, и которому очень нравится ум господина Основьяненка—ные уже говорят, просто, Основьяненка,—старается выдать его за примечательного русского писателя. Я весьма сомневаюсь, чтобы русские читатели были согласны с мнением этого литературного круга.

В словесности, чтобы быть писателем «надобно по крайней мере уметь писать (?), то есть, обладать каким-нибудь слогом, каким-нибудь искусством и вкусом. Но кто целые книги пишет, например, так: (выписка из окончания Халявского). Потом: «Что за язык, что за слог?.. не говоря уже об остроумии. Некоторые находят это ужасно смешным, ужасно забавным. На меня эти пошлости (підкреслене Квіткою. I. А.) наводят скуку и уныние, и я не берусь судить о новой книге господина Основьяненка, или, просто Основьяненка—потому что никак не могут читать ее. Может быть она и хороша и занимательна, и ужасно смешна, но я не читатель такой словесности» (підкреслене Квіткою I. А.) Где приличие, где пристойность, где уважение к неот'емлемой собственности человека, к его имени, хотя-бы и принятому? Напечатанная книжка, она одна подвержена суждению всех и каждого, но написавший ее, должен быть неприкосновенным ни в имени, ни в наружности, ни в образе жизни, ни в чем составляющем собственно «его». Кто писал эту статью в Библ. Для Чтения, неизвестно; может быть по какому-нибудь зазрению, он совестился поставить имя свое под нею. В ней говорит некто именующий себя не более как «я». Несмотря на такую громкую известность, благоразумие требует все его выходки, остроты, тонкие замечания, как не могущие войти в голову сколько-нибудь образованную, оставить, более нежели без внимания.

Но когда господин, именующий себя не яснее как только «я», приступив разбирать сочинение, коснулся личности сочинителя, когда он осмелился имя его, настоящее или принятое изменить и коверкать его по своему, когда он дерзнул коншунствовать над обществом почтенных людей, составляющих круг читателей его, когда и проч., и проч. когда не известно еще, чего не позволит себе такой ценитель при разборе следующих книжек, тогда что остается делать в отвращение от себя подобных «вежливостей»? Ничего более,

как у подобных ценителей—если только может существовать более одного—отнять все способы истощиться в остротах. Я так и намерен поступить: прекращаю дальнейшее издание моих сочинений, предпринятое мною единственно в угодность «круга моих почтенных читателей», подпавших под острое замечание господина, написавшего статью, а не из каких либо расчетов; доказательством тому, самая умеренная цена за книжку, цена едва вознаграждающая типографские издержки. Полагаю, что причины к прекращению издания до того уважительны, что всякий понимающий дело, согласится со мною и оправдает меня. Те же причины заставляют меня обратиться с покорнейшей просьбою к гг. журналистам делавшим мне честь приглашением участвовать в их изданиях, не посетовать на меня за неисполнение данного обещания и как их, так и всех гг. литераторов и писателей также убедительно просить не упоминать нигде о моих сочинениях и тем, избавив меня от подобных, как в Библ. для чтения ценителей, доставить мне спокойствие.

Основьяненко.

Лист Г. Г. Квітки до П. О. Плетньова при листі Г. Ф. Квітки з 5. II. 1841.

Давно не писала я к вам почтенный Петр Александрович, но в душе своей никогда не переставала вам быть благодарной за все ваше доброе расположение и внимание к нам что еще и последний случай доказал и сюрприз этот тем драгоценнее для меня был что вы так много заботились как и достоинство его так чтобы он поспел во время и так доброе ваше намерение во всем сбылось и я обрадована была им накануне 3-го ф.: благодарю, благодарю вас тысячу и тысячу раз, равно как и за выписку журналов о чем теперь очень сожалею лучше бы было книг на такую сумму а то и вышло что журналов много а книги ни одной. Теперь же прибегаю к вам еще с новою просьбою знаю заранее что последнее это слово заставит вас поморщиться полагая что я опять со своими комиссиями но нет вот в чем дело. Основьяненко уже к вам писал как оскорбительна для него не критика а брань *) библиотеки и как низкия суждения для него обидны и вы верно подумали так как и я что это так сгоряча он так принял что со временем он этим пренебрежет, но вышло напротив чем более тем он более ею негодует так что ни за что на свете не хочет более подвергаться снова таким же ядовитым нападкам. Если тот кто писал эту брань говорит что стрелы пущенные в Халывском побили не далее пяти шагов от стрелка что и значит что Ха: как добродушный рассказик не метил никакого, с е й же целивший прямо в Основьяненко может себя поздравить что он попал метко, так что никакие мои убеждения ни просьбы ни что в мире не может переменить его мысли бросить издавать свои сочинения так вот в чем и я вас прошу ради Бога не разсердитесь только на нас, прекратить их издание. Конечно Григорий Федорович имел много неприятностей в своей жизни и за свою справедливость, но как он находил всегда защиту в начальстве которое узнавая его всегда его оправдывало и отличало, но в таком разе когда даже издеваются над каверкают его и до того уж пренебрегают что не хотят назвать Гм и что это все ея Россия читают тут что остается делать как не бросить все потому что спокойствие его дороже всего для меня на свете а если еще придется читать о скотском дворе, маслбойне и проч.; то и сил не станет все это переносить и так конечно, но быть сотрудником благороднейшаго, справедливешаго Современника **) если ему только угодно никогда Основьяненко не откажется, а чтобы пополнить г-ну Фишеру, то мы отказываемся от газеты, пусть эти деньги, назначенные за нее он берет в щет за издержки на Столбикова даже если не станет и этого чтобы пополнить пусть напишет сколько ему надо мы здесь найдем и пусть он будет уверен, что никогда убытку не потерпит, буду ожидать с нетерпением вашего ответа и до того прошу принять истинное мое из'явление в своем к вам уважении

А. К.

94. Мова йде, певно, про ту ж таки статтю Белінського «Русская литература в 1840 году», що про неї ми згадували вище.

95. «Сказка», про яку пише Квітка—певне «Герой Очаковских времен», інакше «Украинский Дон-Кихот» попередніх листів. Принаймні, в згаданому листі з 21. II. 1841 до Я. Грота, Плетньов пише про Квітку: «Он прислал для Современника еще повесть: Герой Очаковских времен. Это род Дон-Кихота Малороссии. Вечером с Александрой Осиповной (Ишимовой, I. A.) мы начали чтение его. Это смешно до умору. Даже Оля (дочка Плетньова, I. A.) не хочет ложиться спать, если мы при ней не перестанем читать». (Переписка..., т. I. СПб. 1896, с. 253). Цей свій одзив Плетньов повторив і в листі з 24. II. 1841: «Читали новую повесть Квитки: «Герой Очаковских времен»? Уморительно смешная. Герой—род Дон-Кихота Малороссии, со всеми предрассудками и глупостями края» (там же, с. 256).

96. На оригіналі надписано рукою П. Плетньова: «Пол. 19 февр. Отв. 25 февр. 1841». До листа додано цей лист Ганни Григоровни до Плетньова:

Признаюсь вам почтенный Петр Александрович что я пряталась за Гри: Федоровича последние два раза как он к вам писал так мне совестно было вас беспокоить

*) В жизнь мою ничего подобного не читала ни на кого.

**) Которого мы до сих пор не получали от 1-го января 1 № получила, а № 8 за прошедший год не получали.

своими порученнями а теперь когда все кончено я являюсь перед вами с повинною моею головою и с самым преисполненным благодарности сердцем за исполнение моих просьб. Все безподобно так что как не рисовало мне воображение как это все должно быть но получивши вещи я увидела к удовольствию моему что оне превзошли мое ожидание и за все это я вам обязана всегда в доброте своей неизменной Петр Александрович. На счет же перчаток я от души смеялась что оне наделали столько недоразумений во первых потому что вы спрашиваете какие бальные или обыкновенныя*). Конечно последние потому что я давно уже с шумным светом разсталась и если и сделала последние эти наряды то только потому что оне мне были присланы в подарок моими родными с Кавказа которые непременно требовали что бы я с них сделала что нибудь для своего употребления а покупать бы их незачто не стала, во вторых (тоже про перчатки) самы лучшия почитают фабриканта Майфи так как и другия изделия славящиеся по доброте своей известного какого нибудь мастера. Вот чем я наполняю письмо свое и если б вы знали как мне совестно вас беспокоить подобными мелочами и еще более что тяготит меня так это издержки скажите ради бога могут ли г-да Халявский и Столбиков пополнить все что вы для нас употребляете если нет то скажите откровенно сколько вы на нас... потому что мы ни за что не хотим быть вам в тягость, когда вы сами так много теряете через Современник и видно что и вам литература надоела что вы в последнем письме своем говорите бог с нею и потому как вы прежде убеждали Основьяненка не бросить ее теперь мы вас просим не прекращать вашего внимания к ней а то она тогда совсем осиротела. Тепрь же скажу вам что и г-н Основьяненко не только со всем равнодушием встречает все выходы на счет ли в Библиотеке но даже со смехом всегда отыскивает что ей угодно ему приписать и если б сей оный писатель знал сколько он проиграл через свои низкие нападки в мнении здешняго края то верно бы раскаялся в своих поступках между тем как Осно: приобрел себе более защитников что так его ободрило что он непременно будет продолжать издавать свои сочинения если только Столбиков выйдет и уж он и привел в порядок следующую часть. Увидим что то оный знаменитый критик скажет когда Стол: явится вполне. От чего же он сам употребляет выражения Ос: та ка я уж моя натура и проч. а никто не хочет ему подражать и говорить в округ дому, звук голосу на против берегу ея. Право как читаю иностранные журналы всегда пожалею как у нас все перенимают у французов самое пустое на хорошее не хотят обратить внимание как они благородно и совестливо разбирают всякое вновь вышедшее издание и рассуждают об нем только не касаясь других а у нас не только разберут по выходе да еще говоря о другом кстати или не кстати опять придираются совсем постороннему и возобновляют то о чем уже давно говорено.—Если будет вам позволять время сделайте одолжение напишите за что не пропустила цензура Предание об являющейся по смерти матери и обо всем побольше с нами поговорите чем доставите самое приятное для нас удовольствие. Молю бога чтобы строки мои нашли вас совершенно здоровым и чтобы прочитав их снисходительно приняли уверение в душевном моем уважении и преданности. А. К.

(Приписка збоку):

На счет шляпки совершенно согласна на предлагаемую но вместо пера или она без чепчика по исподом предпочитаю коротенький чепчик и блондовый чепчик с цветами не дорог и тоже по моему желанию но все это если финансы позволят.

97. Короткий розрахунок вартости видання «Пана Халявского» додано до листа Є. Фішера з 11. II. 1841. Наводимо його тут в дещо спрощеному вигляді. Вартість аркуша друкованого Фішер обчисляє в 44 карб. сер. (Набор з цензурним переглядом—11.30, редакція з коректою—7.30, друк—5.40, папір—20 карб.). За 21,5 арк. др. по 44 кр. сер.—946 карб. сер.; брошуровка—60 карб., кольоровий папір (очевидно, для обкладинок)—26 к., Малюнки—100 крб., 18000 об'яв—90 карб., розсилка об'яв—8 кр. разом витрачено на видання «Пана Халявского»—1230 карб. сер. До цієї суми додано: процентів конторі друкарні—190 карб., комісійних по 9%—170 карб., цєбто всього витрачено 1590 карб. сер. Прибуток після продажу книжок обчисляється в 1940 карб. с., авторові належить 350 карб. сер., або 1225 карб. ассигн. Не позначено в цьому розрахункові, що таку суму має одержати Квітка після продажу цілого накладу; тимчасом, розходився «Пан Халявский» досить повільно: Плетньов, в одному з листів до Грота, зазначає, що Халявського продано ледве 400 прим., а сам Фішер, у пізнішому своєму листі (див. далі), нотує на 1 січня 1842 р. проданих 850 прим.

98. На оригіналі рукою П. Плетньова написано: «Отв. 14 марта 1841». Тоді ж таки, 14. III, Плетньов повідомляв Я. Грота, що дістав листа Квіткиного, «который, наконец, одумался. Он, как я тебе сказал, не хотел было совсем писать для публики, разве только изредка в Современнике. Я в трех к нему письмах был истинным его бичем. Конечно, это не хорошо с моей стороны; но я не умею быть снисходительным там, где вижу ложные понятия или неуважение святой истины. Он не сознается, что мои убеждения подействовали. Он говорит, что был болен—и все мрачные мысли его произошли от болезни. Даже прибавляет он, что если бы мои письма застали бы его в этом страдательном положении, они уморили бы его. Но что он вылечился и теперь ясно видит справедливость

*) На среднюю величину руки и номера не знаю у нас никогда так не покупают.

моих настояний». Опять согласился он на продолжение своих сочинений, их издание и участие в Современнике. Я послал ему одобрительно-увещательный отзыв». (Переписка... т. I. СПб. 1896, с. 276).

99. Квітка, певне, має на увазі передмову П. Плетньова до надрукованих у «Современнике» (т. XXI, 1841, № 1) кількох розділів роману «Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова». В цій передмові писав Плетньов так: «До сих пор читатели Современника в каждом его № находили Повести г. Основьяненка. Их красоты неподдельные—истина жизни, разнообразие и верность в характерах действующих лиц, изумительная точность в очерках нравов, неистощимый запас благородной и остроумной веселости, неподражаемый юмор, глубокие черты трогательной чувствительности, дух и направление чистой, возвышенной нравственности, оригинальный, самым положением и природою лиц определяемый слог—все постепенно содействовало, что автор наконец возбудил всеобщий энтузиазм к своим произведениям. Справедливость требует сказать, что он в своем роде лучший писатель нашего времени. В новом своем романе: Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова (из которого получили мы для напечатания в Современнике несколько глав), является он с новыми совершенствами. Роман—обширное поле для великого таланта. Это полная жизнь в ее поэтическом шествии, с бесчисленными отношениями, переворотами, эпизодами; это взгляд на горизонт обширный, где нация в определенную эпоху возникает в ярком свете с своими особенностями нравов, ума и невежества, пороков и доблестей, предрассудков и знаний». І далі Плетньов дає кілька зауважень рекламного характеру за «Полное собрание сочинений г. Основьяненка». «Их появление, конечно, составит эпоху в нашей литературе»—пише він «г. Фишер, желая сделать доступною для всех покупку столь замечательного автора, предположил продавать его сочинения по самой дешевой цене... Видимо, что и в этом отношении издание сочинений г. Основьяненки должно произвести у нас важную перемену в книжном деле. Теперь приобретение русских книг дошло почти до невозможности: так они дороги. Само собою разумеется, что благодетельный сей оборот только и можно было начать автором, над сочинениями которого примирились все вкусы и даже все литературные партии» (там же, сс. 114—116). Крім того, в тій же книзі «Современника» вміщено прихильно-рекламну рецензію Плетньова на «Пана Халявского», що уривки з неї наведено нами вище.

100. В невиданих брульйонах «Мемуаров Евстратия Мякушкина», що зберігаються в паперах Квітчиних (архів Срезневського) є один «мемуар» (XV), в якому можна побачити Сенковського. Розповідаючи, від імені самого Мякушкина, як, попавши в Петербург, він невдало намагається зав'язати низку літературних знайомств, Квітка продовжує: «Неудачи меня не остановили. Я не из тех, что-бы задуманное оставить. Дойду до своего. Я еще не всех своих братьев, сочинителей и писателей, обошел. Вперед. И пошел я, также к великому уму нашего века, неутомимо трудящемуся об очищении нашего языка, изобрешаго много полезного в правописании наших и даже иностранных слов. Ведь чудо какой хитрец! Напишет иностранное слово—и ничего; да как на кончике приставит к нему русский набалдашничек, так прелесть! По неволе расхохочется. Штукарь, право.

Идучи к нему, я запасся разными остротами и книжными словами, что-бы, знаете, с ученым говорить учено, а он—слышал я—любит и требует что бы так писали как говорят, и говорили бы как пишут. На таков конец я прочел одну нововышедшую книгу: «Путешествие Хаджи баба, переведенную великим штукарем русского слова. Применяясь к слогу этого великаго переводчика, я мог свободно говорить и изъясняться также точно как и та книга глагола. Ободрясь, вошел к нему.

Батюшки-светы!.. что за кабинет!.. я думаю ученейший во всем мире. Мебель отличная, шкафы великолепные с чудесными книгами... О какая чернилица!..

Не много оторопев от поразившего меня великолепия я собрался с духом и начал ораторствовать: «Благодарю сей случай, который доставил мне сию возможность, видеть оного мужа, коего оная слава в сей век...

— Что вы за чепуху несете?—вскричал великий муж: «По каковски вы говорите? разве вы не читали моих острот на э те варварския слова? Я гоню их со-свету, а тут...

«Я заимствовал их у знаменитого переводчика Путешествия Хаджи бабы; там сей и оный красуются на каждой строчке и душат читателя...

— Да;—сказал он не много смутясь,—это... так... это прежде еще об'явленного мною гонения на эти слова. В наш век надобно же чем нибудь отличиться, прославиться, изумить, удивить, поразить, ошеломить, восхитить...

Наговоривши много подобного, наконец он спросил меня, какую надобность имею в нем. Узнав что желаю быть его сотрудником, он очень обрадовался и тотчас предложил мне написать, что нибудь для его журнала, хотя на две—на три странички; не достает-де.

Я чистосердечно сказал ему, что не могу вдруг написать, а просил у него чего нибудь из его сочинений, что бы подделаться под его слог, язык, правила... иначе мне трудно будет.

«Эка важность сочинять!—воскликнул он:—«Так думают чудаки, педанты, невежи

необразованные, не опытные, простяки, что для сочинения нужны знание, сведение, ученость, опыт, практика, труд, обработка, чистота, слог,—все вздор, пустяки, нелепость, неверность, мечта, химера. Ведь вы говорите? писать умеете?—Вот и конец концов. Пишите, как говорите. К чему нам язык книжный? Долой его, в за-шей, на рынок, в воду в пропасть бездонную. Пишут для тех, с которыми говорят, а потому и писать так надобно как бы вы им что пересказывали. Правда, есть еще умники, не слушающие меня: они ни как не отстают от педантизма: чистят слог, подбирают слово к слову, точно как бисер снизывают под тень, придерживаются правил, о которых—откровенно говоря—я не знав их, вовсе и не забочусь. Конечно, их писание, и сочинения, сладко и поучительно читать, западает много в мысль, призадумается над их рассуждением, соглашаешься верить... но если мне начать так писать, так—первое, это выше моего понятия, способности, смыслу, рассуждения, а второе, что у меня в двенадцать лет выйдет одна книга моего журнала; и для того, я решился ниспровергнуть все переделать этот тощий, слабый, чахлый, бедный русский язык, обогатить его своими оборотами, поставить его кверху ногами, перетолочь в дребезги, перековеркать во все, (1 слово закревлено, прочитати неможна) и с этой целью принялся издавать журнал, пустился кубарем под гору. Оспариваю все, ни с кем не соглашаюсь, кричу, опровергаю, ломаю, коверкаю, швыряю, топчу, трошу все и всех: но что бы рассуждениями и доказательствами—которых, говоря правду я не знаю и составить не могу—не изнурить себя и не высказать с невыгодной стороны, я принялся за шутки, насмешки, кощунство, гаерство, бонтонство, скоморошество... и успел в своем намерении, т. е. собрать подписчиков на свой журнал малую-то-лику: (при чем великий муж ударял себя по карману).

Будет с меня пока. Живу, как видите; ем плотно, сытно, вкусно, знатно, славно, смачно, изобильно, роскошно, акуратно, солидно, степенно, важно. Желаящие усовершенствоваться в языке и не постигая правил его, завидуют—как они называют—легкости слога моего, пустились подражать мне слепо. Я хохочу, что даже я, дерзостью, отвагою, предприимчивостью, решительностью, самонадеянностью, настойчивостью, самохвальством, мог составить себе единомыслителей и повлечь их за собою. Уже есть мои правила, моя школа, мои последователи, я произвел реформу в языке... Горжусь!.. Бросил камень в воду, пусть другие трудятся вынуть его; скоро-ли успеют? С другой стороны, видя от здравомыслящих, а потому и противников моих, равнодушные, холодность, легкие насмешки над моими нововводимыми правилами, и боясь чтобы они таким презрением не отняли у меня славы, т. е. способов к продолжению такой славной, завидной, покойной, безпечной, легкой жизни, я, в своем журнале, хвалю себя со всею дерзостью, хвастливостью—благодарю за внимание к трудам моим, провозвещаю о числе подписчиков и тут не жалею нулей. Что нуль? ничто. Предсказываю скорое уничтожение моим противникам... Но уже сил моих не достает! Пишу обо всем и на разные лады; пишу от себя, пишу под выдуманым именем, вступающее ко мне для журнала, на свой лад исправляю, переменяю, изменяю, раздираю, сшиваю, стопаю—и признаюсь, устал. Будьте великодушны, помогите мне, пишите статьи в моем вкусе—и я вас озолочу, насыплю деньгами, для коих только и нужно писать. Наука, познания, сведения, открытия—вздор, чепуха, дребедень, сор, дрянь. Деньги и деньги. В них все благо. Приимитесь, прошу вас, содействуйте моему журналу единственному, чудесному, образцовому, несравненному, не подражаемому...

Со всею скромностью, будто не надеясь на себя, я почти отговаривался написать чтонибудь занимательное, потому что—примолвил я, хотя и приходят мысли, но это так, просто, мысли ни о чем...

«Ах какая находка!—вскричал он торжественно: «Да это золото, алмаз, изумруд, клад, выигрыш. Мысли ни о чем! Изящная статья для моего журнала. Теперь я вас ни о чем больше не прошу, как не придумывать о чем писать. Пишите мысли свои, пишите что будет приходить в голову; поспешайте передавать бумаге все бродящее в голове вашей; за словами не гоняйтесь; украшайте шутками, дерзкими выходками, пишите так, хотя бы после вашей статьи нужно было и покурить в комнате, нужды нет; это правило мое, вкус мой, собственный, не занятый, мною придуманный, мною удерживаемый... да вот для образца, книга моего сочинения. Подражайте ей и вы будете великий (1 слово закревлено, не розбірливе), писатель, т. е. приобретете много денег».

Получив еще кое-какие наставления, я поспешил от него домой, что-бы приняться за работу и уверить почтенного моего покровителя, что я буду у него не пустой сотрудник.

101. На оригіналі написано рукою Плетньова: «Получ. 1 апр. 1841. Отв. 21 мая 1841»

102. Жодних листів, «журналістов» з цього часу, так само й відмовлень Квіткиних до нас не дійшло.

103. На оригіналі рукою П. Плетньова написано: «Отв. 21 мая 1841».

104. «Пьеска», що про неї згадує Квітка—повість «Достоверное предание»—свого часу була заборонена цензурою і лишилася недрукованою в архіві Плетньова; друкуючи її в додатках, подаємо тут деякі відомості з архіву цензури. В листі до Грота з 28/V. 1841 Плетньов сповіщав, що 25 травня дістав він і розпочав читати нову повість Квіткину (Переписка... т. I. СПб. 1896. с. 366). Але тільки півтора місяці зго-

дом знаходим згадку про цю повість у «Журналах засіданій С.-петербургського цензурного Комітета»: 15 липня цензор Фрейган доповів, що «на рассмотрение его поступила статья, назначаемая для помещения в Современнике, под названием: *Достоверное предание*. В статье этой изображены заблуждения и порочная жизнь молодого богатого человека, Алексея, увещания престарелой и добродетельной матери его, Анны Николаевны, доказывающей необходимость веры и покаяния и опровергающей пагубные мнения сына; наконец, смерть старушки и чудо, состоящее в том, что покойница, спустя долгое время после погребения ее в церкви, восстав из гроба, является сыну и убеждает его исполнить данную ей перед смертью клятву обратиться к богу. Автор рассказа выдает таковое чудо за достоверное событие». Наявність в оповіданні певного містичного елементу, очевидно й примусила цензурний комітет передати «статью эту в комитет цензуры духовной, для предварительного рассмотрения». Одзив духовної цензури було докладено в засіданні 9 вересня: комітет духовної цензури повідомляв, «что, по рассмотрении статьи в корректурных листах, назначаемой для Современника, под названием «Достоверное предание», найдено, что она не может быть одобрена к печатанию, потому что не доказана достоверность описанного в сей статье чуда. При том в ней есть мысли, частью неверные, частью такие которые, по неопределенности своей, могут вести к неверным мыслям. Так напр. принятие таинств покаяния и прощения сочинитель называет «божественным лечением, освежающим заблуждения рас-судка» (с. 37). О боге сказано, что «он есть закон природы» (с. 56). На с. 35 сказано в делах господних ничего нет сверхъестественного... для нас же все должно казаться сверхъестественным». На стр. 24 сказано: «если ты следуешь истинному разуму, так ты христианин». Заслухавши цей одзив, комітет ухвалив «предоставить гг. ценсорам рассматривающим Современник не дозволять статьи этой к напечатанию». (Ленінгр. Центр. Історич. Архів, № 208183, Картон 5961, лл. 72 об.—73, 89 об.).

Цензурна заборона явилась для Плетньова цілковитою несподіванкою: в листі з 17/X. 1841 він жалівся Гроту, що этот № Современника фатальный. Уже прежде цензура запретила одну повесть Квитки в 5 печатных листов, которая была совсем набрана. Теперь еще 3 листа набранных отнимают» (Переписка, 413). А на запитання Грота (в листі з 21/X. 1841): «Ужели повесть Основьяненка так и пропадет?» (там же, с. 414).—Плетньов відповідав (в листі з 28/X. 1841): «Статья Основьяненки уже пропала» (там же, с. 421).

На самого автора ця заборона, здається, не справила надто сильного вражіння. Він, правда, дізнався про це «с сердечным прискорбием», але зараз же втшився згадкою про те, як йому заборонили «брошюрку наставительную в религии, нравственности, затем только, что святая истина рассказывается устами не обросшими волосами», (натяк на заборону «Бесед о спасении души»; див. вище). В забороненій статті він збирається щось зробити й клопочеться отримати оригінал, або коректурні відбитки статті: він просить за це і самого Плетньова (лист з 29/X. 1841), і актора Григор'єва; пору листі до останнього: «для помещения в Современник, я высылал статьи, из которых в прошлом годе одна под названием достоверное предание, якобы не дозволена цензурою и извещают меня, что Фишер (в його друкарні друкувався «Современник», І. А.) удерживает с прочими и эту мою статью. Просите его, что бы возвратил ее, как собственность мою во всей исправности» (І. Айзеншток До історії видань творів Г. Ф. Квітки, Київ, 1927, с. 7).

105. Квітка згадує про святкування одруження наслідника російського, пізніше царя Олександра II, що відбулося 16 квітня 1841 р.

106. Листа Квітчиного до Є. Фішера не збереглося. Об'яву (від книгаря Матвія Заїкина) про «Жизнь и похождения П. С. Столбикова», ч. I вміщено в «Северной Пчеле», 1841, № 100, с. 400.

107. Маємо тут одну з найраніших згадок про Петра Йвановича Григор'єва (так званого Григор'єва I, 1806—1871), актора петербурзьких театрів і відомого в свій час автора багатьох водевілів, оригінальних і перероблених. Під час своїх гастролів у Харкові він познайомився з Квіткою і дістав від нього дозвіл на постановку «Шельменка денщика» в свій бенефіс. Історик харківського театру, М. Черняев, відносить цей приїзд Григор'єва на 1841 р.; тимчасом, насправді він приїздив на Троїцьку ярмарку р. 1840, бо в травні 1841 р. відбувся вже його бенефіс. За відомостями А. Вольфа (Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года, часть II, СПб. 1877, с. 78). «Шельменка-денщика» було поставлено в сезоні 1841—42 рр. сім разів, що за тих часів можна було вважати певним успіхом. Ролью Григор'єва в житті Квітчиному за останні роки до цього часу не з'ясовано; кілька листів Григор'єва до письменника, що ми знайшли в архіві Срезневського та Пушкінському Домі (друкуємо їх окремо), дозволяють біографові відвести йому певну долю уваги. Григор'єв, очевидно, намагався боротися з впливом Плетньова на письменника і, використовуючи окремі дрібні непорозуміння (між іншим, з невдалим виданням творів Квітчиних), перетягти Квітку до іншого табору літературного, що до нього належав і сам Григор'єв. На цьому нам доведеться ще спинитися в дальшій роботі над Квіткою.

108. В «Северной Пчеле» (1841, № 111, з 23/V) вміщено цю рецензію Л. Л.

(В. Межевича) на постанову «Шельменко-денщика», що був поставлений одночасно з двома іншими водевілями, «Феокнист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке», Н. Петепельського (Некрасова) і «Комнатка с отоплением и услугой, или Танцмейстер, и студент» самого Григор'єва І. В афішах «Шельменка» було названо «оригінальною комедією»: це й пояснює початок рецензії. «Русская оригинальная комедия... Сочинение Грицька Основьяненка... Не знаю, как для вас, мои почтенные читатели, а для меня афиша с таким названием, на самом видном месте, была очень заманчива. Но, прежде, знаете ли вы Грицько Основьяненку? Да как не знать этого умного, простодушного малороссийского рассказчика, который так хорошо, так живо, так поэтически изображает нашу Русскую Италию, с ее очаровательным небом, благодатною землею, простодушными обывателями? Или малороссийская грамота не про вас писана? Жалею вас: вы не знаете Грицька Основьяненка! Если вы читали его в переводах на чистый русский язык, для вас потеряна половина той прелести, какой исполнены его малороссийские рассказы.

Но обратимся к нашему предмету. Грицько Основьяненко вступил на драматическое поприще лет около десяти тому назад; первая пьеса, им написанная, была *Дворянские выборы*, комедия. Эта комедия не была издана, но она обратила на себя всеобщее внимание новостью и занимательностью содержания, многими истинно-комическими положениями, прекрасно, верно нарисованными характерами действующих лиц; критики порицали автора за некоторую грубость колорита, за грязноватые краски, за язык тяжелый и не всегда ловкий. За *Дворянскими выборами* (кажется эта комедия состояла из двух частей: второй части мне читать не случилось) последовала другая комедия—*Шельменко*, волостной писарь, на малороссийском языке; в этой комедии автор вошел в свою сферу, и знающие малороссийский язык не могли не читать ее. Потом Г. Основьяненко исключительно занялся повествовательным родом, сначала на малороссийском, а потом на русском языке. В прошлом году, приятели Основьяненки отрыли старую, более десяти лет тому назад написанную им комедию—*Приезжий из столицы*, и напечатали ее в Пантеоне. Этой услугой, приятели, что называется, хватя друга камнем в лоб! До появления этой комедии они нашумели, накричали про нее, как про какое-нибудь новое диво; любители литературы, поверив красноречивым возгласам, с нетерпеливым любопытством ожидали новой русской комедии, которая, будто бы—это все говорили приятели—содержанием своим похожа на *Ревизора*, писана гораздо прежде Гоголевой комедии, и несравненно выше ее. Выходит наконец комедия—истинная комедия! Самые ревностные почитатели таланта Основьяненки едва могли дочесть до конца эту длинную, вялую пьесу; сам автор гораздо лучше приятелей понял, как слаба его комедия, и, обрешив ее на заточение в своем портфеле, вероятно, совершенно забыл про нее, по закону десятилетней давности. На одиннадцатом году, к величайшему его самого удивлению, забытое детище явилось на свет, благодаря услужливости друзей... Уж эти мне друзья, друзья!..

Не знаем, друг или враг шепнул Грицьке Основьяненке сделать из его прекрасной повести *Украинские дипломаты*, комедию в пяти бесконечных действиях... Куда девалась эта прелесть простодушного, без'искусственного рассказа, этот малороссийский юмор, эта неподдельная веселость, которые столько раз срывали улыбку с уст читателя, не давая ему возможности оторваться от книги. Теперь, в течение целых пяти актов, зритель редко, редко улыбнется, а посмеется решительно только в одной сцене».

Розповівши коротко зміст комедії, рецензент продовжує так: «Не смотря на смешную развязку, комедия скучна ужасно; действие идет медленно, тянется целые пять актов, когда и трех, для такого сюжета, было бы за глаза; множество эпизодических, большею частию карикатурных лиц, вместо смеха, который, вероятно, автор думал возбудить в зрителях, возбуждает зевоту; из всех действующих лиц оживлено более других лицо *Шельменка*; прочие—все говорящие куклы или, лучше сказать, попугаи, повторяющие каждый свою поговорку...

К довершению всего, комедия Грицьки Основьяненки была разыграна так плохо, так плохо, как ни какая комедия в свете не разыгрывается. Г-н Григорьев І-й, занимавший главную роль (*Шельменка*), говорил, будто бы, на малороссийском языке; раек тешился, слушая, его грубый жаргон, или просто карикатуру на малороссийский и на русский языки; но для человека, сколько нибудь знакомого с языком Малороссии, слышать г-на Григорьева было просто нестерпимо; он также хорошо говорил по-малороссийски, как те люди, которые выучившись по-самоучителям, где французские склады напечатаны русскими буквами, говорят по-французски: *Комман-ву-портеву воляске-се*, и т. п. О других и говорить нечего: это были лица без теней, ни малороссийские, ни русские, а так, бог знает что такое!»

Очевидно, Квітку найбільше зачепило зневажливе ставлення рецензента до «Приезжего из столицы», натяки на «соперничество с Гоголем», що від нього письменник кілька разів відхрещувався. Сам Григор'єв, у віршованому гумористичному листі до Квітки, ніби намагався перебити кепське вражіння цієї рецензії; він писав так:

Сценическую братью нашу
Вралям журнальным не убить,

Лишь только б благодарность вашу
Могли хоть раз мы заслужить;

На сцене мы легки и вольны,
Вот наши общие слова:
«Будь автор, Публика довольны,
А толк журнальный—трын трава...

Хоть быть бы критике не худо,
Да нет: проси иль не проси,
Благонамеренный покуда
Не существует на Руси.

В цьому ж листі Григор'єв (так само віршами) з'ясовує постать Межевича й наводить другу рецензію його на «Шельменка», вміщену в «Репертуаре». В цій рецензії Межевич каже про комедію: «Если бы сократить ее в половину, она вдвое стала бы лучше. В ней есть сцена,—впрочем не новая,—истинно комическая: это похищение капитаном переодетой Присиньки, которую отец ее, впопыхах, принимает за дочь врага своего, Тпрункевича, и, радуясь случаю огорчить его, приглашает капитана из-под венца прямо к себе в дом, на сговор Присиньки.

Г. Григор'єв I виконав роль Шельменки художнически; жаль тільки, що малоросійський язык его был мѣстами смѣсь наречій велико-російського с белорусским (Не правда! Прим. П. Григор'єва). Г. Каратыгин 2 удачно очертил характер малоросса-увальня и политика задним числом. Г-жа Сосницкая, в лице жены Шпака, была весьма хороша». Навівши цю цитату, Григор'єв додає: «Это говорит тот же г. Л. Л... только поотрезвившись» (лист П. Григор'єва до Г. Квітки переховується в архіві «Русской Старины», в Пушкінському Домі).

109. Останні слова листа Квіткиного з'ясовуються цими рядками з листа Плетньова до Грота (з 13/IV. 1841): «Меня ужасно обманул Квитка. Он еще в начале года сказал, что мемуаров его станет на каждый №. Я и жду все этой статьи, а ее нет до сих пор! Так досадно». (Переписка, т. I, СПб. 1896. с. 316). Певне щось в цьому дусі писав Плетньов і до Квітки. На оригіналі листа рукою Плетньова надписано: «Пол. 6 авг. 1841 в Гельс. Отв. 18 авг. в Петерб.». Майже ціле літо 1841 р. Плетньов перебував разом із Гротом у Финляндії.

110. Як сказано, Плетньов разом із Гротом два місяця прожили спільно—в Гельсінфорсі та в маєтках своїх знайомих, графа Армфельта (Омінне) і Гартмана (Радельма).

111. Квіткині «Предания о Гаркуше» вміщено в «Современнике» (1842, № 1, сс. 1—89; № 2, сс. 1—86). Як характеризує Дм. Багалій, «Квитка, составивши свой рассказ на основании преданий, циркулировавших в местном обществе, столкнулся с двумя взглядами—панским и мужицким; по первому Гаркуша был злодей, одно имя которого приводило в трепет мужчин и женщин; по другому—герой, носитель высшей правды и справедливости. И то и другое было односторонне. И нужно отдать должное Квитке, что он сумел разобратся тут и провести свой трезвый, примиряющий, верный взгляд на деятельность Гаркуши. Он не извращает фактов; он рисует верные сцены, близкие к действительности; он и не замалчивает идейной стороны Гаркуши, но он подвергает ее критике и доказывает несоответствие ее с правом и нравственностью» («Исторические повести и статьи Гр. Фед. Квитки»—Збірник «Просвіта» Харк. Іст. Філол. Т-ва, т. XX. Харків, 1912). Сучасний дослідник (Мик. Горбань) де в чому уточнив цю, загалом вірну характеристику Квіткиного оповідання: він показав, що Квітка, використавши здебільшого усні перекази про Гаркушу, додав певного забарвлення з досить розповсюдженої на ті часи «розбишацької» літератури; підкреслив певний зв'язок між Гаркушею Квіткиним та Шілеровим Карлом Моором. «Подаючи неправдивий ні з погляду історичної дійсності, ні з погляду народніх переказів тип Гаркуші,—борця за відновлення справедливости в панському суспільстві, відходячи від змалювання Гаркуші, як характерника, Квітка використовує ті з народніх переказів, де Гаркуша виступає, як лицар, який допомагає пригнобленим та нещасним. Квітка, всупереч історичній дійсності та народнім переказам, закінчує по суті свої перекази тим, що намагається помирити Гаркушу з суспільством панським». Слідом за Квіткою пішли й інші письменники (от хоч би Стороженко); сталося це тому, що «справжній Гаркуша—гайдамацький ватажок—був би для них незрозумілий, він не міг би стати героєм їхніх творів, у їхніх очах він був би простісіньким розбишакою» (Квіткин «Гаркуша»—Квітко-Основ'яненко. Збірник Інституту Тараса Шевченка. Харків, 1929).

Ми не маємо певних відомостей за цензурну історію «Гаркуші»; можна лише здогадуватися, що він викликав з боку цензорів якісь сумніви: в засіданні петербурзького цензурного комітету 2/XII. 1841 цензор Фрейганг зробив «словесное донесение» «о том, что он представлял на благоусмотрение г. председателя комитета статью Основьяненко, назначенную в Современник, под названием Предания о Гаркуше, и что его сиятельство разрешил одобрить ее к напечатанию» (Ленінгр. Центр. Історичн. Архів. № 208183, картон 5961, арк. 117).

112. На оригіналі рукою Плетньова надписано: «Получ. 13 окт. 1841. Отв. 15 окт. 1841».

113. Мова йде за оповідання «Достоверное предание»; див. вище.

114. При цьому листі додано цю записку рукою Квітки:

«В Харьков. Его высокородию Анне Григорьевне Квитке, на 1842-й год.

Revue étrangère с картинами мод. Feuillet des dames. Magazin pittoresque. Северная пчела. Библиотека для чтения. Репертуар и пантеон театров.

Сверх того, если не затруднительно, один из франц. кипсаков на 1841 год».

115. На оригінали цього листа рукою Плетньова надписано: «П. 11 ноябр. 1841. О. 14...».

116. В листі до А. Краєвського з 25/X. 1841, Квітка просив: «по прилагаемой записке подписать по адресу на получение французских журналов и, если можно, с первою почтою выслать билеты, чтобы подписавшаяся была обеспечена и не упустила бы срока для подписки. Если бы я знал, что не отягощу Вас издержками сверх нашего счета, в надежде удовлетворить Вас, то я просил бы и еще некоторых изданий, за что и поспешил-бы расплатиться одною-другою статьею, но без Вашего объяснения не говорю ничего». А 28/XII. 1841, відповідаючи на лист Краєвського, що не дійшов до нас, Квітка писав: «От души благодарю Вас за все безпокойство к очищению счетов наших, и чрез то моя жена снабжена на целый год сведениями о франц. литературе. В долгу не останусь у Вас, вышлю Вам—не знаю когда за, отвлечениями—и не знаю еще что». І ще 7/II. 1842: «Благодаря Вашему старанию, все выписанные Вами франц. журналы на имя жены моей получают исправно, выключая Journal général de la littérature de France, которого и до сего времени нет в получении, а может быть по каким-нибудь расчетам, не нашим, они и не будут высылаемы; в таком случае я просил бы, если только можно сделать эту перемену, чтобы вместо того Journal de la lit. etc. выписать для нас же на имя жены моей «Отечеств. Записки» 42 года».

117. 19 жовтня 1841 Плетньов, разом з деякими іншими особами, був затверджений на академіка новозаснованого 2-го відділу імпер. Академії Наук (що утворився замість колишньої Російської Академії). Цікаво зіставити лист Квітки до Плетньова з цими рядками, написаними ним до Погодіна з того ж таки приводу: «...Не знаю, я провинциал, х у т о р я н и н, не знаю, что и за две версты от меня делается, и потому мне простительно мыслить, что благодетельное правительство, видя что проказа может усилиться, приступило к действию, возстановило опеку над угнетенным Русским словом и предоставило ей волю действовать для спасения гонимого сироты; для чего и избраны в опекуны мужи, знающие дело, ревности исполненные, с твердою волею, с силою, могущею поднять и поддержать упавшаго почти, отогнать далеко крамольников и поставить его на незыблемом основании. Действуйте же, г.г. опекуны, не одними рассуждениями, академическими речами, доказательствами; мы их прочтем, скажем «хорошо, правильно», а шмели или хотя и пчелы, даже северные, будут жужжать свое, а мы останемся на распутьи, с растопыренными руками, разинутым ртом, спрашивая самих себя: куда же идти. Нет, не просите власть и силу преследовать сапожника, чтобы не шил кафтанов; он и выкройки не знает, и нарядит в с е х шутами. Иначе не спасете вы нашего слова и вотще все ваши труды и заботы etc. etc. Много можно бы еще сказать, но вы все знаете». (Николай Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VI, СПб, 1892, сс. 246—247). На самого Плетньова це призначення, здається, не зробило великого вражіння: принаймні в листах до свого постійного кореспондента, Я. Грота, він обмежується лише короткими, фактичними повідомленнями (див. Переписка..., т. I, СПб. 1896, сс. 421, 423). В листі ж з 7. XI. 1841 він подає низку досить песимістичних зауважень: «Я не думаю, чтобы можно было сделать что-нибудь в академии. Ведь литература—не химия и не математика. Тут усердием и сиденьем не возьмешь ничего. Разве много-много, что подготовишь статью в лексикон и грамматику; а я и не считаю этого за дело, и не люблю этим заниматься. Конечно, черная работа есть настоящая цель всех академий, кроме, однакож, академии литературы и художеств. Странно, что последняя у нас уничтожена и предоставлено в ней свободно заниматься одним талантам,—а из русской академии, в эту же эпоху, захотели сделать рабочую языка. Да ведь язык творится не в кузнице, а в возданиях людей гениальных. Итак, лучше бы или совсем уничтожить и русскую академию, предоставив всем заниматься каждому про себя, или определить быть ее членами одним гениальным писателям, как Крылов, Жуковский, отдав эту почесть их талантам, подобно тому, как для придворных высших должностей не избираются способные люди, а знатные и богатые» (там же, сс. 429—430). Треба проте зауважити, що, розпочавши роботу в Академії Плетньов зробив для неї чимало, як про те свідчать спеціально академічні некрологи та згадки (див. статті Я. Грота. «О Плетневе» в «Трудах Я. К. Грота, т. III, сс. 288—319).

118. Мова йде про «Звездочку», «журнал для детей, посвященный благородным воспитанницам Института ея императорского величества», що його з початку 1842 року видавала О. Й. Ішимова. Плетньов записав Квітку в найближчі співробітники нового журналу, вважаючи його причетним до вузького кола своїх однодумців; згадаймо цю цитату з його листа до Я. Грота (з 16. V. 1841): «в России только три человека меня во чтонибудь ценят: это ты, Александра Осиповна и Квитка. С меня этого так довольно, что еще в голову не приходило мне желаний, как прибавить четвертого». (Переписка..., т. I, 352). Або в листі з 4. XI. 1841: «Отечественные Записки о нас (тебе, Квитке, Александре Осиповне и мне) отзываются сквозь зубы, нехотя и рады-рады бывают, когда могут к некоторой похвале приклеить косвенную прибранку» (там само сс. 425—426).

В «Звездочке» Квітка надрукував дві речі: оповідання «Умные дети» та «О святой мученице Александре царице».

В архіві Срезневського (Бібліотека Академії Наук СРСР, Рукописний відділ), поміж інших паперів Квітчиних переховується цей лист Ішимової до Квітки:

Милостивый государь, Григорий Федорович! Вообразите мое удивление, когда недели полторы тому назад я узнала из письма Вашего к Петру Александровичу (что) Вы послали пакет на мое имя в магазин Юнгмейстера еще в июне месяце. Я послала сейчас в этот магазин и однако не прежде как третьяго дня получила этот пакет, по счастью в совершенной целости. И так вы видите почтеннейший Григорий Федорович, что я не виновата в том, что Ваше обязательное письмо оставалось до сих пор без ответа. Меня очень огорчает это, но надеюсь, что Вы будете справедливы и не будете сетовать на меня за вину нашего неаккуратного книгопродавца. Статью Вашу я читала с тем наслаждением, какое я привыкла находить за чтением всех Ваших произведений. Она будет помещена в одном из будущих №№ Звездочки 1843 года.

Мне очень приятно было видеть из письма Вашего, что и Вы, и милостивая государыня Анна Григорьевна принимает участие в моем маленьком журнале и даже, не имея детей, уделяете несколько минут на чтение его. Благодарю Вас много за это внимание: оно всегда приятно авторскому самолюбию.

Но что это, почтеннейший Григорий Федорович, мы давно уже ничего не читали Вашего. Какое удовольствие доставляли мне всегда Ваши повести. Я имела случай часто читать их вслух, и всегда слушатели мои были в восхищении. Вероятно настоящая деятельность Ваша и болезнь, которую Вы упоминаете в письме Вашем ко мне от 12 июня,—виною того, что мы лишены теперь наслаждения какое перо Ваше доставляет всем истинным любителям литературы.

Свидетельствуя мое искреннее почтение Вам и супруге Вашей, остаюсь уважающий Вас и готовый к услугам Вашим

Александра Ишимова.

28-е ноября 1842, С.-Петербург. В. О. между 5 и 6 линиями в доме Алексева.

119. В архіві Плетньова зберігся лист Квітчин до В. Жуковського, що про нього згадує письменник у цьому листі: очевидно, Плетньов не передав його адресатові. Наводимо цей лист тут:

Милостивый государь, Василий Андреевич! Удостоенный лестного внимания Вашего превосходительства в проезд Ваш через Харьков и приняв совет Ваш, писать сцены из губернского быта и дворянских выборов, я свел все в одной повести и поставил лицо страдающее от различных угнетений, не без разсудка вовсе, но как по корыстолюбивым видам гонимого до того, что его лишили даже воспитания, на которое он по роду и состоянию своему, имел полное право. За отнятием сего блага он страдал от того, везде и от всех, целую жизнь свою. Притом-же, я полагал, что если он будет умнее, то он не с той уже точки будет смотреть на вещи и на все встречающееся ему и перескажет уже не так, как прилично с понятиями одному ему свойственными.

Сохраняя в душе моей чувствительную благодарность за Ваше снисходительное обозрение, я осмелился моего гонимого судьбою Столбикова посвятить имени Вашего превосходительства и просить о снисходительном принятии его в милостивое Ваше внимание, равно не отвергнуть уверения в неограниченном уважении и не лестной преданности к Вам.

Милостивый государь Вашего превосходительства всепокорнейшего слуги

Григория Квитки.

3 декабря. 41. Харьков.

120. Мова, певно, йде про книжки О. Ішимової, «История России в рассказах для детей» (СПб. 1837—1840, 6 кн.). Видання це мало великий успіх, надруковано за рахунок Академії Наук, авторові даровано постійну пенсію в 300 карб. ас. і присуджено демидовську премію в 2500 крб. Року 1841 вийшло друге видання «Истории»: про нього, мабуть, і згадує Квітка.

121. Квітка має на оці цей лист Є. Фішера з 20. І. 1842, що переховується нині в архіві Плетньова (Пушкінський Дім):

Милостивый государь, Григорий Федорович! Чтобы в полной мере удовлетворить желанию вашему подробным и обстоятельным ответом, я должен сказать вам, что: конец 2-ой части Столбикова, не смотря на все мои старания не был пропущен цензурою.

Что касается до перепечатывания и поправок автора, по напечатании первой части, у нас на сей счет не было даже и переговоров с Петром Александровичем, потому что со всем моим желанием сделать вам приятное, я не мог бы на то согласиться.

Халявского напечатано две тысячи экз.; из коих первая тысяча выпущена первым, а вторая вторым изданием. Это сделано с согласия г. Плетнева, дабы противодействовать недоброжелательству журналистов.

Столбикова также напечатано две тысячи экз. и предназначается, подобно Халявскому, первую выпустить первым, а вторую—вторым изданием.

При издании на половину обе стороны участвующих пользуются одинаковыми правами, а потому, как вам с Петром Александровичем было доставлено—20 экз. Халявского, то и у меня также оставлено для раздачи тоже количество; сверх того для

цензуры—7, для типографии—1, для журналистов—12, что составит еще 20; и того всего 60 экземпляров, как показано в доставленном вам отчете.

Для Столбикова делается тоже распоряжение; при сем посылается вам для пополнения 1-ой и 2-ой части по 7 экз., а 3-ей части Столбикова—15 экз., чтобы составить равное количество обоих изданий.

По желанию вашему отдан в переплет один экз. для В. А. Жуковского и будет доставлен г. Плетневу.

Петру Александровичу ничего не уплачено, и как вы увидите из расчета не из чего было еще уплачивать, ибо и по сию пору, даже и материальные издержки конторы не оплатились.

Впрочем не пеняйте ни на мою деятельность, ни на старания Петра Александровича, ни на публику, которая радушным приемом не ознаменовала появление в свет Собрания ваших сочинений.—Вы, как честный и прямой человек высказали в превосходной статье вашей *Званые гости* журналистам ваше мнение;—а Петр Ал., не думав что правда глаза колит, не думав о зависти, поспешил поделиться превосходной критикой вашей с публикою. Вот маленькая обоюдная неосторожность ваша, которая задела всех журналистов и они или молчанием или ничтожным суждением встретили появление ваших сочинений. Впрочем, смею просить вас, не теряйте терпения и бодрости; с честными и прямыми людьми на первый раз всегда бывают почти неудачи, потому что они судят о людях по себе, идут не предусматривая неприятностей и неудач. Правда возмет свое. Халявский, которого первая часть была прежде в журналах расхвалена и одобрена, идет, как вы увидите,—хорошо; но Столбиков—очень туго. Я хочу дать время журналистам успокоиться и тогда приму с ними свои меры. Хоть в сем случае я более других страдаю, но умею ценить Званых гостей, тонкость суждений и прямоту критики.

С истинным почтением и совершенною преданностью пребыть честь имею,
20 января 1842. Ваш всепокорнейший слуга Егор Фишер.

При цьому листі додано й грошові звіти на видання «Пана Халявського» і «Столбикова».

Отчет по изданию и продаже Пана Халявского и Столбикова.

Издержки по изданию Халявского

Бумага, набор, корректура, брошюровка, печатание и проч.	1230
Проценты по 6 ⁰ / ₁₀ со всего оборотного капитала	120
Итого	1350 р. с.
По 1 января сего 1842 г. продано 850 экз. по рублю сер., а за исключением 9 ⁰ / ₁₀ комиссионных поступило на уплату	764
К 1 янв. 1842 г. остается неуплаченных издержек	596
За исключением 60 экз. безденежно розданных остается на лицо для продажи: Халявского	1090 экз.
Полагая по объявленной цене 1 ¹ / ₂ р. с. за каждый экз., составит	1608
За исключением 6 ⁰ / ₁₀ по конторе и 20 ⁰ / ₁₀ книгопродавцам комис.	321
Следует получить чистой выручки за все экз.	1187 р. с.

Отчет по изданию и продаже Столбикова.

Издержки по изданию Столбикова

Бумага, набор, коррект., брошюровка, печатание и проч.	1710
Проценты по 6 ⁰ / ₁₀ со всего оборотного капитала	120
Итого	1830 р. с.
Продано по частям 150 вместо 40 экз. всего 190 экз. по 2 ¹ / ₄ р. с. за исключением 9 ⁰ / ₁₀ комис. поступили в уплату	398
К 1 января 1842 г. остается неуплаченных издержек	1432
За исключением 60 экз. безденежно розданных остается на лицо для продажи: Столбикова	1750 экз.
По объявленной цене полагается по 2 ¹ / ₂ р. экз. что составит	3375
За исключением 6 ⁰ / ₁₀ конторе	202
И 20 ⁰ / ₁₀ комм. книгопродавцам	675
Следует получить чистой выручки за все экз.	2498

Отже, за підрахунком Фішера на 1. І. 1842 лишається несплачених видатків на суму 2028 крб. сер., а, за вирахованням цих грошей, після продажу всіх примірників авторів лишається—1647 крб. сер. Детальніші свої міркування щодо цього рахунку Квітка подав в опублікованій нами записці-листі (мабуть до П. Григор'єва) «О моих счетах с г. Фишером» (див. І. Айзеншток, До історії видань творів Г. Ф. Квітки, Київ, 1927, сс. 4—8).

122. На оригіналі цього листа рукою П. Плетньова написано: «П. 20 февр. 1842. О. 20 февр. 1842».

123. Останні рядки Плетньов зрозумів як приховану відмову від дальшої участі «Современнике». Ми, правда, не знаємо змісту його листа до самого Квітки, проте

в листі до Я. Грота з 7. III. 1842 він пише так: «Мой главный сотрудник, Квитка, повидому, оставляет меня. Я не в состоянии был исполнить всех его комиссий—и это его охладило. Пускай попробует иметь дело с другими журналистами. Может быть, и возвратится ко мне. Кажется, он не убежден, что я жертвовал ему до нельзя по одному капризу продолжать Современник» (Переписка..., т. I. СПб. 1896, с. 500). А в листі з 7. VI. 1842, він клопочеться притягти графиню Ростопчину до вузького, замкнутого кола «Современника». «Мне очень хочется,—пише він,—что бы сообщая нам удалось ее приблизить к нашему единомыслящему кружку, особенно на убылое место Основьяненки, который, как мне начинает казаться, не совсем меня понимал» (там же, с. 559). На що Грот, який взагалі ставився до Основ'яненка з меншим запалом, аніж Плетньов, відповідав (у листі з 2. VII. 1842). «Что касается до Основьяненки, то... он по настоящему никогда не принадлежал к нам; сочинения какие бы ни были, никак еще не могут служить представителями лица, а мы его лица вовсе не знали. Довольно и того, что нашлось как-то три человека, которые совершенно понимают друг друга; искать еще четвертого есть мысль дерзкая и несбыточная» (там же, с. 561).

Проте, в той же самий час Плетньов звернувся до Квітки з листом (з 10. VI. 1842), що зберігся серед листів письменника в архіві Срезневського (Бібл. Акад. Наук. СРСР, Рукописний відділ):

«Давно я собирался писать к Вам, добрые и милые друзья мои Анна Григорьевна и Григорий Федорович. Между тем все хотелось мне выждать сроку, чтобы с письмом и № 2 Современника отправить. Но вообразите, до какой степени преследует меня Фишер, доведший до разстройства все дела мои по изданию журнала. Вторая книжка была готова еще на Пасхе. Я оставался несколько должен ему за набор. Как, по совершенной невяжке подписчиков нынешний год по его же милости, вдруг нечем было заплатить ему, он почти два месяца не выпускал эту книжку из типографии, пока я, получив за майскую треть жалованье, не расплатился, наконец, с ним. А между тем у него остаются мои две тысячи рублей, которые он взял при начале издания Столбикова, и которых не намерен возвратить мне, пока не разоидется издание этой книги.

Теперь, конечно, не прибудет подписчиков, если уж № 2 так неаккуратно вышел. Но я радехонек, что выпутался от хлопот перед публикою.

Сегодня в первый раз в жизни обрадовала меня Сев. Пчела. Я в ней прочитал, что Вы Григорий Федорович, высочайше утверждены председателем Хар. Палаты уголовного суда. Вот доказательство, что правда и заслуга всегда торжествуют над происками и кознями. От всего сердца поздравляю Вас и Анну Григорьевну с этим знаком высочайшего благоволения.

Исправно ли Вы получаете Звездочку, и у Вас в Харькове нравятся ли детям этот журнал. Издательница, утомившись работою, отправилась на лето с моею дочерью в Гельсингфорс на воды; а я теперь, кроме Современника, издаю и Звездочку. Здесь был Гоголь опять уехавший в Рим. Для № 3 Современника он мне дал переделанную старую свою повесть Портрет. Вышел его Чичиков или Мертвые Души. Не верьте Сев. Пчеле, она по обыкновению клеветает. Это такая прелесть, какой и не бывало в Русск. Литер.

Лето я проведу в Петербурге, не имея возможности оторваться от дел.

Будьте здоровы, и да поможет Вам господь бог благополучно управиться с Палатою.

10 июня 1842 С. Петербург.

Душевно преданный Вам П. Плетнев.

124. На оригіналі рукою Плетньова написано: «Отв. 24 февр. 1842».

125. В листі до Я. Грота (з 11. XI. 1842) Плетньов у цих словах оповіщає про одержаний від Квітки лист: «Принесли ко мне письмо от Квитки, который (малоросс) спохватился видно, догадавшись по об'явлению, что я и без него не унываю. Всю вину молчания своего сваливать на какого-то родственника, которому-де летом поручал со мною видетсья, а тот сего не исполнил. Об'являет, что хочет попробовать свойства новых журналистов. Я рад, пускай попробует, да и сравнит». (Переписка, т. I. СПб. 1896, с. 637). А на запитання свого кореспондента: «Кого ты разумеешь под словом: новые журналисты, которых Квитка хочет попробовать» (там же, с. 639),—Плетньов пояснював: «Квитка называет всех журналистов новыми, с кем он еще не имел литературных, т. е. по нынешнему денежных сделок, наприм.: Кони, Полевого, Булгарина, Погодина и прочую братию» (там же, с. 646).

126. Квітка має на оці одержаний ним, певно, в жовтні 1842 лист актора П. Григор'єва, нового його конфідента, який писав так:

«Не мог еще сразу выведать всех тайн... да авось, какнибудь обработаю. Перепельский мне сказывал, что и Столбикова наверно продано уже до 1000 экземпляров, а Фишер пишет вам, что не может выручить и своих денег. Помилуйте, да когда я стал нарочно, некоторым издателям говорить так: «скажите, как невыгодно издавать соч. Основьяненка, бедный Фишер говорят в убытке от этих изданий, и проч.: так мне все в глаза смеялись, а иной отвечал: да, я-бы желал быть в таком убытке как Фишер; он вот издал Столбикова-то, да нам дал на комиссию по немножку; мы продали, хотели было взять еще экземпляров, однако, он сам продает, видно смекнул и поддерживает цену, потому, что у нас любили чи-

тать Основьяненку-то и проч. Вот вам глаголы некоторых книгопродавцев. У кого я не был из них везде отвечают: были экземпляры, да все проданы-с. Также конторщик Отеч: записок Иванов обещал мне получше разведать кое-что о плутнях Фишера и я жду с нетерпением.—С вашим-же открыто просительным письмом ко мне, о отобрании точных доходов с ваших сочинений, я бы отправился в канцелярию графа Бенкендорфа, и начальник штаба генерал Дубельт, разом-бы сделал для меня точную разделку и расчет. Славный генерал этот Леонтий Васильевич, любит артистов и не отказывает ни в какой справедливой просьбе. Поверьте, что тогда привилегированная типография Фишера отпечатаала-бы ясно, что она скрывала в себе привилегированного плута-издателя.

Во избежание же всех могущих впредь быть обманов и плутней—без церемонии, просто пришлите ко мне, какая есть у вас новая рукопись, я вам напечатаю ее вдвое красивее Фишеровой и втрое дешевле, тогда вы увидите что будете иметь от своих прекрасных сочинений в короткое время. Право, нет-ли у вас нового романа, или чего другого интересного я-бы с помощью наших литераторов издал так, как только вам угодно. Я много кое-что на свой счет из своих соч: печатал и знаю все главные расходы; тут важнее всего две вещи: 35 р. (ассиг.) за напечатание каждого листа; и еще, какую возьмешь бумагу, т. е. 12, 15, 20 и 22 р. стопа.

А это будет зависеть от вашего желания. Корректору читать я могу сам... одним словом, чтоб показать, сколько вы потеряли от Фишера, я прошу вас прислать мне чтонибудь напечатать и вы увидите как может быть полезен ваш слуга П. Григорьев».

127. На оригіналі рукою Плетньова написано: «П. 9 нояб. 1842. 10 нояб. 1842». Відповідь ця збереглася в архіві Срезневського, і ми наводимо її тут:

10 ноября 1842 Санкт-Петербург.

Вы угадали, почтеннейший Григорий Федорович, что после всех моих писем, молчание Ваше тронуло меня до глубины сердца. В утешение приходило мне на мысль только то, что, связаны будучи хлопотливою и ответственною должностью, Вы не властны располагать своим временем—и решились пожертвовать всем этому высокому долгу. Наконец я теперь утешен и могу надеяться иногда по-прежнему читать эти строки исполненные веселости и задушевности, остроумия или участия.

Меня больше всего радует, что занятия литературные не совсем чужды Вам и посреди забот тягостной службы. Продолжайте их: нам они доставляют лучшие уроки, а Вас могут развлекать. Я уверен: к кому бы Вы ни обратились из новых или старых журналистов—все они примут Вас с разверстыми объятиями. Дай бог, чтобы и продолжение издания прежних сочинений тронулось. Уже ли земля только и населена издателями, что Фишер. Этот человек отравил в моей душе лучшие чувства. Я бросил ему с презрением те деньги, которые так хотелось ему захватить. Впрочем ссудив его не только без векселя, но даже без всякой записки, что я мог начать с ним делать. Ведь не вести же мне его за две тысячи при колокольном звоне к присяге в Казанский Собор. Печатаю журнал в его типографии для единообразия журнала. Все дела сосредоточил в его факторе, а о нем и речи не бывает.

Я сообщил А. О. Ишимовой о Вашей статье, посланной к Юнгмейстеру. Она поручила мне чувствительнейше благодарить Вас за это лестное внимание к Звездочке.

Прошу Вас покорнейше засвидетельствовать глубочайшее почтение мое Анне Григорьевне.

Раздробление журнала на 12 №№ сделано мною единственно для аккуратнейшего выпуска. А то всегда толстую книжку откладывают до последнего месяца. Нынешнего года выгоды мои были по-прежнему, т. е. я приплатил в лавку за бумагу и в типограф. за печать собственных денег 5 т. руб.— Душевно преданный Вам П. Плетнев.

128. Поясненням до цього оповідання може стати лист небога Квіткиного, В. А. Квітки до біографа письменника, Г. Данилевського, про взаємини між двома братами, Грицьком та Андрієм. «Состояние моего деда, отца его—пишет В. А. Квітка,—хотя довольно значительное, не было достаточно для поддержания требований по месту, занимаемому моим отцом (место губернского предводителя дворянства, в продолжении девяти курсов), если бы оно разделилось между двумя братьями, поровну: Дядя мой, без принуждения и малейшего колебания, отказался от своей части, и уже во всю свою жизнь только довольствовался небольшим, в сравнении с именем моего отца, капиталом в 40000 руб. ассиг. Эта жертва, с одной стороны, удовлетворяла его семейное честолюбие, а с другой—его любовь и преданность к брату. Старший брат был верховным существом в его глазах». (Г. Данилевський, «Украинская Старина». Харків, 1866, с. 223). Отже сварка з братом не тільки впливала на письменника морально, але й відбивалася на його економічному стані.

129. На оригіналі листа рукою Плетньова написано: «П. 15 мая 1843. О. 9 июня 1843».

130. Г. Данилевський, який видрукував свого часу уривки цього листа («Украинская Старина», с. 247), подав і відповідь П. Григор'єва про свою візиту до Плетньова. «У г. П-ва (надруковано И-ва, але це очевидна помилка, бо треба розуміти: Плетньов. (І. А.) сидел я в час и, разумеется, высказал прямо все, что Вы и я думаем о ** (треба

думати: Фішера І. А.). И вот, слова его превосходительства:—Ах, боже мой, как я и сам страдаю от плутней этого негодяя. Надо же быть моему несчастью, что я свел Гр. Федорича с ним именно в ту эпоху, когда считал его честнейшим человеком. А теперь мне и жалко и досадно, но... как быть. Я решительно не могу тут ничего сделать; я даже бранился с ним, поверьте мне, однако, ничто не подействовало. Это какой-то хладнокровный и смелый плут, который умеет дать ответ всякому, и т. д.» (там же, с. 247). Ми не знаємо, чим закінчилися всілякі переговори з Фішером; довідуємося тільки, що вони тривали навіть після смерти письменника. 12. IV. 1844 Плетньов пише Гротові, що читав великій княжні Ользі Миколаївні стару повість Основ'яненка, «Божьи дети». «Она так была восхищена, что предлагала мне капитал для издания полного собрания его сочинений. Я пока отклонил это: ибо у Фишера со вдовою Квитки за «Столбикова» еще идет род процесса». (Переписка, т. II, СПб. 1896, с. 228).

ЛИСТУВАННЯ Я. ГОЛОВАЦЬКОГО З О. БОДЯНСЬКИМ (1843—1876 рр.).

У своїх „Причинках до історії культурного життя Галицької Руси в літах 1833—47“, що являються передмовою до другого монументального тому „Кореспонденції Якова Головацького (Збірник фільологічної Секції Н. Т-ва ім. Шевченка т. XI і XII 1909 р. сс. LVII—LVIII) акад. К. О. Студинський подав коротку, але вичерпуючу характеристику взаємовідносин і листування між Головацьким і Бодянським протягом довгих років. Вважаємо доцільним навести уривок цей у цілому: „Не мало заслужився для духового розвою Якова Головацького, писав двадцять років тому акад. Студинський, ще один з українських письменників, Осип Бодянський¹⁾. Особисто зустрівся з ним Головацький доперва в р. 1867 в Москві в часі ентографічної вистави, однак кореспондувати почали вони з собою двацять і кількома літами раньше. Подорожуючи по слав'янських землях (в р. 1837—42), хотів Бодянський двічі заїхати до Львова, однак ані в р. 1837, ані під кінець його подорожи не довело ся йому сего пляну здійснити. Осеню 1837 р. задержано його в Бродах для двонедільної квантини з причини чуми в Одессі, тому поїхав він через Варшаву до Праги. В р. 1842 мав він намір прибути до Львова враз з Срезневським, однак і тоді, за для недуги поїхав він впрост до Москви. Рівнож не завернув він до Галичини в часі своєї подорожи в р. 1864.

Кореспонденція між Головацьким і Бодянським завязала ся головно з приводу пісень, які Головацький зібрав і передав Бодянському до друку, стративши надію видати їх в Галичині з причини цензурних перепон. Бодянський передав рукопись Головацького московському обществу „історіи и древностей“, яке взяло друк на себе і остаточно, завдяки Бодянському, довело його до кінця²⁾.

Досі листи Бодянського до Головацького не віднайшлися. Однак в листах Запа до Головацького маємо дрібні вісті про це листування. На поч. 1843 р. переслав Бодянський через Дворжака Як. Головацькому свої „Наські українські казки“³⁾. Небавом жадав він через Запа від Головацького присилки кількох галицько-руських пісень для задуманої ним всеславянської хрестоматії⁴⁾. При кінці 1843 р. просив Бодянський через Запа о десять пісень і о десять казок⁵⁾, які Головацький вислав з поч. 1844 р. через Запа враз з листом⁶⁾. Небавом переслав Зап Головацькому лист від Бодянського, який забовязав ся прислати йому книжок на 400 рублів потім наспів лист Бодянського на руки Шафаріка⁷⁾ і приречені книжки⁸⁾, між якими, поруч великоруських наукових студій, можна було стрінати майже всі, визначніші українські видання. Нема сумніву, що прислані Бодянським книжки розширювали овид Головацького та

1) Окрім Платона Лукашевича, М. Максимовича й І. Срезневського. Ф. С.

2) Як. Головацький, Замѣтки и дополненія к статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ „Вѣстникѣ Европы за 1885 и 1886 годы“. Вильна, 1886, сс. 41—7. Також Свѣнцицькій, Обзоръ сношеній, с. 70.

3) Лист ч. 39, В. V. 43. 4) Лист ч. 45, 12. IX. 43. 5) Лист ч. 48 і 51. 30. XII. 43 і 20. I. 44. 6) Лист ч. 51. 19. IV. 44. 7) Лист ч. 55, 31. VI. 44. 8) Лист ч. 72—79. II. VI. 45 і 12. II. 46.

заохочували його до наукової та літературної праці. В заміну інформував Головацький Бодянського про успіхи народного життя і літературного розвою галицької Русі¹⁾, а кореспонденція між ними тревала через весь час печатання пісень Головацького аж по кінець життя Бодянського (в р. 1877)²⁾.

У рукописній бібліотеці покійного ростовського (на Ярославщині) бібліофіла А. О. Титова за ч. 1482 пощастило мені знайти збірку невиданих листів Я. Головацького до Бодянського загальною кількістю 19. Всі вони датовані й за винятком одного—з 28 вересня 1860 р.—на них зазначено рукою Бодянського коли їх було одержано. Писано їх на поштовому папері двох форматів—в четвірку й шіснадцятку. Три листи на папері зеленого кольору й на трьох знаходимо гарні гравюри тогочасного Львова.

До першого хронологічно листа Головацького з осені 1843 р., підписаного криптонімом Яцько Чепеленько, на тонесенькому для зручності пересилки папері²⁾ додано згідно з проханням Бодянського 11 пісень, 12 колядок, дві поезії Шашкевича й одну Устіяновича. Пісні ці мав Бодянський друкувати у Всеслов'янській хрестоматії, яка не з'явилася в світ. Всі вони вміщені до збірника пісень Головацького 1878 р. Тут же знаходимо переплетеними до збірника листів 33 слов'янських пісні на 4 стор. пошт. формату, які Бодянському переслав Степан Враз. До листа з 26 липня 1846 р. додав Головацький „Выпись съ книгъ кгородскихъ Воеводства Киевского“ (1622 р.).

Дізнавшись про мою знахідку листів Головацького, високозаслужений видавець „Кореспонденції Головацького“, заступник голови в Комісії Західної України ВУАН, акад. К. Студинський був ласкавий передати мені ще 6 листів Головацького й 4 листи Бодянського до Головацького, за що висловлюю йому тут свою щирю подяку. Друкується (в хронологічному порядку й за правописом оригіналу) в цілому 31 лист: 27—Головацького й 4 Бодянського.

Ці листи Головацького, з яких лише один III-й був надрукований акад. Студинським в вищезазначеному томі Кореспонденції Головацького, сс. 414—416, мають першорядне значіння для висвітлення літературної творчості середини минулого століття в Галичині та її культурного зв'язку з Україною. Ще більше значіння мають вони для історії збирання й публікації 4-х томової збірки пісень Головацького, що їх випустив у світ в 1878 Бодянський у виданнях „Общества Истории и древностей российских при Московском Университете“, секретарем якого він тоді був.

Особливо цікаві перші листи Головацького, в яких ще палав патріотичний вогонь „Руської тройци“. Такі мотиви брешуть в першому листі з осені 1843 р., коли він писав: „Большу надѣю маємо на своихъ молодыхъ братьевъ въ своемъ краю, усе то больше розпростроняєся духъ руській, всѣ ради бы килько силы помагати и подносити—будити народность, всюды займаєся Рущина, молоди и старымъ дрѣманамъ не дають заспати, але принукують до дѣланія“.

Ще в конкретнішій і яскравішій формі знаходимо ці думки й особливо щодо розвитку українського письменства в Галичині другої чверти минулого століття в III-му листі з осені 1844 року. „Аж недавно—от коло десять лѣтъ тому або щось більше назад, якъ зачався появляти духъ иншій—духъ руській.—Нѣ геній не пробудивъ здрѣмалу народність,

¹⁾ Лист ч. 242, стр. 15. IV. 1849.

²⁾ Так зробити прохав його К. В. Зап в листі з 12. IX. 1843 р. (Коресп. Голов. ч. 45).

нъ жадне важне происшествіе не потрясло народомъ — хиба гром, котрый усусѣдствѣ загремѣвъ або прикладъ другихъ словенськихъ народывъ прочунавъ и насъ. Зразу показалися лишень деяки вѣрши, пригодови радостни або печальни—котри ледве не зовсѣмъ выраховавъ панъ Максимовичъ у Кіевлянинѣ и дуже милосердно и ласкаво осудивъ.—Потому минуло рікъ, два, непоказалося нѣчого—здавався вже первый огонь народнои словесности пригасити! Але нѣтъ! не погасъ тотъ священный огонь, лишъ тихо разжаровався, щобы ще яснѣйше розсвѣтити пѣтму нашого обзора.—И от теперка показалося одного року бѣльше книжокъ, чимъ у передъ за кильканадцѣтъ—и то не полулистовки вѣрши, або переводы, не однохвильниі плоды, але труды кильколѣтніи, не Поляками выдавани пѣсни народни, котри хотѣли намъ свою азбуку польську накинуги и до своей словесности нашу прилѣпити, не сварки та перетаки за азбуку,—але грубшіи книжки таки Русинами для Русинивъ видани. Побѣдивъ руській духъ“.

У цьому ж листі Головацький порівнює положення української літератури з сербською:—„Видко изъ того, що Галицько руськую Словесность подобна доля спіткала як Сербськую, и у насъ заносится на супереку меже чисто народнымъ слогомъ (котрого защитникомъ у Сербивъ бувъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ), та й межи мѣшанымъ макаронизованимъ хотя думаю у нас ледви найдутся таки загонисти и запекли поборники церковно-словенського языка якъ у Сербивъ, але надѣя, що изъ лучшимъ пізнаньемъ народного домашного языка и Словесности народнои, котра на Украинѣ процвѣтає, перемаже сторона народна“.

Через рік в грудні 1845 р. (лист IV-й), Головацький один із вищезгаданої „руської трійки“¹⁾ пояснює, чому він, оповідаючи в своїх листах про руські новинки згадує ще про польські та німецькі книжки: „Така то наша доля, що по чужих щєблях лѣзти мусимо абы ся свого дохрапати.—Народність руська не загибла, жіє, крѣпится, та не з одним ворогом боротися мусить.—В Галиціи ж польщина все приголомшила, подавила Русь.—Русин просвѣщенный встыдаєся свого языка, хопаєся польского; ним говорит, орудує—лекше му изяснитися на польским, наученим в школѣ и обществах, як на своѣм природженым. Для того и декотрѣ Русине пишут по польски.—При тѣм польский язык оброблений, из установленными правилами, на против руській слобідний в устах народа до сего часу сим пофалитися не може“.

„Молодше поколѣньє жадає народного языка в Словесности—додає він у тому-ж листі трохи далі—старе не здужає свого будинку підпирати. Из того распря меж молодым и старым поколѣньем, але у нас нема жадноѣ рускоѣ часописи, польскіѣ и нѣмецкіѣ не пріймают, для того та справа выточилася аж на великій базаръ Липській в „Іордановую Лѣтопись Слав. Лит.“—

Вже на початку свого V-го відомого нам листа, що його було написано 26-го липня 1846 р., а попав він до рук Бодянського лише 7-го жовтня, Головацький пояснив, що він не винен в тому, що його відповідь на листа Бодянського з 9 квітня десь загинула на пошті. Він у трохи наївному тоні висловлював своє здивовання, куди подівся лист, не втрачаючи надії, що може він надійде пізніше.

Але коротенька згадка про його зміст,—за колѣвщину и палѣвщину, яка сего року подѣялася“ дає всі підстави думати, що він і тепер ще переховується десь в темних закутках архівів колишньої головної цензури—у Відні чи Петербурзі—і це мабуть прекрасно зрозумів Бодян-

¹⁾ Проф. М. Грушевський, Оч. ист. укр. нар. 1906, с. 426 і далі.

ський, бо в наступному своєму листі з березня 1848 р. Головацький зазначав, що „не мая одпису, не смѣвъ емъ и набиватися изъ моими письмами“.

З цього другого листа Головацького з 1846 р., який очевидно попав до Бодянського не поштою, а через руки, довідуємось також і про інтереси автора щодо літературної української творчості в колишніх царських володіннях: „Радуємося дуже всѣмъ тимъ, що у Васъ нового видається доброго,—гараздъ, що на праве джерело натрафили, добувають та відкопують рідну батьківщину зъ передвѣцької первѣстної Рущини, не забувають и козацького красноцвѣту.—Спасибігъ Вамъ за те, за все, тай честь и слава Вам...“—Листа цього закінчено запитанням: „Чи правда, що геніяльний писатель Гоголь уже небіжчикъ, бо у нас якась чутка ходить, що уже помер.—Утрата неоджалованная була бы!“

У VI-му листі з березня 1848 р. подає Головацький зміст „одної на цілий 1847 р. руської книжки“—„Вінок русинам на обжинки“, згадує про смерть перемиського єпископа Снігурського, що був оборонцем «свого народу» й закінчує листа такими відомостями про тодішнє політичне положення: „На конецъ западни и южни произшествія багато говору наплодили—але ще тяжко якого толку допытатися—у Львовѣ ляцкій дух пужає боязливыхъ—але лишень у Львовѣ—въ прочемъ спокійно. Рускихъ сподѣваються у насъ. Больше и нѣчего писати“.

Лист (VII-й) з березня 1849 р., на якому до свого прізвища Головацький додав ще й титул „орд. професора рутенської мови й літератури на львівському університеті“ є радісний привіт тій свободі, що її тимчасово придбала українська мова в Галичині. Але вже в цьому листі він зарікається писати щось про політику й обіцяє подавати лише літературні новини.

Хоч підчас зтяжної наступної перерви в листуванні, що продовжувалася майже 8 років до червня 1857 р., Головацький міг і забути про свою обіцянку нічого не згадувати про громадсько-політичне життя в Галичині, але дійсно листи його втрачають цей елемент. За цей час змінилися також і його почуття й переконання; він втратив народницькі настрої й традиції своєї молодости, наблизився до табору москвофілів. Рідко зустрічаємо в його пізніших листах такі згуки й акорди як це бувало в перших сьоми.

Останні листи головним робом обговорюють питання про видання його збірника пісень. Але й серед них є цікаві сторінки, як напр. у XV-му листі з січня 1866 р., де він згадує про ті труднощі й перешкоди, які мав під час збирання пісень серед українського народу, а також симпатію й допомогу з боку народньої стихії.

На листі з 9 листопаду 1868 р. зазначено, що вислано його вже з Вільни, куди перебрався Головацький.

Невеличкі чотири листи Бодянського до Головацького з 1865, 1869, 1870 й 1871 р. виключно майже ділового характеру й стосуються видання збірника пісень.

Останній XXIX лист Головацького до невідомої особи написаний після смерті Бодянського, подає важливі пояснення до пісень та приміток до них.

Подав Федір Савченко.

1. Получ. 23-го апр. 1844 г.

Милостивый Паноньку! По желанью Вашему посылаю Вамъ народныхъ пѣсень Галицко-руськихъ и килька поезій доси еще нѣгде непечатаныхъ. Всѣ пѣснѣ збирани изъ усть міру въ рѣзныхъ сторонахъ Галицкой Руси. Я знарошне Вамъ выберавъ изъ рѣзныхъ сторѣнъ, а именно изъ заднѣстрианского пѣдгѣрья и горѣшья (Погоріе), Надвислоцького и двѣ изъ Угорьской Руси, щобы лучче показати розмаитіи вѣдмѣны бесѣды галицького поднарѣчія.—На листку А. Думки або Спѣванки. На В. сами обрядови пѣснѣ (цвѣтъ народной поезіи). Коляды ном. 1 по 10 збирани на пѣдгѣрю надъ рѣкою Стрыѣмъ, 10-а, 11-а, 12-а надъ Вислокомъ у горахъ Сяноцькихъ, весѣльни пѣснѣ (або Ладканя вѣдъ слова Ладѣ? вѣдти ладкати, пѣсни весельнѣ спѣвати) також тамъ зобрани. У правописанію я держався хотъ и не зовсѣмъ способу г-на Максимовича. Ъ, Ѡ, й вымовляють ся як великорусски й, я коли въ Галицькимъ або Надднѣстрианскимъ нарѣчію выговарюєся якъ вед-рос. Ѣ. е я значив я. Питомости Сяноцького рѣзнорѣчія я пѣдчеркавъ рь, чь, де мякко або якъ тамъ вымовляють.—Коли Ваша воля и потреба, то бѣльше найдете пѣсень, а може и красчихъ въ печатаныхъ Збѣрникахъ,—Не дивуйте шо такъ мало поезій высшого слога посылаю. У насъ пѣснотвореніе народне богатше якъ книжне, учене, мало маємо поэтѣвъ правдивыхъ. Вѣршоробѣвъ найшлобыся доволѣ—бо є того цвѣту по всему свѣту, та й у насъ цымало, ба й не такъ цвѣту якъ бурьяну.—Прошу имена авторѣвъ лишень початковыми буквами назначовати.—У насъ въ Галиціи все поволи иде—мало новинъ литературныхъ бо и давнины не багато.

Г-на Зубрицкаго „Лѣтопись города Львова“ по пѣвтретьи года выйшла изъ цензуры—и шо диво, же все шо Львѣвская цензура помазала, то у Вѣденской зовсѣмъ пропушено на злость панам Ляхам.

Заносилося було щось на часопись малоруську, котра мала выдаватися у Вѣдни¹⁾, алежбо тяжко упросити, абы друкувалося кирилицею (гражданскими буквами)—та тому мало до неи охоты, бо Русины волѣли бы, щобы жадной не було Словесности, якъ бы мала бути латинскими (польськими) буквами—та вѣдавъ изъ того або крапне трохи або борше тѣи хмары зовсѣмъ розійдутся.

Бѣольшу надѣю маємо на своихъ молодыхъ братьевъ въ своимъ краю, усе то бѣльше разпростроняєся духъ руській, всѣ ради бы килько силы помагати и подносити—будити народнѣсть, всюды займаєся Рущина, молоди и старымъ дрѣмакамъ не дають заспати, але принукують до дѣланія—Е въ роботѣ абы языкъ руській мѣгъ бути запровадженъ до тривіальныхъ и кабы можна и до нормальныхъ нѣмецькихъ школъ у цілій Галиціи, де Русь переважує. Щось чутка ходить (та ледвы правдыва), шо Грамматика и Словеснѣсть польського языка мають бути заведені до Гимназіи и философскихъ заведеній. За шѣсть лѣтъ чую упросили собѣ Паны у Его Величества Цѣсаря тую ласку—щобы тое произволѣнье при новим розпорядку школьнымъ, котрый колысь наступити має у дѣло ввойшло. А за бѣдными Русинами нѣкому якъ вступити, абы для нихъ хотъ одну катедру хотъ одну школу выпросити, хотъ Русинѣвъ є за пята часть всѣхъ Словенъ Австрійскому жонду пѣдвластныхъ.

Дякую Вамъ дуже красненько за казки Иська Материнки.—Коли Ваша ласка то и на потѣмъ не забувайте мене. Тою самою дорогою пришлить дещо для голодныхъ бѣднякѣвъ, шо для нихъ всяка русская книжка невидальщина. Присылайте зѣ ласки Вашей шо зѣ новыхъ Мало-

¹⁾ Як відомо, за редакцією Ів. Головацького (Акад. Студинський, Кореспонд. 1909, сс. LXXXIII).

руських сочиненій, або изъ русскихъ историческихъ, назидательныхъ, и пр. Скальковскаго, Снегирева, Сахарова, або що зъ памятниковъ давной литературы и пр. Русск. Достопамятки Нестора лѣтоп., або другіи лѣтоп. Даніила Паломника, хотъ бы и Карамзинову Исторію изъ дополненіемъ Г-на Строева. Що ласка Ваша, все прийме брата Галицька завдячна и будетъ старатися Вамъ чимъ добрымъ вѣдслужити. Пробачте, що такъ пѣзно посылаю пѣсенъ, не я виноватъ но менѣ такъ пѣзно знати дали. Прощайте и насъ не забувайте. Вашъ щирый побратимъ
Русинъ

Яцько Чепеленько.

Коломыя 4 Листопада 22 жовтня 843.

2. Получ. 1-го мая 1844 г. въ понед. въ 12 часовъ утра. Изъ Коломыи 2/14 безрезня 844.

Милостивый Пани! Якась щаслива доля (дяковать добрымъ пріятелямъ) приводитъ мене до знакімства изъ Вами хотъ черезъ письмо, коли не лучилася година лично познакомитися.—Дякую Вамъ сердечно, за присланіи Вами менѣ ще втогид „Казки Запорожця“.—Е то дорогая книжочка въ нашій невеличкій але чистонародній бібліотецѣ. Я Вамъ вдяченъ за тое, та буду старався вѣдслужити, чимъ будете требовати у мене. Чувѣемъ, що бажалисте у мене зъ десятокъ спѣванокъ народныхъ и тѣлькожъ поезій Галицько-руськихъ. Я бувъ написавъ пѣсенъ народныхъ шось ледви не бѣльше якъ десѣтъ—але поезій лишень килька (дасть Бігъ у насъ бѣльше).—На добрый ладъ, було бы то все вже давно у честныхъ рукахъ Вашихъ, але же менѣ не гараздъ було просто вѣдъ себе посылати.—Я здався на чужіи руки... то такъ и повелося, що отъ недавно якъ лишень дісталися до Львова до честного пріятеля мого Владислава, котрый мавъ тоти пѣсни черезъ Пана Гавличка идъ Вамъ передати.—За симъ часомъ довѣдуюся тоуже дорогою, що Вамъ уже поезіи нездѣбни, але хочете, шобы Вамъ вѣдступити цѣлый мій зборникъ пѣсенъ народныхъ до выдрукованя.—Я пристаю охотно на Ваше предложѣнье, підъ тими вымовами, яки Сами сте подали, т. е. шобы менѣ вѣльно печатати ихъ въ Равкузській землі¹⁾, и проч... Менѣ самому о тое йде, шобы сесѣ пѣсни якъ найборше выданіи були—бо и такъ вже видко, що велика страта для нашой народной словесности, що такъ довго лежать тоті красніи цвѣты у сховку безъ усякого хісна.—Я буду старатися выдати колісь мій зборникъ пѣсенъ народныхъ, и клопочуся тымъ давно, але закимъ що буде изъ мого—Ваше повное собраніе пѣсенности южно-русской буде надобѣ и для насъ буде изъ великимъ пожиткомъ.

Що до мого зборника спѣванокъ народныхъ Галицько-руськихъ, не хочу его захвалювати бо якъ то кажуть, каждый продавецъ свій крамъ, а Цыганъ свои дѣти хвалить. Такъ бы и тутъ було.—Отъ що, лишень выпишу число и рожай пѣсенъ, подѣлю, спишу—а судѣтъ Сами якъ знаете. Але найлутче переконаетеса, коли Вамъ пішлются пѣсни—но и теперъ будьте запевнени о щирости Русина, що перед братомъ нехочет робити неякои ошуки.—Думаю що найлѣпше покажется цѣна мого зборника, зрѣвнявши его изъ досегоднѣшными изданіями пѣсенъ южно-руськихъ, котрі всѣ певно у Васъ при руцѣ є.—У мене є отъ якіи печатани зборники: Вацлава изъ Олеська „Piesni ludu galicyjskiego we Lwowie, 1833. Найдокладнѣйшій и найбогатшій—предцѣ издатель яко Полякъ не встерѣгся вѣдъ помылокъ. Лозѣнскаго Ruskoje wesile w Peremyszly 1835.—Богато пѣсенъ перепечатаныхъ изъ Вацлава и „Golebiowskiego, Lud polski i jego zwyczaj i obyczaj Warsz. 1833, але всѣ тоти пѣсни переона-

¹⁾ Таку думку дійсно знаходимо в листі К. В. Запо до Головацького з 26. II 1844 р. (Коресп. 1909, с. 121)..

чени на зпольщений языкъ издателя.—Е тамъ цымало и его власного збираня.—Помылокъ такожъ досить.—Русалка Днѣстровая у Будимѣ 1837.—Издатель старався бувъ заховувати всѣ відтѣнки нарѣчїи, але черезъ недостатокъ коректора влѣзло багато блудивъ. Послѣдне выданье Спѣванокъ зробивъ „Жегота Паули“ (Мазуръ) *Piesni ludu Ruskiego w Galicyi Lwów. T. II. 1839—1840.*—Сесь перепечатавъ „Максимовичеве первое издание 1827—и всѣ пѣсни изъ Русалки—бо и килька пѣсенекъ изъ „Повѣстей Основяненъковыхъ“. Самъ неумѣючи по руськи, переписавъ блудно якъ що підъ руку ему попалося; чужїи зборники лихо писани ще гїрше попсовавъ—ба и друковане показивъ, такъ що на кождимъ листку повно помылокъ противъ языкови, противъ граматицѣ, противъ правописанію. Дуже осторожно его уживати треба.—Е у мене и оба изданія Г-на Максимовича 1827 и 1834. До сихъ буду свое сохтовати. Найважнѣйши у мене обрядовїи пѣсни. I. Коляда. Колядокъ у мене є 80 и килька зо всѣмъ новыхъ доси не друкованыхъ собранныхъ на самимъ Підгірю надъ Стрыемъ рѣкою и надъ Вислокомъ (на краю руського народоселенія). До того є варіантівъ зъ 30.—Е то найкрасчїи цвѣты нашого пѣснотвореня народного—сягають побільшїй части найдавнѣйшихъ часівъ еще дохристїянскихъ.—Роздѣлити можно ихъ на Вступленїє, сами коляды (господареви, господини, парубкови, дѣвцѣ, вдовицѣ) и закінченье або виншования.—Маю три христїянскихъ (якъ то называють легенды) колядокъ.—2. Щедрївки, сихъ є 6 недрукованыхъ. 3. Райцованя (що на русаный понедѣлокъ спѣвають). Килька. 4. Собїтки (на Ивана Купалы) 3.—5. Цариннїи, обходовїи, коли поле обходится. Красни пѣсни доси жадному собирателеви незнакоми—є ихъ у мене 10.—6. Гайлокъ (Гаивокъ) що на великдень спѣваются 9 недрукованихъ.—7. Ладканя (весѣльнїи пѣсни) доси непечатаныхъ 30.—8. При хрестинахъ 3 непечатаныхъ. 9. Жнивнїи (обжинковїи) не печатаныхъ 12.—До того є багато варіантівъ почастї відъ печатаныхъ, почастї відъ рукописныхъ моихъ спѣванокъ. Обряднїи пѣсни (якъ вѣдомо) найкрасчїи—та и у моимъ зборницѣ становять наибольшую часть.—Сесѣ пѣсни—одголосокъ найдавнѣйшихъ часівъ, мають багато паметкїв изъ Старои Словенщины еще поганскои.—11. Плясовїи спѣваночки. I коломыйки наибольше розширени по всѣхъ закуткахъ—цымало ихъ уже надруковалы—але ихъ безъ лѣку у народныхъ устахъ. Въ моимъ зборницѣ є ихъ 500 до 600—знайдеса не мало и печатаныхъ, але хайже бы вже и хотъ половина була новыхъ, то и то булобы досить.—Е меже моими одни гїрськи (гуцульскїи), 2. чабаратки 3. шумки 4. Козачки и проч. Найдеса такожъ сихъ ихъ килька десятокъ. 5 Шалалайки (род краковяка) (або коротенькихъ словацькихъ) спѣваются до танця на западнымъ пограничю нашой Руси и на Угорськїй сторонѣ. И такихъ найдеса до 100. Е ще дещо різного роду, коршемныхъ, пригорѣвцѣ, на комашняхъ спѣваныхъ, посмѣшныхъ, жартовливыхъ—дяківськихъ и другихъ.—III. Пѣсни повѣствовательнїи и описовїи у мене є досить зібрани—але більшою частью у варіантахъ—самыхъ новыхъ подлинныхъ небогацько. Изъ сихъ н. пр. 2. Козацькїи Историческїи: ледви ихъ килька маю зовсѣмъ новыхъ н. пр. о Абазинѣ, Медведеньку изъ початку XVIII столѣтя.—Изъ тоей эпохи є у мене килька пѣсень изъ рукописи або такъ званыхъ рїемованыхъ повѣстей. О Дорошеньку, О Мазепѣ измѣннику Заднѣпрянскому и Украинскому, Бунты козацькїи 1702 г. на польськїй Украинѣ. Ляментъ Украины.—Важни они изъ той причины, що дещо обьясняютъ исторїю колишнои польськои Украины, Подїля—коли Украинцямъ больше знакоми наднѣпрянскїй и заднѣпрянскїй дѣянї.—Пѣсни 2 бытовїи козацькїи, такожъ у мене наибольше

у варіантахъ, новихъ ледви килька.—3. Богатшисмо на спѣванки бы-
 левіи, описуючи пригоди и быть народный межи частными людьми и
 простымъ міромъ.—Сихъ буде изъ півтора ста въ воросѣ—велика часть
 правда и сихъ є печатаныхъ а лишень варіанты у мене, є предцѣ зов-
 сѣмъ новыхъ. До сихъ послѣднихъ (непечатаныхъ) є у мене кильканад-
 цѣть изъ Угорской Руси а якъ вѣдомо изъ Угорской Руси доси не було
 нѣчого печатаного, хибань тыхъ килька спѣванокъ у Лучкаевій грам-
 матицѣ, що Паули передруковавъ. 4. Пѣсни о Пришкахъ Гайдама-
 кахъ карпатскихъ—у мене ихъ изъ уломками буде 20 або бѣльше—изъ
 тыхъ килька варіантів. 5. Жовнѣрскихъ и рекрутскихъ маю такожъ изъ
 26—12 непечатаныхъ. Прочихъ спѣванокъ любовныхъ, бѣльшихъ и
 меншихъ думокъ рѣзного строю и содержанія є такожъ, цымало ледви
 не буде около півтретя ста або и бѣльше.—Позаякъ того рода спѣванки
 уже досить богато печатани, то тяжше уже надыбати зовсѣмъ новую,
 все або одень або другій стихъ, одна або друга строфа переоначена,
 опущена, додана и проч. предцѣ найдеся у мене (гадаю) 70—80 цѣло
 новыхъ непечатаныхъ—межи сами килька десять изъ Сяноцькой земли
 изъ Угорской Руси.—Отъ такой мій зборникъ.—Теперь судѣтъ Собѣ
 як вгадаете.—Я изъ моеи стороны вступаюся за моимъ годованцемъ,
 котрый мене тилько трудивъ стоитъ—радъ бы и его у свѣтъ пустити
 черезъ честни руки Ваши але, ще прошу, шобысте еще изъ ласки своєї
 причинили книжокъ хотъ на 100 рублѣвъ—вважаючи и на тоє яки руськіи
 книжки дорогіи. Отъ такъ 400 рублѣвъ, такъ хочъ могоричь запиши—
 згода?—Дожидаю теперечка Вашего крайного честного и чемного слова,
 а разомъ прошу, абысте ласкави менѣ околично описали, якъ Вамъ пере-
 писовати, черезъ кого переслати и на коли на який речинець (Termin).—
 Думаю, що эхочете, абы зовсѣмъ помѣстное нарѣчія уво всѣмъ захо-
 вано було, до того не відъ рѣчи Вамъ будутъ уваги и примѣтки грам-
 матичніи и филологическіи. Вѣдавъ придадутся приписки и описованя,
 обрядивъ, звычайвѣ, товкованя слівъ незрозумѣнныхъ и другихъ этно-
 графическихъ замѣчаній.—Я всѣмъ готивъ Вамъ служити, чимъ зможу.
 Такожъ прошу освѣдомити меня, чи маю всѣ варіанты за рядомъ пере-
 писовати, чи може лишъ одну цѣлковиту—пѣсню.—За однимъ заходомъ
 напишу тутки и книжки о котрі я Васъ прошу.—Давніи историческіи
 памятники руськіи—н. пр. Несторову лѣтопись—Волинскую Ипа-
 тѣвскую и Новгородскую и Малороссійскіи (коли издани)—Рус-
 скіе, Достопамятности Сахарова Древніе Русск. памятники
 СПб. 841.—Историческ. Сочиненія: Карамзина Историю 5-е изд.
 СПб. 842. Строева, Ключъ разумѣнія истор. Госуд.—Полеваго,
 Истор. нар. Русск. XII Томовъ. М. 829. (?)—Маркевича, Исторія Мало-
 россіи, М. 1842.—Скальковскаго, Истор. Новой Сѣчи Одесса 1841.—
 Евгенія, Истор. Кіевскаго Княженія. Егоже, Словарь духовн. писа-
 телей СПб. 1827. Егоже, Словарь свѣтскихъ писателей М. 838.—
 Броневскаго, Исторія Донского войска СПб 1827. Перевощи-
 кова, О Русск. лѣтописяхъ Спб. 1836.—Погодина, Образцы Сла-
 вяно-русск. Древлеписанія. Писарева, Кіевскіе древніе памятники,
 М. Марковича, Малорос. пѣсни.—Сахарова пѣсни народа русскаго.
 Егоже, Сказанія русскаго народа СПб. 836. Чи не нове видане того
 дѣла вийшло 1842 (?).—Снегирева, Простонародн. праздн. М. 838.
 Бодянскаго, О народн. поэзіи Славянскихъ племень. Макарова,
 Русскія преданія М. 838.—Болгарскія народн. пѣсни Одесса 843.
 Венелина, Новоболгарская грамматика.—Востокова, Грамматика
 русская полнѣе изображенная СПб. 838.—Павскаго, Филологическія
 наблюденія надъ составомъ русск. яз. Спб. 841. Максимовича, Исто-

рія древн. русск. словесн. Київъ 1838.—Полевого, Очерки Русской Литературы Спб. 839. Галахова, Полная русская хрестоматія М. 843.—Слово о полку Игоря, котре лучше издание: Деларю, або Сахарова (?).—Отечественныя достопамятн. или изобр. историч. памятн. и проч. Моск. 814.—Басни Крылова Спб. 833.—Молодикъ, Украинскій сборникъ Харьковъ 843.—Очерки Россіи Вадима Пассека.—Сельское чтеніе.—Якій изъ лучшихъ журналовъ російскихъ напр. Москвитянин —хоть бы изъ 1842 и 1843 года. У насъ и то нове.—Малорос. книжокъ, що вийшло відъ 1842 года. Энеиду Котляревского Харьк. 1842.—Гайдамаки Шевченка и проч. Такожъ изъ давнѣйшихъ Основяненъка: Сватанье опера 1836.—Гануся 1839.—Карпенъка, повѣсти Твердовскій 1837 и ще щось.—Хомы Купріенъка Повѣсти 1840.—Довгоносенъка (?) щось.—Прошу менѣ якъ найборше відписати, коли ласка Ваша, а адресовати до того самого пріятели мого. Влад. З—туды (я гадаю) найлучше буде и пѣсни и книжки переслати—кобы черезъ якого певного чоловѣка.—Въ прочимъ я здаюся на Ваше розпоряжѣнне и остаюсь зъ глубокимъ почтеніемъ.

Вашої милости покорный Яковъ Федоровичъ¹⁾.

3. Получ. 17-го ноября 1844 г. в пятницу. Пистынь, дня 24 жовтня /5-го листопада 844.

Честный господине! Виновать передъ Вами за тоє, що такъ довго не відписую на Ваше письмо.—Я ждавъ було, ждавъ, чей хоть въ половинѣ прилагоджу спѣванокъ Вамъ обѣцяныхъ, та чи не прибуде деякихъ новинъ литературныхъ. Тимъ часомъ якъ за одно такъ за другѣ годѣ.—Жадалисьте відъ мене народныхъ нашихъ пѣсень—я охотно відступаю Вамъ мій цѣлый збірникъ, и думаю, що в послѣднѣмъ моимъ листѣ досить ясно сказавъ емъ, що я згоджаюся изъ Вашимъ предложѣннемъ. За одно лишень менѣ соромно, що я доси не готівъ изъ пѣснями—но не зовсѣмъ мене винуйте—у насъ до нѣмецкого та польського ба и латинського писанья найшлобыся писарѣвъ безъ лику, а до руцины годѣ одного найти, приходится все самому робити; але будьте ласкави, потерпѣте до весны, я черезъ зиму перепису певне и уложу такъ якъ належить и перешлю до Васъ тою дорогою, кудасьте мене справили.—Чую, що книжочки для мене уже въ дорозѣ, напишѣть будьте ласкави до Праги, нехай ихъ менѣ посылають, або підъ адресемъ пана Запа у Львовѣ, або, якбы сей мавъ забратися уже до своєї родини, просто до мене на мое имя у Коломыю *poste-restante*. Не здивуйте, що я просивъ у Васъ книжокъ декотрыхъ, яки або ище не выйшли у свѣтъ або нѣколи и не будутъ друковатися. Намъ тутки дуже тяжело за вѣсти справедливии о Руськѣй словесности, хоть и не за горами нѣ за морями живемо, та яка вѣдомість зблукает до насъ, то все изъ третой або четвертой руки, такъ що тяжело пізнати яка зъ перва на перва була. Отъ, правду сказати, якъ не дочитаємося чого у чеськимъ Музейнику або у Юрдановѣй словенськѣй Лѣтописи, то нѣчого и не мемо знати. Тому й коли ласка Ваша присылати и въ будуче книжокъ, то не дуже дожидайте відъ насъ списковъ. Вы сами лутше мете знати, котри добри, людяни книжки у Васъ выйшли, а мы все за вдячно пріймемо и спасибіг скажемо. Та вже й сами будете мѣркувати, що намъ найцѣкавши будутъ односящіися до исторіи, словесности, древностей, этнографіи, поэзіи южной Руси, або старой Руси. Вы сѣте хотѣли, чтобы я прилагодивъ Вамъ пѣсни народніи такъ, абы готови були до печатаня, а то добре було бы лишь тогдѣ, якбы сѣте выдавали саміи пѣсни галицкіи, але я чую відъ Васъ,

¹⁾ На початку цього листа in 4°—знаходиться гарна літографія Львова.

що Ви замѣряете цѣлый збірникъ пѣсень всеи южнои Руси видати, то ледви можно буде у тѣмъ строю все лишити, якъ я переписую — бо у насъ є нещымало спѣванокъ ледви не слово въ слово однаковихъ изъ Украинськими, то ту уже все думаю, піде у загал: Лѣпше я Вамъ лишъ передамъ якбы матеріялы до видавання пѣсень галицькоруськихъ, изъ варіантами увагами примѣтками и проч.—якъ треба буде, та Вы вже собѣ сами своимъ способомъ посортуете, поукладаете и выдасъте въ щасливу годиноньку. Я на се даю мое слово, що самъ не буду выдавати пѣсень доки Вы у себе не выдрукуете, може и такъ станеться, що я, по Вашому желанью, зовсѣмъ ихъ не буду выдавати, лишъ на се послѣдне пізнѣйше договоримося—на то ще свій часъ буде.—Одно лишъ випрошаю собѣ у Васъ, щобысьте не мараковали собѣ, якъ килька пѣсень изъ мого збірника напечатается въ Новогоднику малоруськимъ, котрый мій братъ Иванъ гадає на будучій новый рікъ видати у Вѣдни. Се Вамъ нѣчого не завадить, однаково ихъ тамъ не богато буде тыхъ спѣванокъ, а менѣ якось не ялобыся назадъ відкликати коли-мъ ему вже обѣцявъ післати статью о пѣсняхъ народныхъ и килька пѣсень.—Пробачайте, що я изъ симъ відписомъ такъ довго забарывся, але подумайте, що я недавно лишъ Вашъ листъ и получилъ—такъ вінъ круживъ тою обхидною дорогою бильше якъ три мѣсяцы доки до мене достався. На первый не відписовалося, бо думавъ емъ, що у моимъ предъидущемъ письмѣ досить ясно розложено було що до нашего дѣла приналежитъ.

Пытаете, що у насъ коится въ письменѣмъ свѣтѣ, дивуетесь, що Червона Русь менше Вамъ звѣсна нѣжъ Америка. Правда! алежъ ледви є въ свѣтѣ де така сторона, де бы такъ мало робилося, такъ мало писалося и печаталося якъ у насъ.—Галиція найбѣднѣйша область зъ того огляду изъ всѣхъ Австрійскихъ! Причинъ тому богато. Русине, правда, жиють на своѣй питомѣй земли, въ своимъ отечествѣ—они сами первый населенцѣ, первые обитателѣ сей земли—але наридъ руській пониженъ, придоптанъ, прибитъ до землѣ Ляшиною, не може и доси головы піднести—предцѣ руська народність ще жиє и досить сильна, хотя ледви у самѣмъ простонародью—наилучшимъ доказомъ того, що жадна друга словесність не може пустити глубоко корѣнь на несвоѣй землѣ, не може прійматися.—Поляки сами кажутъ, що изъ всѣхъ областей давной Польщи Галиція въ плоды словесности найбѣднѣйша—тымъ менше Нѣмеччина пріймаєся.—Коли Австрія загорнула підъ високу руку свою наше отечество, то шляхта руська заможнѣйша або уже була спольщена, або була на тѣй дорозѣ зляштитися. Духовенство поднесено ласкавымъ Австрійськимъ правлѣньемъ не богато дбало за народність, лишъ за тимъ гонило, якбы во всѣмъ въ правахъ и образованью зрівнятися изъ шляхтою и духовенствомъ римского исповѣданья, тѣмже хотячи и не хотячи сторонила від Рушины. Для того и само духовенство найбильше причинилося до знищенія катедръ русскихъ въ философскимъ и богословскимъ факультетахъ. Преподаванья словенсько-руськи философіи и богословія замѣненны (1809) латинскими. Так самохитъ утратилисьмо добродѣйство, котрого доси жаденъ народъ Словенській въ Австріи не мавъ и не має! Відъ того часу потахавъ ли въ насъ все чужии соки докисьмо зовсѣмъ нимъ не пересякли. Профессоры философіи и богословія руського зовсѣмъ забуты—ихъ преподаванье рукописни або печатани пішли въ нѣтвѣсти.—Языкъ руській вынужденъ изъ урядовыхъ дѣлъ изо шкілъ, остався въ однѣй церквѣ по при Словенсько-Церковнымъ. Поволи поволи занедбалася и наука Церковного языка и такъ грозивъ намъ совершенный упадокъ народности руськой!—Ажъ недавно—отъ—около десять лѣтъ тому або щось бильше назадъ, якъ зачався появляти духъ иншій—духъ

руській.—Нѣ геній не пробудивъ здрѣмалу народність, нѣ жадне важне происшествіе не потрясло народомъ—хиба громъ, котрый усусѣдствѣ загремѣвъ або прикладъ другихъ словенськихъ народивъ прочунавъ и насъ. Зразу .показалися лишень деяки вѣрши, пригодови радостни або печальни—котри ледви не зовсѣмъ вираховавъ панъ Максимовичъ у Кіевлянинѣ и дуже милосердно и ласкаво осудивъ.—Потому минуло рікъ, два, непоказалося нѣчого—здавався вже первый огонь народної словесности пригасати! Але нѣтъ! не погасъ тотъ священный огонь, лишъ тихо розжаровався, щобы ще яснѣйше розсвѣтити пѣтьму нашого обзора.—И отъ теперка показалося одного року бѣльше книжокъ, чимъ у передъ за кильканадцѣть—и то не полулисткови вѣрши, або переводы, не однохвильніи плоды, але труды кильколѣтніи, не Поляками выдавани пѣсни народни, котри хотѣли намъ свою азбуку польську накинати и до своєї словесности нашу прилѣпити, не сварки та перетаки за азбуку,—але грубшіи книжки таки Русинами для Русинивъ видани. Побѣдивъ рускій духъ!

Книжки ти різнихъ особъ, розмаитого содержания въ різнихъ направлѣняхъ стремятся до одной цѣли.—Одни изъ нихъ вже друковани, други печатаются, трети ще врукописяхъ. Сего року 1844 выйшли: Михайла Малиновського „Изясненіе Божественной литургіи по обряду св. греч. церкви“ у Львовѣ.—До того дѣла має бути доложеный видъ руської деревяної церкви, яки у насъ по селахъ будуются и изображѣнье Иконостаса.—Тогож автора выйшло „Слово на праздникъ Покрова пресв. Богород. говорене въ церквѣ первопрестольной Львовской св. Великом. Георгія, Іереємъ М. М. Львѣвъ 1844 (8) 24 стор. (Венедиктъ Левицкій) выдавъ переводъ нѣмецкой учебной книжки: „Библийна гисторія (исторія) ветхаго завѣта въ Перемышли 1844“ (8) VI и 178 стор. Обѣцуетъ и нового завѣта исторію переложити.—Г. Гавришкевичъ написавъ: „О садженю и розмноженю садовины“. Въ Перем. 1844“. И. Вагилевичъ оголосивъ пренумерату на свое сочиненіе: „Gramatyka malo-ruskiego języka napisana przez Jana Wagilewicza“. Тотже написавъ малу грамматику руськую для народныхъ училищъ по руськи—пише идиотиконъ малоруській и багато другихъ сочиненій.—Чулисьмо, що Іосифъ Левицкій, котрый написавъ учебную книжку грамматики нѣмецкого языка по руськи для шкілъ народныхъ переробляє первое выданье своєї „Grammatik der russischen oder kleinrussischen Sprache in Galizien, Peremyschl 1834“. Іосифъ Скоморівський робить одъ давна надъ Словаремъ малоруського языка—Надѣмся, що выйде вборзѣ другій и третій томъ „Наукъ церковныхъ Гавр. Паславского“. Котрыхъ первый томъ выйшовъ 1843 года. Г. Ганкевичъ такожъ має видавати свои „Бесѣды духовныи“ въ двохъ томахъ. Е ще бѣльше котри въ затишку працуютъ, але о нихъ неспоминаемо.—Шкода лишень, що Галицкимъ писателямъ такъ мало знакома молода литература малоруська на Украинѣ, черезъ що дуже збиваються з дороги народного слова—и одни впадають въ Польщину, тай псуютъ чистонародный, изустный языкъ, котрый такъ прекрасно цвите въ пѣсняхъ народныхъ, а други хотячи его прибрати и прикрасити изъ церковно словенського языка взятими формами впадають на друге бездорожье, котре тѣлько лѣтъ недало розвита истинно народнѣй Словесности, и відклоняются відъ тої непринужденной, щиросердечной а разомъ и благородной простоты, котрою лишъ простонародный южноруській языкъ похвалитися може.—До первого рода належать „Паславській, Гавришкевичъ“—до другого—„Малиновській, Бенед. Левицкій“.—Видко изъ того, що Галицко руськую Словесность подобна доля спѣткала якъ Сербьскую, и у насъ

заноситя на супереку меже чисто народнымъ слогомъ (котрого защитникомъ у Сербів бувъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ), та й межи мѣшанымъ макаронизованимъ (хотя думаю у насъ ледви найдутся таки загонисти и запекли поборники церковно-словенського языка якъ у Сербівъ, але надѣя, що изъ лучшимъ пізнаньемъ народного домашнього языка и Словесности народнои, котра на Украинѣ процвѣтає, переможе сторона народна.—На найгіршу попавъ Венедиктъ Левицкій, котрый въ переводѣ библейскои исторіи, изъ нѣмеччины до церковнословенськихъ и Велико-россійскихъ слівъ и формъ доложивъ не мало германизмівъ въ слозѣ, чимъ языкъ его книжки зробився такою мѣштою, що катъ его и розбере.—Іосифъ Левицкій захвалювавъ було въ своей грамматикѣ тотъ мѣшаный слогъ, такъ названый нимъ „высчій“ „höhere Styl“, але пізнѣйше, изъ его стихівъ и переводівъ видко, що склонився зовсѣмъ до народного языка.—Шкода и велика шкода, що сего року померъ Маркіянъ Шашкевичъ, издатель „Русалки Днѣстровой“ (у Будимѣ 1837) и переводчикъ королево-двірської рукописи. Сей високимъ дарованіемъ обдареный мужъ бувъ такожъ великимъ любителемъ и цѣнителемъ народности. Тогожь року померъ „Михаиль Лучкай“ въ Унгварѣ въ Угорщинѣ, вінъ бувъ парохомъ соборной Угварской церкви и крехоманомъ тамошної епархіи руської. Авторъ „Бесѣдъ церковныхъ“ Томы II у Будимѣ 1830 и Grammaticae Slavo-Ruthenae. Buda 1830—Гнъ Діонисій Зубрицкій выдавъ наконецъ давно выгядану „Kronika miasta Lwowa“.—Дуже важное сочиненіе. Изъ симъ прощайте Вашъ щыро сердечный Я. Федоровичъ.

4. Получ. 30-го дек. 1845 г. въ воскрес.

Милостивый пане, шановный побратиме! Соромно и банно менѣ писати до Васъ, що я не зо всѣмъ стачився в словѣ, якъ бувъ пріобѣщавъ. Але будьте ласкави, погодѣте, выслушайте, не осуждайте наперед.—Я обѣщавъ прислати Вамъ мій зборникъ пѣсень минушой весны або минушого лѣта—но рожныи клопоты и орудовання перепиняли мене, що работа не шла скоро, та не докінчена зволѣкалася усе далше, усе далше—завелося ажъ гет-гет у лѣто.—За тимъ часомъ навѣстила мене тяжкая хвороба—килька недѣль відлежавемъ—а подужавши трохи, забрався не разъ до свого дѣла, та годѣ було робити, не було силы. А тутъ мене все гадка слѣдила, спати не давала, що обѣщалося, слово ся дало—встыдъ слова не дотримати. Наконецъ вижу, що вже у глуху осѣнь иде—и все далше заводится позбирыв, поскладав—запечатовавъ и рѣшився пислати.—Лучше думаю не докінчено дѣло пислати, якъ довше мекетити.—Уже буде з мѣсяць якъ я выславъ тотъ сборникъ пѣсень и килька книжокъ изъ галицкой литературы до Праги, може уже на дорозѣ до Васъ, або не бавкомъ відберете.—Прошу жъ, якъ скоро до честныхъ Вашихъ рукъ дійде, перегляньте—и будьте ласкавѣ извѣстѣте мене, щоби еще додати, де бы доповнити—що объяснити.—Я то все могу поповнити и пр. объяснити и описати народнии обряды, де котрѣ слова незрозумительныи прошу назначити менѣ, бо такъ менѣ самому тяжко пізнати, що для Васъ понятно, а що нѣ.—Часомъ може описалося то, що всему міру християнскому вѣдомо а друге зо всѣмъ не ясне опускалобыся. За тимъ часомъ може те, коли воля, у ладъ складати пѣсни, бо я ихъ хоть подѣливъ але раднѣйшій, що бы Вы уважали лишъ за сырый матерьял и по своему укладали.—Коли будете жадати то я пришлю Вамъ ще росправочки, в котрѣй раздѣлю всѣ різнорѣчія різнихъ сторонъ Галиціи, або може схочете сами изъ пѣсень вытягнути и уложити по своей системѣ. Пишѣте, чого потребуєте, а я все упрійме учиню: книжокъ, від Васъ ласкаво менѣ присланныхъ я вже получилъ 106 штукъ, а 23 ще у Празѣ; бо всѣхъ було чи мало

бути 129 по списку пана Запа, менѣ присланимъ. Вашого власноручного списка як не дістав с книжками тими, також не знаю чому нема в списку поезій Пушкіна, которого Вы менѣ в листѣ обѣцяли; запевне Вы есте осудили за не потрібне посылати его, бо за ретельність п. п. Шафарика и Запа и горлом ручити можна.—Коли ласка Ваша прошу и вбудуче при случаю пріязнѣм прислати деяких книжок; из котрых бы можна пожиток мати для себе, для народноѣ словесности и проч. За присланиѣ книжки я не знаю, як Вам подякувати, чим віддячитися. Мы тут мало що знаєм о успѣхах Русской словесности, не то книжки и вѣдомість о вышедшей книжцѣ не переходит в наш край—от тілько всего, що Іордан в своих лѣтописях, або Музейник в Празѣ возвѣтит, тилько то и вѣстки що до нас заблудит.—Не йменую для того й книжок, як их прислати прошу, але загалом якѣ новѣ Малорусскіѣ—Лѣтописи: Несторову, коли вже видана и пр. Лѣтопись Львовскую—и Исторію Галиціи г-на Зубрицкаго. Дотыкающійся Исторіи давной Руси або южноѣ Руси—Козаччины—Сахарова: Русскіе памятники 842. Сказаній. Дещо из простонародноѣ литературы—або книжок для народа писаных—або духовных и пр. житія св. Богородицы, св. Николая и пр.—Може из сих послѣдних дало бы ся дещо переробити для нашего миру христіанского, або переложитъ. Не ладно то правда чужим добром дороблятися, чужим пѣрѣям строитися—але не йде тут отое, щоби з буты в роскошѣ чужими уборами строитися. Лиш кобы свою наготу чим-тым покрыты, бо так и сором меж люде показатися—а чей старшій брат не згудит та не посмѣся над нещасным мѣзинчиком.—Черга приходит, щось и за нашу Словесність написати, але чим ся тут пофалити? Якій одчет віддати, коли за цѣлый рік ледви килька книжочок вийде? От втогид (1844-го) г-на Д. Зубрицкаго „Kronika miasta Lwowa“, М. Малиновского. „Изясненіе на божественную Литургію“ словенско-русским языком написано.—В Чернѣвцех выдал г-н Теофиль Бенделла „Die Bukowina in Galizien“.—Всѣ три книжки сіи післав ем Вам из зборником пѣсень, потому сами и осудите.—Тут лишень вытолковати хочу, для чого, коли бесѣда о нашѣй нарднѣй словесности, я книжки польскіѣ и нѣмецкіѣ підкладаю.—Така то наша доля, що по чужих щєблях лѣзти мусимо абы ся свого дохрпаты.—Народність руська не загибла, жіе, крѣпится, та не з одним ворогом боротися мусить.—В Галиціи ж польщина все приголомшила, подавила Русь—Русин просвѣщенный встыдаеся своего языка, хопаеся польского, ним говорит, орудує—лекше му изяснитися на польским, наученым в школѣ и обществах, як на своѣм природженым. Для того и декотрѣ Русине пишут по польски.—При тѣм польскій язык оброблений, из установленными правилами, на против рускій слобідный в устах народа до сего часу сим пофалитися не може.—Письменничество руське держало духовенство завсѣгди в своѣй опѣцѣ, и до сего часу держати хоче. Се же бравши церковно-словенскій язык за давный рускій гулило и понужковалося народным изустным языком, яко по их мнѣнію попсованым, искаженым—и не давало му книжно розвинутися—а все пхало якійсь полу-словенскій свій ученый язык, котрый знов народови до смаку припасти не міг.—Таким-то языком написана повыжша книжка Малиновского—и „библійна гисторія ветхаго завѣта“ в Перешышли напечатана 1844.—Все то обрїе то на трете то на четверте зерно—и бильше нѣчого. Але, хвалити бога, вже щось тая сторона на силах опадати зачинає. Молодше поколѣньє жадає народного языка в Словесности—старе не здужає своего будынку підперати. Из того распрѣя меже молодым и старым поколѣньем—але у нас нема жадноѣ рускоѣ часописи, польскіѣ и нѣмецкіѣ не пріймают, для того та справа выточилася аж на

великій безарь Липський в Іорданову Лѣтопись Слав. Лит.—Була там розправа „Доля галицько руского языка из Денницѣ переведена — критика“ „Библейной исторіи и Сочиненій“. В. Гавришкевича. Руководство ко умноженію и годованію садовины по селах и мѣстечках. В Перемышлі 1844 написана Іосифом Левицким, автором Малоруской грамматики и переводчиком Шиллеровых баллад. Він колись також був держався стороны старосвѣцких, або лучше сказаты хибався mezi одною и другою, але тепер стаз найсильнѣйшим поборником простонародной стороны.—Сей то Левицкій старався о позволѣнье выдаванья часописьма духовного содержания (см. Денница 1843), и перемиг, переборов всѣ козни, подступы, завистных, передразудных насъких и ненасъких людей—и получив наконецъ право аж из Вѣдня выдавати журнал духовный, під надписом „Библиотека бесѣд духовных“.—Тая бібліотека мае виходити у Перемышлі від 1846-го года—на рік VI частей по пять листів, и посвящена будет предметам оилетическим, катехетическим и проч. статьям духовнаго содержания. Цѣна пренумераты на рік 1 гульден (золотый ренскій) ср. (!).—Тільки то потѣшного на будуще.—У Вѣдни выдае Иван Головацкій Новогодник на рік 1846 під надписом Вѣнок Русинам на обжинки у плетен“ —гражданским письмом в народным языцѣ малоруским—будут там поэзи М. Шашкевича, так вчасне для словесности згаслого и переводы пѣсень нар. Сербских, и другіе статьи—1845-го выдае И. Вагилевич у Львовѣ „Grammatyka języka małoruskiego“—але не удоволив нѣ желаніям народным, нѣ обѣщаніям, якѣ смо мали причину по нѣм жадати.—Впрочем нѣчого нового.—Для общого образования установив наймилостивѣйшій ряд Австрійскій у Львовѣ техническую Академію, котра року 1845 створена.—Поляки забѣгают, щобы позволено було преподавати всѣй школѣ декотрѣ предметы на польским языцѣ.—Мают також обѣцяно, що в гимназіях и философских студіях религійна наука по польски преподавана буде.—Русинам тилько правленіе ласки учинило, що наказано в новоизданных школьных правах (Schulverfassung), щобы при головных окружных школах (Hauptschulen) и тривіальных школах, дѣтем руским преподавана була наука религіи в народнѣм руским языцѣ и щобы рускіѣ дѣти по тых школах училися по руськи читати и писаты.—Але, на нещѣсте, закон тот як багато других спасительных литань у книжцѣ, бо нѣхто не хоче его слухати,—нѣкому вступитися за Русинами. Милостиве правлѣнье соизволило, щобы шѣсть полків галицких, в котрых більшинство Русинів, мали своих полкових духовных, греческого уніятского обряду що до сей поры римско-кавол. заступали. Не раз було, що русине салдати (Уніяты) по килька лѣт не сповѣданы ходили, або волѣли тѣлесную кару знести, як мали піти до причащенія до латинскаго священника.—Від якогось часу зачав и Рим нашими Русинами клопотатися.—Папа Римскій милостиво зробив мѣсце на 13 Рускихъ хлопцѣв в Мисіонерским заведеніи de propaganda fide.—В заведеніи тим, котре урядив небіжчик Копитар, мают бути между другими и Русине образованы на мисіонерів (ледви не вас навертати на унію) в своим народним языцѣ образоватися через одного священника из Галиціи або Русина, котрый мав бути сим хлопцям и татом и мамою и наставником и учителем и всѣм.—Два роки вербували по цѣлѣй Галиціи и ледви шѣсть хлопцѣв знайшлося, котрых сего року выслали до Рима; але из духовенства нѣхто не хоче ѣхати до Рима за наставника до тых дѣтей и так они сами сиротята загибают.—Запевне всѣ боятся парного воздуха римского, що так цураются.—Отцы езуити продовжують свои мисіи по мѣстечках, але лиш по костелах—до церков нѣхто их пустити не хоче—в самѣм Львовѣ відправляли своѣ

мисії по площадах проповідали, як их до костела де не хотіли впусти. — Як в Галиції польская стихія все перемагає під себе горне так на Буковині все Нїмеччина опановала и давит хоть може не так сильно рушину и волощину. Самі Русине удержавшіся при православї раднїйше Волохами називаються на против Уніятів, котрых звут Русинами. Русине же уніяти и православные живут меж собою як в Прешбурку Словаки католицкіи из протестантскими. Уніяти пишнїятся своим буцїм вышшим просвїщенїем, а православные видят в них лишень міст через котрый до римокатоликів переходится. Так щасливо удася Австрійское divide. Уніятів на Буковині дуже мало. — Буковинскїи православнїи просили высочайшее правлїньє, щобы им було позволено спровадити богослужебных книг на славенском языцї для руских из Кїева або Москвы, а для волоских приходів в волоським языцї из Яс и высочайшее правлїньє милостиво рачило им тоту прозьбу зовсїм одказати... щобы не було сношенїя нї з Молдавіей ни з Росїєю. — Звїсно що буковинскїе православнїи не маюти своєї друкарни (в Львові и Перемышлях є уніятскїи) — для того мусят всї свои богослужебнїи книги доставати аж из Пешту — або коли відти не можно, то так як во время оно переписовати! — Предцї высочайшее правлїньє ласкаве для Буковинцїв дозволило православным в Чернївцех будувати соборную церков, палату для епископа и консисторїи (або як в Чернївцех кажут владычїя). — Будет то великолїпное зданїе. Також благоизволило высоч. правлїньє назначити пенсію для православных іереев по 500 зол. ср., а для протоіерея по 600—700 зол. ср. (гульд. среб). — Уніятскїе іереи и протоіереи маюти не бїльше як 300. — Також оддало всї школы нормальнїи и тривїяльнїи на Буковині під управленїе благочестивой консисторїи — до сей поры була під римско-кат. Львовской консисторїи. — Православнїи буковинцї имїют свою семинарію, богословія же преподається на волошском и руським языках — маюти ще свою шляхту и другїи привилегїи — и для того могут скорше и лучше розвинути быт свїй як Галиціяне. Уже их духовнїи начинают выдавати сочиненїя хоть на нїм. языце, як и пр. повыжше сказане Бенделы — або и друге. *Theoretisch—praktische Grammatik der dacoromanischen, d. i. wallachischen oder moldawischen Sprache bearbeitet von Theoktist Blažewicz. Spiritual des griechisch orientalischen Bukowinaer Diöces an Seminarum Czernowitz 1844. 264 стр.* Поручаюся Вашої памяти Чернївцїв 4-го грудня 1845. Я. Теодоровичь.

5. Получ. 7-го окт. 1846, понед. — 26-го юля 846.

Честный господине! Я не виноватъ, що Вы не получилисьте відвѣту мого на Вашъ листъ изъ апр. 9-го числа сего року, который я въ слѣдъ по полученїю Вашего письма почтою післа(в) буде тому вже килька мѣсяцївъ. — Чудно мені та дивно; куда подѣвся листъ, але щожъ дѣяти? — теперь відписую на другій Вашъ листъ — може пізнїйше получилисьте першій? — Дякую Вамъ за ласку Вашу, що мене зновъ обдаровуете новыми книжками — дай боже віддячити чимъ добрымъ. Книжки уже во Львові.

Якось мені маркотно, що доси не получилисьте нашихъ пѣсень народныхъ, я жаденъ Вашу думку узнати и Ваше честне слово учути о сим збірнику; ци довольни Вы нимъ, ци може не зовсїмъ? и чимъ бы поповнити можна. Ще мене то покрѣпляє, що колисьто писавъ до мене панъ Запъ, та каже, же п. п. Шафарикъ и Эрденъ (собираатель чешк. пѣсень нар.) переглянувши тото собранїе мали казати що велика шкода, абы таки скарбы довго лежали замкнени для читательства, и зычили сердечно, щобы вони осякъ найборше свѣтъ божїй узрѣли — а п. Ш.

ще мене упоминавъ, щобъ я самъ забирався до нихъ и прилагоджовавъ до печати, або Вамъ писавъ, що бысьте тай поквапили зъ изданіем. — Першого я вже нѣякъ учинити не можу, слово руки ми звязало — але що до другого я й самъ раднѣйшій бы бувъ зобачити докональний збірникъ пѣсень народныхъ южнорусскихъ на славу нашего люду хрещеного. Моє бы тамъ не свѣтило — моя пайка отъ лишень бы блыкала десь но, чую, у Васъ собраніе богате, пребогате. — Але то у тимъ не моя голова а Ваша; менѣ лишъ завдайте яку роботу, то й поможу, коли здужаю. — Радуємося дуже всѣмъ тимъ, що у Васъ нового выдається доброго — гараздъ, що на праве джерело натрафили, добувають та відкопують рідну батьківщину зъ передвѣцької первѣстної Руцины, незабувають и козацкого красноцвѣту. — Спасибігъ Вамъ за те, за все тай честь и слава Вамъ. — А щожъ мы Вамъ насупротивъ поставимо, чимъ відкликнемося брату — чимъ ся пофалимо? яку ознаку життя дамо? — Нема чимъ відповѣсти. Охъ на тяжку бѣду, на нужденныхъ старцѣвъ перейшлисьмо! Здається, щосьмо прочумалися, щосьмо трохи очуняли, але правду сказавши, ще зори не зазорили, ще ледви на досвѣтокъ забирається — мало, дуже мало є такихъ, що дещо думають - гадають, а загаль жеє — отъ якъ божая тварь... добре Тарасъ Бульба (у Гоголя) каже: „перенимають, чортъ знаеть, які бусурманскіи обычаи — гнушаются своимъ языкомъ, свій зо своимъ говорити не хоче — свій свою продає... прійшлося зовсѣмъ погибати но надѣя въ бозѣ, чей колись лучше буде — надѣя, що ще у послѣднѣйшого“ есть хотья крупица рускаго чувства, проснется онъ когда нибудь... Всѣ Словене начинаютъ жити новымъ житьемъ, прочнулися — сонце для нихъ зходить, лишъ наши ще спять, та не знать чи борзо прочумаються. — Життя у насъ нема народного — або хотъ є яке, то якесь тускле, сумне — тяжело якъ підъ обухомъ. — Вы запевне читаете Іорданову часопись словенску, що у Липську выдається — отъ ажъ тамъ відбивається якісь відбликъ нашего життя письменного, бо у насъ тяжело ся продрати скрізь густый туманъ, та чорни хмари. — Отець Іос. Левицкій (авторъ Граматики галицкаго рускаго, а теперъ другой нѣмецкаго языків) задраснувъ своими росправками и критиками до живого превелебныхъ прелатівъ руськихъ и буцѣмъ — руськихъ, що ажъ сподобили одозватися у тимъ самимъ журналѣ, а то були засидѣлися якъ Котляревскаго боги на Олимпѣ, що забули нашихъ людскихъ бѣдъ — и теперка, що разъ, то дещо перечитати можна хотъ у Іордана — та й сами отцѣ щось зачали шататись и помѣрковали, що часъ на часъ не стоить — свѣтъ на передъ иде. Нѣщо казати, оно трохи не ладно, розносити по чужинахъ то що ся у своєй хатѣ дѣе, але щожъ дѣяти? коли годѣ у себе обизватися, годѣ кому пожаловатися. — Свого часописьма не можъ мати, а до ляцькихъ приступу нема. Кругомъ сирота бѣдний Русинъ — туживъ - терпѣвъ — але дежъ уже и терпеливости стане?... Звѣстно Вамъ запевне буде, що О. Іос. Левицкій мавъ намѣреніе выдавати часопись духовнаго содержания, и що уніятскій львовскій митрополитъ перепону ставлявъ тому издаванью — ажъ выдаватель у Вѣдни у придворнѣй палатѣ добувъ позволѣнье до издаванья своего журнала. — Але щожъ, митрополитъ потрафивъ зновъ найти перешкоду хотъ переволочи его изданіе. — Тотже митрополитъ, котрый въ такѣй почести у папы римскаго, що папа благословивъ молитву имъ сочиненую „со еже непоколѣбимо въ соединеніи съ римскою церковью стояти“ и надавъ ей силу сто днѣвъ відпусту для каждого, хто ею набожно відговорить, принудивъ И. Вагилевича (автора грамматики южнорускаго языка, многихъ росправъ въ Музейнику и собирателя пѣсень), що мусѣвъ підписатися, же не буде нѣчого и оні въ краю, ани за границею нѣчого печатати —

іна́че не хоті́в його рукоположити в чин ієрейскій — митрополитъ споді́вався кардиналскій бриль, але якось розв'язалося — тимчасомъ милостиве правительство обдарило його недавно ординомъ вел. креста св. Леополда, такимъ самимъ якимъ сего року декотрі старостове западнихъ округівъ Галиціи за своє честне орудованье нагороджени були. — Тільки у насъ нового. — За колѣ́вщину и палѣ́вщину, яка сего року подѣялася я вже Вамъ писавъ в переішлимъ листѣ досить — нѣчого бильше споминати, тай весь свѣтъ уже о тимъ зна чи ганьба для виновників, але сталося — велика наука для многихъ: для Ляшківъ и для Нѣмцѣвъ! якъ то зъ огнемъ гратись. — Мы Русине бога молимо и благодаримо; що то нещастье на насъ не спало — бо вже бы намъ просвѣтку не було — сплели бы, що то московська робота, що Русине гайдамаки и пр. а такъ самися Католики побили, порѣзали — руская рука не поквернилася. — Предцѣ болить серце Словенина, що ще и нынѣ Словене изъ Словенами рідъ зъ родомъ рѣзалися — за кого? за чіи грошѣ? Горе тобѣ Всесаидѣ! — Теперъ тихо — мирно — самі Езуиты принышкили. Але чи довго буде? — Одна ще увага насуваеся — кобы руски стороны тото нещастіе спіткало було, абы мужицтво так було розховстано рушилося — не знаю, що бы ся з Ляхами стало — або чи жидова була бы цѣла вийшла — але за тоє ручити можна, що русина руки нѣколи бы не посягнули ани на духовного отца ани на святыхъ, храмы божи и пр. — Чи бы хто був ся споді́вавъ, що побожный (биготтъ) Мазуръ убивавъ бы свого ксендза, або святымъ иконамъ очи выколювавъ, головы стинавъ, церкви осквернювавъ? — Тутъ показуеся нижность исповѣданія и обрядівъ латинскихъ, богослуженія в чужимъ языцѣ. — Мазуръ слухавъ латинске набоженство и щожъ изъ него розумѣвъ? нѣчогисѣнько. До серця не промовило. — Ксендзь не ходивъ до хати мужика нѣколи ни зъ молитвовъ ни зъ кропиломъ, ни на молитванки и просто бравъ свою десятину, оброблявъ церковну землю своїми пѣддаными, такъ якъ и другій Янтокъ — за такогожъ его и поважають. — Напротивъ рускій священникъ нерозлученъ изъ свсіми прихожанами, и вь кождій потребѣ у нихъ до помочи, до порады; чи родини, чи похоронъ, тутъ и духовникъ зъ своимъ благословенствомъ у хатѣ — не гордить бѣдною трапезою на якуся здобуде мужикъ — словомъ жіе з миром по людськи — Але досить того.

Книжокъ у насъ не вийшло, отъ хибань двѣ грамматики; одна Вагилевича: „Grammatyka języka małoruskiego w Galicyi ułożona przez Jana Wągielewicza, Lwów, wydłoczono w Instytucie Stawropigijańskim 1845 ss. XXV и 181(8⁰). Але авторъ не изобразивъ языка такъ якъ уживаеся меж народом, але по своєму помудровав, понакручовав, що вийшло ни се, ни те. — Друга грамматика языка нѣмецкого для шкіл парафіальныхъ написавъ Іос. Левицкій печат. у Вѣдни 1845. — Сей держитя бильше выговора народногѣ вь своимъ округѣ уживаного — то мае добре що приложивъ такожъ начала грамматики руской чимъ поможеся наученію руского языка — доки до нѣмеччины добереся. — Обѣ грамматики кирилицею. — Лозинскій по килькохъ рокахъ зновъ обизвався изъ своимъ предложеніемъ щобы Русине писали латинскими буквами и печатае граматіку руську латин. букв. у Перемышли. — Але нема такого Русина, хтобы его послухати мавъ. — Книжки тіи всѣ можете получить відъ мене, коли схочете. — У Вѣдни вийшовъ такожъ „Вѣнокъ“ альманахъ на рікъ 1846 по малоруськи, котрый може получите уже черезъ руки п. Срезневского, котрому мавъ післати книжный купецъ львівскій Миликовскій. — Наконецъ радъ бымъ узнати, чи правда, що геніяльній писатель Гоголь уже небіжчикъ, бо у насъ якась чутка ходить, що уже померъ. — Утрата не-

оджалованная була бы! Будьте ласкави відпишѣть, хоть черезъ львівскаго пана, хоть черезъ Прагу. Прощайте.

1622. Выпись с книгъ—кгородскихъ Воеводства Киевского.

Лѣта божого нароженя тысяча шестьсотъ двадцать второго мѣсяца октября первого дня. На рочкахъ судовыхъ кгородскихъ киевскихъ одъ дня двадцать первого мѣсяца сентября в року на дате вышеинаписаномъ припалыхъ и судовне отпраовати зачатыхъ, передъ нами Теодоромъ Елцемъ хоружимъ и Подвоеводимъ а Лукашомъ Витовскимъ подчасимъ и судею врядникомъ судовымъ кгородскимъ киевскимъ постановившимъ очевисто у суду велебный ксендзъ Іакубъ презбитеръ Оржинскій и шляхетные а славетные панъ Теодоръ Халепскій, панъ Иван Толканъ, панъ Якимъ Макеровичъ, панъ Стефанъ Ортовичъ панъ Миколай й панъ Василь Хурсевичове братья роженые, панъ Гарабитъ Киркоровичъ, Ормяне, такъ презбитери, шляхта, яко и мещане обыватели Киевские сами одъ себе и именемъ всев братіи Ормян обывателювъ Киевскихъ, за згоднымъ и одностайнымъ везволеньемъ явне, устне и доброволне ку записанью до книгъ кгородскихъ киевскихъ зознали тыми словы, и въ они маючи наданые фундуши одъ святоє памети наяснейшихъ кролей ихъ мл. польскихъ, пановъ своихъ милостивыхъ такъ на костель свой Ормянскій въ Києве заложения нароженя наисветшое панны Марыи збудованый, яко тежъ и на ксендза тогожъ костела ихъ ормянскаго, то ежъ кгрунтъ неподалеку места киевскаго, ставъ и млынъ на томъ кгрунте на реце Сырцу збудованый, со всеми его належностями, такъ тежъ дворискъ девять, в месте Києве пляцы, в рынку киевскомъ дома и коморы на тыхъ пляцахъ побудованые, до того каноновъ два, одинъ на велконоць, другій на божее нароженя розсычаныя и шинкованые бывають, также тежъ и иншие вшелякие доходы ведлукъ правъ и привилеевъ ихъ належачие, и имъ служащые со всеми ихъ... дѣтовъ¹⁾ и плебанию на кгрунте тогожъ костела збудованую, яко то ширей по достатѣку тыє привилея ихъ въ себе мають, теды они тыє вси права з добрами всеми звышпоменеными и которыебы одно коликолвекъ на потомъ за ласкою божюю приспособити тому костелови могли подъ моць, владу, послушенство духовное костела катедрального львовскаго ормянскаго заложения Внебовзятя найсвятѣшое панны Марыей в муру будучого и провизоровъ тамтого костела львовскаго доброволне тымъ листомъ своимъ подъ опеку и старанье вшелякое поддаютъ и тыє права свое вшелякие в моць капитулы львовскає реліей орменскає и пановъ старшихъ своихъ моцю того листу доброволного запису своє воевають, оба ихъ. Мл. будучи вже провизорами и опекунами того костеле Орменскаго, и всихъ его добрѣ и належностей, а маючи то вже моцюю тогожто теперешнего запису въ доконалой моцы вшелякое печолованье и оброну вшелякую чинили и одъ импедиментовъ и празныхъ трудностей въ судахъ такъ кгородскихъ, яко земскихъ и головныхъ трибуналскихъ, сеймовыхъ, задворныхъ и якихколвекъ иншихъ терминахъ, яко власные посесоре и провизоре на вечные часы той костель ормянскій киевскій зовсими его добрами и приналежностями правне боронили и моць зуполную мели. а не мней якбы в одправованю хвалы божое й в подаваню имъ ку тому костелови ихъ ксенжи богобойныхъ и учоной опущеню и занеханю не было пилное старанье мели. На што все, што вышей поменило прерочные особы сповне згодивши и везволивши, и то очевисто передъ судомъ нынешнымъ у книги кгородскихъ киевскихъ признавши просили, абы то ихъ очевистое зознанье до книгъ принято и вписано было, которое за принятьемъ судовымъ записано, с которыхъ и сей выпись подъ печатями нашими естъ выданъ. Писанъ у Києве.

Павель Реховскій Писарь кгородскій киевскій (М. П.)

А. Кориггов. Новоселецкій.

Подлинный „выпись“ находится у Якова Федоровича Головацького священника рускаго въ Микитынцѣхъ (коло Коломыи)

Р. S. Отъ Вамъ грамота здаєся досить важна до исторіи Ормянъ на Руси, и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Можете напечатати або якимъ журналѣ або може въ археографическую комиссію переслати. Ще щось нового. Панъ Домковичъ (Русинъ, мирскій человекъ) изобрѣвъ у Львовѣ новый инструментъ до науки ірмологіона и церковный пѣній, съ помощію котрого чотыре голосівъ може спѣвати учитися пѣнія церковного. До того є наставленіє къ науцѣ ірмологіона.—Для насъ, де пѣніє церк. занедбано, дуже пожиточне изобрѣтеніє.—Тотже гадає выдати ариѳметику для дѣтей и математику по руски.

Не хотѣлося було посилати тою дорогою сего письма щобъ не за дѣлося тамъ де перше, але що дѣяти, коли нѣкуда?—Посылаю... зъ богомъ.

¹⁾ Годъ перечитати се слово. [Я. Г.]

6. Пол. 9 IV. 48. п'ят.

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Давнѣчко вже, якъ писавъ емъ до Васъ, а не мая одпису, несмѣвъ емъ и набиватися изъ моими письмами.— Ще мѣсяця вересня минувшого року получивъ емъ вѣсточку одъ высокопочитаемого г-на Д. Зубрицкого, що присланы зъ ласки Вашои для мене книжки находилися въ цензурѣ львѣвскоѣ—я ждавъ доки не одберу ихъ, щобы Васъ извѣстити о полученью ихъ и Вамъ подяковати за нѣ красненько. Дожидавъ довго-довгенько-ажъ ось недавно получивъ емъ листъ изъ Львова, що книжки вже перейшли цензуру и ждуть на случай переслати до мене.— За тымъ часомъ дякую Вамъ за память Вашу на насъ бѣдныхъ; сподѣюся небавкомъ получити и сами тѣ книжки. Коли ласка Ваша и надалъ присылайте до мене тою же самою путью якъ и доси—лучшой найти годѣ, тая дорога певна, хоть може троха нескора.

Наша Галицькая Русь здобулася за целый рѣкъ 847 зновъ на одну книжку („руську“); а тая е: „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки уплѣль Иванъ Б. Ѳ. Головацкій ч. Вторая у Вѣдни черенками о. о. мекхитаристѣвъ 1847“.— Форматъ и изданіе такѣ якъ первой части, но ледве не вдвое завгрубшки против той.— Правописаніе дешо одмѣнне одъ 1 части, бѣльше привернено до церковного або великоруск. грамоты.— Сей Вѣнокъ посвященъ „его превосход. высопресвященнѣйшому высокодостойнѣйшому г. Іосифу Раячичу, православи. восточной церкви, Акппу Карловецкому и всего въ цѣс. кор. державахъ обрѣтающагося славеносербского и воложского народа митрополиту и проч. Содержанье слѣдующе: Предисловіе издателя.— Ант. Могильницкого: Слово о повинностяхъ пѣдданныхъ; Згадка старины:— Ант. Лужецкого: Пѣсня на честь е. в. Фердинанда I; его Плачь вдовицѣ, и голось вдовицѣ до згаслого друга.— Лук. Данькевича: Бесѣда о горѣлцѣ; довжникъ жидѣвскій, Шатана жада; К. Скоморовскоѣ: Птицѣ—послы. Изъ Н. Маркевичевои Истор. Малороссіи Т. V: Спись державцѣвъ Малороссіи; Ив. Вагилевича: Жуликъ и Калина; Мадей (изъ Русалки).— Я. Ѳ. Головацкого: Весна. Туга за родиною; Два вѣночки; Рѣчка; Надъ Прутомъ;—(Прозою): Подѣль часу у Русинѣвъ; Слова витанья и чесности у Руси; Великая Хорватія (см. Моским. 1841) Казки В. Луганскаго (переводъ Ник. Устѣиновича) Осѣнь, Побратимови въ день имени его; Надднѣстрянка; Гейгей милый боже.— Мих. Тѣмяка: Богъ знае, чимъ чоловѣка карати мае (казка).— Издателя: До Ѳ. І. П.—Побратимови; Три думки. I. Залюбленому единчику. II, Зарученнѣй сиротинѣ; III. Молодымъ по вѣнчанью; Торжество-Сонъ (XII сонетѣвъ); до Кл. Ол. Семая на чужинѣ весна (X сонетѣвъ)—Загадки рускїи и сербскїи (175 малор.—загадокъ срѣвканы изъ сербскаго и зъ росправкою) Яцька Балагура (Я. Ѳ. Головацкого): Вороженье у Русинѣвъ. Добри дѣти вѣнецъ казка—Назви народнїи I—VI за Жидѣвъ I—VIII за Циганѣвъ; I—XV. Приказочки I—V байки и небылицѣ. Отъ и все.—Я небавкомъ постараюсь пѣслаты Вамъ изъ килька екс., щобы сте сами переглянули и оцѣнили.—Кромѣ сего львовская Ставропігія издала 1847 года букварь славено-рускїй—а у Вѣдни и ждивеніемъ правительскимъ (ї) напечатана (Кириловск. букв. по малоруски): Наука о управѣ тютюну для Галиціянѣвъ въ цѣс. надворнѣй типографїи (12) 68 сторонѣ. Ѳеод. Витвицкій напечатавъ свои „Науки парахіальныя на недѣли всего лѣт. въ Чернѣвцяхъ 1847 г. Т. I. 46 р. Т. II. 500 стр. (8). Отъ ледви не вся словеснѣсть за минувшїй рѣкъ. Но изъ симъ рокомъ 1848 памятнымъ (48-мы) въ дѣянїяхъ южной Руси открываеся для малорусской словесности новый свѣтъ, нове житье, въ просвѣщенїю народномъ.—Многи изъ Русинѣвъ Львовскихъ (Духов-

нии лица и чиновники) а особенно Ставропигіянскій институтъ, который учредивъ порядочную книжную лавку, обновивъ свою книгопечатню и литографію; гадає издавать малорускій журналъ „Галицкую Пчелу“.— Духъ божій надхнувъ Русинѣвъ и въ зляшенѣмъ и понемѣченѣмъ Львовѣ знайшлися и сочинители и сотрудники до Пчелы—подано о позволѣнье издаванья и сподѣются небавкомъ получить его, бо самъ губернаторъ е. с. графъ Стадіонъ, который дуже благородно расположенъ для Русинѣвъ, не одмовивъ своей помочи и ходотайства.—Ставропигіянскій институтъ бере на себе издаванье, печать, розсылку и пр.—Редакцію благоизволивъ на общую прозбу принять честный нашъ Д. Зубрицкій („свѣтло краины нашей)—Односительно содержания будутъ приймаются статьи историч. географ. и этнографич. содержания—казки, повѣсти; переводы изъ другихъ языкѣвъ.—Дай боже лишень въ щаслыву годиноньку розпочати, а якъ богъ угодить, и дальше пѣдемо.—Вѣнокъ, коли не буде якои перепоны, гадаємо и дальше плести.—Цвѣтѣвъ найшлобыся, кобы лишъ купцѣ були.—Опроче що будетъ напередъ не знати.—Будущее въ руцѣ божіей но очивидячи и намъ засвитало, надѣя въ Бозѣ, що и въ наше оконце, засвѣтитъ разъ сонце.

Минувшого року понесла наша Русь великую утрату черезъ смерть: его преосвященства и превосходительства Іоанна Снѣгурского еппа Перемыского, Самборского и Сяноцкого, его п. в. дѣйствительного тайного совѣтника св. богословія доктора—директора философского факультета въ перемыскомъ лицей, который 12/24 вересня 1847 упокоився.—Мужъ сей бувъ правдивымъ отцемъ—пастыремъ стада своего—защититель бѣдныхъ-вяльняной для своего народа сердцемъ и душею—всюди заступавъ его—всѣма силами старався о добро его—цѣле житіе свое, цѣлый маєтокъ посвятивъ для добра народного.—Множество спасительныхъ учрежденій по нимъ осталось—все дѣла его.—Его дѣломъ бо есть книгопечатня перемыская епископская.—Его стараньемъ собрана богатая библіотека. Его трудомъ и иждивеніемъ заложена школа для дякѣвъ и учителѣвъ сѣльскихъ въ Перемышляхъ.—Его стараньемъ учрежденъ фондъ для священническихъ вдовиць и сирѣтъ—и для бѣдныхъ школярѣвъ—За его заступленьемъ и ходотайствомъ заложена катедра славянскаго языка въ лицей перемыскѣмъ (однимъ-одна на цѣлу Галицію).—Словомъ куди поглянетъ всюди знаки отцевского старунку его.—И по смерти лишивъ ще записи для многихъ благодѣтельныхъ закладѣвъ. Въ духовнѣй своей зробивъ фондъ на професора богословія пасторалкою и катихитики (русского) въ перемыскѣмъ лицей.—Цѣле житіе, при каждой способности просивъ и старався у вышнего Правлѣнья о учрежденіе той катедры, щобы замѣсть польскихъ и нѣмецкихъ по руски слухали богословы сихъ преподаваній—и годѣ було допроситися умеряючи помятавъ о тѣй потребѣ и записавъ фондъ на професора—якобы сказавъ „нема надѣи допроситися сего—треба грѣшми надолжити“.—На конецъ западніи и южніи произшествія богато говору наплодили—але ще тяжко якого толку допытатися—у Львовѣ ляцкій духъ пужає боязливыхъ—але лишень у Львовѣ—въ прочемъ спокойно. Рускихъ сподѣваються у насъ. Больше и нѣчего писати.—Пріймѣтъ мое сердечне поздоровлѣнье. Вашъ поважатель Я. Головацкій.

20,8 марта 848.

7. Получено 2 IV. 1849 г. во вторникъ вечеромъ.

Высокопочитаемый господине милостивый пане!¹⁾

Вже килька мѣсяцѣвъ минуло, якъ я получивъ одъ Васъ такъ миле для мене письмо, въ котѳромъ ласкаво обѣцялисьте частѣйше переписку продовжати исъ моею малостію. Но пѳсля одпису мого, надаремно я ожидавъ одъ Васъ дальшихъ писемъ, наконецъ рѣшивъ емъ ся самъ первый перервати такъ довгое мовчаніе и наприкрятися Вамъ моимъ листомъ. Одъ послѣднього мого листу богато перемѣнилось — Русине наши поступили напередъ бѳльше за пѳвроку, якъ давнѣйше за десѣтъ. Не говорю тут о політѣскѳмъ выступѣ и значенью, но въ літературнѳмъ одношенью. Позаякъ я николи не занимавъся політикою, тою пошестью нашего времени, такъ и теперка зѳставляю ей другимъ. Я занимаюся науками и не гадаю одступати николи одъ нихъ. Нехай собѣ другіи (званіи и не званіи, котрыхъ послѣднихъ далеко бѳльше) голову ломають надъ происшествіями політѣскими, у мене свое дѣло. — Для того, не во гнѣвъ Вамъ, не учуете одъ мене ни жадного політики касающагося извѣстія, а самі літературніи, котрі то Вамъ по возможности моей розлучно описати гадаю.

Якобы предтечи нашего воскресенія килька лѣтъ тому вѣзадъ ялися лучшіи Русине покрѣпляти свою народнѳсть старанно изѣучовати свѳй языкъ — упражнятися въ писанью сочиненій въ народнѳмъ языцѣ — чули свое возрожденіе, якъ тая былинка що парѳстки пускае, чуючи весну зближающуюся. Нынѣ тое старанье, тая наука увѣнчана наилучшимъ успѣхомъ, бо пожиткомъ для цѣлого народа. Высокое правительство изрекло рѳвноправнѳсть нашего малорусского языка исъ другими Австрійской державы. Въ слѣдствіе того мае бути языкъ рускій заведенъ въ школахъ, судахъ и урядахъ нашои Руси Галицкой. Теперъ пора Русинамъ всѣми силами робити, щобы все тое въ житье ввести, що правительствомъ ласкаво надано. И о тое теперъ Русине стараются. Хоть для малости ученыхъ людей къ тому способныхъ поволи той поступъ дѣся, но споглянувши на впаки, за одинъ ще несповна рѳкъ много ся зробило. Въ школы заводится русскій языкъ. — Молодѣжь охотно береса до науки русского языка. Въ народныхъ и городскихъ училищахъ ледви не всюди уже въ нашей Галицкой Руси обѣучаютъ читанью и писанью русскому. При гимназіяхъ такожь учреждены кафедры русского языка, де вся молодѣжь должна учитися по руски. Сего року по бѳльшей части только религія можетъ бути въ русскомъ языцѣ преподавана, за неимѣніемъ учебныхъ книгъ — но на другій школьный рѳкъ будутъ старатися рускіи учителя гимназій и другіи предметы учити по руски. Въ львѳвскѳмъ университетѣ учреждена кафедра языка и словесности малорусской, котрыхъ то предметѳвъ я маю честь бути публичнымъ ординар - профессоромъ. Аже сего року школьного факультеты философскій, и правный суть замкнены, то преподаванія одбуваются въ лицеальной академической классѣ, на которы лекціи многое множество слушателѣвъ ходитъ. Въ лицеѣ перемышльскомъ уже сего року преподаются науки религіи и философіи въ обохъ годахъ философского факультета по руски. Найшлобы ся и больше профессорѳвъ, которіи бы желали по руски преподавати, але для совершенного недостатка учебныхъ русскихъ книгъ тяжко имъ приходитъ переводити або передѣлывати свои предметы для русскихъ лекцій. Въ богословскихъ заведеніяхъ въ Львовѣ и въ Пере-

¹⁾ Листа цѳго надрукував акад. Студинський у 2-му т. „Кореспонденціи” Я. Г., ч. 242, сс. 414—416 за чернеткою. В нашому оригіналі багато поправок і додатків проти чернетки.

мысли преподается уже большая часть предметѣвъ въ рускомъ языкѣ. Всюди ѡдзывается руское слово - рускій духъ — коли передъ рокомъ никто не учивъ слова руского въ жаднѣмъ школьнѣмъ заведенію, кромѣ хибань приходскихъ училищъ. Одъ мѣсяця червня завелася у насъ Матиця Галицко - руская, съ подобнымъ намѣреніемъ якъ то чesка и другіи словянскіи и мае уже сто килькадесять сочленовъ. Немаючи однакожь значительныхъ грошій не могла еще бѣльшихъ сочиненій выдавати. Первую увагу звернуло тое общество на изданіе добрыхъ учебныхъ книжокъ для дѣтей. Въ тѣмъ намѣренію выдала Матиця „Букварь языка малорусского“ написанный Ант. Добрянскимъ парохомъ изъ Валявы и зачала печатати Грамматику малорусску, мною сочиненую. Выйде такожь небавкомъ килька моихъ преподаваній „о русской словесности“ изданіемъ Матицѣ Галицко - русской. — Таяжь Матиця созвала була въ мѣсяци жовтни минувшого года собраніе ученыхъ русскихъ, котори нараджовали надъ поднесеніемъ народныхъ школъ и народной словесности. Соборъ той подѣлившиися на оддѣлы, державъ свои засѣданія черезъ цѣлый тыждень и працьовавъ въ оддѣлахъ. Наконецъ установивъ „Общество галицко - руске просвѣщенія народнаго“. Дѣланія того собора ученыхъ будутъ напечатаны иждивеніемъ Матицѣ. Матиця мае намѣреніе выдавати часописьмо наукове, но недостатокъ фонда дѣлае еще такое издаваніе невозможным. — Министерство справедливости учредило переводъ законѣвъ государственныхъ австрійскихъ на русскій языкъ, и комиссія сложена изъ 10 членѣвъ работае неустанно надъ тымъ. — У Львовѣ выходитъ двѣ політическіи газеты русскіи: а) Зоря Галицка, двичѣ на тыждень, повтора листа, въ котрѣмъ помѣщаются політическ. извѣстія и росправы, такожь поезіи и простонародно изложены ѡдъ тутейшого общества земледѣльческаго русского. б) „Новины“ такожь двичѣ на тыждень по четверть листа — печатають кромѣ політическихъ извѣстій такожь поезіи, меже которыми находятся часомъ дуже красни. — Левицкій печатае въ Перемышля Грамматику языка русского. — Маруся, повѣст Основяненко, перепечатуеся у Львовѣ изъ житъеописаніемъ Квѣтки. Гадають такожь ще Енеиду Котлярѣвского перепечатати, бо книжокъ изъ Росіи неспосѣбъ получати. — Келестинъ Скоморовскій оголосивъ передплату на Ермака Хомякова, который переложивъ стихомъ на малор. Н. Устіяновичъ, соловей русскій, якъ ту звичайно называютъ сего талантливаго нашего поэта, переложивъ драму Кореньовского „Верховинцѣ“ (Gorale Karpassu) а любитель драматическаго искуства, котрѣмъ вже колька разѣвъ представляли Котлярѣвского Наталку, и Москаля и инші драм. кавалки, гадають тую драму представити. О якъ бы намъ ся теперка придали драмы Основяненко и другихъ малоросс. авторовъ — а навѣтъ и великорусскіи сочиненія драмат. особенно представляющія сцены изъ Украины, Козаччины або древной Руси. Охотникѣвъ до передѣлки, переводовъ и представлений найшлобыся; кобы лишь книжки. — А представленія, особливо народніи, сильно дѣйствуютъ на поднесеніе духа въ великѣй мѣрѣ — и на уничтоженіе передразудкѣвъ. — Въ Перемышля такожь часто представляютъ малорусскіи кавалки. — Іосифъ Скоморовскій собравъ словарь малорусского языка до 30.000 словъ, исо фразеологією и толкованьемъ польскимъ и гадае пренумерату оголосити на тое дѣло, бо ни самъ ни Матиця не мае такого фонда, щобъ такъ обширне дѣло выпечататы. — Ив. Гушалевиць учитель русск. яз. при гимназіи львовск. выдалъ „Стихотворенія“, и думаетъ выдавати „Розсвѣтъ“ журналъ беллетристичный. Въ Коломыи завелася „Читальня руска“ — тоже и Львовѣ таке общество заводится — но всюди одна гадка и одна скарга, що неможна книжокъ достати малорусскихъ и вообще русскихъ. — То все, що доси здѣлалося

къ поднесенью народности — мало оно мало, але сли подумаємо, яка тиха глушь передъ рокомъ була,— то увидимо що дуже багато зробилося, а по крайней мѣрѣ подстава сильна для будучности положилася.

Маю честь бути Вашого высокоблагородія щиримъ почитателемъ
Львовъ 28-го марта 9 цвѣтня 849. Я. Головацкій.

НВ. Еще осмѣливаюсь одозватися до Васъ съ прозьбою. Якъ давно менѣ радосно-мило було мати надѣю, що Вашимъ родолюбнымъ трудомъ выйдуть въ свѣтъ народни малорусскіи пѣсни такъ теперъ бѣльша потреба такого изданія и сообщенія нашому народови его твореній даеся чути. Позвольте спытатись, чи борзо можемо надѣятись на изданіе ихъ? Теперъ пора для нихъ! Прошу такожъ ласки Вашей, кобысьте благоизволили прислати менѣ продовженье лекцій о словесности русской, не оцѣненного писателя г-на Шевырева.— Они менѣ якъ були проводникомъ въ моихъ преподаваньяхъ такъ и надалѣ необходимы.— Такожъ може найдутся якіи другіи сочиненія для объясненія словесности (особенно XV до XVIII столѣт).— У насъ збераються учени до переводѣвъ учебныхъ книгъ для гимназій и лицейвъ на русскій языкъ — мають польскіи и чески книжки того рода, но я думаю, для такого дѣла, необходимы намъ русскіи книжки. Изъ нихъ можемо добути истинно русскихъ, коренныхъ наименованій техническихъ, котори повинни бути один для всѣхъ руссовъ.— Будьтежъ ласкави, помогѣтъ намъ въ томъ... Кажѣтъ кому зробити списокъ всѣхъ учебныхъ книжокъ, исключая языки, якіи уживани въ русскихъ гимназіяхъ, лицейхъ и университетахъ, и будьте ласкави прислати его подѣ моею адресою сюда,—а мы уже будемъ старатися, якимъ чиномъ выписати ихъ изъ Россіи.— Пробачьте моей смѣлости — але щожъ дѣяти — до кого ся удати, якъ не до своего родного.

Адресъ мой: Jakob Glowacki, öffenth ordenth professor der russinischen Sprache und Literatur an der k. k. Universität zu Lemberg.

8. Пол. 26-го іюля 1857 г., въ пяти.

Милостивый государь! Благодарствую Васъ за сочиненіе „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“ — болгарскія пѣсни и пр.— Особенно первая книга для меня драгоцѣнность — это литературный кладъ, изъ котораго, по части выложеннаго предмета всегда пользоваться можно. Жаль только, что мы съ нашей стороны не въ состояніи хотъ въ отдаленности подобнымъ даромъ возблагодарить.

Извините, что я обращаюсь къ Вамъ съ прошеніемъ. Въ библіотекахъ московскихъ безсомнѣнія найдется экземпляръ „Грамматики Еллино-словенского языка изд. въ Львовѣ 1591 г.“. Если не будетъ затруднительно для Васъ, благоволите сдѣлать вѣ рную выписку изъ этой книжицы: два три листа съ начала (изъ части этимологической), два три листа изъ середины (т. е. синтаксиса) и два три листа изъ просодии. Сверхъ того желалъ бы я получить перечень главамъ или содержаніе книги. За эти выписки я весьма одолженъ буду.— У насъ невозможно получить экземпляра.

Еще прошу объ одномъ дѣлѣ извиненія. Передавая Вамъ мой сборникъ пѣсень народныхъ, я обѣщался не печатать ихъ въ Россіи (если хорошо помню). Но года миновали — обстоятельства измѣнились и я поощренъ нашимъ ветераномъ Зубрицкимъ принялся за списываніе словаря малорусскаго въ видѣ пополненія малор. словаря Аѳанасіева, изданнаго Академіею Наукъ; пробка изъ этого словаря уже послана въ Академію — по той причинѣ я принужденъ былъ заимствовать въ примѣры изъ моихъ рукописныхъ пѣсень нѣкоторые стиха. Въ продолженіи словаря я долженъ буду опять иногда дѣлать подобные цитаты, такъ

разрѣшите меня отъ данного слова.— Впрочемъ если Вы не намѣренны издавать пѣсень народныхъ, то я принялся бы за приготовленіе къ изданію моего сборника и можетъ напечатать бы въ Львовѣ. Но такъ какъ у насъ весьма мало покупателей книгъ можетъ быть послалось бы нѣкое число экс. въ Россію. Къ всему тому мнѣ нужно Вашего согласія.— Благоизволите изъяснить ся о томъ всемъ.— Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе г-ну проф. Погдину и другимъ г-амъ литераторамъ. Г-амъ редакторамъ Русской Бесѣды благодарствую за экс.

Съ принадлежнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь пребывать
Вашего высокородія милостивый государь покорный слуга и почитатель Я. Головацкій.

Львовъ 21. іюня 857.

9. Пол. 20-го февраля, 1860 г.

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Кажется годъ тому будетъ назадъ или два послалъ я было посредствомъ г-на Николая Андреевича Маркевича, историка Малороссіи нѣсколько древнихъ актовъ изъ сдѣшняго митрополичьяго архива и просилъ Васъ объ посредничаніи, чтобы эти памятники могли быть напечатаны въ Чтеніяхъ император. общества исторіи и древностей русскихъ, по сию пору однакже не извѣстно мнѣ напечатаны ли они или нѣтъ.— Вы благоизволили прислать мнѣ двѣ книги Чтеній издаваемыхъ обществомъ съ 1858 года, за которыя Вамъ очень одолженъ позже не получилъ я ничего и потому не знаю, не помѣщены ли реченныя статьи въ которомъ нибудь изъ позднѣйшихъ томовъ.

NB. Я обѣщаль послать Вамъ копію записокъ Θεодосія Бродовича. Архитектура гр. унит. луцкаго собора — и нынѣ исполняя мое обѣщаніе сообщаю Вамъ вѣрный списокъ этой достопамятной рукописи. Благоизволите предложить ее высокоученому обществу и постараться объ напечатаніи ея — если можетъ быть — въ подлинномъ языкѣ съ присовокупленіемъ русскаго перевода. Надлежало бы отпечатать ее и въ особой книжкѣ для людей, ищущихъ въ такового рода запискахъ источника къ исторіи, ибо то не обыкновенные *Ramiętniki historyczne* или хвастливые записки какого-нибудь партизана — это сущая исторія недавно истекшихъ временъ. Для насъ имѣютъ подобныя книги особенную важность; сдѣсь бо все еще продолжается эта религіозная и національная борьба, принявшая уже свой конецъ въ смежныхъ областяхъ Россіи.

У меня есть еще больше памятниковъ касающихся исторіи церкви русской и іерархіи ея въ Галиціи — и если только увижу что посланныя мною статьи приняты будутъ съ участіемъ и обнародованы посредствомъ печати, я готовъ посылать оныя поочередно для сообщенія Обществу, въ противномъ бо случаѣ, если бы не выдавались въ свѣтъ, все равно, будутъ ли онѣ лежать у Васъ въ тетрадкѣ, или останутся у насъ предназначены на снѣдь червямъ.

Благоизволите тоже извѣстить меня, какъ поступаетъ изданіе сборника пѣсень народныхъ галицко-русскихъ — далеко-ли еще до конца... Я послалъ уже второе отдѣленіе областнаго словаря въ Академію Наук, но приводимые тамъ примѣры все еще заимствованы изъ моихъ рукописныхъ тетрадей.— Будетъ-ли, что по каковымъ мнѣ неизвѣстнымъ причинамъ не издастся реченый Сборникъ пѣсень еще черезъ годъ-два, то пусть уже выйдетъ въ 62-омъ году — да будетъ посвященъ въ торжество 1000 лѣтія русскаго имени со стороны галицко-угорскихъ Русинъ, отъ которыхъ едва ли поднесено будетъ какое нибудь Сочиненіе въ память того славнѣйшаго роковаго года.

Въ прибавленіи посылаю Вамъ нѣсколько брошюръ. Это почти все

изданное въ нашихъ типографическихъ станкахъ касающееся Русиновъ въ продолженіи текущаго года.— Надѣмся, что съ будущимъ годомъ и литературная дѣятельность наша двинется впередъ... приготавливаемся къ издаванію новаго теченія Галицкой Зори—или иного литературнаго и простонароднаго временника.— Благоизволите мнѣ сообщить извѣстія объ литературныхъ успѣхахъ въ Россіи.— У Васъ печатается пропасть книгъ, а мы вѣдаемъ объ литературныхъ произведеніяхъ менѣе, чѣмъ десять годовъ тому назадъ — говорятъ, что сообщеніе стало легче, но мы менѣе сообщаемся чѣмъ прежде—любовь къ дальнимъ Славянамъ въ исполинскомъ видѣ растетъ... (вирвано. Ф. С.) ближени сродницы чуждаемся другъ друга!— Ожидаю Вашего отвѣта по почтѣ или посредствомъ посольства русскаго и пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ Вашъ искреннѣйшій другъ и почитатель Я. Θ. Головацкій.

Львов 29/17 октября 859 г. ¹⁾

10. Получ. 20-го августа 1860 г. въ суб.

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Извѣщаю Васъ, что я получилъ книги посланныя Вами посредствомъ г-на профессора Петра Алексѣевича Лавровскаго.— Изъявляя мою искреннюю благодарность за даръ съ жалемъ долженъ примѣтить, что меня дошли только прежде I и II-я книги, нынѣ же IV кн. съ 1858 и I и II-я 1859 годовъ Чтеній общ. исторіи и древностей — слѣдовательно недостаетъ у меня III кн. съ 858 года.— Изъ статѣйки напечатанной въ Codzienn'ой газетѣ варшавской и извлеченіи оттуда въ видѣ формальнаго полицейскаго доноса напечатанномъ въ сдѣшнемъ журналѣ kółko rodzinne свѣдалъ я, что въ какомъ то московскомъ журналѣ напечатана корреспонденція архіепископовъ львовскихъ съ 1739 года. Въ этой статѣ сдѣлалась большая ошибка, именно, что тогда переписывался съ епископомъ митрополитомъ Леономъ Шептицкимъ Венцеславъ Гр. Сѣраковскій, когда собственно должно быть Николай Выжицкій. По той причинѣ благоизволите въ будущемъ н-ѣ того же журнала напечатать поправку: вм. В. Гр. Сѣраковскій должно читать Николай Выжицкій нареченный архіепископомъ 1736 ум. 1757 году.— При томъ прошу Васъ благоизволите распорядить, чтобы въ будущее, если будутъ печататься которая нибудь статья мною когда-либо высланная неподписывалось мое полное имя ни мое званіе — а только начальныя буквы.— Кому нужно, тотъ узнаетъ автора, а между тѣмъ въ нашия слишкомъ натянутыя времена не хочу обращать большаго вниманія враговъ, которыхъ насъ обдаетъ тьма тьменная. Покамѣстъ посылаю Вамъ нѣсколько брошюръ изъ новоиздаваемыхъ сочиненій — надѣюсь что въ будущемъ будетъ того больше.

Съ совершеннымъ высокопочтеніемъ пребываю вашего высокоблагородія покорнѣйшій слуга Я. Федоровичъ. 12/24 іюня 860 г.

P. S. Объ изданіи пѣсень народныхъ все еще не слышу отъ Васъ ничего — на меня напираютъ чтобъ я принимался за издаваніе.— Осмѣляюсь еще просить объ присланіи экс. Статута Литовскаго изданнаго обществомъ, если не тягостно Вамъ будетъ.

11. Шановний пане и добродѣю! Уже килька разѣвъ я писавъ къ Вамъ посылаючи гдѣщо изъ книжокъ и рукописныхъ жмытѣвъ, та просивъ Васъ о ѳдпись, але годѣ та годѣ дѣждатися чемного словечка Вашего. Або у Васъ нема способу переслати письмо, або яка непорадна година, та выжидаете слобѣднѣйшого часу, або що друге на перепонѣ, самъ я не кмѣтую, щося дѣе, же мовчите.— Ось я зновъ наумѣвъ на-

¹⁾ На першій сторінці літографія така сама як і на листі XII.

писати килька строчокъ посылаючи Вамъ где що изъ нашихъ нововышедшихъ книжокъ.— Вы увидите, що мы не вжартъ коверзнули въ сѣмъ годѣ— и выдали книжочокъ за пять прешлыхъ.— Бѣда бо насъ настигла; вороги притьмомъ принялися за насъ — треба боронитися, або жити, або вже погибати на вѣки.— Такъ бо тверда и завзята натура Русина — не угнетъ его, ба й не зломить; хоть вони и туды — а мы таки не дамося.— Теперечки посылаю Вамъ где яки книжки, будьте ласкавы одпишѣть, чи одобрили Вы сіи и давнѣйшіи посылки. Та чи получили Вы памятники Гродовича и чи будете печатати ихъ, и коли; бо якъ скоро Вы не думали бы друковати, то я постараюся о другого выдавателя, котрый у мене уже есть на-пеньку.— Чую черезъ люде, що г-нъ Аксаковъ намѣряе выдавати полный зборникъ малорусскихъ пѣсень. Хибань Вы ему одступили Ваши собранія, бо онакше не гадаю, щобы бувъ повный.— Нехай бы и такъ було, абыбъ борже выдати.

Я посылаю сіи книжки черезъ агента компанії „Надежды“ г-на Эксельбирта въ Новоселицахъ. Если и у Васъ знайдется що передати, менѣ одъ себе або одъ добрыхъ людей, то посылайте черезъ него. Думаю дорога беспечна, я все получаю справно.— Я вже Вамъ вѣдай писавъ, що втора книга Чтеній исторического общества съ 1858 г. не дѣйшла до мене,— одже прошу прислати сѣ. Просивъ бымъ также если ласка, о Статутъ Литовскій выданный Обществомъ исторіи и древностей русскихъ — менѣ хотѣлобъ ся преподавати одинъ курсъ о Статутѣ, такъ гляба — рукописи е тутъ двѣ обѣ неповны, печатаного эксемпляра нема ни одного. То що Линде, Даниловичъ, Гельцель и другіи Ляхи о нѣмъ написали все дрянъ, або недостаточне, не можна путя звести.

Подякуйте панамъ Кушелеву и Аксакову за присланіе Русской Бесѣды. (Недостае также II-ои книжки зъ 859 г.). Велике богъ заплатъ имъ за даръ. Я имъ не годенъ одслужити и весь мѣй вѣкъ.

Посылаю черезъ Эксельбирта слѣдующіи книжки:

1. Зоря Галицкая, альбумъ на годъ 1860. Львѣвъ 860 3 экс.
2. Начало и дѣйствованіе Львовского Ставропійского братства. Львѣвъ 860	. 3 „
3. Епархія русская Львовская передъ стома лѣты	. 3 „
4. Очеркъ Старословянского баснословія	. 1 „
5. Поезіи Ник. Устіановича ч. I	. 1 „
6. Зборничокъ пѣсень	. 1 „

Всего 12 книжокъ и брошюръ.

Ожидаю Вашего одвѣта, поручаюся Вашей ласкавой пріязни и остаюся съ отличнымъ высокопочитаніемъ Вашъ щирый почитатель и покорный слуга Я. Ѡ. Головацкій.

Львѣвъ 28. сентября 860 г.

12. Пол. 8-го февраля 1861 г., въ среду.

Шановный пане добродѣю! Письмо Ваше порадовало мене дуже а дуже.— Слава богу а Вамъ щиросердечна подяка, що уже разъ зборникъ мѣй пѣсень народныхъ прогляне на бѣлый свѣтъ. Тѣмъ часомъ лучилося менѣ дѣстати еще збѣрку спѣванокъ народныхъ зъ стрыйского округа— и ще менѣ обицяно бѣльше. Дуже добре булобы, если бы Вы схотѣли зрѣбити зъ нихъ ужитокъ. Одни суть зо всѣмъ нови — други хоть извѣстни, але яко варианты придадутся. Долучаю Вамъ также изъ новостей литературныхъ где котры книжки: 1) Буй-Туръ Всеволодъ, поема Богдана А. Дѣдицкого. 2) Въ память дня 13 Немврія 1860 г.— соч. тогожь.— 3) Воспоминаніе о Прокопчицѣ. 4) Голосъ по поводу рецензіи „Зори Галицкой, альбома на годъ 1860. 5) Народныи звычай и обряды зъ надъ Збруча описаны Игнатіемъ Галькомъ и 6) Мѣсяцословъ (Льво-

вянинъ) на годъ 1861. Послѣдніи сочиненія придадутся Вамъ може до поповненія и обясненія пѣсень.

Книжки Вами посланни надѣйшли уже сюда — находятся въ цензурной ревизіи, и сподѣваюся незадовго получить ихъ.— Спасибѣгъ за даръ.— Эксельбиртъ, здается, зовсѣмъ порядной спедиторъ, онъ посылаетъ борзо и доставляетъ посылки справно — одно лишь бѣда, що дуже дорого бере — та ще боюся, чи не схоче вѣнъ съ одной и другой стороны драти. За мои посылки и за нынѣшню Вашу нараховавъ вѣнъ 24 гульденѣвъ ср. У насъ теперь ажю (лажа) стоитъ на 47/00, тожъ годъ доплатитися. Чи не лучше булобы, щобъ на будуще всѣ полатки, котри считаются на рубли (котри у насъ в одвое коштують) приняли Вы на себе, а за тое я готовъ посылати Вамъ книжками и поповнити Ваши выдатки. На що на пусто мѣняйлѣвъ збогачати. Одъ границѣ, где наши банки въ ходу я уже охотно расплативъ быся.

Недоставающи книжки Чтеній нашлись — они залежали у знакомыхъ моихъ у Вѣдни.

Годъ 860 незвычайно плоднй бувъ на литературу нашу — недѣмся, що 861 еще плодovitшій буде — и коли богъ пособить, станемъ на выcotѣ, котра нашей Руси межѣ народами славянскими въ Австріи принадлежится. Десятилѣтїе нашей неволи скѣнчилось съ паденїемъ лядского министра — новая настае эра нашего народного и литературного развитія.— Завтра ѣде депутація до Вѣдни съ нашимъ митрополитомъ на челѣ, надѣмся, що исполнятся желанія народа руского — прїйде языкъ рускій до своей належной чести и значенія въ училищахъ, судахъ, урядахъ и въ общественной жизни.— Надѣюся, що получимъ концессию на издаваніе политического органа руского, котрый буде выходити два разы на тыждень пѣдъ надписью „Слово“.— Потребно намъ буде учебникѣвъ для гимназійскихъ классѣвъ.— Велику прислугу здѣлали бысте, если бы Вы ласкавы були собрати межѣ ученою братїею и слушателями университета по экземплярю всѣхъ возможныхъ книжокъ русскихъ, на котрыхъ преподаются предметы всякого рода въ гимназїяхъ и высшихъ училищахъ россійскихъ. Правда, що у насъ иный системъ и розличнй языкъ преподавательной (книжно-рускій), але однако книжки тїи зробили бы сочинителямъ учебниковъ нашихъ велику полеготу.

Не можно ли получить Сахарова Библиографїи Славянской?

Ожидаю Вашего ласкавого отвѣта и братского пособія и пребываю съ принадлежнымъ высокопочитанїемъ Вашъ другъ и почитатель Яковъ Федоровичъ Головацкій.

Львовъ 26 декабря 860/7 января 861 г.

13. Пол. 30-го апрѣля 1862 г., понед.

Высокоповажанный пане! Часъ уплывае якъ быстрая рѣчка — а нашому дѣлу все кѣнца не видко. Коли знадобилася оказія, тожъ покортѣло мене зновъ звѣдатися у Васъ, якъ стоитъ съ выданїемъ пѣсень народныхъ Галицко-русскихъ. Выданье то придалобься нынѣ бѣльше якъ колїсь — теперь вѣдай ему сама пора.— Я радъ, щобъ тое изданье було скѣлько можна одповѣдно цѣли и полно. Недавно получилъ я зновъ сборничокъ, одинъ и другій пѣсень — а еще бѣльше менѣ прїобѣцїано. Вы бы могли его прибавити хоть въ додатку, коли може не за пѣзно поставити въ ряду. Е тутъ важны пѣсни изъ Маковицы угорской, самого западнѣго окрайка Руси — и зъ крайны Лемкѣвъ галицкихъ, котрыхъ довольно полное описаніе читалисте въ альбумѣ на годъ 1860.— Окрѣмъ того я хотѣвъ бы прикрасити сборникъ мѣй изображенїями народныхъ уборѣвъ сельского и мѣщанского люда изъ рѣзныхъ сторонъ нашей

Галиччини и угорскои Руси, и придбавъ где-яки досыть удачныи картинки — и надѣюся дѣстати бѣльше, бо ми ихъ многіи обѣцяли. — Напишѣть менѣ, будьте ласкавы оборотною почтою, чи далеко еще до краю изданія, и якъ ся Вамъ повидитъ мѣй предлогъ. Будете ли въ станѣ выстачити на стѣлько, щобы приложити до выданья Вашего розкрашены картинки хотя бы въ числѣ 5—6 або и бѣльше, и чи согласится на то Общество Исторіи и Древностей рускихъ, абы такій коштъ ложити. Мои картинки по бѣльшей части дѣланы акварелью, изъ нихъ можна бы зрысовати такіи образки, якъ н. пр. въ Ригельмановій лѣтописы Украины — и то було бы дуже пріоздобно и понадно. Може бы удалося Вамъ поднести и посвятити книгу тую кому изъ богатыхъ Украинцевъ — а тогда знать и пожертвовавъ бы той меценъ где-яку сумку. То все предположенія — або по нашому грушки на вербѣ. — Однакже если бы именно удалося Вамъ пріобрѣсти або одъ якого любителя рущины нашей або ѡтъ которого книгопродавця значный грѣшь — и Вы не жалѣли бы менѣ гдещо удѣлти, тогды мене бы стало и на издержки поѣхати въ Россію и може и посѣтити Васъ, чого я давнѣчко уже сердечно бажаю!??!

Довго ожидавъ я Вашего изданія записокъ Ѡ. Бродовича и годѣ було дѣждатися, ба и доси не знаю, чи друкуете Вы его, чи нѣ. А тѣмъ часомъ зайшли у насъ важныи перемѣны. — Цѣсаръ давъ конституцію, грудь наша стала ѡтдыхати легче — цензура стала свободнѣйша, люди запрагнули ѡбьясненій прошлой исторіи — и я увидѣвъ, що у насъ можно выдати Бродовича и доконче треба выдати. Сего року на веснѣ напечатавъ я I-ю часть записокъ его — книжка була такъ на часѣ выдана, що до шести недѣль розхопили весь накладъ. — Я було оглядався довго ще на Ваше выданье, але вижу, що го нема — а на мене пруть зо всѣхъ сторѣнь: друкуй та друкуй. Одже я взявся за другое изданіе — теперь хочу выдати и документы. — Посылаю Вамъ одинъ экс. первого выданья, може знадобится Вамъ до справки при Вашемъ издаваніи и прибавляю гдеяки бумаги односячися до тѣхъ же записокъ, можете тыи прилучити для повноты. Я ихъ добувъ изъ архива тутешной митроп. консисторіи. Кѣлька лѣтъ тому писали Вы менѣ, що намѣряете выдати грамматику греческую съ 1591 году *Ἀδείφοτης*. Тогды и я клопотовся, щобы где подыбати якій примѣрникъ той важной книжки. И справды, кто пытае, той допытаеся. По смерти покойного Юсифа Левицкого (автора грамматики малорусской) найшовся одинъ экземпляркъ грамматики греческой безъ означенія года изданія (о кѣлько можно повѣрити приписаному заголовію, хотя впрочемъ сходному съ указаніемъ нѣкоторыхъ библиографѣвъ). Есемплярь есть собственностію соборной перемыской библиотеки, однакже не е то той повный экс., который я видѣвъ передъ десяти лѣтами. Въ сѣмъ экземплярѣ не стае зъ початку шѣсть а на кѣнци три листки, але ктось дописавъ ихъ зъ якогось повного экземпляра. А то такимъ порядкомъ. Одинъ листокъ на лицевѣй сторонѣ бѣлый, тѣлько на оборотѣ напечатаны Писмена на грецкіи. Потѣмъ слѣдуе на I-омъ листку (помѣты) титуль греческій и подъ нимъ славянскій и стишки *Δράζαθε Παίδεας*, Пріймите наказаніе. На оборотѣ зачинаеся заразы грамматика, такъ що противъ греческому стоитъ на другѣй сторонѣ славянскій переводъ: и такъ, оборотъ 1-о листа *Περὶ γραμματικῆς*, листъ 2. *ω* грамматіцѣ: оборотъ 2-о листа: *Περὶ διαρτησεως* л. 3. *ω* раздѣленіи τῶν γραμμάτων писмен на обор. того листка продовжаеся тоже статья, потѣмъ: *περὶ Συλλαβῆς*, листъ 4. также сходно: *ω* словѣ. Обор. 4. *Περὶ λέξεως* л. 5. *ω* реченіи. Обор. 5. *Περὶ ἀριθμῶν* Шесты л. въ моемъ экс. уже печатаный. На кѣнцѣ зновъ выдерты и дописаны листки на л. 174 одъ слѣвъ: „стисняемый, іако виноградъ“ и потѣмъ слѣдуютъ

заглавія: мѣста облеченыя, о времени, о дусѣх. На обор. Περὶ παύσης. 175 л. о страсти. Обор. 157 л. тоу пр тоу евнодук ниже ідоу тоу деутероуеу. Л. 176. перваго собора нн. ниже того: Сеже втораго собора кенскаго на Арие, изложеніе Константинопола на Македониа. Наконецъ на послѣднѣмъ л. Θεοῦ δίδωτος οὐδέτις ἰσχυρεῖ υφῆμος богу дающе зависть ничтоже возможе и проч. Изъ начальныхъ листовъ видите, що заглавіе и начальные листки того изданія различаются одъ грамматики съ означеніемъ года 1591, котораго примѣры я привѣвъ въ моей статьи въ Альбумѣ. Я нашовъ даже слѣды въ одной греческой грамотѣ въ ставропигійскомъ институтѣ л. м. мая 17 д. 1591 що тогда издана була грамматика *). Такъ подтверждается мое предположеніе, що було два изданія Грамматики Греческой во Львовѣ около 1588 г. (безъ выраженія года) и 1591 года.— Але я вертаю до моей просьбы. Знаю, що Вы дорожите такими памятниками письменности предкѣвъ нашихъ и почувете и зрозумѣете, скѣлько мы бы рады мати полный экс. книжки, котра посвѣдчае наше прежнее просвѣщеніе и нашу давнюю славу. Для того будьте ласкавы, милостивый пане, поручѣть кому, щобы менѣ зробивъ снимокъ зъ недоставающихъ листкѣвъ, а я бы мавъ пріятнѣсть доповнити одинъ одинѣсѣнькій экс. котораго нема бѣльше нигде въ цѣлой Галиции, една перемыская бібліотека мала бы ту рѣдкость, котрою поощряли би ся многіи до дѣла; глядя на труды предкѣвъ. Не увѣряли бысте яка то заохота посмотрѣвши на глядомъ на такую старовину. А тои заохоты намъ и треба въ нынѣшнѣй добѣ, будити духа въ оспалыхъ, крѣпити слабодушныхъ и слабосильныхъ, правцѣвати блудящихъ, пѣдпомогати недоросткѣвъ. Пане брате товаришу въ ученѣмъ заводѣ, передъ лѣтами Вы ласкавы були прислали менѣ цымало книжокъ, а тогды я майже самъ бувъ, читавъ и радовався и журився, и бѣдкався и упадковавъ и туживъ и слезы проливавъ то зъ журы, то зъ радости. А не було съ кимъ подѣлитись теперъ же вся молодежь кипить за своимъ рѣднымъ словомъ — а ту годѣ, бо нема душевной поживы для неи. Пособѣть братья. У насъ заводятся читательныи общества, загадують выдавати рѣзныи книжки — рѣдное слово вышло изъ закутины, оно розлагаея смѣло и въ городѣ и въ публицѣ — смѣло ставимъ нынѣ чоло полячеству.— У насъ выдаея отъ м. февраля т. г. политическа газета „Слово“, два разы на тыждень по листу, заступающа всѣ наши интересы. Будьте ласкавы сообщѣте въ журналахъ Вашихъ, що Слово издаея во Львовѣ и съ м. октября соизволено подписывати въ Россіи — Цѣна годовая для Россіи 7 руб. с ер.— Редакція прійме также въ замѣну за який политическій або литературный журналъ рускій, если бы котра редакція согласилася. Адресъ: Въ Редакцію Слова во Львовѣ (Лембергѣ) ч. 100¹/₄.

Извѣщаю Васъ, що я недавно получилъ посланы Вами Чтенія, съ года 1860 кн. I. за котру книжку щиросердечно дякую. Тожъ само подякуйте отъ мене г-ну Аксакову за присланную Исторію словесности Шевырева т. III и IV., ровножь и за экс. Руской Бесѣды, котору я по благосклонности его черезъ кѣлька лѣтъ получавъ. Если ласка Ваша выслати еще коли щонибудь — посылайте або по почтѣ или оказіею

*) Теперь не могу я привести той грамоты ни въ выписку изъ подлинника, але ссылаюся на современный переводъ польскій, котрый е у мене въ рукахъ. Грамота начинаея: Ieremiasz z łaskij Bożej Archiepiskupos Konstantinopolia Nowego Rzymu y Patriarcha powszechny etc. Przeoświęcony Metropolicie Kijowskij, Nachwalebnieyszij, principalie Halicza, y Małej Rossij. Вспомнянуты же слова дотычающійся грамматики съ 1591 г. „A iijz też nowodrukowaną gramatikę niektóry z grubości szkalują, vdaiać to do liudziij iakobij miało być zgorzenie stego, żeby grammatie nie być, przetoż piszemijjio tym y zapowiedziomij (iz to usztkim pospolicie yest dobra rzecz) aby nie było zabroniono od żadnego pod ciężkoscia karania bez odpustu ij iawnego odlaczenia“.

въ Броды къ русскому консулу „А. Рашету“, або коли у Васъ способнѣйше посылати въ Кіевъ, то пересылайте пѣдъ адрессомъ г-на профессора въ унив. св. Вл. г-на Сильвестра Гогоцкаго¹⁾). Онъ нынѣ есть въ Львовѣ и черезъ него посылаю я се письмо и гдеякіи книжочки, рукописи пѣсеней и нѣкоторыи памятники дотычающіися Исторіи Уніи и нашей церкви. Вы сообщите ихъ може обществу исторіи або обнародовите въ Читеніяхъ. Вы найдете тамъ много важнаго и любопытнаго.

Очѣкую Вашей одповѣди на мое письмо и остаюся съ принадлежнымъ почтеніемъ Вашъ другъ Я. Ѡ. Головацкій.
Львовъ 6, 18 октября 861.

14. Милостивый государь, Яковъ Федоровичъ! Письмо Ваше отъ 26-го февраля получено мною исправно 6-го марта сего года по ст. ст. Я хотѣлъ было тотчасъ же отвѣчать Вамъ, но разныя срочныя занятія по университету и историческому обществу не допускали меня взяться за перо. Наконецъ наступилъ лѣтній отдыхъ и я спѣшу Васъ увѣдомить, что, вмѣстѣ съ симъ, отправлены мною къ Вамъ „Чтенія“ за 1862, 1863, 1864 годы, по 4 книги, и 1 и 2-ая книги за этотъ годъ, всего 14 книгъ, да, сверхъ того, двѣ моихъ брошюры: 1) Разборъ сочиненія П. А. Лавровскаго о Кириллѣ и МеѠодію, писанный мною по порученію Академіи Наукъ, и 2) Рѣчь моя, произнесенная на празднованіи столѣтней годовщины Ломоносова въ торжественномъ собраніи московскаго университета 11-го апрѣля. Всѣ этѣ книги посланы на Ваше имя, пѣдъ печатью Общества Исторіи и Древностей россійскихъ въ Радзивиловъ, куда Вы благоволите, по полученіи сихъ строкъ, отнести, къ кому слѣдуетъ, чтобы онѣ были Вамъ или пересланы по почтѣ, или при случаѣ съ надежнымъ лицомъ по Вашей довѣренности, или же другимъ какимъ способомъ, какой найдете Вы лучшимъ. Въ Вѣну не посылаю потому, что не черезъ кого: прежде въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ сидѣли люди, знакомые мнѣ хорошо; теперь же въ немъ ни одного человека.

Сборникъ Вашъ галицкихъ пѣсенъ выйдет, по расчету, вполне развѣ въ будущемъ годѣ. Теперь къ тому, что получено было мною отъ Васъ, допечатывается все, что вышло у Васъ по этой части изъ приобрѣтеннаго мною въ прошлогодною поѣздку за границу. Затѣмъ послѣдуютъ: разночтенія, объясненія, примѣчанія и т. п. Въ какомъ видѣ пѣсьни издаются, Вы увидите изъ помѣщеннаго уже въ посылаемыхъ Вамъ теперь книгахъ „Чтеній“. Когда все кончится, полагаю, можно будетъ подумать и о приложеніи къ нимъ разныхъ изображеній (одежды и т. п.); до тѣхъ же поръ, думаю, нечего заботиться о томъ. При нынѣшнихъ усовершенствованіяхъ въ литографіи, фотографіи и т. п. остановки за приложеніями костюмовъ быть не можетъ. Впрочемъ, я предувѣдомлю Васъ особенно о томъ въ свое время.

Очень жалѣю, что потерянь и слѣдъ списковъ Житій Кирилла и МеѠодія, о которыхъ Вы когда-то сообщили извѣстіе въ „Днѣстрянкѣ“. У Васъ, вижу, тоже не безъ хищныхъ птицъ. Приходится потому отказаться мнѣ отъ напечатанія сихъ списковъ въ своемъ собраніи.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и полной преданности,
милостивый государь, Вашего искренняго почитателя и слуги

4/VII 65. Москва.

О. Бодянскаго.

¹⁾ У одному з рукописів листування до Бодянського збірки Титова знаходимо листа С. Гогоцького до Бодянського такого змісту:

Получ. 21 февр. 1862 г. вечер (рукою Бодянського).

Милостивый государь! Не знаю, получили-ли Вы брошюры, которыя я передалъ Вамъ отъ г. Головацкаго черезъ чиновника Соколовскаго? Посылаю теперь еще остальные. Вашъ покорнѣйшій слуга пр. С. Гогоцкій.

1862 г. Кіевъ.

15. Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Премного благодарю Васъ за сообщеніе мнѣ въ Вашемъ письмѣ съ 4/VII т. г. извѣстія объ изданіи моего Сборника пѣсень народныхъ то тѣмъ болѣе одолжен я Вамъ за присланныя 14 книгъ Чтеній за 1862—1864 и двѣ книги за 865 г., въ которыхъ отпечатаны пѣсни моего собранія и двѣ брошюры. 1. Разборъ соч. П. А. Лавровского о Кириллѣ и Меѳодіи и 2) рѣчь на столѣтнюю годовщину Ломоносова. — Книги приспѣли въ свое время въ мѣсяцѣ августѣ, но по причинѣ отсутствія моего получилъ я ихъ только въ м. окт. — И кто могъ бы выразить мою радость, когда я повстрѣчался съ моими давними знакомыми пѣснями, которыя я съ толькимъ прилѣжаніемъ собиралъ и списывалъ въ лучшей порѣ моей жизни. Вся картина моихъ странствованій по родной землѣ съ различными пріятными и непріятными внушеніями и впечатлѣніями, съ безконечными рядомъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій и всякаго рода приключеній стала мнѣ въ воображеніи предъ глазами. — Я вспомнил, гдѣ, у кого, въ которой хижинѣ выманилъ я ту или другую пѣсню у застѣнчиваго и недоверчиваго народа нашего. — Я удивляюсь нынѣ самъ этой твердости, постоянности воли самоотверженію и упругости и упрямству, съ которыми я былъ въ состояніи преодолѣть всѣ преграды и препятствія — что я отважился среди строжайшихъ полицейскихъ мѣръ; и паспортныхъ предписаній, шататься межъ простымъ народомъ по хатамъ, по шалахамъ, и по жидовскимъ корчмамъ, чтобы только подслушать какой матерьялькъ народной этнографіи. — Я удивляюсь, что часто снискалъ я столько довѣрія у народа, что простолюдины не только не выдали меня мѣстной власти, какъ это нерѣдко бывало съ бродящими по селамъ въ то же время польскими эмигрантами, но почитывая меня совсѣмъ за своего, скрывали предъ зоркимъ глазомъ ляцкихъ и нѣм. полицейскихъ стражей, и совѣтовали, гдѣ грозила мнѣ опасность отъ мандаторей — и совѣтывали куда и какъ можно обминуть ее. — Признаюсь — я нынѣ ни за что, не отважился бы на подобное дѣло и не промислилъ бы способовъ достигъ своей цѣли.

Но нынѣ узрѣвъ мой сборникъ пѣсень въ прекрасномъ роскошномъ изданіи, я въ полнѣ вознагражденъ за всѣ мои труды и благодаренъ прежде Вамъ за рачительное занятіе Ваше изданіемъ его, во вторыхъ же благодарю славное Общество исторіи и древностей русскихъ, которое великодушно пожертвовало сумму на издержки печатанія. — Безъ того я никогда не былъ бы въ состояніи пріобрѣсть капитала на столько хороше изданіе. — По той причинѣ и вся галицко-угорская Русь одолжена за изданіе сборника своего народнаго пѣснопѣнія. — Особые оттиски пѣсень приняты будутъ у насъ съ большею благодарностію и сильно подѣйствуютъ на всю нашу Русь.

Охолонувъ нѣсколько отъ перваго восторга, принялся я за перелистываніе и чтеніе самыхъ пѣсень. Я сравнивалъ печатный текстъ съ моими рукописями и къ радости моей нашелъ много совсѣмъ новыхъ пѣсень и еще болѣе вариантовъ. Посортовавъ ихъ по отдѣленіямъ принятымъ въ печатаныхъ двухъ частяхъ, пересылаю ихъ Вамъ для помѣщенія въ III-ей части. Примѣчанія прибавляю въ особомъ письмѣ. — Пѣсни списаны частью изъ моихъ записокъ, частию же изъ частныхъ собраній. — Пѣсни въ этомъ сборникѣ заимствованы мною отъ: Алексея Торонскаго, священника и гимназійск. учителя въ Дрогобичѣ, который собиралъ свадебныя и другія житейскія пѣсни у Лемковъ (горцевъ Саноцкаго, Ясѣльскаго и Сандечскаго уѣздовъ) самыхъ дальнѣйшихъ на западъ поселенцевъ Русскихъ. Подобнымъ способомъ собирали выше именованные гимназіасты пѣсни народныя по наведенію Кат(ехита)

Ивана Гушалевича. — По нѣсколькѣ десятковъ собраны гимназійскими учениками; и такъ Левъ Ивановичъ Писецкій собиралъ пѣсни въ Полюховѣ Золочевск. уѣзда; С. Метеля и Иванъ М. Сяноцкій въ Жолковскомъ, Титъ Яворскій въ Стрыйскомъ уѣздѣ; Алексей Д. Залуцкій и Иванъ Дроздовскій въ другихъ странахъ. — Наконецъ получилъ я хорошій сборничекъ бытовыхъ думъ и думокъ, нѣсколькѣ колядокъ и коломіекъ, которыя по приказу священника Іосифа Величковского списаны школярами приходского училища въ Чортежѣ Стрыйскаго уѣзда¹⁾.

Сборникъ этотъ сообщилъ мнѣ къ употребленію г-нъ канонникъ Іосифъ Кульчицкій, за что я усердно благодаренъ. Наконецъ колядки собраныя А. Кобринскимъ у Гуцуловъ въ Коломыйскомъ уѣздѣ, напечатаны были въ „Метѣ“ изд. въ Львовѣ 1863 стр. 164.

Въ подлежащихъ тетрадкахъ помѣщены лишь только такія пѣсни, которыя по содержанію своему или совсѣмъ новы или же творять отличный чѣмъ нибудь вариантъ. Благоизволите ихъ напечатать въ 3-ей части. Сверхъ того посылаю Вамъ одинъ экс. коломыйки и шумки собр. Счастливаго Саламона Львовъ 1864. Сборникъ, въ которомъ много найдется новыхъ коломыекъ, или вариантовъ; тоже II и III выпускъ Науковаго Сборника, гдѣ въ III вып. хорошая статья Анатоля Кралицкаго, Свадебныя обряды у лаборскихъ Русиновъ и два Пра 43 и 44 Слова 1864 г., въ которыхъ помѣщена статья: Народная свадьба угорскихъ Русиновъ. — Эти двѣ статьи дополнить могутъ описанія свадебныхъ обрядовъ Игнатія Гальки (Народныя звычаи и обряды зъ надъ Збруча II Ч. и сборники свадебныхъ пѣсень Вацлава изъ Олеска, Жеготы Паули, Лозинскаго и А. Торонскаго). — Изданіе Гальки уже вышло изъ книжной торговли, но я послалъ Вамъ было одинъ экземпляръ. Я думаю, что все это надлежало бы перепечатать, и сдѣлать нашъ сборникъ по возможности полнымъ. Съ моей стороны я милости прошу — поскорѣйте по возможности съ изданіемъ; отъ того бо зависитъ успѣхъ въ дальшемъ собираніи пѣсень. Наше изданіе будетъ руководителемъ для всякаго любителя народной поэзіи, а вмѣстѣ указателемъ, какія пѣсни нужно еще записывать. — По той причинѣ вельма полезно былобы пустить у насъ въ публику хотя эти двѣ части, если печатаніе III-ей еще продлится. Благоизволите извѣстить меня, не нужно ли Вамъ какихъ нибудь поясненій или толкованія неудобопонятныхъ словъ. — Благоизволите послать мнѣ нововышедшія книги Чтеній (III и IV за 865 г.) и я буду имѣть способность узнать планъ Вашъ въ дальшемъ изданіи и можетъ найдете еще больше пѣсень и вариантовъ. — Въ этихъ II. Ч. примѣтилъ я нѣкоторыя опечатки, которыя и прибавляю. Можетъ онѣ исправлены въ особыхъ оттискахъ.

Жизнь Кирилла.

При этой случайности посылаю Вамъ списокъ: Житія св. Кирилла изъ рукописи XV вѣка, хранящейся въ львовской университетской бібліотеки. Оно вѣрно снабдится Вамъ при изданіи списковъ житій св. Кирилла и Методія.

Въ прибавленіи посылаю Вамъ тоже въ рукописи нашу оригинальную мелодраму „Погоряне Карпатскіе“ соч. Ив. Гуш. съ музыкой творенія Мих. Вербицк., которую ввѣрили мнѣ оба сочинители съ прошеніемъ, чтобы эта мелодрама могла быть представлена на московскомъ театрѣ.

¹⁾ Достойный подражанія способъ собиранія пѣсень. Реченый приходникъ приказалъ ученикамъ своего училища списывать народныя пѣсни и въ краткое время набралось ихъ нѣсколькѣ десятковъ прекрасныхъ народныхъ пѣсень. Для памяти записываю имена этихъ учениковъ: Федоръ Барничъ, Іосифъ Попадюкъ, Игнатій и Федоръ Савчины, Кость Гуздоватый, Никола Высочанъ, Андрей и Иванъ Слюсари и Мартинъ Пакожъ.

Пусть припомнитъ она жителямъ благословенно(й) матушки Москвы, что живутъ въ нашихъ карпатскихъ горахъ русскіе люди, русской жизнию. Эта мелодрама, написана однимъ изъ даровитѣйшихъ писателей удостоилась первой преміи нашего театральнаго общества и принята была съ большимъ восторгомъ львовской публикой. Сюжетъ снятъ изъ народной жизни и выведенъ со всею вѣрностью. Сцены очень эффектные— оригинальная музыка тоже очень понравилась всѣмъ и поднесла драмму. Знатоки-Чехи переписали и текстъ и музыку и сообщили чешской театральной интендантурѣ въ Прагѣ, гдѣ будетъ тоже представлена.— Самые Поляки стараются объ переведеніи на польскій языкъ и представленіи на польскомъ театрѣ. По той причинѣ сообщили мнѣ авторы эту рукопись — и я по желанію ихъ пересылаю ее къ Вамъ и прошу умильно— благоизволите передать въ московскую театральную дирекцію, или кому слѣдуетъ, чтобы эта піеса была обсуждена знатоками, или даже на пробу представлена — а въ случаѣ если удостоится признанія, благоизволите войти въ условія, какія могутъ быть корыстнѣйшія, въ полное владѣніе дирекціи московскаго (а при хорошемъ поведеніи) и для представленій на моск. театрахъ. Какъ угодно будетъ, или дать нѣсколько представлений въ пользу авторовъ, или же согласится дирекція на вознаграж. нѣкой суммы денегъ.— Если кто изъ книгопродавцевъ желалъ бы напечатать, или какаянибудь другая дирекція театра хотѣла приобрѣсть право на представленія этой мелодрамы, предоставляютъ г. авторы Вамъ полную власть распоряжаться.— Извините стократно, что я отягощаю Васъ этимъ дѣломъ. Но у меня нѣтъ никакихъ знакомыхъ въ Москвѣ и по благосклонности Вашей ко мнѣ и по сочувствію Вашему къ моимъ землякамъ надѣюсь, что не схотите отказать моей просьбѣ и пособите нашимъ бѣднымъ сочинителямъ.

Прибавляю мою фотогр. карточку — и прошу объ благосклонномъ присланіи Вашей карточки; пусть познаю драгоценное для меня лице съ карточки, когда судьба не позволила меня по сю пору познакомиться лично съ Вами не смотря на то, что уже отъ 20-и годовъ имѣю честь стоять въ письменной перепискѣ и въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Вами.— Если не будетъ отягощать Васъ, прошу тоже объ присланіи карточекъ другихъ литераторовъ московскихъ именно: пок. Шевырева акад. Погодина, г-на Аксакова, коимъ я многимъ обязанъ.— Поблагодарите отъ нашего общества г-ну Аксакову за присылаемые имъ въ нашу народную Бесѣду Нровъ Дня.— Я тоже очень одолженъ ему за экс. изданія Дня съ прежнихъ годовъ, которыя получалъ я посредствомъ отца Раевского и г-на Кокошкина.— Если бы можно получить еще 1865 г. для полноты.— Сборникъ стиховъ П. Безсонова у меня неполненъ, именно не достаетъ I-ый выпускъ.

Прибавляю нѣсколько экземплярей моихъ статей — можетъ увидите, что ктонибудь схочетъ купить, по экс. статьей А. Петрушевича.

8 20 янв. 866.

Посылаю съ тѣмъ по 10 экс.

О лит. движ. рус. 10 экс.

О библ. Скорины 20.

Порядокъ шкльн. 10.

Львовск. еп. 10.

Зап. Бродов. II. Ч. 10.

О молитв. чеш. 10.

Сборн. II и III 865.

Колом. и Шумки.

Петр. Общ. древн.

О древн. иконахъ. 1)

1) На першій картці сего листа на стороні першій знаходиться на маргінесі підчеркнена напись: „фотогр.“. На другій картці сего листа на сторінці другій знаходиться на маргінесі перечеркнений напись: „Коломыйки Наук. Сборн. Гальки, Вацл. Лозин. Описки Жизнь Кирилла Подгоряне какіе варианты Сровн. съ Слав. Словарь. 3 Статьи 2 Фотогр. 1 Акс. благод. за День. Моск. Вѣдом.“. На третій картці сього листа на маргінесі напись: „Безсонова Каткова, Майкова“.

Подаємо в додаток до листа 15-го лист галицького емігранта Петра Івановица Зарицького, що студентом бувши стояв близько до Бодяньського, а пізніше перебував навчителем класичних мов у Твері, Смоленську і Москві, Прилуках і Острозі на Волині, а помер в Михайловичах коло Львова в домі свого братанича в р. 1906. („Руслан“ 1906, ч. 272). Мелодрама „Підгіряни“ з музикою гал. компаніста Вербицького в дійсності виставлена в р. 1868 або 1869:

„Дня 29 русс. ноября призвакний г. профессоромъ Бодяньскимъ — получилъ я соченіе любимого отца Гушалевича и ноты — О. Вержбѣцкого; Г. Бодяньскій искренный другъ нашъ — сказалъ прямо якъ всегда что не имѣетъ знаемого въ театрѣ, и не ловко ему хлопотать было объ етомъ дѣлѣ, отже и оддалъ менѣ; при той способности узналъ я о честномъ письмѣ вашего высокопреподобя до мене, которое я вовсе до тѣхъ поръ не получилъ.

Г. Бодяньскій велѣлъ засилаючи почтеніе свое вашему благородію извѣстити, что вси прысылки Ваши одержалъ благополучно, и не отвѣчалъ единственно по прычинѣ замѣшательствъ произходящихъ въ Галичинѣ, чтобы Вамъ не здѣлати какой неприятности и себе яко профессора не скомпрометовати, слибы вороги перехопили письмо и спубликували доложивши богъ знае что по газетамъ; — такожь ожидается 4 выпуска „Чтевій“ чтобъ ихъ въ мѣстѣ одослати Вамъ и тогда отвѣтити на вси письма Ваши.

Я одобравши „Сочиненіе“ и перечитавши того вечера (здавало ся мнѣ что розмавляю зъ Вс. О. Гушалевичомъ а оглядаючи причудесну артистку нашу Бачиньску на сценѣ слушаю въ пѣсняхъ голосъ ей чародійній) на другій день удался въ этомъ дѣлѣ къ г. профессору русскои исторіи Попову на здѣшномъ университетѣ, зарадитись куда удалиться? онъ бо имѣетъ знаемости въ всякихъ кругахъ общества, яко сотрудникъ „Вѣдомостей“ знаеть отлично жизнь цѣлого города, и яко славянофиль въ нами по дружески обходится. — Не ошибся я, онъ бо сейчасъ и побѣхалъ до дѣрктора музыкальной консерваторіи Рубенштейна, который осмотрѣвши не множо композицію Всеч. Вержбицкого призналъ ей удобность, и заявилъ, что гдеякіи кусни одограются на концертѣ, имѣющимъ датись здѣсь въ пользу галицкихъ родимцевъ нашихъ (гроши имѣючи собраться, не знати на что обратитъ, чи на книги для бібліотеки народной, чи на дѣвоче воспитаніе, чи на запомогу академикомъ русскихъ нашихъ? (Благоволѣтъ посовѣтовати и написати вселаскавійше!)

Я не одержалъ вовсе почтенѣйшого письма Вашего, не знаю отже были ли въ немъ якіи иншія условія кромѣ тихъ, котори читалъ я у г. профессора Бодяньского? но самую піесу „Подгоряни“ не лзя представить въ театрѣ, здѣсь не играютъ жаднихъ малорусскихъ и украинскихъ піесъ — належалобы передѣлатъ — а вто ледве возможно, на нашемъ языкѣ штука здѣшнимъ видалабыся може смѣшною. Я чрезвычайно охочо занялся симъ всемалѣйшимъ трудомъ, и хотѣлъ самъ удалиться до театру, но остереженній г. Бодяньскимъ, чтобъ какій музыкантъ одписавши сочиненіе не обмануль мя, волѣемъ избранною мною дорогою пійти къ г. Попову.

Что тичится нагороды сочинителей, въ чемъ главное дѣло, о томъ Поповъ скаже пѣзнѣйше, скоро разсмотрятъ лутше ноты — може быти консерваторія для себе оставить и надгородитъ. Въ всякомъ случаѣ надобно менѣ подати докладну инструкцію въ етомъ дѣлѣ, бо я письма достопочтенного не получилъ еще; — или можна и однести ся къ г. профессору Попову прямо, только вселюбезнѣйшій, высокопочтенній отче не толкуйте якобы я не хотѣлъ заняться, я по етому тое предлагаю, что принудете Вашу повагою до всеможного содѣйствія того честного и добрежилательного нашего профессора при томъ я пійду всюди где буде нужно, слибъ только удалось удовлетворити такомъ честнимъ и добримъ людямъ як о. Гушалевичъ и Вержбицкій.

Я писалъ письмо до Оброшина, но доселѣ не имѣю отвѣта — прошу при случайности швагрови милостиво припомнути, чтобъ написалъ сейчасъ до мене.

Чрезмѣрно всѣхъ насъ урадувало оказавшова извѣстіе ложнимъ объ отпустѣ вашего высокоблагородія от кафедр! мы читаемъ здѣсь „Слово“ и сумуемъ видячи брань, но и радуемся видячи храбрыхъ и бодрыхъ борцовъ нашихъ на поприщахъ — богъ имъ дай силу и побѣду! Най мужаются — началось — иде до дѣла великого и святаго!.. въ конецъ отцу Наумовичу, будущему запевне теперь въ соймѣ львовскомъ за чудесную его допись въ Слово: „многая лѣта“!!!...

Пращанте любезній отче нашъ, и ваша высокодостойна супруга и семья — и всечестнѣйшіи отецъ Гушалевичъ зъ высокопочтенною родиною и славній добръ подвизавшійся Богданъ нашъ!!!...

Вамъ засилаю горячое русское „пращайте“ зъ далекой але рѣднесенькой стороны и остаюся зъ найглубшимъ почтеніемъ смиреннѣйшимъ слугою. Петръ Ив. Зарицъ.

Имѣю подъ рукою укончену пьесу, трагедію въ V дѣйствіяхъ на нашемъ языкѣ, — но не переписану; — въ короткомъ времени пошлю, слыбъ поправилась якое удовольствіе! etsi desunt vives, tamen non deest bona voluntas...“

16. Пол. 12-го ноября 1868 г., въ вторникъ

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Получивъ отъ Васъ рукописный матеріалъ къ III-му тому моего сборника народныхъ пѣсень Галицкой и Угорской Руси я предполагалъ, что я въ продолженіи двухъ-трехъ недѣль успѣю всѣ пѣсни пересмотрѣть и привести въ надлежащій порядокъ, но занявшись дѣломъ я скоро убѣдился, что пѣсни разныхъ собирателей были списаны всмѣсь и нужно ихъ было подвести всѣ подъ особыя категоріи. При той новой перетасовкѣ пришлось многія пѣсни совсѣмъ выбросить, такъ какъ онѣ напечатаны, другія надо было поставить на другомъ мѣстѣ подъ особыя заглавія, еще иныя нужно было на ново переписать или заступить листочкомъ изъ моего черноваго списка. Наконецъ я заблагоразсудилъ вновь пересмотрѣть сборникъ Жеготы Паули и всѣ пѣсни и варианты ненапечатанные у меня находящіеся принять въ мой сборникъ. — Я раздѣлилъ весь запасъ пѣсень по тѣмже началамъ, какіе приняты были мной при составленіи двухъ первыхъ частей. Первое отдѣленіе (I ч.) Думы и думки; второе отдѣленіе (II ч.) Обрядныя и плясовыя пѣсни. — Первое отдѣленіе уже совсѣмъ готово, можно отдать въ печать — второе же я заготовлю позже. Я надѣюсь, что Вы довольны будете моимъ распредѣленіемъ и не много будетъ нужно исправлять. — Что касается прибавленія картинокъ или изображеній типовъ изъ народа галицко-и угорско-русскаго я желалъ бы помѣстить во всякой части по 4-5 картинъ. Но объ выборѣ ихъ и пр. уже поговоримъ, когда я пріѣду въ Москву. Я давно желалъ было заѣхать въ матушку-Москву — и наконецъ сбудется мое желаніе; на дняхъ я выѣзжаю въ С.-Петербургъ, и оттуда на нѣсколько дней заѣду къ Вамъ. Тогда и потолкуемъ обо всемъ — я привезу съ собой всѣ рукописи — и тамъ посоветуемъ объ изданіи и сами мы рассмотримъ находящіеся въ музеѣ картинки и типы, и выберемъ тѣ, которыя покажутся лучше. — По той причинѣ предоставляю я все до скорого нашего свиданія, а теперь прошу принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ высокопочитаніи и совершенной преданности Вашъ покорнѣйшій слуга Яковъ Головацкій. Вильна 9 ноября 868 г.

17. Милостивый государь, Осипъ Максимовичъ! Вы присоветовали мнѣ, чтобы предназначаемыя къ сборнику пѣсень галицко-угорскихъ картинки я далъ исполнить въ Прагѣ, увѣряя, что за границей обойдутся картинки и дешевле и выйдутъ красивѣе. Я отнесся въ томъ дѣлѣ къ г. Патерѣ и Скрейшовскому и теперь могу Вамъ сообщить результатъ моей переписки. Г. Скрейшовскій принимается исполнить ксилографическія картинки въ своемъ типографскомъ заведеніи. — Онъ прикажетъ сдѣлать рисунки, вырѣзать на деревѣ и оттиснуть на бѣлой бумагѣ 1600 экс. и это все стоитъ будетъ 55 рубл. за штуку. — Таковыхъ картинокъ я вознамѣряю дать вырѣзать 16. по 5—6 до всякаго тома, что составитъ порядочную сумму.

Прибавляю присланный мнѣ образчикъ одной картинки — и прошу Вашего совѣта. Какъ Вамъ повидится, довольно ли удаченъ рисунокъ и ксилографія? — сходна-ли цѣна издѣлія? Благоизволите спросить у Московскихъ ксилографовъ — не будетъ ли возможно сдѣлать въ Москвѣ лучшіе рисунки за таковуюжъ цѣну, или дешевле? Печатаемая за границей, будетъ стоить не мало переписка, перевозъ экс. и др. издержки, когда межъ тѣмъ въ Москвѣ обошлось бы безъ того.

Если бы я желалъ имѣть эти картины иллюминированныя красками, то будетъ стоить каждая штука 70 руб. — Конечно, трудно мнѣ рѣшиться на такія издержки, хотя конечно наука этнографіи выиграла бы на томъ.

Я устрою, кажется, дѣло такъ, чтобы для особыхъ оттисковъ подѣланы были иллюминированныя картинки ибо 600 экс. будетъ менѣе стоить, а прочіе 1000 оставлю. Я предполагалъ, что мнѣ возможно будетъ и экс. Чтеній снабдить картинками, хотя бы черными, но нынѣ вижу, что я не въ силахъ издержать сумму 800 — 1000 руб. на картинки. Оно конечно желательно было бы при той случайности напечатать экс. для Чтеній. Но не можетъ ли статься, что общество, или кто нибудь изъ членовъ общества изволилъ бы пожертвовать половину издержокъ, я былъ бы весьма радъ, что посредствомъ Чтеній такія картинныя изображенія типовъ, костюмовъ и домашняго быта Галицкой и Угорской Руси распространились бы межъ ученой Русской публикой. Эта страна все еще въ томъ отношеніи остается terra incognita, какъ ее назвалъ пок. Шафарикъ въ 1866 г. въ своей *Gesch. d. slav. Sprache u. Liter.* — Ожидаю въ томъ отношеніи Вашего совѣта, — а еще вожделѣннѣе указанія на источникъ, изъ котораго можно бы почерпнуть пособіе къ отпечатанію полныхъ 1600 экс.

Извѣстите меня также, когда Вы вознамѣрены, печатать III-ій томъ пѣсень. Я послалъ Вамъ одну меньшую половину. Вторая, значительно большая, пересмотрена мною, и совсѣмъ приготовлена къ печатанію. Я могу ее немедленно выслать. Въ ней найдете большее разнообразіе пѣсень: колядокъ и щедровокъ около 200. Гаѣвокъ 30. Столькоже жатвенныхъ пѣсень (30). — Свадебныхъ свыше 500. Наконецъ коломыекъ и другихъ пѣсень подъ пляску нашлось слишкомъ 500. И того около 1200 по большей части новыхъ пѣсень, или замѣчательныхъ вариантовъ. Я желалъ бы, чтобы Вы послѣ отпечатанія III-го тома выпустили весь сборникъ въ свѣтъ, ибо я получаю постоянные запросы за ними, не только изъ Россіи но и изъ Словянщины заграничной. Изъясненія прибавленія, словарь и пр. могутъ затѣмъ послѣдовать въ особомъ томѣ — на которой можно даже выдавать покупателямъ пѣсень особые билеты. — Извѣстите меня, когда приблизительно я могу надѣяться, что начнется и можетъ окончено печатаніе посланныхъ мною пѣсень (въ полученныхъ мною I. и II. кн. за 869 г. Чтеній не начато еще печатанія), дабы я могъ положить срокъ г-ну Скрейшовскому, на который должны быть готовы всѣ XVI картинокъ. Я можетъ быть черезъ 3 — 4 недели поѣду в Прагу, по той причинѣ желалъ бы я получить отъ Васъ скорѣе отвѣтъ.

18. Душевно-уважаемый господинъ Осипъ Максимовичъ! Я приобрѣлъ и урядилъ опять новое собраніе пѣсень народныхъ, которыя могутъ быть помѣщаемы въ видѣ вариантовъ и прибавленій въ III. томѣ. — Это собраніе сложено изъ сборниковъ нѣкоторыхъ лицъ собиравшихъ и записавшихъ пѣсни изъ устъ народа въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Большая часть ихъ записана въ Шармоскомъ и Земплинскомъ комитатахъ, гдѣ Русины сильно перемѣшаны съ народонаселеніемъ Словацкимъ, или совсѣмъ пересловачились, различаясь отъ настоящихъ Словаковъ только своимъ уніятскимъ вѣроисповѣданіемъ, и по тому лишь называются Руснаками или Русинами. Пѣсни ихъ совсѣмъ тѣже, что у Словаковъ, различаются только нѣкоторыми идіотизмами русскаго мѣстнаго нарѣчія. Онѣ любопытны для этнографа и языкоиспытателя, изъ нихъ можно видѣть, какъ на глазахъ нашихъ производится химическій процессъ и образуется посредственное между юго-восточными и западными Славянами новое нарѣчіе. — Пѣсень того рода уже было помѣщено нѣсколько въ I и II томахъ.

Иного рода пѣсни, по большей части обрядныя собранныя Влад. Бѣрецкимъ и Ант. Кобринскимъ. Первыя изъ нихъ собраны въ Угновѣ мѣ-

стечкѣ на границѣ Люблинской губерніи, втория у Гуцуловъ недалеко угорской границы и румынскихъ поселеній въ Буковинѣ и Уграхъ. Они отличаются красот (sic!)

Пѣсни обрядныя, особливо колядки, ладканя суть неизсякаемымъ источникомъ народнаго пѣснопѣнія. Пока эти пѣсни не будутъ забыты народомъ, по ту пору пѣснопѣніе народное процвѣтаетъ будетъ, они предвѣчны образцы къ пѣснямъ всякаго рода.

Мѣщанскія отличаются особливою нѣжностію. Семейныя чувства пробиваются всюду. Семейственность сильно розвита въ древней Руси.

Стихи часто повторяются. Это повторенье очень знаменательно — оно даетъ нѣкоторымъ выраженіямъ большій вѣсъ. н. пр. № 13. 14. 20. Пѣсня 20 предполагаетъ высшій ступень образованія, цвѣтущее живописное искусство.

Діалоги несравненной красоты № 21. молодая съ батенькомъ. — Все дышетъ отвѣчной древностію.

Какъ бы отецъ не былъ въ церкви, какъ бы при брачныхъ мистеріяхъ нельзя было присутствовать отцу.

Пѣсни заживныя ни пространны объемомъ, ни многочисленны. Веселаго отраднаго содержанія. Это самая отрадная пора для земледѣльца, послѣ долговременнаго тяжкаго труда, послѣ многократныхъ отпѣнь боязни и надежнаго чаянія узрѣть цѣль работы, пожинать плоды. — Радостное чувство овладѣваетъ не только самого хозяина и хозяйку, но всякаго работника и бѣднѣйшаго наемника, дождавшихся до новаго хлѣба. — Въ колядныхъ пѣсняхъ, въ щедровкахъ, благожеланіяхъ и насьвкахъ на новый годъ находимъ только благонадежныя намеки на счастливую жатву — только въ фантазіи представляемое изобиліе земныхъ плодовъ, вмѣстѣ съ моленіемъ о хорошую погоду и благоуспѣяніе. — Тутъ уже полная радость, исполненіе желанія, торжество. Хозяинъ молоденькій на радости по подвѣрью конемъ воронымъ играетъ, добрую долю маеть. Онъ хлопочется богатой жатвой, гдѣ достать жнецовъ. Но вдругъ видитъ на своей нивѣ столько копъ, сколько на небѣ звѣздъ. Ужь и перепелка журится, гдѣ будетъ ховаться, когда выжнутъ пшеницу. Многочисленныя копни складають одни въ стогу, другіе въ оборогахъ, третіе в сараѣ. — Жнецы было просились утомленные, чтобы ихъ пустить домой — жнецы молодые обѣщаютъ завтра прийти, дожать серпами золотыми. Но неумолимый прикащикъ не пускаетъ. Наконецъ забывается трудъ, плетутъ вѣнокъ, приносятъ хозяину и требуютъ угощенія.

Извѣстите получилили Вы прежніи посылки, высланныя мной по почтѣ и чрезъ Косн. — Прошу прислать Нра Чтеній, въ которыхъ помѣщены пѣсни. Справка съ черневымъ спискомъ очень затруднительна.

19. Милостивый государь Яковъ Федоровичъ! На письмо Ваше, отъ 21-го сего мѣсяца, спѣшу отвѣчать немедленно. Хсилографическій рисунокъ г - на Скрейшовскаго очень хорошъ; но и цѣна за всѣ 16-ть изображеній тоже очень не худая. Въ Москвѣ, впрочемъ, за эту послѣднюю не сдѣлають, тѣмъ болѣе, что в ней этого рода художникъ имѣется теперь одинъ одинешекъ, и потому заваленъ бываетъ работой до нельзя, особливо для юмористическихъ газетъ. Въ Петербургѣ слышу ихъ нѣсколько. Потрудитесь съ ними черезъ кого либо войти въ сношеніе, и потомъ сравнить цѣну ихъ съ цѣной пражской. Что окажется выгоднѣе, то и избирайте. Касательно же того, что Вы желалибы устроить дѣло съ одними раскрашенными для 600 экз., а для „Чтеній“ ничего, то это будетъ крайне неблаговидно какъ для Васъ самыхъ, такъ

равно и для общества, которое затратило, по моему предложенію, такое огромное количество денегъ, печатая сборникъ Вашъ въ своемъ Журналѣ! По моему лучше ничего для обоихъ, т. е., Васъ и насъ, чѣмъ такая мѣра. Да общество и не рѣшится отдѣлать экземпляры для расписанныхъ, или нерасписанныхъ красками изображеній, а безъ его согласія нельзя будетъ получить ни одного экз. Само же общество приспѣтъ Вамъ на помощь, по извѣстной всѣмъ скудости своихъ матеріальныхъ средствъ, никоимъ образомъ не въ состояніи: для него важно и 57 серебромъ въ нынѣшнемъ его положеніи. Искать же этой подмоги Вамъ на сторонѣ, ему не подѣсть, да и у некого. Печатать 3-й томъ Вашего сборника въ текущемъ году невозможно: 3-ая книга „Чтеній“ выходитъ на сихъ дняхъ, а 4-ая появится непременно черезъ мѣсяць. Въ слѣдующемъ же году можно будетъ приняться и за нее. Что до того, выпустить ли ее по отпечатаніи вмѣстѣ съ двумя первыми, это будетъ зависѣть отъ плотности послѣдняго тома, а также и хода набора его. Я уже не разъ докладывалъ Вамъ, что пора неразбавлять сборника, иначе онъ, пожалуй, никогда свѣта божія не увидитъ. 1300 №№ по большей части новыхъ пѣсень в одномъ 3-м томѣ: помилуйте, да, вѣдь, это тоже почти, что уже отпечатано! И Вы еще желаете, чтобы работа шла какъ можно живѣе! Возможно ли это? Черезъ мису и конь не прынетъ, говоритъ пословица. Судите же послѣ сего сами, и разсудите!

Преданнѣйшій Вамъ искренно О. Бодянской.

28-го октября 1869 г. Москва.

Пп. Мой адресъ: „Его пр-ву, О. М. Б., у Никитскихъ Воротъ, противъ Большаго Вознесенія, въ домѣ Мещеринова“.

20. Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Годъ тому назадъ я извѣщалъ Васъ о моемъ намѣреніи украсить издаваемый Вами сборникъ пѣсень народныхъ Галицко-и угорско-русскихъ ксилографическими и хромофотограф. картинками. Послѣ того я условился было съ Пражскимъ содержателемъ литографіи Др-омъ Скрейшовскимъ и послалъ ему извѣстные Вамъ образцы, для черченія рисунковъ и вырезки на деревѣ. Скрейшовскій обѣщалъ совершить три штуки хромофотографованныхъ раскрашенныхъ картинокъ и 12 нераскрашенныхъ ксилографій, и могу Васъ извѣстить, о успѣхахъ работъ, что онѣ приводятся къ окончанію. Срокъ былъ назначенъ, что черезъ восемь мѣсяцовъ должны быть всѣ карт. гот. Скрейш. началъ работу. Одну ксилографическую картинку я послалъ было Вамъ на пробу — и Вы нашли ее удачною. Однакоже не смотря на мои многократныя письменныя изъясненія, нельзя было во всемъ удовлетворить требованію вѣрныхъ народныхъ типовъ со всѣми подробностями и дѣло подвигалось медленно. — Наконецъ Скрейшовскій, свѣдавъ, что я вознамѣрялъ посѣтить Прагу, воздержался отъ окончательной обдѣлки и печатанія готовыхъ картинъ до моего пріѣзда. Въ прошломъ мѣсяцѣ юльѣ н. г. будучи въ Прагѣ, я посѣтилъ Скрейшовск., осмотрѣлъ работу, и нашелъ ее вообще удовлетворительну, нѣкоторыя карты даже отличны. Всего будетъ 15 картинъ по пять для всякаго изъ трехъ томовъ сборника. Три картины будутъ раскрашены хромофотографіей, и онѣ по одной помѣстятся при заглавномъ листѣ всякаго тома — прочіе будутъ размѣщены въ текстѣ книгъ, противъ пѣснямъ извѣстной страны. Они почти уже всѣ вырѣзаны на деревѣ — и по моему собиранію нѣкоторыя, будутъ очень красивы. При настоящемъ письмѣ я посылаю Вамъ опять одну картинку — на ней представлена группа горцевъ Сяноцкаго уѣзда (Лемковъ). По моему мнѣнію — картина удачна. Скрейшовскій обѣщалъ мнѣ, что до конца мѣсяца сентября будутъ всѣ кар-

тини вирізані і дві неділі спустя напечатані. Если къ тому прибавить одинъ мѣсяць или два времени на пересылку, то въ м. декабрѣ Вы можете имѣть всѣ 1600 экс. у себя. — Исполненіе всѣхъ карт. съ пересылкой будетъ стоить около 900 до 1.000 руб. Половина денегъ уже уплачена мною, вторую половину я долженъ уплатить по соверше-ніи всѣхъ картинъ. Извѣщаю Васъ о ходѣ дѣла и прошу милости, по-торопитесь съ печатаньемъ приготовленныхъ мною варіантовъ и допол-нительныхъ пѣсень, чтобы современно съ изданіемъ ихъ въ Чтеніяхъ можно было приложить въ двухъ или трехъ выпускахъ печатаемыя Скрей-шовскимъ картинки. Я послалъ Вамъ одну половину рукописи пѣсень — у меня готова и вторая половина и я могу ее выслать во всякое время, когда угодно. Благоизволите представить дѣло въ засѣданіи Общества и извольте разъяснить достопочтеннѣйшему собранію мое состояніе. Съ одной стороны Общество затратило большую сумму на напечатаніе двухъ томовъ пѣсень, за которое пожертвованіе не только я чувствую мою всегдашнюю благодарность, но вся Галицко-Угорская Русь — даже вся Славянщина должна выразить свою признательность, съ другой сто-роны я (частный человѣкъ) жертвую тоже значительную сумму, чтобы усовершенить и прикрасить изданіе. По той причинѣ я надѣюсь, что до-стопочтенное Общество изволитъ немедля напечатать еще оставшійся манускриптъ сборника і. тѣмъ положить конецъ и вѣнецъ столь славно начатому дѣлу. Я предполагаю, что III-ій томъ не будетъ многимъ толще перваго. Пѣсни предназначены къ III-у тому не большаго объема, а боль-шую половину составляютъ коломыйки и обрядныя пѣсни, значитъ, пѣсни самыя краткія. — Я былъ бы очень радъ, если бы скорѣе можно было напечатать эти пѣсни и чтобы съ III-имъ томомъ весь сборникъ былъ пущенъ въ свѣтъ. Я жду на изданіе съ 1839 г. знач. 30 лѣтъ. По моему мнѣнію сборникъ пѣсень въ III. томахъ можно бы издать, коль скоро будетъ напечатанъ текстъ, прибавивъ къ нему краткій перечень содержанія или указатель. Всѣ прочія объясненія, примѣчанія съ допол-неніями, словотолкователемъ, можно будетъ издать въ особомъ томѣ, хотя бы черезъ годъ или два года. Пожалуйста, приложите труда и из-вольте распорядится такъ, чтобы желаніе мое могло осуществиться по возможности скоро. Я весьма благодаренъ буду.

Я получилъ всѣ вышедшіе N-а Чтеній № 1 и 2 1870 г. — и весьма благодаренъ за книги.

Вамъ конечно уже извѣстно, что вышелъ третій томъ Акт. Комм. для разб. др. актовъ, собранныхъ уже подъ моимъ предсѣдательствомъ. Я распоряджу, чтобы Вамъ былъ высланъ одинъ экс. того изданія. Надѣюсь, что Вы найдете ее интереснымъ и одобрите направленіе дан-ное мной изданію актовъ. В ожиданіи Вашего отвѣта честь имѣю ост.

30 авг. 870 г.

21. Милостивый государь, Яковъ Федоровичъ! Радъ отъ души, что Вы наконецъ сладили съ изображеніями къ Вашему Сборнику Галиц-кихъ и Угорской Руси пѣсень. Третья часть ихъ печатается уже, а въ слѣдующей книгѣ (3-ей) „Чтеній“, которая выйдеть непременно въ октябрѣ, появится листовъ 10 этой части. Въ такомъ же размѣрѣ по-слѣдуетъ и продолженіе безъ всякаго перерыва въ прочихъ книгахъ этого изданія. Не получая отъ Васъ долгое время этой части Вашего Сборника, я долженъ былъ уступить мѣсто в Чтеніяхъ „Сборнику Ве-лико-россійскихъ пѣсень“, покончивъ I-ую коего, принимаюсь теперь за Вашъ. Стало, отъ Васъ зависить опять безпрепятственное печатаніе его; и по тому крайне желательно, чтобы Вы поскорѣе доставили вторую

половину этой 3-ой части. По мѣрѣ появленія въ печати Вашего Сборника не худо бы было, если бы Вы изготовляли къ нему „Указатель“ и „Содержаніе“. Я согласенъ отложить 4-й томъ на нѣкоторое время, въ коемъ помѣстятся примѣчанія, объясненія, словарь и т. п.

Буду признателенъ за III-й томъ „Актвъ Вашей Комиссіи“; но прошу не забывать, какъ членъ и обѣ Обществѣ нашемъ, библіотека которого составляетъ исключительно изъ подобныхъ только приношеній и постороннихъ лицъ. Читаю также въ повременныхъ изданіяхъ о выходѣ въ Вильнѣ какого-то Евангелія и описанія архива тамошняго генералъ-губернаторскаго. Но по сію пору ни того, ни другого не вижу въ Москвѣ ни у одного книгопродавца. Не ужели все это и подобное печатается только для мѣстнаго обихода? Жаль, очень жаль!

Пріймите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности милостивый государь, Вашего покорнѣйшаго слуги О. Бодянскаго.
Сентября 7-го дня 1870 г. Москва.

Пп. Сборникъ Вашъ точно полученъ мною давно, но не въ 1839 году. Это случилось только въ 1848-мъ, при посредствѣ покойнаго Гавличка, и я тотъ же часъ было приступилъ къ печатанію его; но извѣстный погромъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ концѣ упомятаго года приостановилъ изданіе на цѣлыхъ 14 лѣтъ! Въ чемъ же я тутъ виноватъ? Возвратясь въ Общество, я принужденъ былъ нѣсколько листовъ уже отпечатанныхъ этого Сборника бросить, такъ какъ они отъ долгаго лежанія въ подъемныхъ Университетской Типографіи большею частію испортились, да и форматъ нужно было перемѣнить. Съ 1863 года я приступилъ къ новому печатанію Вашего Сборника, коего 2 части уже окончены, больше 100 листовъ. Кончены бы они были и раньше, еслибы Вы не присылали то и дѣло ихъ продолженія, отъ чего 2-ая часть вышла въ трое почти объемистѣе 1-ой. Такъ-то!

22. Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Наконецъ дождался я и картинокъ къ нашему изданію. Мой добрый Дръ Скрейшовскій правда не удержалъ срока — но по крайней мѣрѣ нѣсколько позже исполнилъ свое слово — и исполнилъ удовлетворительно. Онъ обѣщаль было совершить все дѣло до конца года 870, такъ чтобы я могъ получить всѣ экс. картинокъ исполна готовимы и я въ свое время извѣщаль Васъ обѣ этомъ и просилъ, чтобы къ этому же сроку Вы начали печатаніе III. тома пѣсень. — Съ большей радости моей я нашель уже въ присланной Вами сент. книжкѣ Чтеній начало III-о тома и надѣюсь найти въ декабрьской и слѣд. продолженіе оныхъ. Получивъ книгу, я отнесся къ Скрейшовскому припоминая ему его обѣщаніе и требуя прискоренія дѣла — но долго не было отвѣта. На дняхъ только получилъ я письмо и вслѣдъ за тѣмъ восемь штукъ картинокъ, по большей части очень удачно сдѣланныхъ, и Скр. требоваль, чтобы я начерталь надписи ко всякой картинки и помѣтилъ страницы. Соображаясь съ содержаніемъ разныхъ отдѣловъ пѣсень или разрядовъ и мѣстности ихъ, я разпредѣлилъ присланныя картинки въ двухъ напечатанныхъ томахъ. Скрейшовскій обѣщаль мнѣ черезъ 8 дней выслать всѣ экс. присланныхъ имъ 8-ми картинокъ и если я ихъ получу (хотя бы не черезъ 8 а два раза 8 дней — то я перешлю Вамъ ихъ для приложенія по нѣскольку ихъ къ томамъ, Чтеній, которые издаются Обществомъ по Вашему усмотренію. Надѣюсь общество будетъ довольно таковымъ украшеніемъ своего журнала. Остальныя картинки черныя придуть къ III тому который будетъ, надѣюсь, столь объемистъ какъ II. а раскрашенные заглавнымъ листомъ всѣхъ III-ехъ томовъ. — Эти остальные 7 картинокъ т. е. три раскрашен-

ные хромофотографованные и 5 черныхъ не будутъ скорѣе готовы какъ до 16/28 апрѣля. Я желалъ бы, чтобы до того времени могъ быть напечатанъ весь остальной запасъ сборника пѣсень, чтобы я могъ сообразить которую картинку опредѣлить къ извѣстному отдѣленію. Если у Васъ можетъ быть найдутся отпечатанные листы напередъ, какъ это дѣлаютъ издатели журналовъ, то пришлите мнѣ экс. отпечатанныхъ корректурныхъ листовъ къ половинѣ апрѣля и я обозначу, какъ соразмѣрно распредѣлить въ III томѣ оставшіяся картинки. — Всего лучше было бы, если бы возможно было до тѣхъ поръ напечатанный весь III-ий томъ. Извѣстите меня о сколько и въ какой мѣрѣ мое желаніе осуществимо, и вообще ваше мнѣніе о томъ предметѣ. Въ той же сентябр. книгѣ нашель я Оглавленіе пѣсень велико-русск. (собранія Шейна) и я хотѣлъ было взять за образецъ въ моему сборнику. Тамъ поставлены заглавія отдѣленій и за тѣмъ по очереди идутъ пѣсни, коимъ показанный первый стихъ и стр. но безъ алфавитнаго порядка. Въ томъ строю трудно найти любую пѣсню, ибо всегда нужно пересмотрѣть всѣ пѣсни. Такъ какъ къ моему сборнику будетъ ко всякому тому прибавлено оглавленіе по систематическому или случайнаго (во второмъ томѣ) раздѣленія, то я думаю, удобнѣе былобы поставить начальные стихи пѣсень въ алфавитному порядкѣ, такъ скорѣе можно ихъ найти. — О томъ только надо рѣшить, до сихъ поръ составляютьли указатель въ алф. пор. по отдѣленіямъ, или по томамъ или для всего сборника пѣсень одинъ. Радъ бы я услышать Ваше мнѣніе. Пока у меня начала пѣсень списаны на карточкахъ то я могу ихъ распредѣлить въ любой порядокъ, а когда уже стану переписывать на бѣло, тогда будетъ не возможно перемѣнить. Записочки о Волохахъ, которые церкви муруютъ и къ щедровкѣ о патрულашахъ. Кончаю тѣмъ, что я вельма радъ, что изданіе пѣсень приводится къ концу — и благодаря Васъ отъ души за Ваши труды и заботы и старанія, принесенныя Вами при томъ изданіи, честь имѣю засвид. мое.

12 янв. 1871.

Въ прибавленіи обращаю Ваше вниманіе на два мѣста въ сборникѣ. Во первыхъ меня удивляетъ, что въ пѣсни Щедровкѣ II. на стр. 146. нахожу почти переводъ, какой-то лат. пѣсни, а форма пѣсни загадочная — находится въ Бретонской пѣсни собр. Вилль марке, и въ русск. собр. Кирѣвскаго съ 1848 (котораго сборника у меня нѣтъ) см. Пѣсни разныхъ народовъ, пер. Н Берга Моск. 1854 стр. 524 — 526.

Во вторыхъ долго непонятно было для меня...

23. Милостивый государь, Яковъ Федоровичъ! Отвѣчаю на письмо Ваше, отъ 12-го генваря сего года, полученное мною 16-го. И во первыхъ, касательно помѣщенія пѣсень Вашего собранія въ „Чтеніяхъ въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“: онѣ, какъ Вы изволите видѣть, входятъ въ каждую книгу нашихъ „Чтеній“ въ размѣрѣ не менѣе 10 печатныхъ листовъ; такъ будетъ до самого конца ихъ; болѣе же нельзя по самому объему повременнаго изданія, состоящаго изъ разныхъ отдѣловъ. Слѣдовательно это зависитъ отъ объема какъ изданія, такъ и самого Вашего собранія. Доселѣ 3-ей части сдѣлано только начало; въ послѣдней книгѣ явится еще столько же (10 листовъ); стало быть войдутъ лишь Думы, т. е., I-й отдѣлъ I-го отдѣленія; въ I-й же книгѣ „Чтеній“ сего года появятся Думки; въ слѣдующихъ книгахъ слѣдующее за тѣмъ, но не свыше сказаннаго числа листовъ для каждой.

Во вторыхъ, касательно размѣщенія изображеній, мнѣ кажется удоб-

нѣе всего это сдѣлать разомъ, при заключеніи всего изданія, т. е., однѣхъ лишь пѣсенъ, следовательно помѣститъ ихъ въ концѣ 3-й части.

Разумѣется, на каждомъ изображеніи будетъ находиться указаніе, куда оно слѣдуетъ; по сему, кто захочетъ, тотъ можетъ размѣститъ каждое по его принадлежности. Въ особенныхъ оттискахъ это можетъ сдѣлать и каждый переплетчикъ, т. е., вставить туда изображеніе, куда оно слѣдуетъ по его надписи.

Въ третьихъ, касательно составленія указателя: дѣлайте его, какъ считаете лучшимъ, но во всякомъ случаѣ долженъ быть, для такого огромнаго сборника, и одинъ общій, въ концѣ 3-го тома.

Теперь на досугѣ, потрудитесь отмѣчать всѣ опечатки, какія вкрались въ 3 тома, вопреки всей моей тщательности. Впрочемъ многое для незнакомыхъ коротко съ языкомъ нашимъ, покажется неисправностью, и, пожалуй, припишется мнѣ, но такимъ скажемъ, буде они отзовутся, гдѣлибо: „Впередъ выучитесь хорошенько тому, о чемъ беретесь судить, а потомъ же и обличайте!“ На всѣхъ, вѣдь, и богъ не угодитъ. Если все то принимать, что о насъ говорятъ, то и шей не хлебать.

Поздравляя взаимно съ новымъ годомъ и желая Вамъ въ немъ всего лучшаго, остаюсь Вашимъ преданнымъ слугою и почитателемъ О. Бодянской.

28-го января 1871 года. Москва.

Пп. Каница я имѣю, а Вильмаркѣ нѣтъ.

24. Пол. 5-го сентября 1873 г. въ среду. 31 августа 1873 г.

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Только нѣсколько дней тому назадъ я получилъ изъ Праги давно ожидаемую вторую серію картинокъ — и немедленно я выслалъ Вамъ первый пудъ — поздравить Васъ съ приѣздомъ изъ родной Украины. — Такимъ образомъ половина изображеній и типовъ народныхъ русскаго люда Галичины и Угорщины уже въ нашихъ рукахъ. Докторъ Скрейшовскій обѣщалъ мнѣ въ непродолжительномъ времени выслать третью серію — опять 5 картинокъ — и того будетъ 15. Изображенія вышли хороши, однако же не можно не замѣтить, что во многихъ изъ нихъ мало жизни, группы не представляютъ какой нибудь общей мысли — а лица прямо срисованы съ фотографическихъ карточекъ. По той причинѣ я хочу помочь этому недостатку — и я приказалъ снять копии съ рисунковъ извѣстнаго живописца Юліяна Коссака, въ которыхъ весьма вѣрно изображены сцены народнаго быта Галицкаго Подолья, н. пр. хороводы и игры на Святой (Гавивки), Пляска Коломыйки въ Подольской корчмѣ, лирникъ поющій предъ народомъ пѣсни. — Такимъ образомъ выдетъ для cadaго тома по пять картинокъ. Если ксилографъ сумѣетъ удачно перенести эти рисунки на бумагу, то наше изданіе много выиграетъ, хотя впрочемъ выдача книгъ должна будетъ продлиться на мѣсяца два-три. — Этнографическую карту заказалъ я въ Вѣнѣ и послалъ туда мой очеркъ. Тамъ удобнѣе найти корректора — Галичанина, который можетъ лучше наблюдать за исправностію изданія, чѣмъ въ Прагѣ.

При пересылкѣ экс. изображеній сдѣлалась ошибка. Вы распорядили въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ, чтобы у меня осталось для Славянъ и для Вильны 500 экс. межъ тѣмъ я выслалъ Вамъ три раза по 400 и разъ 300 экс. — итого 1500 экс. оставивъ у себя только 100 экс. — По той причинѣ благоволиите приказать одну посылку въ 400 экс. отослать мнѣ назадъ. Второй серіи я выслалъ 400 экс. и теперь вышлю еще разъ 400, а послѣ 300 экс. итого 1100 экс.

Недавно мнѣ досталось еще двѣ тетрадки народныхъ пѣсенъ, а именно

съ такихъ странъ, съ которыхъ всего менѣе въ моемъ сборникѣ. Я желалъ бы, чтобы Вы изволили прибавить еще лишнихъ два листа печати и помѣстили ихъ именно: свадебные обряды и пѣсни Лемковъ Сандечскаго уѣзда, которые къ стати придутся въ концѣ 4-о тома помѣщеннымъ пѣснямъ и заключили сборникъ колядками, собранными въ Буковинѣ, которые не уступаютъ изяществомъ колядкамъ Хуцуловъ и Бойковъ. Такое окончаніе сборника будетъ болѣе эффектно — оно оставитъ лучшее впечатлѣніе у читателя, чѣмъ собранныя Астрябой пѣсни Лемковъ Сандечскаго уѣзда. Я вышлю Вамъ эти тетрадки. Остальныя работы подвигаются также впередъ — но для окончанія объяснительнаго текста мнѣ нужно имѣть картины и карту хотя въ чернѣ. Надѣюсь, что Вы удостоите меня Вашимъ скорымъ отвѣтомъ.

Вашего превосходительства покорный слуга Я. Головацкій.

25. Пол. 8-го генваря, 1874 г., во вторн.

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Годъ 1873 прошелъ — настал 1874. Позвольте Вас поздравить съ Новымъ Годомъ — на счастье, на здоровье и на довгій вѣкъ, щобы було лучше якъ вторôкъ! Дай Богъ лучшаго успѣха въ нашихъ замырахъ и благополучнаго окончанія начатаго дѣла! Дай Богъ счастья и храни отъ несчастья — отъ неудачъ, безъ которыхъ не обошлось въ прошломъ году. — Теперь начну о ходѣ дѣла, и расскажу в чемъ успѣхъ, а въ чемъ неудача.

Этнографическую карту заказалъ мой братъ Иванъ Феодоровичъ въ Вѣнѣ у мастера по этой части Кнорра и самъ онъ наблюдаетъ за ходомъ работы. Я получалъ уже къ ревизіи начертаніе, или скелетъ карты, т. е. географическую карту на небольшомъ отверстомъ листѣ; на ней отпечатаны съ мѣдной доски политическія, административныя границы, и этнографическія очертанія, также рѣки, желѣзныя и др. главныя дороги. Она сдѣлана по моему мнѣнію вполне удовлетворительно. Слѣдуетъ начертать горы, затѣмъ написать нужныя топографическія и этнографическія названія и раздѣленія края — апослѣ, хромолитографически обозначить красками народности. Второй корректуры еще не присылали; вѣроятно начертаніе топографическихъ мѣстностей требуетъ большей тщательности и немалого труда. Рисовальщикъ написалъ было на моделѣ всѣ мѣстности латинскимъ шрифтомъ, теперь мой братъ долженъ переписать ихъ по русски на скелетѣ и послѣ дать гравировать. Труд то большой, немалая возня съ работниками не знающими русской грамоты — но я надѣюсь, что все выйдетъ хорошо, какъ слѣдуетъ.

На счетъ картинокъ меня извѣщали изъ Праги, что послѣдніе 5 картинокъ начаты рѣзчиками и въ непродолжительное время будутъ присланы къ корректурѣ. Дай Богъ, чтобы это такъ было.

Что касается объяснительнаго текста для карты и картинокъ я не дожидался окончанія ихъ, а имѣя воображеніе каковы онѣ будутъ я сочинилъ уже статью озаглавивъ ее: Карпатская Русь, географически-этнографическіе очерки Галичины, сѣверо-восточной Угрии и Буковины.

Начиная съ объясненія карты я хочу начертать географическое положеніе земли, ея орографію и гидрографію и пути сообщенія о сколько это могло имѣть вліяніе на этнографическій характеръ народа. Затѣмъ я хочу подать нѣкоторыя статистическія данныя о населеніи русскомъ и другихъ націй, живущихъ вм. съ Русью. Послѣ слѣдуетъ историческое обозрѣніе страны, затѣмъ изъясненіе этнографической карты съ показаніемъ всего представляемаго на ней. Послѣ того переходя къ картинкамъ я хочу разсмотрѣть племенные названія народныхъ разностей и типовъ русскаго народоселенія, ихъ бытъ, характеръ, жизнь, костюмъ

и въ особыхъ очеркахъ представить типическія черты Гуцуловъ, Бойковъ, Верховинцевъ, Лемковъ, Подолянъ, Ополянъ, Буковинцевъ и пр. а также Угро-россовъ или Угорскихъ русскихъ: Лишаковъ, Лемаковъ, Крайнянъ, Спижаковъ, Сотаковъ и пр. — Рамы конечно обширныя, но принявъ въ соображеніе, какъ мало извѣстна эта страна—*Шафарикова—terra incognita*—я предполагаю, что не будетъ въ моей статьѣ ничего лишняго. Послѣ окончанія статьи я сообщу ее Вамъ и если окажется весьма обширна, можно будетъ припечатать къ пѣснямъ въ окрашенномъ видѣ, полный же текстъ напечатать особой брошюрой и издать послѣ съ картой и картинками вторымъ изданіемъ.—До сихъ поръ все благополучно—но послушайте, какій промахъ сдѣлали намъ съ картинками. Еще в концѣ 1872 года конторщикъ Скрейшовскаго выслалъ ящикъ съ изданіемъ 5-ти картинокъ въ Вильну, но не известилъ меня, когда именно выслалъ ящикъ и не прислалъ мнѣ накладной, безъ которой нельзя доискаться клажи и нельзя ее получить. Я писалъ въ Прагу нѣсколько разъ, но напрасно. Ящикъ неизвѣстно куда дѣвался — я не могу его отыскать в Вильнѣ на вокзалѣ ни у экспедитора въ Варшавѣ. Только когда пришло къ расчетамъ опомнились въ Прагѣ, что одна посылка недоставлена — начали розыскивать — только черезъ годъ и до сихъ поръ не розыскана пропажа. Между тѣмъ есть слѣды, что Спбургскіе букинисты продаютъ мои картинки Галичанъ по 2 коп. Перехватилъ ли кто нибудь посылку или ее продали за неостребованіемъ съ молотка—я не знаю. Я писалъ въ Питеръ, чтобы развѣдать и приостановить продажу, но не знаю какой будетъ результатъ. Вотъ какая бѣда! Я готовъ откупить весь оставшійся запасъ изданія у букиниста, а послѣ рассчитаюсь съ Скрейшовскимъ а для недостающихъ экземплярей нужно будетъ заказать новый оттискъ.

Въ письмѣ Вашемъ съ 5 сент. 1873 г. Вы вѣрно замѣтили, что сдѣлалась путаница въ пересылкѣ и я виноватъ. Мнѣ попалось одно изъ Вашихъ писемъ, въ которомъ Вы предлагаете мнѣ прислать 500 экс. но я забылъ и только послѣ вспомнилъ, что я въ тоже время отписалъ Вамъ, что для славянскихъ краевъ довольно 150 экс. Такъ у меня 1-хъ пяти картинъ осталось 150 экс., 2-ыхъ—500. Но это не большая бѣда. Вконцѣ увидимъ въ чемъ кому недочетъ и пополнимъ. Только, чтобы намъ счастливо добиться пропавшихъ картинокъ и скорѣе дождаться окончанія заказанныхъ картинокъ и карты.

Примите увѣреніе въ моемъ высокопочитаніи и истинной преданности.
Я. Головацкій.

4. Января 1874 г.

26. Пол. 30-го генваря 1874 г. въ среду.

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! На дняхъ я выслалъ Вамъ одинъ тюкъ съ изображеніями первой серіи печатанія, которая теперь стала 3-ей по слѣдующей причинѣ. Я писалъ Вамъ уже прежде, что эта серія затерялась на желѣзной дорогѣ. Послѣ того меня извѣстили изъ Праги, что Скрейшовскій на свой запросъ получилъ отвѣтъ отъ управленія австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, что эта посылка была выслана въ Россію, но по справкамъ у управленія Варшавско-Петербургской желѣзной дороги оказалось, что посылка исправно дошла въ Вильну, но будто бы начальство Виленской станціи не могло найти (меня) адрессата и посылка пролежавъ нѣсколько мѣсяцевъ отправлена была СПбургъ и тамъ въ мѣс. августъ 873 г. продана съ молотка за ничтожную сумму. Ужас! Какъ безцеремонно обращаются начальства желѣзныхъ дорогъ съ ввѣреннымъ имъ чужимъ добромъ. Меня никто не извѣщалъ о высылкѣ клади изъ Варшавы послѣ цензурныхъ обрядо-

стей, никто на прислалъ накладной, безъ которой тщетны были мои разспросы и розыски. На Виленской станціи и въ Вильнѣ будто бы никто не знаетъ моей фамиліи и должности, меня будто бы розыскать не могли, вѣдь же можно было свѣдать въ адресномъ столѣ или заглянуть въ Памятную книжку и найти мою фамилію, стоило только бросить письмо въ ящикъ по городской почтѣ и я былъ бы свѣдалъ, какая потеря угрожаетъ моему добру. Но даже и того не сдѣлали — ничего не сдѣлали, а прямо опредѣлили посылку оцененную въ 300 гульденовъ на пропажу и затрату. Это не простительно. — Скрейшовскій домогается вознагражденія въ застрахованной суммѣ 33 гульд. — а мнѣ обѣщаль отпечатать новый заводъ. — Между тѣмъ по милости добрыхъ людей я свѣдалъ, что въ Спбургѣ продають букинисты мои картинки по 2 копѣйки. Я сейчасъ написалъ въ Спбургъ — розыскали и откупилъ у букиниста весь оставшійся запасъ 1200 экс. съ чѣмъ то. Такимъ образомъ я спасъ, что далось спасти. Остальныя нужно пополнить новымъ оттискомъ. Изъ вышереченныхъ 1200 экс, я оставилъ 150 штукъ для своихъ экземплярей — остальные же 1070 экс. будутъ высланы Вамъ. И такъ на дняхъ я выслалъ первую посылку (3-й серіи) 350 экс., затѣмъ послѣдуютъ 2-я 350 и 3-я посылка 370 экс.

Недостающіе же до полнаго комплекта 380 шт. для Чтеній Скрейшовскій будетъ оттиснуть наново. Но это новый расходъ.

По расчетаніи 2-ой серіи, я вышлю Вамъ еще партіями 650 экс. 2-й серіи, а оставляю у себя только 150 экsemпл. Такимъ образомъ Вы получите для Васъ опредѣленные экс. внолнѣ и одна путаница будетъ распутана — Ожидаю ежедневно справокъ насчетъ 4-ой и послѣдней серіи изображеній, а также второй корректуры Географической карты, такъ что если эти дѣла будутъ исполнены къ удовлетворенію моему, то и дѣло изданія пѣсень можно будетъ назвать поконченнымъ. Моя статья поступаетъ напередъ и еще скорее будетъ кончена.

Сообщаю Вамъ, какъ дѣло сегодня стоитъ и надѣюсь, что оно пойдетъ успѣшно и кончится благополучно въ настоящемъ году. Примите увѣреніе въ моемъ высокопочтаніи и истинной преданности.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Я. Головацкій.

Вильна 27 января 1874 г.

27. Пол. 20-го марта, 1874 г., въ среду¹⁾.

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Наконецъ я получилъ экземпляры (!) второго оттиска изъ Праги и оставивъ у себя 150 экс. высылаю Вамъ для дополненія 3-ей серіи 380 экс. — затѣмъ пошлю Вамъ оставшіяся у меня экземпляры второй серіи, — такъ что будете имѣть изъ всѣхъ трехъ серій полнымъ счетомъ 1450 экс. для приложенія къ Чтеніямъ и оттискамъ.

Вчера я получилъ извѣщеніе отъ Скрейшовскаго, что 4-я и послѣдняя серія состоящая изъ 5-ти картинокъ печатается и черезъ недѣлю будетъ имъ выслана въ Вильну. Такимъ образомъ съ картинами дѣло будетъ кончено. Я очень радъ, что дѣло послѣ толикихъ перепонъ приводится къ концу. Этнографическая карта тоже разрисовывается и пополняется и по мѣрѣ обстоятельствъ будетъ также готова послѣ пасхи. — Посылаю Вамъ корректурный листъ ея и надѣюсь, что Вы будете ей довольны. По моему она хороша. На ней слѣдуетъ еще пополнить топографическія названія, горы, рѣки, и пр. и навести красками границы и этнографическія раздѣленія.

¹⁾ Два листы — 27 і 29 походять з рукописного Відділу Вsesоюзної Академії Наук в Ленінграді, де переховуються під шифром 26. 6.113/2; передано їх туди було зі збірки покійного московського археолога Ю. Д. Філімонова в 1928 р.

Мой обстоятельный текстъ почти готовъ, мнѣ нужно только проверить со всѣми картинками и картой на лицо и переписать. Послѣ свѣтлой недѣли будетъ готово все.

При той случайности позвольте мнѣ поблагодарить за присланіе послѣднихъ выпусковъ Чтеній 2-ой и 3-ей книгъ за 1873 годъ, которыя я получилъ. Примите увѣреніе въ моемъ высокомъ почитаніи и искренней преданности.

Вашего превосходительства всегдашній почитатель Я. Головацкій.
Вильна 16 марта 1874 г.

28. Пол. 22 іюля 1874 г. въ понед.

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Письмо Ваше отъ 20 іюня не застало меня дома — я ѣздилъ въ Могилевъ. Возвратившись я поспѣшаю съ отвѣтомъ и вм. позвольте подѣлиться съ Вами радостью, во первыхъ тѣмъ, что дѣло приведено къ концу, а во вторыхъ, что послѣднія изображенія вышли лучше прежнихъ. Въ каждомъ изъ нихъ выражается какая нибудь мысль, сцена изъ народной жизни. Народные типы и характеры вышли рельефно и получили вѣрный отпечатокъ своего народнаго быта. До сихъ то поръ рисовали мастера-ремесленники изъ мертвыхъ фотографій самыя копіи. Послѣдняя серія заимствованна изъ картинъ извѣстнаго живописца-художника Юлія Косака (изъ Варшавы). И въ самомъ дѣлѣ Косакъ умель схватить черты, сгруппировать лица къ общей цели — оживотворить ихъ и дать имъ драматическія позы. Посмотрите и скажите Ваше мнѣніе — не правъ-ли я.

По моему счету я выслалъ полный комплектъ изображеній. У меня осталось только по 150 экс. — На дняхъ я уѣзжаю по командировкѣ въ Кіевъ и пробуду тамъ по 20-е іюля. — Возвратившись я перешлю Вамъ все остальное т. е. Буковинскія пѣсни — объяснительный текстъ, котораго окончаніемъ я и занимаюсь. — Одна еще задержка, это — этнографическая карта. Я ожидаю ежедневно раскрашенной корректуры — и съ ней будетъ конецъ. Я желалъ бы этнографическую карту помѣстить сначала 1-го тома и по этой причинѣ объяснительный текстъ къ картѣ долженъ стоять напередѣ, Я началъ его и распредѣлилъ весь планъ, но безъ корректурнаго экземпляра, который я послалъ обратно, мнѣ не возможно съ памяти обозначить всѣ подробности, чтобы текстъ согласовать съ картой. Такимъ образомъ по неволѣ надо повременить, пока мнѣ пришлютъ послѣднюю корректуру и я успѣю окончить текстъ. Межъ тѣмъ покаместъ извольте приказать посортировать экземпляры, которые предназначены для меня и предовсѣмъ отобрать одинъ экземпляръ полный и прислать мнѣ, чтобы получивъ чистый оттискъ карты и листы объяснительнаго текста, когда онѣ будутъ готовы, я могъ немедля представить его г-ну министру и просить высочайшаго разрѣшенія на посвященіе изданія его императорскому величеству. Впрочемъ надѣюсь все пойдетъ очереднымъ ходомъ. Съ выраженіемъ моего высокопочитанія и преданности вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Я. Головацкій.

19 іюля 1874 г.

29. Пол. 23-го декабря 1875 г. во вторникъ.

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Этнографическая карта готова и такимъ образомъ готово все. Вчера я получилъ накладную изъ Варшавы, что вчера же высланъ по желѣзной дорогѣ ящикъ съ географическими картами и по полученіи ихъ я буду имѣть удовольствіе выслать Вамъ съ поздравленіемъ праздниковъ окончаніе нашего долготняго труда. Если у Васъ кончилось печатаніе очерковъ и пояснительнаго

текста, то Вы можете выпустить ихъ въ свѣтъ съ картинками и картой. Прежде всего же я прошу Васъ скорѣе выслать одинъ полный экземпляръ всѣхъ IV томовъ для представленія г. министру. При семъ я должностію своею почитаю поблагодарить Васъ за Ваше попеченіе около изданія моего сборника. Да вознаградитъ Васъ богъ за братскую помощь и добросовѣстный трудъ! Я желалъ бы, если Вы найдете возможнымъ, напечатать въ видѣ эпилога прилагаемую записочку, пополнивъ и переименовавъ ее по Вашему усмотрѣнію.

Присовокупляя при семъ мое искреннее желаніе веселыхъ и благополучныхъ праздниковъ честь имѣю оставаться съ должнымъ высокопочитаніемъ и искреннею преданностію Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Я. Головацкій.

18 дек. 1875.

Послѣсловіе¹⁾.

Съ тридцатыхъ годовъ я занимался собираніемъ русскихъ народныхъ пѣсень въ Галичинѣ, Сѣверо-восточной Угріи и Буковинѣ—и послѣ многихъ трудовъ, заботъ и стараній наконецъ выходитъ настоящій сборникъ народнаго творчества въ IV томахъ на иждивеніи Общества исторіи и древностей русскихъ подъ редакціей дѣйствительнаго члена и секретаря Общества Осипа Максимовича Бодянскаго. Томъ первый и половина второго еще въ 1839 году были переданы мною извѣстному слависту П. И. Шафаріку, который въ ... году препроводилъ ихъ въ Москву. По благосклонному представленію Осипа Максимовича Общество исторіи и древностей русскихъ рѣшило напечатать мой первоначальный сборникъ. Печатаніе началось съ 1863 г. и по мѣрѣ доставленія мною дополнительныхъ тетрадей, вариантовъ и объясненій оно продолжалось подъ тщательнымъ досмотромъ и неусыпнымъ наблюденіемъ Осипа Максимовича до настоящаго года.

Желая по возможности придать болѣе важности сборнику и приукрасить его изданіе, я не пожалѣлъ съ своей стороны ни труда, ни издержекъ и присовокупилъ кромѣ объяснительныхъ записокъ двадцать изображеній характеристическихъ типовъ народа и сценъ его быта изъ разныхъ околицъ Галичины и Угріи срисованныхъ съ натуры и гравированныхъ въ Прагѣ, а также этнографическую карту народонаселенія русскаго по обоимъ сторонамъ Карпатскихъ горъ, изготовленную мною и напечатанную въ Вѣнѣ. Такъ составилось, изготовилось и окончилось изданіе Народныхъ пѣсень Галицкой и Угорской Руси въ нынѣшнемъ видѣ.

Я душевно обязанъ Обществу исторіи и древностей русскихъ, въ особенности же я одолженъ г-ну редактору и руководителю настоящаго изданія за его искреннее содѣйствіе и неусыпный трудъ и чувствую себя обязаннымъ публично заявить мою задушевную благодарность Осипу Максимовичу Бодянскому, ибо безъ его трудовъ и стараній мой сборникъ никогда не вышелъ бы такъ полный, исправный, отчетливый и благовидный. Яковъ Головацкій.

Вильна, декабря 1875 г.

30. Пол. 29 февраля 1876 г. въ воскрес.

Милостивый государь Осипъ Максимовичъ! Третья книга Чтеній за 1875 годъ получена мною можетъ быть недѣлю или двѣ недѣли тому назадъ, но я удивляюсь, почему я вторую книгу не получилъ, когда межъ тѣмъ въ Виленскую публ. бібліотеку и въ археографическую комиссію доставлены экземпляры въ исправности. Я прошу Васъ, ми-

¹⁾ До виданія пісень Головацького. Ф. С.

лостивый государь прикажите мне выслать II-ю книжку, а то весьма неприятно быть во владѣніи неполнаго эксемпл. журнала.

При этой случайности позвольте мнѣ спросить, какъ идетъ дѣло съ печатаніемъ объяснительнаго текста, скоро ли я получу полный оттискъ пѣсень для предоставленія его—г-ну министру. Время уходитъ. — Съ моей стороны сдѣлано все. Этнографическую карту я давно выслалъ къ Вамъ тремя посылками, но до сихъ поръ не получилъ извѣстія въ исправномъ полученіи ихъ. Я начинаю беспокоиться, не случилось ли что нибудь недоброе. Напишите, пожалуйста, и выведите меня изъ этого недоумѣнія.

Примите увѣреніе въ моемъ высокопочитаніи и совершенной преданности. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Я. Головацкій.

26 февр. 1876г.

Лист Я. Головацкаго до невідомого.

31. Милостивый государь! Улучивъ досужное время, принимаюсь отвѣтить Вамъ на Ваши вопросы въ имя научнаго интереса. Вы желаете удостовѣрить о нѣкоторыхъ пѣсняхъ о сколько онѣ чисто-народныя, т. е. произведѣніемъ простаго сельскаго народа и о сколько нѣкоторыя изъ нихъ поддѣланы книжными людьми. До сихъ поръ наши ученые не довели до той степени знанія малорусскаго народа и его народности, чтобы поставили незыблемыя критеріи для различенія чисто-народныхъ поэтическихъ твореній отъ сочиненій грамотныхъ людей. Книжные люди даже не подозрѣваютъ, какъ это трудно подшиться подъ народный способъ выраженія, что сочинить хотябы нѣсколько стиховъ по народному вкусу. Максимовичъ пытался дополнить пѣсню „Стоить яворъ надъ водою“ и в своемъ изданіи съ 1827 года добавилъ два стиха:

Орѣхове сѣделечко
И кѣнь вороненькій.

Ему казалось и многимъ съ нимъ, что эти стихи вышли совсѣмъ удачно подъ народный ладъ, но я уверенъ, что ни одинъ паробокъ и ни одна дѣвчина не повторитъ этихъ вычурныхъ виршей. У народа есть свое непостижимое чутье, свой народный инстинктъ. По этому мнѣ кажется всего лучше различить чисто народныя пѣсни, отъ дѣланныхъ, справляясь у самыхъ простолюдиновъ, поютъ ли они эти пѣсни у себя дома, въ семейномъ кружѣ, или нѣтъ. На томъ основаніи я намѣренъ былъ отмѣтить пѣсни чисто народныя отъ пѣсень сочиненныхъ грамотными людьми, и въ 1-омъ томѣ даже отмѣтилъ Думки народныя и Думки образованнаго сословія.

Я намѣренъ примѣнить этотъ способъ при разъясненіи пѣсень о которыхъ Вы спрашиваете, я приведу Вамъ источники, откуда досталась мнѣ та и другая пѣсня и Вы сами сдѣлаете заключеніе, народная ли она или нѣтъ. При посылкѣ моего сборника пѣсень я отмѣчалъ въ примѣчаніяхъ, которыя пѣсни заимствованы прямо отъ народа и которыя записаны у грамотныхъ людей, или переписаны изъ рукописныхъ пѣсенниковъ, но г-нъ Бодянский откладывалъ эти примѣчанія и объясненія до конца изданія — между тѣмъ постигшая его смерть не дала осуществитъ ему этого плана. Теперь понятно, какъ необходимы такого рода поясненія.

Приступимъ къ дѣлу:

1) Пѣсня *Потоцкій* (1. 26) записана мною отъ дядка Утишковской церкви Золочевского уѣзда въ 1833 или 1834 году. Въ то же время я получилъ варіантъ этой пѣсни у моихъ соучениковъ гимназіи; въ этомъ

спискѣ она была полнѣе т. е. было еще 4 или 6 стиховъ, въ которыхъ выражалась похвала Наполеону I. „Прійди и выбавъ насъ великій Наполеоне!“. Варіантъ остася въ бумагахъ Осипа Максимовича Бодянскаго—черняка у мѣня нѣтъ.—Очевидно пѣсня—не просто-народна, хотя въ Ziewonii изд. въ Страсбургѣ 1835 (?) г. авторъ какой-то повѣсти говорить, что будто бы работникъ въ саду пѣлъ эту (народную?) пѣсню во время декламаціи Трембецкаго, автора Zofijówki.—Пѣсня вѣроятно въ концѣ прошлаго или въ началѣ настоящего вѣка сочинена—кѣмъ то изъ Поляковъ, служившихъ въ легіонахъ Наполеона I-го, которые и занесли ее въ Галицію, раньше 1831 года—слѣдовательно она не народная.

2) Пулавскій (1. 27) ¹⁾

Місто Львів.

Гравюра на першій сторінці 2-го листа Головацького (с. 126), якого він вислав до Бодянського з Коломиї ²/₁₄ березня 1844 р.

¹⁾ Друкуємо тут цей уривок з листа Головацького до невідомої особи, що його мені передав акад. К. О. Студинський, вважаючи на загальний інтерес наведених у ньому пояснень до пісень. Оригінал історичних пісень збірки Головацького з ненадрукованими примітками переховується в рукописному архіві Бодянського-Титова за № 4136. Ф. С.

ДО ІСТОРІЇ ГРОМАДСЬКОГО РУХУ 1860 РР.

(Записка А. Л. Шиманова).

На протязі всього ХІХ ст. рух 1860 р.р.—найпотужніший прояв змагань української суспільности за соціяльне й національне визволення. Виявивши себе пишно в тодішній столиці імперії—Петербурзі, де перебували старі кирило-методіївці, і в Києві, де зростала молода генерація, громадський рух і на одшибі цих двох осередків висунув визначних і оригінальних осіб, що потім не сходили з кону громадської праці й боротьби на протязі дальших десятиліть.

Визначити політичний світогляд, накреслити програму, усвідомити собі шлях у змаганні—це були ті питання, навколо яких оберталась думка наших народників, орієнтуючись у одмінних обставинах, що, як здавалося спочатку, давали можливість всебічного розвитку й Україні. 1860 р.р. не дуже рясні на документи соціяльно-політичного змісту, де б виразно позначалися програмові й тактичні засади шестидесятників, і на такому тлі записка Андрія Львовича Шиманова „Нам тяжелы противоречия, а еще может быть тяжелее равнодушие к ним“ яскраво вирізняється.

Автор записки походив з дрібномаєткових дворян Охтирського повіту на Харківщині. Бувши студентом харківського університету мав він з П. Єфименком, Павлом Завадським, Португаловим і Бекманом—учасниками таємного політичного т-ва 1856—1860 р.р., приятельські відносини, але до цього товариства не належав тому, по перше, що коли він вступив до університету, то діяльність товариства занепала, а по друге, що важливіше, погляди Шиманова розбігалися з революційними й змовницькими засадами його учасників.

За тим, як товариство викрили, в Харкові 1861 р. виникла Громада. Між визначними членами Громади бачимо Потебню, Мову, Гнилосирова, Шиманова, Жученка, Лободовського, Лобка, почасти подружжя Алчевських, а також і осіб, що горнулися до розпорошеного перед тим таємного т-ва—Білика (Беликова), Соковича, Ладовського і Петра Завадського (брата Павла Завадського, засланоного в 1860 р.).

Влітку 1861 р. Шиманов разом із Гнилосировим подорожував на кошти Куліша по Україні, збираючи етнографічний і статистичний матеріял до праці своєї, а зокрема Кулішу; разом розповсюджував відомі „метелики“ і став пропагандистом української визвольної ідеї. В різних містах: Києві, Полтаві, Житомирі, Лубнах, Миргороді, Пирятині, Прилуках Шиманов з своїм приятелем налагоджував зв'язки і обопільну інформацію. Збогативши себе досвідом, зазнайомившись з визначними діячами на Україні, скінчивши університет, Шиманов зростав і сам на визначного громадського діяча. Про це промовляє його записка, складена, як знати з тексту, десь у кінці 1861 чи на початку 1862 року. Призначалася вона на доповідь у харківській Громаді, чи в тіснішому колі своїх однодумців.

В травні 1862 р. Шиманов виїхав до Полтави на посаду вчителя історії в кадетському корпусі і його тут у жовтні позначеного року разом із Кониським, Лободою, Шевичем і Строніним було заарештовано й ув'язнено

в Петропавлівській кріпості в справі ніби-то „возбуждения под видом общества грамотности недовольствия народа к правительству, с целью отделения Малороссии“. Слідча комісія не довівши обвинувачення в адміністративному порядку заслала Шиманова до Курського, де він пробув до 1866 р.

Пізніше Шиманов став відомий, як правник-адвокат, уславившись виступами в старозаїмочних процесах. В „Киевской Старине“ надруковано дві його статті з історії землеволодіння на Слобожанщині.

Оригінал записки писано характерним і дуже покрученим письмом Шиманова. Переховується вона в московському архіві Революції і Зовнішньої Політики (фонд III Отд. собственной его императорского величества канцелярии; дело № 30, ч. 1 (сс. 450—456) додаток до справи 1862 р. № 230, ч. 128).

Михайло Гніп.

Нам тяжелы противоречия, а еще м. б. тяжелее равнодушие к ним.

Родились мы, живем и вступаем в жизнь среди южнорусской народности, для которой, судя по всем известным нам фактам, наступает новая знаменательная эпоха, ее истории. Для вдумчивого серьезного человека, если только он не отгородил себя раз навсегда стенами кабинета, нет возможности уклониться от содействия или противодействия возникающему возрождению народности. Мы говорим о тех людях, которые удовлетворяются насущным, доставляющим им все жизненные средства. Это большинство, составляет как-бы сырой материал истории. Но всем нам известны люди, для которых жизнь с утра и до вечера, м. б. к собственному их несчастью, вполне равносильна смерти. Уже по самой природе своей они не могут уклониться от осмысления новых данных. объединения их общей связующей их идеей, и смотря по его состоятельности, противодействием или сочувствием ей. Идея народности, как ни мало она выяснена еще современной наукой, есть однакоже идея, обнимающая всю жизнь отдельной личности, хотя бы даже и помимо ее сознания. Положение это может быть поставлено еще прочнее, с точки зрения материалистов. Применение каждой, уясненной идеи, служение науки жизни, словом невозможность абсолютного созерцания, составляющего вечный идеал науки, лежит в природе человека и составляет его высшее достояние—его индивидуальную личность, без которой он был бы только ходячим энциклопедическим словарем. Если вспомним историю, то увидим, что самые знаменательные ее эпохи были работой применения наиболее жизненных идей к практике; вспомним хотя бы реформацию 16 века, вызванную возрождением наук и философское движение—этот могучий рычаг французской революции конца прошлого столетия, имевшее чисто отрицательный характер. В наше время видны, можно сказать, достоинства и недостатки этих великих движений. Нам, с личной точки зрения, не м. б. вполне симпатична роль Лютера, защищавшего остатки того здания, которое совсем рухнуло в наших глазах, как относительная ложь нашего времени. Ведем речь потому, что эти эпохи применений знания и вызванных им жизненных интересов, несмотря на неизбежную их односторонность, могущественно двигали вперед и жизнь и науку, разнообразя и увеличивая содержание и деятельность последней. Обратимся теперь к своему времени и к почве под ногами в особенности, остановимся на фактах, а не на собственных желаниях и симпатиях. Какое самое крупное и могучее явление нашего времени? Ослабление или распадение прежних государств. политич. союзов и полное обособ-

ление народностей. Что вызывает это движение? Современное развитие личности, сознательно и бессознательно преследующей свои симпатии в жизни, под необходимым условием личной свободы. История, нам кажется, часто бессильна предвидеть события и только приобщает к своему содержанию уже совершившиеся факты. Так итальянское движение, настолько оно осуществилось в настоящее время, не было предвидено м. б., не дальше тому назад, как два, три десятилетия... Обратимся к родной почве. Время подкашивает самодержавие, которое однакоже имело свое важное историческое значение: оно внесло тот объединяющий элемент, который слил высшие (образованные) классы России, независимо от пестроты ее племенного и даже многоязычного состава, как бы в одну цельную нацию с одним общим литературным языком, с одними, так сказать, обычаями и интересами жизни. Всякому известно, что в настоящее время Татарин, Москаль, Украинец—получившие обще-русское образование ближе, родственнее, так сказать друг другу, чем каждый к своему родному племени. Но историч. судьбы России показали всем мыслящим людям что кастовое развитие высших классов—их образование и положение в жизни—встретили неодолимую преграду своего дальнейшего движения в самой своей замкнутости, насильственно, так сказать, привитой историей, поддерживаемое крайней централизацией. Правительство, как всегда б. или м. орган большинства имело (скажем даже это слово), право смотреть на притязания немногих личностей этой высшей касты: оно имело в виду и опиралось в этом случае на православную, нуждающуюся в небесных и земных идолах—массу, для которой самодержавие и всякие его атрибуты, приходились и приходятся по плечу. (Не станем идеализировать в.-русской и м.-русской массы); мы встречали даже католич. шляхту, которой также не коснулся наш искусственный, бессильный, книжный либерализм, и она даже произносила с благоговением царское имя. Но вот историческая необходимость вызывает новое движение. Прежнее направление, достигши крайних результатов заявило всю свою несостоятельность нашего времени. Ради дальнейших успехов жизни и лучшей ее спутницы—науки, начинается вместе с распадением самодержавия великое дело—сближение высшего (образованного) изолированного класса, почти теряющего свой смысл вне бюрократии и помещичества, с народной жизнью.

Как всегда параллельно с жизнью идет и литература. Сначала в России, равно на севере, как и на юге, б. так сказать один объединяющий язык религии и образования—яз. ц.-славянский, потом всего только с половины прошлого столетия возник и развивался новый общий книжный язык, в основу, которого легло моск. наречие, и который стал теперь родным языком всех образованных людей России, языком государственным. Но непрочность, искусственность и ложь существующего порядка не дала ему возможности далеко зарыть свои корни. Настоятельная необходимость сближения с низшими классами разрывает эту родную всем нам—книжным людям—централизацию образования, как имеющую своим первоначальным источником падающую теперь крайнюю централизацию власти. Словом В.-русса и Украинца родных по языку и образованию, разрывает теперь то, что у них под ногами: самая почва, к которой по требованию времени, они должны были применяться. Этому новому, не от нас зависящему движению жизни, отвечает и литература: язык Гоголя б. еще пожалуй, одинаково родственен северу и югу, по крайней мере, высшим классам, но уже язык и содержание поэзий Островского родственны, но не родни даже образованному Украинцу! С другой стороны быстро начала возникать и украинская литература с своеобраз-

ним языком и самобытным содержанием. По мере ослабления правительственной централизации, все б. и б. накапливается фактов возрождения Украины. Появление местного органа, и возрастающее к нему сочувствие, вызванная им украинская литература, распространение популярных украинских изданий, посильное, хотя и бессистемное введение украинского языка в школы, концерты и хоры, существование в некоторых пунктах б. или м. значительных кружков, преследующих идею местной автономии, деятельность отдельных личностей, для которых эта идея стала почти исключительно идеей жизни; наконец серьезная практич. пропаганда Украинского дела, как партии, которая м. по малу высылает своих агентов и сторонников в Зап. Украину (губ. Киевскую, Волынскую и Подольскую). Все это факты, которые явились вне нашего участия, м. б. вне нашего желанія и убедительно говорят в пользу права народности на существование.

Политическое положение Украины тоже имеет свою особую судьбу от севера; в настоящее время она испытывает влияние трех народностей: московской по восточную сторону Днепра, польской—по западную, польской, немецкой, и пожалуй даже венгерской в Галиции или Червонной Руси. Во всех этих трех частях Украины языком науки, литературы и государственным, словом, языком образованных людей, вследствие особых исторических судеб Украины, м. б. вследствие податливого, мягкого характера народа, стал не родной его язык, а язык названных выше народностей: так, на зап. стороне Днепра повсеместно польский язык составляет достояние всякого образованного человека, без различия религии и народности есть семейный язык православного заднепровского духовенства, составляет предмет зависти и преследования для тамошнего plebs'a. То же самое явление относительно русского языка повторяется в нашей восточной Украине. Мужики-Украинцы выражаются про польский и русский язык—что это по пански, а се по нашему, словом чувствуется различие только сословное, но не национальное. Ближайшее объяснение, которое приходит в голову по поводу этого явления, есть отсутствие в украинском народе общих исторических преданий—следствие отсутствия когда либо общей (совместной) политич. жизни. Эпоха Богдана б. слишком мгновенна, чтобы оставить в народе какое нибудь заветное влияние и она даже носила характер более социальной революции, религиозной борьбы, чем отстаивания своей народности. Следующая затем вся история гетманства ярко обнаруживает полное отсутствие в украинском народе идеи самобытности. Если даже и случалось, что интересы старшины могли совпадать с общими интересами Украины, как в Гадяцких статьях Выговского, по которым Украина или В. К. Русское, примыкала на федеративных отношениях к Польше, имевшей таким образом составиться из 3-х равноправных тел: Короны, Литвы, В. К. Русского, народ не понимал этих моментов своей истории, оставался вполне к ним равнодушным и тем давал полную возможность польскому и московскому правительству проводить свои планы. Он по сию пору находится в прежнем своем положении: страдательно подчиняется сильной польской пропаганде в Заднепровщине, (влияние высших классов на массу всегда б. или м. могучее, и в этом случае относительно Заднепровщины можно сказать совершенно безсильна официальная реакция русского правительства: язык сапожника, портного, дворового есть уже или коверканый или довольно чистый польский), а также еще может быть более могучей пропаганде в.-русской на восточной стороне Днепра. Вследствие, этих постоянных влияний других народностей, в разных местностях Украины

нет возможности объединить ее или окрасить в общий цвет какой-нибудь цивилизации—польской или в.-русской, не разорвав ее на части. И с этой точки зрения Поляки совершенно правы, считая всю Заднепровщину территорией Польской короны, они говорят: польское население здесь господствующее не количеством, а качеством, что гораздо существеннее. Если мы захотим быть вполне справедливы в отношении к ним, то должны сказать, что восточная Украина в этом смысле составляет такую же законную часть Петербургской или Московской Короны, п. ч. в.-русский элемент здесь преобладает не количеством, а качеством. Слово объединение ее возможно только путем поднятия родного украинского элемента, который воедино может связать все украинское население, как России, так и Червоной Руси. Нетронутая масса народности, развивающаяся литература, более или менее энергическая деятельность отдельных личностей и целых кружков, практическая пропаганда в Заднепровщине и в некоторых пунктах Полтавщины—все говорит в пользу известного движения и вероятного успеха дела. Но не забудем при этом одного: все эти частности местного современного движения, исключительно наполняют деятельность высшего по образованию Украинского класса, а народ попрежнему безразличен и холоден к этому движению. Тут не одна его вина: сама история обрезала всякую нравственную связь высшего и низшего класса и поэтому самые серьезные интересы первого совершенно чужды последнему. Понятно, что это обстоятельство совершенно парализует возможность серьезной сознательной деятельности и ставит на мель все и плохие и обдуманые проекты. Заваливание этой пропасти—есть всеми признанная насущная необходимость нашего времени.

Здесь мы сделаем небольшое отступление. Мы совершенно упустили из виду м. б. важнейшее. Это наши симпатии и антипатии в жизни, которые часто опережают приобретение нами тех или других убеждений и даже направляют отчасти их к оправданию наших стремлений. Эти факты нравств. жизни, нам кажется д. б. рассматриваемы, как важные данные относительно уяснения современного направления жизни, как материал, который нельзя выбросить из постройки. Для всякой энергической деятельности необходима доля Дон-Кихотства, а последнее чаще оставляет резкие следы в жизни, чем противоположное направление. Вырываемое до корня оно грозит общей нравствен. смертью и приводит к нулю убеждения и симпатии и вообще целиком всю жизнь лучших деятелей человечества. Какое значение получит глубокий поэтический юмор писателей, едкая до отчаяния сатира, нравств. суд общественного мнения, наконец, коренной, всеобъемлющий догмат нашего века—достоинство человеческой личности? Ведь все эти вещи есть результат или личного развития не в ладу с общим настроением жизни, или же составляют так сказать смутный религиозный догмат века, легче чувствуемый, но всегда трудно доказываемый исключительным рациональным путем.

Нам это не нравится, положим, что до наших ушей доходят энергич. крики полицейского, наказания розгами—мало ли чего не нравится! да когда это существует, перепутанное невиданными путями со всем складом насущной жизни. Для избежания противоречий в личной жизни, мы должны или раз навсегда махнуть рукою и посылно выгораживать в этом омуте только собственное покойное гнездо; но эта тактика к счастью ненадежная; нельзя ручаться, чтобы и самому не пришлось играть той же незавидной роли оппозиции, и в таком случае, для избежания противоречий, нам все таки необходимо махнуть рукою... или раз начавши противодействие до конца продолжать борьбу, мало по малу распутывая

этот узел. Крайность того или другого направления невозможны на практике и почти всегда смешиваются. Мы только хотим этим сказать, что г. г. свысока смотрящие на деятельность чернорабочих смертных, на так называемые юношеские увлечения человечества, м. б. не всегда задают себе труд обдумать вообще условия той или другой личности в обществе, в нашем и в наше время в особенности. Часто вместо сочувственной поддержки человека советом, его невольные промахи дают содержание только сплетням и приобретению нравоучительн. примеров для собственного самосохранения. Опять старая история. Припоминается при этом одно место из „Философии революции и социализма“ Герцена—которое наглядно показывает как легко оправдать покой безразличия к практике и трудно защитить вполне рационально-упрямую суету энтузиастов всех градаций. Преследуя чисто личные узко-эгоистичные цели большинства двуногих, Герцен указывает на эти явления, как на глубочайшую причину всякой неправды; но зная в тоже время (как же этого не знать!) что неразборчивость в жизни и личное счастье легче и чаще всего идут рука об руку, он как бы выпускает из рук свое наступательное оружие и прибегает к бессильной угрозе, подобно тому, как христианство поощряет и пугает своих адептов загробным воздаянием. Оно говорит, что как знать, оканчивается ли наше существование двумя крайними рубежами земной жизни—рождением, смертью или же, что вероятнее, под другими формами и видами, в более или менее роздробленном состоянии, мы имели бытие в прошлом, будем иметь его в будущем. Следовательно г. г., косящие направо и налево, ошибаются, они рано или поздно соберут плоды своей жизни; сознаемся—угроза не слишком пугающая. Приводим мы все это с целью напомнить себе, как трудна рациональная защита правды, даже почти математич. анализ ее в статье Лаврова „Очерк теории личности“ не вполне удовлетворяет наше нравственное чувство и не то сушит, не то холодит его. И так как необходимо для возможно верного вывода политич. теории нашего времени, нашей почвы постоянно иметь ввиду м. п. и личности, которые не столько руководствуются теориями, как неудержимым влечением сердца относительно возрождения Украинской народности (мы знаем некоторых из таких людей; про многих слышали: так на одной Волини их м. б. наберется несколько человек, есть на Подоле, есть в Киевщине; Киев посылает, так сказать, своих миссионеров и в Полтавщину)... Но для этого дела все-таки недостает главного: народ по сю пору не сказал от себя ни одного слова и еще неизвестно, когда он его скажет. Вот почему невозможна в настоящее время никакая определенная политическая теория местной жизни и вся деятельность людей, могущих заинтересоваться этим предметом, должна быть направлена на сближение и сближение с народом, на развитие в нем самосознания и на подготовку его к деятельности, а не пассивной роли в жизни. Теперь пока ни мы не знаем людей, ни люди нас не знают и все наши разнообразные мечты, еслибы только у кого не прошла еще охота жить, или похожи на сладостные иллюзии Манилова или, пожалуй, в миниатюре, на герм. философию, которую один англичанин назвал дурно-написанной поэзией. А между тем в наше смутное переходное время, нет возможности мыслящему человеку обойти те или другие политические убеждения, как ближайшую, реальную форму ненормальной, насильственно-спертой жизни общества. Повсеместно б. или м., как всегда сперва в высших слоях, начинается брожение в Украине, но в какие формы оно отольется покажет будущее.

Польза и даже необходимость кружков. Такое состояние

атмосферы уже вызывает к своеобразной деятельности отдельные личности и мало-по-малу расчищает эту дорогу для новых. Мы сами встречали людей, тяготящихся своим одиноким нравст. положением, ищущих какого-нибудь определенного серьезного дела и пока не находящих его. Особенно замечательно отсутствие всякого направления, как только человек из моды или по характеру и развитию переступает заветную, добрую черту карманных и вообще карьерных целей. Мы все-таки думаем, что виноваты в этом не отдельные личности, а все таки наше пасмурное время и наше изолированное положение в жизни, в частности. Давно уже, мыслящие люди, вдумываясь в причины мелкости современных характеров, их так сказать безхарактерности, объясняют это почти повсеместным явлением, отсутствием в жизни тех горячих жизненных идей, которые дали наиболее яркое содержание истории. В самом деле, что в состоянии всецело увлечь современного человека от его глубоких дум, карьеры и фортуны, в тесном смысле этого слова? Эти думы сливаются у нас и с кафедрой, и с религией, также как и с мелким и с крупным торгашеством, не говоря уже о чиновничестве, которое уже по самой природе своей не мыслимо вне этого направления. — Но будем попрежнему брать своей исходной точкой зрения тщательные факты. Все мы, вероятно, знаем людей, которым тесен заветный круг карьеры и фортуны. Почему и как мы не будем на этот раз вдаваться в разбор этого явления, а берем просто существующие в жизни факты. Может быть мы сами, здесь собравшиеся, заражены этой немощью, или как хотите назовите—эту особенность развития. Тут заканчивается источник того тяжелого *taedium vitae*, которое, подобно комете по народным верованиям, сопутствует всякой переходной эпохе истории. Вырываясь из заветного круга обыденных интересов, человек часто теряет смысл своей жизни... не имея перед собой ясной цели, которая выдержала бы его строгий критический суд и была бы в состоянии сделать его, так сказать, жизненной подругой.

Опять сделаем отступление. Сказанное нами, как видно уже из самих наших слов, относится только к личностям известного развития, известных стремлений. Все остальное население — попы от рождения, чиновники, обыватели и т. д. не относятся к нашему делу и не должны быть даже судимы нами. Особенности развития, преследования тех или других насущных интересов дается жизнью. Глупо и бесполезно было бы вдаваться в рассуждения и соболезнования почему поп не сапожник, кузнец не художник. Мы имели ввиду частью эти личности, которые особенностями своего развития, странностью своей жизни, как барометр, начинают предсказывать перемену погоды, наступление перелома в жизни.

Наше время и наша почва предлагает уже эту идею, проникающую все вышеприведенные нами факты в жизни Украины. Объем и содержание ее могут удовлетворить самому жадному запросу на жизнь. Карьера гражданина, поэта литератора, и ученого б. или м. уже охватывается этой идеей и получает от нее свое жизненное содержание. Одно из отличительнейших свойств каждой верно понятой жизненной идеи, как нам кажется, есть способность увлекать собой людей и становиться их исключительным жизненным интересом. Опять будем исключительно держаться фактов и фактов. Не говоря уже на этот раз о людях беззаветно отдавших и отдающих себя на служение этому делу, обратим внимание на другие психологические явления, уже замечаемые в нашем обществе. Возьмем хотя в рассмотрение, вызванное украинским хором сочувствие здешней мещанской публики, пришедшей, как рассказывают почти в нечеловеческий восторг, припомним, такие одиночные явления;

многим из нашей братии—гамлетов горячо желалось бы видеть развитие и дальнейший рост этого дела лишь бы только нам оставаться в наблюдат. положении, многим как будто совестно явно переходить на сторону дела, с сочувствием к которому мы однакоже отказать не в состоянии. Как ни искусственно, оранжирейно, так сказать, развивались мы, но все таки не остались совершенно непричастными жизни и м. б. украинская музыка, в этом случае лучшее мерило нашей связи с почвой. Говорим все это с тою целию, чтобы обнаружить существование богатых, не дремлющих сил для дела возрождения народности. Еще мало деятелей, но уже много сочувствия, обещающего постепенное возрастание сотрудников.

Единство цели, указываемой общей идеей, больше и больше уяснение ее жизнью, истекающее отсюда единство деятельности уже необходимо связывает людей в вольные, так сказать, ассоциации, вне всяких, стесняющих личность регламентаций. Но в то же время новость самовольно в зарождающемся деле и все неизбежные со всяким началом трудности, необходимость б. или менее сильной нравственной поддержки со стороны людей одного направления, одних интересов, всегда плодovitый обмен мысли при сходности общих оснований, наконец, всем известная важность ассоциационного труда, удесятиряющего силы каждой отдельной личности, взаимное поправление промахов и помощь в случае крушения часто неизбежного на новой, непротертой еще дороге наконец, наилучшее принятие в соображение того, что нравственная сила какого бы то ни было рода, а тем более преследующая обдуманную жизненную цель—уже сама себе служит оправданием—все эти условия, при отсутствии каких-нибудь особенных препятствий, уже необходимо порождают кружки, что действительно и встречаем мы в настоящее время в некоторых пунктах Украины.

Цель местного кружка и его организация.

Еще раз выскажем: мы не видим возможности да и нет надобности доказать преимущественность необходимости той или другой деятельности. Это было-бы, по нашему мнению, незрело и крайне ложно. Мы допускаем даже, что деятельность самого яркого типа кварт. надзирателей, или какого-нибудь грязного изувера-попа отрицательна, но все таки служит делу прогресса, кто верует в эту идею, или же вообще говоря служит движению жизни. Теперешняя эмансипация крепостных была вызвана не новым Пугачевым, м. б. даже не столько угрожающим положением этого класса, как его страшным отрицательным протестом: возраставшим противоречием его физиономии, насущному идеалу человечности. Как человек не навязывая никому ничего собственного, мы даем место или право обсуждать существующие и постоянно умножающиеся факты. Вникая в разнообразные побуждения отдельных личностей, избравших новые формы и содержание для самой деятельности в воскресн. и ежедневных частных школах, в различного рода приготовительных заведениях, в обществах грамотности и всех других подобных учреждениях, имеющих так сказать, невинные или серьезные задние цели, вникая в отдельные факты жизни людей, выходящие из карьерного круга, принимая в соображение отдельные манифестации, волнения и манифестации университетов, других корпораций и сословий, мы должны признать существование в наше время побудительных причин, отрывающих человека от его ближайших насущных целей, в то же время мы имеем в виду и фактические следствия—существования подобного рода людей и их то имеем в виду исключительно. Космополитизм нашего русского образования, тесно связанный с распадающеюся тепер крайней

централизацией государства, космополитизм развитый нашими правительственными школами, высказанным повсеместным в России изолированным положением высшего класса, подобно армии белого царя, слившегося в одну безграничную массу, космополитизм, пренебрегающий разнообразием почвы и желающий повсюду вносить свет науки с петерб. или моск. точки зрения они-то, как нам кажется, служат главным препятствием успешной пропаганде добрых начал, лежащих в основе всех исчисленных нами учреждений и обществ последнего времени. Может быть достаточно было бы ознакомиться с историей возникновения и деятельности Харьковск. общества грамотности, чтобы полнее согласиться с нашим мнением. Общество еще по сию пору почти не выходит за пределы своего кружка, не с целью насмешки, от которой мы слишком далеки в настоящее время, а в видах сравнения, мы скажем, что оно подобится писателю, который в то же время и единственный чтец своих творений. Опять прежние завалы выступают на сцену; пропасть, отделяющая в наше время образованный класс от массы населения, для которого слово пан, (т. е. всякий прилично одетый человек) есть синоним всего антипатичного. Связующих посредников, сотрудников, которые имели бы охоту, убеждения и возможность вносить в жизнь добрые начала общечеловеческой цивилизации, примиряя их с условиями почвы, со всеми коренными и живучими свойствами народности (предметом нам почти совсем неведомым)—таких посредников пока еще нет, да и не предвидится в скором времени. Таким образом садится пока на мель всякая пропаганда и легко доставляется целиком в Петербург при первой неосторожности¹⁾. С другой стороны, нам приходит еще следующая мысль: слабо и медленно выявленное направление, вызывая недоумение и апатию к делу в обществе, ослабляя физически и нравственно передовых деятелей этого направления, тем самым дает повод и пожалуй оправдание энергич. реакции правительства, подчас и кровавому разбору жизненных вопросов, чему мы не можем сочувствовать и всеми силами должны направлять к этому свою деятельность. Взрыв современной пассивной и патриархальной массы может только создать вместо прежних идолов новых и своим авторитетом дать им законность существования. Вот почему мы искренно держимся того дела, что всякая пропаганда на нашей почве д. пользоваться существующим порядком, особенно его начинающимся направлением, как лесами при постройке нового здания; окончится последнее — леса снимутся тихо и мирно.

Отчасти уже из высказанного нами уясняется особенность украинской пропаганды, и ее положение, и следовательно и всякого кружка, служащего этому делу. Многое, что вполне доступно прогрессистам — космополитам при теперешнем относительном прогрессе нашего времени и настроении правительства, может быть затруднительно и даже опасно для пропаганды украинской. За примерами недалеко. Распространение цензурою пропущенных популярных русских изданий и повсеместное введение их в школы не может встретить при настоящем порядке никаких препятствий со стороны правительства, не совсем в таком положении украинские популярные издания: введение в школы украинской грамоты вряд ли допустится официально, в некоторых местностях Заднепровщины, например в Киевской губернии, как нам рассказывали,

¹⁾ Шиманов має на оці долю арештованих учасників харківського таємного політичного т-ва 1856—1860 рр. (Пасквільний Комітет), допитуваних у III Від. в Петербурзі і потім засланих (П. Єфименко, П. Завадський, Муревський, Бекман та ін.). Про революційно й національно-визвольний рух у Харкові подам з часом дві статті: „Харківське таємне політичне т-во 1856—1860 рр. і „Харківська Громада 1860 р.“. М. Гн.

есть официальное распоряжение — не допускать украинских книг в народные школы. Словом наше правительство, как может быть и другое на его месте еще не хочет ближе и серьезнее посмотреть на дело, чтобы предоставить ему полную свободу мирного развития так как при этих условиях лучше всего высказывается сущность дела и его состоятельность. Поэтому нам кажется необходимым как можно осторожнее вести дело и все глубже и глубже зарывать его в почву.

Передовые люди в.-русского общества опередили и здесь, как и везде, свое упрямое правительство. Они сочувственно смотрят на движение Украины, начинают изучать язык ее, они ограничивают свою либеральную политическую деятельность только пределами В. России, так по крайней мере мы объясняем название „В.-Русса“. Цель кружка и ближайшая к ней средства (заголовок *М. Г.*).

Общая цель—украинская пропаганда с внимательным соображением тех условий, которые имеют место относительно нашей восточной Украины.

Дело невероятно серьезное—чтобы позволить себе легкий взгляд на него. Для этого должна быть предпринята осторожная упорная борьба не столько с правительством (в чем мы вполне сходимся с севером) но и с неустановившимся общественным мнением или говоря точнее с полнейшим равнодушием ко всем триволнениям жизни, исключая разве пожара в собственном доме. Борьба в большинстве случаев должна вестись, исключительно путем убеждений и примеров, приобретением на свою сторону людей, могущих еще быть полезными в жизни. Не зная близко характера своей народности, ее инстинктивных стремлений, мы не имеем возможности построить какую-нибудь прочную политическую теорию для будущей судьбы Украины; серьезное развитие этой теории пойдет параллельно с изучением народа и непосредственным сближением с ним. Что касается до нас лично, то мы можем ставить, как вероятную гипотезу, грядущая для нас общая федеративная жизнь славянских племен, чему главным препятствием служило (как знаем из истории) и служит всероссийское пугало—самодержавие.

Может быть Украина сумеет сделать решительный шаг к этому перевороту, мирному или кровавому—покажет будущее. Мы не питаем глубокой веры в пользу „кровавых крещений“.

Киевская партия уже достаточно выяснила свое положение она поставала себе глав. целью противодействие могучей польской пропаганде в Заднепровщине, пропаганде, которая распространяется двойным путем: естественно—при посредстве неизбежного влияния высшего класса и его исключительно польского образования и насильственно, можно сказать—при посредстве организовавшегося там в последнее время общества путем польских популярных изданий преследующего тут цель—быстрейшего ополячивания края. Ясно, что украинская пропаганда восточной стороны Днепра д. усиленно противодействовать московскому влиянию, еще более могучему, чем польское. В этом отношении между польским элементом на Западе Днепра и московским на востоке, м. б. проведена полная параллель: там язык высших классов, наук и литературы польский, здесь—московский или как его называют—русский.

Далее современное положение Украины само определяет рациональные средства и ближайшие, т. сказать пути для пропаганды. У нас нет украинской аристократии (в смысле богатого образованного класса, который отстаивал бы интересы своей народности в Венгрии или Польше), нет почти даже среднего класса, остается одна только пассивная, но еще могучая масса почти нетронутой народно-

сти. Следовательно, вдвойне является необходимостью непосредственного сближения с этим источником для скорейшего пробуждения в нем самосознания во имя начинающегося возрождения Украины. Существующие теперь у нас формы жизни, так называемых образованных людей — чиновничество, плантаторство, ученая и учебная деятельность — уничтожают всякую возможность сближения с массой вполне сохранившую свою народность. Вот почему Заднепровская партия увидела необходимость ведения дела снизу: она деятельно старается помещать своих сторонников на места сельских учителей, управляющих, волостных писарей и т. п., начинает заводить частные школки, куда проводит исключительно украинское направление (так в Киеве и в Александровске), проводит и поддерживает украинскую грамотность в воскресных школах Киева, начинает привлекать по-немногу на свою сторону людей богатых, особенно между молодым поколением и даже студентами — Поляками.

Такое ведение дела кажется нам единственно прочным при настоящем положении общества.

Итак для успешной работы в пользу украинской пропаганды кажутся представляются такие ближайшие средства:

1. Избрание по возможности практической деятельности в жизни, что кому более сподручно: условия роли хозяина, преподавателей уездных, городских и в особенности сельских училищ, места сельских писарей (по 200 или 300 р, ср.) и управляющих особенно арендных имений — много предлагают средств для этой цели.

Сюда можно отнести также и некоторые места чиновничества: так например значительно самостоятельную деятельность судебных следователей, некоторые выборные должности: как мировых посредников.

2. Насколько позволяют условия оседлой жизни, заботы об открытии и поддержке воскресных и постоянных школ, по мере того, как воспитание и образование из рук правительства будет переходить к обществу.

3. Сближение с людьми влиятельными по положению в жизни и по характеру и приобретение их деятельности и средств в пользу общего возрождающегося направления и приобретение удобных, обеспечивающих личную жизнь, позиций для своих сторонников.

4. Проведение этого направления в разные официально и не официально существующие в Украине общества прогресса под различными фирмами и честное содействие этим людям снизу, в качестве их проводников и агентов. В настоящее время, вследствие более или менее заметного всероссийского космополитизма и даже западничества в их направлении, им нет почти средств вырваться за границы кружка, как бы числен он ни был.

5. Один из важнейших пунктов пропаганды представляют духовные учебные заведения, ежегодно выпускающие саранчу, с ее единственным атрибутом: страшной прожорливостью; а м. т. эти люди при других стремлениях и пробужденных человеческих интересах могли бы создать м. б. больше, чем кто либо другой. Стоит только уяснить им серьезность течения, увлекшего или увлекающего иногда людей нашего времени, уметь подействовать преимущественно на чувство (капитальные жизненные идеи всегда яснее говорят сердцу, чем рассудку).

6. Основание в Харькове — уже давно затеваемого украинского органа, который при успехе ведения пропаганды и постоянном увеличении ее адептов, не может почувствовать недостатка в сотрудниках и служа благовидным центром мирного дела в то же время будет играть не менее важную роль: мирный и незаметный переход капиталов, а следовательно

и уравновешение их, путем постоянного их перемещения, из рук аристократии богатства в среду нуждающейся братии: работников нового дела.

Общий ход пропаганды особенно на первых порах, нам кажется, д. б. самый осторожный, не заявляющий никакой коллективной деятельности; в этом отношении весьма практичны советы 3 № В. Русса.

Заканчивая речь о средствах украинской пропаганды мы считаем не лишним напомнить себе еще одно причастное ей условие: это прогрессист В. России, который даже и помимо всех высших побуждений, д. б. нам дорог уже в самом интересе местного дела: начинающееся современное духовное движение искренно для собственной же своей пользы должно желать возможности зрелого и беспристрастного на себя взгляда севера, по сию пору, игравшего роль физически-сильной (отсутствием личности) самодержавием сплоченной массы, которая при таких условиях была страшным оружием в руках своих московских, а потом петербургских идолов. Не так начинают тепер смотреть на украинское движение передовые люди В. России: нам передавали слова Тургенева, весьма большого, впрочем энтузиаста: „будь я Украинец, я-бы личное безразличие к своей народности считал-бы преступлением: я-бы не захотел быть Русским“. За точность слов не ручаемся, мысль по крайней мере такова.

Организация местного кружка.

Этот отдел мы оставляем для общего обсуждения.

Тут мы видим наиболее затруднений в изложении своих мыслей, п. ч. здесь дело зависит от личной воли людей, пристающих к делу, от их взаимного б. или м. прочного соглашения.

Мы, вспоминая старое, попрежнему стоим за отсутствие всякой обязательной формы и организации, которая дала бы делу опасный для него вид тайного общества, которое при настоящем порядке ежедневно должно наталкиваться на препятствия, ежедневно рисковать своим существованием, а следовательно и участью всех ему причастных. Мы совершенно согласны с мнением одного почтенного человека, что в настоящее время „деспотизм не так уже ревнив, чтобы нельзя было коего чего сделать и на его глазах“. Словом, деятельность людей, нравственно связанных общим местным направлением, д. по возможности пользоваться для своего проявления уже существующими на виду или вновь возникающими формами деятельности и разными филантропическими учреждениями.

Кроме того, принимая в соображение все разнообразие наших личных обстоятельств, б. или менее переходную пору жизни большинства нас, здесь сидящих и стоящих—мы должны быть умерены в серьезно обдумываемых своих планах касательно будущего. Каждый из нас, честно выбирающий новую тяжелую роль в жизни, уже имеет громадную нравственную поддержку в том, что его сознание не в одиночестве уже. Его положение дает ему могучее оправдание его деятельности в его собственных глазах.

Итак, нам кажется, что самая естественная связь людей, которые чувствуют в себе искреннюю любовь к одному делу и способность взять его преобладающим интересом жизни, самая естественная связь говорит им, это совместная жизнь в том или другом пункте, дающая по мере возможности личное уяснение затруднений и недоразумений, ближайшую взаимную помощь и нравств. поддержку, также точно дает полный простор украинской пропаганде, не связывая со своими промахами участи целой партии. м

Каждый порядочный член харьковского кружка (мы берем во вни-

мание наше последнее положение) может на месте своей оседлости продолжать ту же самую деятельность, окружая себя, в свою очередь, кружком надежных людей. Так может успешно пойти дальнейший рост дела и его вольная пропаганда.

Заметим при этом, что киевская русинская партия имеет уже определенную организацию: справжніх и гонорових товаришів, но при этом мы вспомним то, что нам самим бросилось в глаза: с недавнего времени киевский университет представляет разгар политич. партий и особенно польской, вызванной итальянским движением. Там сама почва толкает людей в ту или другую сторону и оставляет в завидной середине одних только вечных жильцов гостинниц и гостинных. Харьковская атмосфера другого свойства—здесь преимущественно карьерное или бонвивачное направление. Вот почему, как бы мы ни смотрели на шансы тайного общества, в Харькове оно всего труднее и легче всего рискует всплыть наверх со всеми неисправивыми грустными последствиями.

ДО КИЇВО-ГАЛИЦЬКИХ ЗВ'ЯЗКІВ ПОЧАТКУ 1870-х РОКІВ.

(З щоденників Г. П. Галагана).

Між різними паперами Галагана, які передані були мені його сестрицею Катериною Павловою Ламздорф-Галагановою, знайшлися і досить інтересні, на мій погляд, „Замѣтки по дѣйствіямъ Кіевскаго Отдѣла Славянскаго благотворительнаго Комитета и вообще по дѣлу славянскому съ 1872 года. Въ Кіевѣ“. Він був тоді за „товарища предсѣдателя Отдѣла“. Ці „Замѣтки“ написані на зразок щоденника, головним чином торкаються Галичини і галицьких справ у тодішні часи і через те саме, на нашу думку, вони і заслуговують опублікування. Написані інтимно, „для себе“, без усякої, як то кажуть „рисовки“, манірности, з одного боку вони додають досить яскраву сторінку до біографії Гр. П. Галагана, а з другого можуть послужити матеріалом для освітлення того відношення деяких наших інтелігентних кол до Галичини і Галичан, яке помічалось на початку 1870-х років, в Київі особливо.

Питання про Галичину і взагалі про закордонну Русь інтересували Галагана на протязі майже всього його життя; цей інтерес проявився у його проте досить пізенько таки, як йому вже було 30 років, коли уперше він почув і довідався дещо про Галичину, як про землю не польську, а „Руську“, і це дуже характерно для тодішнього стану нашої історичної „образованности“ взагалі. Тільки вже в 1849 р. Галаган від городницького доктора Букавчика, родом Галичанина, довідався „до какой степени эта страна (Галиція)—русская“ (див. його лист з Києва 19 березня 1849 р. до дядька Ол. Вас. Кочубея, надрукован. в „Україні“ 1925 р., кн. 6). Чим далі, тим все більше й більше Галаган цікавиться тяжкою долею Галичини, тими утисками, які їй приходиться терпіти від Поляків, і з свого боку робить, що тільки можна було в тих обставинах, для поліпшення цієї долі: він і гроші дає для підтримання окремих просвітніх установ, і книжки посилає для нових бібліотек, і помагає матеріально Галичанам, яких доля заносила в Росію або які приїздили, рятуючись від польських утисків; в статут відкритої ним колегії П. Г.—установи так би мовити „архиправославної“, куди не приймали навіть старообрядців і „єдиновірців“,—він вмістив § 12, де сказано, що в Колегію „могутъ быть принимаемы молодые люди всѣхъ безъ различія сословій, не исключая и русскихъ уроженцевъ Галичины (Австрійской Галиціи), но единственно православнаго или грекоуніатскаго вѣроисповѣданія“. Квартира Галагана деякий час робиться місцем, де сходилися Галичани для різних своїх справ і бесід в присутності самого ласкавого хазяїна, який особливо інтересувався в ту пору різними партійними відносинами і суперечками в Галичині, що були тоді дуже корисними для Поляків. Щоб підсилити інтерес російської інтелігенції до нещасної Галичини, він клопочеться про видання популярної книжки про цю країну, де була б накреслена не тільки її історія, але її сучасний тяжкий стан; сам складає програму сього видання, радиться з різними компетентними в цьому питанні особами, між іншим з проф. В. Б. Антоновичем, який прихильно поставився до цієї програми і тим дуже задоволив Галагана, а також „въ разговорѣ сообщилъ мнѣ интересный фактъ, что когда онъ началъ читать въ университетѣ исторію Галиціи и въ особенности но-

вѣйшую, то число слушателѣй у него болѣе, чѣмъ утроилось“ (Див. „Запись“ під заголовком „Проф. Антоновичъ“).

Особливо яскраво відбилися погляди Галагана на питання про Галичину і взагалі про закордонні „Руські“ країни у листі його до Вас. Дмитр. Сиповського, колишнього „воспитателя і преподавателя исторіи въ Коллегіи П. Г.“, а потім відомого складача трьохтомової книги „Родная Старина“ (див. „25-лѣтіе Коллегіи Павла Галагана“. А. Степовича, Київ, 1896 г. с. 67)... — „Не могу не высказать Вам одной моей за вѣтной мысли. Наша родная старина... жизнь русскаго народа въ полномъ объемѣ всѣхъ его племенныхъ оттѣнковъ и подразделеній — не должна ограничиваться предѣлами россійскаго государства: она должна обнимать русскій народъ, гдѣ бы онъ ни находился на своей родной почвѣ, и задача исторіи должна заключаться въ томъ, чтобы путемъ историческихъ разсказовъ въ живой связи съ положеніемъ Руси Галицкой и Угорской поддерживать въ юношествѣ сознание нашей общности съ этими отвергнутыми и гибнущими, въ отношеніи народности, странами... Теперь то и говоритъ объ этихъ странахъ и возрождать въ новыхъ поколѣніяхъ чувство участія къ родному населенію, выставивъ въ живыхъ разсказахъ терпимыя имъ во все продолженіе послѣдняго времени грубыя насилія Мадьяръ, вѣроломство Нѣмцевъ... Таковы мои мысли и убѣжденія, и я не могъ не высказать ихъ Вамъ... при желаніи, чтобы этотъ пробѣлъ былъ пополненъ въ Вашемъ прекрасномъ трудѣ...“

З тих осіб, про якихъ говориться в „Замѣтках“ Галагана ми дамо деякі пояснення лише про того, кого ми знали особисто: про Астряба Матвія Григоровича, Лопатинського Л. Г. і Соневицького. З першим я познайомився, як був ще молодим гімназістом, у 1871 р. літом в Сокиринському домі Галаганів, де він, вже студент, людина років під 30, прогостював від травня до жовтня. Про нього говорили, що він прийшов у Київ з Галичини вже дорослим 22-літнім парубком і був прийнятий Андріяшевим, директором першої київської гімназії, здається, в четверту чи в п'яту класу, йому там всі дуже старанно помагали, особливо інспектор Палієнко, і він, скінчивши курс гімназії, 1869 р. вступив на філологічний факультет університету, курс якого скінчив 1873 р. Його доля зацікавила Галагана, він став брати у нім участь, і ото між інш. Астряб і загостював у нього. Це була людина добросердечна і привітна, а до нас, гімназистів, які тоді жили літом у Сокиринцях — крім мене там були ще ученики 2 гімназії Яків Мищенко (брат професора Федора Герасимовича, потім учитель гімназії в Києві, і Хвед. Колесниченко — відносився дуже приязно. Матвій Григорович жив у сусідній з нами кімнаті, частенько заходив до нас і оповідав нам переважно про свою Галичину та про Лемків. Пам'ятаю його, як великого галицького патріота, який інтенсивно міркував про ті способи, якими можна було б зупинити або хоч припинити ополячення бідної його країни. До нього в Сокиринці приїхав якомсь його товариш Соневицький, студент київського університету, стипендіат „Київського Слов'янського Общества“ (Див. „Отчет О-ва“ за 1872)¹⁾, теж Галичанин, якого особливо інтересували історичні

¹⁾ В цьому відчиті знаходимо такі пункти:

1) Стипендіантамъ нашего Отдѣла иностранцамъ: Соневицкому, Шумскому и Старосельскому, готовившимся поступить въ здѣшній университетъ, Богодуловичу и Гетманчуку, слушавшимъ лекціи въ этомъ университетѣ, к студенту здѣшной духовной Академіи Прачуку выданы были на одержаніе втеченіе года—614 р. 44 к.

2) Вышеупомянутому Гетьманчуку, как наилучшему стипендіату нашему, даны были на покупку книгъ и на издержки во время поѣздки его на родину и обратно въ Київъ 100 р. да за слушаніе имъ лекцій въ университетѣ 40 р., а всего 140 р.

3) Стипендіатамъ нашимъ даны въ пособіе: Соневицкому при возвращеніи его на родину 50 р., студенту здѣшняго университета Астрябу 70 р.

думи кобзаря Остапа Вересая, що мешкав тоді в цьому селі. Але Соневицький прожив у домі недовго і скоро виїхав, так що мені мало довелося бачитися й говорити з ним, а потім я його вже й зовсім таки не бачив і його дальшої долі, як вона склалася в нього—не знаю. Кажали між іншим якимось, що в його вийшла якась „неприємна історія“ перед виїздом його за кордон з Росії з „Київським Слов'янським Обществом“, але в чому була справа, мені зісталося невідомим. Може це те, про що розказується в „Замѣткахъ“ від 7 квітня заголовком—„Засѣданіе распорядительнаго совѣта Кіевскаго Отдѣла“.

З Астрябом мені й Колесниченку доводилося потім не раз зустрічатися в Києві, бо він частенько заходив в Колегію П. Г., де ми вже вчилися з 1 жовтня 1871 р. Між інш. він збирав книжки для якоїсь галицької бібліотеки, і немало таких книг дали йому і вихованці Колегії і сама Колегія. Про це див. між інш. в „Замѣткахъ“ під заголовком „Русская бібліотека въ Перемышлѣ“. Скінчивши курс університету, Астряб одержав посаду гімназіального вчителя поперше десь в Полтавській губернії, а потім на Кавказі, де й служив до 1893 року, коли одержав пенсію, і мені вже з ним майже зовсім не доводилося зустрічатися¹⁾,

З Левом Григоровичем Лопатинським, учителем гімназії, мені доводилося бачитися в Колегії П. Г. куди він частенько приходив до брата, мого товариша, якого він сам і приготував для вступу до цієї школи. Він був знавець грецької мови і латинської²⁾ і навіть взагалі добрий філолог і, як казали, дуже непогано викладав свій предмет. А проте в Києві він був недовго і потім перейшов на службу до кавказької учебної округи, де дослужився до високої посади. Він між іншим приймав участь в складанні відомого „Сборника Кавк. уч. Округа“.

Де він тепер і що зробилось з його братом—моїм товаришом—мені невідомо.

Щодо галицького „народництва“ Галагана, то воно мало якийсь трохи відмінний характер, що базувався скоріш усього на поглядах його друзів-слов'янофілів Ф. В. Чижова, І. С. Аксакова і його батька С. Т., Ю. Ф. Самарина й ін. В окремих бесідах зо мною він не раз, пам'ятаю, висловлювався так: перш за все нам треба рятувати Галичан від ополячення, і на це неможна жалкувати ніяких матеріальних засобів. А що буде далі—це вже інша справа „дѣло історіи, которое она совершитъ“

¹⁾ З автобіографії Астряба вміщеної в журналі „Україна“ 1925 р., кн. 6, с. 146, я довідався, що, одержавши пенсію, він 1904 року оселився з численною своєю родиною у невеличкій жінчиній садибі на Лубенщині і зайнявся хазяйнуванням досить невдало, через що мусив прийняти знов посаду вихователя в полтавському пансіоні. Тоді він зробився членом полтавської археографічної вченої комісії і написав чимало робіт по історії країни. З них 13 надруковано в різних виданнях. Історією рідного края він зацікавився ще в університеті, і його студентська робота про князя Данила Галицького була ухвалена факультетом. Помер Астряб, доживши до великої старости—82 р. (1843—1925)

²⁾ У той час заведення в Росії суворої класичної системи по гімназіях—чимало Галичан і Чехів дістало посади вчителів давніх мов і у Києві. Між інш. нас в Колегії учив їх після Янчевецького Бачинський знавець їх і великий аматор, у якого ми виучували на пам'ять по кількості віршів з Іліади, Одисеї, Антигони, Енеїди тощо.

Любо було дивитися на нього, коли він у якомусь начебто екстазі, заплющивши очі, скандував різні гарні місця з цих поем і трагедій і в такт хитав головою. Він мене, напр. до того заразив, що я, читаючи: в оригіналі Софоклові п'єси ходив теж бувало сам не свій... Сам учитель наш не признавав ніяких перекладів і добивався, щоб ми „наслаждались“ як він говорив, творами великих античних поетів в оригіналах, а не в перекладах... На жаль ця інтересна людина була дуже дражлива, бо хворіла, здається на легені, й бувало жалко дивитися на нашого вчителя як він закашляється і довго не може заспокоїтися... Яка його була дальша доля, мені невідомо. Деякий час ходила чутка про його смерть, але, коли це була правда, то де вона приключилася йому,—не знаю, як і взагалі не маю подробиць його долі.

независимо отъ нашихъ личныхъ вожделений“. Може вони приймуть „рускій литературный языкъ“ хоч для сього, добавляв він „кажется, уже прошло удобное время: очень напортила Екатерина II“; може стануть розроблювати своє місцеве „нарѣчіє“, до якого пристануть і українські письменники „самимъ ходомъ исторіи“—це справа майбутнього, а поки що треба боротись з усіх сил з Поляками, які по своїй шляхетській ідеології являються найлютішими ворогами „демократической Руси“. Навіть саме відкриття своєї Колегії П. Г. ставив (сам про себе) в зв'язок—це мені відомо напевно—з боротьбою з Поляками, з „необходимостію накоплення русскихъ культурныхъ силъ“ для такої боротьби, бо Поляків треба, він говорив, „побѣждать не столько грубою матеріальною силою, сколько культурными способами и дѣйствіями: это вѣрнѣе и надежнѣе“. Такі думки і гадки Галагана мені частенько таки доводилося чути від нього в інтимних бесідах... А що йому приходилося „среди правящихъ сферъ и печальной дѣйствительности“ говорити і робити, в умовах необхідности водитись з Д. А. Толстим або К. П. Победоносцевим, які йому були потрібні, щоб „защищать“ від лютої реакції „Київську Старину“, свою милу „Коллегію П. Г.“, селянські інтереси в „Юго-западном краѣ“, або що друге—це вже інша річ. Тут приходилося йому вести дуже „еластичну політику“. *Андроник Степович.*

Общие замѣчания¹⁾. Генв. 29. Секретарь М. Н. Колмаковъ сообщил, что отчетъ былъ бы напечатанъ, но пр. Порфирий²⁾ до сихъ поръ задерживаетъ.—Сборы особенно велики со стороны духовенства.—Со стороны общества мало сочувствія.—Сами наличные Галичане мало занимаются дѣломъ.—Нужно бы кому либо заказать книжку о Галичинѣ вродѣ Чехіи и Моравіи, изданной петербургскимъ Комитетомъ. Нашъ отдѣлъ можетъ дать премію.

Пріѣхаль изъ Львова Галичанинъ Калитовскій съ рекомендательнымъ письмомъ ко мнѣ отъ Дедицкаго. Онъ ищетъ мѣсто управляющаго. Аттестаты изъ агрономической Академіи.

Бесѣда съ Галичанами. Февраля 3. Вчера вечеромъ собрались у меня нѣкоторые изъ наличныхъ въ Кіевѣ Галичанъ. Ихъ пригласилъ ко мнѣ по просьбѣ моей Астрябъ.

Кромѣ Астряба и Соневицкаго, мнѣ хорошо знакомыхъ, были: Лопатинскій также знакомый мнѣ учитель гимназіи, который готовится брата своего въ коллегію; Свирнюкъ—учитель нѣмецкаго языка въ одной изъ здѣшнихъ гимназій. Человѣкъ кажется хорошиій; Устьяновичъ пріѣхавшій на короткое время изъ Львова художникъ украинофильской партіи; онъ снимаетъ здѣсь копіи съ нѣкоторыхъ древностей и съ портретовъ Малороссіянь; Гетманчукъ—молодой человекъ очень энергичный, студентъ здѣшняго университета; Дузинкевичъ—недавно пріѣхавшій. Кончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ и ищетъ мѣста. Хорошо говоритъ по русски и говоритъ, что болѣе всего выучился русскому языку в Прагѣ, и Калитовскій, который пріѣхаль, какъ сказано выше, съ письмомъ отъ Дедицкаго.

Весьма интересно и довольно ново было для меня слышать рѣчи и мнѣнія галицкаго украинофила Устьяновича и потомъ его пренія съ остальными его земляками.—Прійдя раньше другихъ, онъ успѣлъ въ разговорѣ высказаться ясно и надобно сказать, что былъ смѣлѣе одинъ. чѣмъ при землякахъ. Самъ собою довольно красивый мужчина, брюнетъ

¹⁾ Всі заголовки написані в оригіналі на боці А. С.

²⁾ Тодішній голова київського відділу „Славянського Общества“ відомий вчений мандрівник по Сходу.

съ выразительнымъ лицомъ, онъ держалъ рѣчь то по малороссійски, то по русски. Въ первомъ случаѣ я отвѣчалъ ему на томъ же языкѣ. Безъ сомнѣнія несмотря на всѣ его усилія онъ въ рѣчи малороссійской часто долженъ былъ прибѣгать къ выраженіямъ общерусскимъ, которыя только выговаривалъ по малороссійськи, такъ какъ не твердо знаетъ составленныя для серіозныхъ предметовъ выраженія Кулішомъ, котораго онъ почитаетъ какъ пророка.—Онъ выразился какъ отъявленный украинофилъ и даже представитель этой партіи. Изъ его объясненій нѣсколько сбивчивыхъ, такъ какъ онъ часто возвращался къ увѣреніямъ „що у тої партіі нема нічого політичного“ несмотря на мои увѣренія, что я въ этомъ политическомъ ничего не вижу дурного, изъ его объясненій можно прійти къ такому результату: украинофилы хотять сохранить малорусскую народность гонимую въ Россіи со стороны Москалей. Они надѣются на ея самобытность и силу, во всѣхъ отношеніяхъ. Полны (какъ говоритъ Устьяновичъ) того убѣжденія, что рано или поздно Галиція сольется въ одно цѣлое съ остальною Русскою землею, они однакожь полагають, что не можетъ быть однообразія ни въ рѣчи ни въ обычаяхъ на пространствѣ отъ Архангельска до Одессы и Карпатъ.—На мое возраженіе, что этого никто не требуетъ, но что рѣчь идетъ только о литературномъ и научномъ общемъ языкѣ, Устьяновичъ сказалъ, что они вѣрятъ въ возможность самобытности того и другого на малорусскомъ нарѣчій. Далѣе Устьяновичъ началъ развивать то, на сколько украинофилы нужны и спасительны для Галиціи. Для того, чтобы это доказать, онъ говорилъ, что партія Москвофиловъ (Дедицкій, Площанскій и другіе) сильно раздражаетъ Поляковъ, которые подняли бы еще сильнѣйшее гоненіе на Галичанъ, еслибы не видѣли въ украинофилахъ людей, которые готовы оставаться съ ними въ союзѣ, лишь бы имъ оставили ихъ языкъ и народность. (Какъ много Украинофилы успѣли въ своихъ планахъ!)—Много говорилъ Устьяновичъ въ этомъ смыслѣ, много горячился, обращаясь ко мнѣ въ разговорѣ словами „высокопочтенный пане“. Когда пришли всѣ остальные галицкіе гости, то разговоръ начался о разныхъ партіяхъ, которыя дѣлятъ русскую интеллигенцію въ Галиціи на части. Говорили о Свято-Юрской клерикальной римской партіи, о русской радѣ (собственно называемой москво-филами), объ украинофилахъ и пр. Когда Устьяновичъ началъ повторять хотя и скромно о значеніи украинофиловъ, то всѣ за исключеніемъ Калитовскаго, который относился ко всему хладнокровно, возстали на него. Въ особенности сильно возражалъ ему Гетманчукъ, подтверждая свои доводы фактами. Устьяновичъ часто долженъ былъ уступать и видно было, что ему было неловко.—Я поднялъ вопросъ о кулишовкѣ и выразилъ мнѣніе во сколько правописание Куліша хотя и удобно съ перваго взгляда, но по моему мнѣнію подобная орфографія годится только для говора (patoj), а не языка, и что правописание Максимовича относится болѣе съ уваженіемъ къ языку, обращаясь съ нимъ какъ съ языкомъ. Всѣ почти были моего мнѣнія, исключая украинофила, который говорилъ, будто всѣ литературные журналы и газеты слѣдуютъ кулишевкѣ. Ему доказалъ Гетманчукъ, поддерживаемый Лопатинскимъ, что это несправедливо. Я спрашивалъ, есть ли партіи въ народѣ, и, разумѣется, получилъ единогласный отвѣтъ, что въ народѣ партій нѣтъ, что народъ крѣпко вѣритъ въ то, что бѣлый царь опять возвратитъ Галичину—русской землѣ. Это говорилъ и Устьяновичъ. Разсказывали разные анекдоты, подтверждающіе это непоколебимое вѣрованіе народа.

Вообще, какъ кажется, судя по образчику Устьяновича и сравнивая его съ нашими господами этого направленія, Украинофилы очень несо-

стоятельны даже въ Галиціи, гдѣ они не могутъ сказать, чтобы ихъ Москаль притѣснялъ; навѣрно даже они получаютъ поощреніе отъ Ляховъ, которые такъ гонятъ москвофиловъ. Какъ видно также, въ Галичинѣ много партій, что сильно мѣшаетъ успѣху русскаго дѣла.

Мною возбужденъ былъ вопросъ о книжкахъ, посредствомъ которыхъ могла бы возобновиться между нашимъ краемъ и Галичиной связь обоюднаго знакомства. Я объявилъ, что Кіевскій отдѣлъ Слав. Комитета готовъ дать премію за небольшое сочиненіе, которое бы могло знакомить наше общество и нашъ народъ съ родною намъ Галиціей. Въ свою очередь надобно и такое сочиненіе, которое могло бы знакомить Галиційскій народъ съ тѣмъ, что дѣлается в Россіи. Эта мысль была принята вообще сочувственно. Желаютъ знать, каковы будутъ преміи. При этомъ нѣкоторые высказались въ томъ смыслѣ, что въ Галиціи народъ хорошо знаетъ про Россію и что трудно ему передать что либо новое (въ этомъ я сильно сомнѣваюсь) но что въ Россіи почти ничего не знаютъ о Галичинѣ и слѣдовательно книжки для этого края нужны. Безъ сомнѣнія послѣднее справедливо, но мнѣ кажется, что Галиційскій народъ весьма важно было бы знакомить именно съ соціальными реформами въ Россіи и съ крестьянскимъ дѣломъ въ западныхъ губерніяхъ. Это бы возбудило въ тамошнемъ народѣ довѣріе къ нашему порядку вещей.

Надобно составить программу подобнымъ книжкамъ. Но я совѣтовалъ къ нимъ подготовляться—въ заключеніе я пригласилъ Галичанъ иногда собираться у меня.

Унгварскій народный домъ. Февр. 26. Нехорошіе вѣсти изъ Ужгорода (Унгвары). Тамъ мадьяроны взяли верхъ повидимому грубою силою; отняли русскій народный домъ у общества русскихъ, прибили главнаго распорядителя (вѣроятно, Геревича) и поставили во главѣ русскаго нар. дома тамошняго епископа, отъявленнаго мадьярона. Такимъ образомъ и 300 рублей нашихъ денегъ попали въ руки враговъ. Пр. Порфирій хочетъ писать епископу объ этомъ, но успѣхъ сомнителенъ. Н. А. Ригельманъ по этому поводу думаетъ, что въ настоящее время слѣдуетъ намъ воздержаться отъ посылки денегъ въ разныя общества, корпораціи и т. п. и лучше посылать деньги въ школы, посылать книги, поддерживать газеты и литературныя изданія. Съ этимъ можно согласиться тѣмъ болѣе, что послѣдній транспортъ книгъ, посланный въ Львовъ Николаемъ Аркадіевичемъ (Ригельманомъ¹⁾ А. С.) черезъ брата Лопатинскаго, дошелъ до мѣста благополучно, безъ помѣхи отъ Поляковъ и Нѣмцевъ.

Отчетъ. Былъ у преосв. Порфирія и у Колмакова, чтобы узнать, отъ чего досихъ поръ не является отчетъ, и поговорить о дѣлахъ. Оказалось, что отчетъ, составленный Колмаковымъ, все время (съ начала генваря) находится у пр. Порфирія, который многое въ немъ измѣнилъ, не щадя авторскаго самолюбія Колмакова, за что сей послѣдній нѣсколько въ претензіи. Во всякомъ случаѣ дѣло тормозится. Какъ только отчетъ будетъ напечатанъ, тамъ соберутъ совѣтъ, и на немъ, я думаю, будетъ рѣшено и о преміи, которую мы положимъ за написаніе книжки для ознакомленія нашего общества вообще съ положеніемъ Галичины.

Отчетъ отдѣла за 1871 г. 24 марта. Получилъ и прочелъ отчетъ Кіевскаго Отдѣла за 1871 годъ. Онъ составленъ Колмаковымъ и исправленъ и дополненъ пр. Порфиріемъ. Такая обоюдная работа отозвалась въ слогѣ и въ размѣщеніи мыслей; это какой-то спеціальныи слогъ съ при-

¹⁾ Ригельманъ—родичъ Галагана, чернігівський поміщик, один час директор київської 2 гімназії і великий прихильник слов'янського діла; він потім довго був головою „Кіевскаго Славянського Общества“ і навіть вмер на цьому посту своїому. На культурну мету він офірував 10.000 карб. Слов'янському Об-ву (Ригельмановський капитал) А. С.

мѣсью слога проповѣдника. Впечатлѣніе отчета вообще таково, что мы очень расхвастались благодѣянїями которыя мы сыпемъ на нашихъ братьевъ. Мнѣ самое названіе благотворительный комитетъ какъ то оскорбительно звучитъ в ухѣ. Какіе мы благотворители нашихъ бѣдныхъ братїй, когда мы сами съ собою справиться не можемъ; благотворенїя наши въ сравненїи съ тѣмъ, что дѣлають Нѣмцы для Нѣмцевъ, это курамъ на смѣхъ. Да при томъ, помогая заграничнымъ русскимъ, развѣ мы не помогаемъ себѣ. Эпитетъ благотворительный, неразлучный съ славянскимъ комитетомъ, есть одинъ изъ признаковъ трусости нашего правительства въ его политикѣ на западѣ; благотвореніе есть невинное занятіе, подаеніе нищимъ.—Мы помогаемъ дѣлу, а не бѣднякамъ. Помимо этого въ отчетъ вкралась совершенно неправильная мысль, будто нашъ отдѣлъ въ слѣдствїе совѣтовъ Лебединцева (изъ Холма) пришелъ къ такому заключенію, что въ виду польской пропаганды въ Галиціи бесполезно посылать туда денежные пособїя на училища и на мало-значашій русскій театр (стр. 6 и 7 отчета). Такая мысль вовсе не была положительно принята въ отдѣлѣ, а объ ней были лишь разсужденїя. По мнѣнію моему, въ виду могущихъ вкратись подобныхъ неправильностей въ отчетѣ, надобно чтобы отчетъ былъ болѣе правильно просмотрѣнъ въ распорядительномъ совѣтѣ до его напечатанїя.

Кустодіевъ. Забылъ отмѣтить здѣсь, что на дняхъ имѣлъ случай познакомиться съ священникомъ Кустодіевымъ, находящимся в Пештѣ. Онъ ѣхалъ обратно къ себѣ въ Пештѣ на Кїевъ. Распрашивалъ его, сколько могъ, о дѣлахъ угорскихъ Руссовъ и услышалъ подтвержденіе того, что положеніе ихъ крайне дурное. Мадьяризація дѣлаеть громадныя успѣхи. Во всякомъ случаѣ мы условились съ Кустодіевымъ, что, если встрѣтится какая либо надобность для полученїя свѣдѣнїй и т. п., то можно будетъ обратиться къ нему.

Беседа съ Галичанами. 27 марта. Вчера вечеромъ собирались у меня Галичане (почти всѣ прежніе, но еще прїѣхавшїй изъ Петербурга Литвинъ а также учитель гимназіи) (призвище в оригиналі пропущено, А.С.). Былъ также Н. А. Ригельманъ. Лопатинскїй привелъ ко мнѣ представить своего меньшого брата готовящагося къ поступленію въ Коллегію.—Говорили о томъ что извѣстный русскій патріотъ въ Венгріи—Добрянскїй послѣ насилїй и грубыхъ нападенїй, которымъ подвергся тамъ его сынъ, переѣзжаетъ въ Ю.-Западный край, гдѣ хочетъ купить имѣніе. Еще выбываютъ силы изъ Угорской Руси.—Разсказывали о грубомъ кулачномъ правѣ Мадьяровъ.—Я прочелъ составленную мною записку объ изданїи сочиненїя, могущаго познакомить насъ съ Галичиной. Основанїя мои встрѣтили общее одобренїе, что же касается до человѣка, могущаго заняться этимъ, то больше всего указывали на Задерацкаго, который подготовилъ уже много матеріаловъ для популярнаго сочиненїя съ этой цѣлью.—Я переговорю съ Задерацкимъ. По мнѣнію многихъ, можетъ также много пользы оказать проф. Антоновичъ. Повидаюсь и съ нимъ. Я слышалъ стороною, будто одинъ изъ Галичанъ Дузинкевичъ—католикъ и слѣдовательно Поляк. Надобно будетъ объ этомъ узнать.

Русская бібліотека. Въ Перемышлѣ. М. Г. Астрябъ, получилъ вѣрныя свѣдѣнїя объ основанїи въ Перемышлѣ русской бібліотеки, собираетъ въ Кїевѣ книги которыя онъ надѣется благополучно довести до мѣста сквозь двойные ряды Поляковъ и Нѣмцевъ (развѣ съ помощію Жидовъ? Дай Богъ).

До сихъ поръ подписка идетъ такъ успѣшно, что онъ набралъ уже до 300 книжекъ и вѣроятно число ихъ перейдетъ за 1000. Я жер-

твую покупая у Литова¹⁾ за нѣсколько лѣтъ „Русскую Бесѣду“ и „Время“. Коллегія Павла Галагана жертвуетъ изъ библіотеки своей излишнихъ книгъ до 100 (по сельскому хозяйству і т. п.).—Я просилъ княгиню Дондукову-Корсакову²⁾, Воронина³⁾ и нѣкоторыхъ другихъ. Успѣхъ значителенъ.

Складъ русскихъ книгъ во Львовѣ 29 марта. Н. Ар. Ригельманъ получилъ извѣстіе изъ Львова, что посланныя туда въ складъ книги получены и распродажа ихъ пошла очень успѣшно. Пишутъ только, что книги дороже одного гульдена идутъ туго по причинѣ бѣдности покупателей; но спросъ великъ.

Н. П. Задерацкій 31 марта. Имѣлъ разговоръ съ Задерацкимъ, читалъ мою записку о книгѣ. Онъ находитъ, что заданная мною программа вполне соотвѣтствуетъ цѣли и достаточно полна. Думаетъ ѣхать на вакацію въ Галицію. Говорилъ много о томъ, какъ онъ въ прошедшемъ году ѣздилъ тамъ по разнымъ мѣстамъ. Много собралъ свѣдѣній.

Въ Коломыи народность сохранилась больше.—Съ одной стороны вообще говоря, въ Галичинѣ сохраняется малороссійская литературная жизнь, гонимая у насъ въ Россіи, съ другой потребность общерусскаго литературнаго языка увеличивается съ каждымъ годомъ.

Соневицкій принесъ мнѣ отъ юныхъ Галичанъ, проживающихъ въ Кіевѣ, коллективное письмо, ко мнѣ адресованное, съ весьма любезными похвалами и изъявленіемъ ихъ благодарности за мое постоянное участіе въ ихъ судьбѣ и въ ихъ бытѣ. Желалъ бы я, чтобы такая благодарность была вполне заслужена.—Трудно дѣлать много дѣлъ разомъ.

Засѣданіе Распорядительнаго Совѣта Кіевскаго Отдѣла. 4. апрѣля. Вчера вечеромъ происходило засѣданіе распорядительнаго совѣта нашего отдѣла у пр. Порфирія. Разсуждали и постановили о слѣдующемъ: я прочелъ мою записку объ изданіи книги о Галичинѣ. Моя программа заслужила почти общее одобреніе. Преосв. Порфирій нашелъ, что напечатать эту программу значило бы возбудить политическіе вопросы. Нѣкоторые съ этимъ не соглашались и говорили, что опасности нѣтъ, однакоже рѣшили, чтобы конкурсъ на премію за сочиненіе былъ объявленъ отъ моего имени и чтобы было сказано, что за всѣми указаніями могутъ обращаться ко мнѣ. Разумѣется, я на это охотно согласился.—Премія назначена довольно высокая, въ 500 рублей. Задерацкій⁴⁾, бывшій на засѣданіи, объявилъ по моему вызову, что онъ имѣетъ довольно подготовленныхъ матеріаловъ, можетъ взяться за это дѣло. Онъ говорилъ, что по его предположенію книга будетъ имѣть отъ 10 до 14 листовъ и слѣдовательно будетъ изданіе стоить отъ 200—250 рублей. Начали рассчитывать бюджетъ этого года и оказалось что денегъ в отдѣлѣ не хватитъ безъ особенной подписки или театральнаго представленія и т. п. Задерацкій сказалъ, что въ Обществѣ дамъ—Модестовою и Иконниковою уже составилась труппа любителей, приготовлены піесы, и надобно только похлопотать, чтобы подешевле отдали имъ театръ. Приглашеніе и объявленіе будетъ тоже, какъ въ прошедшемъ году, отъ моего имени. Кромѣ того положено въ годичномъ собраніи 11-го

¹⁾ Відомий у Києві книгар, якого опісля замінив Мик. Як. Оглоблін (А. С.).

²⁾ Дружина кійвського генерал-губернатора. А. С.

³⁾ Співробітник Галагана А. Ф. Воронін — членъ от мии. финан. — „Комиссії по прекращенію обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Югозападномъ краѣ.“ А. С.

⁴⁾ Мик. Петров. Задерацкій — учитель кійвської 2 гімназії потім секретар кійвського „Слов'янського Общества“. Див. книгу „25-лѣтіе Кіевскаго Славянскаго Общества“ 1894, Кіїв.

маю открыть особую подписку съ этою цѣлю.—По предложенію моему положили выдать Астрябу 50 р. для дорожныхъ издержекъ при перевозѣ книгъ, которыхъ набралось болѣе 1000 томовъ (отъ 30 до 40 пудовъ вѣсу).—Предложено было мною и принято выдать студенту Гетманчуку 35 рублей для покупокъ книгъ, которыя онъ повезетъ съ собою въ Галичину на вакаціи для приготовленія къ университет. экзамену.

Въ этомъ засѣданіи отдѣла случился странный эпизодъ: Колмаковъ прочелъ письмо, оставленное ему Соневицкимъ передъ отъѣздомъ его обратно въ Галичину. Этотъ молодой человекъ, способный, но малоработящій и довольно самонадѣянный, пишетъ Колмакову очень дерзкое письмо, въ которомъ упрекаетъ его въ грубомъ обращеніи какъ съ нимъ, такъ и съ другими Галичанами (это отчасти совершенно правда). Далѣе говоритъ въ этомъ родѣ: „благодаря добрымъ людямъ не смотря на Васъ я могъ всегда достать помощь, чѣмъ Вы 4 раза взять взятку“.— Съ какою цѣлью Колмаковъ подѣлился съ нами этимъ пріятнымъ письмомъ, неизвѣстно, но онъ при этомъ жаловался, говоря: вотъ какой это народъ, пишетъ дерзкія письма и т. п. Пр. Порфирій послѣ нѣкотораго размышленія сказалъ, что подобный поступокъ Соневицкаго есть дѣло совершенно частное; но что это не должно нисколько охлаждать насъ къ остальнымъ Галичанамъ, и что мы должны напротивъ стараться быть съ ними какъ можно вѣжливѣе и предупредительнѣе. Хорошо было бы если бы нашъ секретарь понялъ эти справедливыя слова.—Говорили о крайне неаккуратномъ исполненіи своихъ обязанностей казначеемъ нашимъ Линниченкомъ. (Андрей Ів. Л.—професор у-та и директор жін. гімназії, А. С.). Пр. Порфирій очень имъ не доволенъ и желалъ бы, чтобы выбрали другого казначея.—Жаль, что я не буду здѣсь 11 маіа, т. е. жаль собственно для славянскаго дѣла.

Проф. Антоновичъ. Былъ у профессора Антоновича. Много говорили съ нимъ объ изданіи предполагаемой книги. Моя программа ему нравится, и онъ находитъ тоже, что она довольно полна, чтобы самыя факты, выставленные рельефно, сами по себе говорили и не нужно бы было ни возгласовъ ни какихъ объясненій и разсужденій, способныхъ возбудить какіе либо страхи.—Онъ готовъ будетъ и дать составителю указанія и просмотрѣть сочиненіе по его окончаніи. Между прочимъ въ разговорѣ онъ сообщилъ мнѣ интересный фактъ, что когда онъ началъ читать въ университетѣ исторію Галиціи и в особенности новѣйшую, то число слушателей у него болѣе чѣмъ утроилось.

Надзоръ за молодыми людьми. 8 апрѣля. Сегодня уѣзжаетъ Астрябъ съ книгами. На дняхъ ѣдетъ Гетманчукъ, а также Свирнюкъ хочетъ перейти учителемъ нѣмецк. языка в ц. Польское и проситъ рекомендательнаго письма къ Витте, которое я ему и обѣщаль.—Говорили съ Ник. Аркад. о томъ, во сколько можемъ мы быть увѣрены, что молодые люди занимаются, что наша помощь не идетъ даромъ, наконецъ что нѣтъ со стороны Галичанъ злоупотребленія нашего невѣденія. Наблюденіе за студентами и гимназистами необходимо и для этого нашимъ отдѣломъ избранъ Лопатинскій (Левъ Григ.), но или онъ слишкомъ для этого вялъ, или его учительскія занятія мѣшаютъ, только наблюденія съ его стороны замѣтно мало. Слѣдуетъ или выбрать кого либо другого или обращаться за справками объ отдѣльныхъ лицахъ къ самому кружку Галичанъ. Объ этомъ надобно подумать.

На цьому місці „замѣтки“ перериваються; продовження їх поки що не знайдено. А. С.

СЕРГІЙ БУДА.

ДО БІОГРАФІЇ С. А. ПОДОЛИНСЬКОГО.

Говорячи про значіння С. А. Подолинського в історії української громадської думки, М. С. Грушевський дає таку йому характеристику: „Не тільки суб'єктивно, як людина, яка всю себе віддала громадській роботі й згоріла в ній без останку, але й об'єктивно — з огляду на показні результати своєї роботи, на високу репутацію молодого українського соціалістичного руху в західньо-європейських соціалістичних кругах, котру здобула йому головню діяльність Подолинського,—він заслужив собі одне з найбільш почесних місць в історії нашого духового життя“. А проте Подолинський і досі зоставсь, кажучи теж словами М. С. Грушевського, „фігурою з найбільш покривдженою нашою традицією“¹⁾.

Справді-бо, не тільки біографію Подолинського досі ще зовсім не розроблено, а навіть і матеріялів до біографії маємо дуже мало,—отже через ту недостатність даних, що давали б змогу окреслити повною мірою життя його, навряд чи й можна написати в цей час докладну його біографію. Не маємо ані листування Подолинського (та й чи переховалося воно де?), ані якихось автобіографічних матеріялів, ані присвячених особі його споминів або записок,—і спроба М. С. Грушевського накреслити, як він називає, „скелет будучої біографії Подолинського“ зостанеться недоповненою таким матеріялом, що давав би змогу обростити кістяк той живими м'язами й нервами. На превеликий жаль, і мої розшукування бодай би офіційальних матеріялів щодо Подолинського в архівах московському і київському дали не багаті результати. Може, на більший ще жаль, так само мало дав мені відомостей про нього і відомий діяч російської революції М. П. Сажін, що сам активно пережив „цюріхський епізод“, як що можна так висловитись, російського революційного руху. М. П. Сажін, за часів перебування в Цюріху, був, яко „права рука Бакуніна“, у ворожому щодо „лавристів“, до яких тісно примикав Подолинський, таборі, особисто Подолинським, як я знаю зі слів його, цікавився мало,—отже мало що міг і розповісти мені про нього. Це надто ще тому шкода велика, що М. П. Сажін, при його надзвичайно чіткій і ясній пам'яті, переніс через усе, повне подій, життя своє, через кріпость і страшний харківський централ, через каторгу й заслання, не аби якої вартости спомини про ті давні часи, коли в далекому й чужому Цюріху, як у горні огненному, вироблялась російська революційна думка,—а з нею ж бо злилися й перші кроки Подолинського на широкій громадській арені. Проте я завдячую йому щире його бажання допомогти мені в моїй праці й щодо архівних розшукувань: через вказівки його знайшов я хочби той документ, що свідчить про особисту знайомість Подолинського з декотрими особами з славного „рушення в народ“ початку 70-х років і з процесу 193-х; завдячую й ті особисті спогади про свого „ідейного ворога“, — так назвав М. П. Сажін у розмові

¹⁾ „Мих. Драгоманов і женеvський соціалістичний гурток“. Зладив М. Грушевський. Wien, 1922, сс. 15, 16.

зо мною Подолинського,—які, хоч і небагато, доповнюють те, що розповідає він про Подолинського в споминах своїх з того часу¹⁾.

Ні архівні документи, що мені пощастило розшукати, ні згадування про Подолинського у М. П. Сажіна і П. Л. Лаврова²⁾, не дають такого матеріалу, який ґрунтовно доповняв би дані, так ретельно зібрані М. С. Грушевським з листування й інших писань Драгоманова. Отже, щоб написати на підставі їх повнішу біографію Подолинського, нема чого й гадати. Проте, дані ті вносять дещо нового в накреслений М. С. Грушевським „скелет“, де в чому, все ж таки, доповняють його, а почасти, може, й коригують деякі подробиці,—щождо справи з перевезенням хворого вже Подолинського з-за кордону в Київ, дають і доволі яскраву картину тих прикрих обставин, за яких це сталося. Отже, свідомо уникаючи повторяти матеріали з книги М. С. Грушевського і обмежуючи себе скромним завданням—дати лише доповнення до цієї книги та розвинути деякі епізоди з неї щодо Подолинського, ширше розповівши про них на підставі нових матеріалів,—гадаю, що й це матиме своє значіння для майбутнього життєписця цієї несправедливо забутої і так тяжко і долею й історією покривдженої людини.

В деяких пунктах я бачу певну суперечність між моїми даними й даними з книги М. С. Грушевського. На підставі реєстру санаторії для психічно-хворих у Монпельє М. С. Грушевський відносить народження Подолинського до 1851 року. Це ніби стверджує й сам Подолинський, кажучи в зізнанні своєму в київській жандармерії 11 березня 1875 р., що йому під час допиту було 24 роки³⁾. Тим часом довідка 3-го відділу, якою мені не раз доведеться користуватися в дальшому викладі⁴⁾, дає трохи іншу дату—1850 рік, і київський жандарський генерал Павлов теж свідчить, що Подолинський 1871 р. мав 22 роки,—виходить, народився 1850 або й 1849 року⁵⁾. Отже, треба якогось певнішого документального свідчення, як от метрика про народження абощо, щоб точно встановити цю дату.

Щодо виїзду Подолинського за кордон офіційні дані цілком збігаються з даними в книзі М. С. Грушевського. Року 1872-го, коли російський уряд, стурбований революційною пропагандою серед молоді, що з усіх кінців Росії з'їхалася вчитись до Цюріху, почав збирати відомості про ту молодь, начальник київського жандарського управління ген. Павлов, на запитання 3-го відділу, подав такі відомості про Подолинського: „Подолинский, Сергѣй Андреевичъ, сынъ извѣстнаго поэта Андрея Ивановича Подолинскаго, помѣщика Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи, женатаго на княжнѣ Кудашевой, окончилъ курсъ наукъ въ Кіевскомъ Университетѣ по физико-математическому факультету въ 1871 году 22-хъ лѣтъ отъ роду; отправился за границу для излѣченія отъ болѣзни 30 ноября минувшаго (себ-то 1871-го) года срокомъ на одинъ годъ“⁶⁾.

¹⁾ М. П. Сажин (Арман Росс),—Воспоминания, Мкв., 1925.

²⁾ П. Л. Лавров,—Народники-пропагандисты. Вид. „Колос“. Ленінград, 1925. Є ще згадування про Подолинського в „Записках землевольца“ К. Котова (Г. И. У. 1925), але вони такі побіжні, що не мають ніякого значіння, як біографічний матеріал, та й сама книжка Котова повна помилок і фактичних і хронологічних.

³⁾ Арх. револ. в Москві. Фонд. Особ. Прис. Сената. 1874 р. Д. № 46, т. 125.

⁴⁾ III від. Держарх. РСФСР. Фонд III. 0.654—конверт з довідками про Подолинського. В дальшому я позначатиму це джерело просто—конверт Подолинського.

⁵⁾ У довідці д-та поліції з 1883 р. Подолинський позначений як 35-літній,—отже, коли б прийняти цю довідку, рік народження його довелось б відсунути аж до 1848 р. Це, як з усього видно, було б наявною помилкою.

⁶⁾ Арх. рев. в Москві. Фонд III. 1872 р. Д. № 215, ч. I.

З довідки цієї ми дізнаємося зовсім точно не тільки про дату виїзду Подолинського¹⁾, а й про мотиви того виїзду—„для излѣченія отъ болѣзни“. Чи був то чисто формальний мотив, щоб здобути дозвіл на виїзд, а чи, може, у Подолинського вже виявились якісь ознаки хвороби, що потім призвела його до прогресивного паралічу й божевілля,—не маю даних. Мушу, проте, зазначити, що М. П. Сажін, на поставлені мною питання про тогочасний стан здоров'я Подолинського, відповів, що Подолинський у Цюріху справляв на нього вражіння людини здорової, урівноваженої, і ніяких ознак підвищеної нервовості, а тим більше якої психічної неурівноваженості він у Подолинського не помічав²⁾.

Подолинський прибув до Цюріху в-осени 1872 р., побувавши перед тим у Львові, Відні, Парижі й Лондоні. У Львові й Відні познайомився він з представниками галицького українства, а в Парижі й Лондоні—з Лавровим, Марксом і Енгельсом³⁾. Ці його знайомості ясно свідчать і про ідейний його напрямок: з одного боку—про українську національну його свідомість вже під той час, з другого—про живе заінтересування соціалістичними течіями. Не дурно київський жандарський генерал Павлов, в цитованому допіру папері про Подолинського до 3-го відділу, подає такі про нього відомості: „Единственный сынъ у своихъ родителей, пользующихся въ краѣ общимъ уваженіемъ, Подолинскій причинялъ имъ постоянно много огорченій своимъ непочтительнымъ обращеніемъ съ родителями и сношеніями съ той партією университетской молодежи, которая отличается своею неблагонадежностію въ политическомъ и нравственномъ отношеніи“⁴⁾.

У Цюріху, як свідчить і М. С. Грушевський і мої архівні джерела, Подолинський занявся студіюванням медицини⁵⁾. Але він не замкнувся в самих наукових заняттях, а взяв активну участь в громадському житті цюріхської „русской колоніи“ і в справах ширшого революційного значіння.

В ті часи, при самім початку 70-х років, невеликий і тихомирний Цюріх став тією лабораторією, де виховувались кадри революційних діячів, що потім, повернувшись до Росії, взялися до активної революційної діяльності. Такими, напр., були ті молоді дівчата, що потім фігурували у процесі „московок“. Таким був гурток так званих „сенжебуністів“, що утворився в Цюріху коло приїжджих з України братів Жебуньових, а потім, повернувшись р. 1873-го на Україну, узяв участь у тому „хрестовому поході“ в народ, що в результаті мав славнозвісний процес 193-х.

Коли Подолинський прибув до Цюріху, в „русской колоніи“ панував вплив Бакуніна. „Центром русского Цюриха“,— розповідає в своїх споминах М. П. Сажін,—„был знаменитый дом, известный под названием „Бремершлюссель“... Весь дом целиком был заселен „россовцами“. Дело в том, что я носил кличку Росса и являлся правой рукой Бакунина среди русской молодежи того времени... Так как я был основателем

¹⁾ Чи може про дату, під якою видано йому закордонного паспорта?

²⁾ Біограф батька Подолинського каже, навпаки, що вже через рік по виїзді до Цюріху у С. Подолинського виявились деякі ознаки хвороби, в яких лікарі вбачали першу ступінь психозу (С. Київській,—Послѣдній изъ поѣтовъ Пушкинской плеяды. „Рус. Вѣстн.“ 1886 р., кн. I).

³⁾ М. С. Грушевський,—Мих. Драгом. і жен. соц. гурток, с. с. 13, 19.

⁴⁾ Про це саме свідчить і довідка з конверту Подолинського: „По свѣдѣніямъ официальной агентуры, Подолинскій, проживая въ Кіевѣ, принадлежалъ къ партіи студентовъ, извѣстныхъ своею политическою неблагонадежностію“.

⁵⁾ Зі справи 3-го відділу 1873 р. № 223 („О русскихъ подданныхъ, находящихся за границей и имѣющихъ сношенія съ тамошними эмигрантами“) видно, що „Подолинскій занимается медициной въ Цюрихѣ“.

цюрихської колонії, то, вповне естественно, стояв тогдa во главе русскої молодіжi, являясь одним из центрoв всеї організації русскої колонії“¹⁾.

Цюрихський агент 3-го відділу, доносячи 23 березня 1873 р. про гурток Сажіна-Росса, називає серед членів гуртка і Подолинського²⁾. Проте відомість ця цілком помилкова і свідчить хіба за кепську обізнаність інформатора 3-го відділу з тим, що діялося тоді серед членів цюрихської „русскої колонії“.

З тих словесних відомостей, які я маю безпосередньо від самого М. П. Сажіна, видно, навпаки, що Подолинський зразу ж не зійшовся з „росовцями“: М. П. Сажін згадує про нього, як про свого „опонента“ й „ідейного ворога“, і додає, що в його не було навіть бажання притягти Подолинського до свого гуртка.

Згадуючи про Подолинського, М. П. Сажін описав мені й зовнішність його, і цей опис має своє значіння, тим більше, що й досі ще не маємо портрета Подолинського. М. П. Сажін змальовує Подолинського, як людину трохи нижче від середнього зросту, добре збудовану, повновидну, з здоровим коліром обличчя, з невеликою борідкою. Він був добре розвинутий фізично, убрався по-європейські, завжди чисто, мав манери добре вихованої людини. Костюм і вся постать його, з боку зовнішнього, вирізняли його серед інших членів „русского Цюриха“³⁾.

Подолинський так далекий був від гуртка „росовців“, що М. П. Сажін зачисляє його до своїх „ідейних ворогів“. Так воно й повинно було бути, бо ще перед приїздом до Цюриху, перебуваючи в Парижі, Подолинський виступив, як діяльний помічник Лаврова в справі організації за кордоном російського журналу⁴⁾, а про напрямок того проектного журналу свідчать слова Лаврова, що передає в своїх споминах М. П. Сажін: „Я прекрасно знаю вашу (себ-то бакуністську) програму“, — казав Сажіну Лавров. — „Вы хотите в России устроить „пугачевщину“. Вы, кроме того, отрицаете государство. Мы будем с вами воевать. Я еду специально в Цюрих для издания журнала. Я считаю необходимым спасти русскую молодежь от вашего губительного влияния“⁵⁾.

Ясно, що Подолинський, приїхавши до Цюриху не тільки яко цілком певний прибічник Лаврова, а й яко найближчий помічник його в організації журналу, що мав „воювати“ з бакуністами, навіть не міг стати членом росовського гуртка.

Архівні мої джерела говорять не тільки про участь Подолинського в організації журналу, а й про поїздки його до Росії в цій справі. Довідка з конверту Подолинського каже: „По свѣдѣніямъ иностранной агентуры, Подолинскій былъ въ числѣ лицъ, при содѣйствіи которыхъ

1) Сажин.—Воспоминания, с. 38. 2) Арх. револ. Д. 3-го від., 1873 р., № 491.

3) Про зовнішній вигляд членів „русскої колонії“ в Цюриху Котов розказує так: „Можно сказать без преувеличения, что почти все русские студенты и студентки по своим убеждениям были крайними демократами. Это в свою очередь отражалось и на внешности. Не говоря уже о мужчинах, редко кто из женского персонала выделялся большей или меньшей изысканностью костюмов. Большинство одевалось скромно и невзательливо“. („Записки землевольца“, с. 26).

4) Сам Лавров, розповідаючи про те важке становище, в яке поставила його, в березні 1872 р., несподівана для нього пропозиція делегації з Росії скласти програму революційного видання і взяти на себе керування ним, каже: „Решиться надо было сейчас на основании разговоров с очень небольшим числом лиц, которые были под рукой и которым я мог доверять. Два молодых украинца (один из них С. Подолинский), бывшие в то время в Париже, предложили свое энергическое содействие по переговорам в России и по организации материальных средств для издания (Подолинский оказался самым деятельным и энергическим пособником в эти трудные месяцы)“. (П. Л. Лавров. „Народники-пропагандисты“, с. 51). 5) Сажин, Воспом., с. 37.

емігрантъ Петръ Лавровъ намѣревался издавать за границею журналъ; Подолинскій ѣздилъ по этому поводу въ Россію“. Про це говорять ще відомості з 11 лютого 1873 р. від „неизвѣстнаго“ в Цюриху, які я знайшов в справі 3-го відділу: „Недавно“, — каже він, — „Петръ Лавровичъ Лавровъ пробылъ тамъ (цеб-то, в Цюриху) 2¹/₂ мѣсяца съ цѣлю основать русскій журналъ подъ своею редакціею. Онъ читалъ лекціи и вообще много пропагандировалъ. Журналъ будетъ выходить гдѣ-то въ Швейцаріи, съ участіемъ по преимуществу профессоровъ Кіевскаго, Харьковскаго и другихъ университетовъ“. Серед головних помічників Лаврова „неизвѣстный“ називає й Подолинського: „Подолинскій изъ Кіева, знакомый мѣстнаго генераль-губернатора; нынѣ Подолинскій занимается медициною въ Цюрихѣ, недавно былъ въ Россіи по дѣламъ означеннаго журнала“¹⁾. Знов-же, говорить про поїздки Подолинського до Росії й один із членів цюрихської „русской колоніи“, Святловський, заарештований при повороті з-за кордону в Росію на границі. На допиті у жандарів він показав, що Подолинський „часто бываетъ въ Россіи подъ чужими фамиліями“²⁾.

Проте, сам Лавров ані словом не згадує, щоб Подолинський їздив до Росії в справах журналу. Він згадує тільки, що Подолинський привіз йому з Лондону відомості, що „литературные радикалы (в Россіи) вовсе не собираются организовать для борьбы на почве подпольной прессы“³⁾, — а вже ніхто як Лавров мусив би знати, чи їздив Подолинський до Росії в справах його журналу. Навряд чи міг Лавров забути про це, бо ж згадує він, що до Росії їздила одна з його „молодых приятельниц“ — „добывать материальную поддержку с ручательством продолжать ее и в будущем и вернулась очень быстро с блестящим успехом“⁴⁾.

Отже питання, чи їздив Подолинський в р.р. 1872—3 до Росії в справах Лавровського „Вперед“ - а, та ще „подъ чужими фамиліями“, на мою думку, навряд чи можна вважати за цілком з'ясоване, поки нема про це певніших відомостей.

Але не підлягає сумніву близькість Подолинського і до Лаврова і до організації „Вперед“ - а, — про це свідчать і Сажін і мої архівні джерела. Довідка з конверту Подолинського говорить, що „по свѣдѣніямъ иностранной агентуры, въ 1873 г. Подолинскій былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ эмигрантомъ Лавровым“, та що „на средства Подолинскаго издавался журналъ „Впередъ“. Що Подолинський давав кошти на видання „Вперед“ - а, каже й згадуваний допіру Святловський: „Деньги на журналъ „Впередъ“, какъ говорятъ, даетъ Подолинскій“. А Сажін, розповідаючи про свої переговори з Лавровим в справі участі бакуністів у проектованому журналі, розказує: „В ответ на это Пётр Лаврович заявил мне, что необходимо устроить собрание, на которое он должен пригласить главных организаторов журнала, сам же этот вопрос он не может решить... На нем (собрании) со стороны Лаврова присутствовали Смирнов и Подолинскій“⁵⁾. В іншому місці, згадуючи, що Лавров, давши згоду на спільне з бакуністами редакування журналу, потім узяв свою згоду назад, Сажін додає: „Думаю, что в последнем случае сказалося уже влияние Смирнова и Подолинскаго. Повидимому, Лавров сознавал свою слабость в области практической общественности. Вот почему он охотно прислушивался к окружающим его людям“⁶⁾. Так чи інакше, але Сажін визнає тут не тільки близь-

1) Д. 3 від. 1873, № 228. 2) Д. 3-го від. 1873 р. № 491.

3) „Нар.-проп.“, с. 52. 4) Іб., с. 53.

5) „Воспомин.“, с. 41. 6) Іб., с. 52.

кість Подолинського до Лаврова, а й те, що він міг мати на Лаврова певний вплив,—свідчення дуже цікаве й цінне.

Я згадував уже, що Подолинський, крім участі в організації „Вперед“ - а, узяв жваву участь у житті цюріхської „русской колонії“. Яка атмосфера напруженої ворожнечі утворилася в „русской колонії“ в Цюріху, коли там збіглися дві ворожі партії—бакуністи й лавристи, відомо з багатьох джерел. М. П. Сажін, розповідаючи про ворожі сутички цих двох партій, згадує про Подолинського, як про діяльного учасника сутичок. Ворожі відносини призвели до того, що один із емігрантів, відомий автор популярної тоді книги „Отщепенцы“ Соколов, побив одного з лавристів, того Смирнова, що брав, разом з Подолинським, таку діяльну участь в організації журналу. Лавристи приписали цю дику розправу підцьковуванню з боку Сажіна-Росса і зняли проти нього цілу кампанію, в якій діяльну роллю взяв на себе Подолинський¹⁾.

„Вся эта история создала крайне нервную, напряженную атмосферу в Цюрихе“, — розповідає в своїх записках М. П. Сажін. — „Молодежь бросила свои научные занятия и была только занята бесконечными пересудами и обсуждениями отношений лавристов и бакунистов. Мое же положение стало прямо невозможным. Меня преследовали со всех сторон, и несколько раз дело доходило чуть ли не до попыток открытого избиения“²⁾. В одній з таких „попыток“ узяв участь, пригадує М. П. Сажін, і Подолинський разом ще з кількома лавристами, обложивши Сажіна в домі у якогось столяра.

„Такая травля“, — розказує він в іншому місці, — „продолжалась месяца два, и я положительно не мог никуда ходить один без сопровождения кого либо из своих товарищей. Наконец, финалом всего этого была командировка Подолинского, Маурера и Шульц к цюрихскому полицей-директору Пфенингеру с ходатайством от имени русских о высылке меня из Цюриха“³⁾.

Про те, коли саме й чому покинув Подолинський Цюріх, я не маю відомостей. З словесного оповідання М. П. Сажіна і з записок його видно тільки, що р. 1874-го Подолинський був у Лондоні, бо Сажін бачив його, Лаврова, Смирнова, Г. Лопатіна й ін. на Лондонському вокзалі, коли вони провозжали Ткачова, що виїздив до Парижу⁴⁾. Можна догадуватись, чи не стояв переїзд Подолинського до Лондону в зв'язку з переїздом туди Лаврова і переводом „Вперед“ - а, але це буде, поки немає певних даних, тільки здогадкою.

В накресленім М. С. Грушевським „скелеті біографії Подолинського“ немає вказівки на перебування Подолинського в Лондоні в 1874 р., — розуміється тому, що в розпорядженні його ще не могло бути свідчення про це М. П. Сажіна. А далі ми зустрічаємося ще з одною помилкою, в основі якої лежить теж брак фактичного матеріалу. Говорячи про здій-

¹⁾ Зазначу тут, що то був не перший випадок розправи кулаками з своїми ідейними антагоністами в цюріхській „русской колонії“. Так, Лавров згадує про побиття бакуністами восени 1872 р. емігранта Утіна, що виявив „слишком уж безцеремонную вражду против Бакунина“. („Нар.-проп.“, сс. 55-6). 3-ій відділ, як про причину розправи з Смирновим, говорить про те, що Смирнов „равошелся съ этими лицами во взглядахъ на устройство русской библиотеки въ Цюрихъ“, а саме: росовці „настаивали на томъ, чтобы библиотека эта имѣла характеръ политической предпочтительно передъ учебнымъ, а Смирновъ присоединился къ противной партіи и противодѣйствовалъ своимъ товарищамъ по кружку“. Зазначу, що до приїзда Лаврова в Цюріх Смирнов теж належав до „росовців“ (Арх. револ. Д. 3-го відд. 1873 р. № 491). ²⁾ Сажин, Воспомин., с. 45.

³⁾ Іб., с. 60. ⁴⁾ Іб., с. 53.

снення Подолинським своїх плянів щодо заснування закордоном українського соціально-революційного видавництва, М. С. Грушевський каже, що Подолинський „пустивсь на сей шлях—закладати перші початки української соціал-революційної літератури“—зимою 1874—5 р., та що співробітництво його на цьому ґрунті з Терлецьким у Відні почалось „зимою—весною 1875 р.“¹⁾. Те ж саме знаходимо і в „скелегі“ біографії Подолинського: „1875 р. він (себто Подолинський) жив у Відні, де видав з Терлецьким дві свої брошури... Літом їздив з Терлецьким до Києва з проектом видавання часопису за границею“²⁾. Виходить отже, що зимовими місяцями 1875 р. Подолинський перебував за кордоном. Тим часом документ, що я навожу далі,—протокол допиту Подолинського в київській жандармерії 11 березня 1875 р., свідчить, що в січні, лютому й березні цього року (принаймні, до половини березня) Подолинський жив у Києві й стояв у якихось зв'язках з декотрими з осіб, так чи інакше причетних до „преступної пропаганди“ в народі на початку 70-х років, а саме з Волкенштейном і Кабліцом. Сам Подолинський, розуміється, безпосередньо причетний до цього рушення не був, проживаючи в той час за кордоном. Але знайомість його з Волкенштейном і Кабліцом дає привід гадати, що він вже тоді мав ширші знайомості серед революційних кіл на Україні. Офіційні дані, як побачимо далі, цілком стверджують це. Але покищо звертаюся до тієї знайомості з київськими жандармами, що довелося зробити Подолинському в березні 1875 р.

Приводом до цього була така подія. При трусі у Віри Вериги, сестри відомої революціонерки Катерини Брешковської, знайдено було серед інших листів, листа від Кабліца, якого розшукувала жандармерія в справі пропаганди в народі. З листа того, датованого 27 січня 1875 р., виходило, що Кабліц живе в Києві й листується за посередництвом студента київського університету Ол. Ол. Волкенштейна. Помічник начальника волінського жандарського управління, повідомляючи начальника київської жандармерії про цю знахідку, додає: „Какъ видно изъ одного письма, Каблицъ былъ распорядителемъ или хранителемъ фонда, назначеннаго для „общественнаго дѣла“ (так звано тоді справу революції), почему обыскъ и допросъ его представляются необходимыми“. Кабліц, проте, задалегідь зник, і до справи притягнуто було Волкенштейна, як особу, що знає, де пробуває Кабліц. Для з'ясування відносин Волкенштейна з Кабліцом і був викликаний, яко свідок, до київської жандармерії Подолинський. Допитував його ад'ютант генерала Павлова барон Гейкінг, що здобув собі слави, як жандарський слідчий, і був убитий у Києві р. 1878-го.

Навожу зізнання Подолинського цілком, як документ, що кидає певне світло на деякі знайомості й відносини Подолинського:

„Зовуть мене Сергѣй Андреевичъ Подолинскій, 24 лѣтъ, кандидатъ Университета св. Владиміра. Затѣмъ на предложенные мнѣ вопросы показываю: Предъявленная мнѣ квитанція Кіевскаго Коммерческаго банка отъ 28-го февраля сего 1875 года въ уплатѣ 479 фунт. стерл. 5 шиллинговъ и 3 пенсовъ съ переводомъ въ Лондонъ на имя Jacob Alesca мною никогда не видена, и студентъ А. Волкенштейнъ мнѣ о посылкѣ этихъ денегъ и кому они посланы, не говорилъ, но я думаю, что эти деньги посланы Осипу Каблицу, получившему ихъ за женою своею, рожденною Щукиною, такъ какъ я слышала отъ Волкенштейна и другихъ товарищей, что Каблицъ уѣхалъ за границу и находится въ Англіи. Имя Яковъ Алеска, думаю, принято Каблицомъ по нежеланію компрометировать Волкенштейна. Письмо, писанное отъ имени женщины С. Morgensternъ, думаю, писано рукою Каблица и подписано женскимъ именемъ съ тою же цѣлью. О всѣхъ остальныхъ представленныхъ мнѣ документахъ и лицахъ въ нихъ поименованныхъ, а также и о адресахъ въ оныхъ упоминаемыхъ, ничего не знаю. Видалъ Каблица я, посѣщая Волкенштейна, не много разъ и послѣдній разъ, думаю, въ концѣ января или началѣ февраля.

¹⁾ М. Грушевський,—М. Драгом. і жевев. соц. гурток, с. 34. ²⁾ Ів., с. 20.

Скільки времени Каблиць пробував в Києві, точно сказати не могу, но думаю, что отъ недѣли до 10 дней. Откуда Каблиць прїѣхалъ, куда намѣревался ѣхать и гдѣ онъ вообще находился въ продолженіи послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ, когда я его не видалъ, также не знаю. Никакихъ серьезныхъ разговоровъ съ Каблицемъ не имѣлъ, о томъ, что Каблиць принадлежитъ къ какому либо политическому кружку, и о томъ, что въ бытность свою въ Києві онъ скрывался отъ преслѣдованій полиціи, также не зналъ, а услышалъ о томъ лишь узнавши, что онъ эмигрировалъ за границу и извѣстилъ о своемъ проживаніи въ Лондонѣ Волкенштейна. Журнала „Впередъ“ ни у Волкенштейна ни у Каблиця не видалъ. Владиміра Дебогоріо-Мокріевича видѣлъ года два тому назадъ въ Цюрихѣ, но ни съ нимъ, ни съ Ходько, Бенецкимъ, Луріемъ знакомъ не былъ¹⁾.

Аналізуючи зізнання Подолинського, бачимо, що він, вимовляючись незнанням про революційні справи Каблиця, не тільки визнає знайомість з ним, але кажучи, що не знає, де перебував Каблиць протягом двох чи трьох літ, коли він, Подолинський, не бачив його, тим самим визнає, що знав Каблиця ще давніше. Про ближчу знайомість Подолинського з Каблицем свідчить і те, що він знає Каблицеве письмо, бо каже в своєму зізнанні, що листа, підписаного прізвищем Моргенштерн, писано, на його думку, рукою Каблиця, — а також те, що виявляє обізнаність з особистим життям Каблиця: називає дівоче прізвище його дружини і навіть грошеву суму, яку Каблиць узяв за жінкою. На жаль, я не маю матеріалів, щоб з'ясувати відносини Подолинського ні до Волкенштейна²⁾ ні до такої інтересної в тогочасному революційному русі людини, як Каблиць.

Як ми бачили, роля Подолинського в виданні лавровського „Вперед“ — а не зосталася невідомою російському урядові. Чим з'ясувати, що його не було притягнуто навіть до допиту в цій справі, бо ніяких слідів того я не знайшов ні в київському жандарському архіві, ані в архіві 3-го відділу в Москві, — не знаю. Але може ще дивніше, що ніде в архівах не довелося мені знайти офіційних відомостей про участь Подолинського в виданні українських революційних брошур у Відні і навіть про участь його в драгоманівській „Громаді“, яку він заманіфестував одверто, або в „Вольному Слові“. Уряд ніби не знає про це³⁾. Та й взагалі про відносини Подолинського до українства уряд знає дуже мало: хіба тільки те, що розповідає про це в своїх „откровенных показаніях“ Богославський. Явно за зізнаннями Богославського складено й довідку про це в конверті Подолинського, позначену травнем 1880 року: „Проживая въ Києві, Подолинскій принадлежалъ къ кіевскому кружку партіи украинофиловъ, каковая принадлежность доказана была тѣмъ, во—1-хъ, что онъ состоялъ членомъ совѣта означенной партіи, стоявшаго во главѣ украинофиловъ-соціалистовъ,⁴⁾ и, во—2-хъ, тѣмъ, что квартира его была мѣстомъ склада запрещенныхъ книгъ и въ ней же скрывался послѣ побѣга изъ-подъ стражи государственный преступникъ Савва Топчаевскій“⁵⁾.

¹⁾ Фондъ Особ. Прис. Сената, 1874 г. Д. № 46. т. 125. („Дознаніе, произведенное о распространеніи преступной пропаганды въ народѣ въ Києві“).

²⁾ Олександр Олександрович Волкенштейн, нині покійний, чоловік відомої „шлісельбуржанки“ Людмили Волкенштейн, судився по процесу „193“, але й потім, будши лікарем у Полтаві, він не зрікся близькості до ідейних течій у громадянстві.

³⁾ Тільки в одному з паперів київського генерал-губернатора О. Р. Дрентельна в справі перевезення С. Подолинського до Києва знайшов я глуху згадку, що Подолинський „былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ политическимъ эмигрантомъ Драгомановымъ“. (Арх. Канц. ген.-губ. по 3 від.. 1883 р., д. № 66).

⁴⁾ Порівн. зізнання Богославського у виданому 1880-го року д-том полиціи „Сводѣ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ (май 1880 года)“, с. 5.

⁵⁾ Іб., сс. 1, 21. Щодо Топчаєвського, знаємо, що він на початку 70-х років, будши народнім учителем, провадив роботу серед народу в українському національному дусі, далі перейшов до революційної діяльності серед робітництва і, як каже „Сводъ“, „открыто пропагандировалъ даже просто на улицѣ при встрѣчѣ съ рабочими“. Заарешто-

Відомості ці треба віднести до 1876 року, бо втеча Топчаєвського з-під арешту сталася 25-го жовтня того року. З цього бачимо, що Подолинський перебував у Києві не тільки влітку 1876-го року, що зазначає „скелет“ його біографії, а й в-осени.

До того ж таки 1876 року відноситься й ще одна відомість з зізнань Богославського, де він свідчить про активну участь Подолинського в житті київських революційних гуртків. Розповідаючи про нелегальну студентську сходку з приводу заснування стипендії на пошану Драгоманова, Богославський розказує, що „радикали“ вимагали повернути зібрані гроші на якусь революційну справу, „но партія українофіловъ, въ лицѣ своихъ ораторовъ Юрьева и Подолинскаго, доказывала, что на устройство стипендії нужно смотрѣть тоже какъ на революціонное дѣло, потому что, съ одной стороны, стипендія увѣковѣчить память Драгоманова, а съ другой—отъ воли жертвователей будетъ зависѣть сдѣлать стипендіатомъ лицо, уже служащее революціонному дѣлу“¹⁾.

Не багато відомостей про участь Подолинського в житті київських революційних гуртків знаходимо і в споминах одного з визначніших революціонерів того часу, Баха. Характеризуючи політичні течії серед київської молоді при кінці 1877 і початку 1878 р.р., він розказує про так званий студентський клуб, що існував тоді в Києві, і в якому одним із головних діячів був Михалевич, прозваний „чорним“ на відзнаку від другого Михалевича, якого прозивали „білим“, бо він був білявий. „Бываль и я въ этомъ клубѣ“,—згадує Бахъ,—„и слышалъ рефераты Подолинскаго, тогда только что вернувшагося изъ-за границы. Насколько припоминаю, эти рефераты, также какъ и тенденціи „клуба“, носили українофильско-конституціонный характеръ и были, вѣроятно, отраженіемъ идей Драгоманова“²⁾.

Отже бачимо, що в 1877 р., який, як зазначає М. С. Грушевський, Подолинський „прожив, очевидно, найбільше в Києві“,³⁾—він не тільки працював в денім приюті для дітей робітниць та, як свідчать мої матеріали, читав лекції з медицини жінкам, що готувалися на сестри-жалібниці Червоного Хреста, а й брав участь у політичному підпільному житті. До цього саме року відноситься й роман Подолинського, що закінчився нещасливим його одруженням,—але про це мова буде далі.

Докладніших відомостей про участь Подолинського в житті тогочасних підпільних організацій я не маю. Проте й ці уривчасті звістки свідчать, з одного боку, що Подолинський і в Києві, як в Цюриху, виявляв себе, яко людина громадська, а з другого—про цілком певне його українське обличчя і про те, як високо ставив він Драгоманова.

На жаль, інших даних, щоб з'ясувати відносини Подолинського з Драгомановим, які могли б доповнити зібрані М. С. Грушевським в книзі його відомості, я не знайшов, хоч і мав нагоду переглянути в московському Архіві Революції справу, що торкається перебування Драгоманова за кордоном в 70-х і на початку 80-х років.

Звертаюсь до третьої групи моїх матеріалів, до архівних документів про перевезення психічно-хворого Подолинського з-за кордону до Києва. Найбільший матеріал в цій справі дав мені київський Централь-

ваний у Києві з нелегальною літературою, він утік з арешту, переїхав до Петербургу, далі опинився на Волзі, де провадив теж революційну діяльність, поки, нарешті, не був заарештований знову.

¹⁾ „Сводъ“,—сс. 29-30.

²⁾ А. Бахъ,—Воспоминанія народовольца. „Былое“, 1907, кн. 3, с. 224.

³⁾ М. Грушевський,—М. Драгом. і женев. соц. гурт., с. 20.

ний Архів¹⁾ і почасти московський Архів Революції²⁾). З'ясовуючи обставини життя і здоров'я Подолинського в зв'язку з клопотанням матери про дозвіл перевезти його з-за кордону, документи ці дають і ще деякі біографічні подробиці, досі невідомі. Що правда, усі ці документи походять від однієї з заінтересованих у справі сторін—від матери Подолинського і інспірованого нею генерал-губернатора О. Р. Дрентельна, який, як побачимо далі, підтримував її всім своїм авторитетом і, як видно, дуже приймав справу цю до серця. Тому вважати їх за матеріал безсторонній ніяк не можна. Проте, коли взяти на увагу навіть і це застереження, то й то вони, все-ж таки, дають певний фактичний матеріал, нехай освітлений і однобічно, до з'ясування деяких, досі нез'ясованих, подробиць з біографії Подолинського. Щодо обставин, за яких відбулося перевезення Подолинського до рідного краю й відібрання від жінки його малого його сина, теж Сергія, документи ці дають вказівки на дуже прикрі відносини межі матір'ю Подолинського і жінкою його, що загострилися до непримиренної ворожнечі і взаємних обвинувачень, в яких неможна розібрати хто правий, а хто винний.

На жаль, мушу зазначити, що до частини документів у цій справі, які, як видно з моїх джерел, повинні лежати в архіві „Канцелярії для прийняття прошеній, на высочайшее имя приносимых“, мені не пощастило доступитись. Особливо шкода це тому, що серед тих документів переходять і деякі листи Подолинського, які характеризують взаємини його з дружиною. Зостається сподіватись, що їх здобуде і використає щасливіший від мене дослідник.

Проте і в тих документах, якими я маю спроможність користуватись тут, є матеріал і щодо одруження Подолинського і щодо життя його після цієї події. В листі Дрентельна до командуючого імператорською головною кватирею по канцелярії для приймання прохань на височайше ім'я з 28 жовтня 1885 р. під № 5482, в зв'язку з клопотанням старої Подолинської про відібрання від невістки її онука, про справу цю розповідається так:

„Въ 1877 г. Сергѣй Подолинскій, читая въ Кіевѣ лекціи по медицинѣ готовившимся къ поступленію въ сестры милосердія Общества Краснаго Креста, въ числѣ таковыхъ познакомился съ дочерью небогатаго землевладѣльца Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи Наталією Акимовною Андреевою и, вступивъ съ нею въ связь, женился затѣмъ на ней противъ воли родителей. Несмотря на тяжкій ударъ, нанесенный родительскому чувству этимъ недостойнымъ бракомъ сына, старики Подолинскіе вскорѣ примирились съ нимъ и приняли его жеву, какъ родную дочь. Вслѣдъ за тѣмъ молодые Подолинскіе уѣхали въ Парижъ, гдѣ родился у нихъ сынъ, а впослѣдствіи, пріобрѣтя дачу близъ Монпелье въ Южной Франціи, поселились тамъ. Но тихая семейная ихъ жизнь продолжалась недолго. Наталія Подолинская, принадлежа къ соціально-революціонной партіи, стремящейся путемъ насильственнаго переворота ниспровергнуть существующій въ Россіи Государственный строй³⁾, покинула мужа и двухъ тогда еще живыхъ малолѣтнихъ дѣтей и уѣхала въ началѣ января 1880 г. въ Петербургъ вмѣстѣ со своимъ любовникомъ Астафьевымъ, бывшимъ агентомъ политическаго преступника Гартмана. Въ Петербургѣ Подолинская примкнула къ своимъ политическимъ сообщникамъ и принимала участіе въ преступной дѣятельности послѣднихъ до тѣхъ поръ, пока тещѣ ея Маріи Сергѣевнѣ не

1) Арх. канц. ген.-губ. по 3 від. 1883 р. д. № 66 „по всеподданнѣйшему ходатайству М. С. Подолинской, урожденной княжны Кудашевой, о дозволеніи ей перевезти своего больного сына Сергѣя Андреевича Подолинскаго“ і арх. київ. губ. по секр. части 1883 р., д. № 331 теж про те.

2) Арх. д-та поліц. по 3 діловодству 1883 р., д. № 159.

3) Довідка про дружину Сергія Подолинського, зроблена для Дрентельна 1885-го року, каже, що вона, „будучи еще дѣвицею, замѣшана въ соціалистическую демонстрацію у Казанскаго собора“ і „принимала участіе въ политическихъ заговорахъ“. В справах 3-го відділу я не натрапив на відомості про участь дружини Подолинського в політичних змовах, може тому, що участь та, коли й справді була, не мала особливої ваги і, може, не звернула на себе уваги адміністрації.

удалось уговорить ее покинуть предѣлы Россіи. Уѣхавъ за границу, она, тѣмъ не менѣе, къ мужу не вернулась, отправилась сперва въ Румынію, а затѣмъ въ Швейцарію, куда, спустя нѣкоторое время, пріѣхалъ за нею мужъ ея и, надѣясь на ея раскаяніе и пробужденіе материнскихъ чувствъ, увезъ ее снова въ Монпелье; но въ этомъ мужу не удалось, такъ какъ вскорѣ по пріѣздѣ она его вновь покинула и уѣхала въ Италію за своимъ любовникомъ. Все это такъ сильно подѣйствовало на здоровье молодого Подолинскаго и такъ нравственно его потрясло, что когда Наталія Подолинская опять пріѣхала къ мужу, она застала его больнымъ воспаленіемъ мозга съ признаками умственнаго расстройства. Тогда она помѣстила его въ частномъ домѣ умалишенныхъ въ Монпелье, гдѣ варварское съ нимъ обращеніе породило въ немъ падучую болѣзнь. Изъ означеннаго лѣчебнаго заведенія Сергій Подолинскій былъ взятъ матерью и увезенъ ею въ Парижъ, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ она употребила всѣ средства къ его излѣченію и, наконецъ, убѣдившись въ безполезности такого лѣченія, привезла его в маѣ настоящаго (себто 1885-го) года въ Кіевъ, гдѣ онъ находится и до сего времени (жовтень 1885 р.) на попеченіи у родителей“¹⁾

До цих відомостей, які Дрентельн, напевно можна сказати, одержав від матери Подолинського, деякі риси додає інше, не офіційне, джерело — спомини відомої революціонерки Ольги Любатовичевої. Подолинського вона знала ще в Цюриху, як „вѣрнаго друга и поклонника П. Л. Лаврова“, і згадує, що він „такъ любилъ, бывало, кататься съ нами на лодкѣ по озеру и вести со мною, тогда еще 18-ти лѣтнею дѣвочкой, бесѣды о философіи и научныхъ вопросахъ“.

„Впослѣдствіи“, — розказує вона про дальше життя Подолинського, — „онъ женился на одной кіевской барышнѣ, но послѣ рожденія ея третьяго ребенка разошелся съ женой, оставивъ всѣхъ дѣтей у себя“. Любатовичева в той час була в Росії, занята революційною роботою, і Подолинський прийняв до себе й її маленьку дочку, яку Любатовичева, їхавши до Росії, зоставила за кордоном у Сергія Кравчинського. „Увезя своего послѣдняго ребенка изъ Кларана“, — розповідає Любатовичева, — „онъ (Подолинський) просилъ С. Кравчинскаго уступить ему и моего. С. Кравчинскій, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился; правда, дѣти росли-бы безъ матери, но Подолинскій самъ былъ врачъ и очень мягкой человекъ, а крупныя средства давали возможность дать имъ прекрасное образованіе. Дѣвочкѣ моей было уже полгода, когда С. Кравчинскій вручилъ ее Подолинскому. Ей не пришлось прожить и двухъ недѣль у своего новаго пріємнаго отца: эпидемическій менингитъ, косившій въ то время дѣтей на югѣ Франціи, сгубилъ и мою дочь, она умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ Подолинскаго и похоронена на кладбищѣ въ Montpellier, гдѣ у него была вила. Самого Подолинскаго тоже скоро не стало: пережитая имъ драма съ женой подкосила его душевныя силы, онъ впалъ въ тяжелое душевное расстройство и умеръ скоро в Парижѣ, гдѣ впослѣдствіи надѣлалъ много шума процессъ его матери съ его женой изъ-за уцѣлѣвшаго старшаго ребенка“²⁾.

Поминаючи фактичні помилки, що робить в оповіданні своєму Любатовичева, ми знаходимо в ньому й цінні риси, що змальовують Подолинського, як людину м'якої й спочутливої вдачі, здатню прийняти до себе чужу дитину, що зосталася без матери.

З фактичного боку, Любатовичева, звичайно, помиляється, що нібито Подолинський помер у Парижі, помиляється і щодо процесу межі матір'ю Подолинського і його дружиною: процес той мав за об'єкт не дитину, а самого - таки Подолинського, уже психічно-хворого. Наведене передніше офіційне оповідання Дрентельна, хоч і забарвлене певною окраскою, треба визнати фактично ближчим до дійсности. Проте, і в тому оповіданні, де дружину Подолинського змальовано якнайтемнішими фар-

1) Канц. ген.-губ. по 3 від. 1883 р., д. № 66.

2) Любатовичъ, — Далекое и недавнее. „Былое“, 1906, кн. 6, с. 131.

бами, про перевезення Подолинського до Києва говоритья глухо, як про факт, і зовсім не згадується про гостру боротьбу, що через цілих два роки, з 1883 по 1885 р., точилася коло хворого між його матір'ю і дружиною і дійшла аж до судового процесу про те, при кому з них мусить жити хворий.

Коли зайшла справа про перевезення Подолинського до Києва, він був остільки скомпромітований політично, що здобути дозвіл на це старим Подолинським пощастило тільки після „всеподданїйшого доклада“ міністра внутрішніх справ гр. Д. А. Толстого Олександрові III. Клопотання Подолинських підтримував у гр. Толстого сам Дрентельн. Про це свідчить напис на справі, позначений 11-м березня 1883 р.: „Генераль-адъютантъ Дрентельнъ, съ своей стороны, выразилъ мнѣ свое желаніе исполнить эту просьбу“. В результаті міністр подав цареві такий „всеподданїйшій доклад“ (переплутавши, треба додати, імення батька і сина Подолинських і назвавши Сергія Андрієвича батьковим іменням, що призвело до зайвої переписки):

„Окончившій курсъ въ 1871 г. въ Кіевскомъ Университетѣ дворянинъ Андрей Ивановъ Подолинскій, заподозрѣнный въ политической неблагонадежности, выбылъ въ томъ же году за границу, гдѣ, вступивъ въ близкія отношенія съ извѣстнымъ эмигрантомъ Лавровымъ, оказывалъ сему последнему матеріальное содѣйствіе по изданію преступнаго содержанія журнала „Впередъ“. Въ настоящее время Подолинскій, страдая неизлѣчимою душевною болѣзнію, находится въ домѣ умалишенныхъ близъ Парижа и, по заключенію врачей, не можетъ прожить долѣе одного года. Нынѣ мать Подолинскаго, рожденная княжна Кудашева, черезъ посредство Кіевскаго Генераль-Губернатора, обратилась съ ходатайствомъ о дозволеніи перевезти своего больного сына Андрея Подолинскаго въ Кіевъ. Во вниманіе къ болѣзненному состоянію Андрея Подолинскаго, его неспособности при настоящихъ условіяхъ къ какой-либо преступной дѣятельности и къ затруднительному положенію матери его, принужденной часто оставлять престарѣлаго мужа, восьмидесятилѣтняго старика, для отлучекъ на свиданіе съ сыномъ въ Парижъ, я приѣмлю смѣлость повергнуть ходатайство Подолинской на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества и всеподданїйше испрашивать Всемилостивѣйшаго Вашего Величества соизволенія на разрѣшеніе Подолинской привезти въ Кіевъ своего больного сына Андрея съ предвареніемъ, что, въ случаѣ выздоровленія, онъ можетъ подлежать отвѣтственности за совершенныя имъ преступленія“.

На докладі— напис рукою гр. Д. Толстого: „Высочайше разрѣшено 24 марта. Въ Гатчинѣ. Д. Толстой“¹⁾).

При проханні про дозвіл перевезти С. Подолинського до Києва мати його подала і медичне свідоцтво про стан здоров'я його. Свідоцтво це— документ великої ваги, бо на яку саме форму психічної недуги хворів Подолинський, досі не було з'ясовано. М. С. Грушевський каже, що йому не пощастило „роздобути якісь відомості про його хворобу з компетентних джерел: паризькі лічниці відмовились професійною тайною“²⁾. В офіційних паперах Дрентельн дипломатично називає хворобу Подолинського „прогрессивным параличем умственных способностей“,—і я дозволив собі, на підставі цього, зробити недипломатичну здогадку, чи не правдивіше було б назвати її просто прогрессивним паралічем. Свідоцтво французьких лікарів, подане матір'ю Подолинського при клопотанні про перевезення його до Києва, цілком стверджує цю здогадку, кажучи, що Подолинський „est atteint de paralysie général progressive“³⁾.

¹⁾ Д. д-та пол. по 3-му діловодству 1883 р., № 159.

²⁾ М. Грушевський,—Мих. Драгом. і женеv. соц. гурт., с. 21.

³⁾ Навожу тут повністю це свідоцтво в французькому тексті: Nous soussignés, J. Falret, docteur en médecine, médecin de l'Hospice de Bicetre, directeur de la maison de santé de Vauves, et J. Cotard, docteur en médecine, médecin adjoint de la maison de santé de Vauves, certifions que M. Serge Podolinsky, âgé de 33 ans, docteur en médecine, né à Kieff (Russie), actuellement placé à la maison de santé de Vauves, est atteint de paralysie générale progressive, caractérisée par des symptômes physiques très marqués: embarras de la parole, tremblement des lèvres et de la langue, inégalité pupillaire, attaques épileptiformes suivies d'hémiplégie incomplète et passagés etc.; par un affaiblissement considérable

Про „высочайшее соизволеніе“ на перевезення С. Подолинського до Києва генерал-губернатор Дрентельн повідомлений був офіційно 11 квітня 1883 р. папером товариша міністра внутрішніх справ під № 754. Але в повідомлення це перейшла помилка з доповіді гр. Д. Толстого цареві: хворого Сергія Андрієвича Подолинського названо було йменням його батька—Андрій Іванович. Довелося звертатися до міністра за з'ясуванням справи, і тільки після офіційного пояснення, що „высочайшее повелѣніе относится до находящагося нынѣ въ Парижѣ больного Сергѣя Андреевича Подолинскаго“, можна було робити заходи, щоб перевезти хворого з-за кордону.

Мати хворого, Марія Сергієвна Подолинська, хотіла вивезти до Росії не тільки сина, а й онука Сергія, що єдиний з трьох дітей Подолинського зостався живий. Як можна бачити з дальшого викладу, вона уважала, що обставини, в яких перебуває дитина у її невістки, не відповідні для дитини з такої великопанської родини, як Подолинські.

В генерал-губернаторській справі про Подолинського є папір у формі записки для пам'яті, що відноситься до 1885 р. З паперу того видно, що жінка С. Подолинського не хотіла віддавати ні чоловіка ні сина і навіть заложила в паризькому суді позов проти старої Подолинської, вимагаючи повернути їй хворого чоловіка. Мати С. Подолинського, видимо, не зовсім була певна, що справа вирішиться на її користь, і прохала Дрентельна вплинути на справу через російського посланника у Франції барона Моренгейма. В папері тому говориться, що старі Подолинські видають своїй невістці кошти на утримання дитини та що „не смотря на усиленные просьбы ихъ отдать имъ дитя, она его держитъ при себѣ, совсѣмъ не занимается его воспитаніемъ, на цѣлый день отправляетъ въ пріютъ для нищихъ дѣтей въ Парижѣ, а когда онъ съ нею, обходится съ нимъ жестоко“. Про позов той, що заложила Наталія Подолинська, розказується: „Н. А. Подолинская предъявила въ Парижскомъ судѣ искъ противъ своей тещи М. С. Подолинской и тетки Екатерины Серг. Кудашевой, требуя возвращенія ей ея больного мужа Сергѣя, который, по ея увѣренію, отнятъ у нея обѣими сестрами. Искъ свой для отобранія сына у матери она поддерживаетъ обвиненіемъ въ безнравственномъ поведеніи своей тещи и тетки и жестокомъ обращеніи обѣихъ сестеръ съ ея мужемъ. Процессъ этотъ она затѣяла не изъ желанія ухаживать за мужемъ, котораго она никогда не любила, а съ явнымъ намѣреніемъ заниматься шантажемъ относительно родителей мужа. Имѣя въ своихъ рукахъ больного, она будетъ распоряжаться Марією Сергѣевною, какъ ей заблагоразсудится“.

Дрентельн уволив бажання М. С. Подолинської і написав 24 квітня 1885 р. до бар. Моренгейма листа, де свідчить, що Подолинські визначаються „въ числѣ наиболѣе почтенныхъ и уважаемыхъ въ Кіевѣ лицъ лучшаго мѣстнаго общества“, що М. С. Подолинська—„женщина во всѣхъ отношеніяхъ безупречная и высоко нравственная“, що прохання Н. А. Подолинської вернути їй чоловіка „вызвано именно желаніемъ эксплуатиро-

de l'intelligence et, au troisième lieu, par des phases déterminatives, chacune de plusieurs mois de durée, l'une de dépression mentale avec craintes imaginaires, hallucinations terrifiantes, stupeur et accidents cataleptiformes; l'autre, d'excitation maniaque avec idées de richesse et de grandeur.

Placé une première fois à l'Établissement du Pont S-t (нерозбірне слово) à Montpellier. en Janvier 1882, M. S. P. était à cette époque dans une phase de dépression mélancolique et déjà, paraît-il, deux ans auparavant, M. S. P. avait été atteint d'accidents nerveux mal caractérisés. Il est donc extrêmement probable que les premiers accidents cérébraux remontent à plusieurs années au moins. Vauves le 2 Mars 1883. J. Falret. J. Cotard. (Д. д-та поліції по 3-му діловодству, 1883 р. № 159).

вать родителей больного, а не привязанностью къ мужу, ибо ни Сергѣй Подолинскій ни жена его никакихъ средствъ къ существованію не имѣють, жили исключительно на деньги, отпускаемыя родителями перваго, которые и нынѣ даютъ Наталіи Акимовнѣ извѣстную сумму на содержание ребенка“, і прохає Моренгейма „не отказать въ благосклонномъ и справедливомъ заступничествѣ передъ французскими властями за М. С. Подолинскую въ ея дѣлѣ съ невѣсткой“.

Яких саме заходів ужив бар. Моренгейм, не маю відомостей. Але, очевидно, суд рішив справу на користь М. С. Подолинської, бо, як ми вже бачили передніше, вона привезла сина в травні 1885 р. до Києва.

Добившись свого в одному, стара Подолинська почала добиватися свого і в другому: як повідомив Дрентельна „Командующій императорской главной квартирой“ з 9 вересня 1885 р. під № 17606, М. С. Подолинська звернулася до царя з новим клопотанням – „о предоставленіи ея исключительно попеченію и воспитанію 6-лѣтняго внука ея, нынѣ находящагося при матери его за границею“. Клопотання своє вона мотивує тим, що „отець этого ребенка, а ея, просительницы, сынъ, вслѣдствіе преступнаго поведенія его жены, лишился разсудка и разбитъ параличемъ, а между тѣмъ жена послѣдняго, проживая за границею, ведя позорную жизнь и принадлежа къ шайкѣ людей, отрицающихъ всякое понятіе о нравственности и законѣ, удерживаетъ этого ребенка при себѣ исключительно съ корыстною цѣлью выматательства денегъ отъ родственниковъ ея мужа“.

На запитання цього паперу про М. С. Подолинську з морального й матеріального боку і про інші обставини справи, Дрентельн дав широку відповідь (з 28 жовтня 1885 р. під № 5482), з якої відомості про одруження С. Подолинського і життя його після того я подав уже передніше. Окрім цих, дуже цінних для біографії С. Подолинського, хоч може й односторонніх відомостей, ми дізнаємося з паперу Дрентельна і про матеріальний стан Подолинських („состояніе ихъ, заключающееся въ денежныхъ капиталахъ¹⁾), превышаетъ сумму въ 300 тыс. руб.“—каже він) і про кошти, які старий Подолинський призначив на утримання свого внука—„по 6000 франковъ ежегодно, которые аккуратно выплачивались матери ребенка въ теченіе двухъ лѣтъ“. Про М. С. Подолинську Дрентельн каже, що вона „женщина рѣдкаго ума и образования, лично мнѣ уже давно извѣстна исключительно съ хорошей стороны“, і закінчує свій папір свідченням, що „М. С. Подолинская, какъ женщина весьма состоятельная, твердыхъ высоконравственныхъ убѣжденій и честныхъ правилъ, воспитаетъ внука своего въ духѣ христіанской вѣры и въ принципахъ честнаго, полезнаго и вѣрноподданнаго гражданина, тогда какъ мать его, принадлежа къ антиправительственной партіи и принимая въ послѣдней дѣятельное участіе, своимъ примѣромъ и безнравственнымъ поведеніемъ можетъ только навести сына на ложный и опасный путь, внушивъ ему раздѣляемые ею взгляды и убѣжденія“, а тому він „съ своей стороны полагаю бы, что настоящее ходатайство г-жи Подолинской вполне заслуживаетъ быть повергнутымъ на монаршее его императорскаго величества благовоззрѣніе“.

В результаті, як дізнаємося з повідомлення від „Командующаго импе-

¹⁾ З того, що Дрентельн не згадує тут про земельний маєток батька Подолинського в с. Ярославці, а говорить тільки про грошові капітали, можна догадуватись, що в той час (1885 р.) Подолинські вже ліквідували маєток. Здогадку цю стверджує і цитований передніше лист Дрентельна до бар. Моренгейма, де він говорить про старого Подолинського, ніби як про колишнього землевласника: „А. И. Подолинскій, будучи кievскимъ землевладѣльцемъ, носилъ званіе камергера двора его императорскаго величества“.

рат. главн. квартирой“ на ім'я генерал-губернатора з 24 грудня 1885 р., „государь императоръ, въ 22-й день сего декабря, высочайше повелѣтъ соизволилъ: сына врача Сергѣя Подолинскаго, малолѣтняго Сергѣя, передать на исключительное воспитаніе и попеченіе бабки его, жены д. с. с. Маріи Подолинской, съ устраненіемъ матери сего малолѣтняго, Наталіи Подолинской, отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло его воспитанія и съ воспрещеніемъ ей когда-либо требовать сына къ себѣ“.

Але добутися „высочайшаго повелѣнія“ було, мабуть, легше, ніж здійснити його. Коли стара Подолинська поїхала одбирати дитину до Парижу, де їй було обіцяно „содѣйствіе нашего мѣстнаго посольства“, трапилася зовсім непередбачена подія, що повернула на нівець усі ті „устраниенія“ і „запрещенія“, яким Олександр III „высочайше“ лякав убогу і безправну політичну емігрантку: Наталія Подолинська, дізнавшись про те „высочайшее повелѣніе“, десь зникла, забравши з собою сына, і насміялася з „высочайшої волі“ всевладного всеросійського царя. І зникла так, що, не зважаючи на „содѣйствіе нашего посольства“ та „участіе парижской полиціи“, стара Подолинська не могла розшукати її аж до 1888 р.

Треба зауважити, що, ховаючись від своєї тещі, Наталія Подолинська, звичайно, не діставала від старих Подолинських ніяких коштів на утримання і виховання дитини. Проте, я вже зазначав, що в цій справі я маю документи однобічні,—отже, висновки з них треба робити дуже обережно.

Почалося розшукування, в якому діяльну участь узяв сам Дрентельн. Шукали Наталію Подолинську з дитиною не тільки за кордоном, а й у Росії. З'явилася думка, чи не переховується вона в свого батька, Акима Петровича Андреева, в Лубенському повіті. У травні 1886 р. управляючий канцелярією генерал-губернатора, певно з наказу Дрентельна, запитував листовно в лубенського ісправника, чи немає там утікачки. Виявилось, що нема. З'явилися якісь відомості, що малого Подолинського переховує в своєму маєтку в Басарабії князь Ол. Ол. Мещерський. Почалися довідки та питання, і кінець кінцем виявилось, що у кн. Мещерського маєтка в Басарабії зовсім нема, а був маєток у Бежицькому повіті Тверської губернії, але він продав той маєток селянам ще 1875-го року, самого ж Мещерського ніде в Тверській губ. немає, а так само немає й малого Подолинського. Довідавшись Дрентельн, що у Наталії Подолинської є сестра, Надія Акимовна Нога, з якою Подолинська листується, і що та сестра мешкає в м. Сенчі на Полтавщині (в Лохвицькому повіті),—послав їй (29 грудня 1886 р.) листа „съ требованіемъ сообщить о настоящемъ мѣстѣ жительства упомянутой г-жи Подолинской“, але дістав відповідь, що Нога „личнаго адреса сестры“ не знає, а посилає листи їй на адресу якогось д-ра Жюльє (Jullier) в Парижі. Дрентельн сердито написав на листі Ноги: „Неправда“, та це справі, звичайно, не допомогло.

Але, звертаючись до Н. А. Ноги з листом, Дрентельн не забув і іншого ходу. Пригадавши, мабуть, що він завідував, при кінці 70-х років, славнозвісним 3-м відділом, Дрентельн удається до звичних цій установі способів: він прохає міністра внутрішніх справ наказати поштовому відомству, щоб воно вислало йому копії з усіх листів, що дістає з-за кордону Н. А. Нога, сподіваючись, очевидно, таким способом дізнатися про Наталію Подолинську. Майже два роки читав він ті листи, але того, що було йому треба, з них не вичитав. Тоді, у жовтні 1887 р., він міняє спосіб і прохає, щоб поштове відомство подавало йому адреси тих осіб за кордоном, з якими листується Нога. Чи стало це в пригоді, у мене нема відомостей, але розшукати Наталію Подолинську, як я вже зазначив передніше, пощастило тільки в 1888 році. Як те сталося, з моїх

джерел теж не видно. Але 15-го квітня 1888 р. Дрентельн писав під № 1962 до тов. м-ра вн. справ М. Ігн. Шебеко, що, мовляв —

„всѣ старанія старшей Подолинской о разысканіи малолѣтняго Сергѣя, не смотря на энергическое содѣйствіе ей въ томъ со стороны нашего посольства въ Парижѣ и французской полиціи, не привели ни къ какому результату, и только нынѣ ей удалось наконецъ за 25 тыс. руб. получить разыскиваемого так долго внука отъ невѣстки своей Наталіи Подолинской, которая потребовала при этомъ, чтобы означенная сумма была выплачена ей непременно въ русскихъ кредитныхъ знакахъ, что и исполнено ея свекровью. Это послѣднѣе обстоятельство возбуждаетъ предположеніе, что эмигрантка Наталія Подолинская рассчитываетъ израсходовать полученныя ею деньги въ Россіи, а не за границей, такъ какъ въ противномъ случаѣ ей было бы гораздо выгоднѣе получить платежъ мѣстною заграничною монетою. Сказанное предположеніе пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если принять во вниманіе, что эмигрантка Подолинская, урожденная Н. А. Андреева, проживая въ Россіи, принимала участіе въ недозволенныхъ сходкахъ и соціально-революціонномъ движеніи, будучи дѣвицею замѣчена была въ противуправительственной демонстраціи у Казанскаго собора, а въ послѣднее время, находясь за границей, неразлучна съ какой-то женщиной, выдающей себя за англичанку Гартлингтонъ, въ которой есть основанія предполагать государственную преступницу Ольгу Любатовичъ. Изложенныя свѣдѣнія я считаю долгомъ сообщить вашему превосходительству въ тѣхъ видахъ, не будетъ ли признано полезнымъ установить наблюденіе за дѣйствіями и сношеніями эмигрантки Наталіи Подолинской, причемъ долгомъ считаю присовокупить, что она, насколько мнѣ извѣстно, переписывается только съ сестрою Надеждою Акимовною Нога, проживающею въ м. Сенчѣ, Лохвиц. у. Полт. губ., и съ г-жею Толочинвой, женою профессора акушерства Харьковскаго Университета“.

Цими, „интересными для Департамента Политической Полиціи“, за висловом самого Дрентельна, відомостями кінчаються зібрані мною архівні матеріали про С. Подолинського. Дальшої долі його сина мені не пощастило з'ясувати. Так само зосталася невідомою мені й доля його дружини. Спроби мої здобути відомості про Н. А. Ногу, яка могла б дати матеріал коли не про С. Подолинського, то бодай би про свою сестру, теж зостались безрезультатними.

ОЛЕКСАНДЕР НАЗАРЕВСЬКИЙ

ДО ІСТОРІЇ КИЇВСЬКОЇ ГРОМАДИ 1870-Х РОКІВ.

Київська Громада свого часу відіграла таку велику й помітну роль в історії української національної свідомості і цілого українського руху, що кожна нова дрібниця з її довголітньої історії, кожна нова риска з життя та діяльності її членів мають тепер свій інтерес і значіння.

Ось чому ми подаємо тут кілька таких дрібниць, що зв'язані з історією Громади за другу половину 70-х років минулого століття.

Вже р. 1869-го після тимчасового (1864—1868) занепаду, відродилася діяльність київської Громади, до складу якої насамперед увійшли— М. П. Драгоманов, М. В. Лисенко, В. Б. Антонович, П. Г. Житецький, В. Л. Беренштам, М. П. Старицький, М. О. Константинович, Х. Т. Панченко, П. А. Косач, В. А. Рубінштейн, О. І. Лоначевський, І. Я. Рудченко, а потім К. П. Михальчук, Ю. Ю. Цвітковський, О. О. Русов та інші¹⁾. Почалися регулярні зібрання „громадян“ суботами, увечері, для обмірковування чергових справ та організації спільної роботи, причому напочатку вони відбувалися по черзі то в Лисенка, то в Житецького, а пізніш і в інших з „громадян“²⁾. Так в рр. 1876—77 ці зібрання найчастіше відбувалися в помешканнях Ю. Ю. Цвітковського і в В. Л. Беренштама, бо вони за дорученням Громади—були організаторами громадської допомоги південним Слов'янам, мали офіційний дозвіл збирати пожертви, і, з приводу цього, як розповідає Б. Кістяківський, київський губернатор навіть дав поліції „негласне“ розпорядження—ставитись „терпимо“ до того, що в них відбуватимуться збори різних осіб³⁾.

Деякий час, з огляду на конспіративність зібрань та здебільшого науковий, літературний і громадський, а не суто-політичний характер діяльності Громади, вона не привертала до себе серйозної уваги „властей предержавних“, але згодом, у зв'язку з розвитком національно-культурного українського руху, що так був поширився саме в середині 70-х років і викликав, разом із побоюванням влади, різко негативне вороже ставлення до себе певних кол тодішнього суспільства, у зв'язку з підсиленням саме політичних моментів у діяльності Громади, становище різко змінилось: доноси на членів Громади—писані й друковані, з підписами й анонімні—так і посипали один по одному⁴⁾.

Одного такого анонімного листа в квітні 1877 р. одержав міською поштою київський губернатор М. П. Гессе⁵⁾:

Въ іюль прошлаго года въ Кіевѣ устроилося общество радикаловъ украинофиловъ для выданія въ Женевѣ и въ Лембергѣ революціонныхъ книгъ и журналовъ. Деньги собирали подъ видомъ что на пользу Сербовъ и переслали 6-ть тысячъ (sic) черезъ Вол-

1) Ігн. Житецький,—Київська Громада за 60-тих років. Київ, 1928 (відб. з „України“, 1928, кв. 1) с. 35.

2) Там-таки.

3) А. Хатченко (псевдонім Б. Кістяківського—О. Н.), Ю. Ю. Цвітковській какъ общественный дѣятель („Украинская Жизнь“, 1913, № 7—8, сс. 97—99).

4) „Былое“, 1907, № 6, сс. 153—154: „Примѣчанія“ О. О. Русова та Ф. К. Вовка до „Свода указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“ (щодо „сообщества украинофиловъ“, О. Н.)

5) На конверті: „Городское. Господину губернатору Гессе“, поштовий штампель з 19/IV 1877 р.

кова къ Драгоманову въ Женеву. Общество это зовется „Громадою“; оно собирается всякую субботу по очереди у кого-нибудь изъ своихъ членовъ послѣ 9 часовъ вечера. Предсѣдатель Общества учитель изъ 2-ой гимназій Житецкій; секретарь Цвѣтковской; кассиръ (sic) Бердштамъ (sic), учитель изъ корпуса; редакторы директоръ изъ ремесленной Школы Ломачевской (sic); учителя Бѣлоусовъ, Науменко и музыки — учитель Лысенко, который ѣздилъ собирать деньги въ Черниговъ.

Другіе члены „Громады“ — Антеповичъ, Драганевичъ (sic), Юрьевъ, Чубинскій, Рева¹⁾.

Припущені в прізвищах кількох „громадян“ помилки справляють вражіння, що автор доноса знав їх тільки „по наслышке“, з чужого голосу, але деякі фактичні дані в його розпорядженні, як бачимо, були. Донос не лишився без наслідків. 23-го квітня 1877 р. губернатор „совершенно секретно“ писав тодішньому київському поліцмайстрові Б. Я. Гюбенетові:

Милостивый государь, Борис Яковлевич! Препровождая копию полученного мною по городской почте доноса об организованном в Киеве обществе радикалов-украиофилов, я должен сказать, что донос этот в некоторой степени не лишен вероятия. Поэтому прошу Вас, в видах обнаружения виновных, избрать особенно благонадежного и расторопного полицейского чиновника, которому поручить иметь самое тщательное негласное наблюдение за всеми по возможности действиями и сношениями поименованных в доносе лиц и преимущественно за их сборищами. В случае же обнаружения каких либо вероятных признаков, указывающих на справедливость доноса, или будут замечены такие обстоятельства, которые заслуживают серьезного внимания, тотчас докладывать мне для принятия соответственных мер. Вообще я просил бы ваше превосходительство обратить особенное внимание на проявление в Киеве агитаторских действий, которые, нельзя, к сожалению не заметить, ускользали до сего времени от полиции²⁾.

Майже через три тижні, 11 травня 1877 р., поліцмайстер повідомив губернатора про ті заходи, яких він ужив для викриття злочинного характеру діяльності згаданих у доносі осіб, а також про здобуті відомості; вони були більш ніж скромні:

Ваше превосходительство, Николай Павлович! На основании совершенно секретного письма Вашего превосходительства от 23-го апреля за № 1175, относительно устройства в г. Киеве в июне прошлого года общества радикалов-украиофилов, для издания в Женеве и Лемберге революционных книг и журналов, я, прежде всего, лично занялся розысканием квартир всех поименованных в безименном доносе лиц, как членов и соучастников означенного общества, а затем я поручил помощнику пристава Иваницкому совершенно секретное и крайне осторожное наблюдение в ночное время за тайными сборищами этих лиц, а в особенности по субботам. Результаты этих наблюдений Иваницким в прошедшую субботу, с 7. на 8 мая, были следующие: В квартире учителя киевской военной гимназии Цветковского, проживающего в флигеле дома Протасьева по Пироговской улице действительно собиралась партия разных лиц, мужского и женского пола, начиная с 9 часов вечера, и просидели некоторые до 2 часов, а другие в 1¹/₂ ч. ночи всего же вышло из дома 7 мужчин и 3 женщины; при этом Иваницкий старался, насколько возможно, дабы скрыть свое наблюдение, открыт чем эти лица занимаются столь продолжительное время и кто именно и в чем участвовал, но не было никакой возможности что либо усмотреть, так как ставни и форточки окон и ворота постоянно были заперты изнутри (sic) Секретные наблюдения будут продолжаться (sic) насколько это возможно, чтобы не обнаружить дела и что будет замечено, я буду иметь честь довести до сведения Вашего превосходительства³⁾.

Очевидячки і дальші спостереження спритного помічника пристава за „ставнями, фортками оконъ и воротами“ дома Ю. Цвѣтковського не дали будь-яких бажаних поліції наслідків, бо ні в цій справі, ні в інших ми не знайшли більш нічого, зв'язаного з наведеним вище доносом.

1) Залишено правопис оригіналу. — Справа канцелярії київського губернатора 1876 р. № 628, част. I, арк. 17 — 17 звор. Порів. відомості про згаданих тут „громадян“ у „Сводѣ указаній“..., де вони всі фігурують у різних місцях, а також поправки до „Свода“ О. Русова та Ф. Вовка („Былое“, 1907, № 6).

2) Копію анонімного листа, в супроводі відповідних зауважень, Гессе післав і начальникові жандар. управління. В обох цих листах з копіями деякі слова недописані, деякі написані скорочено. Див. справу канцелярії київ. губернатора 1876 р., № 628; ч. 1, арк. 19-20. На першому помітка червоним олівцем. „К кабинетному делу“.

3) Там-таки, арк. 21-22.

Коли вночі проти 23 лютого 1878 р. стався замах на товариша прокурора Котляревського і „злочинцеві“ пощастило сховатись від поліції, це викликало одночасово і розгубленість, і певне роздратування місцевої влади, а в зв'язку з безцеремонними й безпідставними арештами та іншими заходами поліції виникли серйозні заколоти серед київського студентства і зроблено напад на ректора університету професора Матвеева, причому знову таки „винного“ знайти владі не пощастило. Крім того, за місяць після замаху на Котляревського (вночі проти 27 березня) по місту розліплено й багатьом особам (представникам влади, урядовцям тощо) розіслано проклямації виконавчого комітету „русской соціально-революційної партії“ — з поясненням мотивів замаху та новими загрозами ¹⁾).

Звичайно, все це створило дуже нервову, напружену атмосферу, збільшило й без того не рідкі доноси, і тому не дивно, що декому спало на думку „звести рахунки“ з ненависними „українофилами“ та, як тепер кажуть „пришити“ їх до всіх отих замахів і хвилювань. За таких умов і з'явився новий донос на кількох активніших членів Громади, адресований вже безпосередньо до Петербургу, самому міністрові внутрішніх справ. У зв'язку з цим начальник київської губерніяльної жандарської управи 19 квітня одержав із столиці такого секретного листа ²⁾:

По порученню господина главногo начальника III-го Отделения собственной с. и. величества канцелярчи, препровождая при сем к Вашему превосходительству полученное по почте из Киева господином министром внутренних дел анонимное заявление (с конвертом) о том, что руководители покушений на жизнь Котляревского и ректора киевского университета и печатания возмутительных воззваний суть учителя военной гимназии Житецкий, Бердштам (sic), Цветковский и директор ремесленной школы Ломчевский (sic) ³⁾, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство проверить эти сведения негласно, но самым тщательным образом и о последующем меня уведомить.

Управляющий III-м Отделением (підпис).

Коли читаємо оці безглузді, безпідставні обвинувачення видатних тодішніх „громадян“ у тяжких злочинах мимохіть кидаються у вічі помилки в прізвищах Беренштама і Лоначевського-Петруняки, що в якийсь дивний спосіб буквально повторюють такі ж самісінькі помилки в раніш наведеному анонімному листі до губернатора Гессе. На жаль оригіналу цього доноса в справі не збереглося ⁴⁾, і ми не можемо порівняти письма обох листів, але навряд чи можна бачити тут випадковий збіг помилок, і мимоволі виникає думка: чи не йдуть обидва листи-доноси (1877 і 1878 рр.) від одного автора, з одного джерела? Цього разу начальник жандарської управи чомусь не дуже квапився щодо відповіді на запитання свого начальства, — він склав її тільки через місяць, 21 травня, майже напередодні нового терористичного акту в Києві ⁵⁾. Відповідь оця остільки своєрідна своїм стилем і подає такі цікаві жандарські характеристики згаданих у доносі осіб, що ми дозволимо собі навести її тут повністю:

С возвращением анонимного письма, приложенного к предписанию Вашего превосходительства от 19-го ⁶⁾ апреля сего года за № 1253, имею честь доложить что титулярный советник Георгий Георгиевич Цветковский ⁷⁾, человек весьма хороший

¹⁾ Такі самі проклямації вночі проти 27 березня розліплено й по деяких вулицях Петербургу. Див. про це все в справі київ. губ. жандар. управи 1878 р. № 12.

²⁾ 19 квітня 18 8 р., № 1253 (справа 1878 р. № 12).

³⁾ Підкреслення наше.

⁴⁾ Начальник жандарської управи повернув його до III Відділу (див. нижче).

⁵⁾ Вночі проти 25 травня смертельно поранено ад'ютанта жандарської управи барона Гейкінга.

⁶⁾ У справі помилка: 9-го апреля (див. справу жандар. управи 1878 р. № 12, арк. 72).

⁷⁾ Прізвища підкреслено в оригіналі.

и благодущный, состоит преподавателем русского языка в киевской военной гимназии с 1868 года; надворный советник Павел Игнатьевич Житецкий состоит учителем русского языка в той же гимназии с 1870 года и считается во всех отношениях весьма полезным для заведения, как отличный преподаватель; надворный советник Вилиам Людвигович Беренштам, занимающий должность преподавателя всеобщей истории в том же заведении с 1868 года, по своему умственному развитию и образованию стоит гораздо выше своих товарищей, но судя по его статьям в некоторых периодических изданиях, появлявшихся (sic) и его дружеских отношениях (sic) к бывшему профессору университета святого Владимира Драгоманову, благонадежность его в политическом отношении представляется довольно сомнительною, впрочем в его преподавательской деятельности, за которой неусыпно следит директор гимназии генерал-майор Юшенев¹⁾, человек весьма образованный и всецело преданный своему делу, до сих пор ничего предосудительного не замечалось; наконец, инспектор (а не директор) Александровского ремесленного училища в Киеве кандидат университета Александр Иванович Лоначевский-Петруняк, человек весьма спокойный и благодущный, ведет жизнь уединенную и не навлекал на себя никакого подозрения в политической неблагонадежности. Чтобы упомянутые лица принимали участие в беспорядках, происходивших в Киеве в последнее время, либо же подстрекали к тому других,—в делах подведомственного мне управления никаких указаний не имеется; равным образом не было замечено, чтобы они имели сношения с студентами здешнего университета и посещали места и учреждения, в которых бывают обыкновенно студенческие сходки, как то: общие столовые, частные библиотеки, лектории и проч.; указание на тайную типографию, находящуюся, будто-бы, при ремесленном училище, в свою очередь не имеет никакого основания, и по сему предмету я имел уже честь доложить Вашему превосходительству 31 марта сего года за № 167-м.

За всем тем, хотя обвинения, взводимые на этих лиц анонимом, можно считать совершенно ложными, но мне положительно известно, что Беренштам, Цветковский, Житецкий и Лоначевский принадлежат к кружку украинофилов, о деятельности и значении которых представлены мною господину шефу жандармов довольно подробные сведения 29 декабря 1874 года.

Як бачимо, у своїй характеристиці найвидатніших тодішніх київських „громадян“, начальник жандарської управи генерал Павлов поставився до них, його ж словами кажучи, досить „благодущно“, особливо, як порівняти його „благодущні“ одзиви з винувальними, різкими характеристиками департаменту поліції за якихось лише два роки²⁾). Можливо, що ці, так-би мовити, зм'якшені характеристики складено не без впливу директора військової гімназії П. Н. Юшенова, що на його саме й посиляється генерал Павлов у своїй відповіді III-му Відділові. Видатний педагог, людина високоосвічена, знавець закордонних військових шкіл, він, як каже історик київського кадетського корпусу, „стремясь поднять учебное дело въ гимназии на возможную высоту, не щадил ни усилий, ни издержек, чтобы привлечь лучшие преподавательские силы“³⁾; як найвидатніших викладачів військової гімназії за часів Юшенова той-таки автор називає А. В. Клосовського, Ю. Ю. Цвітковського, І. В. Слешинського, В. Л. Беренштама та П. І. Житецького⁴⁾).

Як бачимо, він не боявся співробітництва „українофілів-радикалів“ і, можна думати, поки стояв на чолі гімназії, не раз мусив захищати їх від наклепів ворожих українському рухові елементів⁵⁾).

1) В оригіналі помилка: Юшанов.— П. Н. Юшенев був директором київської військової гімназії (інакше кадетського корпусу) з 1871 по 1879 р. Про нього див. в „Русскомъ біографическомъ словарѣ“, у книзі Н. Завадскаго, Владимирскій-Кіевскій Кадетскій корпусъ. К. 1908, сс. 66—70, та в спеціальній статті Е. Семашкевича, П. Н. Юшеневъ—въ воспоминаніяхъ о немъ... (Педаг. Сборникъ, изд. при Главн. Упр. воен. учеб. завед. 1914, № 12, сс. 540—546).

2) Див. згаданий вже вище „Свод указаній“... (Былое, 1907, № 6, с. 122).

3) Н. П. Завадскій,— Владимирскій-Кіевскій кадетскій корпусъ К. 1908, с. 67.

4) Там-таки.

5) В своєму щоденникові з 30 вересня 1879 р. проф. А. Ф. Кистяківський розповідає про такий факт, що стався вже по смерті Юшенова (пом. 5 квітня 1879 р), але, так би мовити, в дусі його традицій. Коли для ревізії військової гімназії приїхав головний начальник військових шкільних закладів генерал Ісаков і київський генерал-губернатор Чертков сказав йому:

Але діяльність Громади, що не припинялась навіть за тих важких, несприятливих умов урядового походу проти української культури, чим раз більше привертала до себе увагу жандарів і поліції; не припинялись і доноси, що нібито додержувались принципу — *gutta cavat lapidem*... Звичайно, головну роль в наступних репресіях відіграли не такі анонімні й навіть не завсіди письменні доноси, а заходи „кваліфікованіших“ осіб; досить пригадати, приміром, слова, ще їх занотував у своєму щоденникові проф. А. Ф. Кистяківський ще 17 березня 1876 року: „Юзефович в своей поездке (в Петербург) положил себе задачею добиться удаления из Киева Антоновича, а может быть и других, как то — Житецкого, Чубинского, Беренштама¹⁾“.

Є підстави гадати²⁾, що наприкінці 70-х років поліція, не вважаючи на брак точних, конкретних відомостей про діяльність Громади, готувала вже матеріал, щоб розпочати політичний процес проти окремих її членів. Як і завжди удар прийшовся на видатніших, активніших, кращих... Проте, оскільки ідейний характер діяльності громадян не давав ще достатніх підстав, щоб притягти їх до права, справу вирішено в адміністративному порядку: р. 1879 В. Л. Беренштама переведено до Пскова, а через рік (1880 р.) П. І. Житецького і Ю. Ю. Цвітковського примусили переїхати на службу до Петербургу³⁾.

„В вашей гимназии четыре социалиста и опасных человека: Беренштам, Житецкий, Цветковский и Кросовский“, — директор гімназії на це відповів, що ці „соціалісти-учителя, на которых держится гимназия“, і таким чином на цей раз урятував був їх від урядової грози. Взято з статті Г. Ющенка, — Записка П. І. Житецького, „Архівна Справа“, кн. 4, с. 15).

¹⁾ Архівна Справа, кн. 4, с. 15.

²⁾ Див. виданий департаментом поліції „Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государств. преступленіяхъ“ (май 1880 года), де зібрано матеріал майже виключно про діяльність „сообщества украинофиловъ“ (з 1873 р. починаючи), перевидано в „Быломъ“ 1907 р. № 6, сс. 118—152).

³⁾ А. Хатченко, — Ю. Ю. Цвітковській, какъ обществ. дѣятель, (Укр. жизнь, 1913, № 7—8, с. 108).

БОРИС ШЕВЕЛІВ.

ДО ПРОЦЕСУ КИЇВСЬКИХ НАРОДОВОЛЬЦІВ 1879 р.

Дмитро Лизогуб і зрада В. Дриги.

(За матеріалами чернігівського історичного архіву).

I.

Одне з найвидатніших місць в історії революційного руху 70-х рр., безперечно, належить Дмитрові Лизогубу, на кошти якого «почти всецело жил сборный немногочисленный кружок террористов 78 года»¹⁾, і який «поддерживал целых полтора года почти все русское революционное движение»²⁾.

Дмитрий Лизогуб, за словами С. Степняка: был миллионер, владелец громадного имения, состоявшего из усадьбы, земель, лесов в одной из лучших губерний России. Несмотря на это, он жил беднее последнего из своих приказчиков, потому что все, что у него было, он отдавал на революцию³⁾.

За «Сводом указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях»⁴⁾, Дм. Лизогуб був керівником терористичного гуртка⁵⁾, що мав здійснити грандіозні революційні пляни, які виявились пізніше в цілій низці політичних вбивств та замахів. За цим же джерелом. Лизогуб був прихильником партії «народників-бунтарів» і мав продовжувати справу головних представників цієї партії: Дейча, Стефановича та Бохановського; мав намір улаштувати на Дону щось подібне до відомої чигиринської справи; був прихильник централізації революційного руху, а саме утворення такого розпорядчого органу, який керував би всіма революційними партіями.

За відомостями Курицина, що їх покладено між іншими до «Свода показаний», гурток Лизогуба мав у своєму розпорядженні більш як 100 тисяч карбованців готівкою, які склалися з власного капіталу Лизогуба та з внесків осіб, що співчували революційному рухові.

Крім того, в Лизогуба було багато землі та іншого нерухомого майна, переважно в Чернігівській губернії, також і векселів на велику суму, що їх завжди міг він обернути в гроші. Гурток мав зброю та друкарські варстати закордонного зразка.

В основу діяльності свого гуртка поклав Лизогуб, з одного боку, програму «народників-бунтарів» а з другого — програму терористичну. Програму Лизогуба, зі слів Курицина, у «Своде показаний» департаменту поліції формульовано так:

всякий, принадлежащий к этому кружку, обязан пользоваться каждым возникшим где-либо бунтом, а если такого нет, всеми возможными средствами стараться служить, главным образом, возбуждению в народе разных неудовольствий и страстей посредством распускания ложных слухов, равно другими способами, не стесняясь в выборе средств. С этою целью необходимо селиться в народе и самым подробнейшим образом изучать местные условия, а засим, сообразно этим условиям, пользоваться всяким возникшим недоразумением, поселяя неудовольствие против властей, местных помещиков, фабрикантов,

1) Р. А. Стеблинъ-Каменскій, — Г. А. Попко, „Былое“, 1907, травень, с. 195.

2) С. Степняк. — Святой Революции, Москва, 1917 р., с. 6.

3) Там само, с. 4. 4) „Былое“, 1907, липень, розділ VII.

5) Основоположниками гуртка були: Лизогуб, Попко та Осинський („Былое“, 1907, V, с. 188)

заводчиков и т. д., и возбуждая народ к активному протесту посредством распускания таких, например, ложных слухов, что в такой-то местности крестьяне уже бунтуют, или взбунтовались и, отобрав у помещиков землю, разделили ее поровну. Засим, если где-либо существует между крестьянами, как например, в Киевской губернии обыкновение посылать в Петербург ходяков с жалобами, то стараться поддерживать и сильнее развивать подобное желание, а где такового обыкновения вовсе не существует и сам народ не додумался до этого, то внушать ему целесообразность этой меры, приучая к мысли о необходимости сего, так как в случае очевидной неосновательности жалоб, ходяки будут подвергаться аресту, а это обстоятельство может послужить поводом к бунту, тем более, что ходяки обыкновенно избираются крестьянскими обществами из лиц, пользующихся особенным уважением и влиянием. Далее: распускать от имени государя всевозможные подложные манифесты и вообще стараться действовать от имени царя, призывая народ именем государя императора к помощи против дворян и чиновников на всякий случай иметь наготове подложные документы. Наконец, программа Лизогуба указывала на необходимость террора, направленного против властей, наиболее ненавидимых народом, распуская по поводу каждого убийства прокламации и слухи ¹⁾.

За цим же «Сводом показаний» «революционная партия Лизогуба послужила основанием к образованию террористической партии ²⁾».

Докази цьому, що їх подає «Свод», такі:

1) до Лизогуба и образованного им революционного кружка революционная партия не проявляла своей деятельности в форме политических убийств; 2) появление террористической партии, образовавшейся, по показанию Гольденберга, в начале 1878 г., совпадает с временем образования революционного кружка Лизогуба; 3) кружок Лизогуба не прекратил своего существования вследствие ареста самого Лизогуба, но продолжал действовать в духе его предначертаний до последнего времени; 4) програма деятельности кружка Лизогуба представляется совершенно тождественной с тем направлением, которым ознаменовала себя террористическая партия; 5) Лизогуб, по мере совершения террористической партией политических убийств и покушений, постоянно высказывал, по словам Курицына, близкое знакомство с подробностями задуманных злодеяний, из чего представлялось несомненным, что он стоял близко к злоумышленникам, и 6) Лизогуб находился в самых тесных отношениях с такими политическими преступниками, как, например, Валериан Осинский, Кравцов, Малинка, Ковальский и другие представители партии террора ³⁾.

Щодо біографічних відомостей про Д. Лизогуба, відомих у друку, то вони надзвичайно скупі й неточні. Так, наприклад, у справі Лизогуба з одеського окружного суду ⁴⁾, а саме в акті обвинувачення подано такі відомості за Лизогуба:

Дворянин Дмитрий Лизогуб, 20 лет ⁵⁾, был в Петербургском университете, но курса не окончил, привлекался в 1874 г. к дознанию о Трудницком и др., обвиняемых в революционной пропаганде среди народа; с апреля месяца 1878 г. находился под нелегальным надзором, вследствие распространения летом 1877 г. в бытность в Петербурге крайне антиправительственных воззрений; в мае 1878 г. он продал свое имение в Городнянском у. Черниговской губ. и выехал оттуда навсегда. В последнее время постоянного жительства не имел ⁶⁾.

Як видно з тієї ж справи, саме неточність і невірність наведених відомостей підкреслив Д. Лизогуб підчас одеського процесу, після зачитання акту обвинувачення, у своєму попередньому слові.

«Я находился», зазначив між іншим Лизогуб, «под гласным надзором полиции, и я, следовательно, вправе был ожидать, что лицам, производившим дознание, я был известен, а между тем в обвинительном акте сказано, что я определённого местожительства не имел, так что я не знаю, с какою целью этот факт извращен и подтасован... ⁷⁾».

Неопублікована особиста справа Д. Лизогуба з архіву канцелярії чернігівського губернатора «По заявлению дворянина Дмитрия Лизогуба о разрешении ему шестимесячного отпуска за границу» (стіл таємний, № 1458, поч. 12 лютого 1876 р., закінч. 30 листопада 1878 р.) поширює відомості про Лизогуба й з'ясовує нам, яким чином Лизогуб опинився в Одесі.

Справа розпочинається власноручною заявою Д. Лизогуба з 12 лютого

¹⁾ „Былое“, 1907 р., липень, с. 164. ²⁾ Там само, с. 165. ³⁾ Там само, с. 165.

⁴⁾ Опублікував С. Степняк. Див. його „Святой Революции“, Москва, 1917 р., розділ „Дело Д. Лизогуба“.

⁵⁾ У цей час Лизогубу було 30 років: він нар. р. 1849.

⁶⁾ С. Степняк, — Святой революции, Москва, 1917, с. 9. ⁷⁾ Там само, с. 11.

1876 р. до чернігівського губернатора, де він просить дозволу на закордонну подорож. «Желая отправиться за границу», писав тут Лизогуб: «честь имею просить сделать подлежащее распоряжение о выдаче мне паспорта на проезд в Италию и Францию сроком на шесть месяцев»¹⁾.

З огляду на те, що губернатору не були відомі наслідки дізнання про Лизогуба, що почалося р. 1874²⁾. Губернатор перше, ніж дати Лизогубу дозвіл на подорож, вдався з листом до чернігівської жандарської управи. Чернігівська жандарська управа 13 лютого 1876 р. повідомила, що

дознание о дворянине Дмитрие Лизогубе было представлено производившему по высочайшему повелению дознания о государственных преступлениях генерал-лейтенанту Слезкину при отношении от 4 мая 1875 года за № 251», що «решения по этому делу еще не последовало, по ходатайству самого Лизогуба он освобожден от взятого с него при дознании обязательства жить безотлучно в своем имении в м. Седневе Черниговского уезда», що Лизогуб «согласно предписанию 3 отделения соб. е. и. в. канцелярии от 14 октября 1875 года за № 4215, может отлучаться оттуда, куда пожелает, но с тем, чтобы о всякой перемене места жительства было известно жандармскому ведомству» і врешті, що «относительно предоставления г. Лизогубу разрешения отлучиться за границу на 6 месяцев (она не може) дать никакого определенного мнения, потому что неизвестно ни положения дознания о Лизогубе, ни окончательного заключения о степени политической его неблагонадежности, которое можно составить только по рассмотрении нескольких дознаний, производившихся в разных губерниях относительно лиц, имевших к нему отношение, по имеющихся лишь в 3 Отд. с. е. и. в. канцелярии сведениях: имел ли Лизогуб какие либо сношения с заграничной эмиграцией»³⁾.

Прокурор черніг. окружного суду на це ж запитання відповів, що разрешение ходатайства Лизогуба зависит от настоящего положения дела о нем, но сведения об этом у меня нет⁴⁾.

З огляду на унікальність цих відповідей, губернатор запитав у цій справі міністрів юстиції та внутрішніх справ. З паперу міністра юстиції № 4587 з 15 березня 1876 р. до чернігівського губернатора довідуємось, що

согласно высочайшему повелению, последовавшему 19 февраля сего (1876) года, дальнейшее преследование дворянина Дмитрия Лизогуба, привлеченного к делу о преступной пропаганде, прекращено, с отменой принятой против него меры для пресечения ему способов уклоняться от следствия и суда и с учреждением за ним на будущее время негласного надзора полиции⁵⁾.

На підставі цього, чернігівський губернатор 13 квітня 1876 р. наказав чернігівському повітовому ісправнику, «чтобы за дворянином Дмитрием Лизогубом был учрежден негласный надзор полиции и в случае замеченных каких либо поступков, могущих давать повод к подозрению в неблагонадежности, доводит о сем безотлагательно до (его) сведения»⁶⁾. На цю пропозицію ісправник папером з 29 квітня 1876 р. сповістив губернатора, що «дворянин Дмитрий Андреев Лизогуб над которым следует учредить негласный надзор полиции, более двух месяцев из м. Седнева выехал и, как дознано, он в настоящее время проживает в имении своем селе Гречаном, Проскуровского уезда, Каменец-Подольской губернии»⁷⁾.

З дальших паперів видно, як розшукували Лизогуба. На запитання чернігівського губернатора, подільський губернатор відповів 19 червня 1876 р., що «дворянин Дмитрий Лизогуб действительно приезжал в с. Гречаную, Проскуровского уезда, в начале марта месяца сего года, и, пробыв там

1) Справа таємного столу канцелярії чернігівського губернатора, 1876 р., № 1458, а. 1.

2) У справі таємн. столу канц. черніг. губернатора „о возложенном производстве дознаний о преступной пропаганде на генерал-лейтенанта Слезкина“, 1874 р., № 1339, а. 16 читаємо в приводу цього: „По произведенному ныне (1874 р.) дознанию, о принадлежности дворянина, бывшего студента С.-Петербур. университета Дмитрия Андреевича Лизогуба, к преступной пропаганде, он на основ. 416 ст. Уст. Угол. Суд. обязан подпискою о невыезде с места жительства; кроме того, по предписанию 3-го отделения с. е. и. в. канц. от 23 августа за № 3098, за ним следует учредить негласное наблюдение...“

3) Справа таємн. столу канц. черніг. губернатора, 1876 р. № 1458, а. 2

4) Там само, а. 3. 5) Там само, а. 11.

6) Там само, а. 13. 7) Там само, арк. 15.

четыре дня, выехал обратно в Черниговскую губернию и после того уже более не появлялся в означенную местность»¹⁾. На підставі цього, Лизогуба знов марно шукали в Чернігівській губернії. Врешті з'ясувалося, що Лизогуб перебував у Петербурзі. Це видно з рапорту городнянського ісправника до черніг. губернатора з 16 липня 1876 р. «Имею честь донести», писав тут ісправник, «что дворянин Дмитрий Лизогуб, как видно из письма, полученного мною сего числа, находится в настоящее время в г. С.-Петербурге и проживает на Невском проспекте в доме Воейковой, № 57, квартира № 10»²⁾. Отже, пропозицію міністра юстиції з 15 березня 1876 р. про встановлення таємного догляду за Д. Лизогубом, було виконано вже в Петербурзі лише 9 серпня 1876 р.

З дальшого листування видно, що Д. Лизогуб у рр. 1876 та 1877 жив у Петербурзі та спорадично навідувався до м. Седнева Черніг. повіту й до с. Куликівки, Городнянського повіту (в останніх місцевостях він був в вересні р. 1876 та в жовтні р. 1877³⁾). У травні р. 1878 полтавський губернатор повідомив чернігівського, що «по всеподданнейшему докладу г. министром юстиции обстоятельств дела о возникшем в г. Полтаве преступном сообществе с революционной целью, высочайше повелено: разрешить настоящее дело административным порядком, при чем, за дворянином Черниговской губернии Дмитрием Лизогубом учредить гласный полицейский надзор, с воспрещением всякой отлучки из места, которое он изберет для жительства...»⁴⁾. На підставі цього, городнянський ісправник, встановивши за Лизогубом «гласний» догляд, відібрав від нього таку підписку:

1878 г. мая 24 дня, я, нижеподписавшийся, дворянин Дмитрий Лизогуб, даю сию подписку городничькому уездному исправнику в том, что я временно ныне проживаю в с. Куликовке в имени брата моего Федора Лизогуба и впредь до выезда моего на постоянное жительство в С.-Петербург, я отлучаться без надлежащего разрешения из Городничького уезда не буду, за исключением м. Седнева, Черниговского уезда. Дворянин Дмитрий Лизогуб⁵⁾.

Таким чином, Д. Лизогуб для постійного перебування вибрав собі м. Петербург. Вибір цей, як видно з паперу черніг. губернатора до міністра внутрішніх справ, з 7 червня 1878 р., мотивовано було бажанням Лизогуба закінчити освіту в петербурзькому університеті⁶⁾. Але на запитання губернатора, «может ли быть разрешено Лизогубу пребывание в Петербурге»⁷⁾, міністерство внутрішніх справ 21 червня 1878 р. повідомило що «лицам, состоящим под надзором полиции, жительство в столице не дозволяется» і просило запропонувати Лизогубу вибрати інше місце для постійного перебування⁸⁾. 30 червня 1878 р. губернатор наказав городнянському ісправникові виконати це розпорядження міністерства, але в цей час було одержано від ісправника повідомлення про свавільний виїзд Лизогуба до Петербургу.

Дворянин Дмитрий Андреев Лизогуб, писав ісправник: «состоящий под гласным полицейским надзором, без подлежащего разрешения выехал из вверенного мне уезда в С.-т Петербург и о выезде своем, за отсутствием моим из города в уезд по делам службы, оставил в полиции, на имя мое, зъявление»⁹⁾.

У цій заяві Лизогуб сповіщав про свій виїзд до Петербургу 24 червня 1878 р.¹⁰⁾. Вважаючи на це, чернігівський губернатор просив петербурзького градоначальника розшукати Лизогуба в Петербурзі.

Як видно з дальшого листування, Лизогуб замість Петербургу вибрав для постійного перебування м. Одесу. «Дворянин Черниговской губернии Дмитрий Лизогуб», зазначено в папері петербурзького градоначальника з 21 липня 1878 року: «избрав постоянное место жительства г. Одессу, вы-

¹⁾ Там само, а. 25. ²⁾ Там само, а. 27. ³⁾ Там само, а. 30—31.

⁴⁾ Там само, а. 33. ⁵⁾ Там само, а. 36. ⁶⁾ Там само, а. 38—39. ⁷⁾ Там само, а. 39.

⁸⁾ Там само, а. 41. ⁹⁾ Там само, а. 43. ¹⁰⁾ Там само, а. 44.

был туда из С.-Петербурга 17 сего июля»¹⁾. Із дальших паперів видно, що Лизогуб по дорозі з Петербургу заїжджав до Городнянського повіту для «устройства своих дел» і, врешті, виїхав до Одеси 27 липня 1878 року²⁾. На цьому чернігівську справу про Лизогуба закінчується.

З цієї справи бачимо, що дійсно згадка в акті обвинувачення Лизогуба в одеській справі, про яку ми згадували вище, саме про те, що Лизогуб після травня р. 1878 постійного місця перебування не має, не відповідає дійсності й що інші відомості біографічні дуже неповні й неточні.

Про дальше життя Лизогуба знаємо з друкованих джерел ось що. У серпні міс. 1878 р. Лизогуба було арештовано в Одесі одночасно з Г. Попком, А. Колтановським та А. Спандоні³⁾ через причетність до справи С. Чубарова та інших, яких обвинувачували в тому, що «по предварительному соглашению, они решились произвести беспорядок около здания военно-окружного суда (24 липня 1878 р. в Одесі) с целью воспользоваться им и освободить насильственно политических преступников» (Ковальського, Світича та інш.)⁴⁾. Причетність Д. Лизогуба виявилася в тому, що при трусі в С. Чубарова знайшли вексель, що його видав урядовець київської контрольної палати Веледницький на ім'я Д. Лизогуба. Арештований 6 вересня 1878 р. Веледницький з'ясував, що р. 1877 він познайомився з С. Чубаровим, який доручив йому стягти 8000 карб. з брата свого В. Чубарова, за векселями, що їх дав йому С. Чубаров. Щоб забезпечити виконання цього доручення, Веледницький з свого боку видав вексель на 3200 карб. на ім'я Д. Лизогуба, який був присутній при цьому⁵⁾. Пізніше, у середині жовтня 1878 р., у арештованого в Петербурзі Василя Троцьанського було витрушено лист Валеріяна Осинського з 4 жовтня 1878 року, в якому, за актом обвинувачення,

идет речь о средствах, при помощи которых следует воспользоваться состоянием Лизогуба. Упоминается о том, что Лизогуб еще в 1874 г., когда в первый раз привлекался по политическому делу, написал на имя какой-то высокопоставленной дамы векселя на значительную сумму, с тем, что если он, как говорится в письме, подвергнется напасти, то дама эта взыщет по векселям деньги, и передаст их, кому будет указано. Так как ныне Лизогуб арестован, то векселя следует передать названной даме, для пред'явления их ко взысканию...⁶⁾.

Ось цей цікавий лист:

4 октября. Дорогие товарищи! Спешу вам сообщить о пом.(ещике) и его финансовых комбинациях. Главным образом все обвинение против него держится на показаниях некоего Веледницкого, который, будучи арестован, перетрусил и много выболтал; теперь он здесь привезен для очных ставок. На днях я видел, как его вели в ж. упр., долго шел я за ним, наконец сел на извозчика и обогнал его. Господи, что только с ним сделалось, он весь затрясся, кровь хлынула ему в рожу и он с отчаянием опустил глаза. Это показало мне, что совесть в нем еще не улетучилась. В виду этого я крикнул ему «валите все на меня». Судя по некоторым дальнейшим его показаниям, он повидимому понял мою комбинацию и, если сумеет провести до конца, то может совершенно выгородить пом., выставив меня человеком, злоупотреблявшим именем помещика, но это, конечно, бабушка еще на двое сказала; пока же пом. возседает и думает о том, как бы устроить свои денежные дела. Вот его комбинация: привожу выдержку из его письма ко мне: «еще в 1873 г. (?) я написал на имя известной тебе парижской барыни векселя, на сумму далеко превышающую (несколько раз) мое имущество, она дала мне торжественное обещание взыскать деньги и передать тому или тем, кого я укажу. После (в 1875—1876 году) у нас вышли недоразумения⁷⁾, не выяснившиеся и до сих пор в одном месте, которое я тебе укажу. Адрес барыни знает девица... она дала этот адрес; пусть этой последней напишут письмо следующего содержания: «В 1875 году Д. Л. говорил, что если он под-

1) Там само, а. 47. 2) Там само, а. 50—51. 3) „Былое“, 1907, травень. Див. Стеблін-Каменський,—Г. Попко, с. 193.

4) С. Степняк, — Святой Революции, Москва, 1917, с. 8. 5) Там само, сс. 8—9.

6) Там само, сс. 9—10.

7) Можна гадати, що Лизогуб метою своєї подорожи до Франції, про яку він марно клопотався на початку р. 1876, і ставив з'ясувати непорозуміння, які сталися поміж ним та згаданою паризькою дамою.

вергнется напасти, то в одном месте, которое он указал, находятся векселя на имя—которая обещала ему взыскать деньги и передать их тому, кого он укажет. «В 1876 г. дело о Л. было прекращено и он стал спускать свои достатки; с 1875 года он никому более не упоминал об этих векселях, которые были найдены в том месте, которое он нам указывал еще в 1875 г. В настоящее время Л. арестован, не успев окончить приведения дел в порядок. Содержится он очень строго, никого к нему не допускают и нет возможности его спросить, а потому остается помимо его обратиться к К. К. и спросить у нея, согласна ли она исполнить теперь то обещание, которое еще в 1875 году она дала»¹⁾.

Крім цього, документа, у Волошенка було знайдено й лист Лизогуба, де він писав:

На счет приема Митьки и Веры в специальный я, конечно, согласен, как и выражал это ранее, но главное это торжественное обещание тайны, а кроме того, кроме нас пяти старых, никто не должен знать о происхождении фонда, это необходимое условие²⁾.

На підставі цих документів прокурор і збудував обвинувачення проти Д. Лизогуба, зробивши під час процесу висновок, що Лизогуб є розпорядчик спеціального революційного фонду та одним з найголовніших членів революц. партії, хоч і не доказав цього. Вирок суду, як відомо, був надзвичайно суворий: Лизогуба покарали на горло. Вирок цей був повною несподіванкою для всіх: «Обвинение», каже С. Степняк, «не могло выставить против него ничего, кроме растраты, неизвестно куда большей части своего состояния»³⁾.

Але була таємна причина несподіваної суворости вироку: це зрада управителя маєтку Д. Лизогуба—Вол. Дриги, що «не оставляла места сомнению у жрецов русского правосудия»⁴⁾.

II.

За тиждень до початку судового процесу, Лизогуба та інших в Одесі, а саме 18 липня 1879 р., управитель маєтку Лизогуба й таємний кореспондент його Володимир Дрига прибув до чернігівського губернатора і зробив свої «разоблачения» щодо Д. Лизогуба та «преступного сообщества в Черниговской губернии». Саму зраду Дриги, переполох серед адміністрації міста та її заходи яскраво малюють неопубліковані шифровані телеграми чернігівського губернатора до міністра внутрішніх справ, та харківського генерал-губернатора, які ми знайшли в таємній справі канцелярії чернігівського губернатора під назвою «О преступном сообществе в Черниговской губернии» (№ 277, 1879 р.) і які ми подаємо тут:

1. Петербург. Министру в. д. 18 июля 1879. Состоящий под присмотром полиции и на самом дурном счету в политич. отношении дворянин Владимир Дрыга заявил мне, что не сочувствуя более тому кружку, к которому до сих пор принадлежал, он приносит полное раскаяние в прежних своих преступных действиях и готов обнаружить злодеев, их действия и планы. Раскрытия его поразительны и по мнению моему достойны доверия по следующим причинам. Дрыга сознается в личном, хотя не активном участии во многих преступлениях. Дрыга, состоя поверенным и тайным корреспондентом заключенного в Одессе Дмитрия Лизогуба, до сих пор отпускал по приказам революционного комитета значительные суммы из денег Лизогуба на приготовления к преступлениям, и в настоящее время при новом требовании революционеров, не желая вероятно, отдавать последних средств боится столько же мести своих единомышленников, как и правительственной кары. Наконец Дрыга, купив вероятно, фиктивно, имение у Дмитрия Лизогуба для революционных целей, в настоящее время сделавшись легальным владельцем земли, отрекается от прежних взглядов, в будущем Дрыга просит помилования, в виду услуги, которую может оказать своими разоблачениями.

В настоящее время он указал на агента комитета, приехавшего под именем Безменова из Одессы в Чернигов для получения от него денег на какое-то крупное преступление; розыски производятся, квартира его найдена и вещи арестованы, но самого Безменова пока не удалось задержать; между его вещами найдены векселя, химическая чернила, порошки, склянки с разными составами и машинка для штемпелей.

Дрыга между прочим показал, что он вместе с молодым человеком, фамилию которого он не знает, как это обыкновенно практикуется между революционерами, но уже два раза им виденным, был в Киеве, выбрал винтовку в американском мага-

¹⁾ Там само, с. 14. ²⁾ Там само, с. 15. ³⁾ Там само, с. 7. ⁴⁾ Там само, с. 7.

зине, а также, с тем же лицом упражнялся в стрельбе в лесу, в Городницком уезде. По мнению Дрыги, это лицо теперь уехало для совершения нового политического убийства, намекает даже на государя императора, выстрел предположен из окна винтовкой, заряженной картечью. Безменов будто-бы приезжал за деньгами, необходимыми для приготовления к этому преступлению, тот же неизвестный молодой человек, по мнению Дрыги, и некоторым приметам убийца князя Кропоткина¹⁾. Деньги, необходимые на убийство князя Кропоткина, кажется, 2.000, были даны врачом Буlichem²⁾, жившим в Черниговском уезде, ныне выехавшем и известным 3-му Отделению, а затем Буличу были возвращены самим Дрыгой из денег Дмитрия Лизогуба. Всю ночь будут розыски и обыски у некоторых лиц, завтра буду телеграфировать. Не зная точно адреса графа Лорис-Меликова³⁾, прошу в.в. поставить его в известность о всем вышеизложенном⁴⁾.

2. Петербург. Министру в. д. 19-го июля (1879 р.).

Сегодня обнаружилось, что Безменов, догадавшись об измене Дрыги, во вчерашнюю ночь выехал из Чернигова в еврейской балагуле, извозчик вернулся и показал, что был нанят за 8 рублей до Городни, я телеграфировал в Харьков, Киев и Одессу с подробными приметам, также в Тульскую городскую управу, откуда выдан билет на имя почетного гражданина Безменова. Кроме того, сегодня в ночь в Одессу отправлены сыскной агент Флавицкий и еврей купец Марголин, ехавший вместе с Безменовым в дилижансе из Киева, надеются найти его в Одессе. По мнению Флавицкого, опытного в деле розыска революционеров, судя по приметам и арестованным вещам Безменов должен быть товарищем Фомина и убийца жандарма в Харькове, при попытке освобождения Войнаральского. По показанию купца Марголина в первый приезд Безменова в Чернигов, 14 мая с ним ехал из Киева в дилижансе остерский предводитель дворянства Александрович⁵⁾, личность весьма сомнительная; они были знакомы ранее того, много говорили между собою и были страшно взволнованы исполненной в этот день казнью революционеров в Киеве⁶⁾. Между прочими признаниями Дрыга заявил мне, что Вербицкий⁷⁾, о котором я телеграфировал Вам 3 апреля, действительно передал заграничный паспорт другому лицу и когда, заподозрив это, я стал его разыскивать, он был перевезен тайным кружком за границу с подложным паспортом, а вернулся со своим, но на границе не был арестован, не смотря на мое циркулярное предложение всем пограничным жандармским управлениям. По распоряжению моему арестованы из находящихся в Чернигове под присмотром полиции бывший студент Мокиевский-Зубок⁸⁾ и учитель Тринитатский⁹⁾, у которых бывал Безменов ранее доноса Дрыги. Дрыгу же я обязал представить залог в 4.000 рублей. До внесения залога он заключен в тюремный замок¹⁰⁾, но выпускается в сопровождении стражи для приискания залога и для допроса. При обыске у Дрыги найдены: вексель в 800 р. на имя одесского мещанина Вайнера¹¹⁾, который, по его словам, состоит агентом «Земли и Воли», найдены также: почтовая росписка на имя Евгения Корша в Петербурге и адреса—Литейная, дом № 13, квартира 20, Константин Петрович Ковальков или Ковальский. Угол Надеждинской и Малой Италианской—Михаил Николаевич Буткевич. Дрыга настоятельно просит о дозволении приехать в Петербург для дальнейших

1) Князь Кропоткин, харківський губернатор, вбитий у Харкові 9 лютого 1879 року.

2) Олександр Петрович Булич, земський лікар спершу Чернігівського, а потім Ніженського повіту.

3) Харківський генерал-губернатор. 4) Справа канц. черніг. губ. 1879, № 277, а. 4.

5) Митрофан Миколаєвич Олександрович, співробітник «Основи» та «Черниговского Листка» (літературний псевдонім «Митро Омелькович»).

6) У цей день, 14 травня 1879 р., у Києві покарано на горло Л. Брандтнера, Антонова-Свириденка та Валеріяна Осинського за озброєний опір в Києві з 11 лютого 1879 року.

7) Альвіан Андрійович Вербицький-Антіохов, рідний брат Миколи Вербицького («Миколайчика Білокопитого»).

8) Степан Васильович Мокієвський-Зубок, учасник процесу 193-х.

9) Павло Годосович Тринітатський, спершу вчитель самарської повітової школи; потім, з січня міс. 1878 р. до 13 квітня того ж року, учитель земської початкової школи в с. Пакулі Чернігівського повіту; 13 квітня 1878 р. його звільнено з цієї посади, як особу, що перебуває під поліційним доглядом через участь у протиурядовій пропаганді.

Підчас зради В. Дриги Тринітатський обіймав посаду в повітовій земській управі в Чернігові.

10) Коли Дригу ув'язнили, він вдавня до чернігівського губернатора з такою запискою: «Я протестую против ареста. Я заявляю это для того, что если потом я ничего полезного правительству не сделаю, то виноваты будете вы. Лучше обяжите меня невыездом. С одной стороны по моему это портит дело а с другой—я оскорбляюсь отказом в неисполнении моей просьбы» (там-же, а. 10).

11) Псевдонім терориста Зунделевича, що брав участь у виданні журналу «Земля и Воля».

разоблачений, которые хочет сделать Вам или генерал-адъютанту Дрентельну, настаивая на необходимости сделать это скорее, намекает на возможность какого-то события, предсказывает открытие нового тайного издания в Одессе. Я считаю, что важнейшие открытия он приберегает для Петербурга, дабы заслужить прощение. Считаю полезным его сейчас выписать. Прошу ответа и указаний. По распоряжению моему письма четверем замешанным в этом деле лицам будут задержаны на почте, прошу утвердить это распоряжение, принятое на мою личную ответственность, также как и аресты. Телеграмма эта, написанная 18, за поздним временем не могла быть дошифрована, посылается утром»¹⁾.

3. Петербург. Министру в. д. 20 июля 1879. Неизвестного молодого человека Дрыга видел в первый раз в Киеве в октябре, затем после убийства князя Кропоткина видел его в Черниговском уезде в Плехове, откуда он куда то уехал с живущим на Лесковицах²⁾ извозчиком по имени Барабанщик, которого можно розыскать; бывал он у мирового судьи Варзера³⁾, которого знал хорошо; приметы его 25—28 лет, без бороды, небольшие черные усы, росту порядочного, был студентом, жил два года за границей; зовут, как Тургенева, то-есть Иван Сергеевич, фамилия, кажется, Зубковский. Дрыга повторил еще раз, что после покушения Соловьева⁴⁾ револьвер убийцами революционерами забракован, решено употреблять винтовки по примеру прусского царевубийцы.

Относительно убийства князя Кропоткина между прочими его показаниями меня лично поразило то обстоятельство, что неизвестный молодой человек все повторял: «застрелил бекаса со ступеньки». Дрыга сам не понимает смысла этих слов, но мне известно, что пуля, убившая князя прошла сверху вниз, и в Харькове посвященные в дело следствия лица выражают предположение, что убийца, стреляя, вскочил на ступеньку кареты.

В почтовой конторе остановлено одно письмо на имя Зубка и два на имя мелкого чиновника казенной палаты Булашевича, который, по имеющимся у меня сведениям передает письма агитаторов по назначению. Я его пока не трогал, чтобы не прекращать идущей через него переписки. Разрешите вскрыть. У Тринитатского найдены бланки вологодского жандармского управления и конверт с надписью черниговского губернатора; у Дрыги ключ к шифру, пропасть бумаг, векселей, почтовых росписок и фотографических карточек. Дрыга был привезен ко мне из деревни, а обыск сделан в городской квартире. Жандармский полковник, не имея времени шифровать своему начальству, просит о сообщении шефу всех подробностей дела. Полковник Мерклин⁵⁾ деятельный, неутомимый, целый день на розысках, при нем всегда два жандарма адъютант его только что вернулся с расследования.

Черниговская губерния такое ужасное гнездо агитаторов всех оттенков, что и двойного комплекта жандармских и сыскных чинов было бы недостаточно. Прошу об ассигновании дополнительной сыскной суммы, которая почти вся истрачена. Прошу графа о разрешении моего ходатайства о немедленной приостановке земских статистических изысканий в Нежинском и Борзенском уездах. Прошу разрешения сделать внезапный обыск у Остерского предводителя Александровича вследствие обстоятельств, выраженных во вчерашней телеграмме»⁶⁾.

4. Петербург. Министру в. д. 21 июля 1879. Булич, бывший прежде земским врачом Черниговского уезда и показаниями Дрыга столь серьезно замешанный в последних преступлениях, состоит земским врачом в Веркиевке Нежинского уезда, теперь временно отсутствует. В Веркиевке сидят агенты с подробными инструкциями. Только что послал Вам 6 нераспечатанных писем, предложил начальнику телеграфа временно задерживать телеграммы, адресованные тем же подозрительным лицам. Разрешите с запечатанными телеграммами поступать также, как и с письмами»⁷⁾.

5. 22 июля 1879.

Петербург. Министру в. д. и временному харьковскому генерал-губернатору. Булич пойман⁸⁾.

6. 24 июля.

Петербург. Европейская гостинница. Графу Лорис-Меликову. Наблюдение за Плеховым Черниговского уезда, где жил врач Булич и гостил предполагаемый Зубковский,

¹⁾ Там само, а. а. 13—15.

²⁾ Лісковиця — Передмістя м. Чернігова.

³⁾ Василь Григорович Варзер, мировий суддя м. Чернігова.

⁴⁾ Мова йде про замах Олександра Соловйова на царя Олександра II, що мав місце в обгороді царського палацу 2 квітня 1879 р.

⁵⁾ Начальник чернігівської жандармської управи.

⁶⁾ Там само, а. а. 27—28. ⁷⁾ Там само, а. 35. ⁸⁾ Там само, а. 36.

продолжается. Добыто много сведений. Там две семьи Зубковских: умершего священника и брата его Андрея, дьячка. Дети первого не подходят под приметы молодого человека с черными усиками, упражнявшегося в стрельбе; у дьячка же сын Иван, 23—25 лет, довольно высокий, не живет с отцом, шатается где-то; довольно сходно с приметам, только не брютет и Иван Андреевич, а не Сергеевич. Сегодня ночью Мерклин с агентами едет туда...¹⁾

7. Харьков. Генерал-губернатору. 28 июля 1879.

Полковник Мерклин с агентом вернулся из Плехова, где пробыл три дня; добыты самые подробные сведения о пребывании весной в этой местности молодого человека, упражнявшегося в стрельбе, а также о пребывании там Булича; из одного забора вырезан кусок доски с засевшей в нем пулей; кусок этот послан Вам в Харьков. Сыскной агент Гальский, видевший пулю, убившую князя Кропоткина, считает ее одинакового калибра²⁾.

8. Харьков. Генерал-губернатору. 29 июля.

Вследствие раскрытия Дрыги арестованы Булич в Нежине, Тринитатский и Зубок в Чернигове. Не имея сведений о том, как направлено в Петербурге дело Дрыги, полковник Мерклин затрудняется начатием вместе с прокурорской властью следствия, основанного единственно на разоблачениях Дрыги. У революционеров Дрыга до сих пор считается своим и обстоятельство это столь выгодно для дальнейших услуг Дрыги, что мы не решаемся изменить положение дела. Между тем содержащиеся протестуют, требуя указаний, за что арестованы³⁾.

9. Петербург. Министру внутренних дел⁴⁾.

Дворянин Владимир Дрыга вчера ночью в сопровождении двух жандармов отправлен в Петербург⁵⁾.

Наведені телеграми містять головніші «разоблачення», що їх зробив Дрига в Чернігові, у Петербурзі ж Дрига їх значно поширив, при цьому головніші його покази в стислому вигляді увійшли до відомого «Свода показаний» департаменту поліції («Былое», 1907 р., серпень). Отже характеризуючи далі зраду Дриги, ми крім архівних матеріалів користуємося і «Сводом показаний».

Як ми бачили з поданих вище рапортів чернігівського губернатора, Дрига, перш над усе викрив своє відношення до Дм. Лизогуба та викрив грошовий фонд «Земли и Воли». Приводом для зради був приїзд до Дриги за грошима члена революційного комітета «Земли и Воли» «Безменова», на якого Дрига й зробив доноса. Проте «Безменову» пощастило втекти з Чернігова і його не могли знайти, не дивлячись на приміти його, що їх подав Дрига, та телеграми, надіслані по всіх містах. Не розшифрованим лишилося в «Своде показаний» і дійсне прізвище цього видатного члена партії. За даними журналу «Былое», на сторінках якого було опубліковано «Свод показаний», це був Михайлов Олександр Дмитрієвич, покараний на горло р. 1882⁶⁾.

Дальші викази та «разоблачення» Дриги стосуються до інших членів терористичної партії та «черниговского преступного сообщества», що його, за словами Дриги, викликали до життя Дм. Лизогуб та В. Осинський, і що брало активну участь в організації вбивства харківського губернатора Кропоткіна, яке мало місце в Харкові 9 лютого 1879 р. Викривши «Безменова», Дрига, як ми бачили, зробив вказівки ще на молодого чоловіка, що, за першим виказом Дриги, був за вбивцю харківського губернатора Кропоткіна і звався Зубковським. Як видно з «Свода показаний», жандармерії пощастило розшукати цього молодого чоловіка. Річ у тому, що ще до зради Дриги, а саме в травні р. 1879 жандармерія затримала особу, що спершу назвала себе Олександром Соковичем, потім Іваном Панькеєвим і врешті студентом київського університету Опанасом Андрієвим Зубковським. Після перевірки дійсність останнього прізвища підтвердилася й виявилось, що

¹⁾ Там само, а. 42.

²⁾ Там само, а. 78. ³⁾ Там само, а. 82. ⁴⁾ Телеграма без дати. ⁵⁾ Там само, а. 30.

⁶⁾ „Былое“, 1907, серпень, с. 90.

Оп. Зубковський родом з Миргорода Полт. губ., син священника, і що його в рр. 1876—1877 притягли до політичних справ за протиурядову пропаганду. Отже, після того, як Дрига назвав згаданого молодого чоловіка Зубковським, Дризі було дано фотографічну картку Опанаса Зубковського й Дрига пізнав в ній того самого молодого чоловіка, на якого він зробив доноса. З огляду на це, для переведення дізнання Опанаса Зубковського навіть привозили до Чернігова. Пізніше, під час цього дізнання, Дрига зазначив, що за вбивцю Кропоткіна був не Зубковський, а якийсь варшавський слюсар і що Зубковський лише керував вбивцею та допомагав йому укритися в Чернігівській губернії після вбивства. За словами Дриги, з рекомендації Зубковського, вбивця Кропоткіна, прибувши до Чернігова, переховувався в Чернігові у вчителя Павла Тринітатського, у акушерки Катерини Фронштейн, потім був відвезений Тринітатським до с. Плехова, Чернігівського повіту, до лікаря Олександра Булича й відвезений Буличем до поміщика Комаровського. Правдивість цього факту було стверджено й показами Булича, Комаровського, Фронштейна та Тринітатського. Крім того, було обслідувано в с. Плехові, як ми бачили, і місце, де невідомий практикувався в стрілянині. Пізніше виявилось (див. «Свод показаній»), що цей невідомий був ніхто інший, як Людвіг Кобилянський, близький учасник переведення вбивства Кропоткіна, але не вбивця: його пізнали 12 свідків з 15, що бачили його в Плехові та інш. місцях.

Одночасово з цим Дрига звернув увагу влади й на злочинну діяльність земського лікаря Чернігівського повіту, Ісаака Камінера, в маєтку якого, в с. Паперні, ще р. 1877 ховався якийсь видатний політичний злочинець. Дізнанням було встановлено, що в с. Паперні в Камінерів у літку р. 1877, дійсно, жив якийсь невідомий по імені «Гришка», який видавав себе за вчителя, близько стояв до селянської маси та користувався великим серед неї авторитетом. Пізніше, коли 14 листопада р. 1879, у Єлизаветграді було затримано з великою партією нітрогліцерину Григорія Гольденберга й фотографію його показали свідкам, які знали «Гришку», то вони встановили тотожність «Гришки» і Гольденберга. Це ж саме ствердив пізніше й сам Гольденберг під час своїх «разоблачень», у яких до того ж він визнав, що особисто вбив губернатора Кропоткіна. До цього Дрига додав, що Гольденберг теж приїздив до Чернігова весною р. 1879 і питав, де живе в Чернігові акушерка Фронштейн.¹⁾

Таким чином, завдяки зраді Дриги виявлено було головних організаторів та безпосередніх виконавців вбивства Кропоткіна: Гольденберга, Кобилянського та Зубковського, виявлено було й ступінь участі в здійсненні цього терористичного акту й чернігівської громади, що переховувала в себе цих терористів та збирала, гроші на переведення замахів та пропаганду. З інших видатних партійних діячів «Земли и Воли» показаннями Дриги та Гольденберга було зраджено Зунделевича, який брав участь у виданні журналу «Земля и Воля» та був причетний до цілої низки терористичних актів і якого Дрига знав під прізвиськом «Вайнер», та інш.

До великого реєстру Чернігівців та інших осіб, зраджених Дригою та причетних до справи «чернігівського преступного союзу», входять між іншими такі Чернігівці:

Лікар Олександр Булич, що, за словами Дриги, дав на організацію вбивства губернатора Кропоткіна 2000 карбованців, а також 300 карбованців передав Опанасу Зубковському на переведення пропаганди²⁾, та переховував у себе Людвіга Кобилянського; лікар Ісаак Камінер, у

¹⁾ Справа таємного столу канц. черн. губернатора „О политической неблагонадежности акушерки Екатерины Фронштейн“, 1880 р., № 363, а. 13.

²⁾ Справа канцелярії черніг. губернатора, таємного столу, № 806 з 1882 р., а. 16.

якого переховувався Григорій Гольденберг; лікар Олександр Волькенштейн (учасник процесу 193-х), що брав участь у революційній роботі в м. Києві та «как денежный человек имел в революционной среде решающее значение»¹⁾; Людмила Волькенштейн (дружина лікаря), яка, підчас організації вбивства Кропоткіна, разом з Гольденбергом, Кобилянським та Зубковським організувала в Харкові конспіративну квартиру, узявши на себе ролю господарки цієї квартири²⁾; акушерка Катерина Фронштейн, що переховувала в себе Кобилянського та була знайома з Гольденбергом; Степан Мокієвський-Зубок, у якого бував «Безменов»; Павло Тринітатський, у якого бував «Безменов», і який переховував Кобилянського; Олександр Павлович Карпинський, директор чернігівського міського банку, що, за словами Дриги, «находился в близких отношениях с революционным деятелем Лизогубом, вследствие чего векселя последнего на значительную сумму хранились частным образом, вопреки правилам устава, в кассе черниговского городского банка»³⁾; мировий суддя Василь Григорович Варзер, у якого «при обыске в 1879 году, произведенном по поводу проживавшего в его квартире Афанасия Зубковского, приехавшего в Чернигов для сбора денег на убийство князя Кропоткина, отобранные были переведенные им с франц. и немец. языка стихи, характеризующие направление его с неблагоприятной стороны; причем обнаружено, что Зубковский в квартире Варзера получил 300 рублей от врача Булича на пропаганду»⁴⁾; Олександра Варзер (дружина

¹⁾ „Свод показаний...“ („Былое“, 1907 р., серпень. с. 98). ²⁾ Там само, с. 94.

³⁾ Там само, с. 97. Крім цього, цікаві відомості за Олександра Карпинського знаходимо в справі канцелярії черніг. губернатора «об учреждении наблюдения полиции за титулярным советником Александром Карпинским» (таємний стіл, 1881 р., № 556). В справі цій є така «справка» петербурзького градоначальника за діяльність О. Карпинського, з 29 липня 1881 р. «В конце 1876 года», зазначено тут, «получены были сведения, что некоторые земские деятели Черниговской губернии оказывают вредное влияние на ход народного образования, стараясь дать ему направление, несогласное с задачею преследуемого правительством, и что в числе таких деятелей особенно обращал на себя внимание член от земства в черниговском губернском училищном совете, бывший врач, председатель губернской земской управы, директор городского банка и управляющий отделением общества взаимного кредита и других общественных учреждений Александр Павлов Карпинский, который кроме того во время бывшего в Чернигове обеда студентов киевского университета, предложил вместе с другими подписку на стипендию эмигранта Драгоманова, при чем собрано было до 300 руб., а Драгоманову послана сочувственная телеграмма. Вследствие сего по соглашению с министром народного просвещения на удаление Карпинского от должности председателя училищного совета, которую он в то время занимал, было испрошено высочайшее повеление, а затем, по распоряжению бывшего 3-го отделения СПб. е. и. в. канцелярии, учрежден за ним в месте его жительства г. Чернигове негласный надзор полиции. Еще о Карпинском имеются следующие сведения: в 1878 году начальник черниг. губ. жанд. управления донес, что на бывшем 23 января очередном губернском земском собрании было решено поднести государю императору поздравительный адрес по случаю заключения перемирия, с присовокуплением в нем ходатайства о помиловании политических преступников, осужденных в 1877 году, хотя адрес в этом смысле и был отклонен, тем не менее составление его приписывалось Петрункевичу и Карпинскому. В феврале или марте 1879 г. дворянином Альвианом Вербицким был взят от черниговского губернатора заграничный паспорт, которым, по полученному указанию воспользовался Карпинский, передав таковой другому лицу, а Вербицкий неизвестно куда скрылся.

В декабре того же года начальник чернигов. губ. жанд. упр. представил докладную записку, поданную ему отставным писарем Григорьевым, служившим у Карпинского, в которой указывалось, что Карпинский с некоторого времени действует в антиправительственном направлении, распространяет вредные слухи между крестьянами в Сосницком и Борзенском уездах, беседуя с ними часто у себя в квартире; наконец, указывалось, что Карпинский отвез в Киев деньги для каких то подозрительных целей. Карпинский привлечен к возникшему в черниговском губернском жандармском управлении в июле 1879 года и производившемуся в порядке временных правил 1 сентября 1878 г. дознание о преступном сообществе в Черниговской губернии».

⁴⁾ Справа таємного столу канцелярії черніг. губернатора „О собрании сведений о статистической части при земствах“, 1882 р. № 806, а. 16.

В. Варзера), що «играла еще более видную роль в революционной деятельности»¹⁾; Альвіан Вербицький-Антіохов, який передав свій закордонний паспорт іншій особі; Митрофан Олександрович, що був особисто знайомий з «Безменовим»; Федір Лихачев (з с. Плехова), у маєтку дружини якого жив Кобилянський; серед інших осіб згадується ще Миколу Константиновича (спершу вчитель у черніг. гімназії, потім службовець міського банку), земця Петра Червинського та багатьох інших.

Мусимо додати, що «разоблачення» Дриги не обмежилися лише «преступным сообществом в Черниговской губернии»: як видно з «Свода показаний», він зрадив і революційну організацію, що працювала в Тамбовській, Воронежській та Самарській губернях, тощо.

Щодо справи про чернігівське «преступное сообщество», то її було закінчено адміністративним порядком харківським генерал-губернатором у вересні місяці 1880 р., при чому більшість Чернігівців, причетних до неї, підпало під поліційний догляд, за винятком, звичайно, тих, що більше себе скомпромітували (наприклад, лікар Булич та інші) і підлягали суду.

Щодо самого В. Дриги, то надіям його на «помилование» та на майно Д. Лизогуба не судилося здійснитися, хоч спершу, здавалося, що справа йде на добре. Так, у серпні міс. 1879 року, з розпорядження III відділу, за Дригою лише встановили догляд поліції, залишивши його на волі, бо на думку III відділу

по рассмотрению показаний и словесных объяснений, данных доставленным в 3 отделение арестованным черниговским дворянином Дригой, хотя и представляется несомненным принадлежность его к революционному обществу, тем не менее, в виду недостатка данных для привлечения его к суду, признано необходимым возвратить его в Чернигов с тем, чтобы он, впредь до дальнейшего о нем распоряжения, был водворен в место его жительства, с учреждением надзора полиции...²⁾

1-го ж серпня наступного 1880 року Дригу було заарештовано й знов відправлено до 3 відділу³⁾, де пізніше було «лишено всех прав состояния» і заслано «в Западную Сибирь», при чому перед висилкою було в нього відібрано векселів на суму 19.279 карб. 25 коп., що їх хотів Дрига передати своїй сестрі, Варварі Дризі. Векселі ці потрапили до городнянської дворянської опіки, з розпорядження III відділу⁴⁾.

Нарешті відмітимо, що в справі про чернігівське «преступное сообщество» насамперед відбито «разоблачення» Дриги й лише другорядне місце відіграє нелегальна література, знайдена при трусах тощо. Проте до справи цієї приєднано одного цікавого рукопису, написаного густими рядками, атраментом, без заголовку, що починається словами: «Вы выслушали, гг. судьи...» і являє промову якогось революціонера Ждановича на судовому процесі. Рукопис цей було витрушено в студента київського університету Якова Рабіновича в Чернігові, в липні р. 1879, який одержав його від колишн. черніг. гімназистки Ганни Туриної⁵⁾. Копію рукопису, дуже характерного для революційного руху 70-х рр., подаємо в додаткові. Пізніше ми з'ясували, що цей рукопис являє собою промову учасника «процесу 50-х» Здановича (у рукописові прізвище його помилково названо «Жданович») перед сенатським судом р. 1877⁶⁾, і був надрукований у нелегальному часопису

¹⁾ «Свод показаний»... («Былое», 1907 р., серпень, с. 97).

²⁾ Справа таємного столу канцелярії черніг. губернатора «Об учреждении над дворянином Дригой полицейского надзора». 1879 р., № 215, а. 3. ³⁾ Там само, арк. 1.

⁴⁾ Справа таємного столу канцелярії чернігівського губернатора «по ходатайству В. Дриги о возвращении ему документов...». 1881 р., № 524, а. а. 1, 3 та 4.

⁵⁾ Справа таємного столу канцелярії чернігівського губернатора «О прест. сообществе в Черниговской губ.», 1879, № 277, а. 58.

⁶⁾ Див. Джабадари «Процесс 50-ти», «Былое», 1907 р., сс. VIII—X.

«Вперед» та передрукований у «матеріалах» з рев. руху Богучарським. Проте факт розповсюдження цієї промови в рукописному вигляді серед Чернігівців сам по собі остільки цікавий, що ми дозволимо собі ще раз нагадати читачеві текст цього документу.

III.

У тісному зв'язку з справою про чернігівське «преступное сообщество», що виникає завдяки зраді В. Дриги, стоїть справа про знайдену в Чернігові 17 травня 1880 року під инбаром домовласниці Лайко нелегальну літературу, до якої було притягнуто акушерку Катерину Фронштейн, уже відому нам з попередньої справи (справа таємного столу канцелярії чернігівського губернатора «О политической неблагонадежности акушерки Екатерины Фронштейн», 1880 р., № 363).

Обставини справи видно з рапорту чернігівського поліціймейстра до чернігівського губернатора.

Вчера 17 мая в 6 часов вечера, назначено в рапорте: «домовладелица вдова титулярного советника Александра Семеновна Лайко, живущая на Николаевской улице, заявила приставу 2-й части, что под амбаром в ее дворе найдена ею связка книг, вследствие чего пристав прибыл на место, где по осмотру книги эти оказались большею частью печатанные за границей и в вольной пегербургской типографии на русском и малорусском языке, революционного содержания, кроме книг, в связке находились брошюры и прокламации такого же содержания и номера газет «Земля и Воля», «Народная Воля» и «Вперед»¹⁾).

Зазначивши далі, що в'язку з літературою надіслано при належному протоколі до начальника черніг. жандарської управи, поліціймейстер подає такий реєстр знайденої літератури:

— Опись книгам, газетам и разным бумагам, найденным под амбаром вдовы титулярного советника Александры Семеновой Лайко.

№ по порядку	Название книг, газет и прочих бумаг.
1	По поводу Самарского голода. Второе издание. Лондон. Издание журнала „Вперед“, 1874 г.
2	Что делать? Из рассказов о новых людях (Посвящается моему другу О. С. Ч.).
3	Современник, кн. 4-я, 1863 г.
4	Народні школи на Україні, Драгоманова, 1877 г.
5	Капитал и труд. Фердинанда Ляссаля, Женева, 1875 г.
6	Очерки фабричной жизни. Соч. А. Голицынского, 1873 г.
7	Сила солому ломит. Рассказы из быта Сибирских крестьян, Н. И. Наумов, 1874 г.
8	История великой французской революции Луи Блана. Том I. Перевод с французского Антоновича. Изд. Полякова, 1871 г.
9	Новые основания судопроизводства.
10	Гражданская война во Франции.
11	Современник, 1863 г. кн. 5-я.
12	Современник, 1859 г., кн. 5-я.
13	Громада. Українська збірка, № 1 і 3-й, 1878 г.
14	Вперед. Непериодическое обозрение т. V, 1877 г.
15	Славянский вопрос, 1876 г.
16	Заживо погребенные. 1878 г. (два экземпляра).
17	Парова машина. Казка. Коштом і заходом В. Кісткі. 1875 г.
18	Правда. Оповідання. Соч. Кісткі. 1875 г.
19	Про Бідність. Розмова перва. Соч. Кісткі, 1875 г.
20	Дедушка Егор (рассказ), 1872 г.
21	Народные чтения в соляном городке. Рассказы бывшего человека, 1875 г.
22	Наука и насущное революционное дело. Михаила Бакунина. Выпуск 1-й.
23	О том, что такое голод и как себя предохранить от губительных его последствий. Соч. Ф. Р. (с тремя картинками), 1876 г.

¹⁾ Справа таємного столу канцелярії черніг. губернатора „О политической неблагонадежности акушерки Екатерины Фронштейн“, 1880 р. № 363, а. 1.

№ по порядку	Название книг, газет и прочих бумаг.
24	Про богатство та бідність. Розмова перва, 1876 г.
25	Сказка о четырех братьях и об их приключениях. Издание 2-е, 1868 г.
26	Похождения кахетинцев. Изд. второе, 1875 г.
27	Тюремные видения. Стихотворение.
28	Убийство шефа-жандармов генерал-адъютанта Мезенцева, 1878 г.
29	Речь И. Н. Мышкина, произнесенная им перед особым присутствием правительствующего сената, 15 ноября 1877 г.
30	Ответ Черниговского земства на правительственное воззвание. Русская вольная типография, 1879 г.
31	Страдание великого учителя господа и спасителя нашего Иисуса Христа. 1878 г.
32	Выигрыши последней войны. Соч. М. Драгоманова, 1878 г.
33	Письма без адреса. Неизданные статьи Н. Г. Чернышевского. Издание журнала „Вперед“, 1874 г.
34	Пролог. Роман из начала шестидесятых годов. Часть I. Пролог Пролога. „Вперед“ (27), 1877 г.
35	Община и Государство. Две статьи Чернышевского с предисловием издателей. Изд. журнала „Набат“, Женева, 1877 г.
36	По поводу Самарского голода. Второе издание, 1874 г.
37	Собрание стихотворений „У гроба“. Посвящается поразившему Мезенцева. В двух экземплярах.
38	Русские отцы и матери, 1877 г.
39	Речь И. Н. Мышкина, произнесенная им перед особым присутствием правительствующего Сената, 15 ноября 1877 г.
40	Покушение на жизнь Трепова, 1878 г. В двух экземплярах.
41	Речь Петра Алексея, одного из осужденных по процессу 50 социалистов, 1878 г. В двух экземплярах.
42	Убийство Мезенцева, 1878 г. Три экземпляра.
43	Русской социально-революционной молодежи. По вопросу брошюры: Задачи революционной пропаганды в России, 1874 г.
44	Про те, як наша земля стала не наша, 1877 г.
45	Про хліборобство. Два екземпляра.
46	Артель рабочих для основания фабрик и мастерских, 1862 г.
47	Записки декабристов. Вольная русская типография, 1863 г.
48	Статьи из „Современника“.
49	Заживо погребенные.
50	Газеты, книжки без заглавия, отрывки стихотворений и рукописи.
51	Утиральник с меткою и кусок парусины.

Опись составлял пристав 2 части Павловский.

При сем присутствовали коллежский секретарь Иван Перевозников и губернский секретарь Михаил Иванов:

Верно: Полициймейстер А. Берг¹⁾.

Серед згаданої літератури звертають на себе особливу увагу проклямації та відозви виконавчого комітету «Земли и Воли», присвячені терористичним актам та замахам («Убийство шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцева», «Покушение на жизнь Трепова»), промовам видатних членів партії («Речь И. Н. Мышкина», «Речь Петра Алексея») та такий красномовний документ, як «Заживо погребенные», що своєю появою відразу ж викликав вбивство харківського губернатора Кропоткіна²⁾, та інш. Крім цього цікаво відзначити й самий факт поширення цієї останньої проклямації у м. Чернігові, де, як видно з попереднього розділу, через зраду Дриги було викрито ціле «преступное сообщество», що брало участь в організації саме вбивства Кропоткіна. Не можна обминути й «Ответа Черниговского земства на правительственное воззвание» (1879 р.), складеного,

¹⁾ Там само, арк. 2.

²⁾ Стеблін-Каменський у нарисі „Г. Попко“ між іншим зазначає: „Участь Кропоткіна была решена сейчас же после получения из централки „Заживо-погребенных“, и дело было-бы выполнено непременно и без Гольденберга“ („Былое“, 1907 р., травень, с. 194).

як відомо, земцем І. І. Петрункевичем, висланим саме через це з Чернігівської губернії р. 1879¹⁾). Значний відсоток у згаданій збірці становить і література українською мовою, яку зазначено під черговими числами 4, 13, 17, 18, 19, 24, 44, та 45.

Загальну характеристику знайденої літератури подає чернігівський губернатор у шифрованій телеграмі до харківського генерал-губернатора та до міністра внутрішніх справ, де зазначає, що у в'язці.

оказалось до 50 книг запрещенных или же явно преступного содержания, а также всевозможные тайные периодические издания, брошюры, прокламации и объявления исполнительного революционного комитета; некоторых изданий, как то «Ответ черниговских земцев на правительственное сообщение»²⁾, «Заживо погребенные», «Убийство генерал-адъютанта Мезенцева» и другие по несколько экземпляров» і що «замечательная полнота этой коллекции указывает на долговременное, тщательное собиране и подбор возмутительных сочинений или же на постоянные сношения с центром революционного движения в России. Ветхость же самых изданий доказывает, что они читались много и ходили по рукам»³⁾.

Дізнанням було встановлено, що 14 травня 1880 р. у будинкові Лайко, у садибі якої було знайдено літературу 17 травня того ж року, оселилася акушерка Фронштейн, але певного зв'язку поміж переїздом Фронштейн і нахідкою літератури спершу не було виявлено. Пізніше ж, через провокаційні викази знайомого Фронштейн, колишн. гімназиста Митрофана Косменка, провину Фронштейн було доказано; Фронштейн притягнуто до справи та ув'язнено. Треба зазначити, що М. Косменко подав відомості не тільки за нелегальну діяльність Фронштейн, але зробив указівки й на існування цілого гуртка знайомих Фронштейн, серед якого поширювалося знайдена нелегальна література.

...«Косменко», зазначено в рапорті начальника чернігівської жандарської управи до III Відділу⁴⁾—«спрошений показал: 12 мая (1880 р.) он и народный учитель Захарий Крестинский встретили знакомую им акушерку Фронштейн, которая просила помочь ей отыскать квартиру, и нашел таковую в д. Лайко, они втроем, возвращаясь на квартиру, занимаемую Фронштейн в д. Савченко-Бельской на Лесковице, имели разговор о краже в Херсонском казначействе, при чем Крестинский, не оправдывая поступка Юрковского, заметил, что он вероятно не руководился никакой программой, вследствие чего Фронштейн спросила Крестинского, знает ли он программу социалистов, на что последовал ответ: «Нет», а если можно, достаньте мне ее». Тогда Фронштейн обещала достать и, поравнявшись с квартирой присяжн. поверенного Линдфорса, попросила спутников обождать, говоря, что зайдет и возьмет программу, и затем по выходе передала Крестинскому при словах: «вот та программа», два мелким почерком исписанные листа, которые она, как объяснила, взяла в квартировавшей у Линдфорса б. библиотекарши Екатерины Савиной. 2) Затем с Крестинским разошлись, и придя домой, Фронштейн просила Косменко помочь ей перевезти вещи, что и было исполнено 14 мая в 7 час. вечера, при чем, отодвигая комод для выноса из квартиры на подводу, Фронштейн достала 2 книги, как показалось Косменке, из-под или из-за комода, просила их уложить на повозку, из которой по прибытии с возом на квартиру Лайко, Косменко их вынимал и положил в комнате в корзину, которые он ныне признает весьма схожими с предъявленными ему из находки книгами: «История великой франц. революции» и «Народные школы на Украине». 3) По выносе вещей с воза в комнаты, вскоре пришли: Фронштейн, воспитанник VI класса Черниговской гимназии Моисей Шлепянов и освобожденный из под стражи мещанин Меер Коган, с которыми там же пил чай, и перед уходом в 11 часов, Коган с Фронштейн вышли в другую комнату и о чем то говорили; 4) что один из узлов, из перевозимых им вещей Фронштейн, был тяжелее других, имел объем меньше кубического аршина, внизу шире, а вверху уже и в нем замечено было что-то твердое, упакованное; 5) посещая нередко Фронштейн, во время квартирования ее в д. Савченковых, что вблизи д. Вербицкой, где он Косменко квартировал, видел у нее брошюру в зеленой обложке «Ответ Черниговского земства», сложенную вдоль пополам, такую как ему представляли из находки, почему полагает, что это та самая, которую видел у Фронштейн, а также видел того же содержания бро-

1) Див. И. П. Белокопский, — Земское движение, Москва, 1914, сс. 14—15.

2) Помилково замість: «Ответ Черниговского земства на правительственное воззвание».

3) Справа таємного столу канцелярії черніг. губернатора «О политической неблагонадежности акушерки Екатерины Фронштейн», 1880 р., № 363, а. 7.

4) Там само, арк. 9—14.

шюру рукописью; 6) брошюру «Что делать», такую как пред'являли из находки, видел у гимназиста Антона Беловесского, квартировавшего в 1878 году у Вербицкой; 7) брошюру «Что такое голод», схожую с пред'явленной видел у гимназиста Алексея Соколовского, квартировавшего в 1878 году тоже у Вербицкой; 8) что у квартировавших в 1878 году у Вербицкой Беловесского и гимназиста, ныне студента киевского университета Александра Лестовнича, видел у первого книжку «Сказку о копейке», которую Беловесский читал какому-то солдату Остерского уезда, ныне уволенному, по имени Андрею, бывшему на «ты» с Беловесским»; 9) у Фронштейн видел 2-й номер журнала «Народная Воля», который читался вслух б. студ. киев. университета Александром Вербицким¹⁾ в квартире дворянина Дриги²⁾ на Лесковице, при чем находились: сестра Косменки Ефросиния, б. ученица С.-Петербург. общины св. Георгия—Барышпольская, сестра Дриги, сам Дрига, Савченковы—Александр и Яков и чиновник Булашевич³⁾, и что пред'явленный номер есть тот самый, который видел он потом у гимназиста Страдомского, дававшего ему, Косменко, читать в общественной библиотеке, и по прочтении этого номера, он показывал его, бывши у Дриги, сестре его Варваре; что 2-й номер этот «Народной Воли» хорошо помнит, так как на нем, как и у пред'явленного, имеется дыра на последней 40-й странице после слов двадцать четыре часа»; 10) что Страдомский этот самый номер доставал от гимназистов Рекса и Лисенки, а также гимназисток Григорович и Сербинович, у первой из них лица эти сходились по субботам для чтения; 11) брошюру «Что делать» Фронштейн просила его, Косменко, сказать Шлепянову, чтобы последний ее доставал от б. гимназистки Анны Туриной⁴⁾; 12) брошюру-стихотворение «У гроба» видел у гимназиста Страдомского; 13) «Речь Петра Алексева» видел у бывш. студента харьковского ветеринарного института Иосифа Журавского; 14) «Славянский вопрос» видел у б. студ. киев. университета Василия Шихуцкого, который приносил брошюру эту к приезжавшему в прошлом году из Рязани учителю тамошней гимназии Николаю Вербицкому, мужу упоминаемой выше Вербицкой; 15) что в квартире Журавского видел карточку Засулич; 16) журнал «Земля и Воля» видел в прошлом году у гимназистов Николая Рекса и Сергея Лисенко; 17) «Современник» в таком же переплете видел у Барышпольской; 18) что рукопись на стр. 8, 9, 27 по 34 имеет большое сходство с почерком Александра Вербицкого; 19) что пред'явленный 1-й номер «Народной Воли» тот самый, который видел у Страдомского; 20) что во время проживания Фронштейн у Савченковых читался ею, Фронштейн, однажды вслух «Ответ Черниговского Земства», при чем находились учителя Еременко и Алексей Шустов, Барышпольская, Тринитатская⁵⁾ и чиновник Митрофан Зубок-Мокиевский, а другой раз у нее же читалась «Народная Воля»; и 21) что в комнате архива земской управы, в которой занимается Шлепянов, на полке, где дела стоят, находятся запрещенные книги: «Что делать», «Самарский голод» и «Вперед».

І хоч свідчень Косменка крім Лістовничого ніхто не ствердив (за цілком логічним припущенням начальника черніг. жандарської управи, саме через те, що свідкам, у разі ствердження виказів Косменка, прийшлося б самим опинитися на лаві обвинувачених), проте жандарська управа визнала, що «показание его (Косменка) представляется вполне заслуживающим доверия, тем более, что оно дано добровольно с целью изгладить свое прошлое и тем заслужить помилование к возможности продолжать свою воспитательную карьеру...»⁶⁾, і на ствердження виказів Косменки ще й від себе подала характеристику Фронштейн та інших осіб, згаданих Косменком.

«Предписанием управляющего 3 Отделением соб. е. и. в. канцелярии от 11 декабря б. 1878 г.», зазначає тут начальник черніг. жанд. управи, «давалось знать моему предместнику, что одно из лиц, отправившееся из С.-Петербурга в Чернигов с произведениями тайной типографии, встретят: акушерка Фронштейн, Александр Вербицкий, чиновник Крутиков и Дрига, и у одного из них оно будет скрываться. 2) В деле произведенном мною, о преступном сообществе в г. Чернигове, обнаружено, что у Фронштейн ночевал после случившегося в Харькове убийства князя Кропоткина, дворянин Кобылянский, при ея же помощи тот же Кобылянский, возвращаясь из Плехова от врача Булича, имел свидание с последним, а равно до того, по показанию служанки Гарусовой, бывал у ней Афанасий Зубковский. 3) Из секретных сообщений дворянина Дриги мне известно, что Гольденберг, прибыв весной 1879 года в г. Чернигов, спрашивал квартиру

1) Рідний брат Миколи Вербицького.

2) Володимир Дрига, відомий з попереднього розділу.

3) Відомий з попереднього розділу.

4) Згадується в попередньому розділі.

5) Там само.

6) Справа тавмного столу канцелярії черніг. губернатора «О политической неблагонадежности акушерки Екатерины Фронштейн», 1880 р., № 363, арк. 12.

акушерки Фронштейн. 4) Из агентурных сведений я осведомился, что Фронштейн была на «ты» с дворянином Степаном Зубко-Мокневским¹⁾, уехавши весною в Сибирь, и от него получала, в случаях надобности, деньги. 5) Из доставленных черниговскою полициею сведений, мне известно, что у ней в зиму 1878—1879 г. бывали сходки, в которых участвовали лица, заподозренные, симпатизирующие целям пропаганды. 6) Из личных наблюдений, что она в самой близкой дружбе с сестрами розыскиваемого Николая Колодкевича²⁾, у которых и ныне проживает в м. Седневе³⁾, и вообще была исключительно знакома со всеми в Чернигове лицами, возбуждающими подозрение в несочувствии правительству, и, наконец, 7) сам Дрига, в келейном разговоре мне сознался, что у него однажды великим постом сего года⁴⁾ читался номер журнала «Земля и Воля», который принесла Барышпольская или кто-то⁵⁾.

Далі начальник жандар. управи звертає особливу увагу на родину Вербицьких, що жили в передмісті Чернігова «Лісковиці», та на інших «Лісковичан».

«Александр Вербицкий», продовжує нач. жандар. управи, «известный из донесения моего от 30 апреля 1880 г., за № 809, квартировал в Киеве с упоминаемыми на стр. 24 «Свода указаний, данных некотор. из арест. по делам о госуд. преступл.», с Забора, Крикливым, и Шаболтаевым. Брат его Николай Вербицкий, учитель рязанской гимназии, почему то лет 5-ть тому назад перевелся из черниговской в рязанскую гимназию⁶⁾, женат на сестре высланного сюда из г. Харькова земского врача Ивана Рашевского, и в доме жены его, проживающей постоянно в г. Чернигове, на Лесковице, всегда квартировали лица, пропагандирующие, так что местность, где находится дом Вербицкой, этим уже получила некоторую известность, и в этой именно местности проживали и проживают—Савченко-Бельские, сестра Косменко, Александр Вербицкий, Булашевич, врач Рашевский, акушерка Фронштейн, Тринитатская, Беловесский, Соколовский, Дрига⁷⁾, который в одном из писем к казненному Дмитрию Лизогубу, отобранному у Осинского⁸⁾, жителей этой местности называет: «мой лесковчане»⁹⁾.

Чим скінчилася справа Фронштейн з паперів канцелярії черніг. губернатора не видно. Відомо лише, що справа тяглася довго й що р. 1883 Фронштейн залишила Чернігівщину, не дочекавшись присуду. А проте ясно, що знайдена збірка нелегальної літератури була не лише власністю однієї Фронштейн, але тієї організації, яку жандарі назвали чернігівським «преступным сообществом».

1) Степан Зубок-Мокієвський, згаданий у попередньому розділі.

2) Микола Колодкевич, відомий серед харківських соціалістів під ім'ям «Кота-Мурлики». Притягається до політичних справ у Києві, де й був ув'язнений. Під заставу в 1000 карб. був звільнений з в'язниці «на поручительство» своєї сестри Ульяни, мешканки м. Седнева, Черніг. повіту. Наприкінці р. 1878 кудись укрится й через це був розшукуваний поліцією. За відомостями начальника черніг. жандарської управи «Ульяна Колодкевич та із сестер, которая внесла 1000 рублей за брата своего Николая и тем предоставила ему возможность скрыться, деньги же были не ее, а давались Дмитрием Лизогубом». (Справа таємного столу канц. черніг. губернатора «О наблюдении за некоторыми лицами, проживающими в м. Седневе Черниг. у.», 1880 р., № 404). Разом з Ульяною Колодкевич жила в Седневі й її сестра Марія Колодкевич.

3) У цей час Фронштейн уже було звільнено з в'язниці й вона мешкала в Седневі під поліційним доглядом.

4) Це було вже р. 1880, після зради Дриги.

5) Справа таємн. столу канц. черніг. губернатора, 1880 р., № 363, арк. 12—13.

6) Був переведений до Рязані за українофільство.

7) Це все особи, про яких згадується в виказах Косменка.

8) Валеріян Осинський, покараний на горло в Києві 14 травня 1879 р.

9) Там само, арк. 14.

Додаток.

Промова Здановича на процесі 50-т'ях, р. 1877 ¹⁾.

Вы выслушали, гг. судьи, обвинение, выслушали защиту, выслушайте теперь одного из тех, к которым, по уверению обвинения, следует отнестись с порицанием, а по уверению защиты, по крайней мере, некоторых защитников—с сожалением. С сожалением! Я не знаю, нуждаемся ли мы, вообще все подсудимые в чьем бы то ни было сожалении: но что касается до меня, то я скорее соглашусь, чтобы ко мне отнеслись с порицанием, чем с сожалением. Не надо сожаления: оно оскорбительно! Один древний философ, если не ошибаюсь—Демокрит, говорил: «смейтесь надо мной, но не жалейте меня!»

Защита моя будет коротка, я не стану говорить много; я совершенно отбрасываю фактическую сторону, хотя и мог бы кое-что сказать в свою пользу. Я мог бы обратить ваше внимание на то обстоятельство, что в Кишиневе ни в одной гостиннице меня не признали, не признал меня также весовщик и кассир на Кишиневской железн. дороге, добавив, что они всегда узнают то лицо, которое отправило книги. Но я все это опускаю, пропускаю мимо; мне, быть может, приходится говорить сегодня последний раз в жизни, и это дает мне право надеяться, что мне будет дозволено высказать несколько общих мыслей по поводу современного движения. У нас очень распространено мнение, что в России жизнь очень резко отличается от жизни в Зап. Европе, что мы идем и должны идти по иному, своеобразному пути. В этом мнении много правды, но им слишком злоупотребляют. Не надо забывать, что наука не знает национальности, что цивилизация и человеческие идеи международны. Конечно, идеалы человечества перерабатываются согласно условиям его исторической жизни, так что, оставаясь по существу общими для всего человечества, они, т. е. идеалы, в подробностях применяются к условиям страны. Но изучение европ. цивилизации показало, что России вовсе не расчет выделять себя из семьи евр. народов, что, напротив она обязана связать свою судьбу с судьбою Запада и вместе с ним работать для достижения лучших условий существования. Экономические условия народной жизни везде одинаковы; как там на Западе, так и здесь в России существует с одной стороны маленькая группа,—назовем ее хоть группой привилегированных, а с другой стороны, масса, обреченная на безысходное страдание. Немало великих умов, немало благородных сердец работало над разрешением социального вопроса. Социализм стар, как самый мир, только формы и средства разрешения вопроса в различные исторические периоды были неодинаковы. В настоящее время, когда так называемый естественный ход вещей получил полное развитие, когда темная сторона цивилизации выразилась ясно, ярко, социализм стал на практическую почву, создал свою самостоятельную партию. Силы народной партии с каждым днем растут; чем дальше, тем страшнее становится пропасть, отделяющая сытое праздное меньшинство от голодного, ограбленного большинства. Одна из характерных черт современного европейского и рабочего движения состоит в том, что народы создали солидарность своих интересов, одинаковость и подали друг другу руку для общей борьбы, так что новейшая постановка социального вопроса делит не на национальности, а на притесняющих и притесняемых; мерилем группировки человеческих обществ является не территория, не язык и племенные особенности, а экономическое начало, положенное в основу человеческой жизни. Экономический строй везде одинаков. Спрашиваю я вас, можно ли с этой точки зрения выделить Россию из европейского рабочего движения? Нельзя ли требование европ. народов предъявить здесь с таким же правом, как и там? Едва ли кто решится утверждать, что в общем обстановка труда в России резко отличается от обстановки труда на Западе. Конечно, у каждого народа свои особенности, но главная жилка экономического вопроса везде одинакова и поэтому возможна общая постановка социального вопроса для всех народов, не исключая и России. Вот почему мы видим, что развитие социализма, как идеи, шло в России почти параллельно развитию его на Западе. Достаточно указать на конец 40-х годов в Европе и у нас, 60 годы, наконец, на современное положение социального вопроса здесь и там. При этом прочности постановки социального вопроса помогли в России исторические судьбы народа. Я мог сказать, что элементы народной жизни заключали в себе много сходного с теоретическим социализмом, поэтому он не был у нас чем нибудь небывалым, несогласным с условиями народной жизни, русской. Напротив, существовало, существует и теперь мнение, что социализм революционный на Западе, консервативен у нас; если там вопрос должен быть решен силой, то у нас может быть решен мирным путем. И этого взгляда держались сначала не одни отсталые люди. Русская молодежь, выработав социалистические убеждения, естественно должна была проводить их в жизнь. Первый же ее шаг в этом направлении, в направлении мирного решения вопроса, был неудачный, все ее попытки встречались, если не прямо враждебно, то, по меньшей мере, недоверчиво. Недоверие это доходило до того, что деятели вдруг куда-то исчезали, предприятия лопались, дела приходили в упадок. Молодежь

¹⁾ Справа таємного столу канц. черніг. губернатора „О преступном сообществе в Черниговской губернии“, 1879 р., № 277, аа. 59—62.

призадумалась, что же делать? Идти к заветной цели мирным путем оказывается невозможным; сидеть сложа руки, ожидая решения свыше,—это не мирится с искренностью убеждения и величию цели. Ужели согласиться с тем, что естественный ход вещей решит вопрос, что наша обязанность только наблюдать, изучать жизнь народную, знакомиться с законами истории, что лбом стены не прошибешь, и что поэтому наши стремления и требования не должны идти в разрез с настоящими историческими, выработанными условиями государственной жизни? Но ведь в переводе это значит пожать руку доктору Патлосу, другими словами, что все идет к лучшему в этом наилучшем из миров. Нет, подобная двухсмысленная философия не могла привиться к русской молодежи. С одной стороны—процесс социальных доктрин на Западе, с другой стороны домашние, русские условия переработали социализм русской молодежи, социализм мирный, государственный, в революционный.

Она, молодежь, решила идти к цели, не смотря на все опасности, путем революционным, и современное движение—движение по преимуществу социально-революционное. Оно не есть явление случайное, преходящее; оно охватило почти всю молодежь, все ее живые силы. Оно не могло не коснуться и меня. Я пошел по той же дороге, работая по мере сил и возможности для великой цели народного освобождения и работал бы до сих пор, если бы не был арестован. Но что же такое народное освобождение и в чем оно заключается? Оно заключается в том, чтобы народный труд не эксплуатировался каким бы то ни было образом, чтобы народное сознание не затемнялось предрассудками невежества, порождением безысходной нищеты, и чтоб нравственность народа не падала, что неизбежно при убийственной обстановке народной жизни. Достигнуть этого возможно при полнейшей самостоятельности и автономии общин, владеющих землею и всеми орудиями труда и обязательности его для каждого индивидуума. Вот мои стремления. Средством для их осуществления, по моему, служат: внести в народ сознание своих интересов; осмыслить народное недовольство, соединить разрозненные силы и сообща добиваться более справедливых условий существования. Что положение народа невыносимо, что недовольство его велико, это факт—неподлежащий сомнению. Но надо воспользоваться этим фактом не для бесплодных единичных вспышек и бунтов, а для более серьезного, прочного решения вопроса. Таковы в общих чертах мои убеждения и они то заставляют меня сказать несколько слов по поводу программы, отобранной у меня. Признаюсь, после многочисленных нападок я считаю более целесообразным не касаться этого вопроса. Но не могу пройти молчанием одного факта. Прокурор характеризует настоящее движение, назвав его политическим, а не социалистическим, а нас политическими революционерами в противоположность социалистам. Он же испугался даже сравнить принципы современного движения с принципом интернационала. Говоря вполне откровенно, я не совсем понимаю, для чего это ему понадобилось, но из этого сравнения для меня ясно одно: или прокурор недостаточно знаком с социальными и нравственными науками, или он руководствовался какими либо иными, посторонними соображениями, к существу дела не относящимися. Но я не стану распространяться об этом предмете, ибо это вело бы меня в подробности, быть может, неуместные здесь на суде. Однако, я полагаю, что сама программа могла указать прокурору на ошибочность его взгляда. Но он, повидимому, не захотел понять ее, как следует. Между прочим, он обратил особенное внимание ваше на один отдел этой программы. Я хочу говорить именно об этом отделе. Но, прежде всего, я должен заявить, что программа не принадлежит моему перу, не я ее автор. Говорю это я вовсе не для того, чтобы, так сказать, свалить с своих плеч обвинение. Нет, я заявляю свою солидарность с общим ее направлением, но мои убеждения не позволяют мне согласиться с некоторыми ее отделами, таков, напр., отдел так называемой чистой агитации. На этот отдел указал прокурор и пытался дать толкования, имеющие целью доказать, что упомянутые там шайки образуются для грабежей. Если он не делал прямого такого вывода, то по крайней мере намекал на это. Целию этих шаек в программе ставится добывание средств, но не упоминается, каким путем добываются эти средства; о грабеже нет и помина. Между тем в этой же программе есть § воспрещающий членам организации, пропагандистам, заниматься исключительно добыванием средств. Вот такой смысл имеет этот вопрос. Но оставляя в стороне эту часть вопроса, самая возможность проекта о шайках характеризуется не вообще постановкой социального вопроса в России, а теми преследованиями и гонениями, которые воздвигнуты на русскую молодежь. Крайности всегда вызывают крайности противоположного свойства. Давлению отвечает отпор—это закон механики. Трудно в самом деле оставаться спокойным, когда единственным средством убеждения молодежи служат тюрьмы, ссылки, каторга, когда всякая честная попытка убивается грубою силою. Но как мало убедительны подобные средства, видно из горькой истории русской молодежи. Почти каждый день теряет она несколько друзей товарищей; одних провожает на каторгу, других, не вынесших мучений, в могилу, но она ни разу не изменила своим целям, своим убеждениям. Из пустого ребячества, г.г. судьи, из самолюбия а тем паче из грязных побуждений редко люди жертвуют собою и идут на добровольные страдания. Только те убеждения двигают людей на рискованные дела, которые сделались потребностью природы. В настоящее время молодая сила, не успевшая погрязнуть в тину, прак-

тической жизни, абсолютно не понимает, как можно не работать в интересах народа, как можно сидеть, сложа руки, или опасаться последствий своих честных стремлений. Самоотверженность сделалась явлением обыкновенным, создалась, так сказать, социалистическая атмосфера, именно, такие условия, которые предвещают успех современному движению. Помимо причин, указанных выше, т. е. того, что в русском народе живет идея социализма, равенства, выразившегося в общинном землевладении, помимо самопожертвования и преданности своим убеждениям русской молодежи, будущее настоящего социального движения обеспечено еще общими историческими условиями. История развития элементов русской жизни многим разнится от истории развития Зап. Европы. Там мы видим сильно развитую политическую жизнь, множество партий разных оттенков, борьбу интересов различных общественных групп. Ничего подобного в России не существует, и на это есть свои исторические причины. Образование партий там было неизбежно: народились известные интересы, идеи, которые группировали людей в одну тесную, организованную партию. Борьба началась там с испокон веков и борьба шла таким путем: сперва создавались интересы общественные, сословные, а потом они уже получали стройную систему, обращались в теорию. Каждая из европейских партий стояла в свое время впереди движения, представляла собой прогрессивную силу, была обладательницей передовой мысли. Ни одна партия не имела будущего, если она не способна жертвовать личностями для общих интересов; ни одна партия не может быть живою, сильною партией, если члены ее не вложили всю свою душу в свое дело. Помимо этого, партия была сильна и представляла передовую мысль до тех пор только, пока не отделяла своих интересов от интересов народа. Между тем, в России никакой жизни, никакой борьбы наблюдать нельзя. Начало русской жизни повидимому заключало в себе элементы развития политической жизни. Но вот наступила Татарщина. Все заглохло. В этой тишине, во время народного сна, работала только одна сила—сила монархическая. Со времени свержения татарского ига все элементы олицетворяются в государственной власти, все взоры обращены к ней. Дворянство теряет всякое самостоятельное значение. В числе этого сословия—слуги и холопы царские. Буржуазии нет. Народная партия и народная свобода, уцелевшие от татарского ига была уничтожена властью государственной. Великий Новгород и Псков—пали. Партии не могло быть: духовенство не представляло отдельной, независимой корпорации. Это подчиненный орган государственной власти. Дворянство не жило своею жизнью, оно не имело даже своей личной собственности: все—и земля и люди принадлежит царю, от его воли зависит одарить или лишить всего имущества. Нет интересов у дворянства, нет дворянства, как самостоятельного, организованного сословия (Петерс¹) «это к делу не идет»). Я полагаю, что именно идет. Я хотел этим указанием на исторические факты установить то положение, что в России немисливо образование партий, так сказать, привилегированных сословных. Они упустили удобную историческую минуту. Я хотел указать на всю законность современного социально-революционного движения и на то в особенности, что народная партия одна имеет будущее, как потому, что представляет интерес большинства, так и потому, что она одна стоит на высоте развития передовых идей нашего времени. Она сильна, сильна единством, чистотой своих принципов, самоотверженностью своих членов. Победа ее несомненна. Первые жертвы, гибель ее членов еще более придают ей силы и нравственного достоинства. Я глубоко верю в победу народа. Верю в торжество социальной революции.

Жданович²).

¹) Петерс — сенатор „первоприсутствующий особого присутствия правительствующего сената“. голова суду. *Б. Ш.*

²) Помилково замість „Зданович“. *Б. Ш.*

ДО ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОГО ТЕАТРА.

Лист українських артистів до О. М. Пипіна¹⁾.

Милостивый государь, Александръ Николаевичъ! Считаемо совершенно излишнимъ подробно излагать исторію малороссійской литературы — она Вамъ извѣстна. Но такъ какъ настоящее письмо будетъ касаться именно этого предмета, то мы позволяемъ себѣ сдѣлать только небольшое вступленіе, чтобы такимъ образомъ приступить къ дѣлу.

Въ лучшій періодъ для малороссійской литературы, когда въ свѣтъ вышло много, хотя и небольшихъ книжекъ для народа на малороссійскомъ языкѣ, вдругъ, совершенно нежданно-негаданно, в 1876 году послѣдовало полное запрещеніе не только печатать что-нибудь на малороссійскомъ языкѣ, но даже представленіе на сценѣ старыхъ піесъ подверглось запрещенію.

Не станемъ говорить о томъ, какое вредное вліяніе это запрещеніе имѣло на ростъ только что начавшей свою жизнь малороссійской литературы, такъ какъ Вамъ, историку этой литературы, болѣе, чѣмъ кому-нибудь это извѣстно.

Но приступимъ къ дѣлу. Не такъ давно, мѣсяца два тому назадъ, въ такихъ окраинахъ какъ Херсонъ, Елисаветградъ и Одесса — города Новороссійскаго края — по ходатайству нѣкоторыхъ лицъ, дозволено было представленіе малороссійскихъ піесъ.

Заключая изъ этого, что времена, такъ сказать, перемѣнились, однимъ изъ насъ была представлена въ Главное Управление по дѣламъ печати для разрѣшенія къ печатанію маленькая брошюрка — „За мое жито, та мене й бито“. Предполагалось сдѣлать пробу. И увы! проба оказалась вполнѣ неудавшеюся: печатать этотъ маленькій очеркъ не дозволили безъ объясненія причинъ...

Въ настоящее время происходитъ пересмотръ дѣйствующихъ законовъ о печати. Это самый удобный моментъ поднять вопросъ о правахъ малороссійскаго языка.

И такъ какъ Вы одинъ изъ самыхъ компетентныхъ людей въ этомъ вопросѣ, то поэтому и всякое заявленіе Ваше въ газетахъ и журналахъ будетъ имѣть несравненно большій успѣхъ, чѣмъ, заявленіе лицъ неизвѣстныхъ въ литературѣ.

Взявъ все это въ соображеніе мы просимъ Васъ, милостивый государь, поднять въ литературѣ вопросъ о правахъ на существованіе малороссійскаго языка въ предѣлахъ возможныхъ по духу времени. А такъ же, не найдете ли умѣстнымъ поговорить объ этомъ дѣлѣ съ литераторами, приглашенными въ комиссію для пересмотра законовъ о печати и просить ихъ принять на себя трудъ поднять этотъ вопросъ и въ самой Комиссіи.

Уважающіе Васъ: Иванъ Тобилевичъ, Марко Кропивницкій, Евгений Чикаленко, Андрей Грабенко, Надежда Тобилевичъ, Афанасій Михалевичъ, Александръ Тарновскій, Александръ Волошинъ.

20 ноября 1880 года Г. Елисаветградъ.

Подав *Наум Бухбіндер*.

¹⁾ Друкується з оригінала, що зберігається в Ленінградській Державній Публичній Бібліотеці.

ОЛЕКСАНДЕР ТАРКОВСЬКИЙ ТА ЙОГО „НАЧЕРК ІСТОРІЇ РЕВОЛЮЦІЙНОГО РУХУ В М. ЄЛИЗАВЕТІ“.

Олександр Карлович Тарковський — яскрава постать народовольця 80-х років XIX в. та місцевого революційного діяча-агітатора на Херсонщині, про що залишив нам надзвичайно цікаві спомини про цей рух у своєму „Начерку“.

Ол. К. Тарковський народився 3 вересня 1862 року в д. Миколаївці, Грузької волости, Єлизаветградського повіту, в родині дрібних землевласників. На 10 році свого життя він залишився сиротою, бо батько й мати 1872 року в один день померли від холери. Його бере до себе його старша сестра Надія Карловна Тобілевичева, що була тоді замужем за відомим потім артистом і письменником Ів. Карп. Тобілевичем (псевд. Карпенко-Карий), який служив тоді секретарем поліційного управління у м. Єлизаветі. Пробиваючи в родині свого швагера І. К. Тобілевича, Ол. Тарковський вчиться у „земському реальному училищі“; яке добре закінчує, при чому ще школярем бере діяльну участь в організації та постановці перших театральних вистав української трупи (з М. Кропивницьким, М. Садовським, О. Саксаганським та інш.) там же в Єлизаветі.

Після середньої школи Ол. Тарковський їде до Харкова, де вступає вільним слухачем до університету. Літом 1884 року він їде у гостини до другої заміжньої своєї сестри Віри Карловни у Козлівку, Воронізької губ., де його арештовують і садять до воронізької тюрми. Заарештовано було Ол. Тарковського за належність до партії „Народная воля“, революційну діяльність та організацію „народовольческих“ гуртків. Як виявилось потім, року 1881 Ол. Тарковський повертається з Києва, організує гурток „саморозвиття“ з осіб, що співчують соціалістичним тенденціям. Гурток улаштовує друкування на гектографі нелегальної літератури: „программу Исполнительного Комитета „Народной Воли“ для розсилання інтелігенції і „Відозву“ — „Украинскому народу от Исполнительного Комитета „Народной Воли“ для розповсюдження поміж селянством у повіті та інш. Цілих 3 роки Ол. Тарковський перебуває в самотньому замкненні по в'язницях Вороніжа, Єлизавету, Одеси та інш., нарешті в Москві в Бутирках, звідки його засилають разом теж з єлизаветським українським діячем — Оп. І. Михалевичем (лікар, член київської Старої Громади) у Східню Сибір (с. Тунка, Іркутської округи) на 6 років так званим „адміністративним порядком“, — цебто без суду. Під час заслання Ол. Тарковський бере участь у сибірських періодичних виданнях, а, повернувши до Єлизавету 1892 року під „гласний догляд“ поліції та без права в'їзду у столиці, друкується в одеських газетах та у „Елисаветградском Вестнике“, а також в „Неделе“ (СПб.), де цензура не дозволила друкувати його „Сибирские Очерки“. З 1897 по 1920 р. він служив у „Елисаветградском Городском Общественном Банке“, яко бухгалтер.

Ол. Тарковський був широко освіченою людиною, знав добре історію.

і літературу, володів 4 європейськими мовами (француз., німецькою, англійською та італійською).

З 1920 року, під вражінням смерти багато обдарованого сина 15 років, Ол. Тарковський стає сліпим на обидва ока (на нервовому ґрунті). І оці свої цікаві спомини він вже не пише, а диктує влітку 1924 року своїй дружині — Ользі Даниловні.

Умер Ол. Тарковський раптовою смертю — від крововиливу у мозок — 26 грудня 1924 року у м. Єлизаветі, де його й поховано,

На жаль, його товариш по заслання Ол. І. Михалевич (вмер у 1925 році) не встиг виконати своєї обіцянки мені — теж написати свої спомини.

Олександр Тулуб.

Начерк історії революційного руху в м. Єлизаветі на Херсонщині¹⁾.

Від автора (передмова).

Завдання скласти нарис історії революційного руху в м. Єлизаветі здалося важчим, ніж я гадав собі спочатку.

Сорок років відділяють мене від далеких вісімдесятих років. За цей час Росія пережила стільки подій, стільки колотнечи — голодування, дві війни, низку заколотів, три революції, — що вражіння від усіх цих величезних і яскравих подій важко вплинули на мою психіку. Минуле увійшло в далечінь закрившись якимсь серпанком і треба багато зусиль, щоб викликати тіні минулого. Я, як пушкинський Пимен, що замислився над своїм літописом із сумом можу сказати:

Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходит до меня...
А прочее погубило безвозвратно...

Ось чому свій „Начерк історії“ я мав змогу дати тільки в загальних рисах. До того ще в м. Єлизаветі бракує будь яких документів, що відносилися-б до „народовольчеської“ доби. Архів жандарського управління було кимсь вкрадено з архіву округового суду й продано базаровим крамарям на вагу, як звичайну бібулу. Отже й немає змоги допомогти цій справі документальними довідками.

I.

Бувше військове поселення м. Єлизавет, тільки по збудуванні залізниці на Харків і Одесу, в кінці 60-х років увійшло в тісніший зв'язок з іншими частинами Росії. Хоч раніш воно й було досить великим осередком і місцем великих військових маневрів, але його духовний розвиток значно був відсталим. За винятком повітової школи та деяких пансіонів для дітей у привілейованих верств в ньому не було інших шкіл. Це відбивалося на духовнім житті міста. Інтелігенції було занадто обмаль і важко було казати про значіння міста для революції.

Але з початку 70-х років життя його пішло далеко жвавіше й повніше. Земство улаштує свою реальну школу, що була довго одною з найкращих шкіл Росії з чудовим складом навчителів. До земства увіходять свіжі сили. Починає утворюватися інтелігентний шар суспільства й політичне життя стає можливим. З цього часу починають з'являтися як у місті, так і на селі пропагандисти головно з великих центрів: Одеси, Києва, Харкова, але вони не були суто політичними агітаторами.

Розумові й моральні впливи 60-х років, як нігілізм, ідея незалежної особи, тощо, ще далеко не були пережиті й ці пропагандисти, розпов-

¹⁾ Перекладено з російської мови.

сюджуючи ідеї французької революції, разом з цим закликали до спрощення, до трудового життя, до розірвання з минулим своєї соціальної верстви і до самоосвіти.

Їхні думки мали найбільше успіху серед жінок, дякуючи тому, що в Єлизаветі в той час не було чоловічої молоді, здатної до сприйняття цих навчань. Через те що доросле юнацтво вчилася по інших містах, то цілком натурально, що головним матеріалом для пропаганди з'являлися жінки або дівчата часто-густо з родин дідичів.

Один з таких пропагандистів — Дическулов навіть переїздив із одного маєтку в другий, улаштуваючи як би пересувну політичну школу. Звідціль цілком зрозуміле досить яскраво виявлене прагнення дівчат того часу їхати вчитися за кордон, переважно до Швейцарії.

Багато з них дійсно їздили, закінчували курс природознавства або математичних наук і згодом ставали дуже корисними членами суспільства, громадянами, гарними матерями й виховательками.

Але цей рух, що мав суто культурну вдачу, не замикався в певні програмові гуртки, а формувався в окремі групи, утворюючи певний настрій. Випадкові суто революційні факти не мали з ним зв'язку і з'являлися скороминучими. Про один з таких фактів слід згадати. Приблизно в 1874-75 році до Єлизавету приїхало троє молодят, що й оселилися у якоїсь громадянки на Биковій (околиця міста). Ніхто не знав, хто вони й для чого приїхали. Вони нехтували обережностями й так недбало замикали двері своєватири, що хоз яйка, прислухаючись, зрозуміла все. Вона довідалася, що ці молоді люди приїхали для улаштування замаху на життя царя Олександра II і що для цієї мети вони пропонували зруйнувати вибухом залізничний міст під час проходу царського потягу. Цікаво, що хоз яйка не зробила доносу на них, а з'явилася до них і заявила, що вона такої бридоти не потерпить, цеб-то щоб у неї, в будинку її влаштували змови. Молоді люди розмірковували, що їм краще виїхати й нарешті виїхали.

Деякі невиразні догадки наводять нас на думку, що ці троє молодих людей були ніхто інші, як син місцевого диякона Дробязкин, Майданський і Малинка.

Потім, через декілька років, їх було покарано на горло в Одесі. Зв'язку з місцевими громадянами ці троє не мали.

Після утворення соціально-політичної партії „Земля и Воля“ і з розвитком емігрантської літератури, в Єлизаветі починають все частіше з'являтися нелегальні видання, що знаходять собі пильних та щирих читачів не тільки серед зеленої молоді, але й серед місцевого громадянства, де вже вистигала ідея необхідності загальної політичної реформи.

Можна вважати, що з половини 70-х років у Єлизаветі починають ширитись революційно-політичні ідеї і вже утворюється ґрунт для суто революційних формувань. Особливо видатним в цім відношенні з'являється 1878 рік — закінчення турецької війни — коли чекання дарованої конституції зробилося загальним. Стомлене громадянство й нарід чекали, що за важку працю й офіри прийде нагорода й принесе громадянству волю, а народові — землю. Коли ж ці чекання не справдилися й нарід не придбав полегшення, то звичайно народилася думка, що коли політична воля не з'явиться відтіль, звідкіль з'явилися попередні реформи, то цю волю треба вирвати. Такій зміні настрою відповідала зміна настрою і в самій партії „Земля и Воля“. Необхідність політичної боротьби з урядом зробилася очевидною. Кінець 70-х і початок 80-х років проходять під знаком досить гострої опозиції. Історія нашого земства того часу рясна сутичками з владою за найрізноманітніші питання. Чекання народом землі не справдилися і вилилися в форму єврейських погромів.

Нелегальні видання починають з'являтися в значній кількості. Нерідко можна було зустріти товсті книжки „Громади“ Драгоманова і „Вперед“ Лаврова. Ці видання починають розсилатися невідомо коли на села, де й знаходять своїх читачів.

Ідея політичної боротьби що далі, то все більше охоплює громадянство й утворення „Народньої Воли“ — партії суто політичної — відповідало потребам сучасного громадянства й було зустрінуто в Єлизаветі спочутливо. Ідеї ж боротьби соціальної, що були основною підвалиною в програмі партії „Чорний переділ“, не знаходили наслідувачів і на декілька років як би зникли. Перші терористичні акти, як напр., вбивство шефа жандарів Мезенцева, зустрінуто в місті спочутливо.

II.

Як відомо „Народня Воля“ з самого початку придбала досить міцну організацію, що дала їй змогу зробити на сучасників не довгий, але міцний вплив. Скрізь утворилися народовольчі гуртки й теж сталося в м. Єлизаветі. Важко сказати, як утворився у нас народовольчий гурток і хто був ініціатором його. Найпевніш він склався природнім, стихійним шляхом.

Молоді люди, що з них складалася головна маса гуртка, маючи однаковий світогляд, потягнулися один до одного, а інструктори, що наїхали з Харкова, оформили гурток, встановили зв'язок із осередком, наділили нелегальною літературою, взагалі надали йому партійну структуру. Порівнюючи цей гурток з великими партійними організаціями ХХ стол., не можна не здивуватися тому, який він був нечисленний, як мало він мав коштів, а також і впливу на село й інші верстви суспільства. Але ці всі хиби спокутувалися гарячою вірою в свою справу, щирою відданістю ідеям партії, жагучою енергією при виконанні завдань і готовністю повсякчасно принести які завгодно офіри для здійснення свого ідеалу.

Слід згадати, що як керівники гуртка, так і друкована література партії не тільки розроблювали свій програм, але й створили програм моральний та обов'язковий для членів гуртка. Члени повинні були працювати над придбанням якомога більшої кількості знання. Від них вимагалася знайомство не тільки з літературою політичною, але й науковою. „Указатель систематического чтения“, що був у всіх членів на руках, давав гарно розроблений список необхідних для читання книжок, де відділи групувалися згідно з позитивним навчанням Конта. Отже справжній народоволець того часу мусив бути добре знайомим з астрономією, хемією, фізикою, природознавством і з усіма гуманітарними науками. Деякі члени гуртка часто згиналися під таким надсильним завданням, але не наслідувалися виявляти свій протест і сперечатися. Одна дівчина гімназистка признавалася, що ніяк не могла прочитати й декілька рядків книжки Маркса, щоб не розплакатися й не кинути книжки. Звичайно ніколи програм систематичного читання не виконувався цілком, але все ж таки члени гуртка — переважно молоді люди — читали багато й набували знання, що їх ніколи б не придбали були без впливу „Народньої Воли“. З цього боку цей гурток мав без сумніву педагогічне значіння. Потім ще від членів гуртка суворо вимагалася додержуватися моральної чистоти. „Твоє життя тобі не належить, а справі, й ти повинен робити її чистими руками“. Особисте життя припускалося лише остільки, оскільки воно не перешкоджає гуртковій праці.

Таким чином гурток був до певної міри партійним монастирем з його обітницями й суворістю. Який же був склад гуртка? На це можна відповідь дати одним словом: різноманітний. В нього увіходили сини селян,

ділчів, купців, інтелігентного пролетаріату, робітники тощо; не було тільки старих людей, що були умудрені досвідом життя, хоч вони й були б дуже корисними для надання гурткової поважності й серйозної працездатності.

Незабаром після утворення гуртка з Харкова з'явилася людина для завідування їм, що й пробула не довго, але всеж встигла злучити гурток і надати йому організаційної форми. Справжнього прізвища його ніхто не знав, та й вважалося тоді непристойним домагатися знання прізвища: досить було повідомити умовний пароль (гасло).

Слідом за ним до Єлизавету приїхав якийсь Левандовський і прожив років зо два, скеровуючи діяльність гуртка. При ньому сформовано було книгозбірню й гурток серйозно занявся самоосвітою. Потім уже почалася більш-менш планомірна революційна діяльність в тій формі, як її тоді розуміли.

Обмежуючи цей гурток відповідним числом членів, учасники його провадили активну пропаганду серед молоді. Було багато однодумців, що цілком поділяли й справу, й тактику „Народньої Воли“, та їх не вводили в гурток, бо розуміли, що чим більший буде гурток, тим можливішим може бути невдача й тим гірше буде провадитись робота.

Завести свою друкарню було неможливо через брак коштів, а тому обмежувалися гектографуванням і розповсюджували революційну літературу особливо на повіті, при чому із земської управи одержували таємно адреси письменних селян. Друкувалися й розповсюджувалися звичайно проклямації, що закликали до повстання, бо взагалі в „Народній Воли“ були переконані, що час настав і що таємну селянську енергію треба тільки викликати й скерувати на належний шлях. Ніякого повстання ці проклямації не викликали, бо для цього потрібно було ще майже 50 років і дві війни, але праці для жандарів було досить, бо з усіх кінців повіту повідомлялося про розповсюдження запальних проклямацій. Про терористичні ж акти ніхто й не міркував, тому що керівник, людина спокійна, знаходив цілком правдиво, що до цього не слід припускати гарячі голови юнацтва, але все ж, мабуть за для власного задоволення, два члени гуртка наготовили бомбу, що з величезним луском розірвалася при спробі й послужила великим козирем для жандарського слідства. Були спроби пропаганди й серед напівселянського населення околиць міста. Таким чином завели знайомство зі штундистами, але ті, як тільки почули революційний дух, негайно виставили пропагандистів і не заохотили з ними знатися.

Серед робітників справа йшла з більшим поспіхом. Пропаганда середніх шарів суспільства завжди визнавалася „Народньою Волею“ серйозною і важливою справою, і як тільки пощастило скласти щось на кшталт робочого гуртка, з Харкова негайно було надіслано особливого керівника. Таким керівником був Панкратов, що зробив потім озброєний опір під час арешту в Києві й висидів 15 років у Шлісельбургу. Йому пощастило організувати серед робітників досить міцний гурток, що мав вплив на їхніх робітників. Цей гурток стояв окремо від нашого народовольчого гуртка, а зв'язок між ними було встановлено через деяких членів гуртка, що були спеціально призначені для цього. Але добре розпочату справу було попсовано по виїзді Панкратова. Його наступником з'явився робітник по професії, людина не розвинена й крім того непорядна — Горбунов. Його призначення в Єлизавет було сумною помилкою харківської організації. Була спроба також пропаганди у війську серед юнкерів місцевої кавалерійської школи. Але ця справа швидко обірвалася. Один з юнкерів, що мав зносини з пропагандистом, доніс про все по начальству. Начальник школи, що очевидно не бажав підні-

мати історії, зумів пригасити цю справу. Він посадив виказчика під арешт, нагримав на обвинувачених виказчиком товаришів і цим справу було закінчено. Виказчика ж потім за причиною неуспішності відчислено було від школи. Так ішла справа єлизаветського гуртка до середини 1884 року.

Приблизно в 1884 році в єлизаветський народовольчий гурток було запрошено Якова Гордина — єврейського вчителя — особу в багатьох відношеннях варту уваги, що про неї треба сказати докладніше: людина з великою здібністю, що не одержала майже ніякої освіти, самоук, він уявляє з себе одну з найоригінальніших фігур міста Єлизавета. Перш за все він духовний реформатор, фундатор духовно-біблійного братства, що мало на меті оновлення єврейства і на цьому ґрунті провадить розпачливу боротьбу з ортодоксами, що на смерть його ненавидять, не зупиняючись у цій боротьбі ні перед чим аж до виказу жандарям. Духовне єврейське братство не мало політичної фізіономії; воно прагнуло до морального відродження й деякий час мало досить міцні коріння в єврейському суспільстві.

Гордин працював як співробітник в сучаснім йому „Елисаветском'у Вестник'у“ під прибраним ім'ям „Іван Колючий“, де його доречне й безщадне перо завдавало чимало ударів єврейським і неєврейським темрюкам. Крім того, він був співробітником часопису „Неделя“, де він вмістив талановиті „Типи штундистів“.

В середині 80-х років Гордин, що за ним стежили з усіх боків, емігрував до Америки, де спочатку дуже бідував, а потім почав писати на жаргоні театральні п'єси, що мали великий успіх серед американського єврейства й давали йому чималий заробіток. Потім його п'єси було перекладено на російську мову і вони й досі ставляться на кону по театрах як напр., „Мира Ефрос“ та інші. Після виїзду його „духовно-біблійне братство“ розпалося.

Другою видатною особою в гуртку до 1884 року був Ісаак Володимирович Шкловський. Родом із Єлизавету він скінчив одеську реальну школу й почав співробітництво в одеських часописах, де писав і провідні статті, і фейлетони, і науковий огляд, і театральні дописи, — взагалі був тим одеським літератором, що мусив бути „й швець, і мнець і в дуду грець“. Як тільки він приїхав до Єлизавету його було видано, арештовано й заслано на 5 років до Середне-Колімської Якутської країни, — „на межі людського існування“, хоч особливих обвинувачень на нього не було подано. Взагалі його запроторили за те, що він був Єврей. Вже із Середне-Колімського він написав листа одному з товаришів, де описував свою мандрівку від Іркутську. Цей лист був наслідком незвичайного хисту Шкловського: картинність переказу, образність мови, прекрасний стиль — дали привід його товаришам одіслати листа до часопису „Русские Ведомости“, де й було його надруковано, і цей лист звернув на себе загальну увагу. Після повернення до Росії Шкловський почав працювати в часопису „Русские Ведомости“ й незабаром потім виїхав за кордон і оселився в Лондоні, відкіля почав писати в часопису „Русское богатство“ „Листи з Англії“, що утворили йому почесне літературне ім'я. Ці листи потім вийшли окремою книжкою під назвою „Очерки Англії“, що й було зустрінuto її цілком спочутливо. Усі свої твори він підписував прибраним ім'ям „Діонео“, що запозичено було з „Декамерона“ Боккаччіо. Його працездатність була надзвичайною. Начитаність його була велика особливо в царині красного письменства. До того ж він володів чотирма європейськими мовами. Події, що сталися тоді, відірвали цю талановиту людину від Росії, і вже ніде не зустрічаємо його захоплюючих і образних творів.

III.

Не дивлячись на значні зміни психології суспільства після вбивства Олександра II, все ж таки гурток користувався великим громадським співчуттям. Особливо спочутливо ставився до нього українофільський гурток, що був не стільки революційним, скільки швидче культурним об'єднанням. До цього гуртка належали: лікар Опанас Іванович Михалевич, товариш прокурора Маркович, майбутній артист і український письменник-драматург Тобілевич (Карпенко-Карий), що був тоді секретарем елизаветського міського поліцейського управління та інші.

Гурток цей — „Громада“ — був у постійному зв'язку не тільки з місцевим народовольчим гуртком, але й з харківськими революційними діячами.

І коли в 1884 році почались арешти й слідства, то жандарі дивилися на цю „Громаду“, як на революційну організацію.

„Громада“ допомагала народовольчому гурткові грішми й спричинилася до улаштування його книгозбірні. Тобілевич (Карпенко-Карий), що був завжди в курсі багатьох поліцейських справ по догляду, переказував дуже цінні відомості, коли й за ким починалося слідкування. Крім того, він переказував деякі дані з паспортної системи, що було матеріалом для фабрикування нелегальних паспортів. Він давно був у підозрінні у начальства й ще до зруйнування гуртка й „Громади“ його було звільнено по телеграфу, а потім віддано під догляд поліції в м. Ново-черкаському. Його політичні погляди були глибоко демократичні, але терор, як знаряддя боротьби, він зовсім відкидав. Другий член цієї „Громади“ Маркович був покараним за свою участь в ній зниженням по службі й переводом в глушину.

Лікаря Михалевича було заарештовано й після попереднього двох-річного ув'язнення заслано до Сибіру на п'ять років.

„Громада“ ця широкого впливу не мала тому, що мала на меті порівнююче досить вузькі просвітні завдання й мало дбала за пропаганду своїх ідей. В ній багато працювали над перекладом книжок на українську мову для розповсюдження в народі. „Громада“ мала зв'язок з елизаветськими штундистами й мала на них деякий вплив.

Якщо було потрібно, громадяни подавали активну підмогу різним нелегальним людям, що переховувалися у Єлизаветі від переслідування.

Як народовольчий гурток, так і ця „Громада“ користувалися в місцевому суспільстві значним співчуттям, що між іншим поступово зменшувалося після вбивства Олександра II. Ця подія в Єлизаветі, як і по всій Росії, дуже вразила всіх і про неї треба сказати декілька слів. Хоч народовольці називали цю подію перемогою, але це було не більше як величезна політична помилка, що коштувала Росії 25 років найтяжчої реакції і відсунула справу відродження на багато років. Перш за все цю подію як слід не зрозуміли. Принаймні в селянських колах її оцінювали зовсім навиворіт. Хто вбив царя-визволителя, що скасував кріпацтво й дав народові землю? — Вбили його пани, що бажають повернення кріпацтва. Це переконання було на селі таким міцним, що про заперечення не можна було й казати й поясненням ніхто не вірив. Для суспільства в широкому розумінні — це був державець-вихованець Жуковського, людина лицарських думок, що дала великі реформи: знесення кріпацтва, визволення друку, хоч і умовне, судові реформи, самоврядування. Хоч він і не був непохитним в цій ролі, але це було провинністю його порадників, а не його. Треба-б було знищити не його, а порадників, що штовхали визволителя на шлях чорної реакції. Тоді ж склалася легенда проте, що на передодні своєї смерті він вже підписав акт про консти-

туцію, що й була скасована його наступником. Потім з впливом наступного часу все більше виявлялися хиби й нестаток терористичної методи. Терором „Народня Воля“ намагалася налякати владу й вирвати для країни волю. Але як що удар в самий осередок влади не залякав її й не приніс країні нічого, крім реакції, то це означає, що ця метода безпідставна. Через це підтримувати такі спроби не слід, і місцеве суспільство почало дивитися іншими очима на партію. „Народня Воля“ почала втрачати своє значіння і коли в 1884 році було заарештовано величезну кількість революціонерів, до них ніхто не з'явився на зміну й партія фактично припинила існування, а арешти ще довго продовжувалися, але до минулого вже не було вороття.

IV.

Настала черга й єлизаветського народовольчого гуртка. Влітку 1884 р. його члени були заарештовані й посажені до в'язниці. Взагалі жандарський офіцер, що робив дізнання, знав досить мало й володів невеликою кількістю невиразних даних, мало здатних до формального обвинувачення, але йому допомогла зрада, що з перших днів арешту справила свою злу роль. Один із зрадників Є. Х. з інтелегентної родини на першому ж допиті запропонував розказати все, що знав про інших, але не про себе; умову цю було прийнято й він зробив свою справу. Але пальма першости в цій іудинім чоловіковбивстві належить митцеві С. Д. походженням селянинові. Для виправдання свого вчинку він вигадав цілу теорію, що на його думку виправдувала зраду. Справжній соціалізм на його думку мусить поширюватися поступово й мирним шляхом. Усі гвалтовні дії, усі ідеї перевертання й революції надзвичайно шкідливі для поширення соціалізму, й найнебезпечніші вороги — це революціонери. А тому, для майбутнього торжества соціалізму, їх треба знищувати всіма засобами — і він починає цю боротьбу і віддає на офіру своїх товаришів, прочищаючи таким чином шлях до соціалізму. Він у цей час читає одного тільки Маркса й робить з нього довжелезні витяги і в той же час, володіючи величезною пам'ятю, виказує жандарям увесь фактичний бік революційної справи в м. Єлизаветі, виказує багато прізвищ революціонерів та осіб, що з ними стикалися й дає тонкі характеристики. Він не береже й себе, добре розуміючи, що постраждати дуже йому не доведеться. Не задовольняючись цим, він складає начерк революційного руху в м. Єлизаветі, дуже коштовний документ по своїй детальності й докладності. Мало того, він малює з пам'яті портрета члена харківської організації, що жив декілька місяців у Єлизаветі й керував гуртком. Цей портрет мусив служити для арешта останнього, бо його прізвище було невідомо, але той встиг кудись зникнути.

Трохи згодом розсіялася й „Громада“. Тобілевич був під доглядом поліції в м. Новочеркаському, лікаря Михалевича було арештовано й одіслано в Одесу, товариша прокурора Марковича знижено по службі і переведено до Херсону, а решта замкнулася по своїх домівках і ніякої активності не виявляла.

Слідство в справі гуртка й „Громади“ велося надзвичайно довго. Жандарський ротмістр і прокурор окружного суду хотіли вислужитися й утворити велетенську справу, й через те воловодили її, витискуючи весь матеріал, який тільки міг бути, причому ділили арештованих на три групи: перша, як би мовити, невинні офіри, що їх заплутано в революцію різними лиходіями, друга — що винні в революційній діяльності, але що були під сильним впливом лиходіїв, і нарешті третя — лиходії злочинці в повному розумінні цього слова, й такими були Михалевич і Тарковський.

Михалевича, щоб не мав впливу на інших, було відправлено в одеську в'язницю й туди ж було переведено з місцевої в'язниці й Тарковського. Їх допитували взагалі не багато. На останнім допиті Тарковський підтримав своє реноме запеклого лиходія. На запитання жандарського ротмістра, чи визнає він свою належність до революційної партії, Тарковський відповів: „Так, я маю честь належати до партії „Народня Воля“. Це „маю честь“ дуже зачепило жандарів і прокуратуру, почало передаватися з уст в уста, зробилося анекдотом і докотилося до закордону, де й попало в емігрантський друк. Тільки в 1887 році, через три роки після початку, було розв'язано елизаветську справу. Судовий процес не відбувся і всіх спіткала кара в адміністративному порядку в формі заслання на певний термін:

О. І. Михалевича, лікаря, зіслано в Іркутську губерню на 5 років.

О. К. Тарковського, що скінчив реальну школу і був вільним слухачем харків. університету — туди ж на 5 років.

О. С. Журавського — секретаря з'їзду мирових суддів туди ж на 5 років.

Є. Г. Дьяченка — службовця земської управи — в Єнисейську губерню на 3 роки.

Г. Верниківського — учня — в Єнисейську губерню на 3 роки.

В. Верниківського, що скінчив реальну школу, — в Єнисейську губерню на 3 роки.

Є. М. Хороманського — учня — в Єнисейську губерню на 3 роки.

С. Дудіна — митця — в Забайкальську країну на 3 роки.

О. О. Сорокину — гімназистку — до в'язниці на 8 місяців, але її було звільнено далеко раніш.

Кочержинську — гімназистку — теж до в'язниці на 8 місяців, і теж було звільнено далеко раніш.

Горбунова — робітника — не пам'ятаю куди й на який термін.

І. В. Шкловського — письменника (прибране ім'я Діонео) до Середнь-Колімської країни на 5 років.

Мистець виказав на робітничий гурток, особливо відомий йому, тому що він був зв'язком між народовольчим і робітничим гуртком, але робітники мало постраждали. Вони попали в число невинних офір і відкараскалися 2—3 місяцями ув'язнення.

Подробиці про робітників не переказую тут, бо під час їх арешту я був у одеській в'язниці.

Повернувшись із заслання Михалевич продовжував свою медичну діяльність, Тарковський служив у елизаветському міському банку, Журавський — секретарем земського начальника, Верниківський В. — техніком в товаристві взаємного страхування, Верниківській Г. — бухгалтером в конторі водоперегону, а потім в канцелярії земської управи.

Майже всі, що вернулися з Сибіру віддалися легальній громадській діяльності й приносили по змозі посильну користь, працюючи в різних установах. Але займати скільки небудь значні місця їм не пощастило, бо губернатори їх не затверджували на відповідних посадах, так напр. Тарковського, що був декілька трьохріччів гласним елизаветської думи, було вибрано членом міської управи й товаришем директора міського банку, але ніразу не було затверджено й через те посад цих зайняти не міг.

Мало хто з елизаветських народовольців і тих, що прилучилися до них, дожили до 1917 року, коли вони побачили завершення своєї справи — повалення царату. Решту скосила смерть і вони зійшли в домовину не передчуваючи, що час визволення вже близько.

Зруйнований народовольчий гурток зійшов з кону, не залишивши після себе наступників. Особи, що були в тісному зв'язку з гуртком і

в деяких випадках були дуже корисними для нього, не склали нового гуртка може через те, що ідеї „Народньої Воли“ вже не зустрічали колишнього співчуття й не мали змоги викликати нові життєві первістки.

Очевидно ідея палацового перевороту й захоплення влади невеликою купкою людей не знаходила прихильників. Почувалася потреба поглиблення політичної праці, більшого зв'язку з народніми масами й утворення міцнішої підвалини. Як по всій Росії, так і в Єлизаветі політичне життя завмерло й багато років пройшло, поки почався соціал-демократичний рух серед робітників і почали поширюватися ідеї нової спілки визволення. З'явилася ніби то нова доба, що в історичному розумінні спричинилася до зібрання нових громадських сил.

Розмовляти про новий рух не входить до нашого завдання й ми лише скажемо декілька слів про те, чи залишилася безплідною в Єлизаветі праця „Народньої Воли“ — молодого, але досить енергійного гуртка? На це питання можна без вагання відповісти позитивно. Дотикальних, практичних наслідків його праці буцім то й не було, але гурток зробив одну велику справу. Поширюючи народовольчу літературу, він вносив у свідомість громадянства нові політичні ідеї замість постійного чекання реформи згори. Ця література казала про необхідність пильної громадської боротьби. Для опозиції різного роду, що виявлялася в земстві, міських самоврядуванні, в різних формах громадської діяльності „Народня Воля“ давала провідні вказівки, становила певну мету, висунула нове гасло політичної боротьби проти царату в широкому розумінні слова й взагалі штовхнула вперед політичну свідомість суспільства, а почасти й народа. Бажання членів цієї партії віддати все та йти на смерть для ідеї визволення мала велике виховальне значіння. Не даремно в суспільстві склалися різні революційні легенди, де героями були члени партії „Народня Воля“.

Отже „Народня Воля“ очистила шлях до нових революційних напластунів. Єлизаветський гурток у всьому цьому грав місцеву роль.

А. Тарковський.

ВАЛЕРІЯН БОРЖКОВСЬКИЙ (1864—1919)

(Матеріали до його політичної та громадської діяльності).

Валеріян Боржковський, що початки його політичної та громадської свідомости припадають на 80-ті роки, своє революційно-народницьке credo здобув і оформив у Кам'янці в духовній семінарії. Але в кам'янецькому нелегальному гурті він займає окреме місце, бо з одного боку він син попа, який посідав багату парохвію в Мізякові, володіючи 120 десятинами церковної землі,¹⁾ а з другого — Боржковський вступає в організацію 17-літнім юнаком. Заможність батька та ранній вступ у організацію дають підставу припускати, що попович Боржковський сам до зближення з товаришами навряд чи відчував несправедливість тодішнього соціального ладу і що симпатію до революційної справи в ньому викликав передусім вплив старших товаришів — семінаристів, які таки справді були небуденними людьми на сірому фоні семінарського та гімназійного життя.

Бувши виключений з подільської семінарії, Боржковський здається сам з усіх півтора десятка виключених пробував продовжувати освіту в духовній семінарії. А вирішення вступити до одеської духовної семінарії сталось певно тоді, як він був роз'єднаний з товаришами висилкою з Кам'янця до Мізякова. Батько його теж певно бачив вихід із становища тільки у вступі до нової семінарії.

Щоб яскравіше уявити політичну провину Боржковського в очах тодішнього уряду, варто порівняти кару, що він її ніс, з карою, яку прийняв, напр., Коцюбинський. Обидва вони майже в один час стали неблагонадійними; обидва мали особливий нагляд поліції за 416 статтею карного уставу, правда, Боржковський раніше двома роками. Знов таки обидва поза явним доглядом мали ще й негласний. Проте цей негласний догляд над Боржковським припинено 1886 року в Кам'янці, а Коцюбинського на той раз звільнено з розпорядження Петербургу аж 1895 р.

Валеріян Боржковський вступив до подільської духовної семінарії в-осени 1880 року, склавши в липні того-ж року вступного іспита за першим розрядом²⁾. Як кращого учня Боржковського певно вже на першому році перебування в семінарії революційно настроєні учні старших клас, як Володимир Дзюбинський, Григорій Львович, Валеріян Старинкевич та Микола Марценко, притягли до свого гурту, який тоді вже був напередодні перетворення в „Подольскую дружину“, що мала стати за школу революціонерів для цілого Поділля. Провокатор Бачинський Тиміш таке розповідає про ритуал вступу до організації в кам'янецькій семінарії:³⁾

¹⁾ Див. „Труды Под. епарх. историко-стат. комитета. Выпуск 6“, Кам.-Подільськ, 1893, с. 178.

²⁾ Див. „Подольские епарх. вед.“, 1880 р., № 30, 31, с. 384.

³⁾ Од. Краєв. іст. архів, фонд прок. од. суд. пал. Справа 1884 р., № 66, з дізнавань л. 334.

Ізбирався кращий в яком би то ни було класе по розвитку ученик; с ним заводил знаомство Львович или же Старынкевич, доставляли ему книги сперва легальные по систематическому каталогу, потом предлагались и нелегальные. Когда пациент (так называли новичков, завербованных в кружок) значительно окреп, по мнению вожаков, в известных взглядах, его посвящали в некоторые тайны кружка и тянули на сходку, где рекомендовали другим в таких словах: „был баран но мы его окозлили“, присутствующие при этом подходили к новичку, дружески пожимали ему руку с словами: „нашего полку прибыло“.

Коли в другій половині 1881—1882 навчального року завдяки тому ж провокаторові Бачинському „Подольскую дружину“ було викрито, то Боржковському жандарі інкримінували, що він був членом „Подольской дружины“ та брав участь на сході організації 1 березня 1882 р., за що його поруч інших семінаристів притягнуто „по 318 ст. улож. о наказ“. Крім того начальник под. губ. жандарської управи перевів труса у Боржковського й знайшов два каталоги книг цензурних з різних галузів знання, а саме: політичної економії, соціології історії, етики тощо. На запит з приводу каталогів Боржковський сказав, що один з них дав йому Марценко, а другий він склав сам, щоб прочитати ті книжки, що їх вписано. За каталоги Боржковського обвинувачувано „по послед. части 252 ст. улож. о наказ.“¹⁾

Справу про „Подольскую дружину“ було направлено до прокурора одеської судової палати, а звідти до Петербургу на адміністративне розв'язання. А тим часом семінаристів, притягнутих у цій справі, з подільської семінарії було звільнено. Звільнення сталось у квітні та травні 1882 року. Після того Боржковський виїхав у Мізяків до батька, а десь наприкінці 1882 р. чи самому початку 1883 за прикладом Саліковського, що вступив до немирівської гімназії, Боржковський їде до Одеси і вступає там у 2 клясу духовної семінарії. Цей від'їзд викликає ціле непорозуміння в подільській адміністрації, чи лишити Боржковського в Одесі під нагляданням поліції, чи повернути назад до Мізякова, наклавши на нього кару. Вінницький справник, одержавши наказа про заведення нагляду за Боржковським від 20 вересня 1882 р. за № 4135, 11 січня 1883 року вже повідомляв губернатора про від'їзд винуватця, а 3 лютого на запит губернатора від 25 січня справник подавав уже цілий акт обвинувачення проти Боржковського. З цього рапорта вінницького справника ми довідуємось, що за Боржковським було уряджено тоді нагляд на підставі „416 ст. Устава Уголовн. Судопр.“ та що в наказі від губернатора не було сказано, де саме треба було завести нагляд на ним. Справник писав:

Предписания же о том, где должен быть учрежден за Боржковским надзор и по чьему распоряжению Боржковский отдан под надзор, получаемо не было и пристав 2 стана, имея постоянное наблюдение за Боржковским, узнал, что Боржковский самовольно выехал в г. Одессу и тотчас донес мне. о чем мною было донесено Вашему превосходительству рапортом от 11 января за № 15 и сообщено одесскому²⁾ полициimestеру.

При чем имею честь доложить Вашему превосходительству, что Боржковский, как находившийся на свободе, всегда имел возможность самовольно выехать из места жительства и предупредить этот выезд урядник и местный пристав не имели возможности, находясь постоянно в раз'ездах для исполнения служебных обязанностей, и в настоящем случае виновным является Боржковский, не исполнивший об'явленного ему распоряжения. По собранным сведениям Боржковский в настоящее время находится в Одессе, где поступил во 2-й класс одесской духовной семинарии и проживает на Преображенской улице в доме Туршу № 8 и так как о Боржковском не было получаемо предписания, где должен быть учрежден надзор, то имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего превосходительства, следует ли Боржковского вызвать из Одессы на место жи-

1) Д. канц. к. ген.-губ., 1882 р. № 197.
В ориг. „Одесскому“.

тельства его родителей в м. Мизяков вверенного мне уезда или Боржковский может оставаться в Одессе ¹⁾.

Одеський поліціймейстер і собі секретно звертався до подільського губернатора 30 січня 1883 року: ²⁾

Винницький уездный исправник от 11 сего января за № 15 сообщил, что состоящий под особым надзором полиции, сын священника Валериан Васильев Боржковский выехал в Одессу для поступления в здешнюю духовную семинарию.

Сделав распоряжение об учреждении за Боржковским особого надзора полиции, я вместе с тем просил винницкого уездного исправника уведомить меня, за что именно и по чьему распоряжению Боржковский отдан под особый надзор полиции?

В настоящее время винницкий уездный исправник сообщает, что Валериан Боржковский значится в списке поднадзорных, препровожденном к нему при предписании подольского губернатора, от 20 сентября, 1882 г. за № 4135, но в чем именно заключалось преступление его и по чьему распоряжению он подчинен особому надзору полиции сведений у него не имеется.

В виду того, что означенные сведения необходимы для представления одесскому градоначальнику, имею честь покорнейше просить канцелярию г. подольского губернатора сообщить мне эти сведения.
Полиціймейстер Бунин.

Тоді губернатор знов таки секретно запитував начальника жандармської управи, надіславши йому відношення 8 лютого 1883 року під № 422.

Вследствие отношения от 15 минувшего января за № 31, имею честь просить Ваше высокоблагородие уведомить меня, встречается ли надобность к возвращению на прежнее место жительства, в м. Мизяков, Винницкого уезда б. воспитанника под. дух. семинарии Валериана Васильева Боржковского, отданного под надзор полиции на основании 416 ст. Уст. Уголов. Судопр., или же он может оставаться на жительстве в г. Одессе, где поступил в местную семинарию и где учрежден за ним надлежащий надзор.

А одеському поліціймейстеру губернатор через свою канцелярію відповів:

На отношение от 30 января за № 85 канцелярия губернатора имеет честь уведомить В. высокоб., что быв. воспитанник под. дух. семинарии Валериан Боржковский отдан под надзор полиции по распоряжению подольского губ. жанд. управления на основании 416 ст. Уст. Уголов. Судопр., в видах предупреждения уклоняться от следствия и суда, по прикосновенности к делу о государственном преступлении.

При этом канцелярия присовокупляет, что о самовольном выезде Боржковского из Винницкого уезда Подольской губернии и об учреждении над ним надзора по месту настоящего жительства 25 минувшего янв. за № 274, сообщено начальником губ. г. одесскому градоначальнику.

На другий день, 9 лютого 1883 р. начальник подільської губерської жандармської управи відповів губернаторові:

На отношение Вашего превосходительства от 8 февраля за № 422 имею честь сообщить, что Валериан Боржковский был отдан мною на основании 416 ст. Уст. Уголов. Судопр. под надзор полиции, как обвиняемый в политическом преступлении по 252 стат. Улож. о Наказ. вследствие чего полиция не должна была допустить выезда Боржковского из места его жительства, если же он самовольно отлучился куда либо и полиции известно место пребывания, то следовало его вытребовать обратно.

Имея в виду, что решение дальнейшей участи Боржковского зависит от высшей власти, я не принимаю на себя права предрешать, дозволено ли будет Боржковскому находиться в учебном заведении или нет. Хотя по окончании дознания в сентябре месяце прошлого года я по делу о „Подольской Дружине“, в котором участвует и Боржковский, доносил департаменту государственной полиции, что по мнению моему я полагал бы некоторым обвиняемым, в том числе и Боржковскому возможным дозволить продолжать ученье, вне пределов Подольской губернии.
Майор Барон Гиллесем.

На цьому відношенні губернатор поклав резолюцію:

К. в чем был (?) было (?) за (?) Объявлено Боржковск. от'езжал под надзор. Сообщить о привлечении к ответственности за самовольный выезд.

Проте на відношення губернатор 15 лютого 1883 р. начальникові подільської губер. жанд. управи відповів так:

Отношением от 8 февраля за № 422 я просил Вас уведомить меня встречается ли необходимость к возвращению на прежнее место жительства в м. Мизяков Валериана Боржковского или же он может оставаться на жительстве в г. Одессе, но в последовавшем на это отношении Вашем от 9 февраля за № 92 прямого ответа на это не заключается.

¹⁾ Цей як і дальші документи взято із справи секр. стола канц. под. губ., 1882 р., № 29.

²⁾ Одержано 4. II. 1883.

Вследствие сего вновь имею честь покор. просить Ваше вб. уведомить меня, представляется ли в настоящее время в виду состоящего у Вас на производстве дела о Боржковском, надобность в водворении его на месте прежнего жительства или же следственные действия по делу, по которому он отдан под надзор полиции, Вами уже окончены и в водворении Боржковского в м. Мизяков надобности не предстоит.

Але начальник подільської губ. жанд. управи, відповідаючи 16 лютого губернаторові, перекладав розв'язання питання про Боржковського на вищу інстанцію:

На отвошение Вашего превосходительства от 15 февраля за № 477 имею честь уведомить, что дознание о преступном сообществе, присвоившем себе название „Подольская Дружина“, к которому привлекался в качестве обвиняемого Валериан Боржковский, мною окончено еще в сентябре месяце прошлого года и представлено установленным порядком к прокурору одесской палаты.

Имея в виду, что в 1045 стат. Уст. Уголов. Судопроиз. сказано, что в случае нужды, министр юстиции может сделать распоряжение о производстве кроме дознания, предварительного следствия, я не могу предрешать может ли Боржковский остаться в одесской семинарии или должен быть возвращен обратно, для присутствования при предварительном, могущем быть следствии.

О поступлении Боржковского в одесскую семинарию, я донес уже департаменту государственной полиции и вместе с тем уведомил начальника жандармского управления г. Одессы об устройстве особого наблюдения за Боржковским.

Вместе с тем, я полагаю, что департамент государственной полиции, имея мое доведение о поступлении Боржковского в одесскую семинарию и зная какое последует распоряжение по дознанию о „Подольской Дружине“, сделает соответствующее распоряжение о дозволении Боржковскому остаться в Одессе или высылке его обратно в Подольскую губернию.

Майор Барон Гиллесем.

На папері стоїть резолюція губернатора:

За самовольную отлучку без разрешения власти, отдавшей под надзор, Боржковский никакой ответственности не подлежит, кроме принятия более строгой меры к обеспечению его личности.

См. 63 ст. уст. о наказ. нал. мир. судьями, приложение к ней.

К делу.

Дискусія поміж губернатором та начальн. под. губ. жанд. управи, як бачимо, закінчилася для Боржковського сприятливо, бо його тоді з Одеси не завернули до Мизякова; його здається також не заарештували, „принимая более строгую меру к обеспечению его личности“. Ба, коли 16 лютого 1883 р. вийшов „височайший“ наказ з приводу „Подольской дружины“, який засудив Боржковського на 2 роки явного догляду, то й тоді Боржковському не заборонили перебувати в одеській духовній семінарії, учинивши там же, в Одесі, за ним поліційний догляд, бо 8 березня подільський губернатор сповістив одеські „подлежащие власти“ про царську резолюцію¹⁾. І все ж Боржковський вибув з одеської семінарії. Тут уже треба гадати ініціативу виявили одеська жандарська влада та ректор одеської духовної семінарії.

Дальші документи наші про Валеріяна Боржковського стосуються того часу, як він уже, відбувши двоєрічний явний догляд поліції, відбував негласний. Вінницький справник у рапортах до губернатора²⁾ та начальника под. губ. жанд. управи фіксує час приїзду й від'їзду Боржковського до Мизякова та з Мизякова, кожного разу повідомляючи про заведення негласного догляду. Їздить же тепер Боржковський на заробітки приватними лекціями.

26 липня 1885 року вінницький справник повідомляв, що Боржковський 16 липня повернув до Мизякова Вінницького повіту з с. Воронинець Литинського повіту. 10 жовтня 1885 р. з рапорта того ж справника ми довідуємось, що Боржковський 23 вересня з м. Мизякова поїхав до м. Гусятина Кам'янецького повіту. 7 листопада Боржковський повер-

¹⁾ Канц. к. ген.-губ. 1882 р., № 197. Повід. под. губ. 24 III. 1883, № 968.

²⁾ Див. д. канц. под. г. (секр. ст.), 1886 р., № 15.

нув з Гусятина до Мізякова¹⁾. Через два тижні, а саме 22 листопада того ж року Боржковський знов виїхав до Гусятина²⁾. На цей раз повернув з Гусятина аж 1886 року 23 березня, видимо закінчивши свою репетиторську роботу³⁾, бо більш туди він не їздив. Боржковський був у Мізякові тепер трохи не два місяці й виїхав у Михайлівку Ямпільського повіту, куди закликав його Михайло Коцюбинський на своє місце репетитора при дітях попа Антона Мончинського.

Боржковський виїхав з Мізякова 18 травня, а Коцюбинський, передавши обов'язки своєму наступникові, прибув до Вінниці 25 травня⁴⁾, отже очевидно, що М. Коцюбинський та В. Боржковський якихось пару днів були разом у Михайлівці.

Рапорт губернаторові про від'їзд Боржковського до Михайлівки подаю цілком, бо він має деталі, що їх нема в попередніх.

Состоящий под негласным надзором полиции, на основании 4 пункта циркуляра г. министра внутренних дел от 9 апреля 1882 года за № 1765, священнический сын Валериан Васильев Боржковский, 18 числа сего мая выехал из м. Мизякова Винницкого уезда в с. Михайловку Мурафскую Ямпольского уезда, к тамошнему священнику.

О чем имею честь донести Вашему превосходительству и доложить, что об этом мною вместе с сим сообщено начальнику под. губ. жандармского управления и Ямпольскому уездному исправнику.

21 мая 1886 года.

Уездный исправник Беклемишов.

Під час перебування в Михайлівці Боржковського було звільнено також з-під негласного догляду поліції, як це ми бачимо з відношення нач. губ. жанд. управи від 30 липня 1886 року до губернатора:

Начальник управления, в силу предоставленного ему циркуляром деп. полиции от 10 марта 1883 года за № 454, нашел возможным прекратить негласный надзор за следующими лицами: 1) мещанкой Марьей Степановой Наумовой, по мужу Скульской, проживающей в с. Калиновке Винницкого уезда; 2) Сыном священника Валерианом Васильевым Боржковским, проживающим в с. Михайловке Мурафской Ямпольского уезда; и 3) Мещанином Петром Кирилловым Постемским проживающим в Виннице. Сделав вместе с сим сношение с подлежащими начальниками полиции о прекращении негласного надзора, я имею честь об этом уведомить Ваше превосходительство.

За начальника управления помощник его, ротмистр Таратуйль.

II.

В половині 80-тих років Боржковський вступає поруч Коцюбинського у ближчі стосунки з вінницьким діячем Цеславом Нейманом, відомим етнографом, а з 1887 року в „Кіев. Стар.“ друкує свої статті на теми української етнології. Працюючи в тому ж напрямі, Боржковський починає переписку з Михайлом Комаровим, посилає свої записи з народного фольклору до його збірників, які здебільшого не побачили світу з цензурних причин. Подаю тут деякі листи Боржковського до Комарова з неопублікованими матеріалами.

Шановний Добродію!⁵⁾ Пославим до Вас 14 сего лютого дві замітки і одну легенду, Надіюсь, що вони дійшли до рук Ваших, бо були послані заказним. Тепер досилаю Вам до „Молитв“—молитв одної старенької бабусі, записані мною сими днями. Цікаві вони особливо тим, що меж ними є „Сон Богородиці“, звісний уже апокріф. Я й раньше знав, що він стоїть в молитвах людей теї околиці, де я живу, но записать його до сих пор не приходилось.

Помістивше посилаємі тепер молитви прийдецьця де-що переправить в замітці—о цім Вас прошу, будьте ласкаві потурбуйтеся.

1) Рапорт 21 листопада 1885 р., № 699.

2) Справників рапорт 6 грудня 1885 р. № 722.

3) Діло канц. под. губ. 1886 р., № 15. Рапорт вінн. справника 1 квітня 1886 р., № 174.

4) Д. канц. под. г. 1886 р., № 15. Рапорт вінн. справника 9 червня 1886 р., № 303. Див. мою статтю в „Записках Іст.-Філ. від. УАН, кн. XII, с. 130; окр. відб. с. II. Виходить, що помилився Олексій Мончинський гадаючи, що М. Коцюбинський був у Михайлівці після Боржковського. Марія Мальчевська у цьому питанні не помилилася.

5) В правописові листа додержуюсь оригінала.

В мене в ще молитви й пісні церковні в гумористичнім перекладі, — о них нема ¹⁾ що й думати, щоб пропустила їх коли духовна цензура.

Будьте ласкаві, добродію, пишіть по тій самій адресі, що і перше подавшим до Вас (Вінниця, Под. губ. Мизяков). Буду дуже радий одібрати лист од Вас.

26-е лютого [18]92 року. З щирим поваженням до Вас В. Боржковський.

Первая заповідь. Азъ есть господь бог твоій, да не будутъ тебе бози ынніи разве мене. Другая—не сотворывшеся тоби Богу всякого подобія, лыко на гори, лыко на земли, лыко нызу въ водах пидъ землею. 3-я—не прыемне Бога твоего суче. 4-я—помны день седмий, субботу, шість дней вси дила его. Шестое—не украды. Седмое—не убый. Не прелюбодійствуй. На друга твоего свидительства ложна. Не пожилай жены своего искренняго, ни раби його, ни вола його, ни скота, ни лыко ближнього твоего.

На Сіянські гори, на братерські землі пресвята Марія уснула. Преснывся їи сонъ дивенный, чуденный, що тебе Жыдове спіймалы докаянне ребро копію забывалы, чесной главы терновый винець коронувалы, на голову клалы и ручки и вижки гвоздями прыбывалы, на хрест роспыналы. А въ недиленьку рано, якъ сонечко по неби сходыть, пресвята богородыця по неби ходыть, Суса Хрыста за ручку водыть. Взяла його за ручку, повела на всиношну, а зъ всиношной на ютреню, а зъ ютрени на службу божу, а зъ службы божой на акапыстъ, а зъ акапыста на кáзань, а зъ кáзани на море; а на мори каминь, а на камини църква, а в църкви престолы стоятъ, а на престолах господь седить, свои пять рав роскрыв. Обзываецця Петро и Павло: Петре и Павле, що ж ты починаеш, за нас гришных муки маеш? Не дывуйте муци, возьмись хрест у прави руци, понесит по всьому свитови, накажитъ старому й малому, хрому (хромому?) слипому: хто цей сонъ буде вмыты, не буде в води потопаты, в вогни погорати, не буде його звир поидати, гад посысаты й рай створаты й пекло замыкаты.

Анголю хранытелю, стережы души и тила а з вечера до пивночи, видъ пивночи до свита, одъ свида до вика (3).

Перед сном, крестя свою постель: на хресту лягаю, хрестом — ся вкряваю, хрестъ пидо мною, хрестъ надо мною. (3).

(Майдан Сопр. (?) Вин. у.)

Далі листування Боржковського з Комаровим припиняється на 10 років. Поновлюється воно тоді, як Боржковський з цілої низки пригод оселюється в Вінниці на довший час, заробляючи на прожиття собі й родині працею землеміра. Першого з цих пізніших листів Боржковського, писаного 3 березня 1902 р. й інтересного громадськими замірами Боржковського, подаю цілком.

Високоповажаний добродію, Михайле Федоровичу!

Од щирого серця дякую Вам за гарний подарунок. Дай боже Вам на користь рідній веньці ще не одну таку гарну книжечку написати, як Ви мені прислали. Пишу д. Гнатюкові, аби прислав Вам од мого ймення мою невеличку працю надруковану в етнології: „Життя на віру у сибірських селян“ Маю її 50 одбитків, але руки короткі, щоб дістати її, бо її враз з другим добром змій горинич стереже. Отже буду дуже радий як Ви її одберете; хоч своєю маленькою працею подякую Вам.

Я взявся скласти книжечку для народу про землемірство, але живу в такому закутку, що не знаю, що надруковано такого ж самого для народу на других мовах — російській, польській, німецькій. Чи не знаєте Ви часом що по сьому ділі надруковано? Може Вам прийдеться довідатись про яку книжечку, то прошу звістити мене. До спеціального змісту про міряння землі хочу ще додати самі елементарні закони, які тичуться до найбільшої потреби селян. Чи не знаєте часом якого адвоката, щоб міг дати в сій справі коротенькі помітки з покажчиком одповідних статей закону. Працею я коло мужицької землі і практикою довідався, яка темнота обгортає сю справу в селі. А земля тепер гаряче діло для хліборобів. Та й скільки шахрайства і непорозумінь од того що люди не знають, як міряти, як ділити землю і які закони до неї. Отже я Вас дуже прошу вельми шановний Михайле Федоровичу, взяти на увагу мое прохання, бо весь робочий час я в селах коло землі і не маю змоги стежити за літературою. Найбільш маю часу зимою. Але в всякім разі могу хоч потрохи працювати літом.

Як літом переїдете до себе на дачу в Літки, то прошу подати мені звістку і я хоч буду де на роботах, приїду до Вас по сусідські побалакати.

З високим поваженням до Вас готовий на услуги В. Боржковський.

3 марта [1]902 р. Вінниця.

Може хто з Українців захоче купити кусочки землі для дач в Вінниці, то могу стати в пригоді. Вінниця гарне місто й варто його заселяти нашими дачниками. Є таки тут кусочки, що можна б купити.

¹⁾ В ориг. „не мо“.

В дальших листах 31 липня 1904 р., 5 серпня 1904 р., 3 листопада 1906 р., та одному без дати Боржковський писав до Мих. Комарова у справі купівлі літовища, що його збирався набути біля Вінниці Комаров. В листі 12 лютого 1907 р. Боржковський просив Комарова рекомендувати йому в Вінницю дачників.

З рекомендації Михайла Комарова починаючи з 1892 року, В. Боржковський декілька років працював у Басарабії на філоксері. З того часу збереглися два його листи до експерта філоксерної комісії Панаса Погибки. Ці листи з одного боку показують, як Боржковський навчився землемірської справи, а з другого боку являють собою важливі документи до невивченої ще смуги в житті цілого гурту наших „філоксерників“, як М. Коцюбинський, В. Боровик, В. Андрієвський, Т. Мальований і ін. Тому подаю їх цілком.

Вельмішановний добродію, Панасе Івановичу!

6 січня [1893 р.]

Вибачайте, будьте ласкаві, що не з першою поштою подаю до Вас листа—до пошти мені 20 верстов і не кожен день трапляється бути в Вінниці. Хвалить бога я на всякий случай забрав з собою свої нотеси і тепер маю під руками що треба. Не можу Вам тільки сказати, яка площаь отруяна у Вас. Кост. Битки, бо я хоць там і був, але третім, бо отруювання вів Німцевич¹⁾, а я з Кайсеном²⁾ були йому помічниками. В дневнику повинно се бути, скільки отруяно.

1. Площаь отравлення в Кобильні у Ангелініча—23,92 к. с. в нього ж корчів зрізано—5. 2. Марарь Иван—площаь отрав—90,2 к. с. 3. „Нізшій“—отруяно—428,06 к. с., зрізано корчів—151.

Число отравлених корчів на „опытному“ можно узнати у Віт. Гаврил.³⁾ Про роботи на „опытному“ я заміток з собою не взяв і через те не можу нічого сказати. Сіж справки—кільки отравлено, скільки полічено, т. і я вже давав йому. А як би і у нього не було сих справок, то се легко зробити, варто тільки пожитати по пляні, там всякий корч в. Як там Ви поживаєте? Як Вас бог милує? Десь певне саме працюєте над отчотом. Той гаряча тепер у Вас робота. А я тепер трохи захворів сижу дома і нічого не роблю. Як поправлюсь тай за працю знов. А там на який час і до Києва загляну.

Тим часом бувайте здорові. Прошу передати мій поклон громадянам⁴⁾.

З щирим поважанням Ваш В. Боржковський.

Многоуважаемый Афанасий Иванович!

Измерение треугольников, что между почтовой дорогой и селом, а также тех виноградников, что идут от Шарбана до почтовой дороги мною вполне окончено. Измерение Крышки и Реди⁵⁾ тоже готово. О Реди я Вам уже раньше писал, а сегодня сделал и Крышки. Вся Крышка 100 дес.; сплошного 14 д. 2000 к. с.; не сплошного 34 д. 1200 к. с. а всего зараженого 49 д. 800 к. с. Сегодня под вечер еду домой. Соберу рабочих и на 4-й день паски уезжаю назад. У меня есть в виду один паренек 18 лет, прекрасно окончивший нар. школу. Его можно приспособить к письменной работе, а также и к расследованию, для отравления он не особенно годился бы ввиду своего неособенного роста. Он малый вполне надежный. Не взять ли его как рабочего? Если не взять, то прошу уведомить меня об этом и я оставлю его дома, если же Вы напишете чтобы его взять или от Вас не будет известия, то я его привезу. Коцюбинскому везу 20 руб.

Бувайте здорові й щасливі і весело жичу провести свята.

24 мар. 93 р.

З великим поважанням до Вас В. Боржковський.

Нарешті подаю два листи В. Боржковського до М. Коцюбинського.

Любий брате і приятелю!⁶⁾ Одібрав Ваш твір і можу Вам щире подякувати за нього. Я думав, що Вам цікаво знати мою думку що до нього? От Вам зараз і скажу. Ви на-

¹⁾ О. Урсин-Німцевич тоді розвідач філоксерної комісії. Пізніше член ради харківського сільсько-господарського товариства та один з фундаторів „Хлібороба“, що виходив у Харкові з 1907 року.

²⁾ Теж розвідач філоксерної комісії.

³⁾ Боровика, що був там за помічника експерта.

⁴⁾ Треба розуміти—одеським громадянам.

⁵⁾ „Кришка“ и „Редь“ це урочища в Пересічині, Оргіївського повіту в Басарабії, де 21 вересня 1892 року загін філоксерників під орудою В. Боровика виявив великі плями на виноградниках, що їх руйнував шкідник—філоксера.

⁶⁾ Иван Лютий, подаючи уривок з цього листа („Україна“, 1927 р., кн. 6, с. 134), помилково авторство його накидав В. Боровикові.

писали, брате, гарну і сильну річ. Я її маю за одну з лучших Ваших річей. Не кажу про багатство ярих картин оповідання—але про зміст і дієві люди. Про зміст теж замовчу, а скажу що до психології. Вона в Вас витримана з початку до кінця. Головна фігура, артистично змальована, вийшла Соломія, а потім Котигорошок. Остап вийшов натуральним цілком, але бліднів перед штрихами, якими змальовано Котигорошка і Соломію. Про решту скажу, що все теж добре. Ся річ знов показує, що Ваш талант міцнів. А крім сього можу постановити Вам дві увагу (sic): 1) можна пожалкувати, що ся річ вийшла тепер, а не раніше 2). Мені трохи дивно, що в оповіданні вийшла путанина в поняті „козак“ і „Москаль“. Мені здається, сторожа над кордоном була московського (?) уезду, значить був не козак, а москаль, чи верховий чи піший. А може над кордоном сторожили козаки російського війська,—слово ж „нічаво“ не вказує Українця, а кацапа, то мені здається слово „козак“ всюди тра було змінити на „Москаль“, як того потребує і зміст оповідання. А то виходить якось так, що втікачі тікають до козаків і мають козаків за своїх оборонців, а тут козаки їх луплять. Простому чоловікові од сего голова заморочиться. Ви самі не раз виправляєте слово „козак“ на „Москаль“, то на мою думку оповідання більш виграло б од слова „Москаль“. В всякім разі се дрібниця, а оповідання само по собі гарне і дай Вам боже таких річей побільше написати.

За присилку Вас цілую й дякую.

Віталь¹⁾ щось мовчить, чи не слабує часом. Я ж працюю і заробляю кусок насущного хліба. Хтїв би з Вами побачитись але не знаю коли се буде. Нарочито їхати „нам порале“ себ то нема грошей хіба часом стрінемось в Києві.

7 мая [1]902 р. Вашій родині мій щирий уклін Ваш В. Боржковський.

Дорогий приятелю!²⁾ Вибачте, що зараз не одповів на Ваш лист — бо їздив по заробітках, де трудно було достатись до пошти. Радий з Вами бачитись. Надіюсь листа сего одбирете завтра. Колиб Ви їхали через Вінницю 14-го або 13-го³⁾, то телеграфуйте зраня; я Вас зустріну на потязі, а колиб їхали пізнійш днем, то мабуть не зможу бачитись, бо гадка виїхати в Житомир. На листа Ваша одповім, як не доведеться забачитись, лиш дайте заграничну адресу.

Сім'ї Вашій уклін.

Ваш повсігда В. Боржковський.

Подаючи матеріали до життя та діяльності В. Боржковського, не можу не згадати тих втрат у документах, що їх ми мали в далекому чи недалекому минулому. Коли Боржковського було заарештовано 1919 р., то родина його, боячись компрометації свого батька, спалила всю переписку, де загинули листи від М. Коцюбинського, М. Комарова й ін. Так само пропала чимала бібліотека В. Боржковського. Тільки останню книжку з неї „Записки юго-западного отдѣла. Томъ II. За 1874 годъ“, яка перейшла до Боржковського від Ц. Неймана, мені пощастило здобути в сина Боржковського. Не сприяли обставини й тому, щоб листи В. Боржковського заховались у його кореспондентів. Так подані 2 листи В. Боржковського до Коцюбинського являють собою рештки з інтересної переписки близьких приятелів, бо листи Боржковського конфіскував уже вінницький справник 19 квітня 1883 р., переводячи трус у Коцюбинського. Пізніше переписку з Боржковським та Боровиком і напевно ще й з іншими братами знищив сам Коцюбинський, бо року 1899 В. Боровик, бувши заарештований в політичній справі, просив про це Коцюбинського.

Серій Козуб.

¹⁾ Віталь Боровик.

²⁾ Картка, що її написав В. Боржковський 9 чи 10 травня 1909 р.

³⁾ М. Коцюбинський тоді їхав уперше на о. Капрі (до Італії).

З ВИДАВНИЧОЇ ДІЯЛЬНОСТІ Б. ГРІНЧЕНКА ТА ПОЛТАВ-СЬКОГО ГУБ. ЗЕМСТВА в 1890 рр.

Борис Грінченко, як відомо, визначився не лише як поет-письменник, але як український культурно-громадський діяч 1880—1910 р.р. Доба його культурно-громадської праці, особливо до 1905 р., була надзвичайно тяжка. Українське слово пробувало в цей час під гнітом варварського акту 1876 р., а носії його вважалися за неблагонадійних, що важаться на єдність Росії тощо. В наслідок цього, більшість українських діячів провадили хатню українофільську роботу без будь-якої громадськості, а частина приклала свої сили до революційної та культурно-громадської праці в Галичині тощо, де Українцям дихалося вільніше. Український народ в справі освіти був кинутий на призволяще та мізерне пеклування пануючих кол, що давили його в школі чужою для нього макулатурою, яка вбивала й витравляла в нього будь-які потяги. В цей час (1882—1883 р.) правда, чулися вже (хоч поодинокі) голоси на земських зібраннях про допущення в школах заборонених (хоч і придатних) книжок «по языку и содержанию приноровленных к школам Малороссии и к духу и понятиям местного сельского населения», але з цього нічого не виходило, бо ці голоси й пропозиції заглушались та паралізувалися більшістю земців, що являли собою зросійщене панство¹⁾.

На такий час і стан припала напівлегальна громадсько-культурна праця Грінченка. Не зважаючи на оточення, він вперто йшов до мети, кажучи: «я ворог відомої приказки про ласкаве телятко, а цілковитий прихильник формули: виявляймо силу і матимем, що схочемо...» (Лист 30, IX—1892 р.)²⁾.

І дійсно, працюючи ввесь час, він доводив це й на ділі, зокрема і в справі українських народніх книжок, що видавав в цей час. На протязі свого перебування в Чернігові (1894—1900 р.р.) він видав п'ятдесят книжок (200.000 примірників) для народу³⁾, в тому числі й науково-популярного характеру. І це в той важкий час, коли з надісланих до цензури 230 українських рукописів та книжок—дозволено лише 80 (Єфремов,—Вне закона).

В 1894 та 95 р.р. Грінченко видав: «Батько та дочка», «Підпал», «Робінзон», «Харитя», «Ялинка», «П'ятизлотник», «Вірна пара», «Кум-Хан», «Добра душа», «Катерина», «Чорноморці у неволі». В цензурі застряли: «Маленькі люде», «Байки», «Санько-Музика», «Неймовірний», «Безщасний батько», «Барвінок» (збірник). Жалкував ще Грінченко, що в Чернігові не

¹⁾ Спроба оживити школу та дати свіжу духовну їжу для народу була на XIX золотонішському земському зібранні, де визнали відсутність «книг по языку и содержанию приворовленных к школам Малороссии» і з пропозиції гл. Косюра було порушено клопотання перед полтавським губ. земством «о назначении премии за составление учебника, книги для чтения и периодического издания для народа». На губернському зібранні гл.г.: В. В. Косюра, І. В. Лучицький, В. П. Горленко та А. Г. Іваненко підтримували клопотання золотонішського земства, при чому В. В. Косюра вважав за бажане доручити губернській управі розробити питання про видання періодичного органу для народу й видати пробний номер, а гл. Горленко прохав зібрання клопотатися про дозвіл на допущення в школах книжок, що заборонені в них, хоч і цілком придатні. Губернське зібрання ухвалило: «доклад управы по ходатайству золотоніш. земства отклонить». (Журнал 27/X—1883 р. с. 33).

²⁾ «Рада» 1910 р., ч. 166, ст. Д. Пісочинця: «Видання народніх книжок Б. Грінченком».

³⁾ М. Плевако,—Хрестоматія нової укр. літер., т. II, с. 68.

було своєї крамнички (для жвавішого збуту книжок), щоб швидче поверталися книжкові гроші (що мав від І. Череватенка—1000 карб.) знову на видання нових книжок. Діставали дозвіл від цензури так: коли вона забороняла яку книжку, їй надсилали ту ж саму в переробленому вигляді, від іншого автора, з іншого міста, іншою рукою переписану тощо, і бувало, що книжка бачила світ¹⁾.

Особливо вередлива цензура була до книжок, що писалися в формі оповідання, але з прихованою наукою—тут уже, як говорять Грінченко та Д. Пісочинець, зовсім не можна було передбачити що пройде, а що буде заборонено. Напр. в той час, як Пісочинцю заборонено «Сковороду», Загірні (дружина Грінченка) дозволено «Стефенсона» та «Орлеанську дівчину». Грінченкові заборонено невинну «Сахару» та «Гутенберга» тощо²⁾. В цей час (1896 р.) заборонено й рукопис Грінченка про життя Котляревського, що надсилався до цензури від полтавського губ. земства. Ця заборона ілюструє нам далі в подробицях ставлення цензури до праць з україніки взагалі (біографія Котляревського, російською мовою) та зокрема, коли ініціатива видання походила від такої установи як губ. земство.

Мав Грінченко доручення від полтавського губ. земства написати біографію Котляревського в зв'язку з тим, що 1894 р. (сприятливішого з економічного боку для земства: після голоду, пошестей тощо), на земському зібранні було асигновано 750 карбованців (щорічних) на видання народніх книжок та відкриття народніх читалень. Варто відзначити, що при обговоренні цього питання (про участь земства в справі поширення освіти та виданні народніх книжок) в комісії, що складалася з голів пов. земських управ Полтавщини, половина членів її (тоб-то 8) обстоювала за клопотання про дозвіл в читальнях і українських книжок, але, як голоси поділилися, то ухвалено винести це питання (про укр. книжки) на земське зібрання, де воно, з відомої причини, й було провалене; хоч член губ. упр. П. М. Бровко доводив зібранню, що «книги на малороссийском языке гораздо легче усваиваются населением и способствуют более быстрому развитию крестьянина» («Журн. Полт. Губ. Земск. Собр., XXX, отч. соз. 1894 р., с. 167»³⁾). Цією постановою очевидно можна пояснити й те, що Грінченко виготовляв замовлену йому працю російською мовою. Листування ж його з губерн. земством⁴⁾ в цій справі являє нам Грінченка як пропагатора укр. нар. книжки між такими установами як земство, де в 1890 р. набував уже ваги та впливу «третьій елемент»—інтелігенція, що мала сприяти українським культурно-просвітнім замірам та через «виборців» переводити їх в життя.

Крім цього з листування ми знаємо Грінченка, як знавця руху народньої книжки та знавця психіки й інтелекту її читача. Його досвід в цій справі вказав йому свого часу й на потребу подачі до «Енеїди» ключа—популярної передмови для кращого й правдивого розуміння її народнім читачем. Далі подаємо лист Грінченка до зем. упр., висновки членів експертної комісії, що Розглядала рукопись „Ив. П. К-ий“ та відповідь Грінченка на зауваження комісії.

1) „Рада“ 1910 р., ч. 166 ст. Д. Пісочинця: „Видання нар. книжок Б. Грінченком.

2) Ibid.

3) Земське зібрання в даному разі пішло за Е. М. Шейдеманом (кол. управителем карлівського маєтку), що „находил неуместным вносить в такое серьезное ходатайство (як поширення шкільної освіти) губ. земства не имеющий в настоящее время существенного значения вопрос о допущении книги на малорусском языке“ (Журн. Полт. губ. зем. зібр. XXX от. соз. 1894 р., с. 167).

4) Полт. Кр. Іст. Ар., фонд полт. губ. зем. 1895 р. „Дѣло объ изданіи Полт. Губ. Зем. Упр. народныхъ книгъ“, ч. 171, арк. 75.

Милостивий государь Николай Григорьевич.¹⁾ Вместе с этим посылаю Вам написанную мною для полтавского губернского земства биографию К—го.

Быть может, можно сказать, что великорусскому языку моей брошюры я придал несколько малорусских форм и оборотов. Я сделал это умышленно, имея в виду моих полтавских читателей. Равно избегал я и некоторых слов, имеющих, при одинаковой форме, неодинаковое значение в обоих языках: я, напр., остерегался употреблять слова дурной и плохой, которые по малорусски означают глупый и смиренный и потому могут послужить камнем преткновения для читателя-Малоросса.

Я очень просил бы, известить меня о заключении комиссии и губернской управы, как скоро моя рукопись будет ими рассмотрена.

Не могу ли я просить также двух вещей:

1) чтобы, если рукопись будет пригодною к напечатанию, гонорар за нее выслан был мне вслед за одобрением рукописи управою, а не после ее напечатания; 2) чтобы мне было выслано не менее 50 экз. книжки по ее отпечатанию. Если же рукопись будет отвергнута управою, то прошу мне ее возвратить.

Вместе с этим мне хочется еще раз возбудить вопрос об изданиях на малорусском языке.

В письме Вашем Вы говорите, что управа будет издавать только те книги, которые можно распространять в народе чрез земские склады, начальные школы и народн. библиотеки. Под первое условие украинская книжка подходит: земские склады харьковский, черниговский, александрійский, ананьевский, как мне достоверно известно, распространяют украинскую книжку свободно.

За то, правда, в народные школы и библиотеки она не проникает. Но действительно-ли дело от этого находится в таком положении, как изображено в Вашем письме. Вы говорите, что украинск. книжка «лежит на полках книжных магазинов или распространяется в бодее или менее о г р а н и ч е н н о м количестве экземпляров среди любителей малоросс. литературы и э н т е л и г е н ц и и».

Я не буду обращаться далеко назад и позволю себе привести несколько фактов только за последние 2—3 года.

В прошлом году издан в Киеве дешевый «Кобзарь» Шевченка в количестве 20.000 экз. Он расходуется так быстро, что уже поговаривают о втором таком-же издании—и это после изданий того же «Кобзаря» в 1883, 1884 и 1889 г.г., не говоря о прежде бывших. — «Катерина» Шевченко издавалась много раз и по 10, и по 20 тысяч экз., а в настоящем году появилось два ее издания: одно чье-то в Одессе, а другое—мое. Я сам был свидетелем того, как, напр., харьковские лубочники, ведущие торговлю исключительно с народом, покупают ее тысячами. Потребность в этой книжке такова, что появились даже самовольные издания, и собственникам произведений Шевченка приходится, как то видно из газет, вести из-за этого судебные дела. Несколько изданий «Наймичка» Шевченка не помешали ей появиться в издании харьковском в количестве 50.000 экз., из которых тысяч 20 уже распродано, несмотря на то, что дело продажи ее поставлено до крайности плохо. Обратимся к иным авторам, и мы увидим, что книгопродавцы-лубочники, уверенные в сбыте, не боятся издавать украинские произведения Квитки, Кропивницкого, Котляревского и др. в десятках тысяч экземпляров. Известный московский лубочник Губанов, несмотря на то, что действует в Москве, требованиями публики, принужден был заняться малорусск. книг²⁾.

¹⁾ Очевидно Кулябко-Корецький Микола Григорович, що з 1880—1896 р. нелегально працював у полтавському губ. земстві не вважаючи на часті пропозиції губернатора та ген.-губернатора голові упр. усунути його з посади, як пробуваючого під доглядом поліції.

²⁾ До сих пор я знаю 11 книжек его изданий следующих авторов: Квитки (пять),

Харьковский лубочник Михайлов издает 20.000 экз. «По ревізії» Кропивницького рядом со многими другими. Дошло до того, что лубочные издатели, если не имеют права на издание малорусск. книжек, ставят на книжках, написанных по великорусски, малорусские заглавия, чтобы привлечь публику. (Напр. «Добре робы, добре й буде, Наймичка, Москаль-Чарівник, Пан Шипавка, або ж Раки и т. д., я знаю более десятка подобных книг¹⁾).

Я не буду утомлять Вашего внимания приведением ряда внушительных цифр, указанием количества экземпляров, издаваемых всякими фирмами малорусск. книг. Я только прошу Вас: неужели же это интеллигенция, нет только любители мал. литературы,—раскупают эти десятки тысяч укр. книг. Достаточно вспомнить цифры, чтобы уже получить отрицательный ответ на этот вопрос; а один взгляд на то, кому продают лубочники свои издания убедит нас сейчас-же в том, что пункт, к которому стремятся это сельская малорусская хата.

И так, то Ваше положение, что украинская книга не может иметь достаточного распространения, падает при первом соприкосновении с фактами.

Но, скажете Вы, важно, чтобы книга шла в школу и библиотеку народную. Конечно, важно. Но если ее не пускают.

Неужели полтавское земство предполагает, что все его издания на великорусском языке будут допущены в школу и народную библиотеку. Все, что мы видели и видим, дает нам несомненную уверенность в том, что этого не будет. Что же, неужели так и отказаться от издания книги, не получив предварительного одобрения ее от ученого комитета М. Н. П. Это значило бы умышленно сузить свою деятельность, умышленно отнять у себя возможность провести в народные массы книжку хорошую, хоть и неодобренную учебным комитетом. Ведь если будем ограничиваться только книжками, рекомендованными этим комитетом, то, за немногими исключениями, придется кормить народ очень несвежей духовной пищей. Очевидно, что кто не пожелает связывать себе перед работой руки, тот, издавая книги для народа, будет игнорировать вопрос о допущении этих книг в школы и нар. библиотеки, потому что это, хотя и весьма желательное, допущение обставлено такими условиями, рядом с существованием которых, в громадном большинстве случаев, невозможно проведение в народную массу свежей струи возбуждения умственной самостоятельности и критической мысли. Поэтому интересы самого дела просвещения народного требуют, чтобы лица, служащие этому делу, не оставляя добиваться возможности иметь свое влияние и в школе, и в народной библиотеке, обратили теперь свое внимание на те способы распространения книжки, которыми пользуются все издатели народных книг, действующие в широких размерах. Поверьте, что народ неизмеримо больше читает книг, добытых не чрез школу и народную библиотеку, а помимо их,—в этом я, как много лет бывший народным учителем, убеждался на каждом шагу, да это доказывают и те громадные (для нас, конечно) цифры экземпляров лубочных и нелубочных народных изданий, которые (издания), не будучи одобрены учебным комитетом, все-же поглощаются народными массами.

Не следует-ли, из всего этого, что препятствий к широкому распространению украинской книги в народных массах нет, а потому нет и препятствий для издания их полтавскою управою, раз она вообще признает

Котляревского (2), Чайченко (три, два из них вторым изданием), П. З. Р-ої (одна). Каждую книжку Губ. издает самое меньшее в 6000 экз. Издания будут им продолжены.

¹⁾ В одном Чернигове издано мною или под моим наблюдением 66 тысяч экз. укр. книг (за этот год и конец прошлого) и распродажа их даст возможность печатать все новые и новые издания. Теперь печатаются третьим изданием „Байки“ Л. Глібова в количестве 10.000 экз.

необходимость издания украинских книг. А если-бы даже и были такие препятствия, то не лежит ли на земстве полтавской губернии, земстве родины Котляревского и Гребинки нравственного обязательства употребить все в данном случае возможные усилия, чтобы устранить эти препятствия. Ведь раньше или позже они должны быть устранены и будут устранены,—почему же мы медлим это сделать. Не будем ли мы отвечать пред историей за слишком малые усилия в деле устранения препятствий к правильному просвещению украинского народа. Указываемое Вами постановление полтавского губернского земского собрания, враждебное украинской книжке, не только крайне непоследовательно (так как полтавское земство одною рукою ставит памятник Котляревскому, а другою выбрасывает его сочинения из народной библиотеки), но и прямо такого рода, что его скорее следует замалчивать, чем на него опираться.

Если губернская управа согласится с этими доводами, то я просил бы сообщить мне, не найдет ли она возможным принять для своих изданий книжку о каменноугольных шахтах, написанную по украински в беллетристической форме. В такой форме и книжка может быть пропущена цензурою. запрещающею все украинское, кроме оригинальной беллетристики из народной жизни. Тема эта подходит к программе полтавского земства, и я, прожив несколько лет среди донецких шахт, по личным наблюдениям знаю предмет, о котором хочу писать.

Обращаюсь к Вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой сообщить губернской управе это мое письмо и почтить меня уведомлением о решении ея. Примите уверение в моем глубоком уважении Б. Г р и н ч е н к о.
1895 . IX . 15 (27) Чернигов.

З а к л ю ч е н и е Экспертной Комиссии¹⁾ составленной полтавскою губернскою земскою управою для рассмотрения рукописи Гринченко „Иван Петрович Котляревский“.

14/XII—1895 года Комиссия, в составе Афанасия Яковлевича Рудченка²⁾, Григория Ипатьевича Маркевича³⁾, Николая Ивановича Васильсва⁴⁾, Ивана Михайловича Дубяги⁵⁾, Николая Григорьевича Кулябки-Корецкого⁶⁾ и Льва Васильевича Падалки⁷⁾, обменявшись мнениями по поводу заранее прочитанной каждым из них рукописи Гринченко «Иван Петрович К—й», а также выслушав письменное заключение не явившагося на заседание члена Комиссии Алексея Николаевича Лисовского, единогласно признано, что рассматриваемое произведение имеет несомненные литературные достоинства, написано (вообще) языком простым, легким и удобопонятным для большинства читателей из среды грамотного населения Полтавской губернии и излагает предмет интересный, полезный и поучительный для этого населения, а потому безусловно может быть рекомендовано полтавскому земству для издания и распространения в школах, библиотеках и семьях сельского населения Полтавской губернии.

¹⁾ Комісію скликано Л. В. Падалкою від імени полт. губ. зем. упр.

²⁾ Як. Рудченко відомий український письменник.

³⁾ Г. Іп. Маркевич — відомий полтавський громадський діяч та видавець народніх книжок.

⁴⁾ М. Ів. Васильев — викладач історії літератури в полтавському кадетському корпусі.

⁵⁾ Ів. М. Дубяга — член губ. управи і заступник голови (управи).

⁶⁾ М. І. Кулябко-Корецький в 1868 році закінчив київ. унів. юрид. факультет, а потім (з 1880 р.), як уже згадувалося, нелегально служив в управі як цінний робітник.

⁷⁾ Л. В. Падалка в 1884 р. закінчив київ. унів. і поступив на службу в полтавське земське статистичне бюро, але за пропозицією полт. губер. мусив звільнитися, після чого працював у херсонському земстві та харківській міській управі. З 1894 р. знову вступив до полтавського губ. земства — оціночн. ком. економ. відділу. Його праці див. у Павловського „Краткій біографіч. слов. учен. и писат. Полт. губ.“, с. 144).

В частности отдельными членами комиссии были сделаны (многие) замечания об усмотренных или общих и частных недостатках рассмотренной рукописи. Некоторые из этих замечаний вызвали возражения со стороны других членов комиссии и потому, как единоличные мнения, были взяты обратно. Другие же замечания были признаны заслуживающими внимания со стороны всех прочих членов комиссии или их большинства, почему комиссия единогласно признала полезным рекомендовать губернской управе сообщить эти замечания автору с тем, что если он признает их заслуживающими уважения, то чтобы исправил или передал отмеченные части рукописи, которая, по мнению комиссии, выиграет в своих достоинствах от этих исправлений или переделок. Перечисляя ниже эти замечания последнего рода, комиссия для устранения возможного недоразумения считает необходимым подтвердить, что признает в общем рукопись г. Грінченка настолько удовлетворительною и настолько свободною от многих недостатков, присущих большинству книжек предназначенных у нас для народа, что считает безусловно полезным ее издание даже и в том случае, если автор не согласится с некоторыми или со всеми ее замечаниями и оставит свою рукопись без исправления.

Замечания, одобренные комиссиею заключаются в следующем:

1) Автор несоразмерно много останавливается на изложении и разборе «Энеиды» и сравнительно бегло проходит мимо драматических произведений Котляревского, несмотря на общую популярность этих последних, не утративших в малорусском драматическом репертуаре своего выдающегося значения, несмотря на отдаленность времени их создания.

Желательно было бы несколько сократить части рукописи, касающиеся «Энеиды», и расширить места, относящиеся к «Наталке Полтавке» и «Москалю-Чарівнику», при чем указать и значение и достоинство этих последних произведений.

2) В изложении содержания «Энеиды» желательно сократить места, относящиеся к изложению мифологии древних и к объяснению псевдоклассицизма.

3) Желательно переделать место рукописи, относящееся к объяснению, что такое театр; в этом объяснении неприятно действует на читателя несколько искусственная наивность и неудачное употребление некоторых выражений («представление», «представлять»).

4) Заключение желательно пополнить кратким изложением значения И. П. Котляревского и его произведений и закончить упоминанием о возобновлении памятника на его могиле и о задуманной постановке ему памятника на площади в Полтаве, для чего открыта при полтавской городской думе всеобщая подписка в пределах Полтавской губ.

5) Желательно исправить некоторые места, относящиеся к крепостному праву и правам тогдашнего времени. Упоминание о выпуске И. П. К—м своих крепостных на волю,—кладя симпатичную черту на его характер, вместе с тем наводит на мысль, что он купил этих крепостных, так как по бедности родителей, изображенной в первых главах, он не мог получить этих крепостных по наследству.

6) Автор говорит, что К—ий умел «ладить» с панями, а в другом месте, что ему «вероятно» жилось плохо, когда он учительствовал в панских семьях. Последнее предположение противоречит первому, а первое замечание двусмысленно (закреслено, а сбоку написано олівцем Д. Г.) м. б. понятно особенно для лиц, не знакомых с значением великорусского слова ладити может подать повод к обвинению К—го в способности к «подлаживанию», что хотя и опровергается в дальнейшем изложении, не может быть все таки поставлено в укор ему.

7) Вообще желательно исправить некоторые неудачные слова и выражения.

Комиссия в заключение выразила пожелание, чтобы к книжке приложен был портрет И. П. К—го и вид вновь устраиваемого памятника на его могиле, а также, чтобы полтавское земство издало дешевое полное собрание сочинений И. П. К—го, во первых, для распространения его сочинений в народе, а во вторых для того, чтобы чистый доход с этого издания увеличили сумму, (собираемую) на сооружение ему памятника в Полтаве.

Отзыв о статье г. Б. Гринченко «Иван Котляревский, рассказ о его жизни и о его сочинениях».

Статья г. Гринченко дает довольно яркое и живое представление о лице, описанию жизни и деятельности которого посвящена; поэтому с общелитературной точки зрения эта статья должна быть признана, по моему мнению, не только удовлетворительной, но даже и хорошей; в особенности этот отзыв приложим к тем частям статьи, которые посвящены исключительно биографической стороне предмета (главы 1, 2, 3 и отчасти 5); здесь речь проникнута так удачно, что получается, истинно художественный эффект, и образ покойного поэта встает пред читателем, как живой. К сожалению, в других частях работа выполнена далеко не так успешно и не лишена недостатков, которые отчасти заключаются в нарушении общелитературных требований, а главным образом в невыполнении условий, которым должна удовлетворять настоящая статья, как издание, предназначенное для народа.

Г. Гринченко не избег роковой ошибки, в которую так часто впадают составители детских и народных книг: его статья проникнута той же деланной, манерной наивностью, которая является отличительным признаком большинства детских народных книг и которая делает чтение этих книг таким неприятным для интеллигентных читателей. Благодаря неподдельной теплоте чувства, недостаток этот остается почти совершенно незаметным в биографических частях работы; но тем резче и неприятнее выступает она в критических частях.

Так, например, г. Гринченко следующим образом описывает содержание одной из книг «Энеиды»: «К—ий описывает, как Эней пришел в ад и что он там увидел, какие там грешники были и как их там наказывали. Конечно, это сказка, и Эней ада не видал, а К—ий не знал, что и как там делается. Но К—ий описал ад так, как рассказывают о нем в народе. И чтобы осудить то нехорошее, что тогда делалось в нашем крае, он населил ад самыми различными грешниками. «Едва ли самый простодушный читатель встретит без улыбки уверение автора, что К—ий в аду был и не знал, что там делается; равным образом едва ли слово «нехорошее», выхваченное из детского языка, удовлетворит когонибудь в качестве объяснения источника сатиры. Такая деланная наивность особенно бросается в глаза в заключении, которое, по моему мнению, является самою неудачною и слабою частью статьи г. Гринченко».

Кроме этого недостатка, г. Гринченко впадает еще и в другой, также весьма обыкновенный в изданиях для народа: он слишком далеко заходит в своем стремлении к удобопонятности, так будто его читатели лишены не только образовательной подготовки, но и элементарной способности понимания; в тоже время он считает своею обязанностью все раз'яснить этим ничего не знающим и плохо понимающим читателям. Это приводит к тому, что объяснения г. Гринченко кажутся темными даже для лиц, знакомых с явлениями, которые объясняет г. Гринченко; таковы его объяснения псевдо-классицизма и театра. Относительно первого я полагаю, что ему совсем не место в брошюре для народа, так как псевдо-классицизм представляет собою также сложное литературное явление, которое может быть объяснимо лишь на почве истории литературы, а взятое отдельно от других литературных явлений производит впечатление совершенного абсурда, которого и объяснить нельзя. Что касается объяснения театра, то нельзя

не пожалеть, что г. Гринченко предпочел свое крайне неудачное и скорее затемняющее, чем разясняющее об'яснение тому, которое ему давал в руки счастливый случай: именно, в той самой пьесе, по поводу которой г. Гринченко нашел необходимым об'яснить, что такое театр, есть прекрасное проникнутое чудесным юмором, описание театра. Прибавьте к этому описанию несколько слов, чтобы показать, где кончается в описании К-го серьезное и начинается шутка, — и сельские читатели г. Гринченко не видевшие никогда театра, получат о нем гораздо лучшее представление, чем из его сложного и запутанного об'яснения.

Указывая эти недостатки в работе г. Гринченка, я однако нахожу, что эта работа, как по сюжету так и по выполнению, вполне удовлетворяет своему назначению, а поэтому мне казалось бы справедливым рекомендовать губ-у зем-у издать эту работу для распространения среди сельского населения нашей губернии. Алексей Лисовский¹⁾.

2/XI 1895 г. Полтава.

Замечания относительно исправления недостатков биографического очерка «Иван Котляревский» Б. Д. Гринченко указанных экспертной комиссией полтав. губ. земской управы.

Получив замечания комиссии, я произвел некоторые исправления в своей рукописи и имею честь по поводу этих исправлений и вообще замечаний комиссии пояснить следующее (отвечаю по пунктам, установленным в «заключении» комиссии).

I. В разборе «Энеиды» сделаны сокращения, а в главе о драматических произведениях К-го прибавлен написанный наново краткий обзор этих сочинений с указанием их значений — все, что требовало «заключение».

II В этой же главе об «Энеиде» я позволил себе оставить без сокращения места, относящиеся к изложению мифологии древних и к об'яснению псевдоклассицизма. Излагаю соображения, по которым это сделал, — быть может, Комиссия согласится со мной.

Когда, в бытность свою народным учителем, я давал «Энеиду» для чтения сельским читателям, то всегда получал эту книгу обратно или с неопределенным ответом на мой вопрос о достоинстве ее или с указанием на ее непонятность, или даже с утверждением, что это книга дурная, которую не следует читать. И нельзя сказать, что для необразованного сельского читателя книга дает повод к такого рода заключениям. Возьмите вы первые четыре строфы. Вот какие имена встречаются в них: Эней, Троя, Троянці, Юнона, Венера, Парис, Приям, Геба. Эол. Дальше идут (вместе с уже перечисленными): Борей, Норд, Зефир, Эвр, Нептун, Зевес, Юпитер, Дидона и т. д. и т. д. Все эти имена, являющиеся в поэме без всякого об'яснения, без всякого указания (или с недостаточным) указаниемъ отношений, в которых находятся между собою личности с этими именами, сразу спутывают сельского читателя, и делают для него непонятным и то, что само по себе могло бы быть понятным и без об'яснения. Поэтому является необходимость прежде всего уяснить ситуацию — указать место, время и обстоятельства действия. Является необходимым изложение греческой мифологии в таком размере, который давал-бы возможность сделать пояснения хотя бы только относительно главных олимпийцев из того сонма их, которым полна поэма Кот-го. Далее,

¹⁾ Лисовський Олексій Миколаєвич в 1886 р. закінчив новоросійський унів., з 1892 р. працював у полт. губ. зем. як секретар управи. Видав між іншими своїми працями й «Опыт изучения малорусских дум» (вид. полт. губ. стат. к-та 1890 р.) та «Главные мотивы в поэзии Т. Г. Шевченко»

Див. Павловського „Краткий биограф. слов. уч. и пис. Полт. губ.“ с. 144).

Но зла Юнона, суча дочка...
Зевес тоді кружляв сивузу...

Эней прочумався, проспався
И голодранців позбірав... и т. д.

Везде, на всем протяжении поэмы, несколько грубый язык пародии, ставящий в тупик читателя, не знающего, что это пародия. Озадаченный этим языком, один довольно развитой и сам писавший недурные стихи крестьянский юноша, совершенно, однако, незнакомый с Греками и Римлянами, не захотел дочитать эту книгу, называя ее безнравственной. Является поэтому необходимостью самого определенного выяснения, что это есть пародия и что такое пародия и зачем, с какими целями и вследствие каких причин, рассматриваемая пародия написана. В виду всего этого я составил краткое объяснительное предисловие и вклеил его в экземпляр «Энеиды». Успех был полный: поэма читалась, нравилась и над нею хохотали, а не недоумевали или оскорблялись ее тоном. Так как нет изданий «Энеиды» с подобным предисловием, то я хотел, чтобы хоть моя книжечка давала таковое для всех, тех сельских читателей, которые захотели-бы прочесть «Энеиду». Я внес поэтому¹⁾, лишь переведя его по русски и сделав некоторые исправления. Когда я подумаю о том, насколько велико незнакомство читателя - крестьянина с предметом и обстановкой поэмы, то мне кажется, что может быть, следовало бы сказать скорее больше, чем меньше...

III. Место, относящееся к театру имеет почти такое же происхождение.

Когда я объяснял никогда не видавшим театра крестьянам и их детям, моим ученикам и ученицам, что такое этот театр, то по необходимости должен был прибегать к подобным слишком, по мнению комиссии, наивным объяснениям для того, чтобы меня поняли. Я обращаю внимание комиссии на то, что я старался писать свою книжку так, чтобы ее могли читать и ученики школ. Я не нехочу переделать этого места, а просто не умею этого сделать: я не знаю как мне иначе объяснить предмет человеку, не имеющему о нем никакого понятия.

IV. В заключении я сам думал сказать о значении К-го. Но говорить не все, а только кое-что, — не хотелось; а говорить совершенно ясно и определенно, что К-ий был начинателем и в некотором отношении создателем нового периода вырастающей славянской литературы и потому пробудителем самосознания своего народа, не считал его возможным в виду обстоятельств цензурных: я убежден, что в настоящее время подобную мысль пропустят в издании для интеллигенции, но никогда в издании для народа. Поэтому я решил положиться на то, что предыдущия главы дадут моим читателям материал для составления надлежащего мнения о К-ом, — добавление о памятниках, кажется, очень кратко. Причина — недостаточное знакомство с подробностями. Если необходимы добавления еще, то я решаюсь просить члена комиссии Л. В. Падалку сделать таковые, — его, как моего знакомого, решаюсь затруднить, этою просьбою.

V. К нему же обращаюсь с просьбой об исправлении мест относящихся к крепостному праву: я их не исправил потому, что не знал, что же именно и для чего нужно исправить (стр. 17 — 19 рукописи).

VI. В характере К-го, согласно отзывам знавших его, действительно была склонность ладить с людьми, которая не исключала другой его склонности — к сатирическим замечаниям по поводу окружающего. Я не думаю, чтобы указание на склонность К-го ладить с людьми противоречила предположению о том, что ему в молодости плохо жилось в помещичьих семьях. Мне кажется необходимостью мириться с подчиненным положением учителя в панской семье могла приучить К-го ладить с людьми. Впрочем я решительно ничего не буду иметь против ослабления или совершенного исключения одного или обоих мест рукописи (стр. 17 и 49).

¹⁾ Это предисловие в биографию поэта.

VII. Я старался исправить неудачные выражения, но так как мне не сделано было по этому поводу никаких частных указаний, то я, быть может, многое пропустил и ничего не буду иметь против исправления таких погрешностей кем-либо из членов комиссии, если кто-либо из них обяжет меня принятием на себя этого труда. Б. Г р и н ч е н к о.

1896. I. 3/15 Чернигов.

8 березня 1896 р. працю Грінченка Л. В. Падалка надіслав від імени полтавського губ. земства до московського цензурного комітету¹⁾, але останній затримав рукопис при справах комітету (а дозволу на його видання не дав). Тому весь 1896 р. управі та Грінченкові довелося листуватися з «гл. упр. по деламъ печати» в справі дозволу, але й з цього нічого не вийшло, бо цей цензурний орган почав розглядати уже не самий рукопис, як треба було, а права і функції земської управи, що надіслала його.

«Гл. управление» закидало земській управі, що вона не має права видавати книжок загально-літературного характеру, а тому й клопотатися їй, мовляв, нічого перед цензурою про розгляд рукопису Грінченка.

Виходило, що «главное управление» ніби краще закони (земські) знало, ніж сама земська управа й, висмикуючи цілий ряд випадкових ст. ст. з цензурного уставу як: 44, 46, 49, 57 та 68 та з «полож. о зем. учреждениях» ст. ст. 61, 64, 82, 87, 90²⁾, не вважало для себе за потрібне дати відповідь по суті, не розглядаючи автора чи видавця (як говорить 47 ст. ценз. уст.), а надіслану працю. Та коли вже мало «главное управление» втручатися до «полож. о губ. и уезд. земск. учрежд.», то не треба було йому минати й другої ст. (цього «полож.») що надавала право земській управі клопотатися про видання праці Грінченка, як і взагалі народніх книжок³⁾.

Глумливе ставлення «главного управления» до функцій та обов'язків земських установ, (зокрема рукоп. Грінченка) примусило полт. губ. зем. упр., в особі її голови, звернутися в кінці 1896 р. (22/IX) із скаргою на «главное управление» до міністра внутрішніх справ, відповіді якого в нашому розпорядженні хоч і немає, але позитивні наслідки цього видно—праця Грінченка, «Иван Котляревский». «Описание его жизни» 14/I—1898 р. (як видно з самої книжки) дозволено петербурзьк. цензурним комітетом.

Прізвища автора на цій книжці хоч і не знаходимо, але це побажання, очевидно, самого Грінченка, бо від нього 18/VII—1898 р. зем. упр. мала телеграму, що «фамилии автора нельзя печатать», що нею й виконано.

Такі були умови для видання народніх книжок у 1890-х р.р., коли Грінченко видав 50 назв. Трьохрічна тяганина з цензурою із-за видання біографії Котляревського, як видно негативно вплинула на видавничу діяльність полтавського губ. земства, бо в ці роки (1894—98) вона матеріально допомагала професору Сумцову видати етнографічні матеріали («Обряды и пѣсни Луб. уезд. Полт. губ.»), В. П. Милорадовичу та В. П. Горленку про Гоголя, а сама управа видавничих функцій, очевидно через цензурні умови, на себе не брала.

Подав *Дмитро Граховецький*.

¹⁾ Разом з цим Л. В. Падалка від полт. губ. зем. надіслав до петерб. ценз. к-ту й твори Котляревського: «Енеїда», «Наталка-Полтавка» та «Москаль-Чарівник» з проханням дозволити полт. губ. зем. упр. видати їх, що 3/V. 1896 р. було дозволено з умовою «примѣненія къ тексту правилъ правописанія русскаго яз.». Це видання (в 10 тисяч прим.) частково мало бути роздано по школах учням (як нагорода), а частину продано за гроші, що мали поступити до фонду міської упр. на будову пам'ятн. Котляревському. (Журн. К. Упр. 22/VI. 1896 р.).

²⁾ Не вважаю за потрібне й наводити згадані ст. ст., що стали аргументом до заборони біограф. Котляревського, бо вони притягнуті були «Главным Управлением» не до діла.

³⁾ Друга ст. «Положение о земских учреждениях», між іншим згадувала й про «печечение земских учреждений о развитии средств народного образования»..., цеб-то — про організацію земських книжкових склепів, видання нар. книжок і т. і.

ДО ІСТОРІЇ ВІДКРИТТЯ ПАМ'ЯТНИКА КОТЛЯРЕВСЬКОМУ.

У жандарському відділі полтавського архіва є справа під назвою „Дознание по делу украинской партии социалистов“ (Архів І, зв'язка № 138, справа № 2293), почата 31-го липня 1901 року, закінчена 17-го жовтня 1901 р. на 129 арк. Але ж це є лише перша частина справи й тому не видно якого характеру вона набирає далі, в другій частині.

24-го липня 1901 року в Полтаві було зроблено труса в колишнього студента петербурзького університету Миколи Васильовича Маслова, що жив зі своєю сестрою Марією Вас. Масловою. При цьому знайдено чимало матеріалів, які дали привід жандарям для дальшого розслідування справи. Серед інших матеріалів звертають на себе увагу такі: „Екземпляр воззвания Киевского Союзного Совета, Объединенного Землячества и организаций“, „Нарис програми української партії соціалістичної“ „на галиційском языке“ та „Відкритий лист до російського міністра внутрішніх справ Сіпягіна“.

Всі ці матеріали належали Марії Вас. Маслові, як це видно з її свідчень у протоколах розслідування. Очевидно сестрі безпечніше було взяти на себе відповідальність, ніж братові. Ці матеріали потім розглядали жандарі і складали про це відповідні протоколи. Оригіналів цих паперів у справі немає, трапляються лише уривки з них у зазначених протоколах та й ті в перекладі на російську мову, як що папера було писано українською мовою.

Поволі до цієї справи притягалися все нові й нові особи й наприкінці їх набралось до 11.

Закінчилася справа тим, що Маслових було віддано під особливий догляд поліції. Приблизно такий же присуд було винесено й іншим особам, — про це ми довідуємося зі списку, що його додано до справи.

Найцікавішими для нас у цій справі є протокол № 12 від 8/IX 1901 р. про те, що в м. Полтаві переглядався відбиток на міміографі, що його знайдено на помешканні „б. студента С.-Пет. Унив. Ник. Вас. Маслова и его сестры Марии Вас. Масловой“. Цим відбитком є — „печатный листок в две страницы на бумаге, употребляющейся обыкновенно при печати книг и брошюр, на малорусском языке, без числа и года, озаглавленный „Відкритий лист до російського міністра внутрішніх справ Сіпягіна“ (п. протокола осмотра 22-го августа с. г.), переведенный на русский язык тем-же полковником Рудовым (начальник черниг. губ. жанд. упр. Ю. Ц.) содержит в себе нижеследующее: ¹⁾

— Открытое письмо русскому министру внутренних дел Сипягину, начинающееся так: Господин министр. Вы запретили сделать надпись на малорусском языке на памятнике нашего первого национального поэта Котляревского. Того возбуждения, какое охватило всех нас, когда мы узнали об отказе Вашем на просьбу лояльных Полтавцев, — Вы не в состоянии понять; но того, чего Вы так ожидали — Вы достигли: мы почувствовали всю горечь надругания и неуважения, какое Вы нанесли нашей нации. Отцы наши и деды молча сносили запрещение обучения на их родном языке и даже запрещения в разговоре малорусской речи, но они завещали нам свой завет: „терпеть, надеяться и молчать“. Через это, как Вы господин министр, так и подобные Вам господа стали смотреть на нашу молчаливую нацию, как на париев Европы, потому что Вы привыкли

¹⁾ Матеріали зі справ подаватиму скрізь сучасним правописом.

уважать тільки одно насилля, хоча і стремились одурити цілий світ на Гаагській конференції, що будто-б уважаєте право.

Да, ми признаем, что Вы правы, что украинская нация в России есть в самом деле нация рабов париев, назначение которой кормить Вас господин министр и еще целые сотни тысяч чиновников чужеземцев, от министра до сельского урядника; давать людей и деньги на войско, для поддержания Вашего господства, господин министр, и деморализации нашей нации; доставлять средства на разные школы, где чужеземцы — учителя делают из наших детей заклятых врагов нашей же нации; строить церкви, где продажные попы молят бога об усилении над нами господства чужеземцев.

Вы, господин министр, не можете не признать, что наша нация все это выполняла покорно и без протеста. Зачем и за что так жестоко Вы относитесь к нам? Повидимому Вы думаете иначе: Вас беспокоит то, что Ваши рабы умеют что-то прятать в душе своей; Вас гневит, что парии имеют святое святых в сердце своем, куда Вас не пускают; Вас ожесточает, что нация, которую Вы хотели сделать старцами, собрала кровью заработанный грош на памятник своему поэту и Вы дерзкой рукой безстыдного чужеземца наложили запрет на душу нации.

Вы думаете, господин министр, что Вы со всеми Вашими приспешниками сумеете убить наш народ, но на это пусть даст Вам ответ наша история. Пусть она расскажет Вам как была сильна Польская держава „от моря до моря“, как был унижаем наш народ Поляками чужеземцами и чего только не перетерпел он от польских панов. Та же история скажет Вам, как одним сильным взмахом разрушила наша нация всю польскую державу, обратив ее в ничто, а прежние Поляки, господин министр, угнетали нас несколько не больше, как угнетают теперешние Русские и прежняя Варшава была более культурна, нежели настоящий Петербург. А знаете за что наши прадеды уничтожили Польшу? За то, что она наложила руку на душу нации, на ее моральное „я“. Все преступления прощаются, но только не преступления против св. духа.

Отношение Российской державы к нашей нации идут той же дорогой, какой шли Поляки и тем самым принуждают и нас избрать путь, которым шли наши прадеды времен Богдана Хмельницкого. И мы им пойдем.

Закон царя-освободителя 17-го мая 1876 г.¹⁾ есть преступление против св. духа, потому что этим суровым и безпощадным законом осуждена наша нация на моральную смерть. Ваше же бессмысленное запрещение подписи на малорусском языке на памятнике малорусскому поэту — есть гнусное издевательство над уже осужденной на смерть нацией. Это запрещение есть тою каплею, которая переполнила чашу страданий и терпений нашего народа. Она свидетельствует, что издевательствам Вашим над нашим народом — не будет конца; нам же говорит: довольно молчать Вам рабам. Мы не сможем дальше дозволить безстыдным чужеземцам издеваться над святейшими нашими чувствами.

От украинская нация должна сбросить с себя господство чужеземцев потому что они оскверняют ее душу; она должна добыть себе свободу, хотя бы от этого зашаталась вся Россия; она должна сбросить с себя рабство национальное и политическое, хотя бы для этого пролились реки крови, а эта кровь упадет как народное проклятье на голову Вашу, господин министр, и на голову всех угнетателей нашей нации.

Невідомо хто був автором цього листа, проте своїм змістом він не позбавлений деякого інтересу. В протоколі № 7 від 16-го жовтня 1901 р. є свідчення Мар. Вас. Маслової про цілу низку листів, які вона одержувала від різних осіб, і які були захоплені жандарями під час турсу. Тут же вона подає таку відповідь про цей лист: „Печатный листок „Відкритий лист до російського міністра внутрішніх справ Сіпягіна“ на російському мові от кого получила я не скажу“. Так і не довелось жандарям дізнатися про автора листа.

Подав Юрій Циганенко.

¹⁾ Відома заборона укр. письменства 1876 р. Див. про це „До історії указу 1876 року“ „Україна“, 1907, кн. V.

АНТОНИНА ТРЕГУБОВА.

ДЕЩО З ЖИТТЯ ОЛЬГИ ФРАНКОВОЇ.

У жураналі «Україна» (кн. шоста, 1927 року) Омелян Киричинський помічає: «Всі подробиці з життя Івана Франка остільки важливі, що кожен повинен помилкові, неточні, неправдиві вістки про його спростовувати й виправляти». Виправляти помилки я не збираюся, а хочу лише додати дещо в життя самої сім'ї І. Франка, з того часу, коли сестра моя побралася з Франком, і підкреслити ту вперту боротьбу, яку вела вся сім'я за своє існування; в тих картинах про життя поета, що попадали мені до рук, мало зверталася на це уваги. Перш за все—кілька слів про дружину поетову, мою сестру Ольгу Хоружинську.

Де народилася Ольга—не пригадаю; наш батько був службовець, весь час він переїздив з місця на місце; дітей було багато; старші жили то при батьках, коли помешкання могло вмістити усіх нас з няньками та мамками, а ні—то нас розтикали по бабах, тітках; частіш усього діти перебували в сл. Тимофієвці, біля міста Сум; там діти Хоружинських або зростали, або помирали далеко від батьків.

Смерть захопила нашого батька в маленькому місті «Красний Кут» на Богодухівщині. Після цього мати наша одержала посаду вчительки в міській двохкласовій школі; там вчилися й її старші діти, але попрацювавши два роки, знесилена великою сім'єю, дуже малими достатками, вона втратила зовсім своє здоров'я і переїхала до своєї матері на Сумщину.

В цей час ми, старші діти, поїхали до Харкова, до гімназії, де ми жили і вчилися за допомогою родичів, бо мати була зовсім не всилі нас утримувати, а одного з братів було прийнято на «казенний» кошт до І-ої харківської гімназії.

Баба наша була поміщиця, але зовсім бідна; вона владно порядкувала своїм майном, сама і в полі, й дома хазяйнувала; мати навчала грамоти селянських дітей і, заробляючи копійки, підтримувала тим свого сина, що вчився у Харкові; готувала вона до школи й своїх найменших дітей; між ними Ольга була наймолодшою.

В серпні 1874-го року баба несподівано померла; мати наша зараз же віддала землю, а сама переїхала до Сум, щоб там її дівчатка могли одержати належну освіту. Але тільки рік прожила вона з ними. Залишились дрібні сироти; над ними опікуном наставлено було Дмитра Івановича Кондратьєва.

У цей час я скінчила харківську гімназію і дякуючи клопотанням опікуна Д. І. Кондратьєва, одержала посаду вчительки підготовчої класи в сумській гімназії, де вчились менші мої сестри; я жила на одній квартирі з ними, допомагала їм учитися, піклувалася про них, як могла та вміла. Селяни села Тимофієвки весь час дуже помагали нам—сиротам. Григорій Миколаєвич Полошкин, бувало, привезе нам дров, сам порубає їх, поскладає; як не бувало в нас грошей (а це бувало, звісно, часто), він скаже: «ну, берить все, що треба, в лавці по моїй книжці, потім колись порахуємось». Мене він завжди навчав, як з ким поводитись, як жити, щоб не впасти в біду, щоб придбати довагу від громадян, та щоб удержатись і на службі. З великою подякою згадую я часто його прихильність до нас, його щирість, та його життєву філософію.

Пілкувався про нас і директор гімназії Миколай Васильович Сібільов; за його клопотанням на кошти школи учениці пошили сестрам «форму» і теплу зимову верхню одягу.

Недовго я вчителювала в гімназії. 1876-го року з Курска було переведено до Сум Єлисея Кипріяновича Трегубова, «штрафованого вчителя», бо склалася така пригода: прийшло йому на думку розбирати в присутності «предводителя дворянства» (що любив одвідувати кляси), байку Крилова «Осел і Соловей»; «предводитель» подивився на це, як на образі його власної персони, і почав вимагати не тільки негайного звільнення Трегубова з Курска, а й виключення його зі складу педагогів взагалі. Педагогом Єлисей Кипріянович все таки залишився, але посеред навчального року його перекинули в сумську реальну школу, де тоді була вільна посада.

Весною 1876 року Єлисей Кипріянович і я справляли своє одруження. Місто Суми в ті часи було зовсім маленьке і ця новина всім швидко стала відома. Ті громадяни, що дуже прихильно ставились до мене, почали піклуватись, як же пристроїти моїх молодших сестер, що були в мене на руках. Голова земської управи, Миколай Кирилович Алчевський — пером йому земля! — покликав мене до себе й сказав: «я запросив вас, щоб допомогти вам в справі ваших сестер: вашого чоловіка вважають за «соціяліста», у вас же, крім молодости та молоді сили,—нема нічого; неможливо щоб усі три сестри zostались на ваших руках; я хочу полегшити ваше становище». Він дав мені пораду, що і як зробити, і одну з сестер було зараховано до московського сирітського інституту, наймолодшу, Ольгу, до «Харковського інституту благородных девиц», а старша за неї переросла роки прийому до інституту і залишилася на піклування Єлисея Кипріяновича Трегубова.

У серпні 1877 року чоловік мій одержав посаду вчителя у Києві. Попечитель Антонович не хотів допускати його в Київ швидко після університету, не дивлячись на те, що Єлисей Кипріянович скінчив курс «с отличием», — тому що він був ученик і приятель М. П. Драгоманова, і за те, що він був у постійних зносинах з галицькими народовцями, одвідуючи їх закордоном. Однак, Є. К. посаду в Києві все таки одержав.

Відомо всім, які то були надзвичайно тяжкі часи для всього, що так або інакше торкалося України! Про це вже багато писалось і говорилося. Однак ввесь час держався зв'язок наших Українців з галицькими; діяльний член київської «Громади» Кониський часто їздив до Галичини, молодь наша перебувала в Галичині, а галицька приїздила до Києва, цікавилась його старовиною й одвідувала могилу Т. Шевченка.

По весні 1884 року із Львова приїхав до Києва дехто з молоді; між ними був і І. Франко. Галичани хотіли оглянути Київ, одвідати Тарасову могилу, а разом з тим Франко мав на меті дістати грошей у київської української «Громади» на видання самостійного українського журналу у Львові. Жонаті громадяни щиро вітали в себе гостей, шанували урочистими обідами, вечерею. Бували Галичани і в нашій господі; мій чоловік, пам'ятаю, клопотався, щоб до обіду обов'язково були вареники, як ми сподівалися галицьких гостей.

Через декільки часу Галичани повернулися додому, а Франко залишився у Києві і цілком увійшов у життя нашої сім'ї. Часто бував і в наших київських Українців. Саме тоді українська молодь складала читанку «Веселку»; її потім було видруковано в Галичині наче б то твір Андрія Молодченка»; ясно, що і Франко, і мої сестри одвідували ці зібрання молоді; їх улаштували кожного вечора або у В. П. Науменка, або М. В. Лисенка, або у нас. У нас тоді перебувало багато людей, бо в нашій сім'ї жили дві мої сестри, що як раз скінчили свою освіту; вони були молоді, гарні з себе, веселі, а молодша, Ольга, була до того ще й дуже привітна та дотепна. Часами, коли всі наші розходились в день на роботу, Франко залишався з моїм малим

сином та дочкою, теж маленькою, бавився з ними, вигадував їм різні казки, розказував про своє дитинство, про свою батьківщину. Пам'ятаю дуже добре, як Франко розповідав моєму хлопчикові: «малим я не був охочий до книжок; весь час я сидів у кузні мого батька, біля якої часто зупинялися різні люди, щоб полагодити воза тощо; раз якось приїхали купці, звернули увагу на мене, маленького, рудого хлопця, що так пильно дивився на полум'я очима, а мріями був десь далеко,—довідались, що я школяр; «вчись, вчись, кажуть, хлопче! твій батько кує залізо, а ти будеш кувати слова!»—«Ось бач», додав Франко, якось зтиха, ласкаво усміхаючись: «з того часу я й почав пильно вчитись і тепер дійсно кую слова!» І ми знаємо, скільки труднощів язикових поборов І. Франко в своїх перекладах. Франкові дуже подобався мій старший хлопчик через свою спритність і розумні відповіді. Звісно, що скоріш усього матір можна купити ласкою до її дітей; отож і я завжди раділа, коли Франко бавився з моїми дітьми; мені приємно було, що й сестри мої також пильнували бути щирими хазяйкама; а про чоловіка й говорити нічого: коли він бував вільний од своєї щоденної праці,—він довго розмовляв з Франком.

Сестра Ольга, в ті часи, як гостював у нас Франко, вчилася на вищих жіночих курсах у Києві. Вона дуже йому подобалася, і скоро, як Франко повернувся додому, він, листуючись з моїм чоловіком, прохав його посватати йому Ольгу; але в нас не було звичаю втручатися в таку інтимну справу дорослої вже людини. Єлисей Кипріянович порадив Франкові самому звернутися до Ольги.

На 22 році життя Ольга попала в те оточення, що зробило свій вплив на її світогляд. Єлисей Кипріянович був справжній Українець, громадський діяч, ми були в курсі справи української «Громади», боліли її болями; також свій вплив зробило на Ольгу вчення на курсах; сестра познайомилася з життям Русинів, що так уперто обстоювали своє право на існування; потім—слава, що йшла слідком за ім'ям Франка, як письменника і соціаліста,—і врешті сестра сказала нам, що вона має одружитися з ним. Ми, жінки, одмовляли її, бо Франко був з себе дуже не красивий, а потім ми питали, чи буде вона в силі з'єднати піклування про сім'ю з боротьбою, з допомогою Франкові в його громадській та літературній справі! Але сестра не міняла слова, і ми вирішили поїхати до Львова познайомитися з тамошнім життям, з людьми, звичаями та норовами.

Взимку 1884—5 року ми, я і Ольга, склали свою подоріж до Львова, маючи на меті побувати і в Женеві, у М. П. Драгоманова. У Львові сестра більш усього цікавилась своїм нареченим; а я, разом з знайомими мені Галичанами, що бували у нас у Києві, роздивлялась місто, уніятські церкви і взагалі все те, що було цікаве. Сім'я професора Володимира Шухевича дуже щиро вітала мене і часто запрошувала до себе; Франка ж ні разу не було кликано. Якось жінка професора Шухевича запропонувала одвідати вечірку в «Просвіті»; туди мала надійти й сестра з І. Франком.

«Просвіта» займала три невеличких кімнати; в більшій біля стін стояли стільці; там сиділи матері; посеред кімнати стояли дівчата, гарно вбрані, у білих сукнях, хлопці—біля дверей; хтось грав на піяніно вальса; кавалер підходив до дівчат, що стояли посеред хати, уклонявся одній якій-небудь, робив тур вальса навкруги і, скінчивши, одводив її до групи, а сам чи йшов до дверей, чи вибирав другу. Танці були—вальс, венгерка. Вечірка тяглася до дванадцятої години і весь час дівчата стояли посеред залі. Я була страшенно здивована: як це? тут усі свої, а поведяться зовсім як чужі: ніхто й пари слів не сказав один до одного! Франко пояснив мені, що у їх такий звичай: «не можна розмовляти за танцями, бо зараз скажуть, що залицяєшся!»

У Львові ми гостювали досить довго; потім поїхали до Відня, знову обдивлялися місто, знайомилися з Українцями, бували часто в «Січі», де слухали реферати і кожний раз розписувалися в книзі одвідування. Гроші Драгоманову ми послали поштою, а до Женеви так і не поїхали; я страшенно хотіла познайомитись з подружжям Драгоманових; з такою повагою, з такою пошаною мій чоловік розказував завжди про цю сім'ю. Я й хотіла, й боялась, що я, така незначна та проста людина,—як я буду говорити з Людмилою Михайлівною, не кажучи вже про самого Драгоманова. Потім, далеко пізніше, коли Людмила Михайлівна, вдовою, повернулася до Києва, ми були щирими приятельками.

Гостюючи за кордоном, Ольга більше познайомилася з Франком і ствердила своє слово бути його дружиною.

В квітні 1886 року Франко приїхав до Києва брати шлюб. У сестри були свої ідеали щодо цієї церемонії, які вона викохала ще на шкільній лавці: вінчатися у білій сукні з фатою, вінчатися іменно в квітні, а не травні, щоб чоловік і гості були у фраках. Єлисей Кипрянович дуже був проти останнього, бо ні у молодого, ні у бояр—фраків не було, прийшлося їх брати «на прокат»; але він не хотів перечити сестрі, що їхала назавжди в чужу сторону, й робив так, як вона хотіла.

Як не клопотались, як не силкувались, а йти до вінця вийшло як раз першого травня, бо дуже важко було дістати з Відня необхідні документи. Академікові Оникію Олексієвичу Малиновському дуже добре відомо, який «законник» був під С. І. Трегубів; він ні за що в світі не вінчав би нікого без належних документів, і думка декого, що Франко приїздив до Києва 1886-го року по чужому паспорту, цілком неправдива. Боярами були з боку Ольги: Ігн. Павл. Житецький та Крачковський, а з боку Франка С. Киричінський та В. В. Ігнатович. Після церкви у нас був обід для молодих та для громадян-Українців, як звичайно, їли, пили, говорили промови; лейтмотивом промов було єднання Галичини з Україною в образі Франка та сестри. Як зараз бачу я перед очима показну постать Житецького Павла Ігнатовича, його дуже красиве, виразне обличчя, очі, що разом сміються й проймають, шклянка вина у руці—і наче чую проникливий його голос і його пропонування випити за міцне єднання Галичини та України; він, та і не він один, дивився на шлюб Галичанина з Українкою, як на до деякої міри політичний крок. Після промови Житецького хтось крикнув «горько!» Молодий не знав, що то воно визначає, поки мій чоловік не дав йому пояснення, поцілувавши мене; Ольга відповіла молодому поцілунком, а потім гірко заридала... Час було їхати на вокзал; щоб розігнати сум молоді, усі гості схотіли провести їх аж на потяг, зібралося шість екіпажів; на вокзалі знов пили і знов казали промови. Посадивши молодих у вагон, чоловік мій казав Ользі: «глядіть, Ольго, щоб Франкові жилося вдома добре, а інакше Вас отруять!» З тим молоді й поїхали. А для нас почалась ціла низка усяких прикростей. Начальник охоранки, Новицький, був у курсі тих промов, що казано було на вокзалі, розпочав судове слідство; кілька разів кликано було чоловіка в охоранку для допиту; попа Трегубова С. І. теж турбували, вимагаючи документів, по яких він вінчав Франків; з цього боку було все гаразд; але Франкам заборонено було їздити до Києва, а біля наших дверей, на вулиці, ще довго після того одсиджувало двоє шпиків...

В часи, про які йде розмова, Франко був поетом, і воршка слави своєї він досяг не без допомоги своєї дружини, жінки дуже інтелігентної, ласкавої, м'якої характером, здатної до всього, з постійною думкою робити так, «щоб Франкові вдома добре жилося». Деякі докоряють Ользі, що вона не зійшла з львівським суспільством, не сприяла тому, щоб приєднати Франка до тамошнього громадянства, але як це могло бути, коли Ольгу тамошні люди зустріли зовсім не щиро; Франко був для Галичини хорошим женихом,

матірки не раз казали самому йому (й Ольга про це знала): «ось, узяв Росіянку, панянку, та ще й бідну; взяв би Галичанку, міг би вибрати й багатеньку!»—Важко, а іноді просто й дуже тяжко було бідній Ользі серед неприхильних до неї людей¹⁾. Тяжко було звикати до інших порядків, боротися з нестатками, які не далеко були до бідности; гроші, що вона привезла з собою,—1000 карбованців,—пішли на Франкові видання. Єдиною втіхою для Ольги була безкрая любов чоловікова: він з таким терпінням, піклуванням, учив її, як треба топити піч, пекти хліб, як треба непохитно і спокійно переносити бідність.

Ольга дуже засумувала за батьківщиною, за родиною, і у листопаді того ж року приїхала до Києва й привезла твори Франкові для продажу, бо в Галичині вони зовсім не розповсюджувались. Але вільний вїзд їй було заборонено; прийшлося користуватися чужим паспортом; стала вона в готелю біля вокзалу, щоб нас не компромітувати. Перший день пройшов звичайно, а на другу ніч почали добиватися до неї різні люди з брудними пропонуваннями; виявилось тоді, що паспорт був на ім'я особи, як то кажуть, «легкого поведження». Ольга страшенно розхвилювалась, злякалась; ми кликали навіть і лікаря, щоб її заспокоїти. Твори Франкові «Лис Микита» та збірник віршів «З вершин і низин» мій чоловік здав у книгарню Луки Ільницького, ясно без усяких грошей, на комісію. Довго у Києві сестра не зоставалася, чоловік мій зібрав скільки міг грошей, і вона поїхала. Про своє життя Ольга розказує дуже сумно: сім'я Франка, його родина,—селяни,—були мало культурні, з усякими забобонами. Про дитинство свого чоловіка вона казала так: Франко ріс самотньо, бігав до лісу, збирав гриби, крутив птахам голови, до річки бігав, ловив маленькі рибки руками; цілими днями був на сонці, на росі; бігав босий по снігу і ніколи не хорував; організм мав сильний, здоровий. Пас спершу гусей, потім худобу, а далі коні. Батько І. Франка із своїх чотирьох синів—більш усього любив Івана; за те інші брати його зненавиділи: коли сідали обідати, то брати його клали сокиру під лавою, щоб відстрашити й погнати Івана від миски зі стравою. Раз Франко пас гуси й побачив градову тучу з заходу над річкою; вона йшла на їх збіжжя, підніс руки до гори, показав рукою, де мав град впасти, вимовляв при тому якесь заклинання; це його так знесило, що його взяли зомлілим, але град упав у лісах, а збіжжя лишилося ціле. Всі селяни вміють «закликати злих духів, а мати Франкова мала найбільшу силу над злими духами...»

Ольга дуже нарікала перед нами на свої нестатки; частенько Франки й голодували. Мій чоловік побалакав зі своїми приятелями про Франкову бідність, і Беренштам В. Л., Косач П. А., Новицький І. Ор., Науменко В. П. та мій чоловік почали надсилати Ользі, всі вкупі 25 карбованців щомісяця; гроші ці надсилалися при okazji, коли хто їхав такий, кому можна було їх доручити. У мене зберігся один з тих листів, де Ольга дякує за ті гроші.

Коли Франки мали таку певну матеріальну підмогу, Франко, тепер не ввесь час віддаючи для заробітку, зміг у 1894 році осягти у віденському університеті ступінь доктора філософії. Львівський університет після цього допустив Франка до габілітації, і в 1895 році відбувся його габілітаційний виклад на тему «Наймичка» Т. Шевченка. На цій основі університет пропонував міністерству освіти затвердити Франка, як доцента української літератури у львівському університеті. Міністерство відмовило затвердити, подаючи за причину—його політичне минуле. Для сестри це було страшенно тяжко; в листах того часу вона висловлювала свій надзвичайний жаль та обурення; гадаю, що сам Франко менш страждав, ніж його дружина.

¹⁾ З подякою згадує Ольга тільки Марію Сильвестровну Грушевську, дружину М. Грушевського: це єдина галицька жінка, що зрозуміла становище Ольги і була до неї добра, прихильна й вибачлива.

Восени 1897 року Франко виступає вже кандидатом од радикальної партії від селян до виборів у парламент. Скільки небезпеки, скільки хвилювань прийшлося пережити сестрі, коли вдень і вночі набігали розполохані міщани й селяни з різних місцевостей, благаючи поради й бодай захисту переночувати та прогодувати їх кілька днів, поки минуть страховища виборів. Ольга й досі пригадує з жахом ті часи.

У 1898 році Ольга дуже захворіла й лягла в лікарню: їй робили операцію з приводу запалення сліпої кишки (arpendectoma). Листи Франка того часу до мого чоловіка сповнені надзвичайним, невимовним горем; він так турбується за здоров'я, за життя жінки; він пише: хто зуміє так ласкаво і з такою любов'ю відноситись до дітей і мене; бере мене жах, що хтось чужий буде їх кохати. І дійсно сестра ніколи не карала дітей; «це мої помішники й розмовники», казав Франко... Це велика заслуга моєї сестри, що вона зуміла викохати помішників і розмовників своєму чоловікові! Чи багато з нас—матірок цього досягли?.. І Франко був цілком задоволений своєю сім'єю й дітьми: він відпочивав у сім'ї не тільки фізично, але й духовно, знаходячи собі в сім'ї енергію до праці; і коли товариші докоряли йому, що він одружився з Росіянку, він завжди починав жартувати і пригадувати анекдота про те, як циганка ворожила йому «сім літ бідкувати»; «а потім?»—спитав він.—«потім... привикнеш», була відповідь...

У 1898 році знов виставлялося кандидатуру Франка при виборах до парламенту; вибори провадилися незаконно, і він обраний не був; це знов було тяжким горем для сестри.

В 1898 році Ольга приїздила до Києва, сумувала, що після своєї хвороби вона дуже погано себе почуває, що ті ліки, що їй давано за час перебування в лікарні, впливали на її психіку; вона дійсно зробилась надзвичайно нервова. Вона дуже прохала свою ідейну приятельку з курсів Альбрант їхати з нею до Галичини, допомагати Франкові в роботі, бо її старший син Андрій дуже переобтяжений своєю власною працею; вона сама, Ольга, почувала себе не в силі бути постійною помічницею чоловікові. Дуже тяжко нам було чути про переживання Ольги! Нічого й казати, що й вся родина і всі знайомі їй співчували од усього серця! З того часу, хто тільки їхав за кордон з наших щирих приятелів,—заїздив обов'язково до Львова, щоб одвідати подружжя. Новицький Ізмаїл Орестович, хрестив у сестри навіть двох дітей. Богдан Олександрович Кистяківський хрестив Тараса, дуже любив Ольжиних дітей і, як бував за кордоном, одвідував Франків, а дітям дарував багато подарунків. Минав час. Франко визначився в Галичині, як велика літературна сила. На пошану йому склалися ювілейні свята; на одному такому урочистому святі Франкові було подаровано грошову допомогу в 1000 карбованців. Виршило подружжя будувати собі хату.

Для людини селянського походження мати оселю—було наймилішою думкою; Ольга пособила здійснити її: виписала од Трегубова Єлисея Кипріяновича свої виграшні білети, нагледили шматок землі і почали міркувати, чия ж буде власність. Ольга чекала, що власність мусить бути її, бо вона дає більшу частину грошей і все життя своє вона своїми коштами підтримувала сім'ю свою. Франко не згодився на це. І власність записано на Франка. Ось цей то епізод і був причиною першого розладдя, обопільної нервовості між подружжям. Франко писав моему чоловікові лист за листом, повні скаргами на жінку, а сестра нервувалася, що Франко плутає нас в їхні непорозуміння; раз вона так писала Єлисею Кипріяновичу: «Ми з Франком п'ятнадцять років жили в згоді та любові; я завжди пам'ятаю Ваші слова, татусю (так діти мої й сестра зверталися до Єлисея Кипріяновича): «глядіть, Ольго, щоб Франкові вдома добре жилося». Нащо Ви мішаєтесь у наші справи? не знаючи докладно, в чому річ, Ви даєте поради»... (Це було 1901 року).

А листи од Франка летіли все частіш і частіш, переповнені одчаєм. Чоловік йому на це відповідав: «Коли Ольга так перешкоджає Вам у Вашій праці, помістіть її тимчасово у лікарню для нервово-недужих»; листи припинилися, але Ольга дуже була засмучена такою порадою Єлисея Кипріяновича, про що йому й писала. Далі сестра хотіла мати будинок на зразок київського будинку Антоновича Володимира Боніфатьєвича, а І. Франко—на зразок львівського будинку М. С. Грушевського; навіть архітект Грушевського був запроханий для цього.

Врешті будинок був збудований на зразок Антоновичевого, але згода і спокій в сім'ї був порушений, обопільні образи поклали глибокий слід на психологію обох Франків. Одначе в листі 1906 р. Франко пише Єлисею Кипріяновичу, що здоров'я Ольги покращало, що вона знов, як і раніш, весела, працює в господарстві й біля дітей.

1908 року мій молодший син, студент медичного факультету, був у Львові, у Франків. Потяг до Львова прийшов дуже рано, й син пішов пішки до вулиці Панінського, де жили Франки. По дорозі він зустрів Ольгу босу, з кошиком у руках; вона бігла на базар і не пізнала свого племінника. Вдома вся сім'я була в зборі; всі дуже радо вітали сина; сам Франко навіть казав: «ну, сьогодні я не піду ні в редакцію, ні в кав'ярню!» Син зостався в них до пізнього вечора; в розмові, в спогадах, в балачках про Киян, про родичів, непомітно промайнув час до потягу. Між іншим, Франко жалівся, що йому болить ліва рука, що цей біль не дає йому спокою, а ні вдень, ні вночі. Вражіння у сина було таке, ніби все гаразд, що минули страждання, минули суперечки, сестра захоплювалася господарством, мріяла навіть завести корову. Сина здивувало тільки те, що в хаті зовнішнього порядку не було: книги лежали, де не кинь оком: на полицях, вікнах, на підлозі; меблів було обмаль: стіл для обіду, а стільців—двоє, чи троє, обідали стоячки, страву їли з одної миски.

1909 року, пам'ятаю це дуже добре, в день похорон нашого приятеля Петра Антоновича Косача, приїхав Франко до Києва; він казав: «Оце приїхав вас одвідати й де з ким побачитися». Це втретє, що Франко був у Києві. Пальці на руках йому були поскручені, ними він не володів; він розповідав, що гостював у свого товариша: в горах. Дуже люблячи природу, він постійно ходив далеко од домівки; одної днини він добого ходив, утомився, ліг і заснув; бандити надибали його сонного, обібрали його, забравши все цілком; саме тоді були заморозки і коли Франко прокинувся, то р'юками вже більш не володів: ні їсти, ні пити, ні одягтись не був у силі; повсякчасно він умочав руки в якийсь смердючий щолок, гомонів якісь невизначні слова, чекаючи на одужання, й додавав: «це пройде!» Мій син став йому за справжню няньку, а ми всі надзвичайно співчували бідному Франкові. Побував він з моєю дочкою й у Альбрант, давньої приятельки моєї сестри Ольги, закликав її їхати разом до Львова, щоб допомагати йому в його літературній праці. Я була з ним у Житецького Павла Гнатовича; вони довго, спокійно балакали, тем і цікавих і близьких їм обом, було безліч і наприкінці Павло Гнатович казав Франкові: «Я Вам заздрю! Ви маєте можливість їздити, взагалі міняти місце, ось і сюди приїхали, а я прикутий до крісла... аж до останніх хвилин свого життя!»

Мій син намагався, щоб Франко порадився з професором нервових хвороб, але він ніяк не згоджувався й казав: «ні, не треба, це пройде».

Так жив він у нас декілька часу, одриваючи од роботи сина і сам не маючи потрібних вигод, бо дати йому окрему кімнату ми не могли,—її у нас не було. Про його присутність у Києві стали говорити, до нас почали ходити люди, щоб побачитися з Франком. Між іншими прийшла і жінка Євгенія Харламповича Чикаленка. Вона й запропонувала взяти хворого до себе, бо

в їх було окреме помешкання у власному будинкові на Маріїнсько-Благовіщенській вулиці. Але на другий же день вранці Франко знов був у нас. Пішли розмови про те, щоб віддати Франка до якоїсь лікарні; але виявилось, що Франко приїхав з чужим пашпортом, що він рветься ще в Одесу рятувати давно померлого діда Ольжиного і мій чоловік написав Ользі, щоб хто-небудь з синів приїхав по батька, бо йому треба обов'язково лікуватися; тоді ще не було думки, що це вже є смертна недуга. Так прожив Франко у нас два тижні, та у Чикаленка і у нас разом—ще тиждень. Приїхав Андрій, син Франків, і забрав його додому. Це було в останнє, що ми його бачили, бо за ті роки, що Франко ще прожив на світі, ні він, ні ми до Галичини не їздили.

Через три роки після цього Франки поховали свого старшого сина; це була надзвичайно тяжка втрата, як для батька, так і для матері; сестра не знесла цього горя, захворіла на нерви і 6/XII. 1914 року Франко віддав її до закладу божевільних в Кульпарків, де вона пробула чотири роки, так що навіть і не йшла за труною товариша свого життя—свого чоловіка.

1915 року І. Франко прохав Єлисея Кипріяновича прислати йому 500 карбованців. Ці гроші й були йому надіслані, як свідчить про це Ігнат Павлович Житецький в № 6 «України».

1916 року, в травні, на 59-му році життя свого, помер один з найталановитіших письменників і один з видатних вчених свого часу, Іван Франко. Власна доля його була виїмково нещасна: в дитинстві—ненависть братів; у школі і в гімназії він багато натерпівся від деяких нелюдських вчителів, що били його, від своїх товаришів паничів—учнів, в студентстві його зустріла в'язниця, після в'язниці був він відіпхнений своїми, а потім прийшов і засуд з руки усієї суспільности. Франко каже: «люди, що хотіли мати зо мною якенебудь діло, видалися зо мною тільки в секреті, що мене ще дужче принижувало». А він прагнув дістатися на ту височінь, де видно світло, де ширяє воля, де ясніють людські ідеали.

Франко був чоловік замкнений у собі, дякуючи цілому ряду обставин; впливати на його, такого сильного розумом, волею та мораллю, сестра не могла; вона поклала в основу свого життя—дати йому оточення, сім'ю, де-б він знаходив і фізичний, і моральний спокій; з дітей своїх викохала йому помічників-робітників, та бесідників. Оце вона зробила. Франко помер, його дружина ще живе; вона все життя своє прожила в нужді, неспокою, в тяжкій праці, кохаючи чотирьох дітей.

І про теперішнє життя своє вона пише: «Сижу тут, як на вулкані: так і жду зі дня на день, що мене виселять, сижу і тремчу,—от яка моя незалежність». Дякуючи Радянській владі, вона одержує з Харкова 50 доларів на місяць, так що матеріяльно вона забезпечена, а морально—«живе й тремтить». Ось кому можна тільки співчувати усією душею, а ніяк не обвинувачувати Ольгу в тому розриві з галицьким суспільством, що так тяжко відбився на долі Івана Франка, її чоловіка, а при тим і на долі його дружини.

З ПРИВОДУ ДВАДЦЯТИЛІТТЯ „КОБЗАРЯ“ В РЕДАКЦІЇ В. ДОМАНИЦЬКОГО.

(Його листування з Ів. Франком).

Перше повне видання Шевченкового «Кобзаря» з'явилося в Росії щойно на початку 1907 р. Видало його «Общество им. Т. Г. Шевченка» в спілці з «Благотворительным Обществом издания общепользных и дешевых книг», а редактором його був Василь Доманицький, що висліди своєї мозольної праці над критикою тексту «Кобзаря» опублікував у «Кіевск-ій Старин-і» за чотири останні місяці 1906 р. й видав у 1907 р. окремою книгою п. н. «Критичний розслід над текстом «Кобзаря» (сс. IV+365). З приводу появи цієї книги ось як відозвався Франко: «Те, що повинно було бути зроблене ще за життя Шевченка або швидко по його смерті—підготування матеріалів для повного критичного видання його творів, зроблено аж тепер, на наших очах, майже півстоліття по його смерті. Яким скандальним легковаженням і недбальством визначалися попередні покоління до пам'яті Шевченка і його безсмертних творів, доказують такі святотатські вчинки, як львівське видання Партицького і та ноншальянсія, з якою було зроблене празьке видання по свідоцтву Драгоманова¹⁾. Не вважаючи на деякі пізніші проби, такі, як Кониського «Проба хронологічного влаштування Шевченкових творів», як інтересні, та з зовсім неважним і неповним апаратом зроблені проби М. Кр-ського та Романчука, ця праця лишалася безплідною і безґрунтовою власне задля браку і недоступности перших жерел. В. Доманицькому припала честь доконати цієї праці з доручення громади, що отворила йому приватні архіви та музеї і уможливила доконання важного діла. Ніякий з наших поетів не домагався сього діла більше від Шевченка, що—здавалося до недавна—мало дбав про зверхню форму своїх творів, кидав їх, так сказати, на вітер, роздавав знайомим і дозволяв робити в них різні самовольні зміни та поправки чужими руками. Тепер, по виданню праці В. Доманицького ми переконаємося, що всі ті здогади і докори були безпідставні, що Шевченко іноді аж над міру педантично дбав не лише за композицію, але також за зверхню форму своїх поезій, незлічені уступи в них переробляв, шліфував та вигладжував не згірше самого Пушкіна. Тепер, по доконанню хронологічного впорядкування його творів ми можемо докладно заглядати в робітню його духа, слідити могутні хвилі його творчої сили від кінця 1844 до марта 1847 р. і ступневий їх упадок і новий зріст у пізніших часах неволі та освободження. Праця В. Доманицького видобула на світ значну масу невідомого досі рукописного матеріалу, використала в значній мірі друкований матеріал і дала нам можливість пізнати Шевченка такого, яким він був, з ясною, а вічно неспокоїною і невичерпано творчою душею. Щодо самого виконання задачі, то В. Доманицький ужив найкращої методи, обробляючи кожний твір відповідно до хронологічної канви його написання, передивляючи його видання і нотуючи їх відміни і навіть дрібні помилки»²⁾. До речі — з цим

¹⁾ Так висловився Франко під впливом оповідання Драгоманова про історію видання празького «Кобзаря» в листі до нього з 24 травня 1890 р. (Пор. Листи до Ів. Франка і інших, 1887—1895, сс. 176—7).

²⁾ „Записки Наукового Товариства ім. Шевченка“, т. LXXIX, сс. 228—9.

Франковим висловом повної пошани для праці й запалу Доманицького не гармонізують слова Франка, висказані в поданому нижче 10 листі, написаному під вражінням одержання зложених для «Кіевск-ої Старин-и» аркушів праці Доманицького.

Випускаючи окремо свою працю, зазначив Доманицький, що в ній «зібрано матеріал, потрібний для того, щоб встановити найкраще й найправдивіше текст в «Кобзарі» Шевченка». Більшу частину цього матеріалу подав автор на підставі Шевченкових автографів, що їх обслідував для першого повного видання «Кобзаря» в Росії. З другого боку, не увесь той матеріал, що використав Доманицький для видання «Кобзаря», успів попасти в його «Критичний розслід», розпочатий друком до того часу, коли стали відомі деякі нові матеріали¹⁾.

Що спонукало Доманицького взятися за «Критичний розслід», виясненням цього починав він свою працю ще в «Кіевск-ій Старин-і». Тут стверджував він, що «уже літ з двадцять чути в літературі нашої голоси про те, що пора уже взятися до критичного видання поезій Шевченка, що треба переглянути та перевірити усі видання «Кобзаря» та рукописи (оригінали — автографи та усякі копії з них), переглянути усе, що тільки де писалося про Шевченка та з приводу його творів, і скомбінувавши увесь той матеріал, реставрувати поетичний скарб найбільшого поета не тільки українського, але й в цілій Славянщині». Доманицький не тільки не бачив здійсненими наведених бажань, але навіть не помічав, «щоб десь відповідні заходи до того робилися». Що більше, він бачив і велику небезпеку для тексту «Кобзаря» з огляду на те, що не за горами було півстоліття від дня смерти поета. «Промине ще одних лишень 5 літ,—писав Доманицький— і поетичний скарб поета нашого стане вільним добром кожного громадянина; кожен матиме право друкувати чи цілого «Кобзаря», чи частину його яку небудь, по своїй охоті, не питаючись дозволу нічийого, і друкуватиме на підставі тих некритичних, неперевірених, значно неповних, а часом і поплутаних редакцій текстів, які стрічаємо ми зараз по всяких російських та заграничних виданнях,—на підставі того цілком вільного, дуже непевного, дуже неправдивого хронологічного розпорядку поезій, який мають усі видання «Кобзаря», почавши з р. 1867 (видання Кожанчикова в Петербурзі) і кінчаючи виданням р. 1902 (видання «Просвіти» у Львові, зредаговане д. Ю. Романчуком). Усякі хиби, усякі неправдивості хоча-б напр. не Шевченкові вірші, яких за 40 літ перебувало в «Кобзарях» до десятка, і навіть в останньому виданню Ю. Романчука єсть їх ще двоє,—усе те назавжди стане невиправленим, освяченим традицією, і боротися з цим сумним з'явищем не буде змоги». Ось чому Доманицький уважав безперечно потрібним «за цей короткий час, що лишився до року 1911, потурбуватися українському громадянству про найповніше, найправдивіше, критичне видання поезій Шевченка».

Головне, з чого мала початися робота над критичним виданням Шевченкового «Кобзаря», було те, щоб зібрати й звести до купи увесь матеріал щодо тексту для ужитку наукових дослідників. Початок у цьому напрямку зробив уже Юліян Романчук, надрукувавши деякі свої уваги²⁾, цінність яких зменшувало те, «що він в статті своїй не показав, через що він бере скрізь той, а не інший варіант якої-небудь поезії, і свої суб'єктивні вражіння

¹⁾ Пор. передмову В. Доманицького до окремої відбитки „Критичного розсліду над текстом „Кобзаря“, Київ, 1907.

²⁾ Тут автор мав на думці працю Ю. Романчука „Деякі причинки до поправнішого видання поезій Тараса Шевченка“ (Замітки до „Кобзаря Тараса Шевченка“, зредагованого д-ром Омеляном Огоновським і виданого Товариством ім. Шевченка у Львові, 1893), надруковану в „Записках Наукового Товариства ім. Шевченка“, т. XXXIV.

чи симпатії не подав на увагу критики. До такої роботи, як нас повідомляють,—писав Доманицький,—узялося тепер «Наукове Товариство ім. Шевченка» у Львові, приступаючи до нового повного критичного видання усіх творів Шевченка (прозових, драматичних, дневника, рецензії на гру Піунової та інше), і роботу почато з порівняння усіх текстів, які мають критичну вартість, тоб-то або видані були за життя Шевченка, або на підставі автографів його». До речі, відгомін цих слів Доманицького про значіння видання творів Шевченка, яке поручило Наукове Товариство ім. Шевченка Франкові, й вище наведених слів Доманицького про значіння Шевченка як поета взагалі відбився у вище згаданому листі Франка.

«Одночасно з критичним виданням творів Шевченка у Львові—переходив Доманицький до справи петербурзького видання «Кобзаря»—цього року має вийти повне видання «Кобзаря» і в Петербурзі, на яке, в тому об'ємі, що в виданню д. Романчука, єсть дозвіл цензури (з кінця минулого року). Бажаючи, щоб видання це було як найкраще, мало якомога найпевніший, найправдивіший текст і уложене було як слід хронологічно, видавці «Кобзаря» допомогли мені здійснити моє давнє бажання—узятися до перегляду тексту «Кобзаря» спеціально по автографах, для чого я обслідував увесь Шевченківський матеріал в музею імени В. Тарновського в Чернигові, а крім того користувався матеріалами (автографами та копіями) приватних людей, а найголовніше—дорогоцінним скарбом, що мається у редактора «Кіевской Старини» В. П. Науменка: власними рукописами Т. Г. Шевченка, тими автентичними книжечками, які Шевченко нищечком «мережав» та «начиняв віршами» на засланні в р.р. 1847—1850, та ще одною його ж таки, Шевченка, книжкою-альбомом, куди поет попереписував більшу частину своєї невільницької поезії і вписував усі свої поетичні твори з р. 1857 аж до р. 1861. Ці матеріали, що стають основою принаймні для трьох четвертин «Кобзаря», мають незвичайно велику вагу і ціну, і вони допомагають нам, як буде видно далі, встановити і правдиву хронологію, і правдивий текст для всіх поезій Шевченка, почавши з р. 1847 (для деяких навіть з р. 1846)». Крім цих дуже цінних Шевченкових автографів покористувався Доманицький для своєї праці деяким матеріалом для критичного видання «Кобзаря», що при близькій участі Науменка зібрала було громадка київських українських діячів ще при кінці 80 рр. XIX в., а також і деякими підписами з автографів, знайденими в паперах Михайла Максимовича або здобутими з приватних рук. Мало не нарівні з автографами ставив Доманицький також «Чигиринський «Кобзарь» з «Гайдамаками» та «Гамалією», які Шевченко опрацював разом в одну книгу й значно виправив для нового видання, назвавши цю книжечку «Поэзия Т. Шевченка, том. I».

На кінці своєї передмови склав Доманицький подяку О. Лотоцькому, В. Науменкові й П. Стебницькому за ту велику поміч, якої вони уділяли йому своїми вказівками й матеріалами для його праці¹⁾.

Двом із згаданих осіб завдячуємо відомості про історію видання першого повного «Кобзаря» в Росії. П. Стебницький надрукував, у лютневій книзі «Літературно-наукового Вістника» за 1914 р. статтю про «Повний «Кобзар» в Росії» і в 4 томі «Записок Історично-Філологічного Відділу» Всеукраїнської Академії Наук подав статтю про «Кобзар» під судом», а О. Лотоцький надрукував у 1926 р. в еміграційному органі «Трибуз» у ч. 23 «сторінку із спогадів» про те, «Як появилася повне видання «Кобзаря».

Думка бодай про повніше й поправніше, коли не про цілком повне видання «Кобзаря» Шевченка хвилювала всіх учасників київського видавництва «Вік», а один із них, «найбільш упередливий, В. М. Доманицький, вже й

¹⁾ В. Доманицький,—Критичний розслід, ес. 1—6.

почав підготовчу працю до того». Однак заслуга роздобуття дозволу на повне видання «Кобзаря» належить петербурзькому Товариству ім. Т. Шевченка. З огляду на призначення цього товариства на його чолі стояла «особа, дуже впливова та бездоганна з погляду всякої адміністративної благонадійності», себто сенатор Андрій Маркович, син історика України, Миколи Марковича; його знав і особисто поважав царь Микола II, так що в нього мав сенатор окремі авдієнції. І ось у Лотоцького зродився плян «використати впливи сенатора Марковича, який був головою товариства, що мало своїм патроном Т. Г. Шевченка», тим більше, що це товариство під претекстом збільшення своїх матеріальних засобів уже давніше розпочало видавничу діяльність і випустило два томи історичних праць О. Єфименкової п. н. «Южная Русь». Секретарем товариства був визначний урядовець Петро Саладилов. «Це була розумна, розважлива та енергична людина. Українець з переконання і бюрократ в душі, він охоче брався за такі справи, що вимагали певної спортової гри, інтелектуальної творчости на діловій бюрократичній засаді та сягали аж до верхів бюрократичного Олімпу. Така праця особисто його захоплювала, і це був надзвичайно цінний співробітник на найбільш відповідальні завдання». «Натурально, Саладилов був дуже відповідним секретарем для сенатора Марковича.—це були дві споріднені, бюрократично викохані душі, що добре розуміли один одного та один одному щиро симпатизували. Тому Саладилов найбільш доцільно та успішно міг вплинути на сенатора Марковича і в справі видання «Кобзаря». Треба було лише його переконати та заінтересувати справою».

З тим і звернувся Лотоцький до Саладилова, що, познайомлений з забороненими творами Шевченка, зразу поставився скептично до пляну Лотоцького. Але Лотоцький, сподіваючися цього, підготував усі аргументи, «відповідні для його оригінального світогляду українського патріота-бюрократа». По більше ніж двохгодинній розмові Саладилов успів перейнятися ідеєю визволення занедбаної великої культурної цінности та склав відповідну аргументацію, якою мав бути культурний престиж російської держави, очевидно, з пропущенням «деяких, особливо неприємливих для цієї останньої уступів». Прощаючись із Лотоцьким, Саладилов обіцяв зайнятися справою, а що він не мав у звичаю кидати слів на вітер, сподівання Лотоцького почали приймати сміливіший вигляд.

Це було на передодні початку російсько-японської війни. Тяжкі поразки Росії на побоевищах наповняли вірою кращих людей царської Росії в близький подув весни. Почали й з'являтися її ластівки. В той час на початку осені 1905 р. в квартирі Лотоцького відбулася нарада за участю його, Саладилова й Стебницького, на якій обговорено плян рішучої акції в справі «Кобзаря». Після тієї наради Саладилов уже цілком конкретно переговорив із сенатором Марковичем, а останній згодився допровадити справу до самого кінця. «В Марковичеві заговорило справжнє високе почуття українського патріотизму, що спонукало його до найрішучіших кроків, аби здобути дозвіл на заборонені твори Шевченка. З адміністративного досвіду він добре розумів, що дозвіл тих творів з огляду на їх зміст та характер перевищує ту міру уповноважень, які належали найвищим чинникам цензурної адміністрації. Тому, маючи щирий пієтет до особи царя, він вирішив звернутися до його особисто, щоб шляхом «высочайшого повеления» було доконано акт високого культурного значення—звільнення творів геніяльного поета від цензурної заборони, і саме з огляду на їх світову культурну вартість. Але сенатор був разом і в великій мірі тактовною людиною та найменше хотів при тому ображати чиюсь адміністративну амбіцію. Тому він, попереду авдієнції у царя, вважав за конечне потрібне побувати у начальника головного управління в справах друку і коректно повідомити його про заходи. Справа формально

перейшла через ухвалу товариства і сенатор А. М. Маркович особисто поїхав до начальника головного управління в справах друку, повідомив його про намір товариства видати повний збірник творів свого геніяльного патрона та мотивував те бажання, крім поданого офіційного паперу, ще й особистими аргументами, що, оскільки пригадую, виглядали так: твори геніїв людства не можуть підлягати тим формальним приписам, що обов'язкові для людей звичайних, і він, сенатор, має подати свій намір до ласкавої уваги самого монарха; але раніше він вважає для себе конечним повідомити про це «по належності» начальника головного управління в справах друку, на випадок, що може він визнає небажаним турбувати цією справою особи його величності, а натомість знайде можливість сам вирішити ту справу позитивно. Голова цензури попав у тісне становище. З одного боку була певна небезпека в тому, щоб дозволити друк творів, які досі заборонялися, а з другого—авторитет сенатора Марковича, може навіть перебільшений в поголосках, утворював певність в успішності тої справи, що він підняв; тому становище начальника цензурного відомства було б дуже прикре, коли б він безпотрібно припустив до клопоту саму особу його величності, змігши і без того полагодити справу. Балансуючи між одним та другим лихом, він вважав все-ж безпечніше понести відповідальність за дозвіл нецензурних творів Шевченка, ніж заслужити хоч тінь царської неласки. Можна з певністю думати, що він власне і не уявляв собі, про що саме йде річ, бо з проскрібованими творами Шевченка він, очевидно, не був перед тим обзнайомлений, а доставши з рук Марковича мій примірник «Кобзаря»,—оповідає Лотоцький,—він не міг з ним обзнайомитися, бо того ж дня, 3 жовтня, положив на тому примірникові, можливо—в присутності свого високого відвідувача, резолюцію: «Цензору А. Н. Тучапському. Пок. прошу ускорить». Цензора Тучапського я добре знав. Це був землячок, брат відомого в Києві українського радикала, найближчого співробітника Мик. Ів. Ковалевського в час найгостріших змагань радикалів драгоманивців з «націоналістичною вузькістю» групи В. Б. Антоновича—О. Я. Кониського. Ледве чи не од свого брата цензор засвоїв досить призириле трактування української літератури, принаймні він, покликуючись на свого брата революціонера, так висловлювався про подані мною до цензури два прозові томи «Віку», де було зібрано кращі зразки українського письменства за сто літ нашої нової літератури. Так само очевидно, трактував він і Шевченка. Підписуючи дозвіл, він, можна бути певним, не читав того, що дозволив, маючи для себе таке безпечне формальне прикриття, яким була недвозначна резолюція голови російської цензури. Дозволений цензурою примірник «Кобзаря» скоро по тому було послано цензурою голові Шевченкового товариства А. М. Марковичу разом з спеціальними повідомленнями про дозвіл—від головного управління в справах друку та від петербурзького цензурного комітету»¹⁾.

Урядову кореспонденцію, зв'язану з цензурним дозволом на друк повного «Кобзаря», надрукував П. Стебницький²⁾. Ні одного слова цензор не викреслив, не перемінив. Тільки одно обмеження поставила цензура, а саме друкувати «Кобзарь» не кулішівкою, а «по правилам правописання русского языка», себто так званою «ярижкою»³⁾. Дехто, напр. В. Науменко, перестерігав перед друкуванням «Кобзаря» в його повноті, але петербурзькі Українці постановили скористати з цензурного дозволу й дати нарешті справдешнє слово Шевченка українському народові. З огляду на те, що Товариство ім. Шевченка не могло перевести справи видання «Кобзаря» ні з мате-

¹⁾ О. Лотоцький, — Як появилася повне видання „Кобзаря“ (сторінка із спогадів Тризуб, 1926, ч. 23, сс. 5—8).

²⁾ П. Стебницький, — Повний „Кобзар“ в Росії, „Літературно-Науковий Вістник“, 1914, кн. 2, сс. 277—9. ³⁾ Тамже, с. 279.

ріяльного ні з літературного погляду, воно увійшло в спілку з Благодійним товариством і обидва ці товариства утворили окрему комісію для видання «Кобзаря», куди увійшли по чотирі представники від одного й другого товариства, а саме від Товариства ім. Шевченка Хв. Вовк, М. Дубяга, Я. Забіла й П. Саладилів, а від Благодійного Товариства С. Афанасів, О. Русов, П. Стебницький і О. Лотоцький. На редактора запросили Василя Доманицького, що вже успів зарекомендувати себе своєю працею над критичним розслідуванням тексту «Кобзаря». «Доманицький тоді перебував на нелегальному становищі—згадує про ті часи О. Лотоцький. Нелегально прожив він два місяці в Петербурзі, редагуючи тут разом з В. О. Піснячевським, під час першої державної думи, орган української думської фракції «Рідна Справа—Думські Вісти» та разом працюючи над редакцією «Кобзаря». Після розгону першої думи Доманицькому вже не можна було ховатися в Петербурзі ні з причини адміністративної небезпеки, ні з причини тяжкого стану його здоров'я, і він переїхав на переховання до мене на літню віллу до Фінляндії. Я жив того літа геть далеко за Выборгом. Умови для праці були тут дуже відповідні. Доманицький працював з надзвичайною пильністю, зовсім не рахуючись із станом свого здоров'я»¹⁾).

Але задержка друку «Кобзаря» наступила з цілком несподіваного боку. Ще на початку редакційної роботи над «Кобзарем» знайшов дослідник революційних рухів у Росії П. Щоголів зовсім до того часу невідомі рукописи Шевченкових творів в архіві департаменту поліції. А що не легко було здобути дозвіл на вступ до архіву для свого чоловіка, українська громада в Петербурзі запропонувала Щоголеву щомісячну плату за те, щоб він, працюючи в архіві, відписував і твори Шевченка. А для облегшення своєї роботи одержав Щоголів примірник «Кобзаря» в редакції Романчука, щоб міг надписувати в самій книзі варіанти з знайдених рукописів. Уже близько кінця була та робота, але нагло вона обірвалася через те, що вертаючись раз із департаменту, Щоголів забув на візнику свій портфель, в якому був і «Кобзарь» із доповненнями, а незабаром перестав працювати в архіві департаменту поліції. Тоді сенатор Маркович виклопотав дозвіл на працю в архіві для свого земляка, Я. Забіли, до речі мало придатного для такої роботи. За виконання свого завдання взявся Забіла щойно влітку 1906 р. й не знайшов уже в архіві всіх тих матеріалів, якими там користувався Щоголів. Наслідком того випуск книги задержався аж до кінця 1906 р.²⁾

Обидві передмови до першого видання першого повного «Кобзаря» в Росії, і від видавців і від редактора, датовано груднем 1906 р., але рік виходу книги означений р. 1907. Видавці зазначали, що видавнича комісія «ухвалила, щоб се перше в Росії повне видання «Кобзаря» було разом з тим найбільш певним по тексту і відповідало найбільш справедливому хронологічному розпорядку Шевченкових творів. З доручення комісії В. Доманицький вивірив текст «Кобзаря» по власноручних рукописах Шевченка, які де збереглися до сього часу, а крім того використав і спеціальну літературу по історії тексту»³⁾. Редактор зазначував, що основою його роботи був перегляд усіх доступних йому автографів-рукописів Т. Шевченка й тих копій, що мають яку-небудь вартість. Перш усього він розглянув 34 автографи й дві копії поезій Шевченка в Шевченковому відділі в музеї ім. В. Тарновського в Чернігові, далі використав вельми цінні матеріали, що збереглися у редактора журналу «Кіевская Старина» В. Науменка, крім того в Рум'янцівському Музеї в Москві розглянув три автографи Шевченка. Словом Доманицький мав під руками 270 автографів окремих

¹⁾ О. Лотоцький,—як вище, с. 9.

²⁾ Там же, с. 9.

³⁾ Т. Шевченко,—Кобзарь, СПб., 1907. Од видавців, с. III.

поезій і 18 копій із автографів. Серед матеріалів Шевченкового відділу в Музеї ім. В. Тарновського в Чернігові знайшов один недрукований до того часу, писаний рукою Шевченка вірш «Та головонько моя бідна».

Окремий відступ своєї передмови присвячував Доманицький знахідкам в архіві департаменту поліції. «Нарешті,—писав Доманицький,—я мав нагоду скористуватися матеріялами, що здобули д. П. Е. Щоголев, редактор журналу «Былое» та Я. П. Забіла з архіву департаменту поліції (так званого «III-го Отделения»). Матеріяли ті лежали необслідовані більш як 50 літ, а серед них і три рукописи поезій Шевченка: один, під заголовком «Три літа», має в собі 24 поезії, написані в протязі трьох літ—1844—1846 (залічуючи сюди й «Розриту могилу» з датою 9/X. 1843)—тоб-то усе те, що написав Шевченко після виходу в світ «Гамалії» (р. 1843). Цей зшиток, як знати, Шевченко мав задля себе, а не задля цензури, і тим власне має він велику ціну, бо поезії списано в ньому без жадних скорочень, так, як було написано одразу. Другий зшиток, виготовлений на початку року 1847 задля цензури, містить в собі те, що написано було року 1846 («Лілея» і «Русалка») та на початку року 1847 («Осика»,—пізніше «Відьма»). До цих трьох поезій Шевченко додав передмову, що й подається тут в «Примітках». Нарешті третій зшиток—має в собі повний текст «Єретика» або «Івана Гуса». Всі три отсі зшитки, разом з іншими паперами, взято було у Шевченка 5 квітня р. 1847, тоді, як його арештовано. В цих матеріялах; а власне в рукописові під заголовком «Три літа» знайшлося 4 невідомі ще досі поезії: «Сова» (1844), «Дівочії ночі» (1844), «Маленькій Мар'яні» (1845) і «Три літа» (1845), які, разом з кінцем «Єретика», увійшли теж в це видання. Крім того ці матеріяли цінні ще тим, що допомагають нам встановити правдиву хронологію для усіх творів Шевченка з рр. 1843—1847, (до арешту його)».

Таким чином з усіх 215 поезій у «Кобзарі», викинувши з останнього найповнішого львівського видання два вірші, а саме: «Ой у саду, у саду» й «Не журюсь я, а не спиться», які трудно було вважати за Шевченкові, а додавши, крім другої половини «Івана Гуса», ще чотири новознайдені поезії,—тільки вісім поезій у виданні з 1907 р. не перевірів Доманицький з автографами¹⁾.

На фонетику й доповнення до львівського видання «Кобзаря» можна було дозволити собі тому, що тимчасом упали цензурні обмеження. Надруковано «Кобзаря», 10.000 примірників по ціні 1 карб. 50 коп., і за три місяці на складі видання не залишилося ні одного примірника; з того близько 4000 примірників пішло для передплатників «Кобзаря», бо таким способом бажали видавці придбати дещо фондів на видання «Кобзаря» хоча його фактично забезпечив своєю підмогою В. Симиренко, позичивши комісії на початок справи 1800 карб.²⁾

Українська преса й журналістика прийняла «Кобзарь» в редакції Доманицького з захопленням. У найповажнішому нашому журналі в «Літературно-Науковому Вістнику» його редактор, теперішній академик М. Грушевський підкреслив, що «се величезний крок наперед в критичнім провіренню тексту Кобзаря і д. Доманицькому належить щира подяка за ту працю й любов, яку вложив він у се діло. Нинішнє видання «Кобзаря» таким чином стає не просто першим виданням «Кобзаря» в Росії, але найповнішим з усіх дотеперішніх і авторитетнішим від усіх попередніх»³⁾.

Приготування другого видання «Кобзаря» відбувалося в часі, коли вже змінилися умови. Поперед усього помер сенатор Маркович, що встиг іще

¹⁾ Тамже, Од Редактора, сс. V—VIII. ²⁾ „Літературно-Науковий Вістник“, 1914, кн. 2, с. 280.

³⁾ „Літературно-Науковий Вістник“, 1907, кн. II, с. 368.

незадовго перед своєю смертю здобути царський дозвіл на передачу всіх рукописів Шевченка з департаменту поліції до чернігівського Музею ім. В. Тарновського. Політичні умови стали далеко гірші, але покищо не змінилися цензурні погляди на Шевченків «Кобзарь», і перше видання «Кобзаря» не зустріло ніяких перешкод. Коли на весну 1907 р. обидва петербурзькі товариства постановили взятися до другого видання, доручили роботу тій самій комісії, а Доманицький одержав доручення вести редакцію тексту¹⁾.

Обидві передмови другого петербурзького повного видання «Кобзаря», від видавців і від редактора, датовані листопадом 1907 р., але вихід книги позначений 1908 роком. Видавці зазначували, що Доманицький «знов перевіряв текст, скористувавшись для того ще новими матеріялами»²⁾. А Доманицький як редактор починав свою передмову до другого видання «Кобзаря» такими словами: «Менше як через рік після першого виходить у світ це друге повне видання «Кобзаря». За цей короткий час знайшлося чимало цінного матеріялу в рукописах самого Т. Г. Шевченка та в копіях інших людей і цей новий матеріял допоміг нам де в чому поправити та доповнити текст «Кобзаря». З рукописів самого поета розглянув Доманицький чотири вірші-автографи Шевченка, що від князів Репніних перейшли до проф. Н. Стороженка. Другим автентичним джерелом для тексту «Кобзаря» послужив Шевченків альбом з віршами, що його знайшов улітку 1907 р. Я. Забіла серед інших Шевченкових паперів в архіві департаменту поліції. Крім варіантів для деяких «невольницьких» поезій цей альбом доставив Доманицькому невідомий до того часу вірш «Дурні та горді ми люди» з 1849 р. В альбомі є також чимало пісень, записаних в 1845—1846 рр. в часі археологічної екскурсії Шевченка по Україні, між ними й пісня «Ой у саду, саду ходила кокошка», що до того часу вважалася за вірш Шевченка. Третій рукопис, правда, не власноручний Шевченків, а тільки з його великими поправками, знайшовся у Сульєва в Петербурзі. Він дуже цінний тим, що в ньому списано поезії найпершого періоду, для яких не збереглися Шевченкові автографи; виправлений Шевченком, він заступив Доманицькому оригінали багатьох поезій із раннього періоду. Далі в альбомі Н. Гербея в Публичній Бібліотеці в Петербурзі зберігся написаний рукою Шевченка початок вірша «Н. Гоголю» й увесь «Поставлю хату і кімнату» в найраннішій редакції. Нарешті в С. Сторожевського в Петербурзі знайшовся один листочок із найраннішого оригіналу «Неофітів». Крім вичислених оригіналів використав іще Доманицький нові копії Шевченкових віршів, які дали цінні поправки або кращі відміни тексту. Словом новий матеріял допоміг Доманицькому «випустити у світ «Кобзарь» ще повніший, з текстом в йому ще поправнішим як поперед, бо коли у першому виданні ми мали 8 поезій не вивірених по оригіналах або хоч по певних копіях, то в цьому їх вже тільки чотири»³⁾.

В кінці 1907 р. нове видання «Кобзаря» пущено в продаж. Цим разом друковано 25.000 примірників. І знов на початку 1910 р. трохи не всі примірники розійшлися. Настала пора подумати про третє видання, редакції якого знову піднявся Доманицький, а видання В. Яковенко, співробітник московського видавця Павленкова. В передмові, датованій серпнем 1910 р., стверджував Доманицький, що він «перевіряв по Шевченкових рукописах увесь «Кобзарь» і виправив ті огріхи, що траплялися по давніших виданнях «Кобзаря», та подавав дещо нове, що знайшлося в паперах Шевченка та в деяких архивах за останні чотири роки. В основу третього видання поло-

¹⁾ Т. Шевченко, — Кобзарь. Друге видання, Спб., 1908, Од видавців, с. IV.

²⁾ „Літературно-Науковий Вістник“, 1914, кн. II, с. 281.

³⁾ Тамже. Передмова до другого видання, сс. V—VIII.

жено текст видання 1908 р., з тими редакційними відмінами, які дала нова перевірка деяких віршів по рукописах Шевченка». Крім того, для цього видання пощастило знайти невідомий до того часу вірш «Човен»¹⁾.

В кінці 1910 р. Яковенкове видання було цілком готове й почало йти в магазини та на склади, а в січні 1911 р. видавець сповістив видавничу комісію, що на його видання раптом наложено арешт²⁾. Про конфіскацію всіх трьох видань «Кобзаря» та про суд над видавцями й над текстом Шевченкових віршів оповів Петро Стебницький у статті «Кобзарь» перед судом», стверджуючи на її початку той сильний вплив, який зробив «Кобзарь» у повному петербурзькому виданні на широкі верстви української інтелігенції; «За чотири роки 1907—1910 було кинуте в люди кілька десятків тисяч томів з точним, неврзізаним і неприкритим вогненним словом великого співця, яке доти лиш уривками, випадково доходило до свідомости окремих одиниць в рідких здобутках закордонної нелегальної літератури. Це було, можна сказати, нове народження Шевченка, яке вперше поставило його на весь зріст перед громадянством, перед рідним краєм, перед усією Росією»³⁾.

Рівночасно з другим виданням «Кобзаря» під редакцією Доманицького, вийшов у Львові двомотомий «Кобзарь» під редакцією Івана Франка накладом Наукового Товариства ім. Шевченка на підставі ухвали філологічної секції з 21 грудня 1905, затвердженої ухвалою виділу товариства з 26 червня 1907 р. Свою передмову, написану 26 листопада 1907 р., розпочинав ось як Франко: «Перше повне, хронологічно упорядковане і критичним апаратом, зводом варіантів та їх використанням для редакції тексту наділене видання, з помічю всіх досі опублікованих видань, автографів самого автора і копій із заграчених автографів виходить рівночасно в Петербурзі під редакцією д. Василя Доманицького і у Львові під моєю». Головною підмогою для тих видань була праця Доманицького «Критичний розслід», «дуже детальна праця, подиктована великим пієтизмом для памяти нашого безсмертного Кобзаря, праця, що дійсно дала нам стільки нового, інтересного матеріалу й уваг, що ми нарешті побачили Шевченкові твори в їх правдивім блиску, вникнули в робітню великого артиста і зрозуміли ту велику працю, яку він провадив майже рівночасно з своєю поетичною діяльністю над шліфуванням, вигладжуванням та доповнюванням своїх творів». Автографи й рукописні копії Шевченкових творів «помогли д. Доманицькому також усталити раз на завсіди хронологію Шевченкових творів майже для кожного окремого віршика».

Далі підносив Франко, як із припливом матеріалів Доманицького його «праця значно влекшилася і мала метою як найповніше використати новий матеріал зібраний ним. Протягом редакторської праці,— писав Франко,— ми часто обмінювалися листами, обговорюючи деталі тексту і ріжних видань». Влітку 1907 року Доманицький прислав Франкові примірник петербурзького «Кобзаря» з виписками варіантів із копії, знайденої між паперами покійного Мордовця. Тому, докінчуючи свою передмову сердечною подякою всім тим, що допомогли Франкові випустити в світ «Кобзарь» в його редакції, Франко підкреслював: «а особливо Впов. д. Василю Доманицькому, без якого помочи я не був би міг доконати успішно того, що доконано в отському виданню»⁴⁾.

¹⁾ Т. Шевченко.—Кобзарь. Третє повне видання під редакцією В. М. Доманицького, 1910. Од Редактора.

²⁾ П. Стебницький, — «Кобзарь» перед судом». „Записки Історично-Філологічного Відділу“, кн. IV. Київ, 1924, с. 40.

³⁾ Тамже, с. 36.

⁴⁾ Українсько-руська Бібліотека, т. VI; Кобзарь, т. I, виданий під редакцією Івана Франка. Львів, 1908, Передмова, сс. V—X.

Про видання «Кобзаря» в своїй редакції заговорив Франко також у «Ділі» як про таке, «що мусить відтепер стати основою всіх дальших студій над поезією нашого безсмертного Кобзаря і витиснути з обігу всі дотеперішні видання»¹⁾. Цією заявою Франка розпочав і свою статтю в «Ділі» Юліян Романчук, в якій виказував прогріхи Франка проти повноти, хронологічності та старанності щодо тексту й критичного апарату. Про Доманицького висловився тут Романчук із великими похвалами, бо «В. Доманицькому належить та заслуга, що він зайнявся дуже щиро і ревно докладним розслідуванням всіх нових як і провіренням давніх матеріалів до усталення тексту і хронології поезій Шевченка, а результатом його студій була найперше книжка «Критичний розслід над текстом Кобзаря» (Київ, 1907, 370 с. вел. VIII-ки), потім його петербурзьке видання Шевченка. Се видання—для Росії просто епохальне, бо перше цілком повне, без найменших пропусків цензурних, але воно й для заграниці дуже важне тим, що в нім додані деякі нові поезії і частини поезій, що заповнені деякі прогалини, що декуди поправлений текст і що майже вже цілком впевнена хронологія».

З закидів Франкові був один дуже неприємний для нього. «Неувага д-ра Франка,—писав Романчук,—має нераз справді дивні розміри, а властиве переходить навіть всяку міру. І так пише на стор. 54 до стор. 135: «Звістка В. Доманицького про надрукування сих рядків (101—135 «Тарасової ночі») в «Вечерницях» 1862 р. хибна». На ст. 230: «У «Вечерницях» сеї поемки (Чигирин) не було». На ст. 351: «В «Вечерницях» 1863 р. сеї поеми (Кавказа) не було». Отже нехай д-р Франко загляне ще раз хоть трошки уважніше до «Вечерниць», а знайде там сі поезії дуже легко, бо вони стоять все на першій стороні на першій місці, і то: Тарасова ніч 1862 ч. 34, Чигирин 1863 ч. 11, Кавказ 1863 ч. 13. А однак д-р Франко не завагався в Записках Наук. Товариства ім. Шевченка (р. 1907, кн. V, ст. 229) ще написати таке: «Не можемо ошадити В. Доманицькому одного докору: легкодушного довіря, з яким він оперся на зовсім невірних інформаціях, яких достарчив йому д. Романчук що до деяких публікацій Шевченкового тексту. Ті інформації доторкаються поезій Чигирин, Кавказ, Холодний Яр (?!) і подабають на якусь злобну містифікацію, якої мотивів я не берусь зрозуміти. Той же Романчук подав В. Доманицькому хибні варіанти також з інших Шевченкових творів, друкованих у Вечерницях, як ось у Русалці. Справді годі збагнути, як воно се зроблено» (!!)²⁾. Відгомін непорозуміння щодо Шевченкових поезій у «Вечерницях» відбився в кількох листах Доманицького до Франка.

Головно питаннями, зв'язаними з петербурзьким і львівським виданнями «Кобзаря» заповнене листування Доманицького та Франка, доступне мені з Бібліотеки Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові. Та частина листів Франка до Доманицького, яка була в його руках в останніх роках його життя закордоном, збереглася між його паперами, переданими по його смерті до згаданої Бібліотеки, а листи Доманицького до Франка, збереглися тут же в архіві Франка³⁾. Вже в збірці «Чистому серцем» у пам'ять Доманицького, по підкресленні його заслуг за працю над «Кобзарем», читаємо: «Коли-б Доманицький нічого більше не зробив був, то вже оця одна праця над «Кобзарем» повинна-б забезпечити йому вічну пам'ять на Україні.

¹⁾ Д-р Ів. Франко,—Нове видане Шевченка, Діло, 1907. ч. 269.

²⁾ Юл. Романчук,—Три нові видання Шевченка, Діло, 1908, ч. 5. Щодо тексту порівняв Юл. Романчук видання «Кобзаря» в своїй редакції з 1912 р. з виданнями Доманицького й Франка в статті «Критичні замітки до тексту поезій Шевченка» в III й 112 т.т. «Записок».

³⁾ Листи до Доманицького та його папери зберігаються в рукописному відділі Бібліотеки під ч. 428, а листи Доманицького в зшитках і течках архіву Франка чч. 199, 437, 480, 481, 488 і 489.

Незадовго до смерті, хворий раз-у-раз, він запопадливо клопочеться про нове видання «Кобзаря» і таки доводить його до краю, збираючи все новий матеріал та поправляючи відомий текст на підставі того матеріалу. Ота велика праця уповні виявиться вже аж тоді, як буде опубліковане його листування в справі редакції «Кобзаря»¹⁾.

Декілька листочків до тієї великої праці Доманицького хочу докинути, дублікуючи ось тут його листування з Франком поруч із доступними мені листами Франка, при чому треба тямити, що вже лист Франка під ч. 10 має на собі без сумніву тавро його тяжкої хвороби.

Михайло Возняк.

1. Доманицький до Франка.

26.VII/8.VIII—1903.

Високоповажаний пане докторе! Посилаю Вам вимітку про Наливайка в мідному бику, — може Вам здасться. Про се Ви колись у Львові згадували.

Звертаюсь до Вашої протекції, — винайдіть який спосіб умовити д. Гнатюка, щоб він хоч на одкритті одповів на мої четверократні запити.

Разом з сим висилаю ще де-що до Хроніки „Вістника“, хоч і досі не знаю, чи дійшли попередні материяли, а також пісні Бодянського. Прошу уклонитися д. Гнатюкови, панні Стефанії і Грушевським.

З найщиршим поважанням В. Доман.

P. S. Почуваю себе зовсім не эле — в 1000 раз ліпше як в Корфу.

2. Доманицький до Франка.

12. I.

Високоповажаний пане докторе! Поздоровляю Вас з Новим Роком і бажаю здоров'я, — решта й само прийде! Нині вислав до Товариства „Жерміналь“ Золя, перевіривши його з текстом. Переклад зовсім порядний, і коли й трапляються деякі дефекти (пропуски), то другорядні (впрочім я по змозі повставляв їх). Не можна того ж сказати про мову: вона не то щоб лиха, але дуже галицька. Я не брався виправляти, бо не мав на те розказу, хоч занадто вже дикі слова подекуди виправляв. З Марком Вовчок тим часом посуха: отсе вже скоро місяць, як я заслаб і все маю нахил до ліжка; а перед тим викінчив усю „Марусю“ (106 друк. сторін) і 1/2 „Пройдисвіта“ (25 стор.). Як трохи викачаюся, — посуватимуся далі. Підпишіть мене під статутом, виробленим Вами для Наук. Товар. Такий наказ дав мені Гнатюк з Алланту. Та гадаю, що так треба, а він обіцяв незабаром написати мені докладно, в чім річ.

Погода у нас прехороша: сонце, ясно, тепло. Шкода, що Гнатюк повіявся десь під Відень. Пише, що йому там нудно, а мені тут нудно... Сидітиму ще тут місяць, два, або й пять — в залежности від того, як почуватиму себе. Будь ласка, в 7 чи 8-ий раз звертаюся (тепер ще й до Вас): нехай надішлють мені 1 прим. „Покажч.“ до Вістника, — хочу побачити, а заразом, коли ласка, й XII кн. Вістника.

З щирим поважанням В. Доманицький.

3. Доманицький до Франка.

30/I—1904

Високоповажаний добродію! Сьогодні вислав я до Товариства I част. «Жерміналя» та Марка Вовчка: «Маруся», «Пройдисвіт» та «Лимерівна» (більшу половину усього: вже 175 стор. друков., а лишається 115). У всіх перекладах підкреслив червоним (олівцем або чернилом) слова, що або напевне вимагають поправи, або викликають сумнів у мене. Прошу пробачення.

¹⁾ Чистому серцем. Пам'яті Василя Доманицького. Біографія, спомини, похорон. Київ, 1912, с. 8.

що «Маруся» подекуди досить брудна, але я переклав був її без словника, а потім ще разів 2 виправляв. Дальші переклади вже чистенькі.

Не знаю, чи доведеться мені довести до краю і Вовчка і Жерміналь, бо, здається... мандрівочка пахне у Київ. Про се докладніше пишу Михайлови Сергієвичеві.

Бувайте здорові. Усього найкращого. З щирим поваженням В. Доманицький.

4. Доманицький до Франка.

6 II - 1904 Рагуза

Високоповажаний добродію! Послав сьогодні дальшу порцію: II ч. Жерміналя та «Тюлевий папушник» М. Вовчка. З сеї лишається ще «Глухий городок» (аж 80 сторін). Може Вас здивує, що не мою рукою писано, (М. Вовчка), то се я собі маю секретаря—сестру, якій і диктую, лежачи в ліжку (кейфуючи, тоб-то).

Маю до Вас жаль: зганьбили так мого патрона «Базілея» (его же пам'ять 7 марця), що мені тепер соромно до нього й признатися. А в монастирі в Бахчисараю два роки тому я бачив такі гарні мальовані фігури і Базілея і Евгения і Капітона просто на скалі намальований на весь зріст,—

Бажаю усього найкращого. З щирим поваженням В. Доманицький.

5. Доманицький до Франка.

Київ, 29.VI/11.VII - 1906.

Високоповажаний пане докторе! Довідався я сьогодні випадково (од д. Гнатюка), що Ви видаєте також твори Шевченка (і поезію і прозу),—і що поезія у Вас цілком виготовлена. Отже як останніми часами мені довелося теж працювати над поезіями Шевч. і оглянути рукописи в Музею Тарновського, а крім того сьогодні я одержав дуже важні відомости з Петербургу—од П. Стебницького, який списав замітки що до «Кобзаря» у д. Щоголева (його нотатки пороблені в III «Отд'єлені»), то тепер можу Вам подати такі новини що до хронології принаймні поезій.

I. З нотаток Щоголева.

1) Лілея—Київ, 1846, іюля 25 (Цю дату я найшов також в Музею Тарновського). 2) Русалка. Київ, 1846, августа 9. 3) Єретик,—с. Марінское, 10/X 1845 (Єсть кінець!! Хоч слабший од початку...) 4) Минають дні, 21/XII, Вюнище. 5) Кавказ. Посвята «Искреннему моему Якову де Бальмену 18 ноября 1843 въ Переяславѣ.» 6) До мертвих і живих—14/XII 1845 Вюнище. 7) Дивьчіи (?) ночі (нова поема—1844, мая 18). 8) Чигирин—М. С. Щепкину, 13 дек. 1844, Спбр. 9) Хустина—18 окт. 1844 Спбр. 10) За думою дума—присвята Н. Гоголю, 30 дек. 1844. 11) Розрита могила—9 X 1843 Березань. 12) Чого мені тяжко 13/XI 1844 Спбр. 13) Не завидуй багатому—4/X 1845 Миргород. 14) Не женися на багатій—4 X 1845 Миргород. 15) Сова (нова поема—6/V 1844). 16) Наймичка—13 XI 1845 в Переяславі. 17) Маленька Марьяна (?). (Щось непевне... Ніби й новий заголовок, хоч Щоголів не означив поему цю як нову...

Мабуть усі нові поеми будуть незабаром в «Новій Громаді».

Взагалі, пише д. Стебницький, що знаходки не дуже цікаві, навіть і кінець «Гуса»... А лірика зовсім слабенька...

II. Власні уваги...

В музею Тарновського єсть автограф (аркушик паперу поштового), в якому під датою 30/V 1847 списано 13 віршів: «Ой одна я одна, За байраком байрак, Мені однаково, Не кидай матері, Калина, Ой три шляхи, Весінне (а не веселе) сонечко ховалось, Садок вишневий, Не спа-

лося, а ніч як море. Рано вранці новобранці, В неволі тяжко, Чи ви ще зійдетеся знову. По над полем іде... Більшість з них д. Романчук позначив «II піврік 1847», а вони ж писані очевидно в Петропавлов. Цитаделі.

Потім новий віршик:

„Та головонька моя бідна,	Була на риночку,
Чого моя мила зблідла?	Пиля горілочку,
Чи пшеницю жала,	На похміллячко лежала,
Чи ячмінь в'язала,	З родиною зійшлась,
Чи в недуженьки лежала?	Горілки напилась.

(Писано після 8/VIII 1859, здається, у Києві на мості, де написано народню пісню і датовано «Київ, 8 августа 1859»).

А чи видаватимете Ви і «Дневник»?

Оскільки мені здається (на жаль, я не звірив друкованого з рукописним),—небіжчик Кониський не подав його в цілості...

Що до тексту, то чимало поправок дав перегляд автографів... Всі свої уваги скоро думаю подати в «К. Старині»... Страшенно не хотілося б там (охоче дав би до «Записок»), але з огляду на де-які «політичні обставини» (бо інакше Науменко не дасть мабуть розглянути своїх автографів «невільницької поезії») — мушу вдатися до «К. Старині»...

А тим часом—усього найкращого. Уклоніться п. професорови од мене...

З щирим поваженням В. Доманицький.

P. S. Може що треба буде до мене, то на редакцію «Думки» для В. Д.

6. Доманицький до Франка.

II—24; VII.

Високоповажний пане докторе! Дуже винен перед Вами, що так довго не відповідав Вам через всякі обставини... З Вами, що до чистоти тексту видання Романчука, цілком згожуюся. Пропозицію Вашу, щоб узяти в основу галицьке видання, можна б тільки щиро вітати, але не знати, як воно буде хронологічно: чи Ваше видання побачить світ ранійш, чи петербургське... Уже перші 8 аркушів складаються, і дуже скоро можуть бути видруковані... Але як що і Ваше видання незабаром почнеться, то дуже було б добре, як би од Вас можна було одержувати аркуш за аркушем складені вже пєси... Та про це вже поклопочеться д. Лотоцький, який десь з 5—18/VIII буде вже в Петербурзі і який наглядатиме за виданням.

Тепер що до тексту. Моє завдання—по можливості переглянути усі автографи, які де тільки єсть. У Чернигові я оглянув ось які: 1) Невольник (увесь, а не уривки, як каже Б. Грінч. в каталозі), 2) шматок «Єретика» (I листочок) [це не автограф, а тільки поправлений Шевченком список]; 3) Лілея (з р. 1846, 25/VII), 4) Весенній вечір («Садок вишневий»); 5) 13 віршів: Ой одна я одна, За байраком байрак, Мені однаково, Не кидай матери, Чого ти ходиш на могилу (Калина), Ой три шляхи, Весенне сонечко, Садок вишневий, Не спалося—а ніч як море, Рано вранці новобранці, В неволі тяжко, Чи ви ще зійдетеся знову, Понад полем іде—усі з датою 30/V 1847. 5) уривок з «Неофітів». 6) «Княжна». 7) На панщині пшеницю жала. 8) Шмат. «I Архимед, і Галилей». 9) Пророк («Неначе праведник дітей»). 10) «Марія»: бруліон і чистійше переписання (цілий зшиток,—все рукою Ш). 11) «Во Іудеї о дні они»—там таки. 12) Кобзарь з р. 1840, Гайдамаки і Гамалія—разом спалатуровані і поправлені рукою Шевч. (поправки ці цінні і невідомі досі). Примірник цей був в цензурі,—на ньому цензорська дата. Заголовок цілого тому: «Поезії Т. Шевченка. т. I.»

Ви питаєте за «Гамалію». Я учора дістав в бібліотеці «Київ. Старини» і посилаю на розгляд, а разом, на окремому клаптику, додаю ті відміни, які Шевч. поробив, подаючи до цензури р. 1859 «Поезії т. I.» Згодом

повернете мені. Кожанчиківського видання Кобзаря не то що немає зайвого, але немає навіть в бібліотеці «К. Старини» (або «Старої Громади»). Як що не дістану десь приватно, то буду в такому становищі, як і Ви.

Виписок з рукопису III отд. Щоголів не поробив, крім тих 3—4 пес, що досі невідомі були... «Єретика» Ви бачите вже в «Билому», а решта (єсть надія), буде у нас в «Новій Громаді» незабаром.

Що до тих автографів, які у Вас єсть, то як тільки вже використаєте для себе, зараз же не одмовте вислати мені (рекомендованим листом на редакцію «Думки»). А я через три дні їду на хутір до Науменка спеціально взятися до тих книжочок (двох), що єсть у нього... Я їх отсе недавно розглядав: особливо цінна перша (малесенька), яка була з Шевч. на засланні: це первооснова всіх поезій його з р. 1847—1858. Друга—це виготований до друку (рукою Шевченка) чималий зшиток невільницької поезії. Тут вже він ставив дати того часу, коли скінчив переписувати ту або іншу поезію. І власне ці дати наробили великого клопоту, бо їх брано за правдиві і так по «Кобзарях» становлено....

Усякі новини та уваги з охотою Вам надсилатиму; бо хоча й маю намір дати статтю до «Старини», але коли ж то те ще буде!

Тепер що до Щоголівських знахідок. Уваги зроблено ним відповідно до видання Романчука.

Отже: Лилея—варіант, Русалка—варіант, Кавказ—«варіантъ незначительный»; Чигирин—«совершенно незначительный варіантъ», Розрита могила—«незначит. варіант»; «Не женися на багатій»—такий варіант:

„Чи гола, то й гола	У двох кажуть і плакати
Та ніхто не докучає	Мов легше неначе;
І не розважає. —	Не потурай: легше плакати.
Чи болять і де болять.	Як ніхто не бачить.
Ніхто не питає.	

P. S. Так ще раз дуже прошу: вишліть, як тільки єсть у Вас, автографи, а мені напишіть, чим можу Вам у послугі стати. До Наум. поїду на кілька день,—отже як що маєте мені написати, то на це не зважайте.

Що ухвалено з приводу видання Поезій Шевч. на секції?

З найщиршим поваженням В. Доман.

P. P. S. Як писатимете, то ставте на конверті тільки «для В. Д.».

7. Доманицький до Франка.

Високоповажаний пане докторе! Зараз я сижу у д. Науменка на Михайловій горі та перечитую автографи Шевченка. Виявилось таке, на що я й не сподівався... Попереду всього одна з книжок д. Науменка, — то є ті знамениті 4 книжечки, що про них Шевченко згадує нераз,—«І четверту починаю книжечку в неволі». Ці чотири книжечки (переплетені в одну) та оце друга, більша, розпочата Ш-ом р. 1857 в Нижньому, куди він переписав мало не всю невільницьку поезію та потім позаводив туди усе писане їм з р. 1857—1861 (крім «Юродивого») — оці рукописи і є основою більшої частини «Кобзаря», дорогоцінним скарбом, який он як треба розробити... Ото ж він і був підставою для Пражського Кобзаря. Тільки д. Русов та ще не знаю хто—але ті рукописи читали, а до того не доглядали одної речі,—якої досі ніхто не знав, навіть властитель книжечок д. Науменка,—це те, що Лазаревський, чи хто інший,—у кого «захалаявна» поезія переховувалася з р. 1850 і до р. 1857, оддали ті книжечки спалятувати, а палятурщик—поезії р. 1847 попрутулював до р. 1850, і навпаки,—зробив просто кашу... Уявіть собі, що цього не зауважив навіть Шевченко і коли йому вернули його скарб в оправі, то він понумерував сторінки підряд, а потім і вірші звідти переписував для видання р. 1860, роблячи туж саму помилку, що й усі ми досі робили,—щось більш як для 30 віршів

(дрібніших виключно) сам Шевченко поплутав хронологію, а видавці «Кобзарів»,—розуміється, ще більш. Де-які вірші напр. з р. 1860 (гадательно) доводиться тепер пересажувати до р. 1848—9!..

Взагалі, дякуючи цим матеріалам, що я зараз їх простудіював слово в слово, — вся поезія з р. 1847 і до 1861 — як на долоні! Хронологія — з точністю до одного року! А які курси можна подибати! Напр. (через ту плутанину палатурщика) вийшло таке. Єсть поезія «Буває в неволі иноді згадаю». Кінчається вона: «Мені той козак, розповідав ось що», — та й край... І певне нікому на думку досі не спадало, що кінець цього вірша треба було шукати через 120 сторін ззаду—і той кінець не що інше, як «Не знаю, як тепер Ляхи живуть» (ось почитайте тепер їх оден за другим!), який тепер хронологічно щось на 2 роки відділений від попереднього...

Матеріалу назбирав я силу-силенну. Завтра сідаю вже за статтю для «Старини», щоб той матеріал скоріш і для Вашого видання придався...

А тепер прошу Вас дуже: надішліть, бога ради, як найскорше, які там єсть у Вас автографи (рекомендованим листом на ред. «Думки» для В. М. Д.), бо вони дуже б мені придалися!.. Пошукуючи за автографами, я, здається, чи не набрів на цілу низку їх у одного дрібного панка в Золотоноському повіті... Отсе написав йому, чи правда тому? А говорив мені про них чоловік, який ніби то сам бачив їх...

Отже ще раз прошу: надішліть, будь ласка, автографи!.. А як що Вам треба яких відомостей про поезію р. р. 1847 — 61, то напишіть...

«Кожанчикова» насилу добув для справок, — у Єфремова... Згодом запитайте його, — може би Вам вислав його!

З найщиршим поважанням В. Доманицький.

Р. S. Ще будьте ласкаві повідомите: може знаєте, де той примірник «Кобзаря» р. 1860, в якому Ш-ко поробив власноручні поправки? На якийсь рукопис з цими поправками посилається д. Романчук... Де він його взяв, чи бачив? Я писав д. Романчукови на Відень, давненько вже, але він не одповів мені (хоч як йому треба було про Метлинського відомостей, то я йому подав усю бібліографію, яку тільки розшукав!..).

8. Доманицький до Франка.

Високоповажаний пане докторе! Сказав послати Вам одбитки (аркуші) своєї статті, що має колись явитися у злополучній XI — XII кн. «Кіевск. Старини». Там бракуватиме тільки 3 останніх сторінки, не цікавих, зрештою, для Вас. Одбитки (книжкою) зараз не роблю, то хочу ще додруковати усякі нові матеріяли, де що поправити, додати (між иншим маю ще поїхати у Москву та поглянути у власний Шевч. «Кобзарь» р. 1860, де є його поправки). Не знаю, чи доводилося кому писати або робити якусь серезну працю в таких обставинах, як оце мені: безнастанні труси і експропріація матеріалів. (Усі мої матеріали і виписки забрано ще в грудні) довели до того, що замалим я не опинився на пів дорозі: трохи не урвалася моя стаття на 8 аркушеві. Тай так довелось, почавши з 9 аркуша і до краю, друкувати без змоги перевірити свої помилки або недогляди¹⁾. Хай йому всячина, щоб ще коли таке вдруге було!.. Ну, та гріхів невольних хоч буде й досить, то все ж не стільки як вольних—у виборі варіантів, особливо в речах 1844 — 1847 рр. Тут уже винен слабкий розмисел мій... От тут то найбільш я й сподіватимуся помочи Вашої, — щоб Ви, переглядаючи для критичного видання усякі редакції та варіанти, виправили усі мої нещасливі

¹⁾ Між иншим усі виписки з деп. поліції і моя переписка з приводу Шевченка знов опинилась в охоранці...

одміни у варіантах. Цього, крім Вас, ніхто не зробить, бо кому охота братися до такої марудної роботи, як перегляд старих друків «Кобзаря»! ¹⁾ Сподіваюся, що Ви потроху поступили наперед із своєю працею — перевірюванням текстів, а може де-що вже й видруковано... То будьте такі ласкаві, пришліть мені ті аркуші — вони мені дуже й дуже придадуться. Взагалі, з «Кобзарем» тепер гаятися не можна, бо наше нове видання в цій місяці вже буде до-краю розпродане; пишуть мені з Петербургу, що лишилося тільки кілька сот (з 10000). Отже доведеться братися до нового... Як би на мене, то аж два нових треба: дешевше, популярне, та дорожче (ілюстроване) для інтелігенції. Ну, та поки на останнє хтось спроможеться, перше неодмінно треба буде видати. Але видати його можна буде тільки тоді, як Ви усі гріхи мої викажете, — щоб уже в новому виданні їх не було.

В IV кн. «України» подано буде варіанти «Наймички». В своїй статті я зазначив, що в Бібл. Моск. Общ. Истор. и Древн. єсть її автограф. Так пише і Карський в «Філологіч. Записках». Але це брехня. Це тільки копія — і варіанти з неї будуть подані в IV кн. «України» (крім Карського, докладно переглянув для мене ту копію І. Любов, якого статейку Ви побачите в II кн. «України» — про Румянцівські автографи. Ці автографи я для «Кобзаря» використав, але в статтю мою матеріал з них не увійшов, — подам його у додатку.).

Цікаво мені було б, щоб Ви скритикували мою хронологію в «Кобзарі». Чи багато я наробив помилок? Коли будете такі ласкаві, то одпишіть, в якому стані праця Ваша і як скоро можна сподіватися на її кінець. Адреса моя, — як що одпишете не далі як за 1—2 дні: Ст. Хоробичи, Либ. Ром. ж. д. Врочу Н. Н. Евреїнову, для В. Як що ж забаритеся днів кілька, то на ред. «України», теж для В. З щирим поважанням В а с и л ь Д о м.

9. Доманицький до Франка.

Дорогий, вельмиповажаний пане доктор! Я зараз в Петербурзі... Тут знову заходяться коло нового видання, — і не одного, а двох, чи навіть трьох: звичайного, як от останнє, потім такого-ж на веленовому папері, дорогого, з новими портретами, і дешевого для народу (копійок зо 50). Друкувати хочуть цього останнього, тисяч з 20... Отже може бути, що це буде вже останнє видання до 1911 року. Треба б його як найдокладніше уложити; треба вивірити текст... Знову тільки на Вас надія, бо критики в Російській Україні тяжко дочекатися. Я Вам сказав тижнів два чи три послати відбитки з моїх матеріалів... Як у Вас ця справа стоїть? Всею душею уповаю на Вас — на те, що своєю роботою — переглядом текстів — виправите не одну мою помилку, особливо до р. 1847... Благаю Вас, не одмовте мені: напишіть отсе з першою поштою (на редакцію «України», бо я через два дні виїзжаю звідси), в якому стані Ваша праця: чи поступила вона наперед, чи є що в друкованих аркушах, чи тільки в рукописові? Чи сподіваєтеся в скорім часі посунути її? Чого можна сподіватися в цій напрямі за місяць-півтора? Може, в крайнім разі, коли друкованого за цей час не буде нічого, але буде в рукописові, — то чи не міг би я приїхати днів на кілька до Львова поглянути? Одно слово: Який є спосіб, і як його зреалізувати, щоб скористатися Вашою працею... Зробіть величезну послугу цю, і сповістіть мене, про що прошу.

Тут зараз в д. поліщ. вибирається для Чернигов. Музею усе, що належить до власноручних писань Шевченка. Випросив це небіжчик Маркевич. Незабаром цей матеріал буде посланий в Чернигів. Між иншим там, як я

¹⁾ На критику д. Романчука великих надій не покладаю.

цього й сподівався, знайшлося «дѣло об оренбургском солдатѣ», де брульони його поезій на засланні (тих що р. 1850 забрали під час труса). Може й це все дасть якусь краплину.

Через два дні заїду ще в Москву, погляну на власноручні поправки Шевч. в його Кобзарі 1860 р. Розуміється, про все найголовніше і для Вас цінне сповіщу Вас...

Так ще раз благаю Вас, — одпишіть мені на мої запитання і подайте надію, що праця Ваша може стати у великій прислужі для нового видання...

З найщиршим поважанням Василь Доманицький.
На конверті зазначте тільки «для В. Д.».

10. Франко до Доманицького.

Дорогий товаришу! Відписую Вам зараз на Ваш лист і на попередній, в яким я бачив коли не кпини, то симптом якоїсь умової хвороби. Вибачайте, що так говорю, але я не жартую. Що се з Вами діється? Не вже Ви справді помішалися на тім Шевченковім тексті? Все те, що Ви зробили для його усталення, маючи під руками автографи, дуже добре, але не забувайте, що для зрозуміння і оцінки Шевченка се все не варто й нюха табаки. А я що ще маю зробити? Порівнане старих помилок з новими у друках, се має бути щось таке монументальне, чого тільки від мене можна надіятися? Се ж діло друкарняного корректора. І чого Ви осьмішуєте себе, висловляючи такі пляни, як видане всього Шевченка в факсиміле автографів? Для кого й по що се інтересне? І кому сьогодні крім друкарським корректорам важно усталити його текст? Не забувайте, що ми осьмішуємо себе як нація, вважаючи Шевченка якимось пророком, якоюсь сьвятістю. Дуже мірний талант, якого твори крім декількох ліричних пес сьогодні ні на кого в сьвіті не зроблять ніякого вражіння і якого головна історична заслуга в його власній особі, його судьбі та що найбільше в маленькім Кобзарі 1840 р. (моральний удар українській суспільности, що змусив її подумати по людськи про кріпаків) — і ми сьогодні, сто літ по його народженню ще носимось з ним і величаємось його поезією перед усім сьвітом, який тої поезії не знає і знати не хоче, бо не знаходить у ній нічогісінько такого, щоб йому промовило до серця. А Ви мало не дурієте над тим, як би видати по змозі поправне видане його віршів і носитися зі своїми варіантами як справді з чимось дуже цінним. По мойому того, чим Ви заповнили стілько аркушів друку, зовсім не варто було друкувати, а визискати той матеріял при виданю «Кобзаря» тай годі, бо від львівського видання крім ще кількох штубацьких поправок нічого й ждати не можете.

Вибачайте, ще раз прошу Вас, за такі може занадто отверті слова, але справді Ви нарobili тою дрібницею занадто багато шуму. Здоровлю Вас щиро Ваш Ів. Франко.

11. Доманицький до Філологічної Секції Наукового Товариства ім. Шевченка.

6—19·VI—1907.

В Наукове Товариство імени Шевченка у Львові. У Фільольогичну Секцію.

Пропозиція.

Незабаром, за тижнів два, як не скоріше, Петербуржське Товариство імени Шевченка розпочинає 2-е повне видання «Кобзаря». Це вже має бути останнє до р. 1911-го (коли кінчається право літературної власности). Бажано було б виданнє це мати з найбільш усталеним текстом. Відомо мені, що Наукове Товариство ім. Шевченка видає теж повного «Кобзаря». З огляду на обопільну користь за-для обох видань я хотів би запропонувати видавничій комісії Фільольогичної Секції Наук. Товариства ім. Шев-

ченка увійти в обмін матеріалами: то б то нехай комісія надішле сюди ті аркуші, що вже видруковано, і надсилатиме їх далі, а я, з свого боку, в замість того буду надсилати аркуші останнього видання (1-го, на початку року 1907) з тими поправками, додатками і одмінами, які будуть у Петербуржському 2-му виданні на підставі деяких нових матеріалів, що пощастило нам роздобути. Є надія, що одержимо невідомий вірш та поправнішу «Черницю Марьяну» і од Корсуна.

Коли видавнича комісія Секції згодна на мою пропозицію, то волить надіслати мені негайно вже видруковані аркуші, а я, в ту-ж хвилю, вишлю аркуші з тими самими поправками, з котрими даватиму аркуші 1-го видання до друку. З найщиршим поважанням В. Доманицький.

П. С. Адреса: Петербург, Екатерингофській Проспект, 93, кв. 5, А. Лотоцькому, для В. М.

12. Доманицький до Франка.

1 — 14/VII — 1907.

Високоповажаний пане докторе! Листа Вашого од 24 VI 1907 одержав, а не відписував Вам тому, що все сподівався дістати перші аркуші Вашого видання. Не дістав їх і досі. Не знаю, чи не вислали їх, чи, може, в Петербурзі залежалися, бо буває так, що тільки раз на тиждень я дістаю звітти кореспонденцію. Отже для швидкості і певности, будьте ласкаві, пишть чи шліть просто сюди, де я сижу, себ-то Kavantsari, Finland. ж. д. Pullinen rata. N. M. Lotozki. Ото і все! Це буде краще.

Зараз мені трохи нездужається. А днів за два надішлю Вам кілька перших аркушів. Шкода, що стільки часу вже промарнував, міг би був Вам вислати вже аркушів з 12 (перших 12 я вже оддав до друку, але коректи ще не мав).

Отсе вчора в «Раді» надібав звістку, що ніби-то в Музеї Поля в Катеринославі єсть вірші Ш-ка. Здається, це байка. Там справді єсть один лист Ш-ка і деякі матеріали до біографії, але, здається, віршів немає. Зрештою, хто його знає! А зараз такий час, що нема кому й написати туди: всі поїздили. Там єсть Данилов, співробітник «України»,—він міг би це зробити.

Корсун обіцяв в кінці червня перевірити 2 своїх вірші (Черн. Марьяна і Човен) з «Кобзарем» Петерб. видання і дати одміни (він думає, що й «Човен» єсть у «Кобзарі»). Але це божевільна людина: пише, що це його «літературная собственность» (?), бо Шевченко подарував його батькови. що він буде «ходатайствовать» перед братами, щоб нам дати, але не певен в тому і т. и... Бувайте здорові! З щирим поважанням Ваш В. Дом.

13. Доманицький до Франка.

31/VII — 12/VIII — 1907. Кавантсари.

Високоповажаний пане докторе! Днів за два-три вишлю Вам решту «Кобзаря» (12-ий аркуш та останніх 10). Листа Вашого вже два дні як одержав, а аркушів — ні. Боюсь, чи не зачепилися в цензурі. Коли не одержу днів через 2, то напишу Вам одкрітку, тоді, будьте ласкаві, скажіть знов міні послати, — тільки на бандеролі надписати: «корректур»...

В листі Вашому Ви зовсім справедливо зауважуєте з приводу «Черниці Марьяни», і я в останню хвилину, як мав вже підписати до друку, завернув таки Шевченків текст... Що до Мордовцівських поправок, то їх, розуміється, не можна усіх приймати, хоч вони, безперечно, вийшли з автографа. Цікаво, що деякі варіанти (найпізніші) Львівськ. Кобзаря 1867 р., до котрих у відомих міні автографах я не знаходив підстав, тепер як раз лучаються у рукописові Мордовцева. А рукопис цей — це список з автографа Б., котрий і Шевченко ще раз переглянув по тому, як його було списано. Тим-то й пояснюється багато нових, кращих варіантів, ніж відомі нам.

Ті аркуші, що Вам послаю, то не 2-е видання, а перше; коректу в ньому робило багато людей, через те й кілька правописів є. Нового видання я Вам не посилав, бо ще й досі тільки 4 аркуші видруковано, та й тих я не маю, бо міні присилають тільки 1-у коректу, а останню читає Стебницький і підписує до друку¹⁾. Ця вища цензура міні не дуже до вподоби, бо часом цензор поправить таке, як помилку, що воно зовсім не помилка, а так мусить і бути...

На жаль, про «Слѣпую» нічого свого не можу сказати. Горленко вмер, і де його папери ділися, кому досталися, не знаю, Взагалі ж усі оригінали російських творів Шевченка десь зникли, бо в Черниг. Музеї є тільки копія.

Я ще й досі не зібрався Вам одповісти з приводу уваги Вашої на сторінці 54 Вашого видання, що я хибно показав на рядки 101 — 135, ніби-то вони надруковані у «Ве(че)рницях» 1862 року. Але я ніколи цього й не говорив. Гляньте на стор. 22 моєї статті: «Стор. 212, 5 зн.: після слів: «Козак Ляха знайде» в Женевськ. вид. р. 1890 та Львів. 1893 — вставлено цілих 36 віршів (д. Романчук подає їх не в тексті, а Ви в «Примітках» до Кобзаря, на стор. 680 — 681)». Оце й усе. Про «Вечерниці» нема й мови. Про «Вечерниці» ж я кажу на стор. 21 — про ті 26 рядків, що у Вашому виданні позначено «15 — 40». Тільки про ці 26 рядків я й говорю, що їх вперше видруковано у «Вечерницях» (1862, № 34), і це справді так. Там ще під ними й примітку зроблено, що їх переслав «наш галицький чоловік зостаючий тепер у Празі». «Вечерниці» я мав під руками, — бракувало міні щось тільки 2 — 3 чисел, — і це я зазначив у своїй статті (на своєму місці).

Що до г в тих аркушах, що я Вам послав, то це не Мордовцева, а моя вина. Але, на щастя, у друкарні не було цієї літери, через те я даремне її й зазначав. Хоч, правду казавши я не розумію, чому б її не вживати, де їй «быть полагается»... Адже ж ми ставимо і, е. Інша річ, чи справді Шевч. вимовляв г там, де ми тепер його тулимо!.. Про це з певністю можу тільки сказати про голеґа («А ми з голеґою лежали»)...

Ну, тим часом — будьте здоровенькі!

Як побачите Михайла Сергієвича, то перекажіть, що Лекцій Антоновича так-таки міні з Київа і не прислали (я їх мав до друку виправити). То нехай потурбується, — напише, кому слід.

З щирим поважанням В. Д о м а н.

Р. S. Я цими днями дістав амністію.

14. Доманицький до Франка.

4/17—VIII—1907.

Дорогий пане докторе! Посилаю оце останні 10 аркушів, — ще не послав тільки 12-го. Будьте ласкаві, дайте міні одповідь, що то за Кирик пь я н и й у «Марині» (стор. 404 Петерб. вид.). Це звязане з фольклором. Що воно власне? Міні дуже треба знати. Певно, Ви знаєте.

Одержав учора од Корсуна довгого листа. Він не такий дурний, як ми думали! Любісінько розпятакує²⁾, що перевірів «Черницю», і в ній усього 2 глави у 1-ій 251 рядки (кінчається на стор. 140: «Ледве пішла з хати»), а в другій ще 137. В цій другій главі, на початку її, є 22 рядки посвяти (імя і 3 букви фамилії, — кому ж саме, — не каже!) Посвята ця «заключаєт вдвое больше строк (22), чѣмъ печатаемое въ видѣ самостоятельнаго произведенія» (Яке?). «Изь посвященія видно, что оно относится прямо до Черниці». Дата посвяти — «ноября 22. 1841». Пише, що на стор. такий то б одмін, а на такий-то багато більш. Розказує

¹⁾ Те, що я Вам посилав, — то копія з оригіналу, котрий дано до друку.

²⁾ В рукоп. розпатакую.

і навіть перемальовує ілюстрації (пером) на тому рукопису, але варіантів не подає.

Між иншим каже, що рукопис — теж уривок поеми і в ньому нема (проти друкованого) — на стор. 137 од слів «Минулася твоя доля», аж до III глави, і на стор. 139 од слів «Дочко моя, Марьяна» до «не пускає її мати» (на стор. 140). «Так зачинаєця (пише Шевченко вкінці) моя Черниця, а що дальше буде, то и самъ не знаю...»

Через що ж така «скромность»? А про те бачте: «купите у насъ право на новое издание «Снїпа», то Шевченко пойдеть въ бесплатную придачу». Але друковати неодмінно тим правописом, що в «Снї(о)п'ові і такі инші розумні речі. Не так дурний, як хитрий! Нехай йому дідько... Цілий год стукався до нього, і от наслідки! «Човна» Корсун не найшов.

З щирим поважанням В. Доман.

15. Франко до Доманицького.

Криворівня 21/VIII—1907.

Шановний пане товаришу! Пишу Вам на швидку, даючи знати, що Ваш лист дійшов до мене в Криворівні, де я живу отсе вже тиждень. Аж до мого повороту до Львова дальший друк Шевченка зупиниться. Спасибі за звістку про Мордовцівські поправки, тепер буду знати, яким оком дивитися на них. Що до Вашої уваги про «Вечерниці», то не маючи під руками тут ніяких матеріялів (я не брав із собою жадних книжок на село), не можу Вам сказати нічого, тямлю лише, що в Вашій розвідці я вичитав, що буцім то ті рядки Тарасової ночі, які уперве були надруковані в женецьким виданю, були вже друковані в Вечерницях. Отже се рішучо неправда, бо в Вечерницях була надрукована Тарасова ніч без того уступу, а тільки в нотці додано, що якийсь земляк із Праги обіцяв нам діслати уступ для заповнення сеї люки, але сего уступу не було. Зрештою сконтролюю ще раз сю дрібницю, вернувши до Львова.

Щиро гратуюю Вам з увільненем від Вашої баніції. Нехай такі божевільні випадки не сняться нікому!

Чув я, що Ви маєте дістати до рук для публікації збірку пісень Ходаковського. Чи не булиб Ви ласкаві при нагоді списати мені (хоч по першим рядкам кожної пісні, а де є титули, то й по титулам) увесь її зміст? Як може бачили, в Записках розпочав я ряд розвідок про весь комплект наших нар. пісень і мені особливо було б пожадано мати під руками всі найстарші їх записи. Яка шкода, що пропали такі кольосальні старі збірки, як Бодяньського, Драгоманова (батька) і инші! І чи не могли б Ви через кого пошукати в цензурнім архіві за оригіналом Приказок Номиса, — адже в них уходила збірка Опанаса Марковича¹⁾, що сама містила більше як 30.000 приказок, коли тимчасом увесь Номис має їх несповна 15.000. Я бажав би по надрукованю своєї збірки Галицьких приказок зредакувати такий же *Сорус* українських, для якого маємо вже одну богату рукописну збірку (до 20.000 н-рів), та було б конечно віднайти й Марковичеву²⁾.

Лист Ваш даю до прочитання М. Серг. Грушевському, який живе також тут у Криворівні. Бувайте здорові! Ваш Іван Франко.

16. Доманицький до Франка.

30/IX—12/X—1907. Петербург, Англійск. просп. 45, кв. 46

Високоповажаний добродію! Читав Вашу статью у «Вістнику» — Ви найбільш од усіх були до правди про Марка Вовчка. Завтра має читатися в «Науков. Товаристві» у Києві мій реферат про Вовчка, — Мих. Сергієв. замовив екстренно. Написав аркушів на два. Вивожу на чисту воду Куліша.

¹⁾ В рукоп. Маркевича.

²⁾ В рукоп. Маркевичеву.

Се тим більш буде до речі, що Ганна Барвінок теж прислала спомини про М. В., і спомини ті, кажуть, досить несмачні. Написав я Мих. Серг., щоб узяв мій реферат до «Вістника»—в pendant до Барвінкового.

Найшов я серед паперів Марковички копію (власне витяги) з рукопису Климентія. Де що, як знати, Куліш не видруковав. На жаль це не копія, а витяги за-для мови—словарний матеріал тоб-то. Але ці витяги часом з цілих глав бувають. Порівняю і, коли що вискіпається, дам до «Записок».

Приглядався трохи більше до словарного матеріалу, що є в паперах. Бачу, що тут є ще словник, що склав Опанас—мабуть, для науки жіночної, а є й особний словник, чи краще збірка особливо рідких чи цікавих слів і висловів. Тут між иншим є велике число приказок,— дуже гарних. А пісень—пісень! Щось 350 писаних маком аркушів! Є і ті 200 пісень (8 збірників), що аранжував Мертке. Пісні такі, що й пальці можна облизати: записані у 50-их, а може де які й у 40-х роках, та ще й од таких людей, як: «од 110-літнього старика Тарасовича, що служив в компан'їйцах»... Треба б їх видати поруч, мабуть, з піснями Бодянського, що там у Вас десь є,— я колись їх перевіряв, памятається, у Києві. Треба буде якось усю етнографію витягти од сина Марковички. Він досить бідний чоловік, то за все хотів би гріш узяти,— хоча б і невеликий. Може б Товариство Наукове (Львівське) змогло якогось крайцара йому уділити? Поміркуйте, і тоді зверніться до нього особисто (Васильевській Островь б-я лінія, 17, кв. 15, Богдану Афанасьевичу Марковичу).

Ягичові я вже написав. Старого (тоб то 1907 р.) видання «Кобзаря» немає вже,— хіба що в Києві де з пару примірників знайдеться, а нове, що друкується, можна передплатити по 1 карб. замість 1¹/₂ і по 2 р.— замість 3 р. А то ще є й за 50 коп.— для «черні». «Кобзаря» вже видруковали 29 арк. Теж не дуже квапиться друкарь.

Д. Гнатюк томика М. Вов. не прислав,— та вже я дістав з Києва. Нехай не турбується... Загадав він міні йти до чорносотенного Соболевського, щоб узяти пісні для Наук. Товар. Не дуже це річ приємна... Адже він явно виступає в «Союзѣ истинно-русских»!

Цвітковському написав вже один добродій, що має з ним стосунки. Цвітковський давно вже в Петербурзі не живе, а в Варшаві.

«Приповідок» Ваших не маю. Коли надішлете,— велике Вам спасибі буде.

Романчук дійсно піддурив мене з «Чигирином», хоч я й признаюся у примітці, що числа того не бачив. А з «Тарасовою ніччю» ми ніяк не порозуміємося (хоч це й дрібна дрібниця). Вислов мій «вперше видруковано в «Вечерницях» у мене належить лишень до 26 рядків, що позначені перед тим (Стор. 210, 1—26). А Ви мабуть вважаєте, що я це говорю про цілу поему. Справді, вина моя, що я не ясно висловився. Та й взагалі, Ви не можете собі уявити, при яких обставинах друковалася моя стаття. Я сидів у Петербурзі, а друковали в Києві з отакого красного писання, як оце Ви зараз мусите читати. Д. Володимир Павлович Науменко корект не любить читати, а тут ще й жандарі вкрали усі мої «Кобзарні» матеріали,— ні однісінької справки не можна було навести. Через те, як де помилився в рукописові, то виправити вже годі було. А шкода, що всі мої матеріали загинули! Цілий год працював—і все на марне пішло...

Та оце чи не визво(ли)мо їх, бо цими днями дійшла до мене чутка, що вже мене звелено на казенні хліба перевести. Отже не здивуйте, коли враз листування наше урветься.

От тобі й амністія! Вистачило на 1 місяць... Ну, щастя, Боже, на все гоже! З щирим поважанням В. Доманицький.

Нікуди рушати з місця не буду: що буде, те й буде! «А ти, сватку, грай!» мовляв той... Д. Гнатюкови од мене уклоніться.

17. Франко до Доманицького.

Високоповажаний добродію! Дуже врадував мене Ваш лист зі звітками про спадщину Марка Вовчка. Я в своїм некролозі в Літ. наук. Вістнику дійшов до тої самої певности, що вона сама писала по українськи і володіла нашою мовою. Як би мали щось до публікації, то прошу в першій ряді мати на оці Записки та Літ. наук. Вістник, на скільки не будете зв'язані іншими умовами.

Пише мені Ягіч із Відня, що вичитавши в Вїстн. Европы рецензію Житецького на Ваше виданє Шевченка, просить прислати йому 2 примірники за гроші, а надто заявляє, що колиб видавці згодилися дати знижену ціну, то він узяв би зо 20 примірників для слухачів своєї семінарії. Будьте ласкаві, зробіть для нього се і або напишіть йому просто (Wien, Universität. можна й по українськи), або через мої руки.

Вражий Романчук знов одурив Вас, що Чигирин був друкований у Вечерницях; ані сліду нема, а з Тарасової ночі є лише перших 40 рядків.

Про п'яного Кирика не можу Вам нічого сказати: якась льокальна приказка, певно був якийсь усім відомий п'яниця Кирик у якомсь селі, де був Шевченко. Подібних льокалізмів у приповідках багато.

Томик Марка Вовчка з «Листами» мабуть вислав Вам уже Гнатюк; коли ні, то вишлю завтра. «Листів» справді лиш два.

Матеріяли словарні Марка Вовчка я взявся обробити й сам, — се прошу мати на увазі.

Казав мені Святицький, що сих вакацій був у Петербурзі, що в імп. Публ. Бібліотеці є якась велика збірка укр. приказок. Забув номер, та може має винотований.

Щире спасибі за книжку Вашого Критичного розбору. Із моїх праць сими днями вийдуть Приповідки, тому другого перша часть (від Діточки до Кревні), незабаром вийде й друга часть листів Драгоманова, то вже не забарюся вислати Вам.

Чи не можнаб там у Цвітковського (якому кланяюсь по старій памяти) віднайти якусь велику працю Драгоманова, яку він вислав був на його руки? Дуже б було интересно.

Здоровлю Вас щиро Ваш Іван Франко.

Шевченка мого видання доси готових 18 аркушів. Іде на перед, як рак з дріжджами!

Та чи маєте Ви перший том моїх Приповідок? Аджеж у російській науці про них, здається ніде й згадки не було.

18. Доманицький до Франка.

22 /X

Високоповажаний пане докторе! Застерігаю Вас, що «Наймичка» Карського — не автограф, а копія. Погляньте на самий характер письма в тому факсиміле, що видруковав Карськ. в «Филологич. Вїстнику». Адже й рука то не Шевченкова, і інтерпункція додержана скрізь як слід (чого у Шевч. не надібати) і в самому тексті є безперечні властивості переписчика, яких не булоб у Шевченка: у-д-в-у-х, о-к-о-л-о, з-а-д-а-в-л-е-н-н-я (?), в-ъ-р-а-н-ц-ѣ». Текст копії Карського¹⁾ має поправки тією ж рукою (чи не Афанасія Чужбинського?), і поправки ті містять як раз текст, з яким «Наймичку» друкують, почавши з «Кобз.» 1860 р. Коли уважно розглянути рукопис, то остається таке вражіння: особа, що мала змогу скопіювати цю поему тоді, коли — як то кажуть — авторське чорнило ще не засхло, поправила її потім по якомусь друкованому тексту — по «Зап. о Юж. Руси» або

¹⁾ В рукоп. Карської.

по «Кобзарю» 1860 р. Взагалі ж текст цей (Карського) ще раніший, як той, що в департ. поліції, коли одкинути пізніші поправки.

Про це в мене є готова стаття, — ще з весни лежить, та не хотів її особно пускати, — хотів би усе разом про Шевч. знов десь опублікувати.

З щирим поважанням В. Доман.

19. Франко до Доманицького.

Дорогий пане товаришу! Ще 14 X написав я був Вам маленький листок, тай лишив його у себе, не виславши, задля його короткості. А від того часу на мене насіли такі клопоти і гризоти і роботи, що я не мав ані хвилини вільного часу, щоб подумати про новий лист до Вас. Поперед усього скажу кілька слів про сумні досвіди, які Ви зробили з Романчуком. Отжеж ані Кавказа, ані Посланія в Вечерницях не було, а про Романчукові варіанти Ви й самі сказали вірну думку, хоч декуди й хилитесь до його фантазій. Відки Ви взяли те, що Кониський надрукував віршу «О думи мої, о славо злая» в 39 кн. Записок? Адже там ані в кн. 33 нема й сліду її.

Нам трапилася, як Ви вже мусіли завважити з присланих Вам аркушів нашого «Кобзаря», не менше немила пригода: наборщик накував собі деякі вже скорріговані мною вірші «на потому» і так і надруковано аркуші без них. Тепер треба вирізувати та робити всякі штуки, аби полатати ті хиби. Романчуку я змив голову в остатній книжці «Записок» за те, що так безсовісно одурив Вас своїми інформаціями.

Новинки: рукопис приказок Номиса з цензурними знаками є у Львові в бібліотеці Нар. Дому, в Імп. Публ. бібл. в Петерб. під sing., F. III № 108 лежить Сборникъ пословиць собранныхъ 1858 — 1897 въ Полтавской губ. и Запорожьи, 180 карток.

Мав би я до Вас деякі просьби антикварського характеру, та не знаю, чи можу Вас, занятого чоловіка тай ще в погану осінню пору трудити ними. Мені хотілось би мати літографовані лекції Сухомлінова та Бестужева Рюміна про жерела і склад наших літописів, або коли є про се виклади (друковані чи теж літографовані) яких новіших спеціалістів. Між студентами, думаю, буде легко допитати або й купити такі речі. Був би Вам дуже вдячний, як би Ви могли здобути їх для мене, а вони мені потрібні для моєї Історії укр. літ., яку я вже довів до Сковороди, але не важуся пускати в світ, не підкувавши її як слід. І ще одна безлична просьба. Є там десь у Петербурзі Українець генерал Алексеев (коли я не переплутав фамілію), у якого має бути копія оповідання про Уманську різню 1768 р., знята з якогось рукопису в Флоренції. Чи не можна би яким способом добути сю копію або хоч копію з неї? Я ношуся з думкою написати критичну історію сеї різні, для якої маю вже багаті матеріяли.

Досить на нині. До Соболевського таки не ходили? Може й ліпше, що не трудилися, я удамся до нього через адміністрацію академічних видань, до якої сьогодніж заносу деякі свої прохання. А от як би Ви деколи зайшли до антикварень і заповювали на старі Українця або на річи причасні до нашої справи (старі річники ріжних Маяків, Нар. Чтеній, Пчелу Микѣшина і т. п., то наша бібліотека була б Вам дуже вдячна. Здоровлю Вас сердечно. Львів, д. 16/XI—907.

І в. Франко.

20. Доманицький до Франка.

7/XII—1907. Закопане.

Дорогий пане докторе! Вибачте, що пишу олівцем, — але й це власне контрабанда, бо лікарь впакував мене до ліжка і мушу вилежуватись, аж поки не видихаю Петербургського придбання. Справу з лекц. Сухомлин., Рюміна то що доручив одному студ. - філологу (Широцькому), чоловікові

акуратному і до таких справ спритному. Він обіцяв, як що надібає, безпосередно сповістити Вас. Так само і про Українця по антикварах.

Соболевського притарабанив я з собою аж у Галичину, і тут вже послав по залізниці. Досі певно маєте. Ходив до Соболев. той же студент Широцький.

Дякую Вам дуже за милостиву рецензію, — варто було б вилаяти. Я б сам себе вилаяв, як би воно діялося при інших умовах.

«Кобзаря» Вашого маю 23 аркуші. Присилайте сюди далі, коли Ваша ласка. Дуже б дякував Вам, як би сказали надіслати і ті передруковані та переправлені сторінки, про що згадуєте в листі, бо до 18 чи 19-го у мене все перечитано і пороблено уваги. Отже шкода було б часу потім знов усе вдруге перечитувати зза двох-трьох сторінок. Дурницю велику зробив я, що залишив ті 18 аркушів у Петерб., а то-б може здались би Вам де-які уваги, — може б де-що визначити й в помилках можна було. Зрештою, кінець виданню ще не так скоро буде, то до того часу можна буде це ще зробити.

В пансіоні тут дуже міні добре. Годують на смерть, повітря гарне, — що ж більш? Коли б тільки вже покинути ліжко, щоб хоч потрохи щось можна було робити!

Бувайте здоровенькі! З щирим поважанням В. Д о м а н.

Адреса: Zakopane, Jerzewo.

21. Доманицький до Франка.

17/XII.

Дорогий пане докторе! Студент Широцький, про якого Вам я писав, пише, що вже сповістив Вас про Бестужева-Рюміна («Состав русских летописей»): єсть у одного антиквара друкований примірн., за 5 р. Чи може цього Вам не потрібно? Лекцій Сухомлінова він не знайшов.

Не знаю, чи писав він Вам, що знайшов ще: «Маяк» 1842 р. (увесь) — 4 руб.; «Маяк» 1840 — кн. 1—3, — 3 руб.; «Пчела» є за р. 1875, 1877, 78, 1883 (але чи цікаві ці роки?) — по 3 р. рік.

Певно, свою адресу Широцький Вам подав. Пише він міні про цікавий факт: в Петерб. університеті Поляки збирають підписи проти українських катедр у Львівськ. університеті! *Za waszą i naszą wolność!* Приклав би ще епітета на їх адресу — але...

Бувайте здорові. З щирим поважанням В. Д о м а н.

22. Франко до Доманицького.

Шановний товаришу! Вибачайте, що так спізнився з відповіддю на Ваші листи. Ми випустили перший том Кобзаря, урвавши його на цитадельних віршах; не знаю, чи вислано Вам уже примірник; розвідаюся зараз і велю вислати Вам. У дальшій друку (досі вже б аркушів) кладу окремо дві редакції: А нумо знову віршувать, окремо неповну та прегарну редакцію Варнака, окремо дві редакції заспіву до Царів. Як з Вашим критичним виданням? Чи воно викінчене, чи Ви робите ще над ним і як далеко зайшли. Корсуну я пришили латку в фелетоні Діла, — не знаю, чи одержуєте його? Коли ні, то напишіть і я вишлю Вам.

Не пишу Вам ніяких новин, бо терплю від браку часу. Соболевського дістали. Студ. із Петербурга писав до мене і я зараз же відписав йому, та досі нема від нього ані листа ані посилки. Сьогодні-ж маю намір написати йому ще деякі свої дезідерати.

Здоровлю Вас сердечно Ваш І в а н Ф р а н к о.

Львів д. 26 грудня 1907. Ул. Понінського ч. 4.

Р. S. Заносилося на те, що петерб. Тов. ім. Шевченка хотілоб дати наклад

на мою Історію¹⁾ укр. літератури від найдавніших часів (І часть, до Котляревського, вже готова, *salva redactione*) і обіймає звиш 30 аркушів друку.

Про намір друкувати її писав сюди Вовк, я написав йому свою згоду, а він і замовк. Чи (не) моглиб Ви якось підбичувати сеї справи хоч листом?

23. Доманицький до Франка.

28/XII Zakorpane. Jerzewo.

Високоповажаний пане докторе! »Кобзаря» Вашого ще не маю. «Діла» також не дістаю, і дуже-дуже прошу прислати міні те число, де Ви Корсуна згадуєте. «Але не pomoже бабі кадило, коли бабу сказило!» Він собі уявляє, що на тому тисячі заробить.

Пишете Ви, що петерб. Шевч. товариство береться друкувати Вашу історію літератури. Боюся я, що то особистий добрий намір д. Вовка, і що на тому воно й скінчиться, бо живучи довше в Петербурзі, я трохи знаю їхні справи і знаю, що вже 1^{1/2} року не можуть скликати загальн. зборів Товар. Шевч., бо у них абсолютне «безголовья»: обрали, по смерті Маркевича, М. Ковалевського, а його й з собаками не піймеш. Отже жадної ухвали зборів Товариства (бо Ради у них, з виконавчими функціями, кат ма) не було, певно, та й чи буде коли? А як би навіть це й сталося (припустимо), то *timeo Danaos et dona ferentes* книжку Вам пустять у світ—добре ще, коли на початку 1909 року. Я собі уявляв так, що праця Ваша (це коли друкуватимуть з оригіналу) спочатку друкуватиметься у «Вістнику», а потім вже вийде одбиткою чи осібним виданням... Чи тепер «Вістник» мав би одпасти? Не думаю цього. А коли буде друкуватися у «Вістнику» і це займе, певно, яких 6 місяців, то тим часом справді могли б скласти книжку, а особливо коли складатимуть по друкованому, припізнившись місяців на 3... У всякому разі я сьогодні ж вдаюся до найголовнішого мотора в укр. справах у Петербурзі, д. Стебницького, і він усе розвідає та одпише міні, та й Вам, скажу, щоб одписав.

Розуміється, таку книжку, як Ваша, видавати—лафа, бо кожному треба. Коли на Ефименчисі вони заробили добру копійку, то що й казати за першу і єдину історію укр. літератури? І гроші у Т-ва є, та одна біда—зійтися не можуть на збори... Минув вже рік 1907, а ще не затверджене справоздання за 1906,—не було зборів. Ну, та коли пощастить їм піймати таки свого голову, то може й вхопить діло...

З щирим поважанням В. Доман.

Р. С. Щось Мих. Серг. не одповідає. Як побачите, запитайте, будьте ласкаві. Почуваю себе вже гаразд. Здається, вже одлежав хоробу...

«Кобзарь», 2-е видання, був готовий вже в початку падолиста! Вже й обкладинку видруковали були. А чого з ним і досі тягнуть, чому не продають, то це вже звичка Благотв. Общ., щоб книжка «вилежалась».

24. Доманицький до Франка.

2/I—1908.

Високоповажаний пане докторе! Засилаю Вам відбитку—дурницю, якої нікому 3 роки не показував... Може дещо Вам придасться (подані варіанти колядок з Ходаковск. та з волинських записів).

Як будете рецензувати «Історію укр. драми» Стешенка, то зверніть увагу, що він говорить про Гаватовича... Соромно читати: Гават. у нього Русин і т. и. Очевидно, д. Стешенко не читає «Записок» і праця Павлика (в т. XXXI) йому зовсім не відома. Оце так історик україн. драми!

В т. II. «Записок» за цей рік у Вашій прецікавій праці про Народні пісні (стор. 40) в рядку «Кровця» пуки заливає»—після «пуки» стоїть (?), а далі—здогад, чи не «путі»... Але це ж звичайне народне слово: пучки... Пучка—

¹⁾ В рукоп. Історії.

рос. «щепотка» (кілька пальців разом)...: пучки збив, пучки померзли. Оттут воно й є: «Пісок пальці розідає — Кровця пучки заливає...» «Кобзаря» і «Діло» ще не одержав. Будьте ласкаві, нагадайте, щоб прислали. Одержав 5 аркушів з II тому «Кобзаря».

Веселих свят!

З щирим поважанням В. Доман.

25. Франко до Доманицького.

Дорогий друже! Ну, тай скомпромітувався я своїм виданем Шевченка, що соромно й на світ дивитися. І як можна було не знати, що Вечерниць видано не один, а два річники, а в другому власне були друковані ті твори Шевченка, що до яких я (на підставі самого першого річника) впевняв Вас, що їх не було! Просто ідіот з мене, що не заглянув хоч би до бібліографії Левіцького. Тепер Романчук кинувся на мене в Ділі, і я не можу йому нічого відповісти і мушу в Сірка очий позичати.

Пропустили ми надто якийсь вірш, що був опублікований Кулішем у Хуторній поезії. Переглянув Вашу брошуру про колядки і щедрівки. Жаль, що Вам не доводилось бачити почаївського Богогласника, з якого взяті і поперекручені Ваші №№ 1, 4, 8, 11, і частини ч. 8, де сплутано до купи дві пісні Богогласника. Дивно, що так мало у Вас колядок світського змісту, як Ваші №№ 14, 15, 16. У нас їх безодня; отсе недавно в Нар. Домі знайшлася збірка Вагилевича, списана в 30-их роках, де таких колядок звиш 150, не числячи церковних тем. Що до бібліографії, то не требаб мішати коляди з різдвянськими віршами ані з драмами, бо се не має нічого спільного з собою. Надіюся, що в однім із близьких томів Етн. Зб. подамо Корпус гал. колядок і щедрівок.

Львів 8/1—908.

Поздоровляю Вас сердечно Ваш Ів. Франко.

26. Франко до Доманицького (невисланий лист).

Дорогий пане товаришу! Тільки що прочитав Ваш лист і спішусь відповісти Вам. Та не вжеж той вірш, пропущений нами, се «Гей у саду, саду сиділа Кокошка»? От старий ідіот повинен би соромитися й згадувати про таке, що Шевченко проспівав може під п'яну голову і Куліш зачитував чорт зна по що.

Нумерів Діла не маю, та завтра піду до редакції і візьму для Вас. Я взявся було за радою проф. Груш. бути ніби його співробітником, та тепер воно остогидло міні.

Вашу відбитку про Кобзарів я маю, спасибі Вам за добру волю. З Петербурга написано міні, що будуть друкувати мою іст. укр. літ. на поданих мною Вам умовах.

27. Франко до Доманицького.

Дорогий пане товаришу! Дякую дуже за Ваш лист. Нумерів Діла не маю, та зайду сьогодні до редакції і візьму та вишлю Вам. Вашу відбитку про Кобзарів і лірників маю, спасибі Вам.

З Петербурга одержав лист від управи Общ. им. Шевченка, що вони згоджуються друкувати мою іст. укр. літератури. Значить, тепер міні пару неділь роботи, поки скопіювати або переписати рукопис, бо вони кладуть умову, щоб письмо було виразне, а моє письмо, як знаєте, нема чим хвалитися. Та все таки надіюся випакувати цілість досить швидко, а хоч і не дуже, то ніщо не гонить. Тільки ще робота над кінцевою редакцією. Ну, та якось воно буде, поспіємо з козами на торг.

«Кобзаря» я велів вислати Вам ще перед святами і д. Козловський сказав: зараз вишлю. Аж воно, як бачу, жидівське зараз те саме, що панське зачекай!

Вашу статтю про Климентія я вже віддав до друкарні, вона піде до найближшої книжки Записок. Що до одного місця мав би Вам зробити увагу. Слідом за Кулішем Ви, хоч і не так сердито як він, докоряєте Климентію його неприхильним становищем супроти жінок. Алеж не забувайте, що Кл. дитина свого часу і зовсім не жаден висший тип, щоб ішов поперед свого віку. Наша стара література ставиться до жінки зовсім на становищі Екклезіаста, та так воно було й скрізь по Європі з виємком хіба Провансу та трубадурів з їх шумним, а переважно нещирим культом дам, який не виключав брутального знущання над власними жінками. В Польщу той культ доходить аж у XVIII в. з усиленем французького впливу, а щож хочете від монаха-бурлаки з початку того віку? Il ne s'agit pas de juger, il s'agit de comprendre, вистарчить зазначити такі й такі погляди, і досить.

Як Ваше здоров'я? Чи нема острих морозів?

Здоровлю Вас сердечно Ваш І в. Франко.

Львів 11/1—908. Ул. Повінського ч. 4.

28. Доманицький до Франка.

27/XII 1907

9/1 1908

Дорогий пане докторе! Будьте ласкаві, перешліть міні той № «Діла», де Романчук спростовується,—я маю охоту пару слів і на його адресу сказати. З приводу дурних 4 рядків з «Хуторн. поезії», які жадним чином до «Кобзаря» зтягати не варто (пригадаю йому його... Ой у саду, саду гуляли кокошки). Цими днями я передплачу «Діло», а тим часом, коли у Вас є, то пришліть сей № і той, де про Корсуна Ви писали,—я Вам їх поверну. Так само скажіть, щоб надіслали І т. «Кобзаря», бо я так таки й не маю по 14 аркуші дальших...

Що до відбитки колядок, то прошу дуже і Вас, і од мене попросить і д. Гнатюка вважати цю брошуру неістною. Я її нікому не показую, бо це видання з'явилося таким чином: селяне мого села просили видруковати для них їх колядки; один з них записав. Не маючи коштів видати сам, я дав Василенкові (Николай,—він тоді був секретарем Київ. Губерн. Статистич. Комитета), щоб він видруковав. Для «приличія» треба було якусь арматуру, ніби то наукову,—то я з 2—3 книжок узяв паралелі, та ото показчик з Грінченкового показчика вискуб, та й зробив пів сотні одбиток, які й роздав на селі. До науки відношення брошурка ця не має, тому прошу її й не згадувати ніде, а мати лишень в своїй бібліотеці.

Поздоровляю з наступаючим Новим Роком!

З щирим поважанням В. Доман.

А чи маєте Ви відбитку мого «Кобзаря» и лирики Київской губерн. въ 1903 году». (К. 1904). Теж відбитка з «Києвск. Статистич. Комитета». На жаль, у мене є вже тільки 1 примірник, але як у Вас немає, то я пришлю.

29. Доманицький до Франка.

2/15-1—1908 Zakopane. Jertzewo

Дорогий пане докторе! «Кобзаря» і «Діло» дістав,—дуже дякую. Що до якогось опущеного нами вірша, то в «Хуторній поезії» його ані слуху—Романчук щось бреше. Зрештою написав сьогодні, щоб міні вислали з Книгарні його нове видання, та побачу, що воно за вірш... Здається, це з тих трьох віршів, що я їх викинув ще з його видання 1902 р. Очевидно, коли в «Хуторній поезії» нема (а я її 5 раз переглянув), то остається друге джерело—Кобзарь 1867 р. (Львівське). Ну, то тоді нехай би був лишалося на далі у «Кобзарі» і «Ще не вмерла Україна!»

Переглянувши його статтю, я остаточно надумав і, коли дозволить здоров'я, то не дуже отягаючись, зроблю таку річ: возьму, усі три видання

(Петерб. 1908, Ваше та Романчукове) і порівняю їх усі три од А до Z і усі ріжноголосиці та може які помилки викажу... Це, міні здається, буде корисно ще для дальшого видання, для якого вже й зараз у мене децю назбиралося (за осінь 1907 року), та й в Музеї Тарн. ще надіюся поживитися як слід, бо усі оті відсилачі на рукоп. Д. П.—це все з других рук: до архиву того мав доступ один Я. П. Забілла, а він ані з Шевченком, ані з укр. мовою взагалі не близький родич... Боюся, що він на 50% прогавив. (Та, звісно, і не без того, що не зумів усього прочитати...)

Як Вам здається, чи до Записок така матерія, як я оце пропоную, прида-лася б? Пізніш, як побуваю в Чернигові, я видрукую усе те, що вже назбирав за 1907 рік, та й те, що набереється у Чернигові.

Про передмову до Климентія я щось тричі писав до Мих. Серг., щоб її або міні вернув, або виправив сам (аж до останніх днів я не знав навіть, де вона). Цілком згоден з Вашою увагою про жінок і дуже прошу, виправте, як знайдете краще; вкінці теж здається занадто вже про те, що там пара віршів мало не чистою українськ. мовою писані. Взагалі писав я в гарячці, через силу, і це, певно, відбилося на писанні.

Здоров'я моє поганенько—«через пень—колоду»: три дні хожу, два лежу,—й досі ще в одному місці не загоїлося, і ще часом буває потрохи гарячки. Правда, не те, що спочатку, як приїхав, але все ж ще не вигоїлося...

Морозів зовсім у нас немає,—більш одлига; а коли у ночі часом і при-крепить, то в день на сонці або 0, або навіть і кілька степенів тепла.

Ще хотів би я знати, чи «Діло» платить за статті, чи ні? У мене є невеличка статейка на $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ аркуша про М. Вовчка... Мала вона друкуватися у збірникові «Віка», але той збірник, «не состоялся», і статі усім повертали. Треба дати до «Діла». Як будете, може, коли у «Ділі», то зробіть протекцію,—скажіть, що міні о гріш ходить тому, що иначого, як не з пера, способа до свого удержання не маю... Бувайте здоровенькі!

З щирим поважанням В. Д о м.

Р. С. Чи одержали примірн. Аркаса? Я сказав Вам послати, як виїздив з Петерб.

30. Франко до Доманицького.

Дорогий пане товаришу! Петербурського Кобзаря я досі не дістав. Як Ваше здоров'я? Чув від проф. Груш., що Вам зовсім заборонено вертати до Росії. Гнатюк дуже хорий, вже кілька день не виходить із хати.

Здоров'я Вас сердечно. Ваш І в. Ф р а н к о.
Львів д. 28. I—908. Ул. Повінського ч. 4.

31. Франко до Доманицького.

Дорогий пане товаришу! Прошу дуже о присилку помилок.

Цілую Вас Ваш І в. Ф р а н к о.

32. Франко до Доманицького.

Дорогий добродію і любий мій друже! Насамперед вибачайте, що я, занятий немудрими приготованнями до моєї подорожі і до крайности знеси-лений та отуплений своєю хворобою, не написав Вам, що їду зі Львова, ані досі не дав Вам звістки про свій побут. Чиню се сьогодні під впливом зовсім незвичайної пригоди, яка сталася міні сеї ночі і про яку хочу Вам оповісти. Додам попереду, що живу тут, у Ліпіку, купелевім місці недалеко Загреба в Хорватії, зовсім сам, не читаю ніяких часописів і досі не одержав нівідки ніяких листів. Отже сьогодні в ночі, з четверга на п'ятницю, між годиною 6 і 7 в ранці, лежачи в ліжку з зажмуреними очима, я в якійсь невиясненій для мене об'яві прочитав Ваш лист, писаний сими днями, не знаю вже, чи до Наук. Тов. у Львові, чи до якої редакції про Ваше й моє видане Шевченка.

про нашу кореспонденцію в тій справі з додатком зовсім невідомих міні доси обставин Вашого знайомства з І. Камінським, від якого Ви дістали 3 вірші Шевченкові, писані рукою не Шевченка, а Камінського, які Ви вагалися опублікувати в своїм петербурзьким виданю, з широким мотивованим вагань, з проектом опублікувати вірші з Вашими застереженнями і заявою Камінського, зі згадкою про реферат Судермана в Петерб. Слав. благотв. Общ., де сей докорив Вас за пропуск ти(х) віршів, які Ви повинні були з даними застереженнями опублікувати, з дальшими увагами Вашими про те, що Ви мали намір, прочитавши I том мойого видання Шевченка (тут Ви згадуєте про мою поправочку до Катерини), подати ті вірші в доповненю до другого тому мойого видання Шевченка, в чому буцім то спинив Вас мій лист, остатній писаний до Вас мною зі Львова, в яким я не казав Вам прислати ніяких поправок¹⁾. Далі в своїм обявлені(м) міні сьогодні листі Ви говорите про другий том мойого видання, про мої конектури в Княжні та Титарівні, з яких із конектурою «З за двора» Ви не згоджуєтесь і яку й я сам уважаю зовсім недотепною, але лишив її тільки тому, що не міг ніяк знайти інших слів відповідних для сего місця крім хиба ще менше відповідного «з за яра», якої форми у Шевченка зовсім, здається, й нема, тай як(а) до «сходження зорі» зовсім не підходить. Далі Ви згадуєте про пропуски Шевченкових творів у праськیم виданю і у Романчука, що віршик «Ой у саду, саду», признаючи міні рацію за поміщенє його з застереженнями в нотці разом з двома іншими ніби народніми піснями і про датованє віршика Н. Макарову, щось таке, чого я не розібрав добре, бо в ту пору до моїх дверей застукав сторож (була половина 7-мої години ранку) і я довго перед тим безсонний і занятий слідженєм Ваших слів (зовсім Вашим характерним стилем) відкрив очі і мусів устати.

Отсе Вам вірна реляція змісту того Вашого листу, який я прочитав сьогодні в сні-яві. Не хочеться вірити, щоб він був впливом самої моєї уяви, тим більше, що прокинувшись, я силкувався кілька разів опертися напливаню в мою свідомість тих чужих міні фраз, робив свої уваги і звертав увагу на що інше, але по кожній такій перерві непереможна сила якоїсь сугестії повторяла міні для памяти остатню вже відому фразу і тягла далі Ваш текст. Таким самим способом тої самої ночі десь недовго по півночі я «прочитав» статю якогось невідомого міні автора, уложену також окремим галицько-русланівським стилем, де оповідано про все моє жите з деталями, відомими тільки міні самому і з докладним, а бодай категоричним показом, що всі мої писання нічого не варті, що вони полягають не на знаню життя і рідного народа, а на «дурних кнїжках», що я ними деморалізую молодіж, що вони стоять на становищі ворогів нашої справи, що я ширю клевети про наших найкращих проводирів і т. д. Інтересно знати, чи така статя справді появилася в остатніх днях, або появиться незабаром. Цікаво, що в ній на початку протестовано проти запомоги, яку дало міні Наук. Тов. на уможливленє мойого виїзду на поратованє здоровля, запротестовано проти дальшого друкованя моїх праць, а особливо моєї історії літератури і на кінці запротестовано також проти ставленя міні памятника і шанованя моєї памяти, як чоловіка зовсім неморального і ворога руського народу.

Ну, та годі балакати. Роблю се лише для того, щоб переконатися, чи маю діло з обявами якоїсь галюцинації, чи може з першими проявами дійсного

¹⁾ Коли справді Ви дістали від мене такий лист, то се очевидно діло якоїсь нечистої сили, бо о скільки собі пригадую, я просив Вас коротенько прислати доконче поправки завважених Вами помилок мойого видання, в котрому, як міні здавалося на підставі уваг Романчукових, у деяких поезіях були пропущені деякі рядки. Се тільки мав я на думці і задля того велів друкарні здержатися з друком остатнього аркуша II-го тому з титулом і змістом, аби туди могли вийти завважені Вами помилки.

божевіля. Для того прошу Вас ще раз, напишіть міні, чи справді Ви написали щось подібне до того, що я отсе зреферував Вам.

Адрес мій: Dr. Iv. Fr. Lipik (Kroatien) bei Pawliček.

Цілую і поздоровляю Вас Ваш Др. Ів. Франко.
Ліпик д. 27.III—1908 р.

33. Франко до Доманицького.

Дорогий і любий друже мій! Сердечне Вам спасибі за Ваш лист і вибачайте, що пишу Вам на такім грубім, не листовім папері, але в мене нема иншого, а тут купувати не хочеться. Я живу тут без усяких вістей, що у нас робиться й діється; про смерть Антоновича дізнався з кореспондентки моєї жінки та такоїж картки дра Л. Коссака, мого добродія, що лічив мене безплатно і тепер дбає за моє здоровле більше, як я сам. Не читаю ніяких газет ані не привіз собі ніяких книжок, бо вже остогидли вони міні при всім моім зацікавленю ними. Що до мого видання Шевченка, то я одної ночі в такій же галюцінації, як та, що принесла міні Ваш фіктивний лист, був присутний на прецікавому засіданю петербурського Наукового Товариства ім. Шевченка, в котрім председатель довго і дуже втомляючо говорив про мою поправку до «Катерини» і про Ваші відносини до тої поправки і до якогось нікому невідомого Полівського видання якоїсь частини Катерини з такою самою лекцією, яку я помістив у своїм тексті, зазначивши в нотці, що на мою думку так, а не инакше треба читати те місце. Ніякої полевської редакції Катерини я не знав і не знаю і свою поправку зробив на власну руку і не утаїв її, а зазначив виразно, що се моя конектура, а дотеперішній текст виглядає ось як і т. д. При тім председатель Наук. Тов. ім. Шевченка генерал Воронов висловив своє обуренє на моє виданє Шевченка. З моїми конектурами і з моїми варіянтами і з моїми поправками в тексті Шевченка, який повинен бути нетиканий супроти не знаю вже якого офіціального тексту, якого уложене має бути повірене Вам і міні разом, *pe varietur*. Нарешті на всі поправки, на всі варіянти, на всі виданя Наук. Тов. у Львові, на всю Галичину і на всю Україну генерал Воронов радив наплювать, а удатися під протекторат великого Українця і святого пророка Івана Кроншт(а)дського, котрий одинокий скаже нам вірне слово про Шевченкову «Катерину» і вартість полевсько(го) виданя і про всі варіянти і що з ними робити, і просить вислати до нього депутацію з самих 6 Воронових і одного Неронова. Депутацію вислано і вона принесла відповідь на думку св. Івана Кронш(т)атського, що ніякої України нема і не може бути, ніякий Шевченко не був і не має ніякого права бути якимсь українським поетом і ніяке общество його імени не може бути і виклади свої мати в Адміралтейськім клубі, і він сам ніякий Українець і не хоче мати нічого спільного з якимось обществом ім. Шевченка.

Потім наступив реферат одного (з) Воронових про нарис подорожі тогож Воронова по всіх морях відомих і невідомих досі і по всіх із тих морей витіка(ю)щих ріках. На питанє, чи не надрукував би цю працю власним накладом, він відповів, що не має ніякого накладу і не може давати на нього нічого, бо не має сам нічого крім довгів. Тоді рефе(ре)нт поставив внесенє: препроводить сочиненіе его прево(с)ходительст(в)а о его путешествіи по всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ морямъ в клоаку его прево(с)ходительства и доставить ему изрядное удовольствіе собственнымъ сочиненіемъ вытиратъ свою собственную стару паню.

Ну, та годі про сю містіфікацію, якої я впав жертвою на своїм ліпикськім леговищі. Що до Вашого проєкту ювілейного видання Шевченка, то я, розуміється, не маю нічого против того, щоби ми оба колегіяльно старалися вияснити всі суперечности або непевні місця в «Кобзарі». І міні здається, що тепер легше буде зробити се, як давнійше, коли відомо було далеко менше варіянтів від тих, яких нагарбали Ви зі всіх кінців Росії. Нема ніякого сум-

ніву, що їх або й інших недрукованих віршів Шевченка набереться ще немало в друкованих або невідоми(х) доси автографах. А наше з Вами діло справді лише коректорське тай годі.

Що до мого побуту в Ліпіку, то я не думаю, щоб бути міні тут до кінця цвітня. Як тільки скінчу той курс лічення, який присудить міні лікар, зараз виїду звідси до дому і не буду там нічого нового, особливо в беллетристиці робити, бо не чую в собі ніякої сили, але буду далі вести свої приповідки та видання апокріфічної і повістєвої літератури та принагідні наукові праці про різні інтересні для мене теми, прим. староруські притчі або про наші українські пісні, для яких повного вивчення маю пребогатий порівняюний матерія(л) у виписках із Чайльда і інших критичних видань. Тут я не боюся ніякої критики, бо і методично і річево буду стояти на всіх основах нової людської думки і праці.

Житє в Ліпіку дуже дешево і досить добре, дешеве вино власного виробу, легеньке і дуже добре, якого літра коштує одну корону і яке дається пити і не шкодить нічого. Час тут не особливий; остатні марта і отсей перший цвітня зовсім холодні і непривітні і нічим не ліпші нашої східної Галичини. В маї тут почнеться сезон купелевий, наїде багато всякого сіфілітичного панства, помешканя подорожують у десятеро і до купелів буде неймовірний стиск. Для того добре, що я попав сюди перед сезоном, хоч і в непривітну погоду, але можу ліпше пильнувати свого здоров'я і лічитися, ніж у великій юрбі паціє(н)тів. Бажав би по виїзді з Ліпіка побути ще хоч кілька тижнів на березі далматинського моря, в Абації або Ловрані, де живе наша письменниця Надія Кибальчич, замужна Козлов(сь)ка зі своїм хорим чоловіком, прекрасна людина, з якою познайомитися ближше міні би дуже хотілося. Та не знаю, чи вистане міні грошей, яких у мене нема хіба 200 корон та дещо дрібних, а не знаю ще, скільки тут треба буде заплатити лікарю і за деякі ліки і за житє у симпатичного хазяїна Павлячка та його милої, хоч уже старшої, але дуже проречистої і говіркої хазяйки. Побачимо ще, як що буде, а тепер я чую себе ще дуже ослабленим та нездібним ні до якої серйозної роботи крім механічного коректорського ремесла.

Дуже мене тішить, що вам подобалися листи Драгоманова. Вони у мене лежали як огонь на серці і як несповнений обов'язок на сумліню і я видав їх совісно, без ніяких урізок неприємних для мене місць і лайок. Нехай знають люди, що я не на рожах виріс і що мої учителі не трактували мене поблажливо і лаяли, коли було за що або не раз і не було за що, але за будучі дурниці. Не маю ніякої претензії ні на що в світі, ні на признанє ні лайку, але було би добре, як би Ви написали дещо про ті листи, особливо не особистого, а загального характеру, як причинки до характеристики могутної і суцільної індивідуальності Драгоманова, трохи чи ціннішої для нас і з педагогічного і з національного погляду, як усі його неоцінено стійні писаня. Він один окрім хіба Шевченка був натурою наскрізь оригінальною і суцільною, гармонійною в собі і недоступною до жадної переміни в своїх не раз намічених а просто вроджених йому прінципах, основа(них) на щиро-людській загальній толеранції та бистрій і неохибній орієнтації в кожній житевій чи політичній чи національній справі. Для того його листи мають таке величезне значінє і їх повне виданє отворить нові горизонти думок і розвою і буде найпевнішою запорукою ніж усі його твори, що ми не пропадемо, коли таких велетнів і силачів духових видає наша природа. Яким нікчемним та некультурним та неосвітним почуваю я себе перед ним і якими некультурними та неосвітними повинні би себе почувати всі Галичане, надуті на своїх рабських та тупих інстинктах, нетолерант(н)і, нетерплячі, заняті безглуздою політикою і нездібні навіть зійти до простого народа та служити його невисоким, але добре понятим потребам і інтересам.

Вибачайте, що забалакався і тягну Вас у свою інтимну святиню своїх почувань. Уважаю Вас за чоловіка гідного всякого довіря, яких я так мало стрічав у своїм злиденнім життю. Нехай вони послужать Вам для зрозуміння моєї ніби наукової і всякої іншої діяльності, якої я й сам не розумію гаразд, а кидаюся на неї якимось принагідно та випадково, щоб заповнити неситий мій мозок чим будь, аби не одуріти до решти.

Кінчу свій лист просьбою—вибачити міні слова, коли вони декуди недоладні і мати мене в своїй пам'яті.

Ліпик д. 1 цвітня 1908 р.

Ваш Іван Франко.

34. Доманицький до Франка.

10 IV Zakopane. Villa Jerzewo.

Дорогий, любий друже! Вибачте міні, що днів 3 не відповідаю: маю невеличку нагальну роботу, а саме: друкую зараз у Києві брошурку, аркушів на 4, «Як хазяюють селяне в чужих краях (Німеччині, Бельгії, Голандії, Данії та Польщі). Це перше число нового видавництва «Селянська книжка», що засновалося тут у Закопаному (власне нас двоє фундаторів: я та д. Липинський з Волині, Українець-католик, пресимпатичний чоловіга, раніш студент Краків. Рільничої Академії, а тепер—студ. історик). Треба було неодмінно поздавати у друк рукописи, то мусів гнати. За цією першою книжечкою піде зараз друга, аркушів на 3—«Про сільську кооперацію». Обидві книжечки з ілюстраціями і гарною, в українському стилі, віньєтою. Грошей добули тільки 400 рублів (позичив один добрий чоловік на довший час, то якимось будемо обертатися). Тепер у нас на Україні страшенна потреба в книжках такого змісту. Чи давно ж то (на початку 1904 року) я був піонером кооперації в Київщині, власне консумційних крамниць (в своєму селі завів першу селянську крамницю), а зараз, за нашим прикладом, уже є 150 крамниць в самій Київщині, та стільки ж у Полтавщині та в Подільщині. Книжечка моя про «Товариські крамниці» видержала 4 накладу: 2 українських, 2 російських (видала Київська Губ. Земська Управа). Тепер моя мрія—об'єднати усі кооперативні т-ва (консумційні, кредитні, сільсько-господарські), хоч тим часом в одній своїй губернії і видавати український орган, хоча б на зразок «Народнього Багацтва», що виходить у Чернівцях. Це величезну вагу мало б і для ширення української ідеї та національного самопізнання, як це показали ті десятки кооперативних інституцій, що ми вже маємо. Тільки чи доведеться колись здійснити мрію, будучи—раз «ultra красним» з погляду дурної адміністрації, а друге—як не як, а все ж калікою? Хоч і твердить лікар (оце свіжо), що я на диво поправився, вигоївся сливе зовсім і т. и. (та й 13 кіло ваги не дурно прибуло!), а проте ніякого ліку на те не може бути, щоб зробити «работоспособною» ту $\frac{1}{5}$ легенів, що поспувала хвороба... Так десь у Закопаному сидіти, може б воно й байдуже було б, а оселитися в місті, то певно зараз же те саме почнеться. Тим-то я надумав собі, що остануся тут ще й на другу зиму,—тільки треба буде дешевш якимось улаштуватися, а то страшенно дорого виходить (120—150, а то й більш на місяць). На літо ж треба кудись виїхати, але куди саме? Дуже хотів би пожити хоч з місяць десь на селі в Галиччині, щоб придивитися і до селянства і галицької сільської інтелігенції. Найбільш цікавить мене, чи велика різниця між селянами нашими і галицькими з боку мови, щоб з'ясувати собі потім, як знов різниться львівський літературний жаргон од мови народньої. Тільки де б його кудись так поїхати, щоб і спокійно було, і вигідно, і не далеко від поштової станції, і знов же, щоб бути не на становищі гостя, а—платного льокатора. Певно, Ви могли б міні порадити якимсь таким місцем, але тим часом про це не турбуйтеся, а в половині мая я буду у Львові, то тоді про це й поговоримо.

Про Драгоманова Ви подали добру думку. Літом я поспробую написати статейку з приводу «Листів». Недавно в «Ділі» д. Павлик заходився воювати з Богд. Кистяковським з приводу виданого їм у Москві (вид. Ситіна) І т. праць Драгоманова російською мовою. Павлик зовсім слушно лає Кистяковського за те, що він намагається зробити з Драгоманова «кадета» і всякими правдами й неправдами натягає на нього вузеньке кадетське убрання, а воно по шитому пореться... Але Кистяковського лаяти варт ще більш, бо він з Гревсом мають видати в перекладі на російську мову і українські речі, а в передмові і скрізь силкуються затушовати те, що Драгоманов написав щось путніше по українськи... За таку тенденцію панів видавців не лаяти їх треба, а під воєнно-польовий суд віддати...

Як же Ви почуваете себе? Чи звідти, з Кроації, просто до Львова поїдете? Як вернетесь до Львова, то черкніть картку, що Ви вже дома, то тоді і я навернуся туди, бо як немає у Львові Вас та Мих. Сергієвича, то й їхати туди не варт.

Увесь душею Ваш Василь Доман.

ВОЛОДИМИР ГЕРАСИМЕНКО.

З УКРАЇНСЬКОГО ГРОМАДСЬКОГО РУХУ НА ПОДІЛЛІ.

(1905—1917).

(Пам'яті д-ра К. Г. Солухи).

Революція 1905 року, що надзвичайно розбурхала український рух, покликала до життя національно-культурні осередки під назвою «Просвіти».

З наступом реакції «Просвіти» було взято під підозріння, над ними почали переводити різного роду репресії, а потім і зовсім закривати. Мало їх залишилось до війни 1914 року, а до революції 1917 року на всю Україну залишилась одна однією миколаївська «Просвіта».

Зараз таки після революції 1905 року була заснована «Просвіта» і в Кам'янці-Подільському, яка, як і інші, теж підпала під підозріння; це було тим простіше, що завжди на місцях знаходилися шпики й провокатори, які були раді догодити «сильным мира сего». Напр., 1908 року подільський місіонер С. П. Киржацький написав був до «Кіевлянина» (№ 230) на діячів Просвіти справжній донос, в якому під ініціалами легко було пізнати—про кого йде мова.

Донос цей починався з того, що всі, так звані українофіли на чолі з їх «батькою» Грушевським вважають Поділля за українську землю, в чому він (Киржацький) «смеет сомневаться». Далі він злісно нападає на діячів «Просвіти», що на його думку були «главным образом бастующие студенты, учащиеся семинаристы, несколько докторов и чиновников».

Душею «Просвіти» він визнавав в той час Є. О. Сіцинського, що підняв був і в пресі і на подільському з'їзді духовенства питання про заведення по духовних школах Поділля катедр українознавства. Його пропозиція пройшла успішно, бо з'їзд асигнував на цю справу 1.500 крб. Є. О. Сіцинський висунув і кандидата на викладача українознавства подільської семінарії В. Чехівського, що на думку Киржацького, був дуже небезпечний, бо він в його уяві був «новым Грушевским». Особливо його обурювало те, що цю кандидатуру підтримував і єпископ Парфеній, родом з Полтавщини, що підчас доносу вже був переведений (власне засланий) до Тули.

В одному місці свого доносу Киржацький пише, що деякі члени «Просвіти» І(вани)цький і С(таринкеви)ч до того «обнаглели», що відмовилися запропонувати своєму хоріві проспівати—«боже царя храни», не дивлячись на вимогу начальника губернії. В результаті чого, як злосливо він зауважує, один був переведений до Катеринославу, а другий до Вятської губ.

В кінці Киржацький каже, що після випадку, що трапився з С. М. Іваницьким і К. Т. Старинкевичем «Просвіта» не приймає того крайнього напрямку, хоч в ній і залишився Є. О. Сіцинський.

Зазначену поміркованість Киржацький пояснював тим, що теперішні керівники «Просвіти» ледве чи співчують такій утопії, як самостійність України. І що взагалі «Просвіта» «сепаратистических тенденций пока не проявляет».

Але через кілька років, через ті ж доноси, жандарі таки запідозрили «Просвіту» в «сепаратистических тенденциях» і в 1914 р. в ніч з 16 на 17 травня було зроблено трус, як в самій «Просвіті», так і у деяких її членів.

На основі знайдених матеріалів було складено акт обвинувачення проти активу «Просвіти» та ще деяких осіб, що були в переписці з головою «Просвіти», відомим українським діячем Поділля—д-ром Солухою Костем Григоровичем.

Після тругу кам'янецька «Просвіта» почала занепадати, поки й зовсім не припинила своєї діяльності. В цій справі в кам'янецькому архіві в ділах прокуратури зберігаються інтересні документи (на 82 сторінки), на основі яких ми головне й подаємо оцю коротку замітку.

Кам'янецька «Просвіта» була відчинена на весні 1906 р. Через рік, згідно з постановою «губернського присутствия по делам об обществах» була зачинена без жадних пояснень. В березні місяці 1908 р. знов було дано дозвіл на відкриття «Просвіти».

В кам'янецькій «Просвіті» на 1 січня 1914 року рахувалося 151 член; з них внесли членський внесок лише 55.

«Просвіта» мала, крім того, такі читальні-бібліотечки: 1) в с. Щурівцях, 2) м. Печері, 3) с. Куничому—Брацлавського повіту і 4) Іванківцях-Дунаєвських Ушицького повіту. Також були філії в Могилеві й Дунаєвцях (?) ¹⁾.

За час свого 9-тилітнього існування, як це видно із промови голови «Просвіти» К. Г. Солухи, до президії т-ва поступило понад 50 прохань про відкриття бібліотечок-читалень по різних селах Поділля, але уряд цього не дозволяв. Відповідь з боку уряду на них завжди була така: «губернатор находит невозможным» ²⁾.

На 1-е січня 1914 р. в бібліотеці «Просвіти» нараховувалось 1460 книжок на суму 994 крб. 68 коп. Додому брало читати 137 осіб, що прочитали 2014 книг.

Кам'янецька «Просвіта» дуже активно була взялась за справу заведення українознавства в кам'янецькій духовній семінарії, вінницькій церк.-учит. семінарії та 12 двохкласових школах.

Для того, щоби здійснити цю ідею, «Просвіта» брала на себе матеріальний бік цієї справи (утримання учителів) ³⁾. На це також відгукнулися такі організації: миколаївська «Просвіта» ⁴⁾, томська студентська громада, одеська «Просвіта» ⁵⁾ і інші.

Дозвіл на відкриття кафедр українознавства в зазначених школах було одержано, але фактично в життя таки не вдалося перевести через тяганину, а потім і цілковитий зрив цієї справи.

Подільська епархіальна шкільна рада погодилась з тим, що «Просвіта» буде оплачувати учителя укр. мови у вінницькій церковно-учительській школі, і разом запитує, чи «Просвіта» має на увазі викладати в школі «малоруську мову», чи під українською розуміє якенебудь наріччя «малоруської мови», а також, які будуть вжиті підручники для викладання мови?

На це рада «Просвіти» відповіла, «що під українською мовою вона розуміє—не якенебудь наріччя, а саме літературну українську мову,—ту малоросійську мову, на котру перекладено з дозволу св. синоду єпископом Парфенієм св. євангелію: котрою в наші часи видаються в Росії українські часописи («Рада», «Рідний край», «Слово»), українські журнали («Л.-Науковий Вістник», «Записки Наук. Т-ва у Києві» і др.) і яку вживають в розмові й письмі в наші часи освічені Українці». Як підручники Рада рекомендувала: Коротку граматику—Залозного (Полт., 1906 р.), Українську граматику Тимченка (Київ, 1907 р.), Читанку—Хуторного (Київ, 1907 р.), Граматику

¹⁾ Кам'ян. істор.-арх. музей. Протокол „Просвіти“ 21 грудня 1908 р.

²⁾ Кам'ян. істор.-арх. музей. Протокол „Просвіти“ 22 березня 1917 р.

³⁾ Там-же, жовтень, 1908 р.

⁴⁾ Там-же, 15 листопада 1908 р.

⁵⁾ Там-же, 15 січня 1908 р.

укр. мови—проф. Кримського (російською мовою) і, як хрестоматію, видання «Вік» в 3-х томах та «Українську Музу» (вид. Коваленка, 1908 р.)¹⁾.

Поза тим діяльність т-ва виявлялась у читанні лекцій головне з українознавства, вистав і концертів, вечірок та народніх гулянок; т-во приймало участь на різних виставках та провадило продаж українських книжок.

В кам'янецькій «Просвіті» було зроблено трус на тій основі, що до жандарського управління ще з початку 1914 р. стали надходити «агентурные сведения», що діяльність кам'ян. Просвіти «получила явно противоправительственное направление, выразившись в стремлении заправить этого «общества» насадить в Подольской губернии, путем печати и агитации в профессиональных, кооперативных и культурно-просветительных организациях, идеи украинского сепаратизма, возбуждением вражды малороссийского населения к великорусскому («Москалям») и, имея в виду конечную цель отложения от России юго-западного края и образования «Независимой Украины («Самостійной» Украины) на началах социал-демократической автономной республики с народной «Радой» (советом) во главе»²⁾.

Обвинувачення, як бачимо, для того часу було досить серйозне. Але все воно збудоване, головним чином, на основі знайденої в «Просвіті» й просвітян нелегальної літератури.

Особи, у яких було зроблено трус, в зв'язку з кам'ян. «Просвітою», такі: Солуха Кость Григорович, 53 років, фундатор губ. земської лікарні. Григор'їв Никифор, 33 років, учитель російської мови кам'янецької вищої початкової школи. Григор'єва Ганна Петрівна, 29 років, кол. народня вчителька. Д'яченко Михайло Михайлович, 32 років, рисовник под. губ. земства (не член «Просвіти»). Павловський Трофим Іванович, 50 р., бухгалтер подільської губерніяльної земської управи. Гриб Юрко, 46 р., професія—приватне письменство. Рудченко Сергій, 31 р., лісовий техник. Гловацький Петро, 53 р., горний інженір. Гловацька Лідія (дружина Глов. П.). Приходько Віктор Кіндратович, 29 р., кандидат прав кам'ян.-под. окружного суда. Єзерницький Леонтій, 29 р., діловод кам'янецької управи. Филипський Ілля Модест., учень VI кл. кам'ян. гімназії. Рогань-Левицький Модест Стахіїв, мешканець Петербургу, племінник Филипської. Ерастов Степан Іванович, 58 р., домовласник з Новоросійська, голова кубанської «Просвіти», організатор т-ва взаємн. кредиту. Чехівський Володимир Мойсієвич, 39 р., учитель одеської комерційної школи.

У всіх цих осіб, а також і в самому помешканні «Просвіти» тоді була забрана така література (спис подаємо новим правописом):

Проф. М. Грушевський: «Единство или распадение России», «Украинство в России, его запросы и нужды», «Движение политической и общественной мысли Украины в XIX ст.», «Национальный вопрос и автономия», «Про українську мову й українську справу», «Освобождение России и украинский вопрос». С. Єфремов: «Фатальний вузол». Гринченко: «Якої нам треба школи», «Народні вчителі й українська школа». М. Драгоманів: «Про волю віри», «Политические сочинения», «Старі хартії вільностей», «Швейцарська спілка», «Шевченко, українофіли й соціалізм», «Листи до І. Франка». М. Костомаров: Письмо до видавця «Колокола» з передм. М. Драгоманова. Д. Донцов: «Модерне москвофільство». Т. Шевченко: «Кобзар» 1908 р. В. Винниченко: «Дизгармонія». О. Олесь: «З журбою радість обнялась». Декламатор «Розвага». «Всеукраїнський Катехизм». Бебель та Пернерсто-

¹⁾ Кам'ян. істор.-арх. музей. Протокол „Просвіти“ 26 жовтня 1908 р.

²⁾ Кам'ян.-Под. окр. архів. Справа прокуратури „Просвіта“, від. секрет., 1914 року, 21 травня.

фер: «Національна та інтернаціональна ідея» (перекл. Грінченка). Ласаль: «Про суть конституції». Каутський: «Історичне діло К. Маркса». Енгельс: «Людвиг Фейербах». Степняк: «Подпольная Россия» 1906. С. Верхоянцев: «Конек Скакунок», 1906. «Пропагандисты 70-х годов». (Безпл. прилож. к «Биржев. Ведомост.»). «История России в XIX—XX стол.» за ред. В. Битнера. (Тут особливо виділено: «Очерк революц. движения в России с 60-х г. по 1906 г.»). Святиков: «Созыв народных представителей». Богу-чарський: «Активн. народн. 70-х годов». «Рабочий день у Волохова». Изд. Харьк. О-ва Грамотности. «Что читать соц.-демократу». «Як збираються й куди повертаються народні гроші», (11 екземпл.). «Всенародня установча Рада» (36 екземпл.). «Що таке народня воля?» (20 екз.). «Літерат.-Науковий Вістник» за 1904, 5, 6, 7, 10, 11 і 12 роки. Окремі числа журналу «Українська Хата» за 1910, 11 і 12 роки. «Шершень» за 1906 рік. „Ukr a- tis che Rundschau“ (35 №№). Журнали 1905 р.: «Стрелы», «Пламя», «Клювь и Спруть». Газеты: «Народное Слово» «Народный Голос», «Слово».

Треба признати, що жандарське управління надзвичайно пильно переглянуло, а власне, просто вивчило нелегальну літературу і одібрало всю ту, що мала «противоправительственный характер».

Особливу увагу звернено було на твори М. Грушевського, що позначалися, на думку жандарів, особливою небезпекою для цілості й спокою Росії.

Нижче ми й подаємо деякі політичні рецензії на одібрану літературу, що їх дало жандарське управління:

В большинстве перечисленных сочинений и журнальных статей содержится открытая проповедь политического обособления Малороссии от Российской Империи и создания автономной Украины на федералистических началах. Так, например, в сочинении «Единство или распадение России» говорится о том, что Россия созидалась и умножалась для правившей ею бюрократической орды; что все княжества и царства были для нас лишь источниками государственного казначейства; что производительные силы Польши шли целиком на содержание армий, имевших целью внушать спасительный страх кичливому ляху; что Украина, добровольно присоединившаяся к России, через несколько лет судорожно забилась, как пойманная птица, почувствовав на себе руку развращенного и черствого московского бюрократического спрута, проникающего внутрь ея; что подневольное существование, охраняемое армией штыков и нагаек, не есть единство; что после целого ряда веков единством подневольных членов Российского Государства было единство борьбы с угнетавшим их строем; что сознание возможности свергнуть это общее иго, разбить цепи, объединило в одну армию их представителей, и они дружно пошли на общего врага; что «проведение принципа национально-территориальной и областной автономии и обеспечение национальных прав, всех народностей на их территориях и вид их есть залог сохранения единства России. «В другом сочинении «Украинство в России, его запросы и нужды» автор много говорит о тех лишениях, которые терпела Украина от русского правительства со времени воссоединения ея с Россией до последних дней; о том, что «введение конституционного строя вовсе не разрешает украинского вопроса, и вводит только новые факторы в борьбу украинской народности за его национальное самоопределение; что вполне ясно вырисовался перед украинским обществом факт, что гарантии свободного национального, экономического и культурного развития оно может найти лишь в автономии, обнимающей всю украинскую территорию»; «что на пункте национальной автономии в настоящее время сходятся все национальные течения».

В отдельных книгах журнала «Литературно-Науковый Вистник» напечатаны статьи, как общего революционного содержания, так и посвященного украинскому вопросу. Так, например, в XXX томе журнала за 1905 год помещена статья «От Украинской Демократической Партии». В этой статье, после общего заявления о том, что самодержавный образ правления в России «нищить розвій і нормальний поступ народів, які належать до Російської Держави», приводятся следующие требования партии: 1) уничтожение политического абсолютизма, введение парламентского строя, участие народа в государственном управлении, 2) свобода личности, слова, веры, свобода собраний обществ, организаций, забастовок; уничтожение сословий, 3) введение народного языка в школах, судах, административных учреждениях, государственный строй России должен быть основан на принципе широкой национальной и местной автономии, 4) требование для территории, заселенной украинским народом, особой автономии, основанной на особом статуте, который должен быть выработан будущим украинским сеймом.

В книге 9-й журнала «Українська Хата» за 1910 г. помещена статья Заклынського

«Сучасна Січ», в которой описывается юбилей по поводу десятилетия образования обществ «Січей» и организация этих обществ в Галиции и Буковине. Об юбилее говорится, что мечты Шевченковой поэзии стали действительностью: «вы видите украинское войско, идущее под предводительством атамана, который отдает приказания адъютантам, делая знак золотою булавою». Об организации же «Січей» говорится, что в Галиции во главе сечевого организации стоит «Главный сечевого комитет», а по уездам—«Уездная сечь», и в Буковине имеется общая сечевая организация, солидарная в делах с сечами Галиции; все местные сечи в Буковине подчиняются «Краевому Сичевому Союзу». В статье далее трактуется о том, что «Сечи» вносят в украинское крестьянство здоровые принципы: широкую свободу в товариществах при общей солидарности, федерализм и свободу в формировании высших организационных центров, демократизм и пр....

В книге первой журнала за январь 1907 г. между прочим, помещена статья Лозинского, в которой автор разбирает статью Менгера «Народная Политика». В этой статье, на которую судебными установлениями наложен арест, проводится та мысль, что только демократическая республика может удовлетворить требования народных масс. В другой статье Порша «Національне питання та виборча агітація на Україні», украинские партии приглашаются к агитации за тех кандидатов в Государственную Думу, которые будут добиваться в Думе автономии Украины, так как только такая даст народу возможность «добыть землю в свою власть» и понизить податной налог. В книге 5-й журнала за май месяц 1912 г. помещена статья С. Черкасенко «З українського життя», в которой приведено постановление, выработанное съездом украинских прогрессистов. В этой статье сознательные Украинцы приглашаются агитировать за тех выборщиков, которые присоединяются к требованиям, указанным в украинской выборной платформе. Выборная же платформа Украинцев содержит в себе следующие требования—для всей России: 1) расширение и уравнение выборных прав народа, 2) уничтожение исключительных положений, установление свободы личности, свободы профессиональных и просветительных обществ и коопераций, 3) уничтожение сословий, религиозных и национальных угнетений и черты оседлости, 4) автономия высшей школы, 5) удовлетворение земельных нужд крестьян и уничтожение принудительного землеустройства с его хуторами и отрубам, 6) издание законов для охраны рабочих классов, и для Украины: 1) введение всеобщего обучения на украинском языке для украинского народа в начальных, средних и высших школах, 2) совершение богослужения на украинском языке и 3) уничтожение пошлин на заграничные украинские издания¹⁾ і ще багато подібних рецензій на інші книжки та журнальні статті.

Література ця була тим шкідливіша, як зауважувалось жандар. правлінням, що багато з неї розходилося по руках шкільної молоді, а деякі книжки, як «На громадській роботі (про Куліша) і Грінченка «Якої нам треба школи та «Народні вчителі й українська школа» поширювались серед селян.

Поруч було поставлено в обвинувачення «Просвіті», що вона ширила свої ідеї поміж учнями середньої і навіть міської 2-х класової школи, що бували на вечірках «Просвіти», серед яких іноді бували й гімназистки.

Одним з серйозних обвинувачень були дані, що їх знайдено у голови «Просвіти» д-ра К. Г. Солухи,—це: 1) переписка про засновання Українського Народного Банку, 2) переписка з єписк. Никоном, 3) реферат про Шевченка, 4) зносини з Галичиною, 5) нелегальна література, здебільшого опечатана, що була «із'ята» із «Просвіти».

Справу про засновання «Українського Народного Банку» у Києві порушили перед К. Солухою Степан Іванович Ерастов з Новоросійська, колишній голова кубанської «Просвіти» і В. М. Чехівський, тоді викладач одеської комерц. школи. Ерастов дуже великі надії покладав на цей банк, що мусив мати широкі перспективи для національної справи. Думка була заснувати його на зразок московського або варшавського народного банку. В цій справі до д-ра Солухи також звернувся хтось під ініціалом В., що писав про необхідність організації україн. банку під назвою «Южно-Русского» або «Юго-Западного Кооперативного Банка», з капіталом 1 міл. карб. зібраних шляхом приватної підписки на акції серед Українців, «а як більшість акціонерів мають бути Українці, то ці гроші й підуть на наші справи» писав В. Але з допиту жандарів видно, що К. Г. Солуха не поділяв думки про засновання Банку.

1) Кам'ян. окр. архів. Справа „Просвіти“ кам'ян. прокур. „Постановление губерн. жандарм. управления“, липня 29 дня 1915 р.

Другим важливим пунктом обвинувачення була переписка між д-ром Солухою і єписк. Никоніом (1907—1908 р.) в справі заведення української мови по духовних школах різних типів. Цією перепискою спеціально зацікавився прокурор одеської судової палати, якому була надіслана копія листа єп. Никона до Солухи, що ми тут і подаємо:

Многоуважаемый Константин Григорьевич. Простите. Спешу со скорбию — уведомить, что училищный совет отклонил открытие малороссийской кафедры в Винницкой школе; я да еще только один член были «за»... Грустно. Говорили собственно глупости. . Могу указать вот какой путь: подайте в училищный совет заявление, что Вы просите «для пробы» на один год ввести преподавание языка. Постараюсь сделать все, что смогу... «Флюгеры» повернули в иную сторону...

Сердечно-уважающий епископ Никон.

Переписка Никона була відокремлена й направлена через начальника губерні до обер.-прокурора «святейшого синоду»¹⁾. Єпископові інкримінувалася допомога «Просвіті».

Зацікавилися жандарі невеличким рефератом про Шевченка (в рукопису), що його склав був син д-ра—Віктор—для зачитання серед учнів середньої школи в день річниці Шевченка. Але К. Г. Солуха видав, що то його власний реферат (щоби не вплутати й сина). Жандарів тут зацікавила «в извлечении программа известного революционного сообщества, так наз. «Кирилло-Мефодиевского общества».

Переписка з Галичиною у д-ра Солухи була знайдена: з львівським т-вом «Просвіта» і «Краєвим Союзом» у Львові. Перше т-во запрошувало кам'янецьку «Просвіту» взяти участь на першому Всеукраїнському просвітньо-економічному конгресі, що мав відбутися 12 II—1909 р. у Львові. А «Краєвий Союз» запрошував в 1910 р. кам'янецьку «Просвіту» на I Всеукр. кооперативний конгрес. Ця переписка тим підозріліша була, що як повідомилися жандарі, на I Всеукр. просвітньо-економічному конгресі (1909 р. в січні місяці) був, на їх думку від подільської Просвіти, Віктор Кіндрагович Приходько. Але останній на допиті пояснював своє перебування на конгресі простою цікавістю, а що до Львова він їздив спеціально лікуватися.

Так само переписка з іншими «Просвітами», укр. громадами і діячами, напр. одеською, мелітопільською, чернігівською і інш. «Просвітами», з томської студентською Громадою, вищезгаданими—Чехівським, Ерастовим, єп. Никоніом, пізніше з С. Чикаленком і інш. і з'окрема з закордоном, — все це викликало підозріння про широкі зв'язки д-ра Солухи²⁾, а через нього і «Просвіти», що носили антидержавний характер. Так, коли чернігівська «Просвіта» запропонувала відсвяткувати 80-річний ювілей Л. Толстого, то була думка організувати комітет із представників — України, Галичини, Буковини, Угорської України й Америки (американських Українців), цей широкий проєкт святкування Українцями річниці Л. Толстого жандарі взяли були під підозріння, вбачаючи і в цьому щось непевне, якусь крамолу.

Так, для «Просвіти», як і для К. Г. Солухи великим обвинуваченням була нелегальна література, що її було знайдено підчас тусу. Не дивлячись на те, що абсолютна більшість цієї літератури була опечатана як заборонена, все ж вона була вскрита і на основі розбору цієї літератури теж склався акт обвинувачення щодо д-ра Солухи.

У інших осіб, також було зроблено тус, але нічого особливого, крім деякої нелегальної літератури, не було знайдено. Тільки в листуванні Н. Григор'єва жандарі знайшли листа про бажання учителів заснувати свою таємну

¹⁾ Кам'ян. икр. архів. Справа „Просвіта“ кам'ян. Прокур. „Постановление губерн. жандарм. управления“, липня 29 дня, 1915 р.

²⁾ Цікаво, що у д-ра Солухи було забрано листів—за одними даними 1000 штук, а за другими 500.

учительську касу. Але про цей лист далі не згадувалося і обвинувачення на ньому не базувалося.

Після розгрому «Просвіти» у президії останньої повстало питання про дальше існування т-ва. Вирішено було скликати з приводу цього загальні збори (Проток. «Просвіти» 14/VI — 1914 р.). Але кам'янецький поліціймейстер сповістив Раду «Просвіти», що скликання загальних зборів т-ва заборонено. Тоді Рада на своєму засіданні 25 вересня 1914 р., зважаючи на сучасний момент, ухвалила припинити свою діяльність, чи як там висловлено — «бібліотеку-читальню Т-ва зачинити до слушного часу». І з цього моменту, аж до революції 1917 р. «Просвіти» як організації, не існувало.

За весь час слідства над подільською «Просвітою» завжди носилася одна й та ж думка, а саме: що «Просвіта» та її діячі стоять на крайній політичній позиції, цебто цілковитого відокремлення України від Росії в демократичну Республіку. Кам'янецький прокурор в своєму донесенні прокуророві одеської судової палати від 11 січня 1915 року — на його телеграфну вимогу дати детальну доповідь про справу «Просвіти» пише так:

Описанное выше Каменец-Подольское общество «Просвіта», будучи легальным по своему основанию, впоследствии уклонилось от предназначенных ему культурно-просветительных целей и в настоящее время по своей цели, организации и деятельности вполне соответствует тому роду преступных сообществ, которые предусмотрены 102 ст. Угол. Улож. ...поставляет насильственное изменение в России установленного образа правления и учреждение отдельных автономных государств на федералистических началах. Общество это вдохновлялось и действовало по указаниям таких же «Просвіт», которые существовали в завоеванной ныне русскими войсками Галиции и которые так-же подлежат уголовному преследованию по 102 ст. Угол. Улож. Тем не менее, я полагаю, что возбуждение предварительного следствия в настоящий политический момент представлялось бы нежелательным: ... против деятелей Каменец-Подольской «Просвиты» — в виду того общего патриотического под'ема, который в настоящий момент охватил все слои населения Российской Империи, не исключая и так называемых «Украинцев», а против деятелей «Просвиты» во вновь завоеванных землях — в виду очевидной предпочтительности примирительной политики в отношении всех классов завоеванного населения, а также в виду большой вероятности, что названные «Просвиты» при удачной высшей политике Русского Правительства умрут естественной смертью¹⁾.

Через півроку ця справа була закінчена і начальник под. губ. жандарського управління (що тримався щодо кам. «Просвіти» такої ж самої думки як і кам'ян. прокурор), в цілях «государственной безопасности» вважав за потрібне розв'язати справу «Просвіти» в порядку адміністративному:

1) Ходатайствовать о закрытии этого общества в г. Каменец-Подольске, 2) в отношении же вышеназванных: врача Константина Солухи, Ивана Эрастова, Владимира Чеховского, Никифора Григорьева, Михаила Дьяченко, Трофима Павловского, Сергея Рудченка, Леонтия Езерницкого, Георгия Гриба, Петра Гловацкого, Виктора Приходько и Лидии Гловацкой — признать возможным, ввиду переживаемого местным малороссийским населением губернии патриотического под'ема, ограничиться учреждением гласного надзора полиции по месту их жительства на срок: для первых 3-х лиц — на 2 года, для остальных семи лиц — на 1 год. Что же касается Григорьевой и Гловацкой, то за недостатком улик дело о них прекратить без всяких для них последствий.

Таким чином, перед владою на місцях стало питання: чи закрити «Просвіту» адміністративним порядком, чи залишити її — в надії, що вона вмере натуральною смертю. Взяло гору останнє. «Просвіта» зі свого власного почину, вважаючи на тяжкі обставини військового часу, припинила свою діяльність аж до 1917 року.

Проте догляд за «Просвітою», власне, її окремими діячами, все ж не припинявся. В архівній справі зберігся лист жандар. управління на ім'я прокурора від 6 III — 1916 р., в якому зазначається, що після перевірення в Подільській губ. немає яких би то не було українських революційних орга-

¹⁾ Кам'ян. окр. архів. Справа прокурора. Доклад кам'ян. прокурора одеському прокурору судової палати.

нізацій і не помічено акції з боку осіб, що були на підозрінні в належності до «мазепинського» руху.

Щождо ліквідованої «Просвіти», то так само колишні її члени припинили свою активну діяльність протягом періоду війни «из опасения с одной стороны репрессий власти, а с другой — ввиду неуверенности в благоприятном для Австрии исходе войны».

«Агентурное наблюдение за деятельностью лиц, подозреваемых в прежней причастности к «мазепинству» не дало указаний на существование в настоящее время сношений их с галицийскими агитаторами «Союза освобождения Украины».

«Агентурная разведка по освещению этого вопроса неослабно продолжается».

В кінці додамо ще кілька слів про життя К. Г. Солухи — одного з видатних діячів Поділля, незмінного голову кам'янецької «Просвіти» за весь час царської Росії і особливо популярного по всій Кам'янецьчині лікаря.

Народився Костянтин Григорович в с. Коритному Балтського повіту 17 травня 1869 року в сім'ї священика. Сім'я його була старосвіцького українського укладу. Цікаво, що він не пішов по духовній лінії, а вступив до 2-ої київської гімназії. Ще коли був гімназистом, він близько познайомився з життям українських гуртків, цікавився мистецтвом, мав добрий голос і співав у хорі Лисенка.

1879 року він вступив до київського університету на медичний факультет. В університеті Солусі була ширша змога захоплюватися ідеєю українського відродження. Він вступає до київської студентської Громади і приймає найблизчу участь в її діяльності. Коли у 80-х р.р. в київськ. унів-ті сталися студентські заклоти, він також був в числі замішаних, і навіть на деякий час звільнений з унів-ту, а потім довго був під гласним доглядом поліції¹⁾.

Після закінчення медичного факультету 1886 року, він, як стипендіят був призначений за полкового лікаря до 28 полоцького піхотного полку в м. Кельці Варшавської округи, а після того 5 років працював, як участковий лікар в м. Оринині Кам'ян. повіту (1888 — 1893 р.р.). Тут Костянтин Григорович здобув надзвичайно велику популярність серед селянства. Особливо відзначився героїчною боротьбою з холерою в 1892 р. і після того був переведений до Кам'янця Подільського (1894 р.) спочатку на посаду городского, лікаря (1 рік), а потім ординатором кам'янецької лікарні, на якій і пробув (за винятком 3-х років, що був старшим лікарем) до кінця свого життя.

За весь час свого життя й праці в Кам'янці К. Г. Солуха так само здобув надзвичайно велику популярність, як лікар. Це був в повному розумінні лікар «безсеребренник», що нікому не визначав гонорару за лікування, а з бідних і зовсім не брав. З далеких сіл з'їжджалися до нього хворі селяни, так що його навіть прозивали «мужицьким лікарем».

Здавалось би, що праця в лікарні, прийом у себе дома та відвідування хворих на дому зовсім не залишали часу для іншої праці. З раннього ранку й до пізнього вечора він був зайнятий, але завжди знаходив час і для громадської праці, що до неї так само щиро й віддано ставився, як і до лікарської.

Бувши вихованим на старих народницько-культурницьких традиціях, він весь час намагався підчас своєї практики, розповсюджувати серед селян словом і книжкою свої ідеї. В самому Кам'янці він гуртував коло себе всю українську суспільну думку, підтримував українську молодь особливо середне-

¹⁾ Кам'ян.-Под. окр. архів. Кам.-под. губ. жандар. упр. „Сведения о лицах, состоявших под гласным надзором полиции за 1884 г.“.

шкільну; це було тім простіше, що він був шкільним лікарем в тутешній духовній семінарії, а саме серед семінаристів знаходив найбільш вдячний ґрунт для своєї роботи.

Ще задовго до революції 1905 року д-р Солуха разом з Є. Сіцінським, С. М. Іваницьким, В. Чехівським та ін., організували невеличку місцеву укр. громаду, в склад якої входила і молодь (К. Шероцький та ін.).

Коли ж вибухнула революція 1905 р. в Кам'янці вже був досить великий гурт старшого і молодшого покоління свідомих Українців і в 1906 році вже була організована «Просвіта», але її скоро було закрито і тільки на початку 1908 р. знов було відновлено.

З цього часу і аж до революції 1917 р. К. Г. Солуха був постійним її головою.

Всі найважливіші справи і наміри виходили од нього. А поскільки він був в Кам'янці дуже впливовою і всіма поважаною людиною, то різноманітні, часом дуже неприємні клопотання та справи організаційного характеру просвітляни завжди покладали на нього.

Коли після революції 1917 року повстало питання про відкриття на Україні українських університетів, він був в числі перших, що зі всім запалом і гарячністю підтримав цю ідею. І з свого боку висунув думку про відкриття такого унів-ту в Кам'янці.

Треба по справедливості признати, що власне, найбільше завдяки заходам і клопотанням К. Г. Солухи в Кам'янці був відкритий український університет—тепер ІНО. У нього ще залишилась мрія про відкриття при унів-ті медичного факультету.

Весь час Костянтин Григорович працював як університетський лікар. За його великі послуги перед університетом була навіть думка обрати його за професора *honoris causa*, але бурхливі громадсько-політичні події, а потім смерть його усунули здійснення цього проєкту.

Не існувало більш менш поважної культурної чи спеціальної лікарської роботи чи установи, щоби так або інакше не був до неї причасний Кост. Григорович. В 1907 р. він приймає найбільшу участь в організації ліберальної газети, на підтримку якої чимало витрачав власних коштів. З відкриттям у Кам'янці фельдшерської школи він стає там викладачем. Бере активну участь в організації Укр. Червоного Хреста. В 1919 році був за викладача курсів сестер-жалібниць. Брав також активну участь в Кам'ян. Всеукраїнській Спілці Лікарів і т. ін.¹⁾

І все це робилося з енергією і любов'ю, що рідко знаходимо в людях такого віку; з ранку до пізна в різних кінцях міста можна було бачити всіма знану і любиму постать «с походкой юноши и головой апостола».²⁾

Та останні революційні події, що особливо бурхливо проходили на Поділлі, потім голод, а разом і епідемії розхитали його здоров'я. на посту лікаря він захворів плямистим тифом і не зважаючи на всі заходи його друзів-лікарів—врятувати його од смерті не вдалося.

Помер він 31 січня 1922 року.

¹⁾ Див. некролог: «Світлій пам'яті лікаря К. Г. Солухи» газета «Червона Правда» № 27 (127) 2 лютого 1925 р. Кам'ян.-Подільськ.

²⁾ З промови одного з колег, що була виголошена на урочистих річних зборах подільських лікарів, присвячених пам'яті К. Г. Солухи.

SOMMAIRE

	Pages.
La langue ukrainienne devant l'Académie de Science Russe en 1805, par <i>Th. Sautchenko</i>	3
La mobilisation de la noblesse au gouv. Poltava en 1812, par <i>P. Klepatsky</i>	6
G. Kvitka et P. Pletnev (Lettres de G. F. Kvitka à P. A. Pletnev en 1839—1843), par <i>J. Eisenstock</i>	22
La correspondance de J. Holovatsky et de J. Bodiatsky (1843—1876), par <i>T. Sautchenko</i>	121
Sur l'histoire des mouvements sociaux vers 1860 (Mémoires de A. L. Chimanov), par <i>M. Hnip</i>	170
Les relations entre Kiev et la Galicie vers 1870 (d'après le journal de G. P. Galagan), par <i>A. Stepovytch</i>	180
Notes pour une biographie de S. Podolynsky, par <i>S. Bouda</i>	192
La société ukrainienne „Hromada“ à Kiev vers 1870, par <i>A. Nasarevsky</i>	208
Le procès des révolutionnaires de Kiev 1879 (D. Lysogoub et la tra- hison de V. Dryga)	213
Notes pour l'histoire du théâtre en Ukraine (Lettre des artistes et hom- mes de lettres ukrainiens à A. N. Pypine), par <i>N. Buchbinder</i>	233
A. Tarkovsky et son „Esquisse d'histoire du mouvement révolutionnaire à Elisavetgrad vers 1880“, par <i>A. Touloub</i>	234
V. Borjkovsky (Matériaux à l'histoire de son activité culturelle et poli- tique), par <i>S. Kosoub</i>	244
Les publications du „Zemstwo“ de Poltava et B. Hrintchenko vers 1890, par <i>D. Hrakhovetsky</i>	252
L'inauguration du monument de Kotlarevsky, par <i>J. Tsyhanenko</i>	262
Quelques moments de la vie de Olga Franko, par <i>A. Trehoubova</i>	264
Le vingtième anniversaire du „Kobzar“ édité par Domanitsky (La correspondance de V. Domanitsky et J. Franco en 1903—1908), par <i>M. Vozniak</i>	272
Le mouvement ukrainien en Podolie (à la mémoire du Dr. Soloukha), par <i>V. Herasymenko</i>	305

З М І С Т

	Стор.
Українська мова перед Рос. Академією Наук у 1805 р. подав <i>Федір Савченко</i>	3
Дворянське земське ополчення („Козаки“) 1812 р. на Полтавщині, подав <i>Павло Клепацький</i>	6
Г. Ф. Квітка і П. О. Плетньов (листи Г. Ф. Квітки до П. О. Плетньова в 1839—1843 рр.), подав <i>Ієремія Айзеншток</i>	22
Листування Я. Головацького з О. Бодянським (1843—1876), подав <i>Федір Савченко</i>	121
До історії громадського руху 1860 р. (записка А. Л. Шиманова), подав <i>Михайло Гніп</i>	170
До київо-галицьких зв'язків початку 1870-х рр. (з щоденників Г. П. Галагана), подав <i>Андроник Степович</i>	183
До біографії С. А. Подолинського, подав <i>Серій Буда</i>	192
До історії київської Громади 1870-х років, подав <i>Олександр Назаревський</i>	208
До процесу київських народовольців 1879 р. (Дмитро Лизогуб і зрада В. Дриги), подав <i>Борис Шевелів</i>	213
До історії українського театра (лист українських діячів до О. М. Пипіна), подав <i>Наум Бухбіндер</i>	233
Олександр Тарковський та його „Начерк історії революційного руху в м. Єлизаветі в 1880-х роках“, подав <i>Олександр Тулуб</i>	234
Валеріян Боржковський (матеріяли до його політичної та громадської діяльності), подав <i>Серій Козуб</i>	244
З видавничої діяльності Б. Гринченка та полтавського губ. земства в 1890 рр., подав <i>Дмитро Граховецький</i>	252
До історії відкриття пам'ятника Котляревському, подав <i>Юрій Циганенко</i>	262
Дещо з життя Ольги Франкової, подала <i>Антонина Трегубова</i>	264
З приводу двадцятиліття „Кобзаря“ в редакції В. Доманицького (листування В. Доманицького з І. Франком в 1903—1908 рр.), подав <i>Михайло Возняк</i>	272
З українського громадського руху на Поділлі (Пам'яті д-ра К, Г Солухи), подав <i>Володимир Герасименко</i>	305

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ

ДРУКУЄТЬСЯ ТОМУ ІХ, ДРУГА ПОЛОВИНА,

ІСТОРІЇ УКРАЇНИ-РУСИ

(Хмельниччина рр. 1654—1657).

акад. **МИХАЙЛА ГРУШЕВСЬКОГО.**

ВИЙШОВ З ДРУКУ ТОМ ІІІ

СТУДІЙ З ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

(Орган Науково-Дослідчої Катедри Історії України)

ВИЙШОВ З ДРУКУ

ЗБІРНИК ЗАХОДОЗНАВСТВА

на пошану академіка **МИХАЙЛА СЕРГІЄВИЧА ГРУШЕВСЬКОГО**

за редакцією проф. **Є. Тимченка і Ф. Савченка.**

Ціна 1 карб. 30 коп.

ВИЙШОВ З ДРУКУ

НАУКОВИЙ ЗБІРНИК

за рік 1929

Видання Історичної Секції Всеукраїнської Академії Наук.

Ціна 2 карб. 25 коп.

ДРУКУЄТЬСЯ І НЕЗАБАРОМ ВИЙДЕ В СВІТ

ЗА СТО ЛІТ

кн. VI

В книзі містяться між інш. такі статті: *В. Данилова*,— Два невідомі українські автори. *Ф. Савченка*,— Кілька нових відомостей про ненадруковану історію України Олексі Мартоса. *М. Гніпа*,— До біографії І. П. Котляревського. *Б. Шевелева*,— „Чумаки“ *Ф. Галузенка* та справжній автор цієї поеми. *І. Айзенштока*,— Листи Костомарова до Краєвського.

ДРУКУЮТЬСЯ

УКРАЇНСЬКІ НАРОДНІ ДУМИ

т. II Корпусу.

ДРУКУЄТЬСЯ ЗБІРНИК

ЕТНОГРАФІЧНІ ПИСАННЯ КОСТОМАРОВА

ВИЙШЛО З ДРУКУ:

ПЕРВІСНЕ ГРОМАДЯНСТВО

ТА ЙОГО ПЕРЕЖИТКИ НА УКРАЇНІ,

річника 1929 вип. I.

Ціна 1 карб. 85 коп.

Ціна 4 крб. (Р)

M 1756

-5